ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1803 г. 24/I 1903 г.

Подъ общей редакціей помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1803 г.—1812 г.

СОСТАВИЛЪ

Ю. Ѳ. Крачковскій.

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собств. домъ.

1905.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНІЯ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1803 г. — 24/I — 1903 г.

Подъ общей редакціей помощника попечителя Виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго.

Въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

за первый періодъ его существованія.

1803 г.—1832 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1803 г.—1824 г.

Составилъ Ю. Ѳ. Крачковскій.

Печатано по распоряженію Г. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа
тайн. сов. **В. А. Попова.**

ВИЛЬНА.
Типографія **А. Г. Сыркина,** Большая ул., соб. д., № 88.
1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду исполняющейся 24 января 1903 года сотой годовщины существованія, на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 24 января 1803 года объ учрежденіи учебныхъ округовъ, Виленскаго учебнаго округа, попечителемъ его признано необходимымъ составить историческій обзоръ дѣятельности управленія этого, выдающагося по судьбамъ и ходу школьнаго дѣла, округа. Принимая во вниманіе, что главнѣйшая задача настоящей дѣятельности управленія округа заключается въ возможно полномъ цѣлесообразномъ удовлетвореніи просвѣтительныхъ потребностей всѣхъ слоевъ населенія губерній, входящихъ въ составъ округа, и, слѣдовательно, въ своевременномъ открытіи правильно поставленныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній и учрежденій (библіотекъ, музеевъ и пр.), попечитель находитъ возможнымъ признать правильнымъ историческій обзоръ

дѣятельности управленія округа лишь тотъ, который будетъ основанъ на фактическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи открытія и дальнѣйшей дѣятельности учебныхъ заведеній и учрежденій, входящихъ въ районъ округа. Въ виду этого еще 16 декабря 1900 г., за № 14444, предложено начальникамъ учебныхъ заведеній и учрежденій округа составить и представить къ декабрю 1901 года, въ рукописяхъ, историческія записки, со внесеніемъ въ нихъ всѣхъ важнѣйшихъ данныхъ, указанныхъ въ предложеніи, подробно и достаточно исчерпывающихъ исторію существованія школы или учрежденія.

Въ настоящее время значительное большинство учебныхъ заведеній и учрежденій округа уже представило обстоятельно и точно составленные историческіе очерки своего существованія, а нѣкоторая часть этихъ очерковъ уже напечатана или печатается *).

Несомнѣно эти историческія записки много послужатъ для того, чтобы составляемый историческій

---

*) Напечатаны исторіи: 1) Гродненской гимназіи, 2) Гомельской гимназіи, 3) Гомельской женской гимназіи, 4) Могилевскаго реальнаго училища, 5) Полоцкой учительской семинаріи и 6) Виленскаго центральнаго архива.

Печатаются исторіи: 1) Слуцкой гимназіи, 2) Шавельской гимназіи, 3) Виленскаго реальнаго училища, 4) Минскаго реальнаго училища и 5) Молодечнеской учительской семинаріи.

обзоръ дѣятельности Виленскаго учебнаго округа заключалъ въ себѣ не исторію только предначертаній, мѣропріятій, уставовъ и открытій учебныхъ заведеній, а и исторію развитія и жизни и самыхъ учебныхъ заведеній и хода дѣла распространенія просвѣщенія въ районѣ губерній, входящихъ въ составъ этого округа.

Для составленія историческаго обзора дѣятельности Виленскаго учебнаго округа образована особая комиссія, работающая при руководственномъ наблюденіи попечителя. Предложеніемъ 26 октября 1901 г., за № 12134, на имя помощника попечителя округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣлецкаго, назначена особая комиссія для составленія историческаго обзора дѣятельности управленія Виленскаго учебнаго округа. Въ составъ комиссіи вошли:

Предсѣдатель: д. ст. сов. Бѣлецкій.

Члены: 1) Преподаватель Виленскаго маріинскаго высшаго женскаго училища Громачевскій.

2) Преподаватель Виленскаго городского учительскаго института Монблановъ.

3) Правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Каменецкій.

4) Столоначальникъ той же канцеляріи Смирновъ.

5) Учитель приготовительнаго класса Виленской 2-й гимназіи Кондратьевъ.

Предложеніемъ 5 декабря 1901 г., за № 14040, назначенъ въ составъ комиссіи новый членъ: предсѣдатель временной комиссіи по устройству и управленію Виленской публичной библіотеки и музея, д. ст. сов. Крачковскій.

Комиссія по составленію историческаго обзора дѣятельности управленія учебнаго округа разсмотрѣла и разсматриваетъ массу матеріаловъ, заключающихся въ архивѣ округа и по другимъ мѣстамъ.

Разработка матеріаловъ распредѣляется между членами комиссіи въ настоящее время такъ:

Г. предсѣдатель взялъ на себя трудъ составленія историческаго очерка Бѣлорусскаго учебнаго округа.

Г. Громачевскій разработываетъ исторію дѣятельности управленія округа по женскому образованію.

Г. Монблановъ—очеркъ исторіи управленія Виленскаго учебнаго округа съ 1824 по 1832 г.

Г. Кондратьевъ—очеркъ дѣятельности управленія округа по устройству приходскихъ училищъ.

Г. Смирновъ разработываетъ вопросъ о фундушевыхъ капиталахъ управленія округа.

Г. Крачковскій разработалъ исторію учебнаго округа до увольненія въ отставку Чарторыйскаго.

Такъ какъ при разработкѣ дѣлъ архива Виленскаго учебнаго округа, въ немъ не оказалось нѣкоторыхъ дѣлъ и документовъ, существенно необходимыхъ для составленія обстоятельнаго историческаго очерка, то, согласно представленію г. попечителя округа и съ разрѣшенія министерства отъ 26 марта 1902 г., за № 8561, предсѣдатель комиссіи, д. ст. сов. Бѣлецкій, во время командировки его въ С.-Петербургъ въ комиссію по начальному образованію, ознакомился съ этими дѣлами и документами въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Относительно содержанія и распредѣленія матеріала составляемаго историческаго обзора дѣятельности Виленскаго учебнаго округа необходимо замѣтить слѣдующее. Исторіи собственно округа, начавшаго свою жизнь, въ силу закона, съ 24 января 1803 года, явилось необходимымъ предпослать подробный очеркъ возникновенія въ Варшавѣ въ 1773 г.,

по мысли подканцлера Хрептовича, извѣстной эдукаціонной комиссіи, постановленія и идеи коей положены въ основу устава, а затѣмъ и дѣятельности Виленскаго учебнаго округа, дѣятельности, широко и многосторонне развившейся при князѣ Чарторыйскомъ въ примѣненіи въ западно-русскомъ краѣ. Собственно исторія дѣятельности Виленскаго учебнаго округа въ первую четверть прожитаго имъ столѣтія является исторіею многоразличнаго примѣненія оснований, выработанныхъ эдукаціонною комиссіею, ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ восьми губерній — Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Волынской и Подольской. Слѣдуетъ сказать болѣе: сама эдукаціонная комиссія не имѣла бы исторіи въ практическомъ значеніи или имѣла бы исторію ничтожную, если бы не было примѣненій ея основъ въ учебно-воспитательной системѣ заведеній Виленскаго учебнаго округа. Должно съ убѣжденіемъ сказать, что прочные слѣды періода примѣненія и исполненія основъ, выработанныхъ эдукаціонною варшавскою комиссіею, легшихъ основами и уставовъ Виленскаго округа и бывшаго университета, замѣчательно долго отражались на характерѣ воспитанія и обученія въ заведеніяхъ этого округа, на

строѣ ихъ. Этимъ объясняется необходимость изложенія въ началѣ исторіи дѣятельности Виленскаго учебнаго округа историческаго очерка эдукаціонной комиссіи, ея задачъ, стремленій и силъ до 1803 г.

Существеннѣйшимъ источникомъ для составленія предлагаемаго историческаго обзора дѣятельности управленія округа за время по 1807 годъ включительно служатъ, безъ сомнѣнія, два тома—II и III-й, Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданныхъ Мин. Нар. Просв. въ 1897 и 1898 г.г., и точно также послужатъ для дальнѣйшихъ лѣтъ дальнѣйшіе ожидаемые томы этого драгоцѣннаго для исторіи просвѣщенія въ Россіи изданія.

Печатаемая I часть историческаго очерка дѣятельности Виленскаго учебнаго округа изложитъ весь первый періодъ его дѣятельности по 1832 г. включительно и издается подъ общею редакціею дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. В. Бѣлецкаго, какъ сказано выше, при руководящемъ наблюденіи за изданіемъ попечителя округа.

Попечитель Поповъ.

ВИЛЕНСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

1803—1824 г.

Учрежденіе Виленскаго Учебнаго Округа.

24 января 1803 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи учебныхъ округовъ, въ томъ числѣ и Виленскаго. Въ составъ Виленскаго учебнаго округа или „округа Виленскаго университета“ вошли вначалѣ губерніи: Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Волынская, Кіевская и Подольская. Тогда же товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Адаму Чарторыйскому Высочайше повелѣно быть попечителемъ или кураторомъ округа. (Сборн. постановленій по Мин. Нар. Пр. СПб. 1864 г. I. 21).

Всѣми училищами въ округѣ непосредственно завѣдывалъ университетъ и во всѣхъ случаяхъ, когда того требовали обстоятельства, дѣлалъ представленія по дѣламъ училищъ попечителю. 4 апрѣля 1803 года былъ изданъ Высочайшій „актъ утвержденія для Императорскаго университета въ Вильнѣ“. „Желая утвердить благоденствіе всѣхъ областей имперіи Нашей на просвѣщеніи народномъ, яко естественномъ основаніи онаго, Мы признали за истинное, говорится въ актѣ, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній, для воспитанія юношества, коихъ польза доказана многолѣтнимъ опытомъ; и потому заблагоразсудили симъ актомъ Нашимъ обезпечить навсегда существованіе древняго университета Виленскаго, основаннаго въ 1578 году, а въ 1781 г. возобновленнаго, сообразно настоящей степени познаній у просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы“...

Указавъ права, преимущества и матеріальное обезпеченіе университета, „Актъ“ въ заключеніе прибавляетъ: „Ожидая отъ сего храма наукъ полезнаго вліянія на просвѣщеніе народное („по образованію полезныхъ гражданъ для всѣхъ состояній и всѣхъ родовъ государственной службы“) и на благо всей имперіи, убѣждаемъ его начальство и членовъ ревностно содѣйствовать къ исполненію Нашихъ намѣреній и объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ сихъ областей (перечисленныхъ выше губерній), что въ истинную заслугу вмѣнено имъ будетъ вспомоществованіе сему университету“. (ibid. 37—44). 18 мая того же года изданъ „Уставъ или общія постановленія Императорскаго Виленскаго университета и училищъ его округа“. Этими постановленіями обнималась уже вся учебная и административная сторона дѣятельности какъ университета, такъ и подчиненныхъ ему училищъ, т. е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. (Сборн. постановлен. I. 37—64). Не перечисляемъ другихъ даже болѣе важныхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, которыхъ въ одномъ 1803 г. было около тридцати (ibid. 11—194 Ср. Дополненіе къ Сборн. постановл. 2—9). Такая усиленная дѣятельность Министерства вызывалась съ одной стороны „попеченіемъ объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества“, съ другой – большимъ спросомъ на „просвѣщеніе“ и начинавшимъ установляться на него высокимъ взглядомъ. Въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ родахъ государственной службы жизнь предъявляла требованія полезныхъ, разумныхъ гражданъ и преданныхъ слугъ: отечество нуждалось въ доблестныхъ сынахъ.

Чтобы правильнѣе и яснѣе понять историческій ходъ развитія учебнаго дѣла въ Виленскомъ округѣ и судьбы его въ ближайшія два десятилѣтія существованія округа, бросимъ бѣглый взглядъ на духовное настроеніе и направленіе польскихъ руководящихъ сферъ въ нашихъ западныхъ окраинахъ, возвращенныхъ Россіи Императрицей Екатериною II, въ эпоху ближайшую ко времени учрежденія округа.

I.

Раздѣлы Польши вызываютъ среди поляковъ сожалѣніе объ утраченномъ отечествѣ. Они задумываются надъ возстановленіемъ отчизны и единственное средство къ этому видятъ въ сохраненіи языка и развитіи національнаго просвѣщенія. Польское масонство. Эдукаціонная комиссія.

1772 годъ—годъ перваго раздѣла Польши. Это событіе сильно потрясло политическій организмъ польскаго государства. Всѣ благомыслящіе поляки стали доискиваться причины столь пагубнаго явленія. „Присмотрись только и разсуди, говорится въ одномъ обращеніи къ польскому народу въ 1775 году: есть ли совѣщаніе въ сеймахъ? есть ли справедливость въ судахъ? какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благодѣтельныхъ установленій. Вмѣсто свободы своеволіе; благородство ограничено однимъ почетнымъ именемъ; добродѣтель и заслуга не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска; народъ—не пользуется уваженіемъ; отечество—безъ сыновъ; собственность—не свободна и необезпечена; обширныя поля—не обработаны; самая культура земли не сопровождается необходимо пропорціональными затратами; обширныя провинціи—безъ населенія. Гдѣ же источникъ такого паденія, такого несчастья? Вѣдь слѣдствіе должно имѣть свои причины, безъ сѣмени плода не бываетъ. Если станешь постепенно и вѣрно итти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ эти потери и страшныя послѣдствія произошли отъ пороковъ въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго управленія“. „Что преимущественно служитъ источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Достойный сожалѣнія народъ! Ты согрѣшилъ устройствомъ дурного управленія, ты и терпѣлъ отъ него; установленіемъ надлежащаго правительства ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счаст-

ливымъ. Къ этому ничто не приведетъ тебя такъ вѣрно и успѣшно, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе“... (O rozporządzeniu y wydoskonaleniu edukacij obywatelskiey. Projekt przeswietney kommissij edukacij narodowey podany. Warszawa 1775 r. Przemowa do całego narodu... страницы не обозначены).

Сильное впечатлѣніе производила рѣчь Выбицкаго, назначеннаго эдукаціонною комиссіею визитаторомъ въ Виленскую главную школу. „Печальный видъ въ настоящемъ должно представлять для васъ отечество, говорилъ въ 1777 году Выбицкій профессорамъ и студентамъ главной школы; въ будущемъ рисуйте ея образъ еще въ болѣе печальномъ положеніи, если современное воспитаніе ваше не искоренитъ гнѣздящихся предразсудковъ, если оно не просвѣтитъ невѣжества, если во всѣхъ сердцахъ не заронитъ искры любви къ общественному благу. Въ такомъ случаѣ, у отечества внутри не будетъ мудрыхъ и достойныхъ управителей, извнѣ, за недостаткомъ мужественныхъ и дѣльныхъ вождей, некому будетъ охранять ея внѣшнюю безопасность. Оставалось бы только племя ящерицъ, которыя истачивали бы внутренности своей матери; повсюду загнѣздились бы привидѣнія низкихъ душъ, которыя съ великою готовностію желали бы продать свое отечество. Край долженъ былъ бы исчезнуть, и развѣ только въ пѣсняхъ сохранилась бы память о Польшѣ“. „Свою рѣчь къ вамъ, высокопочтенные сограждане достойная молодежь, я основываю не на пустыхъ и громкихъ и словахъ. Она имѣетъ за собою необоримую истину. Вѣдь вы, которые въ настоящую пору носите названіе Виленскихъ академиковъ, съ теченіемъ времени займете важныя мѣста сенаторовъ, пословъ, судей, владѣльцевъ имѣній. Вѣдь васъ же ваше происхожденіе предназначаетъ на различныя должности въ краѣ, и потому отъ вашего образа мыслей, отъ вашихъ совѣтовъ и установленій зависитъ счастіе и спокойствіе народа. Если изъ академіи воротитесь въ ваши дома съ тѣмъ ядомъ предразсудковъ, который отравилъ ваше дѣтство; если вы будете упорствовать въ томъ грубомъ невѣжествѣ, которое окружало вашу молодость; вашъ домъ тогда содѣлается пріютомъ горькихъ бѣдъ и несогласій, будутъ размножаться примѣры деморализаціи, вашъ невинный сосѣдъ будетъ дрожать за свою собственность. Ваши канцеляріи будутъ мѣстомъ

сутяжничества и всякихъ увертокъ. Засѣданія явятся профессіей порчи и разныхъ фальсификацій, а судебные приговоры окажутся написанными невинною кровію и слезами сиротъ. Сеймики станутъ мѣстомъ, гдѣ будутъ выковываться интриги и заговоры. Всякія собранія и сеймы содѣлаются как бы умышленными сходками на погибель отечества. Еле-еле тлѣющій свѣточъ религіи совершенно потухнетъ, и зараза окончательно охватитъ сохранившіеся еще добрые обычаи. Неумѣренная роскошь окончательно поглотитъ остатки богатства края. Съ корнемъ исчезнетъ ослабѣвшая справедливость, а пошлая развязность и своеволіе, неосновательно назвавшись именемъ гражданской свободы, притупятъ малѣйшее сознаніе человѣчности. Наша анархія, неосновательно названная политическимъ порядкомъ, будетъ зажигать все большіе и большіе пожары революцій и внутреннихъ замѣшательствъ, увеличитъ внутреннюю слабость и презрѣніе къ намъ, и остальнымъ провинціямъ придется только выжидать перваго встрѣчнаго, который овладѣетъ ими". „Наоборотъ, достойнѣйшая молодежь, какъ могутъ не вернуться счастливыя для Польши времена, если только въ васъ найдется столько старательности и желанія быть хорошими обывателями, сколько для этой цѣли положено трудовъ со стороны пресвѣтлой эдукаціонной комиссіи, сколько неріятностей для этого переносятъ ваши учители? Будучи добродѣтельными, вы исполните обязанности человѣка и гражданина. Просвѣщеніе дастъ вамъ возможность разглядѣть истинные интересы края. Воспламененные мужествомъ патріотизма, вы никогда не позволите себѣ унизиться или бѣжать передъ насиліемъ, если только вопросъ будетъ касаться блага отечества. Желая и умѣя спасать народъ, вы будете искать источниковъ его несчастій и зло предупредите въ самомъ началѣ. Никакая новизна никогда не вызоветъ въ васъ отчаянія, равно и къ старинѣ вы не будете привязываться слѣпо; въ томъ и другомъ случаѣ суду вашему будутъ подлежать существо дѣлаего польза или вредъ для края. И каждый разъ, если которая нибудь отрасль управленія, права или обычаи будутъ служить помѣхою для развитія въ государствѣ народонаселенія, промысловъ, торговли, богатства, порядка и пріобрѣтенія уваженія сосѣдей, такія, говорю, препятствія вы поспѣшите уничтожить разумно и съ достойнымъ мужествомъ"…. (Dawna Akademja

Wilenska — Balinski — 524, 525). Подобныя приведеннымъ мысли находятся во множествѣ и въ другихъ многочисленныхъ источникахъ того времени *).

Отовсюду, казалось, слышится только одинъ общій голосъ, требующій просвѣщенія, просвѣщенія и просвѣщенія для исцѣленія отъ всѣхъ золъ. Локкъ, Кондильякъ, Гельвецій, Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, масоны — всѣ воспѣвали одинъ хвалебный гимнъ просвѣщенію. Даже Ватиканъ какъ будто вторилъ этому общему хору, и уничтоженіе ордена іезуитовъ многими и среди поляковъ принято было за побѣду свѣта надъ тьмою, высокой идеи надъ низменными инстинктами. (Ср. O Masonij w Polsce—Ks. Stan. Załęski — Krakow — 1889 г. 183—186). При дворѣ и по всему польскому государству образовались партіи, которыя готовы были порвать всѣ традиціи съ прошлымъ и на новыхъ основахъ просвѣщенія создать какъ бы новое небо и новую землю. Папскій нунцій въ Варшавѣ доносилъ въ Римъ въ 1770 году: „слишкомъ обманулся бы тотъ, кто въ настоящее время сталъ искать такихъ поляковъ, какіе были лѣтъ тридцать тому назадъ. Самая благородная часть магнатовъ опустилась на самую низкую ступень нравственной порчи и уже открыто объявляетъ себя сторонникомъ англиканскаго ученія. Свѣтское духовенство только и думаетъ о томъ, какъ бы разбогатѣть на счетъ костельныхъ имѣній, и чтобы заполучить ихъ, униженно бьетъ челомъ нынѣшней системѣ, безъ малѣйшаго укора совѣсти. Дворъ не желаетъ имѣть въ Польшѣ никакихъ другихъ орденовъ кромѣ піаровъ, миссіонеровъ Св. Викентія а Paulo, и, на самый худшій конецъ, іезуитовъ... Не могу представить лучшихъ доказательствъ (такого плачевнаго состоянія края), какъ привести слова, которыя я слышалъ изъ устъ самого

*) Укажемъ нѣкоторыя: 1) Sposob edukacij w XV listach opisany, które do kommissij edukacij narodowey przesłane. 1775 г. 2) Edukacya obywatelska. Warszawa 1774 г. 3) O uszczęśliwieniu narodow—Puscheta—Warszawa—1788 г. 4) Wychowanie ciała i duszy dzieci—Krakow—1790 г. 5) Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego, kanclerza i hetmana w kor. do dzisieyszego stanu rzeczy pospolitey przystosowane—безъ означенія автора, мѣста и времени печати. Авторомъ этого произведенія считается польскій писатель Сташицъ.—1785 г. См. Bentkowski—Historya literatury polskiey—Warszawa 1814 г. t. II. 59—64. Ср. Łukaszewicz—Historya szkoł w koronie i w. x. Litewskim. Poznań. 1850 г. t. II. 479—489. Видимо педагогическій характеръ указанныхъ сочиненій имѣлъ и политическій оттѣнокъ.

короля: „монахи (ордена) портятъ и фанатизируютъ всю Польшу, и потому она, (какъ государство), можетъ занять въ мірѣ подобающее ей положеніе только тогда, когда изъ ея предѣловъ будутъ изгнаны всѣ монашескіе каптуры (каптуръ— головной уборъ монашествующихъ; потому иначе ихъ называли еще просто „каптурниками“); для насъ, поляковъ, будетъ совершенно достаточно піаровъ, миссіонеровъ, а на худшій конецъ и іезуитовъ, чтобы воспитать молодежь безъ всякихъ предразсудковъ“... (Theiner—Pontificat. Clemens der XIII und XIV I. 433, 434. Ср. O masonij w Polsce. 66).

Въ такой государственной реформѣ особенно видное участіе стали принимать масоны, ложи которыхъ широко начали распространяться въ это время въ польскомъ государствѣ. Описывая торжество „великой польской ложи“ (масонской) происходившее 24 іюня 1770 г.*) упомянутый выше нунцій доноситъ въ Римъ: Епископъ познанскій Млодзѣевскій болѣе и болѣе начинаетъ обнаруживать свои пріемы (уживаться съ обстоятельствами). Какъ епископъ варшавскій и великій коронный канцлеръ, онъ обязанъ былъ воспрепятствовать неслыханному еще и чрезвычайному скандалу, который имѣлъ мѣсто въ этомъ Вавилонѣ (Варшавѣ) 24 іюня, въ праздникъ св. Іоанна Крестителя. Въ этотъ день, въ домѣ гр. Мошинскаго, великаго короннаго стольника, собрались всѣ присутствовавшіе въ Варшавѣ масоны. Отсюда они отправились въ выстроенную гр. Мошинскимъ ложу, въ срединѣ которой былъ поставленъ фантастическій алтарь съ надписью: Virtuti, Sapientiae et Silentiae sacrum.**) Обойщикъ передавалъ, продолжаетъ нунцій, что первый входъ ему велѣно было обить въ черный цвѣтъ, но не дозволено заглянуть внутрь ложи. Сама постройка имѣетъ окна наподобіе того, какъ они дѣлаются въ нашихъ костелахъ, и по польскому обычаю обнесена заборомъ, который достаточно густо завѣшенъ

*) 24-ое іюня былъ главный праздникъ масоновъ. Празднованіе связывалось не съ именемъ св. Іоанна Крестителя, а съ тѣмъ естественнымъ явленіемъ, что солнце въ это время болѣе всего сіяетъ на горизонтѣ и слѣдовательно болѣе всего оживляетъ землю, и природа находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ. См. o masonij w Polsce. 103.

**) Святилище добродѣтели, мудрости и молчанія—т. е. строгаго храненія въ тайнѣ орденскихъ секретовъ: одно изъ обязательствъ каждаго брата —масона.

краснымъ сукномъ, чтобы черезъ щели любопытные не могли видѣть церемоній посвященія (въ орденъ). Внѣшнее и внутреннее освѣщеніе, котораго скрыть не было возможности, производило такое сильное впечатлѣніе, что весь городъ пришелъ въ движеніе. Насчитано въ этотъ день около 150 особъ, прибывшихъ сюда въ собственныхъ экипажахъ; многіе поприходили пѣшкомъ. Въ числѣ присутствующихъ оказалось два переодѣтыхъ монаха и двѣ дамы первыхъ фамилій. Когда имъ указывали нѣкоторыя неудобства (ихъ появленія), одна изъ нихъ, княгиня Любомирская, жена великаго короннаго маршалка и сестра короля, отвѣтила, что она нарочно недавно вписалась въ ложу англійскихъ масонокъ и рѣшительно недоумѣваетъ, почему бы не могла быть масонкою въ Польшѣ, ея отечествѣ. Не сумѣли дать ей надлежащій отвѣтъ. Объ этомъ говоритъ вся Варшава. Отсутствіе стыда у нихъ такъ велико, что публично похваляются этимъ и говорятъ, что было бы сумасшествіемъ укрываться съ своимъ масонствомъ, какъ дѣлаютъ это въ другихъ краяхъ. И вотъ они ничтожные свои символы (орденскіе), украшенные золотомъ и алмазами, публично носятъ на шеѣ, рядомъ съ орденомъ св. Станислава. Общая молва гласитъ, что на устройство ужина король выдалъ двѣ тысячи золотыхъ, что примасъ Польши, епископъ Подосскій, не только одолжилъ на эту вечеринку свое столовое серебро, но какъ „добрый братъ" (общее названіе масоновъ) самъ, хотя инкогнито, принималъ въ ней участіе. Когда епископа Млодзѣевскаго упрашивали, чтобы тотъ предупредилъ соблазнъ, онъ отвѣтилъ, что у него и безъ того много всякой иной работы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ онъ противодѣйствовать тому, что исходило отъ короля, примаса, всей фамиліи Понятовскихъ, знатнѣйшихъ русскихъ и вообще отъ всей русской партіи; впрочемъ, онъ тутъ же признался, что и онъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживалъ это дѣло". (Theiner. I, 463. O masonii. 78).

Масонство, такимъ образомъ, съ конца XVIII вѣка сильно начало распространяться въ Польшѣ. Въ него вступали по преимуществу люди вліятельные, сановники, чиновники, богатые помѣщики, землевладѣльцы, военные, директора различныхъ учрежденій, купцы, писатели, ученые, редакторы различныхъ повременныхъ изданій. Масонство считало въ своихъ

ложахъ короля Станислава Августа, Радзивилловъ, Потоцкихъ, Чарторыйскихъ, Матусевича, Мошинскаго, Нѣмцевича. Солтыка, Сапѣгу, Малаховскаго, Піатоли, Красинскаго, многихъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, а также и многихъ дамъ высшаго круга. (См. O Masonij w Polsce. 58, 130 и др.) Всѣ масоны, руководствуясь воззрѣніями энциклопедистовъ и современныхъ философовъ, главною своею обязанностію считали утвержденіе и возможно широкое распространеніе просвѣщенія. Изъ-за этого они вступили въ борьбу съ различными якобы предразсудками, религіозными. историческими—бытовыми, съ устарѣвшими правами, привилегіями. Просвѣщеніе. казалось имъ, основанное на „правѣ натуры", по системѣ Руссо и др. философовъ, должно возвратить человѣчеству потерянный золотой вѣкъ.

Принимая за исходную точку для обоснованія мѣръ къ возостановленію погубленнаго изученіе обстоятельствъ, современныхъ паденію Польскаго королевства, призадумываясь надъ спасеніемъ погибающаго отечества послѣ перваго его раздѣла, всѣ, какъ мы видѣли, очень легко могли притти къ убѣжденію, что главною причиною золъ, постигшихъ Польшу, была прежняя система воспитанія, что необходимо реформировать школу, изгнавши изъ нея прежде всего іезуитское образованіе, іезуитское устройство. Кружокъ піаровъ, близко знакомый съ французскимъ направленіемъ мыслей, имѣя для себя предшественника въ лицѣ своего сочлена Конарскаго, дружно началъ работать въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распространявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики, метафизики, „альваровскихъ" методовъ, толковалъ о *правѣ натуры* (особенно модный предметъ) и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія человѣка, составлялъ учебники. Въ это время признано было своевременнымъ изъять воспитаніе изъ рукъ частныхъ лицъ и обществъ, и государство, считавшее до сихъ поръ школу постороннимъ для себя дѣломъ, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, рѣшило взять ее въ исключительное свое завѣдываніе и въ основу всѣхъ государственныхъ преобразованій положить извѣстнаго направленія школьную систему. Тотъ же сеймъ, который утвердилъ „уступку" значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ:

учредить особую комиссію (эдукаціонную — министерство народнаго просвѣщенія) для завѣдыванія всѣми учебными заведеніями въ краѣ, *не исключая ни одного*. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ виленскій епископъ князь Игнатій Массальскій; членами ея состояли: плоцкій епископъ князь Понятовскій (дядя короля), гнѣзненскій воевода Сулковскій, подканцлеръ литовскій Іоакимъ Хребтовичъ, писарь литовскій Игнатій Потоцкій, князь Адамъ Чарторыйскій (генералъ), ординатъ Андрей Замойскій и староста копаницкій Понинскій. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывшіе за образованнѣйшихъ въ средѣ аристократовъ и за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши. (Сейчасъ мы увидимъ, что такое понятіе было очень ошибочно относительно Массальскаго, Сулковскаго и Понинскаго...).

Изъ среды названныхъ членовъ эдукаціонной комиссіи наиболѣе выдѣлялся своими трудами на ея пользу 24-лѣтній Игнатій Потоцкій. Болѣзненный, хилый, говоритъ Е. Крыжановскій, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви. Но домашній учитель его, экс-іезуитъ Григорій Пирамовичъ, отклонилъ Потоцкаго отъ такого намѣренія и убѣдилъ его посвятить себя покровительственному служенію наукѣ и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ начинаній и важнѣйшихъ трудовъ комиссіи. Историкъ Лукашевичъ считаетъ его душею всей дѣятельности комиссіи *). Въ дѣйствительности же душею комиссіи и самого Потоцкаго былъ ея секретарь, названный уже нами Пирамовичъ, принадлежавшій къ новой религіозной школѣ, которая старалась примирить христіанство съ философіей Локка и Кондильяка и которая во многихъ положеніяхъ совершенно сходилась съ масонствомъ. **).

---

*) Historya szkół w koronie i w x. Litewskim, II. 257. Игнатій Потоцкій считается воскресителемъ польскаго масонства (1783 г.); будучи его великимъ магистромъ, онъ привелъ масонство до высшей степени его развитія, и поляки ставятъ ему въ заслугу глубокое насажденіе и широкое распространеніе въ отечествѣ просвѣщенія... (O Masonii w Polsce. 79, 93, 164).

**) Wolnosc i Rownoć, one przenajswiętsze dary
Boga natury, nasze istotne przedmioty.
Despotyczna Bellona skazuje na mary;

Преданный до энтузіазма дѣлу возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстраго созданія „новыхъ людей“, необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ, говоритъ Е. Крыжановскій, постоянно стоялъ за спиною своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ, чтобы тотъ дѣйствовалъ въ аристократическихъ сферахъ въ пользу всѣхъ проектовъ комиссіи, авторомъ которыхъ по преимуществу былъ онъ самъ (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 272) *). Занявшись разработкою уставовъ и подробныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи, комиссія на первыхъ порахъ, не установляя сразу какого-нибудь общаго регламента, издала для облегченія учащихъ и учащихся проектъ „наставленія для ректоровъ, префекта, директоровъ школъ воеводскихъ и приходскихъ“ и проектъ „устава академій и другихъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой“. Въ нихъ опредѣлялись общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Съ 178½ учебнаго года ученіе во всѣхъ школахъ должно было начаться по новымъ уже планамъ. Хотя эти проекты были временные, но послѣдній, составленный Пирамовичемъ, основывался уже на данныхъ, добытыхъ на мѣстѣ каждаго школьнаго района.

Вѣрная своимъ задачамъ комиссія прежде всего старалась познакомиться на мѣстѣ съ дѣйствительнымъ состояніемъ школъ въ государствѣ. Для этого нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ и сотрудниковъ она командировала въ различныя провинціи. Въ 1777 году Чарторыйскій (отецъ б. попечителя) осмотрѣлъ всѣ

Piérwosza już nie istnieje, druga dla hołoty.
O, najdroższa Oswiato,
Czy masz że ty przyjsć na to,
Co zamyslają profany.
Gdy ciemnosci ogarną cztere części swiata,
Gdy wandalska pomroka oswiatę przemoże,
Wrócą się zamiast złotych ołowiane lata.
O, najdrozsza Oswiato (т. масонство) и проч...
O Masonii w Polsce. 184—185 Ср. 45.

*) Пирамовичъ родился во Львовѣ 1735 года, отъ русскихъ родителей. По окончаніи ученія у іезуитовъ, Пирамовичъ поступилъ въ ихъ орденъ, но скоро почувствовалъ глубокое къ нему отвращеніе. Онъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Онъ скончался въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника Каменецкаго. Ibid, примѣч. 1.

школы на Украйнѣ и Подоліи. Коллонтай-краковскій каноникъ—командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованіемъ академіи. Пирамовичъ осматривалъ школы на Подлѣсьѣ и въ Бѣлоруссіи. Доставленные визитаторами отчеты должны были послужить богатымъ матеріаломъ для составленія школьнаго устава. Образованная подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго особая комиссія изъ ректора Виленской академіи Почобута иКоллонтая—ректора Краковской академіи—должна была заняться разсмотрѣніемъ результатовъ произведенныхъ ревизій. „Въ теченіи шести недѣль ежедневно по нѣсколько часовъ, по словамъ Пирамовича, комиссія эта въ полномъ составѣ разсматривала всѣ подробности ревизій, исправила и пополнила первоначальный проектъ устава и свой трудъ представила въ эдукаціонную комиссію. По разсмотрѣніи его здѣсь въ общемъ полномъ засѣданіи, проектъ былъ одобренъ и напечатанъ въ 1783 году подъ заглавіемъ „Ustawy kommissij edukacij narodowey dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach rzeczy pospolitey przepisane (правила, предписанныя комиссіей народнаго образованія для академіи и всѣхъ школъ Рѣчи Посполитой). Съ этихъ поръ онъ становился уже обязательнымъ для всѣхъ школъ польскаго государства.

Одновременно съ этою работою, въ эдукаціонной комиссіи шла другая не менѣе серіозная. Явилась крайняя надобность въ различныхъ учебникахъ по различнымъ предметамъ на основаніи проектируемыхъ учебныхъ плановъ. Трудъ предстоялъ огромный, справедливо замѣчаетъ Е. Крыжановскій. Сразу замѣнить во всемъ составѣ преподаванія и занятій латинскій языкъ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той невѣроятной смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая господствовала въ то время во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологію и т. под.—все это требовало соединенія многихъ опытныхъ рукъ и продолжительной работы. Комиссія воспользовалось совѣтомъ піара Адольфа Каменскаго и учредила „общество для изданія учебниковъ“ (Towarzystwo elementarne или Towarzystwo do ksiąg elementarnych). Предсѣдателемъ этого общества былъ назначенъ Игнатія Потоцкій, секретаремъ — Пирамовичъ. Орденъ піаровъ далъ главный контингентъ членовъ для новаго общества, меж-

ду которыми особенно дѣятельными были Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ, Коллонтай и другіе. При серіозныхъ дарованіяхъ и необыкновенной энергіи, Коллонтай отличался между товарищами непоколебимою вѣрою въ возможность быстраго обновленія всего государственнаго строя посредствомъ реформы образованія. „Общество изданія учебниковъ“ торжественно было открыто 7 марта 1786 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь. Онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государства—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи.“ На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главныя основы и орудія школы и съ дѣломъ ихъ связывалъ все значеніе и духъ реформы. Съ этихъ поръ „общество изданія учебниковъ“ становится главнымъ дѣятелемъ по исполненію реформы. Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемые обществомъ, разсматривались въ эдукаціонной комиссіи и издаваемы были отъ ея имени. (См. Кіевск. Стар. 1882. I, 277—278) *).

Эдукаціонная комиссія значительно подняла, а мѣстами возбудила и проявила общественное польское національное настроеніе. Многіе въ Польшѣ стали нападать теперь на заграничное воспитаніе, на домашнее обученіе, при помощи исключительно гувернеровъ-иностранцевъ, требовали воспитанія для всѣхъ въ польскомъ духѣ, польскомъ направленіи. (Sposob edukacij w XV listach opisany. все сочиненіе. Dawna akademija Wilenska—Balinski. 524-526). Проектировались новыя каѳедры; задумывались надъ устройствомъ общественныхъ библіотекъ, разведеніемъ ботаническихъ огородовъ, усовершенствованіемъ медицинской части во всѣхъ широкихъ ея развѣтвленіяхъ. Въ будущемъ предполагалось устроить учительскія семинаріи. Народныя школы объявлены разсадниками не только науки, но и патріотизма гражданъ. Для простого

*) Игнатій Потоцкій, говорилъ Чацкій въ своей рѣчи 1805 г. въ Кременцѣ, руководилъ „Обществомъ изданія учебниковъ“ и имѣетъ вѣрнѣйшее право на славу, которую доставили ему эти книжки и закрѣпили за нимъ счастливыя измѣненія въ способѣ ученія“. Рѣчь помѣщена въ III т. Сборн. матеріаловъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи—CXIII. О Пирамовичѣ и Коллонтаѣ совершенно забыли...

народа настоятели костеловъ должны были открывать приходскія школы. Для привлеченія въ школы дѣтей лицъ высшихъ сословій думали распространить, съ легкой руки піара Конарскаго, особый родъ учебныхъ заведеній, подъ именемъ „Collegia nobilium“ (дворянскіе институты). Сама эдукаціонная комиссія ежегодно съ 1782 года стала посылать во всѣ подвѣдомыя ей училища довѣренныхъ лицъ—визитаторовъ, съ большими иногда полномочіями. Визитаторы должны были наблюсти, какъ примѣняются въ школахъ новые уставы и на мѣстѣ давать необходимыя разъясненія, дѣлать надлежащія указанія; обо всемъ видѣнномъ и замѣченномъ они представляли отчеты въ комиссію. (Roczniki towarzystwa Warszaw. przyaciol nauk—1803 r. t. II. 32-38. Hugona Kołłątaja Listy w przedmiotach naukowych Krakow—1844 r. t. II. 245 и дал.).

Въ рѣчи отъ 7 марта 1786 года Пирамовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки съ гордостію указываютъ на институтъ эдукаціонной комиссіи. Чацкій заявляетъ: „мы обязаны признать предъ потомствомъ, что во время съ 1775 по 1793 годъ мы испытали благодѣтельное вліяніе наукъ въ нашихъ законахъ, въ судопроизводствѣ, въ домашнемъ спокойствіи, въ хозяйствѣ и даже въ удобствахъ нашей жизни. Когда была учреждена эдукаціонная комиссія, Европа, ознакомившись съ ея постановленіями, признала все значеніе этого учрежденія. Дитя гражданина стало дитятею государства. Одного направленія учитель и одинаковыя книжки являлись одинаково обучающими и направляющими всю массу молодежи, такъ какъ духъ, почерпаемый въ одной школѣ, оживлялъ всѣхъ, которые учили, при существованіи одинаковыхъ правилъ къ образованію ума и сердца“ (Сборн. матер. III—CXII). Коллонтай говоритъ, что, благодаря эдукаціонной комиссіи, главныя школы въ Коронѣ и Литвѣ были наново устроены; общественное образованіе отдано было подъ управленіе академій; монашескія школы были возвращены подъ управленіе государственной власти, подъ ближайшій надзоръ главныхъ школъ. Всюду установился однообразный способъ воспитанія; всѣ учители черпали свое образованіе въ одной школѣ; народная молодежь училась по однѣмъ и тѣмъ же элементарнымъ книжкамъ. Значеніе такого установленія

стало при каждомъ случаѣ все яснѣе сказываться во всѣхъ классахъ обитателей этого края: распространялось просвѣщеніе, исправлялись обычаи, поднимался народный духъ, крѣпнулъ разумъ.... (Сборн. матер. III—XCII. Ср. XCI, XXI, XXXI..). *)

Поляки доселѣ выражаютъ твердое убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самаго ея существованія, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Конечно, это можно говорить, но данныхъ для подтвержденія не имѣ-

*) Замѣтимъ кстати, что Чацкій и Коллонтай были не искренны въ своихъ отзывахъ объ эдукаціонной комиссіи. Въ интимной перепискѣ между собою они отзывались о ней иначе: это мы увидимъ; для другихъ—и рѣчь о комиссіи была иная, хвалебная, *съ фальшивыми фактами.* Говоря объ „уставѣ для Виленскаго университета и школъ его округа“ (отъ 18 мая 1803 г.) Коллонтай въ письмѣ къ Чацкому отъ 30 августа 1803 г. замѣчаетъ: „на сколько я до сихъ поръ могъ видѣть, князь Адамъ Чарторыйскій и Стройновскій (участники въ составленіи названнаго выше устава) наибольшее почерпаютъ для себя утѣшеніе въ томъ, что въ неприкосновенности сохранили почти всю систему эдукаціонной комиссіи. Такая *чрезмѣрная привязанность къ народному институту не позволила имъ въ должной мѣрѣ* замѣтить нѣкоторые недостатки въ уставѣ названной комиссіи, которые она, конечно когда-нибудь поправила бы, если бы во главѣ ея управленія во-время стали лица съ большимъ опытомъ и болѣе внимательно ко всему относящіяся... (Сборн. матер. III—XXXIX,LX). И какихъ такихъ особыхъ благодѣяній можно было ждать отъ института съ неудовлетворительнымъ уставомъ и еще съ болѣе плохими исполнителями во главѣ. . „Вѣдь это она (эдукаціонная комиссія) извратила почти все, слышится какъ бы въ отвѣтъ отъ Снядецкаго Коллантаю на его заявленіе о хорошемъ устройствѣ эдукаціонною комиссіей академій Виленской и Краковской, что было въ нашей академіи хорошо заведеннаго, и извратила настолько, что если не наступитъ еще одна сильная реформа относительно трехъ сотъ тысячъ расходуемыхъ ежегодно, то большую половину ихъ можно считать растраченной и издержки употребленными во вредъ наукамъ и воспитанію. Непостоянство въ уставахъ, которое до сихъ поръ было всеобщей заразою и стало почти характеромъ польскаго правительства, никогда не можетъ дѣйствительно талантливыхъ людей привязать къ дѣлу воспитанія... (Сборн. матер. III—XXXII). Самъ Коллонтай замѣчаетъ относительно обѣихъ академій—Виленской и Краковской: „Главная Виленская школа никогда не была тѣмъ, чѣмъ была когда-то Краковскаа главная школа. (А чѣмъ была Краковская—см. Сборн. матер. III—XII—XVII). Въ обѣихъ недоставало для выбора лицъ. Краковская быстро была дезорганизована подъ управленіемъ Орачевскаго; Виленская же никогда не была хорошо устроена“. (Сборн. матер. III, XXVIII, Lukaszewicz—II. 264.

ется. Нужно строго различать двѣ вещи. Учрежденіе эдукаціонной комиссіи и ея уставы—это одно; другое—личный составъ комиссіи и исполненіе ея уставовъ. Какъ сама комиссія, такъ тѣмъ болѣе ея уставы, при многихъ внутреннихъ недостаткахъ, въ извѣстномъ смыслѣ безупречны; но исполнители этихъ уставовъ и многіе изъ личнаго состава коммиссіи совершенно не соотвѣтствовали назначенію. Немного понадобилось лицъ для образованія комиссіи. Все государство выдѣлило изъ себя *восемь* избранниковъ, лучшихъ людей своей земли и вотъ среди этого слишкомъ небольшого числа *три* человѣка являются совершенно не соотвѣтствующими положенію. Почти одновременно съ первымъ раздѣломъ Польши послѣдовало закрытіе іезуитскаго ордена. Его громадныя земельныя и вообще недвижимыя имѣнія и денежные капиталы становились государственнымъ достояніемъ, которое должно было составить эдукаціонный фундушъ для устройства, развитія и поддержанія школъ. Для пріема и упорядоченія оставшагося послѣ іезуитовъ имущества, сеймъ назначилъ двѣ такъ называемыя раздавательныя комиссіи: одну для Короны, другую для Литвы. Въ составъ этихъ комиссій втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное предъ тѣмъ послѣдними событіями, или слишкомъ широкою жизнію. По повѣркѣ имущества оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, ушли изъ Польши не съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоцѣнности, большею частію, исчезли; вѣковые лѣса запроданы или вырублены, многія земельныя угодія и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ, по словамъ многихъ писателей, причинили ущерба этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти самыя комиссіи и во главѣ ихъ предсѣдатель эдукаціонной комиссіи епископъ Массальскій и членъ ея Сулковскій. Члены комиссіи занялись просто заимствованіемъ денегъ и имѣній; изъ священнаго эдукаціоннаго фундуша стали получать большія суммы подъ залогъ собственныхъ или раззоренныхъ, или ничего нестоющихъ имѣній, брать земли за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи по ея уплатѣ. Однихъ капиталовъ расхищено, такимъ образомъ, болѣе семи милліо-

новъ злотыхъ; одинъ Сулковскій взялъ 584658 злотыхъ, и эти деньги пропали; епископъ Массальскій растратилъ и того больше! (Lukaszéwicz— Historya szkol, II. 189-248. Кіевск. Стар. 1882 г. I, 272-273). Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія; школы закрылись, ученики разбѣжались! Какая злая иронія надъ дѣломъ учрежденія эдукаціонной комиссіи и ея знаменитыми уставами! И не кто иной, какъ свои же люди, избранники земли, основательно испортили все дѣло!

Многія школы, находившіяся въ вѣдѣніи комиссіи, по отчетамъ визитаторовъ оказывались далеко неудовлетворяющими тѣмъ задачамъ и цѣлямъ, какія предписывались эдукаціонною комиссіей. Замѣчательно, что многіе современники не сочувствовали порядкамъ комиссіи и вступали часто съ нею въ препирательство. (Нужно полагать, что комиссію и ея уставы они объединяли съ тѣми исполнителями и представителями ея, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться). Въ 1786 году Пирамовичу пришлось защищать свое дѣло, вслѣдствіе сильно развившагося въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обученіемъ въ школахъ. „Кто хочетъ, говорилъ онъ, судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ эдукаціонной комиссіи, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ“. (Кіевск. Стар. 1882 г. I, 280). Опять приходится повторить сказанное, что современниковъ смущали не прекрасные по многимъ §§ уставы, созданные комиссіей, но грустная безрезультатность дѣйствій какъ устава, такъ и дѣятельности комиссіи. И смущались подобными явленіями не кто-нибудь, а такіе исключительно настроенные польскіе патріоты и выдающіеся умы, какъ Снядецкій. Вотъ характерный отзывъ его въ письмѣ къ Коллонтаю отъ 21 мая 1791 г.: „Мнѣ много пришлось бы писать, говоритъ онъ, объ уставѣ эдукаціонной комиссіи; трудно будетъ сдѣлать этотъ институтъ дѣйствующимъ разсудительно и по собственной иниціативѣ, если разъ вошедшія въ составъ его лица будутъ засѣдать въ немъ такъ, какъ до сихъ поръ. На однихъ это наводитъ скуку; другіе, занятые посторонними дѣлами, не могутъ въ должной степени отдать свое вниманіе столь важной сторонѣ отечественнаго упра-

вленія; третьи находятся тамъ для виду... Необходимо изданіемъ закона сдѣлать комиссію болѣе дѣятельной, не столь перебрасывающей людьми, благодаря противорѣчіямъ и постояннымъ перемѣнамъ своихъ уставовъ, какъ было до сихъ поръ. (Сборн. матер. III—XXXII)". И такую аттестацію комиссія получила послѣ почти десятилѣтняго непрерывнаго дѣйствія въ школахъ ея уставовъ. Снядецкій, преслѣдуя высокія задачи просвѣщенія, добился таки того, что въ 1793 году, совмѣстно съ Почобутомъ, составилъ уставъ для эдукаціонной комиссіи и представилъ его въ Гроднѣ на утвержденіе сейма. Высшее учрежденіе, вѣдавшее просвѣщеніемъ въ краѣ, было таково, что сильно нуждалось въ сильныхъ побужденіяхъ къ исполненію по принятой на себя дѣятельности. Не удивительно, послѣ этого, если дѣйствительные результаты далеко не отвѣчали тѣмъ ожиданіямъ, какія возлагались на эдукаціонную комиссію. „Вотъ, всепресвѣтлѣйшій государь, съ сожалѣніемъ пишетъ къ герцогу Варшавскому Фридриху-Августу архіепископъ Рачинскій: святая католическая вѣра и ея ученіе терпитъ презрѣніе и униженіе. Молодежь обосновываетъ свои знанія на осмѣяніи костельныхъ обрядовъ, на кощунствѣ и осмѣяніи таинствъ вѣры и открыто этимъ похваляется. Въ старшихъ по отношенію Бога какая то индифферентность, полное забвеніе религіозныхъ обязанностей,.. въ костелахъ открытое соблазнительное неуваженіе (къ святынѣ),.. безнаказанность прелюбодѣяній и незаконныхъ сожительствъ, свобода мнѣній, противныхъ вѣрѣ и обычаямъ, выписка и чтеніе безбожныхъ книгъ, обиды, наносимыя костеламъ,.. притѣсненіе духовенства и его униженіе,.. среди школьныхъ учителей заняли мѣста свободомыслящіе; отступники-ксендзы и монашествующіе,.. воспитываютъ такихъ учениковъ, какъ они сами, безъ религіи и нравственности... Нѣтъ приказанія учить въ школахъ начаткамъ св. вѣры, и только развѣ кое гдѣ по трущобамъ еще учатъ ей члены того или другаго ордена... *) Такой отвѣтъ дала жизнь на чрезмѣрныя восхваленія эдукаціонной комиссіи, и этотъ отвѣтъ шелъ изъ самаго сердца Польши, гдѣ, нужно думать, никто уже не мѣшалъ комиссіи развернуть свою

*) O Masonii w Polsce. 59. Ср. 58. Какъ все это противорѣчитъ тому указанію Чацкаго и отчасти Коллонтая, приведенному выше, что эдукаціонная комиссія осчастливила общество во всѣхъ его положеніяхъ...

дѣятельность во всей ея силѣ. Въ сущности самое созданіе эдукаціонной комиссіи былъ лишь благой порывъ, какъ и многія другія подобныя явленія въ исторіи Польши; но въ комиссіи совершино не было силъ, соотвѣтствующихъ ея задачамъ. Лишь затѣмъ въ рукахъ русскаго правительства уставъ эдукаціонной комиссіи получилъ широкое примѣненіе и сослужилъ свою особую службу. (См. приложеніе къ главѣ I въ концѣ книги) *).

---

*) Съ 1788 года эдукаціонная комиссія переживала тяжелыя времена Основы учебнаго дѣла сильно были повреждены; явилась школьная анархія и потребовался, по словамъ Снядецкаго, новый пересмотръ эдукаціоннаго статута. Благодаря самоотверженію, энергіи и чистотѣ намѣреній того же Снядецкаго, Почобута, Григорія Пирамовича и нѣкоторыхъ другихъ членовъ, входившихъ въ составъ комитета для разсмотрѣнія установленій эдукаціонной комиссіи, дѣло съ успѣхомъ было окончено въ 1790 году. „Вмѣстѣ съ правами воротился школьный порядокъ, говоритъ Снядецкій въ біографіи Почобута: въ учителяхъ общественныхъ школъ возродилось усердіе; но эта счастливая минута, подобно молніи, освѣтившая учительское сословіе, была предтечею страшнаго затѣмъ потопа, излившаго (на школу) массу тяжелыхъ пораженій и несчастій. Памятный для края различными невзгодами 1793 годъ разъединилъ эдукаціонное управленіе, вызвалъ безсовѣстную жадность къ расхищенію школьныхъ имѣній, въ Литвѣ угрожалъ опасностію общественному обученію, а въ Коронѣ—и совершеннымъ его упадкомъ. Усильными настояніями князя Понятовскаго, примаса Польши, я высланъ былъ на сеймъ въ Гродну, куда вслѣдъ за мною прибылъ и Почобутъ. Ближе присмотрѣвшись къ обстоятельствамъ и основательно вглядѣвшись въ бездну опасностей, мы увидѣли что необходимо или отдать себя въ жертву злости и мести, или мужествомъ спасти дѣло просвѣщенія. Мы (т. е. Снядецкій и Почобутъ) совокупными силами объявили открытую войну неправотѣ нашихъ соотечественниковъ, которые имѣли большое значеніе на сеймѣ. Отъ юности глубоко привитая высокая нравственность и любовь къ справедливости русскаго посла гр. Сиверса. возмущеннаго представленнымъ ему безъ всякаго умаленія безправіемъ, его сильная опека надъ столь чистымъ дѣломъ, а равнымъ образомъ старанія короля, поддерживающаго наши мѣры и представленія, доставили полную побѣду общественному дѣлу и нашимъ усиліямъ. Уже расхищенный въ значительной степени эдукаціонный фундушъ былъ снова отысканъ; приговоромъ сейма уничтожены постановленія (sancyta) конфедератовъ, во вредъ ему придуманныя; сохраненъ статутъ школьный съ высшей степени полезными для наукъ перемѣнами; въ дальнѣйшемъ просвѣщенію гарантированы помощь и опека“... Pisma rozmaite Iana Sniadeckego—Wilno—r. I 542—545.. И этого достигли только въ 1793 году, при сильномъ содѣйствіи русскаго посла. И какъ же, въ виду сказаннаго Снядецкимъ, можно утверждать, что школьное дѣло прекрасно обстояло при польскомъ правительствѣ и упало, при переходѣ его въ русскія руки!...

II.

Количество и качество школъ въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Несправедливыя обвиненія Россіи въ упадкѣ школъ, перешедшихъ отъ Польши подъ власть русского правительства. Причины плохого состоянія школъ, бывшихъ въ вѣдѣніи эдукаціонной комиссіи. Заботы русской администраціи объ ихъ улучшеніи. Торжество мѣстнаго населенія по поводу открытія школъ.

Послѣдняя четверть XVIII столѣтія ознаменовалась открытіемъ значительнаго числа училищъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ сѣверо и юго-западныхъ губерній. Въ Могилевскомъ намѣстничествѣ въ 1791 году были открыты малыя народныя училища въ Оршѣ, Копысѣ, Мстиславлѣ, Чериковѣ и Чаусахъ. Въ Могилевѣ съ 1789 г. существовало главное народное училище. *).

*) Въ журналѣ комиссіи объ учрежденіи школъ (№ 86) читаемъ:
„Главныя школы существуютъ по утвержденному плану въ губернскихъ или въ тѣхъ городахъ, гдѣ обстоятельства мѣста, а именно: званіе, состояніе и имѣніе жителей дозволяютъ. Главная школа имѣетъ *четыре* класса, изъ коихъ въ *первомъ* или нижнемъ обучаютъ познанію буквъ и складамъ, читаютъ букварь, правила для учащихся, сокращенный катихизисъ, священную исторію и начинаютъ писать. Во *второмъ* классѣ продолжаютъ чистописаніе и священную исторію, начинаютъ рисовать, читать пространный катихизисъ безъ доказательствъ изъ священнаго писанія, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, учиться первой части ариѳметики и грамматическимъ правиламъ по изданнымъ тремъ таблицамъ: о правильномъ раздѣленіи складовъ, о чтеніи и правописаніи. Въ *третьемъ* классѣ продолжаютъ рисованіе, повторяютъ пространный катихизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія и начинаютъ читать изъясненіе Евангелій, вторую часть ариѳметики, россійскую грамматику съ упражненіями въ правописаніи, первую часть всеобщей исторіи, введеніе во всеобщую европейскую географію и землеописаніе россійскаго государства. Въ *четвертомъ* классѣ продолжается рисованіе, всеобщая исторія, россійское землеописаніе и россійская грамматика, упражняя юношество въ письменныхъ, въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, преподаютъ при томъ россійскую исторію, всеобщую

Тогда же открыты главныя училища въ Полоцкѣ и Кіевѣ; малыя въ Невелѣ и Велижѣ. (Ibid I. 38, 55.) Въ 1793 году предназначено было открыть въ Витебскѣ главное народное училище, но въ виду того, что въ полоцкомъ намѣстничествѣ,

---

и математическую географію, основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и архитектуры гражданской. Въ главной школѣ положено еще обучать латинскому и иностранному языку, какой по сосѣдству каждой губерніи, гдѣ главная школа находится, быть можетъ полезнѣе въ употребленіи его въ общежитіи. Сверхъ сего, въ каждой главной школѣ пріуготовляются къ должностямъ учительскимъ желающіе быть учителями въ малыхъ школахъ.. При главной школѣ должны находиться (учебныя) пособія, а именно: книгохранилище, собраніе естественныхъ вещей, математическихъ и физическихъ орудій. Въ главной школѣ положено быть *шести* учителямъ, т. е. въ четырехъ классахъ по одному, одному учителю иностраннаго языка и одному для рисованія. Но какъ большая часть изъ воспитанниковъ комиссіи (объ учрежденіи школъ) рисовать умѣетъ, то рѣдко гдѣ бываетъ особливый рисовальный учитель, а обыкновенно обучаетъ рисованію одинъ изъ классныхъ учителей, который къ тому способнѣе"...

„Малыя школы заведены какъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ одной главной не довольно за обширностью и многолюдствомъ города, такъ и въ уѣздныхъ городахъ и гдѣ еще по усмотрѣнію Приказа Общественнаго Призрѣнія быть могутъ надобны. Въ оныхъ, исключая иностранный языкъ, обучаютъ всѣмъ наукамъ, которыя предписаны въ первомъ и второмъ классахъ главной школы, съ тою отмѣною, что во второмъ классѣ малыхъ школъ, по окончаніи первой части ариѳметики, преподается и оканчивается вторая. Въ сихъ школахъ бываетъ одинъ или два учителя, смотря по числу учениковъ".

„Всѣ сіи школы находятся вездѣ въ совершенномъ единообразіи. Всѣ ученики, въ какой бы школѣ они ни были, читаютъ одинакія учебныя книги, а учители употребляютъ одинакій способъ обученія и наблюдаютъ одинакое распредѣленіе часовъ, назначенное прежде и послѣ полудня, такъ что науки въ школахъ сихъ преподаются въ самомъ отдаленномъ краѣ Россіи въ одно и то же время и на томъ единообразномъ основаніи, на каковомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ."

„Сверхъ должности, назначенной учителямъ въ изданномъ для нихъ руководствѣ, имъ Высочайшимъ уставомъ еще предписано, а именно—главной школы верхнихъ классовъ учителямъ собирать извѣстія, до заведенія и распространенія школъ въ ихъ губерніи касающіяся, и вести тому записку, смотрѣть за книгами и пособіями школы и подавать мѣсячные рапорты директору, а въ малыхъ школахъ—смотрителю."

„Директоръ долженъ быть любитель наукъ и знающій цѣну воспитанія. Онъ смотритъ за исполненіемъ должностей всѣхъ подчиненныхъ, принимаетъ мѣсячные рапорты отъ учителей, даетъ свидѣтельства выучившимся учебному способу, старается о благѣ учителей, наблюдаетъ пріемъ учениковъ въ школу, исключаетъ изъ оной учениковъ развратныхъ, а окончившимъ ученіе даетъ свидѣтельства, рачитъ о достаткѣ школьныхъ книгъ, о заведеніи и випра-

къ которому относился и Витебскъ, имѣлось уже главное училищѣ въ Полоцкѣ, Витебскому училищу, въ отличіе отъ Полоцкаго, предложено было называться не главнымъ, а только четырехкласнымъ. (Ibid. III). *).

Кромѣ того, въ полоцкомъ намѣстничествѣ были еще отъ прежняго времени училища, которыя были устроены монашескими орденами, преимущественно іезуитами, имѣвшими свои коллегіи между прочимъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Динабургѣ (Двинскѣ). Динабургское училище состояло изъ пяти классовъ, при пяти учителяхъ и одномъ префектѣ; Витебское—изъ шести классовъ, при шести учителяхъ и префектѣ; а въ Полоцкомъ, кромѣ шести классовъ, было еще особое отдѣленіе богословское. Число учителей въ немъ, смотря по надобности, простиралось до 24 человѣкъ; количество учителей измѣнялось и въ другихъ училищахъ.**).

щеніи книгохранилища и кабинета и о бережи оныхъ, осматриваетъ всѣ школы, присутствуетъ на экзаменахъ, старается, чтобы ученики обучались пѣнію церковному, надзираетъ за учительскими воспитанниками. вѣдаетъ пансіоны и всякія вольныя школы въ губерніи."

„Смотритель наблюдаетъ за исполненіемъ предписаннаго въ уѣздныхъ школахъ, осматриваетъ оныя, принимаетъ отъ учителей мѣсячные рапорты, подаетъ имъ всякую помощь, присутствуетъ при экзаменахъ и доноситъ о школьныхъ недостаткахъ въ Приказъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи—I. 160—163, 329—333.

*) Съ 1795 года Витебская школа переименована въ главную, а Полоцкая—въ четырехклассную; а въ слѣдующемъ 1797 году—въ малое народное училище. (Сборн. матер. I. 470, 472 и далѣе). Съ того же 1797 года открыты малыя народныя училища въ Кіевской губерніи—въ Умани, Каневѣ и Махновкѣ (ibid. 472, 473 и далѣе).

**) Названныя іезуитскія школы и по своему устройству, и по программамъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ отличались отъ главныхъ и малыхъ народныхъ школъ. Въ нихъ преподавались: *въ первомъ* классѣ: первые начатки языковъ россійскаго и латинскаго, початки общей ариѳметики; исторія священная всеобщая; географія естественная и всеобщая о 4-хъ частяхъ свѣта; катихизисъ. или христіанской науки начало; переводятся избранные отломки изъ разныхъ авторей (сохраняемъ правописаніе подлинника), соразмѣрно ребяческому понятію; басни Федоровы; пословицы Стобея; легчайшія письма Цицерона; наука нравовъ; ортографія или правописаніе. Во *второмъ* и *третьемъ* классахъ изъяснялись пространнѣе правила россійскаго и латинскаго языковъ, преподавались начатки языка французскаго и нѣмецкаго; наука моральная о должностяхъ человѣка къ Богу, ближнимъ и самому себѣ; исторія о первыхъ монархіяхъ: ассирійской, персидской, греческой и о прочихъ, послѣ Рождества Христова основанныхъ; географія объ имперіяхъ: Рос-

Отъ эдукаціонной комиссіи Россія получила въ наслѣдство, кромѣ Виленскаго университета, Виленскую повѣтовую школу (въ гор. Вильнѣ, изъ шести классовъ), Борунскую (въ м. Борунахъ, Ошм. у., изъ четырехъ классовъ), Лидскую, Щучинскую, Колтынянскую (въ Лидѣ, Щучинѣ и Колтынянахъ—изъ трехъ классовъ каждая), Меречскую изъ двухъ классовъ; шестиклассную Гродненскую, Новогрудскую и Жировицкую; трехкласную Слонимскую, Лысковскую, Вилкомірскую; пятиклассную Брестскую, Трашкунскую, Тельшевскую; трехклассную Ковенскую, Поневѣжскую, Россіенскую и Датновскую; шестиклассную—Кроженскую и четырехклассную Подубиснскую: это въ Литовскихъ губерніяхъ. (Сборн. матер. I. 222—226). Въ Минской губерніи, кромѣ главной школы въ г. Минскѣ, были малыя школы въ городахъ: Слуцкѣ, Бобруйскѣ, Мозырѣ,

---

сійской, Римской и Турецкой; толкуются записки Юлія Цезаря, Корнелія Непота, письма Цицерона, Овидія и проч.; тоже разные отломки изъ классическихъ авторей собранные; ариѳметика дробей и правила числительнаго сравненія; катехизисъ о вѣрѣ, надеждѣ, любви; при исходѣ года обучаются наукѣ стихотворенія. Въ *четвертомъ* классѣ продолжается изученіе языковъ; преподаются начатки алгебры, геометріи, какъ теоретической, такъ и практической; преподается сокращеніе науки краснорѣчія и стихотворенія; толкуются классическіе авторы, славные краснорѣчіемъ или стихотвореніемъ, какъ то: рѣчи Цицерона, оды Горацієвы, отборныя эпиграммы Катулла, Марціала, Виргилія, Овидія и проч.; исторія Римской имперіи отъ ея начала по наше время, географія сферическая и политическая; наука моральная о должностяхъ добраго христіанина и добраго гражданина; исторія естественная.. Въ *пятомъ* классѣ преподается ученіе языковъ, механика теоретическая и практическая, разнымъ художествамъ присоединенная; художество плотничье и каменьщичье, наипаче что надлежитъ знанія матерій и соединенія оныхъ; архитектура гражданская со всѣми частями; архитектура военная; баллистика и пиротехника; гидравлика, какъ теоретическая, такъ и практическая, со всѣми частями; исторія естественная... Въ *шестомъ* классѣ продолжается ученіе языковъ; преподаются правила науки хорошаго думанія, разсужденія и умствованія; онтологія, т. е. наука о существѣ; этіологія—наука о причинахъ; психологія или ученіе о безтѣлесныхъ духахъ; космологія, наука о свѣтѣ; астрономія физическая; первое основаніе оптики, діоптики и катоптрики; физика експериментальная; геометрія сферическая; счеты высочайшіе; этика; исторія естественная... Въ *богословскомъ* отдѣленіи въ Полоцкѣ преподавалась наука о Богѣ и вещахъ божественныхъ; толковались догматы религіи откровенной; упоминалось о правосудіи и правѣ; о законахъ; о договорахъ; о правилахъ обычаевъ; о должностяхъ человѣка христіанскаго; исторія церкви христіанской касательно ея распространенія, перемѣны и проч.; о священномъ писаніи ветхаго и новаго завѣта; о законахъ каноническихъ... Сборн. матер. для исторіи просв. въ Россіи—I, 123—130.

Пинскѣ, Поставахъ и Холоненичахъ (ibid. I. 338, 339). Въ Подольской губ. находились школы въ Каменцѣ, Винницѣ, Немировѣ и Барѣ. Въ Волынской губ. были училища въ Житомирѣ, Кременцѣ, Луцкѣ и Межирѣчьѣ (ibid I. 379, 380. *).

Кромѣ указанныхъ правительственныхъ школъ, были еще конвикты и частные пансіоны. **) Въ Вильнѣ были конвикты (для мальчиковъ) у ксендзовъ піаровъ (два), у базиліанъ Корсаковскій и Амвросіанскій (по имени учредителя Амвросія Бейпарта); пансіоны Добрія, Пинабеля де Верніера и Александра Лабовскаго для обоего пола. Въ Минской губерніи пансіоны содержались у помѣщика Свиды въ Глевинѣ и у помѣщика Цендзевицкаго въ слободѣ Кишиной (Сборн. матер. I. 251—255, 379). Изъ современныхъ отчетовъ по школьному дѣлу не видно, чтобы существовали такія начальныя училища, въ которыхъ юношество обучалось бы начальной грамотѣ, т. е. чтенію и письму, потому дѣти, желавшія поступить въ ту или

---

*) Въ этихъ училищахъ преподавались слѣдующіе предметы: Въ *первомъ* классѣ: польско-латинская грамматика, нравоученіе, географія, ариѳметика и чистописаніе. Во *второмъ* шло продолженіе грамматики, нравоученія, географіи и ариѳметики. Въ *третьемъ* было дальнѣйшее продолженіе этихъ же предметовъ и начиналась геометрія, исторія Мидянъ, Персовъ и Египтянъ. Въ *четвертомъ*, кромѣ продолженія геометріи, изучали риторику, поэзію, физику, исторію греческую, право природы и дѣлали переводы съ иностранныхъ писателей. Въ *пятомъ* классѣ къ геометріи, риторикѣ и поэзіи (продолженіе) присоединялись алгебра, механика, ботаника, право политическое, исторія римская и наука о сохраненіи здоровья. Въ *шестомъ*, при риторикѣ и поэзіи, изучали зоологію, право народное, всеобщую исторію, логику и экспериментальную физику".

„Ни въ одномъ училищѣ не было класса закона Божія и начальнаго основанія чтенія и письма. Только духовники или проповѣдники обучали юношество закону Божію по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Ученики болѣе всего упражнялись въ языкѣ латинскомъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ обучались французскому, нѣмецкому и россійскому языкамъ,—но послѣднему безуспѣшно. Курсъ V класса раздѣлялся на два года, и потому для окончанія предметовъ, назначенныхъ въ шести классахъ, положено семь лѣтъ". Сборн. матер. I. 382.

**) Конвиктомъ называлось такое заведеніе, въ которомъ воспитывалось нѣсколько человѣкъ-юношей изъ бѣдныхъ дворянъ, по завѣщанію какого-нибудь благотворителя; пансіоны открывались частными лицами на собственныя средства.

другую школу, должны были дома научиться грамотѣ—чтенію и письму. (Сборн. матер. I. 380). Изъ отчетовъ по школьному дѣлу за 1802 годъ видимъ, что въ сѣверо и юго-западномъ краѣ Россіи всѣхъ учебныхъ заведеній различныхъ наименованій и типовъ, частныхъ и правительственныхъ, которыя съ 1803 года должны были войти въ составъ Виленскаго учебнаго округа, было около ста. (Сборн. матеріаловъ I. 553—878, Исторія университета Св. Владиміра Владимірскаго-Буданова I. 17—19).

Нельзя сказать, чтобы эти училища, за малыми исключеніями, были благоустроены; даже и современники находили ихъ далеко не отвѣчающими своей задачѣ. Оно и понятно. Политическія перемѣны въ краѣ съ 1772 года по 1795, возбуждая различныя страсти, опасенія или надежды, устраняли всякую возможность отдаться учебному дѣлу, которое особенно требуетъ спокойнаго душевнаго настроенія и мирнаго, вдумчиваго направленія въ дѣятельности. Всѣ необходимыя для просвѣщенія матеріальныя средства поглощались политическимъ положеніемъ края. Большею частію училища не имѣли собственныхъ помѣщеній; должны были довольствоваться наемными, при чемъ некогда было сообразоваться съ тѣмъ, отвѣчаютъ ли онѣ учебнымъ, педагогическимъ требованіямъ, или нѣтъ. По присоединеніи края къ Россіи, къ школѣ имѣли очень близкое отношеніе и начальствующіе разныхъ монашескихъ орденовъ, и губернаторы, и приказы общественнаго призрѣнія, и комиссія объ учрежденіи училищъ. Администрація учебныхъ заведеній возвращенныхъ отъ Польши губерній иногда не знала—исполнять ли требованія правительственной русской власти, или же подчиняться постановленіямъ бывшей эдукаціонной комиссіи, которыя тоже были для школъ обязательны. Подольскій приказъ общественнаго призрѣнія писалъ въ 1802 году комиссіи объ учрежденіи училищъ, что „эдукаціонная комиссія, начертавъ учрежденнымъ отъ себя училищамъ уставъ, сообразный тогдашнему положенію дѣла, наблюдала за исполненіемъ онаго во всѣхъ частяхъ и отъ всѣхъ чиновъ тогданшія ученыя іерархіи, но нынѣ весь составъ оной іерархіи рушился, и множайшіи статьи устава того долженствовали перемѣниться купно съ перемѣною самыхъ обстоятельствъ, а новыми не замѣнены, отчего и училища, и самый

приказъ часто въ недоразумѣніи, въ какихъ предметахъ слѣдовать порядку россійскаго, а въ которыхъ польскаго устава: почему не благоволитъ ли государственная комиссія объ училищахъ, разсмотрѣвъ польскій уставъ, опредѣлить именно статьи, которыхъ въ немъ слѣдуетъ придерживаться, и которыя должно замѣнить предписаніями устава Высочайше даннаго? Иначе здѣшнія училища никогда не могутъ достигнуть прочнаго порядка и благоустройства"... (Сборн. матер. I. 451). Подобные запросы въ комиссію слались по различнымъ учебнымъ статьямъ. Спрашивали, напр. „откуда получать книги для преподаваемыхъ предметовъ, которыя здѣсь (въ юго-западномъ краѣ) требуются на языкѣ польскомъ"?... „Откуда, въ случающейся часто надобности, заимствоваться достойными учителями"?... „Бывшая эдукаціонная комиссія, преображая іезуитскія и другія школы въ народныя, хотя многія учинила исправленія, но или вовсе не положила, или чрезвычайно кратко, преподаваніе разныхъ тѣхъ предметовъ, которые ради великой пользы ихъ въ общежитіи Высочайше предписаны всѣмъ въ Россіи губернскимъ народнымъ училищамъ. Кратко тамъ преподается общая географія и математическая, механика, ботаническая классификація, россійская исторія и ученіе христіанскаго закона. Вовсе не положены новая исторія, зоологія, архитектура, отечественное землеописаніе и рисованіе. Должно ли, въ сообразность Высочайшему уставу, спрашивала у комиссіи провинціальная учебная администрація, прибавить и пополнить для пользы юношества преподаваніе тѣхъ предметовъ въ здѣшнихъ (юго-западнаго края) народныхъ училищахъ и и какъ при семъ распорядиться учебными часами, безъ помѣхи и ущерба прочихъ предметовъ"? По хозяйственной части, относительно распредѣленія по училищамъ и употребленія денежныхъ суммъ, являлись повсюду тоже недоразумѣнія. Свѣтскіе учителя западно-русской окраины совершенно забыты были въ отношеніи наградъ, правъ и служебныхъ преимуществъ... Всѣ такіе „пункты, яко относящіеся до благовоспитанія юношества, добраго порядка, чести и довольства училищъ, Подольскій приказъ и представляетъ на уваженіе и разрѣшеніе государственной комиссіи объ училищахъ". (Тамъ же).

Долго приходилось ждать отвѣта на поставленные пункты. Государственная комиссія, писали обыкновенно изъ Петербур-

га, уже занималась разсмотрѣніемъ названныхъ вопросовъ и еще годъ тому назадъ сдѣлала, куда слѣдуетъ, представленіе объ ихъ разрѣшеніи. Отвѣта до сихъ поръ не получено, о чемъ и увѣдомить соотвѣтствующій приказъ. (Сборн. матер. I. 452.)

Между тѣмъ, при подобной неупорядоченности учебнаго дѣла, положеніе училищъ становилось въ высшей степени тяжелымъ, безотраднымъ. Учителей достойныхъ, способныхъ не было. Изъ тридцати семи учителей, которые „доставляли особую пользу юношеству и честь училищамъ, едва осталось въ губерніи четыре человѣка“, писалъ Подольскій приказъ (ibid. 450). И вотъ подольскій военный губернаторъ шлетъ усиленную рекомендацію за какого-то служащаго въ пограничной комиссіи переводчикомъ, титулярнаго совѣтника Элоа, уроженца страсбургскаго, прося назначить его директоромъ училищъ Подольской губерніи. Учитель рисованія Котловскій, „старѣясь, по его словамъ, лѣтами, имѣя частые тѣлесные припадки, а особенно слабѣя зрѣніемъ отъ рисовальнаго искусства, проситъ (въ 1802 г.) о помѣщеніи его на директорское мѣсто въ Витебскѣ“. Одно изъ правъ для занятія просимой имъ должности Котловскій указываетъ въ томъ, что въ 1788 году его служба сопряжена была со величайшею опасностію жизни, и съ пожертвованіемъ здоровья „на защищеніе Нейшлотской крѣпости, бывшей въ атакѣ семь недѣль“ и что „его усердная, ревностная и порядочная служба еще въ 1797 году доставила ему чинъ 14-го класса“. *)

Учебники въ школахъ большею частію далеко не отвѣчали своему назначенію. Отечественной географіи, напр., польской не было, значится въ училищныхъ отчетахъ, а россійская особенно не преподается, по недостатку учебнаго времени. „Россійскую исторію заимствовали изъ сомнительныхъ книжекъ Нестесураноя и Княжнина, или читали на французскомъ языкѣ Abrégé de Veguelin“. Исторію искусствъ и художествъ проходили по тетради, „неизвѣстно кѣмъ уложенной, которая содержала нѣкоторые предметы изъ натуральной исторіи и ни-

*) Сборн. матер. I. 378, 399. Оба ходатайства, впрочемъ, были отклонены коммиссіею объ учрежденіи училищъ, и она назначила своихъ кандидатовъ.

мало не походила на систематическую науку, соотвѣтственную ея названію". „По причинѣ обширности въ объясненіяхъ и недостатка печатной книжки, замѣчается о многихъ учебникахъ, изданныхъ эдукаціонною комиссіею, они не употребляются, а укладываютъ учители отъ себя". Относительно книгъ для чтенія по русскому языку и грамматикѣ замѣчается, что „по отдаленности отъ С.-Петербурга, достаютъ токмо азбуки, издаваемыя въ Бердичевѣ, а изъ россійскихъ грамматикъ учители диктуютъ, какую кто имѣетъ". Вообще за недостаткомъ учебныхъ книгъ, „учители принуждены стали собирать основанія учебныхъ предметовъ въ краткія тетради, и вмѣсто того, чтобы при готовыхъ книгахъ стараться о поясненіи наукъ, тщились они о сокращеніи оныхъ, по мѣрѣ учебнаго времени и досуга учениковъ, долженствующихъ списывать систему каждаго предмета, что особенно трудно для дѣтей нижнихъ классовъ. А какъ всѣ учебныя книги изданы были отъ эдукаціонной комиссіи, то учители, поступившіе изъ людей не довольно приготовленныхъ къ сему званію, избирали иногда себѣ за образецъ книги малоосновательныя, такъ что тетради, уложенныя изъ прежде изданныхъ учебныхъ книгъ, остаются нынѣ лучшими; но нѣкоторые отступили даже отъ книгъ, изданныхъ эдукаціонною комиссіею, избирая себѣ авторовъ по собственному усмотрѣнію". (Сборн. матер. I. 698, 699, 702, 703.). Указанныя причины содѣйствовали появленію въ школахъ вреднаго разнообразія въ преподаваніи и пониженію успѣховъ, при всемъ стараніи многихъ учителей и учениковъ. При этомъ проводились иногда ошибочные политическіе взгляды въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ. „Комиссія объ учрежденіи училищъ, стараясь достать тѣ изъ учебныхъ книгъ, которыя были по сіе время (журналъ комиссіи 1801 г. ноября 18) употребляемы (въ училищахъ), по разсмотрѣніи оныхъ, увидѣла, что иныя изъ нихъ полезны, а другія, особливо историческія и толкующія о правахъ, весьма вредны, заключающія мѣстами правила, монархическому образу правленія совсѣмъ противныя"... Далѣе въ журналѣ комиссіи разбираются нѣкоторыя учебныя руководства съ указаніемъ особенно вредныхъ въ нихъ мѣстъ (Сборн. матер. I. 383—386)). Свои разсужденія о нѣкоторыхъ учебныхъ книгахъ, въ западно-русскихъ школахъ, писанныхъ духомъ республиканскимъ въ уко-

ризну монархической власти, комиссія представила (въ 1802 г.) министру народного просвѣщенія гр. П. В. Завадовскому (ibid. 452.)

Еще чувствительнѣе сказывался въ школахъ недостатокъ разнаго рода учебныхъ пособій, физическихъ приборовъ, инструментовъ, географическихъ картъ, глобусовъ. Объ ихъ пріобрѣтеніи, хотя безъ особаго успѣха, хлопотали и мѣстныя училищныя власти, и члены комиссіи объ учрежденіи училищъ, и даже губернаторы. Но городскія думы, которыя отпускали для этого средства, оставались глухи ко всѣмъ заявленіямъ объ учебныхъ нуждахъ. (Сборн. матер. I. 195—197).

Минскій приказъ общественнаго призрѣнія находилъ неудовлетворительными всѣ школы, находящіяся въ его вѣдѣніи въ Минской губерніи. „Имѣя нынѣ (1798 г.) свѣдѣнія о продолжающемся по всѣмъ школамъ ученіи, записано въ журналѣ Минскаго приказа отъ 27 августа 1798 г., приказъ не можетъ одобрить настоящаго положенія, не видя ни успѣховъ, желаемыхъ отъ ученія, ни средствъ для приведенія училищъ въ хорошій порядокъ, поелику всѣ остающіяся семь училищъ, будучи между собою равны и уча дѣтей каждое по произволу, какъ и чему хочетъ, многому, можно сказать, начинаютъ учить, но ничего и до малѣйшаго совершенства не приводятъ.... Хотя прилежанію нѣкоторыхъ учителей нельзя не отдать справедливости, но не имѣя учебныхъ единообразныхъ книгъ, а уча каждый по своему, мало успѣваютъ; проректоры же, хотя присылаютъ въ приказъ вѣдомости о успѣхахъ по полугодно, но все то составляетъ одно накопленіе бумагъ, а порядочной ревизіи всему оному и существеннаго экзамену не довольно ученикамъ, но и самымъ учителямъ, которыхъ иногда проректоры же принимали, дѣлать некому. (Ibid I. 653).

Нѣкоторыя захолустныя училища приказъ проектировалъ перевести „подъ глаза городской полиціи и начальства; а оставаясь въ настоящихъ мѣстахъ, безъ призору начальства, на свободномъ управленіи одними проректорами, такія училища, по мнѣнію приказа, могли притти въ упадокъ, безъ малѣйшей пользы для учащихся“. (Сборн. матер. I. 652).

Нѣкоторые ученые изслѣдователи разсматриваемаго времени утверждають, что въ плохомъ состояніи школы на нашей западной окраинѣ повинно, главнымъ образомъ, русское правительство. Эта школа яко бы росла съ 1773 г. до 1792 г., принимала упорядоченный, совсѣмъ приличный видъ и повсюду, яко бы, начинала оказывать свое благотворное, нравственно-просвѣщенное вліяніе. Русская администрація, замѣнивъ съ этого времени польскую, остановила якобы ростъ школы и, оставивъ ее на произволъ судьбы безъ надежныхъ умѣлыхъ руководителей, содѣйствовала ея паденію и вредному воздѣйствію на общество.

Ученый Чацкій составилъ даже отдѣльную *схему*, изъ которой явствуетъ, какое нежелательное направленіе приняла школа съ 1792 года, при русскомъ управленіи краемъ сравнительно съ тѣмъ ея блестящимъ положеніемъ, какое она имѣла до 1792 года, при польскомъ правительствѣ. За послѣднее десятилѣтіе (съ 1793—1803 г.) въ школьномъ юношествѣ замѣчалась, по Чацкому, великая разница къ худшему, сравнительно со школьною малодежью прежняго времени, до 1792 года.

Въ ней значительно упало благочестіе, уменьшилось благородное самолюбіе, ослабѣло послушаніе къ старшимъ, умалилась привязанность къ учителямъ и увеличилось хладнокровное отношеніе къ несчастію ближняго. За время съ 1775 по 1792 годъ стали, по Чацкому, утверждаться вмѣсто суровыхъ болѣе мягкіе обычаи, уменьшились преступленія и различные споры, порождавшіе безконечную брань. Родители, наслышавшись отъ дѣтей о наукахъ, которыя преподавались имъ въ школахъ, сами сродинялись съ ними, а черезь это выростало общественное мнѣніе, каравшее преступленія, которыя могли укрытся отъ суда. Мало-по-малу начинали любить и жаловать науку, права отечества и его распорядки; судебные приговоры и періодическая печать являлись плодомъ прогресса просвѣщенія. Перерывъ съ 1792 г. твердой правительственной власти являлся причиною остановки зарождавшагося совершенствованія, и молодежь увлечена была въ омутъ происходившихъ политическихъ перемѣнъ. Появился особый родъ молодежи, которая находила удовольствіе въ ничегонедѣланіи,

чѣмъ портила себя и служила соблазномъ для другихъ—слабыхъ. Она охотно бросала школу, быстро перескакивала изъ класса въ классъ, не хотѣла серіозно учиться, чему слѣдовало, а искала только легкаго и того, что нравилось. Явилось отвращеніе къ серіозной наукѣ, были забыты ученыя міровой важности произведенія, а мѣсто ихъ въ библіотекахъ заняли литературныя бездѣлушки. Все это двинуло просвѣщеніе назадъ и содѣйствовало порчѣ нравовъ. Послѣдствія плохого просвѣщенія отразились въ домашнемъ и общественномъ быту. Не воспитанная въ добрыхъ нравахъ и обычаяхъ, не зная своихъ обязанностей, не пріученная къ исполненію долга, школьная молодежь оказалась неспособною къ дѣятельности частной и общественной, непригодною для отечества... (Сборн. матеріаловъ, II. 952—954).

Положенія Чацкаго раздѣляютъ и другіе писатели, доказывая, что польская эдукаціонная комиссія школьное дѣло поставила на надлежащую высоту, и что только захваты Россіею Польши (съ 1792 г.) помѣшали ей довести начатое до блестящаго конца. *).

---

*) Крайне одностороннее прославленіе Чацкимъ эдукаціонной комиссіи напомнило намъ изъ обширной литературы объ этой комиссіи „письмо одного пріятеля изъ Варшавы къ другому въ деревню по поводу учрежденія Kommissij Rzeczy Pospolitey nad edukacią narodową (1773 г.). Деревенскій помѣщикъ находился просто въ отчаяніи по поводу различныхъ безобразій въ общественной жизни: и безправіе въ судахъ, и безнаказанность оскорбленій, и необезпеченность собственности; а тутъ въ хозяйствѣ постоянныя потравы, отъявленные грабежи, нескончаемыя воровства; прислуга знать не хочетъ своихъ господъ и не повинуется ея приказаніямъ. Деревенскій пріятель просто съ ума сходилъ и готовъ былъ наложить на себя руки... Зная его отчаянное положеніе, пріятель изъ Варшавы спѣшитъ утѣшить его тѣмъ, что указывалъ на учрежденіе эдукаціонной комиссіи, отъ которой всѣ бѣды якобы должны разсѣяться какъ дымъ отъ вѣтра. За несомнѣнные благотворные результаты ея дѣятельности пріятель ручается тѣмъ, что въ составъ комиссіи вошли не люди, а просто ангелы, и во главѣ ихъ, выше всѣхъ ставитъ, конечно, предсѣдателя кн. Массальскаго, виленскаго епископа. „Президентъ комиссіи, слова пріятеля изъ Варшавы, виленскій епископъ Массальскій. Какъ изъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ газетъ и извѣстій, ты М. Г. знаешь о громадной быстротѣ его ума, объ обширныхъ его научныхъ познаніяхъ; извѣстно, какъ онъ любитъ ученыхъ и какъ отличаетъ ихъ своимъ благорасположеніемъ, какимъ почетомъ повсюду окружаютъ его люди науки, особенно въ Марсели, Парижѣ, и вообще во Франціи; вездѣ вызываетъ онъ удивленіе, и я могу сви-

Подобныя утвержденія совершенно не основательны. Количество и качество школъ не только не уменьшалось, съ переходомъ ихъ подъ власть русскаго правительства, но въ томъ и другомъ отношеніи онѣ несомнѣнно прогрессировали.

Нужно имѣть въ виду, что заявленіе Чацкаго относится исключительно къ раіону его визитаторскаго округа. Бѣлорусскія школы находились внѣ сферы вліяній эдукаціонной комиссіи. Въ литовскихъ губерніяхъ училища слѣдовали регламенту того ордена, на средства котораго содержались. Потому и отвѣтъ нашъ въ данномъ случаѣ будетъ направленъ по адресу заявленія Чацкаго.

Въ Волынской губерніи до открытія дѣйствій эдукаціонной комиссіи (до 1773 г.) и при ея управленіи до 1792 г. число школъ оставалось одно и то же, а число учениковъ уменьшилось съ 2561—въ 1775 году до 2386 въ 1789 году; въ Подольской губерніи школьное дѣло за указываемое время оставалось на одномъ уровнѣ; въ Кіевской губерніи число учениковъ нѣсколько увеличилось, хотя школы оставались тѣ же. Съ 1792 по 1803 годъ, при русскомъ правительствѣ, число школъ въ Волынской губерніи сравнительно съ предыдущимъ временемъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ (съ 9 школъ до 46), въ Подольской губерніи въ восемь разъ (съ 3 до 25), въ Кіевской оставались прежнія три школы. Съ увеличеніемъ училищъ, увеличивалось, понятно, и число учащихся. (Исторія Императорскаго университета Св. Владимира. Владимірскаго—Буданова. Кіевъ. 1884 г. т. I. 7—11, 17—19).

Въ качественномъ отношеніи эдукаціонная комиссія не оказала, да и не могла оказать, при краткости и предвзятой односторонности своей дѣятельности, особеннаго вліянія на существующія школы и быстро поднять и улучшить результаты ихъ

дѣтельствовать объ этомъ"... И это говорилось о человѣкѣ крайне распущенномъ, своенравномъ, грабителѣ эдукаціоннаго фундуша, вѣчно воевавшемъ съ Виленскимъ университетомъ, жалованье учителей и профессоровъ обращавшемъ въ свою пользу и т. д. и т. д. Ниже мы встрѣтимся еще съ отзывомъ о немъ: но удивительно то, какъ мало современники знали своихъ согражданъ и восписывали похвальное тѣмъ, кого, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало казнить презрѣніемъ. Потомъ, правда, нашла коса на камень; и Массальскій кончилъ позорную жизнь на висѣлицѣ; но сколько же зла натворилъ онъ въ собственномъ отечествѣ!...

дѣятельности. И въ этомъ случаѣ старое увѣреніе, „что Польша передъ концомъ своего бытія извлекла громадныя зиждительныя силы извнутри собственнаго національнаго духа, не находитъ для себя основанія и подтвержденія. Если Польша, умудренная опытомъ (раздѣломъ 1772 г.), вступила, по словамъ Чацкаго, на путь спасительныхъ реформъ и, усвоивъ начала просвѣтительной философіи XVIII вѣка, приступила къ ихъ осуществленію раньше, чѣмъ государства, которыя хвалились изобрѣтеніемъ этихъ философскихъ принциповъ", то, во всякомъ случаѣ, по какой то ироніи судьбы, благія желанія такъ и оставались желаніями, жизнь же совершала свое дѣло и шла прежнею колеей: сама комиссія часто не исполняла того, что предписывала другимъ. Извѣстный Снядецкій, при одномъ воспоминаніи объ эдукаціонной комиссіи, впадаетъ въ сильное раздраженіе за ея нерадѣніе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ Краковской главной школы*) особенно по предметамъ естественныхъ наукъ, за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за ея нарушеніе ею же изданныхъ уставовъ, за назначеніе лицъ неспособныхъ къ учительскому званію, за то, что она тормазила всѣ дѣла, за то, что эдукаціонная комиссія требовала отъ главной школы чего то иного, а не спокойнаго служенія наукѣ. Заявляя въ 1788 году отъ имени всѣхъ профессоровъ Краковской главной школы протестъ противъ дѣйствій эдукаціонной комиссіи, Снядецкій пишетъ: „мы всѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать ли службу, или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польшѣ академіи, что самые старательные ея труды не могутъ доставить ея корпораціи ни вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ тружениковъ, чѣмъ объ ихъ поддержкѣ и поощреніи" (Listy Śniadeckiego—стр. 8.) Когда комиссія безъ всякой причины уволила профессора Богдановича и на должность предсѣдателя физической коллегіи по собственному усмотрѣнію назначила никуда негоднаго Тищинскаго, чѣмъ оскорблены были всѣ профессора, Снядецкій въ отчаяніи восклицаетъ:

*) Снядецкій тридцать одинъ годъ провелъ въ Краковѣ и былъ тамъ въ академіи профессоромъ и ученымъ секретаремъ.

„Далъ бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое либо назначеніе учебнымъ суммамъ, если ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ краю“ „Ты самъ, пишетъ онъ Коллонтаю, наилучше знаешь, что эдукаціонная комиссія то какъ будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что постановила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ. Мы и на себѣ испытываемъ крайнюю ея непослѣдовательность; касса ея не только не отпускаетъ регулярно жалованья, но даже не удостоиваетъ отвѣтомъ; не знаю, что дальше будетъ. Нужно установить законы, чтобы сдѣлать комиссію болѣе дѣятельною и не столь смущающею людей своими противорѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ. какъ то было доселѣ. Неустойчивость въ законахъ, доселѣ бывшая характернымъ недостаткомъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу образованія. Эта неустойчивость все, что было хорошо устроено въ нашей академіи, извратила, и при томъ такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехсотъ тысячъ (положенныхъ на ея содержаніе). расходуемыхъ ежегодно, то можно утверждать, что большая половина этой суммы погибнетъ и будетъ обращена во вредъ наукамъ и образованію (ibid. 17.) Часто упоминая о своихъ долгихъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на пріобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій“, Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недовѣріе.“ То же самое, по его словамъ, было съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ, комиссія не пріобрѣла, ботаническій садъ оставался въ запустѣніи; клиника отдана была, по распоряженію комиссіи, въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ ея членовъ, какому то ксендзу Морошевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать“, широко тратилъ ея средства на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущались всѣ профессора (ibid. 39—44). Снядецкій завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что комиссія по нерадѣнію ни о чемъ не заботится. Члены комиссіи позво-

ляли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессоры назначались не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ комиссіи; точно также производилась раздача окладовъ, прибавокъ... „Професоры были того мнѣнія, что комиссія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ". Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени второго раздѣла Польши, весь совѣтъ рѣшился подать жалобу на дѣйствія комиссіи, что и сдѣлалъ Снядецкій на Гродненскомъ сеймѣ. (Кіевская Старина 1882 г. т. I. 284, 285).

Такого же рода оказались результаты вліянія и дѣятельности эдукаціонной комиссіи и на другія школы. Прежде всего началась затаенная упорная борьба между комиссіей и школьными властями. Послѣднія очень долго игнорировали ея постановленія и продолжали свое дѣло по старинѣ, по своему. „На собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоромъ, префектомъ, учителями) чтеніемъ уставовъ комиссіи, говоритъ одинъ изъ первыхъ визитаторовъ школъ въ 1782 г. (ксендзъ Головчицъ), послѣ открытія дѣйствій эдукаціонной комиссіи. Цѣлый же годъ лежатъ у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія и угрозы". (Кіевск. Старина 1882 г. т. I. 298). Самыя академическія школы (т. е. устрояемыя по уставу эдукаціонной комиссіи) не пользовались уваженіемъ многихъ современниковъ. Ректоръ Виленскаго университета Почобутъ, оставаясь ректоромъ до конца XVIII стол., никогда не сочувствовалъ реформамъ эдукаціонной комиссіи и никогда не исполнялъ ихъ во всемъ составѣ (Лукаш. II. 264 примѣч.). Кременецкія іезуитскія школы пользовались такою привязанностію со стороны мѣстной шляхты, что, послѣ закрытія іезуитскаго ордена и передачи іезуитской коллегіи въ вѣдѣніе эдукаціонной комисіи, шляхта долгое время не хотѣла отдавать своихъ дѣтей въ новыя школы и въ Кременцѣ бывало незначительное число учащихся (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 282). Визитаторъ Крусинскій въ 1790 году свидѣтельствовалъ, что монашествующая братія упорно отказывается отъ исполненія распоряженій комиссіи, продолжаетъ содержать школы и учить по старому. По его заявленію, это очень нравится мѣстнымъ обывателямъ, и они, сочувствуя старому строю обученія, охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ такія школы. Визи-

таторъ предлагаетъ употребить всѣ средства, чтобы примѣрно наказать (монаховъ) за такое публичное поруганіе образованія (по уставамъ комиссіи). (ibid—299). Визитаторъ Луцкихъ школъ 1782 года заявляетъ, что онѣ болѣе всего имѣютъ сосѣдей-товарищей, и такое сосѣдство другихъ школъ не академическихъ, особенно базиліанскихъ, очень невыгодно отражается на существованіи школъ Луцкихъ. При близкомъ другъ отъ друга положеніи различныхъ школъ, ученики, по свидѣтельству визитатора, не могутъ склоняться къ школамъ академическимъ, если къ тому не послѣдуетъ особливое понужденіе, при наличности побужденій предпочитать иныя школы академическимъ. Дѣйствительно, у сосѣднихъ базиліанъ школы въ это время были переполнены шляхетскими дѣтьми. (ibid. 301). Служащіе въ Любарскихъ академическихъ школахъ жаловались визитатору (въ 1788 г.), что Любарскіе доминикане всюду, при первой встрѣтившейся возможности, поносятъ академическую систему образованія и тѣмъ подрываютъ между обывателями довѣріе къ лицамъ, трудящимся на пользу этого образованія (ibid. 478). Холмскія школы, преобразованныя эдукаціонною комиссіею изъ піарскихъ въ подокружныя, никогда не пользовались сочувствіемъ мѣстнаго населенія, по свидѣтельству визитатора 1783 г. въ противность увѣреніямъ Лукашевича (IV. 197). Въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними находились іезуитскія коллегіи въ Люблинѣ и Красноставѣ, соперничество съ которыми академическимъ школамъ оказывалось далеко не по силамъ. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 493).

Постановленія эдукаціонной комиссіи, при кажущемся внутреннемъ ихъ достоинствѣ и содержательности, носили на себѣ характеръ торопливости, поспѣшности, и, какъ послѣдствіе этого, заключали въ себѣ много взаимно противорѣчащаго. „Стараясь поставить свою систему возможно серіознѣе, реформаторы, говоритъ Е. Крыжановскій, основательно изучившій дѣянія эдукаціонной комиссіи и школьное дѣло разсматриваемаго нами времени *), ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при наилучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и осла-

---

*) Въ виду высокихъ достоинствъ изслѣдованій Е. Крыжановскаго, мы кое-гдѣ почти дословно будемъ дѣлать изъ него заимствованія.

бить, нежели оживить и развить молодые умы. Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ для молодого ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всестороннія свѣдѣнія, что далеко приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, обществу и государству... Крайняя многопредметность, которая прямо могла подавлять даже лучшихъ учителей, являлась въ то же время обратно пропорціональною какъ въ отношеніи качества наличныхъ учителей, такъ равно и тѣхъ учебныхъ пособій, которыми располагала новая школа. Только съ 1790 года стали появляться въ школахъ, да и то очень немногихъ, учителя, спеціально приготовленные къ своей службѣ. Это были академики (прошедшіе педагогическіе курсы при университетахъ Краковскомъ и Виленскомъ), любившіе свой кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ большинствѣ же училищъ продолжали работать старые учителя, іезуиты, доминикане, піары, базиліане и другіе ордена съ полною ненавистью къ уставамъ комиссіи и съ неодолимою приверженностію къ старымъ школьнымъ порядкамъ и системамъ... Старые птенцы въ старыхъ гнѣздахъ могли и способны были распѣвать только старыя пѣсни. Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ многочисленность въ академическихъ программахъ естественныхъ предметовъ, въ школахъ въ дѣйствительности ихъ почти не было, исключая самыя простыя геометрическія приспособленія для измѣренія полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не одна скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала комиссіи снабжать школы пособіями. „Нѣсколько сотъ тысячъ, говоритъ Снядецкій, бросается (комиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенно необходимые для преподаванія". Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами, скажемъ словами Крыжановскаго. (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 296—298). Отчетъ комиссіи училищъ объ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ западныхъ окраинъ за 1800 годъ прямо свидѣтельствуетъ, что эдукаціонною комиссіей назначена была извѣстная сумма „на искупленіе библіотеки, кабинетовъ и разныхъ инструментовъ, но изъ коммиссіи (эдукаціонной) не была отпускаема

(эта сумма) ни въ одну школу". (Сборн. матер. I. 393). Отъ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ.

Большинство академическихъ школъ было далеко неудовлетворительно по осмотрамъ, которые произведены были эдукаціонною же комиссіей до 1790 года ея довѣренными лицами. По этимъ ревизіямъ многія академическія школы никогда не были на высотѣ своего призванія: стало быть и падать въ нихъ было нечему. Генеральный визитаторъ Каневскихъ подокружныхъ школъ 1787 года нашелъ, что всѣ предметы въ нихъ преподаются слабо, что префектъ не можетъ удерживать должный порядокъ и почти не занимается ими. Даже во время визиты, о которой заблаговременно оповѣщалось, визитаторъ не нашелъ на мѣстѣ одного учителя, который совершенно произвольно уѣхалъ на ярмарку. Ревизоръ думалъ было оштрафовать этого учителя, но, встрѣтивъ затѣмъ шляющихся по Каневу Житомирскихъ учителей, прибывшихъ сюда за двадцать миль, простилъ этого учителя, уѣхавшаго всего за пять миль, поручивъ однако сдѣлать ему выговоръ въ собраніи учителей. На вопросъ визитатора, почему не всегда бываютъ мѣсячныя засѣданія совѣта, собраніе отвѣтило, что „не о чемъ бываетъ совѣщаться". Визитаторъ приказалъ непремѣнно собираться ежемѣсячно, и если бы не оказалось предметовъ для разсужденій, то въ протоколѣ записать: „№ дня и мѣсяца состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта, которое и было закрыто за недостаткомъ предметовъ для обсужденія". Тутъ же учителя жаловались визитатору, что существующая въ Богуславѣ школа отвлекаетъ учениковъ отъ Каневскихъ школъ. Нельзя не быть благодарнымъ визитатору, который оставилъ намъ описаніе и этой школы, такъ увлекавшей Каневскихъ учениковъ. „Проѣзжая изъ Канева въ Кіевъ, я остановился на цѣлый день въ Богуславѣ", говоритъ визитаторъ, „чтобы ознакомиться съ состояніемъ мѣстной школы. Директоръ этой школы... самъ учитъ давнимъ способомъ грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ. Я засталъ до 40 учениковъ, собранныхъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. По экзамену оказалось, что даже мнимые риторы не умѣютъ ни по-польски, ни по-латыни. Я спросилъ директора, знакомъ ли онъ съ курсомъ, предписаннымъ комиссіей просвѣщенія для приходскихъ школъ. Но

онъ отвѣтилъ. что гораздо полезнѣе обучать по-латыни по давнему. Началъ я разговаривать съ нимъ о разныхъ предметахъ по-латыни и убѣдился, что онъ ни старымъ, ни новымъ способомъ не выучился по-латыни. Окончивъ испытаніе, я призвалъ директора къ себѣ и объявилъ ему, что онъ измѣнникъ и публичный обманщикъ, который обманываетъ столько дѣтей, чтобы отнять у нихъ возможность получить образованіе... Я объявилъ ему, что если и впредь онъ будетъ ставить такія же препятствія полезному общественному образованію, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности за обманъ стольких лицъ, сколько въ школѣ его дѣтей. Директоръ обѣщалъ исполнить распоряженіе пресвѣтлой комиссіи и обучать чтенію, письму, религіи и счету (по указаніямъ комиссіи), и при томъ дѣтей только мѣстныхъ оффиціалистовъ". (Кіевск. Стар. 1882 года II. 483—484). И эта школа, безъ всякихъ учебныхъ пособій, безъ сколько нибудь опытныхъ учителей, могла отвлекать учениковъ отъ другихъ школъ. И такая школа была не единственная. Когда въ слѣдующемъ 1788 году тотъ же визитаторъ осматривалъ, по назначенію комиссіи, школы въ великой и малой Польшѣ, то въ Лешно, около Калиша, „нашелъ школу высшихъ наукъ", которая живо напомнила ему Богуславскую школу, почему въ описаніи и характеристикѣ высшей Лешненской школы онъ ограничился только указаніемъ на Богуславскую (ibid. 485).

Представляя отчетъ о подокружныхъ Холмскихъ школахъ, визитаторъ (1787 г.) находитъ нужнымъ указать, „сколько препятствій испытываетъ нынѣшняя (эдукаціонной комиссіи) система образованія отъ піаровъ, шляющихся по Руси (Холмщина) и занимающихся частнымъ обученіемъ безъ вѣдома своего орденскаго начальства". Въ примѣръ приводится школа Немировская, въ которой такой піаръ, „подъ предлогомъ военнаго образованія", обучаетъ невѣсть чему, „единственно въ видахъ своей корысти". Визитаторъ называетъ еще трехъ піаровъ, изъ которыхъ два бродятъ отъ одного обывателя къ другому, напрашиваясь въ домашніе учителя, и кончивъ обученіе въ одномъ домѣ, поступаютъ въ другой. Третій занимаетъ мѣсто директора въ Кременецкихъ школахъ, не слушаетъ приказаній орденскаго начальства о снятіи съ себя піарскаго костюма или о возвращеніи въ орденъ. (Кіевск. Стар. II. 494).

О какихъ-нибудь педагогическихъ пріемахъ въ обученіи или системѣ тутъ не могло быть и рѣчи.

Въ Олыцкихъ школахъ визитаторъ нашелъ (въ 1789 г.), что „учителя при усиленной заботливости ксендза-проректора, стараются, *насколько можно*, поставить обученіе на ту точку, на которой оно стоитъ всюду... Но, не имѣя никакихъ математическихъ приборовъ, они не могутъ заниматься практическою геометріей, или,—когда ни учитель, ни ученики не имѣютъ ни одного циркула,—то нельзя заниматься (съ успѣхомъ) рисованіемъ. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 451). Шаргородскія школы визитація находила въ весьма плохомъ состояніи, по нерадѣнію и невѣжеству базиліанъ (ibid. 466).

О составѣ учителей и успѣхахъ учениковъ въ Барскихъ школахъ визитаторы отзываются весьма неодобрительно: это были однѣ изъ самыхъ плохихъ школъ. Причину такого печальнаго состоянія этихъ школъ находили въ нездоровой болотистой мѣстности, среди которой расположенъ городъ. Потому способные учители всѣми мѣрами уклонялись отъ поступленія туда на должность (ibid. 469). Въ Любарскихъ школахъ визитаторъ нашелъ въ 1788 году слѣдующіе приборы по физикѣ и математикѣ: два негодныхъ къ употребленію столика для измѣренія, желѣзную цѣпь—поломанную, астролябію, также поломанную и негодную къ употребленію и больше ничего. Школьная библіотека почти не существовала (ibid. 477). Объ Овручскихъ школахъ визита 1782 года отзывается, что онѣ никогда не были въ цвѣтущемъ состояніи, что мѣстное полудикое населеніе отличалось крѣпкою привязанностію къ своимъ старымъ обычаямъ, составлявшимъ грубую смѣсь язычества съ христіанствомъ. Расположенныя на окраинѣ, населенной мелкою шляхтою, чуждой всякаго образованія, эти школы, по мнѣнію визитатора, должны обратить на себя особенное вниманіе пресвѣтлой комиссіи. Мѣстная молодежь и большая часть обывателей *мало знакомы съ польскимъ языкомъ*. Необходимо, потому, писалъ визитаторъ, посылать сюда способныхъ учителей, которые могли бы распространить здѣсь науку и цивилизовать самый край. Но, сохрани Богъ, прибавлялъ онъ, поручать эти школы монахамъ (какимъ-нибудь орденамъ); это значило бы укрѣпить въ этомъ краѣ гнѣздо

суевѣрій... Я совершенно не одобряю мысли—отдать эти школы и костелъ базиліанамъ, отъ которыхъ нельзя ожидать надлежащаго обученія". Но эдукаціонная комиссія, несмотря на указанное предостереженіе, нашлась вынужденною послѣ 1784 года передать эти школы базиліанамъ. Визита 1788 года отзывается однако съ большою похвалою объ усердіи учителей и успѣхахъ учениковъ *въ этомъ захолустьи, куда трудно проникнуть свѣту.* Не было только здѣсь сколько-нибудь порядочной библіотеки; приборовъ геометрическихъ было не много, да и тѣ попортились отъ употребленія; по физикѣ не было никакихъ пособій. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 479, 480). Владимірскія школы, по отзыву визитатора 1788 года, оказались очень неудовлетворительными по своимъ успѣхамъ въ наукахъ. Первый классъ былъ совсѣмъ плохъ; второй лучше перваго, но въ ариѳметикѣ также плохъ. Прочіе классы брали только памятью безъ всякаго пониманія. Ученики не имѣли почти никакихъ свѣдѣній по исторіи и праву, и „самъ учитель не знакомъ съ естественнымъ правомъ", такъ что визитаторъ долженъ былъ долго наставлять его въ понятіи объ этомъ предметѣ и указать источники для его преподаванія (ibid. 457).

Было еще очень немало другихъ обстоятельствъ, которыя много мѣшали успѣху школъ академическихъ. Извѣстно, какъ вредно отражаются на успѣхахъ школы частыя перемѣщенія учителей. Между тѣмъ эта мѣра почему то нерѣдко практиковалась въ школахъ съ полнымъ составомъ учителей того или другого ордена. „Сличивъ списки служащихъ во всѣхъ базиліанскихъ школахъ за 1787—1790 годы, мы не находили ни одной школы, говоритъ Е. Крыжановскій, въ которой большинство служащихъ, часто всѣ до одного, не были бы перемѣщаемы ежегодно съ одного мѣста на другое, безъ всякаго соображенія съ пользою для учебнаго дѣла и очевидно съ единственною цѣлію пріучить монашествующихъ къ безусловной покорности, смиренію, умерщвленію въ себѣ всякихъ внѣшнихъ привязанностей, честолюбія и т. под.... (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 487). Иногда перемѣщеніе учителя составляло незамѣнимую потерю для того мѣста, откуда его перемѣщали. Визита 1788 года свидѣтельствуетъ, что въ Винницкихъ школахъ учителемъ физики состоялъ въ это время нѣкто Демидо-

вичъ. Поступивъ на должность, Демидовичъ не засталъ въ школѣ ни одного физическаго инструмента и рѣшилъ самъ приготовлять таковые. Но его работы были остановлены, за перемѣщеніемъ его въ Овручь. Такое перемѣщеніе полезнаго учителя по меньшей мѣрѣ непонятно (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 473). Такіе факты объясняютъ негодованіе Снядецкаго на распоряженія комиссіи, которая, повидимому, не только не содѣйствовала иногда успѣхамъ школы, но какъ будто ихъ игнорировала. Визита 1782 г. свидѣтельствовала, что проректоръ Овручскихъ школъ ксендзъ Соболевскій обращаетъ на себя особенное вниманіе своею глубокою любовію къ механикѣ и архитектурѣ, въ которыхъ оказываетъ услуги обывателямъ. „Этотъ ксендзъ обладалъ большою сноровкою въ выдѣлкѣ математическихъ и физическихъ инструментовъ. При немъ этимъ работамъ обучалось много молодыхъ людей... Я видѣлъ нѣсколько математическихъ приборовъ, сдѣланныхъ имъ, говоритъ визитаторъ; они уступаютъ заграничнымъ, но въ полевыхъ работахъ могутъ имѣть предъ ними преимущество. Если бы пресвѣтлая комиссія, продолжаетъ визитаторъ, рѣшила надѣлить школы математическими и физическими инструментами, то можно бы условиться съ ксендзомъ Соболевскимъ на счетъ доставки ихъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ“. Но комиссія, по справедливому замѣчанію Е. Крыжановскаго, упустила этотъ единственный случай, чтобы снабдить школы необходимѣйшими инструментами, не поддержала этого перваго зарождавшагося въ краѣ заведенія, какъ поддерживала разныя ненужныя для школъ фабрики. Новый визитаторъ добавляетъ: „относительно выдѣлки инструментовъ ксендзъ Соболевскій донесъ мнѣ, что она прекращена; такъ какъ пресвѣтлая комиссія не дала завѣренія въ производствѣ заказовъ, то рабочіе, въ числѣ восьми человѣкъ, пріученные имъ къ этого рода работамъ, разбѣжались въ разныя стороны и, не имѣя чѣмъ жить, одни занялись позолотою, другіе принялись за бронзовыя издѣлія, иные стали часовщиками, отчего Соболевскій понесъ большіе убытки. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 481). Иногда на мѣсто достойнаго и заботливаго начальника назначали далеко не соотвѣтствующаго своему положенію. Такъ, на мѣсто проректора Луцкихъ школъ, ксендза Попель-Бронніовскаго, человѣка очень умнаго, опытнаго, энергичнаго, переведеннаго на другое мѣсто,

былъ назначенъ ксендзъ Прушинскій. О послѣднемъ генеральный визитаторъ 1792 года отзывается, какъ о человѣкѣ, который „страдаетъ запоемъ, на соблазнъ учащимся“, и замѣчаетъ при этомъ, что при немъ, по его винѣ, творится въ школахъ много безпорядковъ. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 303).

Были и другія болѣе частныя причины, вредно вліявшія на успѣшность въ школахъ ученія. Ученикамъ, окончившимъ курсъ, уставъ позволялъ оставаться въ послѣднемъ классѣ для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ предметахъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ другихъ. Визитаторы въ своихъ отчетахъ указывали, что примѣръ такихъ учениковъ сильно ослаблялъ усердіе къ занятіямъ не окончившихъ курса. Потому во избѣжаніе зла визита рекомендовала допускать къ занятіямъ одною наукою только тѣхъ изъ окончившихъ курсъ, которые были заняты какою-нибудь службою (давали, напр., уроки языковъ, музыки...), или такихъ, которые, оказавши вполнѣ удовлетворительные успѣхи во всѣхъ наукахъ (до окончанія курса), потомъ, избравши одинъ какой нибудь предметъ, постоянно были бы имъ заняты, посредствомъ чтенія книгъ, приготовленія диссертацій для публичнаго прочтенія ихъ и не тратили бы напрасно времени, при свободѣ отъ занятій другими предметами. Базиліане въ своихъ школахъ освобождали еще отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ тѣхъ изъ учениковъ высшаго класса, которые изъявили желаніе поступить въ студіи *). Такіе ученики, оставаясь въ школахъ, посѣщали вмѣстѣ и уроки въ студіяхъ, ради которыхъ они были освобождаемы отъ нѣкоторыхъ предметовъ школьнаго курса. Подобное явленіе казалось нѣкоторымъ визитаторамъ до того вреднымъ въ учебномъ дѣлѣ, что они подумывали даже, какъ бы закрыть самыя студіи, но другіе находили возможнымъ терпѣть ихъ. (ibid. II. 467, 468).

Жаловались также визитаторы, что въ нѣкоторыхъ школахъ устрояются театральныя представленія. Визитаторъ Острожскихъ школъ 1788 года, излагая причины слабыхъ успѣ-

---

*) Студіями иначе, новиціатами назывались такіе школьныя учрежденія курсовъ философіи и богословіи, куда опредѣлялись молодые люди, получившіе образованіи, для приготовленія себя къ поступленію въ тотъ или другой монашескіе орденъ. Кіевск. Стар. 1882 г. I. 267, примѣчаніе 2-ое.

ховъ учениковъ, между прочимъ пишетъ: ,,два раза въ году устрояются здѣсь діалоги безъ всякаго вкуса. Лучшихъ учениковъ выводятъ при этомъ на сцену и заставляютъ играть какія либо смѣшныя роли: жида, напр., хлопа, что, какъ сами ученики заявляли мнѣ, говоритъ визитаторъ, отнимаетъ у нихъ много времени''. Онъ вообще распорядился, чтобы ,,во избѣжаніе пересудовъ, служащіе въ школахъ прекратили сценическія представленія (ibid. II. 465). Въ школахъ Межирѣчскихъ и Острожскихъ заведены театральныя представленія, говорится въ школьной визитѣ. Такъ какъ они не имѣютъ основанія въ уставѣ пресвѣтлой комиссіи просвѣщенія, отнимаютъ много учебнаго времени и влекутъ за собою нѣкоторые неприличные и непріятные случаи, то они должны быть воспрещены. (Кіевск. Стар. II. 305). Были и такія школы, въ которыхъ распоряженія эдукаціонной коммиссіи вызывали довольно сильный протестъ со стороны родителей учениковъ, и они готовы были даже оставить школу, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ желаній. Въ этомъ отношеніи особенными симпатіями въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пользовались языки французскій и латинскій, и отсутствіе ихъ въ школьномъ преподаваніи вызывало не только ропотъ со стороны учениковъ, а прямо таки бѣгство въ другія школы съ французскимъ, напримѣръ, языкомъ. ,,Однимъ изъ средствъ къ привлеченію учениковъ въ Луцкія школы послужило бы преподаваніе въ нихъ французскаго языка, говоритъ визитаторъ. Правда, что здѣсь болѣе нуждаются въ нѣмецкомъ языкѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ австрійской границей; но обыватели повсюду признаютъ, что французскій языкъ болѣе пріятенъ и что во французскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ нѣмецкихъ. Я самъ видѣлъ (слова визитатора) какъ ученики ѣдутъ черезъ Луцкъ во Владиміръ для поступленія туда въ школы, ради обученія въ нихъ французскому языку. Многіе ученики, послѣ вакацій, хотѣли оставить Луцкія школы, особенно изъ круга паничей (баричей), которыхъ заранѣе слѣдовало бы располагать къ учебному вѣдомству. Я удержалъ ихъ только надеждою на то, что съ началомъ учебнаго года будетъ назначенъ учитель французскаго языка, чѣмъ удовлетворены будутъ ожиданія обывателей. Если я обманусь въ этой надеждѣ, со скорбію замѣчаетъ визитаторъ, то перестану уже и пи-

тать ее". (Ibid. 302, ср. 451, пр. 1). Да, прибавимъ отъ себя, заботливому визитатору пришлось обмануться какъ въ этой надеждѣ, такъ и во многихъ другихъ ожиданіяхъ относительно Луцкихъ школъ. Очевидно, комиссіи не нравились сдѣланныя замѣчанія, и самъ авторъ ихъ, противъ желанія, переведенъ былъ на другое мѣсто (ibid.) Олыцкая и сосѣдняя шляхта неоднократно настаивали, вопреки распоряженіямъ комиссіи, о введеніи въ Олыцкихъ школахъ разговорнаго латинскаго языка. Нѣсколько лѣтъ эдукаціонная комиссія отказывала просителямъ въ такомъ требованіи, постоянно рекомендуя польскій языкъ. Наконецъ, въ 1788 году, въ виду усиливающагося недовольства мѣстной шляхты и принятаго ею угрожающаго положенія, настойчивость комиссіи поколебалась и въ угоду шляхтѣ предписано было старшимъ ученикамъ говорить по-латыни. Въ концѣ 1789 года дано разрѣшеніе побуждать къ тому же и учениковъ низшихъ классовъ. Визитаторъ Олыцкихъ школъ 1789 года доноситъ комиссіи, что имъ „подтверждено распоряженіе прошлогодней визиты о томъ, чтобы учитель краснорѣчія разговаривалъ съ учениками, а ученики III класса говорили съ нимъ и между собою не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ. (Кіевск. Стар. II. 454). Относительно Луцкихъ школъ визитаторъ заявляетъ, что онѣ имѣли бы несравненно болѣе учениковъ, если-бы не были ограничены тремя учителями, вмѣсто прежнихъ шести. Десятки разъ приходилось объяснять обывателямъ, говоритъ визитаторъ, что дѣти одинаковую пользу получаютъ при трехъ, какъ и при шести учителяхъ и что въ тѣхъ и другихъ школахъ преподаются одни и тѣ же предметы. Но обыватели не хотятъ вѣрить этому, утверждая, что учитель, принужденный полчаса заниматься съ первогодичными учениками, а другіе полчаса съ второгодичными, поневолѣ приноситъ всѣмъ ученикамъ меньшую пользу, чѣмъ тотъ, который занимается цѣлый часъ съ одними и тѣми же учениками. *)

*) (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 302). Очень интересно, если визитаторъ серіозно вѣрилъ въ одинаковую пользу получасовыхъ занятій учителей съ учениками наравнѣ съ часовыми. Такъ называемыя въ настоящее время „самостоятельныя занятія" юныхъ школьниковъ могутъ быть терпимы, въ виду недостатка средствъ для найма отдѣльныхъ учителей для каждаго класса, и поневолѣ приходится учениковъ съ различными познаніями и разновременнаго поступленія дѣлить въ одной классной комнатѣ на отдѣленія. Но успѣхи въ такихъ отдѣленіяхъ, какъ доказываетъ многолѣтняя добросовѣстная педа-

Обыватели на сеймикахъ дѣлали постановленія просить комиссію объ увеличеніи числа учителей въ школахъ; но подобныя заявленія не имѣли успѣха (ibid. II. 302).

Разнаго рода многочисленные школьные отдыхи, рекреаціи, вакаціи, праздники тоже вредно отражались на успѣхахъ учениковъ. При польскомъ управленіи нашими западными окраинами, во всѣхъ школахъ, содержимыхъ разными монашескими обществами, были послѣ полудня еженедѣльно рекреаціи по четвергамъ и вторникамъ. (Уроки были до полудня и послѣ полудня съ двухчасовымъ промежуткомъ). Кромѣ того, въ теченіе года были три главные перерыва занятій: на праздники Рождества Христова и Пасхи и вакаціи съ половины іюля по 1-е сентября. Эдукаціонная комиссія, удержавъ еженедѣльныя рекреаціи, ,,яко необходимыя къ ободренію силъ", ограничила однако ихъ тѣмъ постановленіемъ, что, если на какой нибудь недѣлѣ случится одинъ или два праздничныхъ дня, то ихъ слѣдовало зачесть вмѣсто обычныхъ рекреацій. Что же касается перерывовъ ученія на праздники Рождества Христова и Пасхи, то комиссія совершенно отмѣнила ихъ, такъ какъ ученики обыкновенно пораньше старались убраться изъ училища домой на праздники и попозже воротиться въ училище. Каждый праздникъ стоилъ училищу 3—4 недѣль. Комиссія распорядилась не отпускать учениковъ изъ училищъ на праздники и начинать ученіе на третій день Рождества Христова и Пасхи. Взамѣнъ того, она удлинила лѣтнія вакаціи до двухъ мѣсяцевъ съ 29 іюля по 29 сентября. Но старыя привычки были слишкомъ глубоки, чтобы можно было искоренить ихъ. Отчетъ о Подольскихъ школахъ за 1801 годъ замѣчаетъ, что ,,сіе новое учрежденіе о главныхъ роздыхахъ учинено только

гогическая практика, обратно пропорціональна ихъ количеству. Нечего и говорить, какъ треплется при этомъ самъ учитель. Пишущему эти строки въ семидесятыхъ годахъ приходилось изучать школьное педагогическое дѣло заграницею. Поклонникъ введенной тогда системы городскихъ училищъ со многими отдѣленіями и получасовыми, а то и меньше, занятіями учителя, при „самостоятельныхъ“ работахъ учениковъ, онъ, подобно указанному визитатору отстаивалъ передъ нѣмцами успѣшность подобной системы. Das ist unbequem. слышалось въ отвѣтъ на это отъ самыхъ снисходительныхъ нѣмецкихъ педагоговъ. Но болѣе прямые, авторитетные, въ родѣ Кера, Диттеса, прямо таки заявляли: das ist sehr schwer, das ist unmöglich... (Замѣчанія вполнѣ вѣрныя).

около 1780 года, и новые школьные порядки, особенно при эксъ-iезуитахъ, не успѣли утвердиться, а старые вовсе не вышли изъ обычая: почему нынѣ и двумѣсячныя вакацiи соблюдаются, и оные вышеписанные праздники (перерывы ученiя во время Рождества Христова и Пасхи) не оставляются, но не столько по винѣ учителей, сколько по старинному обычаю и желанiю самихъ родителей видѣть съ собою въ праздники дѣтей своихъ, которые здѣсь почти всѣ суть прiѣзжiе изъ повѣтовъ. Ущербъ сей въ учебномъ времени тѣмъ примѣтнѣе, что отъѣздъ и прiѣздъ многихъ учениковъ не регуляренъ, почему учители съ продолженiемъ науки принуждены прiостанавливаться. Такимъ образомъ, на двое праздниковъ (Рождества Христова и Пасхи) приходитъ до шести недѣль, на вакацiи до десяти, да три недѣли на три экзамена, бывающихъ предъ оными праздниками и вакацiями, такъ что изъ пятидесяти двухъ недѣль годового времени остается учебнаго только около тридцати трехъ недѣль. Кромѣ того, поелику здѣсь соблюдаются знатнѣйшiе праздники восточныя и западныя церкви, то и въ тѣхъ тридцати трехъ недѣляхъ надобно исключить на каждую по крайней мѣрѣ по одному дню". (Сборн. матер, I. 707, 708). И въ данномъ случаѣ распоряженiе комиссiи о сокращенiи прогульныхъ учебныхъ дней имѣло обратный результатъ: въ училищахъ удержались старые неопредѣленные продолжительные праздничные отдыхи, а къ нимъ еще прибавились удлиненныя болѣе прежняго лѣтнiя вакацiи.

Но особенно несоотвѣтствующую окраску всему школьному дѣлу придавали специальныя военныя упражненiя, которыя, по уставу комиссiи, тщательно должны были вестись по всѣмъ училищамъ. Кромѣ политики, которую они вносили въ школы и которая не уживается съ педагогикою, военныя упражненiя отнимали у учениковъ массу времени отъ прямыхъ ихъ занятiй, прiучали къ парадамъ и мало-по-малу заставляли учащихся относиться легко или даже съ презрѣнiемъ къ занятiямъ серiознымъ ученiемъ. Военныя упражненiя почему то особенно поддерживались и поощрялись комиссiей. Не бѣда, что въ школахъ не было необходимаго количества достойныхъ учителей, не было учебниковъ и пособiй по разнымъ предметамъ; между тѣмъ извѣстное количество ружей, сабель и пр. высылалось комиссiей въ школу, по первому требованiю по-

слѣдней. Мы говорили выше, какъ неудовлетворительны были успѣхи во Владимірскихъ школахъ по всѣмъ научнымъ предметамъ: учители не имѣли часто даже понятія о томъ предметѣ, который преподавали. И не въ одномъ какомъ нибудь году замѣчалось такое явленіе; всѣ визитаторы свидѣтельствовали о крайнемъ упадкѣ владимірскихъ школъ. Такой отзывъ о нихъ далъ и визитаторъ 1788 года. Но при этомъ онъ прибавилъ, что ни въ одной школѣ визитаторъ „не видѣлъ такого совершенства въ физическомъ воспитаніи, какъ здѣсь. Военныя упражненія учениковъ представляли прекрасный видъ, прибавляетъ визитаторъ, и по мнѣнію офицеровъ, присутствовавшихъ при этомъ вмѣстѣ со мною, производимы были съ точностію". По этому случаю комиссія поручила визитатору выразить ректору Владимірскихъ школъ „ея почтеніе и память о немъ". (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 457). По свидѣтельству другого визитатора, межирѣчская шляхта на сеймѣ 1789 года постановила, дабы на каждую школу выдано было на счетъ казны по 50 ружей, какъ для военныхъ упражненій, такъ и на случай нужды въ защитѣ города отъ враждебныхъ нападеній (ibid. 492). Школа, такимъ образомъ, являлась какъ бы охраннымъ гарнизономъ, а юные школьники должны были воображать себя спасителями отечества. Такимъ своимъ положеніемъ они иногда и злоупотребляли, заставляя *силою оружія* дѣлать имъ угодное. Холмскіе ученики, надѣленные саблями и ружьями для военныхъ упражненій, первое примѣрное сраженіе хотѣли дать своему ректору. Во время возникшаго по какому то поводу возмущенія, недовольные своимъ ректоромъ они, по свидѣтельству визиты, стали серіозно угрожать ему ружьями и саблями, и ректоръ шесть недѣль безвыходно долженъ былъ просидѣть въ своей квартирѣ (осадное положеніе!), пока возмущеніе не было усмирено (ibid. 493). Даже каневскіе базиліане, содержавшіе съ пособіемъ отъ эдукаціонной комиссіи едва ли не одну изъ самыхъ плохихъ школъ въ краѣ, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ Каневъ въ 1787 году на свиданіе съ Императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, сполна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски. (Кіевск. Стар. 1882. I. 459). И взглядъ каневскихъ базиліанъ вполнѣ согласовался съ уставомъ эдукаціонной ко-

миссіи, которая въ успѣшности военныхъ упражненій видѣла вѣнецъ школьнаго дѣла... Но наиболѣе предписываются упражненія военныя, говорится въ уставѣ комиссіи, которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести... свойственными шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ штурмѣ и оборонѣ какого либо мѣста, вообще научающія военному строю, порядку и военному закону... Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго настроенія, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаще руководимые, научатся отличать благородную отвагу отъ фальшиваго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ, что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ, долженъ быть солдатомъ, т. е. охранителемъ своего отечества, неглядящимъ вспять, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченіяхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабыхъ сильными, отъ пустого удальства и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ во главѣ другихъ во время подобныхъ упражненій, когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ воспѣвать своего товарища въ стихахъ. Такое нераздѣльное физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ. (Ustawy kommissij edukacij narodowej—61, 62. Кіевск Стар. 1882 г. I. 457, 458). *),

---

[7]) Любопытны мотивы, говоритъ Е. Крыжановскій, къ которымъ прибѣгали впослѣдствіи для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена варшавскаго герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи царства польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, за матеріализмъ, за солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой комиссіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный

Размѣры просвѣтительной дѣятельности эдукаціонной комиссіи еще болѣе сократятся, если обратимъ вниманіе на то, что эта дѣятельность въ каждой мѣстности, гдѣ были школы, обнимала слишкомъ незначительный районъ, да и въ этомъ районѣ она предоставляла духовную трапезу далеко не всѣмъ его обитателямъ, а только нѣкоторымъ—избраннымъ—панятамъ или барчукамъ. Что же касается обыкновеннаго простого народа, нешляхты, то относительно его образованія составлялись только проекты, по этому поводу возникали лишь многія благія желанія. Это совершенно понятно. Нужно помнить, что мы говоримъ о концѣ XVIII вѣка и притомъ въ польскомъ государствѣ. Тамъ, болѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ, сильна была сословность, тамъ слишкомъ давали знать о себѣ многообразныя привилегіи высшихъ классовъ. То были времена крѣпостного права, и притомъ какого!.. Тутъ новыя школьныя реформы будто бы требовали общаго равенства. Творцы ихъ хорошо понимали, говоритъ Е. Крыжановскій, застарѣлую болѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства, и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ наилучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали и то, что шляхта составитъ необоримую преграду противъ этихъ попытокъ и скорѣе разрушитъ Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ,

---

своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ Матусевичъ, отвергая упреки въ антирелигіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ отзывался такимъ образомъ: „польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Они не противны религіи и потому ихъ нужно укрѣплять. Рождаются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ же отвѣтимъ ему на благодѣянія, *если не станемъ для него щитомъ, который могъ бы защищать его?* Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбѣжно ведетъ его къ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовалъ упадокъ военнаго духа, надлежитъ еще въ школахъ внаять его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и наиболѣе приготовленнаго на случай нужды. Вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай молодежь проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата.—Словомъ, пускай девизомъ ея будетъ: Богъ, отечество, слава... ibid. 458, 459, примѣч. 1.

потому что Польша, по ея убѣжденію, это она—шляхта. Реформаторы школы старались найти средство, чтобы, не трогая правъ шляхты, можно было приложить могущественную силу школы ко всѣмъ низшимъ безправнымъ классамъ, чтобы изъ нихъ приготовить надежныхъ защитниковъ отечества. Потребовалась особая ловкость, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и въ самомъ началѣ не уничтожить этого дѣла. Рѣчь Пирамовича 7 марта 1786 года по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для парафіальныхъ (приходскихъ) школъ довольно ясно рисуетъ идею сельской школы. „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника, говоритъ Пиромовичъ, издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями *въ отношеніи къ своимъ панамъ*, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди послѣдуютъ указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только *вѣрными* краю и *своимъ панамъ*, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе того, чтобы образованіе равномѣрно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на всѣ сословія народа соотвѣтственно нуждамъ каждаго. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ населенія. Высшіе классы, призванные къ управленію страною, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать ихъ души къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители страны, совѣтники и стражи отечества. *Тѣ же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать трудъ свой на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и воздѣлывать плоды земные для общей пользы и выгоды* или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, *необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ* и для всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ нравственныя и физическія свѣдѣнія, соотвѣтственныя ихъ призванію. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая

берется раскрывать истину, осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоятельствъ и мѣстныхъ взглядовъ. Опасно было бы вдругъ ниспровергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если бы ея блескъ разомъ ударялъ на слабыя и не приготовленныя очи, то могъ бы лишить ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить". (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 461, 462).

Изъ приведеннаго разсужденія видно, что „истинное" просвѣщеніе для польскаго мѣщанина и крестьянина состояло въ томъ, чтобы онъ окончательно пришелъ къ глубокому сознанію, что крѣпостное состояніе его—нормальное состояніе, что деревня должна представляться ему крѣпостническимъ раемъ, что всѣ труды свои, а также и плоды этихъ трудовъ онъ долженъ приносить въ жертву своимъ панамъ-опекунамъ и господамъ. Другими помышленіями ему никоимъ образомъ нельзя было задаваться. Вся педагогика Пирамовича относительно сельской школы, за немногими исключеніями, производитъ въ общемъ въ своемъ духѣ и направленіи, говоритъ Е. Крыжановскій, тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить польское крѣпостное ярмо, сдѣлать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною панскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши.

Все свое педагогическое зданіе Пирамовичъ строитъ на *правѣ натуры*, въ которой, по тогдашнему міровоззрѣнію, сокрыта воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе. „Божія воля, говоритъ онъ, предопредѣлила имъ такое состояніе!" (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 465). И такимъ удивительно страннымъ языкомъ говорили тѣ, которые хотѣли воспитывать польскаго крестьянина, образовывать его, просвѣщать. И какое тутъ могло быть „истинное" просвѣщеніе, когда вмѣсто воспитанія человѣка-христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ сыномъ Божіимъ, требовалось проповѣдывать о предоопредѣленіи и волѣ натуры, освящающей рабство и налагающей только однѣ обязанности безъ всякихъ правъ. *).

---

*) Надъ такими благодѣтелями крестьянъ зло подсмѣивались въ масонскихъ ложахъ:

Zdepczą kodeks ludzkosci nadęnte magnaty

воспѣвалось въ одномъ изъ гимновъ масонскихъ,

Такъ проектъ парафіальныхъ школъ и остался только проектомъ. Визиты не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній о парафіальныхъ школахъ. Лучшая—находилась въ имѣніи кн. Чарторыйскаго, въ Корцѣ, въ районѣ Межирѣчскихъ школъ; было ихъ нѣсколько на Волыни и въ Холмскомъ округѣ. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 492, 494). Но большею частію визиты отзываются, что осмотръ парафіальныхъ школъ порученъ ректору такого то района, или, что эти школы въ отчетномъ году посѣтилъ такой то ректоръ. Но по провѣркѣ Е. Крыжановскимъ визитъ за разные годы, оказывается, что осмотрѣнныя якобы въ этомъ году парафіальныя школы въ слѣдующемъ, при ревизіи, въ дѣйствительности не оказались. Такъ, о Кременецкихъ парафіальныхъ школахъ, осмотрѣнныхъ якобы ксендзомъ ректоромъ Свѣбоцкимъ въ 1788 году, визитаторъ 1793 года замѣчаетъ: „изъ всѣхъ этихъ названныхъ школъ я не нашелъ ни одной, какъ въ самомъ Кременцѣ, такъ и въ его околицахъ". И въ визитахъ другихъ годовъ совершенно не упоминается о приходскихъ школахъ въ районѣ Кременецкомъ. (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 283). Такой же отзывъ визитаторъ 1793 г. дѣлаетъ и о приходскихъ школахъ Луцкаго района (tych żadnych niemasz ani w Lucku, ani w bliskiey okolicy), хотя по визитѣ 1788 г. названа школа въ Берестечкѣ, актъ осмотра которой отосланъ окружному ректору. (ibid. 297 и примѣч. 1). Указывается въ визитѣ приходская школа въ Купинѣ—районъ Каменецкій (въ Подоліи); но о ней замѣчено, что элементарныхъ книгъ (т. е. изданныхъ эдукаціонною комиссіею) въ ней не употребляютъ, и никакихъ не представляютъ рапортовъ объ ученикахъ и обученіи (Кіевск. Стар. 1882 г. II. 289).

Вообще очень трудно было устроять парафіальныя школы: этому мѣшали какъ внутреннее противорѣчіе проекта о школахъ, такъ равно недостатокъ опредѣленныхъ средствъ и сколько нибудь подходящихъ учителей. Правда, было постановленіе эдукаціонной коммиссіи и объ устройствѣ учительскихъ

Zaprzęgną jak nie dawno, człowieka do pługa—
Bądz bydlęciem, powiedzą, jak byłes przed laty,
My stworzeni na panow, tyś z natury sługa...
O Masonij w polsce—185.

институтовъ (для приготовленія учителей въ парафіальныя школы) въ Ловичѣ и Кѣльцахъ, по историкъ Лукашевичъ (Historya szkoł—II, 417, 418) сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ нибудь документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги эдукаціонной комиссіи и документы всѣхъ школъ. *)

Такимъ образомъ наслѣдство по школьному дѣлу, доставшееся Россіи по послѣднимъ раздѣламъ Польши, было

*) Не смотря на ясное указаніе Лукашевича, замѣчаетъ Е. Крыжановскій, не смотря на то, что доселѣ не имѣется какихъ либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историки и обозрѣватели этого періода до послѣдняго времени продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. Заруцкій (Dawne wychowanie w Polsce—1878 г. насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ (9316 парафіальныхъ школъ съ 296400 учащихся въ нихъ), появившихся будто-бы въ Польшѣ, спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!... (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 463, примѣч...) И все это фабрикуется для того только, чтобы сказать, что учебное дѣло въ нашихъ западныхъ окраинахъ, высоко поставленное при польскомъ правительствѣ, быстро упало съ переходомъ его въ русскія руки. Вообще, польскіе писатели причины неуспѣшности школьнаго дѣла и безрезультатность дѣйствій эдукаціонной комиссіи указываютъ въ раздѣлахъ Польши, которые якобы помѣшали польскому правительству довести до конца начатое дѣло Но, какъ мы видѣли, эти причины таились въ современномъ складѣ польскаго общества, во внутреннемъ противорѣчіи самаго устава комиссіи, въ недостаткѣ подходящихъ людей, какъ исполнителей, и матеріальныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ, напр., не поражать читателя—это, съ одной стороны рѣшительное отрицаніе уставомъ комиссіи образовательнаго значенія классическихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой,—обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественноисторическими и поученіями нравственными:— эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію, Горацію, хоть бы и Катону, эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ. Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ новыми языками, или неизбѣжная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скучавшей по іезуитамъ и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Виргиліи, Гораціи и Цицеронѣ, то и тогда оставалось отложить надежды на мечтательное обновленіе и возрожденіе отечества (Кіевск. Стар. 1882 г. I, 299) А право натуры и основанная на немъ добродѣтель?—Это тотъ же произволъ и распущенность, только на новый ладъ... Всѣ подобныя явленія уже въ свое время выставлялись на видъ такими признанными авторитетами, какъ Снядецкій, Коллонтай, Почобутъ, Чацкій и друг. Съ этимъ вопросомъ мы еще встрѣтимся.

далеко не въ блестящемъ видѣ: школы въ большинствѣ были съ плохими учителями изъ состава разныхъ религіозныхъ орденовъ: учебниковъ, учебныхъ, наглядныхъ пособій, физическихъ инструментовъ и приборовъ не было не только въ средней, но даже и въ высшей школѣ. Школьныя помѣщенія были неудовлетворительны; вознагражденіе за учительскій трудъ являлось довольно скуднымъ, да и то выплачивалось не всегда аккуратно. Правда, на помощь всему этому явился уставъ эдукаціонной комиссіи, но современное общество не видѣло отъ него особенной пользы и потому или прямо вступало въ борьбу съ нимъ, отстаивая старые порядки, или же просто игнорировало его, продолжая вести дѣло по старинѣ. Потому съ тысяча восьмисотаго года русскому правительству сразу пришлось выслушать массу разнаго рода заявленій училищной администраціи въ губерніяхъ, возвращенныхъ Россіи отъ Польши. Въ этомъ году, Подольскій губернаторъ препроводилъ въ комиссію объ учрежденіи училищъ копію съ представленнаго имъ въ сенатъ описанія училищъ этой губерніи. Онъ сообщалъ, что для наблюденія за (бывшими) польскими школами нуженъ директоръ или визитаторъ, который, зная введенное въ здѣшнихъ школахъ обыкновеніе и методъ ученія изъ польскаго на латинскій языкъ, могъ, по временамъ года объѣзжая школы, осматривать и порядокъ наблюдать... (Сборн. матер. I. 167). Въ томъ же году Волынскій губернаторъ сообщилъ комиссіи описаніе школъ губерніи, прося обратить вниманіе на учебники, въ которыхъ иногда (по исторіи) оказывалось ,,свойственное республиканцамъ вольнодумство, противное самодержавной власти'' (ibid. I. 192, ср. 787). Минскій приказъ общественнаго призрѣнія, находя всѣ подчиненныя ему училища неудовлетворительными, проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ къ ихъ поднятію и надлежащей постановкѣ (ibid. 653—655). Всѣ просили книгъ, учебниковъ, пособій.

При такомъ положеніи дѣла, каждое сколько нибудь замѣтное мѣропріятіе комиссіи объ учрежденіи училищъ и вообще по школьному дѣлу повсюду вызывало у мѣстныхъ обывателей самыя сердечныя благопожеланія, неподдѣльный восторгъ. Не говоримъ уже объ открытіи того или другого рода училища. Это былъ настоящій праздникъ, и всѣ хотѣли

насладиться имъ, всѣ стремились принять въ немъ посильное участіе. При открытіи въ 1789 г. Могилевскаго главнаго народнаго училища, при посредствѣ Бѣлорусскаго генералъ-губернатора, было сдѣлано сношеніе съ высокопреосвященными: грековосточныхъ церквей Георгіемъ (Конисскимъ) и римско-католическихъ—Сестренцевичемъ, „дабы въ засвидѣтельствованіе истинной благодарности Вышнему за безпримѣрное Ея Величества попеченіе о просвѣщеніи народа отправлены были въ день открытія училища всенощное бдѣніе и литургія, о чемъ тогда-же извѣщено какъ присутствующимъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и находящемуся въ городѣ дворянству, купечеству и мѣщанамъ. Въ самый день открытія училища, преосвященный Георгій отправилъ божественную литургію, для слушанія которой собрались всѣ чины, имѣвшіе о томъ свѣдѣніе. По отпѣніи Божественныя литургіи, преосвященный архіепископъ Сестренцевичъ съ знатнымъ со стороны своей духовенствомъ прибылъ въ училище, потомъ преосвященный архіепископъ Георгій, въ облаченіи, съ своимъ духовенствомъ, въ провожаніи всѣхъ чиновъ и при пѣніи приличныхъ стиховъ, шествовалъ въ училище. Директоръ училища со всѣми учителями имѣлъ честь встрѣтить всѣхъ посѣтителей на крыльцѣ и препроводилъ въ большой залъ, въ которомъ приличнымъ образомъ поставленъ былъ портретъ Ея Величества. По входѣ въ училище прочтено Высочайшее Именное Ея Императорскаго Величества повелѣніе объ открытіи училища, а потомъ началось молебствіе. По окончаніи молебствія, передъ возглашеніемъ многолѣтствія, директоръ сказалъ рѣчь о великомъ значеніи просвѣщенія, изъявляя при этомъ глубокую благодарность Государынѣ за дарованный свѣтъ науки... По окончаніи рѣчи, Ея Величеству и всему Августѣйшему Дому возглашено многолѣтствіе, при которомъ изъ крѣпости производилась пушечная пальба. Затѣмъ преосвященный Георгій сказалъ похвальное слово ученію, приглашая при этомъ учащихся „тысящными, какъ и губка піющая воду, устами прославлять истинную отечества матерь и просвѣтительницу народа россійскаго... Екатерину II... „Невозможно изъяснить того, говорится въ донесеніи по этому случаю генералъ-губернатора, съ какимъ усердіемъ благодарности принято отъ всѣхъ премудрое сіе попечительнѣйшія матери отечества великія Ека-

терины заведеніе! Съ коликимъ сожалѣніемъ знающіе вкусъ въ наукахъ обращались на прошедшіе годы, коихъ довольнымъ числомъ юношество прежде одному чтенію и то неправильному невольно жертвовало! Съ коликимъ напротивъ того восторгомъ взирали на грядущія лѣта, сею новою методою ученія новое просвѣщеніе, а посему и новое Россіи блаженство обѣщавающія" (Сборн. матер. I. 43—48).

Также торжественно было открыто въ томъ же 1789 году и Полоцкое главное народное училище. Послѣ Богослуженія говорились рѣчи, читались въ стихахъ оды. Въ описаніи торжества говорится, что „сіе благотворительное заведеніе (т. е. открытіе училища) преисполнило подданническою благодарностію всѣхъ, созванныхъ и стекшихся, изъявлявшихъ чувствительнѣйшую признательность къ виновницѣ счастія народнаго"... (Ibid. 48—55).

Донося гр. П. В. Завадовскому о торжествѣ открытія училища въ Кіевѣ, губернаторъ свидѣтельствуетъ, что „къ сему происшествію стеклось здѣшнихъ жителей болѣе трехъ тысячъ человѣкъ и во всѣхъ компатахъ (училищнаго зданія) помѣстились только одни познаменитѣе и отцы и матери поступившихъ въ училище. А какъ недѣли за двѣ до открытія сего училища я приказалъ собирать учениковъ въ сіе училище и преподать имъ знаніе о буквахъ, то по окончаніи молебственнаго пѣнія, которое совершалъ Кіевскій митрополитъ Самуилъ, при немъ и всѣхъ зрителяхъ учитель дѣлалъ имъ о сихъ буквахъ вопросы, на которые весьма порядочно отвѣчали; и ко удовольствію же зрителей, изъ сихъ учащихся осьмилѣтній сынъ надворнаго совѣтника Калиновскаго говорилъ рѣчь порядочно съ пристойнымъ видомъ... А сіи вопросы учениковъ о буквахъ и ученика рѣчь подвигнули отцовъ и матерей къ пролитію слезъ съ восклицаніемъ о Высочайшемъ здравіи Ея Величества и многихъ зрителей пріохотили отдавать своихъ дѣтей, коихъ черезъ одинъ день до десяти человѣкъ уже явилось, и надежду имѣю, что и еще умножаться будутъ... (Сборн. матер. I. 56—63). По обыкновенію,—послѣ торжественнаго Богослуженія, на актѣ, при открытіи училищъ, говорились высокопанигиристическія рѣчи, прославлявшія великое имя Екатерины II, матери отечества, и превозносились науки, ко-

торыя должны были осчастливить молодыя поколѣнія. Вообще, по мѣрѣ открытія училищъ, въ наукахъ начинали видѣть многообильный источникъ различныхъ благъ для человѣка какъ въ сей жизни, такъ и будущей; съ тѣмъ вмѣстѣ въ населеніи замѣтно стало усиливаться стремленіе къ образованію. Особенно сильно оно начало проявляться среди польскихъ обывателей, какъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, такъ и въ чисто польскихъ областяхъ.

И вотъ, въ это время, подобно ангельской вѣсти, разносится между ними слухъ о Высочайшихъ указахъ русскаго Государя относительно устройства просвѣщенія въ Россіи вообще и въ Западныхъ окраинахъ ея въ частности. Радости и восторгамъ поляковъ не было конца и, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно было чему радоваться.

III.

Устройство учебнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Актъ утвержденія для Императорскаго университета въ Вильнѣ (4 апрѣля 1803 года). Уставъ или общія постановленія Императорскаго Виленскаго университета и училищъ его округа (18 мая 1803 года). Эти распоряженія вызываютъ сильное возбужденіе между поляками къ прославленію имени Императора Александра I.

Участвуя, на правахъ члена комиссіи училищъ, во всѣхъ законодательныхъ работахъ по устройству учебнаго дѣла въ россійской имперіи (см. Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, I. 4) и особенно той его части, которая имѣла непосредственное отношеніе къ Виленскому учебному округу, князь Чарторыйскій, какъ попечитель округа и какъ хорошо знакомый съ постановленіями эдукаціонной комиссіи, имѣлъ неоспоримо большое вліяніе на работы комиссіи училищъ. По словамъ Е. Крыжановскаго, князь не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учебныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и, если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами эдукаціонной комиссіи, то окажется, что изъ нихъ сдѣлано немало заимствованій (Кіевск. Стар. 1882 г. I. 268. Ср. Сборн. матер. I. 514—517 и 880). Оно и понятно. Если Новосильцевъ, по словамъ г. Владимирскаго-Буданова, столь строгій въ разыскиваніи, преслѣдованіи и истребленіи тайныхъ обществъ въ школахъ Виленскаго учебнаго округа (1823—1830 г.г.), возставалъ противъ отдѣленія такъ называемыхъ бѣлорусскихъ губерній (Витебской и Могилевской) отъ Виленскаго округа на томъ основаніи, что жители тѣхъ губерній, какъ единоплеменные жителямъ прочихъ западныхъ губерній, должны быть и воспитываемы на общихъ польскихъ началахъ (Исто-

рія Императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ. I, 4), то кн. Чарторыйскому совершенно простительно, если вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ кс. Стройновскимъ (ректоръ Виленскаго университета послѣ кс. Почобута) онъ для Виленскаго учебнаго округа и при русскомъ управленіи старался сохранить въ неприкосновенности едва ли не всю систему эдукаціонной комиссіи. (Listy Kołłątaja I. 108—112. Ср. Dawna Akademja Wilenska. Balinski. 546).

На подобіе главной школы, Виленскій университетъ и послѣ реформы 1803 г. сохранилъ почти всѣ прежнія свои права и преимущества, кругъ дѣятельности и внутренній распорядокъ. По общимъ постановленіямъ 18 мая 1803 г. Виленскій университетъ, какъ и прежде, долженъ былъ „заключать въ себѣ полное и основательное наставленіе въ наукахъ; способствовать всѣми возможными способами къ распространенію просвѣщенія и къ усовершенствованію знаній; имѣть въ непосредственномъ вѣдѣніи и управленіи всѣ гимназіи и всѣ училища, въ округѣ его состоящіе" (Сборн. постановл. по Мин. Н. П. I, 45. Ср. Ustawy kommissyi edukacij narodowcy Warszawa. 1783. 3). Университетъ состоялъ изъ профессоровъ, ученыхъ мужей или почетныхъ членовъ, адъюнктовъ и студентовъ. Во главѣ университета стоялъ ректоръ; всѣми дѣлами университета завѣдывалъ совѣтъ университетскій и правленіе. Всѣ профессора и ректоръ были выборными; профессора допускались по конкурсу. Дѣла рѣшались въ засѣданіяхъ совѣта. Университетъ имѣлъ свой судъ, свою цензуру и печать. Онъ подраздѣлялся на четыре факультета: 1) физическихъ и математическихъ наукъ съ десятью отдѣльными курсами: физики, химіи, естественной исторіи, ботаники, сельскаго домоводства, высшей чистой математики, высшей смѣшанной математики, гражданской архитектуры, астрономіи. При университетѣ состоялъ астрономъ-наблюдатель; 2) медицинскихъ знаній съ семью отдѣльными курсами: анатоміи, патологіи, врачебнаго веществословія (materia medica), клиники, хирургіи, повивальнаго искусства и скотолѣченія; 3) нравственныхъ и политическихъ наукъ съ десятью курсами: логики и метафизики, правоучительной философіи, права естественнаго, политическаго и народнаго, государственнаго хозяйства, права гражданскаго и уголовнаго знатнѣйшихъ древнихъ и нынѣшнихъ

народовъ; права гражданскаго и уголовнаго въ россійской имперіи и въ прежде бывшихъ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи; всеобщей исторіи; священнаго писанія; догматическаго и правоучительнаго богословія; 4) словесныхъ наукъ и изящныхъ художествъ съ пятью курсами: краснорѣчія и стихотворства; греческаго языка и словесности; латинскаго языка и словесности; россійскаго языка и словесности; рисованія и живописи. Студенты университета пользовались своимъ самосудомъ и, по выдержаніи установленнаго экзамена, удостоивались *патентовъ* на ученыя званія. При университетѣ учреждалась учительская семинарія для подготовленія учителей въ губернскія и уѣздныя училища и главная семинарія „для совершеннаго образованія священниковъ римско-католическаго исповѣданія“. Въ учреждаемыхъ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ по одной въ каждой губерніи, предполагалось по шести классовъ наукъ и для преподаванія ихъ не менѣе шести старшихъ учителей: физическихъ знаній, математики, нравственныхъ наукъ, словесности и латинскаго языка. *) Для двухъ младшихъ классовъ *два учителя* (изъ общаго числа 6) латинской и польской грамматики, начальныхъ правилъ ариѳметики, географіи и правоученія. Для каждой гимназіи предназначалось еще по четыре младшихъ учителя: рисованія, россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Для отправленія въ училищной церкви службы Божіей и для наставленія въ христіанскомъ законѣ (римско-католическомъ) полагался духовникъ, который исправлялъ притомъ и званіе проповѣдника.

Въ уѣздныхъ училищахъ (одно, по крайней мѣрѣ, въ уѣздѣ) предназначалось три класса наукъ и для преподаванія ихъ три старшихъ учителя: физики и геометріи; правоученія, словесности и латинскаго языка; для перваго и второго класса— учитель латинской и польской грамматики, начальныхъ правилъ ариѳметики, географіи и правоученія. Было еще три младшихъ учителя: рисованія, россійскаго языка, французскаго или нѣмецкаго. При училищахъ полагался смотритель и духовникъ; послѣдній исправлялъ и званіе проповѣдника.

*) Въ виду того, что учителю нравственныхъ наукъ приходилось преподавать много различныхъ предметовъ, уставъ допускалъ возможность „смотря по достатку доходовъ, прибавленіе еще одного учителя исторіи и географіи.“

Въ приходскихъ училищахъ (которыхъ могло быть столько, сколько возможно было завести ихъ) положено было обучать: чтенію и письму; закону Божію или катехизису, начальнымъ правиламъ нравоученія, основаніямъ ариѳметики, простому и точному познанію предметовъ, относящихся къ земледѣлію и ремесламъ. (Сборн. постановленій по М. Н. Пр. I. 45—59).

Принятое дѣленіе школъ на губернскія, уѣздныя и приходскія живо напоминаетъ намъ шестиклассныя окружныя школы эдукаціонной комиссіи съ шестью учителями наукъ, подокружныя трехклассныя съ тремя учителями и парафіальныя въ каждомъ приходѣ. Сохранилось между школами и прежнее взаимное отношеніе. „Университетъ долженъ образовать и доставлять способныхъ учителей для занятія всѣхъ мѣстъ въ училищахъ его округа (какъ дѣлала это прежде главная школа). Общее собраніе университета черезъ каждые четыре года выбирало директоровъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ, коихъ представляло потомъ на утвержденіе высшему начальству; ректоръ университета имѣлъ право наблюдать и осматривать всѣ училища своего округа; обыкновенные визитаторы, выбираемые отъ университета, доставляли ректору ежегодно рапорты о своихъ обозрѣніяхъ; начальники училищъ доставляли свои рапорты ректору и получали отъ него предписанія. Ректоръ университета непосредственно зависѣлъ отъ попечителя университета и его округа; директоры гимназій непосредственно подчинялись ректору университета; смотрители уѣздныхъ училищъ непосредственно подчинялись директорамъ гимназій; учители же приходскихъ училищъ непосредственно зависѣли отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ (Сборн. постановл. по М. Н. Пр. I. 60, 61. Ср. Ustawy komissij edukacij narodowey 12. 22. 32. 52...).

Какъ „уставъ“ Виленскаго университета, такъ и „актъ его утвержденія“ обнимаютъ только общія главныя положенія учебно-школьнаго дѣла и его управленія. Постановленія эдукаціонной комиссіи разсматриваютъ его гораздо подробнѣе и многостороннѣе. Здѣсь находимъ важныя нерѣдко указанія для дѣятельности всѣхъ школьныхъ чиновниковъ, подробныя программы для преподаванія того или другого предмета съ педагогическими и методическими указаніями; предписанъ по-

дробный планъ производства визитацій, экзаменовъ, способъ подготовленія кандидатовъ къ учительскому званію; введенъ особый отдѣлъ о самосудѣ, наградахъ, наказаніяхъ, о физическомъ воспитаніи и мн. др. (См. Ustawy komissij edukacij narodowey 12, 18, 22, 26, 32, 44, 54, 62). Не повторяя вновь всѣхъ этихъ положеній, „уставъ или общія постановленія Виленскаго университета 18 мая 1803 г.“ прибавляетъ, что „прежніе уставы Виленскаго университета и подчиненныхъ ему училищъ (т. е. уставъ эдукаціонной комиссіи) могутъ быть исполняемы до времени въ томъ только, что можетъ содѣйствовать къ благоустройству и успѣхамъ просвѣщенія и что при томъ: 1) не противно нынѣшнему образованію народнаго просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго манифеста и указа о главномъ правленіи училищъ 8 сентября минувшаго 1802 года состоявшихся (объ обязанностяхъ комиссіи училищъ); 2) сходствуетъ съ Высочайшимъ указомъ отъ 24 января сего 1803 года о попечителяхъ университетовъ и ихъ округовъ и съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія; 3) согласно съ Высочайшею грамотою, жалованною Виленскому университету апрѣля въ 4-й день сего же 1803 года; 4) сходно съ симъ уставомъ, или общими постановленіями и штатами для онаго же университета и для училищъ въ его округѣ состоящихъ, и, наконецъ, 5) что сообразно будетъ съ общими уставами прочихъ университетовъ и ихъ округовъ, относительно внутренняго въ нихъ распоряженія по училищной или хозяйственной части“. Всѣ, составленныя на этихъ основаніяхъ правила, по разсмотрѣніи ихъ въ общемъ собраніи университета и по соображеніи съ настоящимъ порядкомъ, слѣдовало представить на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія (Сборн. постановл. I. 63). Такими распоряженіями широко раскрывались двери сильному вліянію устава эдукаціонной комиссіи на ходъ учебнаго дѣла въ Виленскомъ округѣ. (Учебно-воспитательная система въ Виленскомъ учебномъ округѣ была, по словамъ Стройновскаго, копіей trés-à peu-trés польской эдукаціонной комиссіи. Dawna akademija Wilenska. Balienski. 546).

Руководство всѣмъ учебнымъ дѣломъ въ восьми западныхъ губерніяхъ, недавно возвращенныхъ отъ Польши, указомъ отъ 24 января 1803 года ввѣрено, какъ мы видѣли,

кн. Чарторыйскому, неутомимому и самоотверженному борцу за польскія идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ректоромъ университета остался каноникъ-прелатъ Стройновскій, всегда ревниво охранявшій уставъ эдукаціонной комиссіи. Визитаторомъ училищъ трехъ юго-западныхъ губерній—Волынской, Подольской и Кіевской назначенъ былъ Өаддей Чацкій, главный основатель и руководитель Варшавскаго общества любителей наукъ *). Въ офиціальныхъ сношеніяхъ и въ преподаваніи предоставлено учебнымъ заведеніямъ право употреблять польскій языкъ, который, въ то же время, и по Высочайше утвержденному уставу, занялъ въ учебныхъ планахъ одно изъ главныхъ мѣстъ, тогда какъ русскій языкъ занялъ болѣе, чѣмъ второстепенное значеніе и былъ низведенъ на степень языка иностраннаго. Народному самолюбію поляковъ сразу дано слишкомъ много пищи **).

Университету присвоенъ титулъ Императорскаго, и онъ объявленъ состоящимъ подъ особеннымъ покровительствомъ Монарха; университетскій штатъ опредѣленъ въ 105 тысячъ рублей серебромъ. Университету, кромѣ того, предоставлено право „изъ числа заслуженныхъ и другихъ его профессоровъ, а за неимѣніемъ ихъ, ученыхъ духовныхъ особъ избирать и представлять въ заступленіе нѣкоторыхъ мѣстъ каноников и церковныхъ бенефицій; онѣ суть слѣдующія: четыре мѣста каноников въ Виленскомъ каѳедральномъ капитулѣ и четыре въ каѳедральномъ Самогицкомъ; въ томъ и другомъ первыя, въ коихъ отнынѣ вакансіи откроются; сверхъ того, мѣсто прелата Троцкой суффрагаціи и десять духовныхъ бенефицій, находя-

---

*) Я осмѣлился собрать (въ 1802 г.), говоритъ Чацкій въ письмѣ къ Снядецкому о Варшавскомъ обществѣ друзей наукъ, развалины зданія и поставить памятникъ славы польскаго имени... O życiu i pismach Thadeusza Czackiego. Osinski. Krakow. 1851 г. 28.

**) „Теперь моментъ утвердить основы просвѣщенія, писалъ Чацкій Коллонтаю 19 іюля 1803 года, по поводу названныхъ законоположеній по учебной части, теперь случай двинуть науки. Геній не упуститъ этой минуты. Государь хочетъ, народъ желаетъ образованія; необходимо только исподволь дѣлать указанія и постепенно упорядочивать зарождающійся свѣтъ.“ (Kołłątaj. Listy. I. 86). Актъ утвержденія Виленскаго университета Чацкій называетъ дѣломъ очень важнымъ и спѣшитъ оповѣстить объ этомъ въ современныхъ газетахъ. (Ibid. I. 54).

щихся въ городахъ и прочихъ казенныхъ мѣстахъ, какъ то: настоятельство придѣла Казиміра при Виленскомъ соборѣ, настоятельство или приходъ Троцкій, митральное настоятельство въ Геранонахъ, приходъ св. Іоанна въ Вильнѣ, Нѣменчинѣ, Оникштахъ, Ковнѣ, Волпѣ, Ошмянахъ и Гроднѣ. Симъ не предполагается ни малѣйшаго нарушенія права пользующихся нынѣ доходами съ бенефицій и законнаго наслѣдства изъ коадъюторовъ". (Сборн. постановл. по М. Н. Пр. I. 43). Велика была по этому случаю радость Виленскаго университета, и она далеко разошлась по литовскимъ и другимъ западнымъ губерніямъ. (Balinski. Dawna Akademija Wilenska. 387). Пробудилось необыкновенное литературное, патріотически-радостное движеніе между поляками въ Петербургѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Краковѣ, Парижѣ, Порицкѣ (имѣніе Чацкаго въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ.), Кременцѣ, Пулавахъ, во всей Волыни и частію Подоліи; каждый и дѣломъ и словомъ спѣшилъ на помощь какъ будто воскресающей отчизнѣ.

„Когда мы не безъ основанія сомнѣвались въ успѣхѣ спасенія наукъ *) и языка нашихъ отцовъ, писалъ Коллонтай, милостивый Промыслъ Божій готовилъ имъ пріютъ въ самомъ могущественномъ славянскомъ государствѣ. Какъ только Александръ I принялъ кормило правленія обширною монархіей, онъ тотчасъ же во всѣхъ краяхъ своей имперіи вознамѣрился распространить свѣтъ наукъ. Стремясь въ исполненіи этого намѣренія достигнуть однообразія, онъ однакожъ руководился въ этомъ дѣлѣ отеческою ко всѣмъ добротою. Вознесшись выше общественныхъ предразсудковъ, онъ считалъ за лучшее, чтобы каждый изъ подвластныхъ ему народовъ, при введеніи у себя просвѣщенія, не встрѣчалъ болѣе противодѣйствія въ исключительномъ употребленіи посторонняго и навязаннаго ему языка (русскаго); онъ чувствовалъ ту истину, что гораздо

*) Въ другомъ мѣстѣ Коллонтай, указавши на благотворные результаты дѣятельности эдукаціонной комиссіи, прибавляетъ: „но, увы! предназначенный нашимъ дѣламъ конецъ приближался быстрыми шагами, и когда съ пріятнѣйшимъ чувствомъ мы взирали на счастье (плоды эдукаціонной комиссіи), ожидавшее наши будущія поколѣнія, произошелъ страшный погромъ и, уничтоживъ даже самое имя нашей родины, похоронилъ подъ ея развалинами общее благо всего человѣчества: я разумѣю науки"... Listy Kołłątaja. III—245...).

полезнѣе управлять людьми одинаково просвѣщенными, нежели заставлять всѣхъ ихъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ. Потому, утвердивши одинаковыя основанія общественнаго просвѣщенія и, въ этихъ видахъ, раздѣливши всю имперію на отдѣльные округа, Монархъ милостиво соизволилъ, чтобы просвѣщенные народы въ развитіи наукъ сохранили языкъ своихъ отцовъ: въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Дерптскомъ округѣ, разрѣшено употреблять языкъ нѣмецкій; у насъ—въ Виленскомъ округѣ языкъ польскій. Такое великодушіе Александра спасло намъ нашъ языкъ, спасло науки, съ которыми мы были сроднены; спасенъ былъ даже способъ ихъ преподаванія".

„Но этимъ для насъ благодѣяніемъ далеко не ограничивалось великодушіе Александра. Задавшись рѣшительною мыслею утвердить въ безграничной своей имперіи постоянный пріютъ для наукъ, онъ ничего не щадилъ для этой великой цѣли. Для Виленскаго университета назначилъ такія субсидіи, что его можно считать богатѣйшею въ Европѣ школою: подтвердилъ давнія его привилегіи, украсилъ и одарилъ новыми; такимъ образомъ, Монархъ не только воскресилъ давнее его значеніе, но значительно вновь его пріумножилъ. И какъ сердцу чувствительнаго поляка не наполниться самыми свѣтлыми ощущеніями радости, когда въ актѣ утвержденія Александромъ Виленскаго университета онъ усматриваетъ подтвержденіе привилегій и пожалованій самыхъ славныхъ польскихъ королей: Стефана Баторія, Сигизмунда I, Владислава Ягайлы, Казиміра великаго! Стефанъ Баторій, основывая Виленскій университетъ, сравнилъ его во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ главною школою въ Краковѣ. Въ высшей степени пріятно видѣть, какъ все это воскрешаетъ въ памяти законодательный духъ многихъ славныхъ монарховъ. Скажемъ болѣе: кажется, что всѣхъ ихъ оживляетъ одна и та же душа, что постановленія Карла великаго, подвигаясь вѣками отъ запада къ востоку, съ береговъ Сены перенесены на берега Виліи"...

„Благодѣянія Александра на этомъ не остановились. Издавши уставъ относительно Виленскаго университета и училищъ его округа, онъ подтвердилъ постановленія эдукаціонной комиссіи во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые не стояли въ проти-

воречіи съ принятыми для Россіи общими основами народнаго просвѣщенія, актомъ утвержденія самаго университета и постановленіями 18 мая 1803 года (относительно университета и училищъ его округа). Этимъ путемъ сохраненъ для насъ давній строй общественнаго воспитанія на основаніи тѣхъ правилъ, которыя нѣкогда были предписаны эдукаціонною комиссіею. Постановленія комиссіи составляютъ лучшую ея славу, и они все болѣе будутъ пріобрѣтать уваженія потомства по мѣрѣ приближенія того времени, когда умолкнетъ постороняя зависть, когда потомство будетъ судить о насъ такъ, какъ мы судимъ теперь о заслугахъ грековъ. Вѣдь комиссія управляла цѣлымъ сословіемъ учителей не на основаніи преходящихъ наказовъ и случайныхъ привилегій, но въ силу постоянныхъ и разъ предписанныхъ постановленій. Она установила его іерархію и создала съ этою цѣлію книгу правъ, отвѣчающихъ великому призванію учителя. Въ этомъ, кажется, она представила собою первый примѣръ для всей Европы. Если же Александръ I милостиво благоволилъ подтвердить постановленія комиссіи, то этимъ уже онъ какъ бы проговорилъ къ намъ: „желаю вашего блага и счастія; хочу, чтобы вы не останавливались на пути развитія просвѣщенія. Рядомъ съ моими указами по этому предмету, сохраняю для васъ ваши собственные, вашего нѣкогда отечества, чтобы тѣмъ вы сильнѣе убѣдились, что въ моихъ распоряженіяхъ я умѣю цѣнить плоды благаго просвѣщенія, и гдѣ бы таковые ни зародились, я хочу привить ихъ моему народу“. *) „Пусть назовутъ мнѣ законодателя, который къ сво-

---

*) Послѣдняя мысль еще яснѣе выражена у новѣйшихъ польскихъ писателей. Не раздѣляя того ходячаго убѣжденія, что для устроеннаго въ 1815 году польскаго королевства было бы гораздо полѣзнѣе имѣть намѣстникомъ кн. Адама Чарторыйскаго, а не Заіончека, гр. Юрій Мошинскій говоритъ: „въ царствѣ Польскомъ, заселенномъ польскою народностію, надѣленномъ народною конституціей, съ польскимъ сеймомъ, польскою администраціею и польскимъ войскомъ, было далеко не важно, Заіончекъ или кн. Адамъ Чарторыйскій стали бы во главѣ управленія. Но то неоспоримо, что передача всего общественнаго воспитанія въ литовскихъ и русскихъ провинціяхъ въ руки кн. Адама Чарторыйскаго, была, по просту говоря, врученіемъ полякамъ будущности этихъ провинцій. При существовавшихъ спорахъ: Польшу или Россію составляютъ Литва и Русь, Государь Александръ I, назначая кн. Адама Чарторыйскаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, тѣмъ самымъ высказалъ: „даю вамъ въ руки духовное оружіе; докажите теперь, что Русь и

имъ поданнымъ говорилъ бы указаннымъ способомъ. А Александръ дѣйствительно такъ говоритъ къ намъ, когда установленія нашего края ставитъ образцомъ народнаго просвѣщенія. Никогда Аѳины отъ свихъ завоевателей не слышали болѣе лестнаго приговора; римляне относительно грековъ не были болѣе справедливы... Принимая уставъ эдукаціонной комиссіи, гуманный и справедливый Александръ далъ доказательство полнаго уваженія къ заслугамъ избранныхъ мужей, которые работали у насъ съ дѣйствительною пользою для общественнаго просвѣщенія. Соглашаясь на наши желанія и подтверждая этотъ новый планъ, который нужно считать за успѣшное распространеніе возгорѣвшагося между нами свѣта, Императоръ Александръ убѣждаетъ насъ, что этотъ свѣтъ еще не угасъ, что мы способны вновь воспламенить его, что мы достойны изъявлять свои важныя въ этомъ отношеніи потребности и помогать имъ новыми наблюденіями. Въ этомъ то благодѣяніи, давая доказательство неограниченной привязанности къ наукамъ, онъ оказался выше себя самаго, выше законодателей, которые когда либо своими постановленіями повелѣвали будущими поколѣніями. Какой примѣръ для всѣхъ правителей!... По отцовской добротѣ къ намъ, Александръ наше добро считаетъ собственнымъ добромъ. Пусть древній Римъ похваляется своимъ Титомъ, Траяномъ, Антониномъ Философомъ; мы болѣе гордимся нашимъ благодѣтелемъ Александромъ. Онъ смѣло можетъ повторить, что не потратилъ ни одного дня (diem non perdidi — извѣстное классическое выраженіе), который не былъ бы отмѣченъ дѣлами его мудрости и благотворительности. Цвѣтущая пора его жизни, нынѣшнее положеніе Европы, представляютъ ему неизмѣримое поле для прославленія во всѣхъ родахъ величія, которыми онъ можетъ сдѣлать знаменитымъ свое царствованіе. Въ отношеніи насъ онъ совершилъ все, потому что онъ сохранилъ для насъ самое дорогое имущество, наиславнѣйшее наслѣдіе: я говорю о наукахъ и языкѣ нашихъ

Литва съ благодарностію отдаютъ свое существованіе вашей исторіи и цивилизаціи; просвѣщеніемъ и нравственнымъ трудомъ глубоко пустите въ этихъ краяхъ жизненные соки, создайте для нихъ такія сильныя основанія, чтобы въ будущемъ рѣшительно уже не смогла одолѣть ихъ ни теоретическая фантазія газетныхъ литераторовъ, ни сила кистеня и кнута татарскихъ политиковъ“... Mysl polityczna. Jerzy Mosynski. Krakow. 1894 r. I, 376. Cp. 377).

отцовъ. На этой то землѣ (русской Волыни) среди насъ воздвигается, по его приказанію, святилище наукъ, въ которомъ вѣчно будутъ жить безсмертныя имена благодѣтелей общественнаго просвѣщенія и тѣхъ великихъ умовъ, какіе наша земля произвела въ продолженіи пяти вѣковъ. На этихъ то горахъ (напоминаніе о Кременцѣ), которыя окружаютъ это пріобрѣтеніе (Кременецкая гимназія) польскія музы устроятъ себѣ постоянный на будущія времена Парнасъ, гдѣ не перестанутъ воспѣвать величіе Александра, благословлять его наилучшее сердце за то, что изгнаннымъ изъ многихъ другихъ мѣстъ Польши (польскимъ наукамъ) онъ далъ убѣжище подъ своимъ великовластнымъ скипетромъ... И можно ли было когда-либо не только надѣяться, но даже желать себѣ большаго счастія, по упадкѣ нашей отчизны? Александръ, сердце котораго, полное человѣчности и справедливости, не согласилось на наше уничиженіе въ глазахъ міра, отираетъ наши слезы, услаждаетъ наше теперешнее положеніе, даетъ пріютъ развившимся нѣкогда между нами наукамъ и въ книгѣ великихъ своихъ дѣлъ предназначаетъ немалое число страницъ для закрѣпленія памяти о нихъ... *)

Когда въ 1802 году Государь, проѣздомъ изъ-за границы прибылъ въ Вильну, весь городъ вышелъ ему навстрѣчу—на Погулянку (такъ называется одна часть города), куда долженъ былъ прибыть Государь по почтовому тракту изъ Ковны. При приближеніи кареты Государя, народъ остановилъ ее, выпрягъ лошадей и на себѣ повезъ ее (карету просто несли на рукахъ) въ городъ Трокскою улицею, Нѣмецкою, мимо ратуши, Большою, Ивановскою, нынѣшнею Дворцовой—во дворецъ. Это оригинально радостное, восторженное шествіе сопровождалось несмолкаемыми возгласами: да здравствуетъ Императоръ!... (Dawna akademija Wilenska. Balinski. 382). Въ порывахъ увлеченія поляки величали Императора Александра I лучшимъ между Государями (Kołłątaj. Listy III, 2), Воскресителемъ Польши, Великимъ, Единственнымъ (Pochwały i mowy hr.

*) Listy Kołłątaja. III. 262, 265, 270, 273. Эти разсужденія Коллонтая должны были послужить для Чацкаго основаніемъ его торжественной рѣчи, при открытіи Кременецкой гимназіи. ibid. 246. Но Чацкій сказалъ свою самостоятельную рѣчь. Сборн. матер. III. CX—CXXI.

Potockiego. II. 160, 161), называли его Маркомъ-Авреліемъ, Соломономъ сѣвера; сожалѣли, что не было тогда великихъ древнихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ Плинія и Цицерона, Горація и польскаго Сарбѣвскаго, которые одни только могли достойно воспѣть честь и славу милостивѣйшаго отца-монарха. (Balinski. Dawna Akademija Wilenska. 383).

Такое настроеніе поляковъ сильно возбуждало самыя разнообразныя польскія чувства, желанія, вѣру въ успѣхъ польскаго дѣла, „и мы, замѣчаетъ кн. Чарторыйскій, съ восторгомъ предались въ то время самымъ заманчивымъ мечтамъ". *)

Эти мечты, эти надежды поляковъ на какое то свѣтлое будущее все болѣе и болѣе возрастали. Въ такомъ направленіи ихъ очень много поддерживали все далѣе и далѣе расходившіяся вѣсти о политическихъ разговорахъ и вѣяніяхъ въ Таврическомъ дворцѣ (тамъ, между прочимъ, Польша трактовалась, какъ часть Европы въ русскомъ владѣніи, и къ ней направлялись симпатіи въ ущербъ даже русскому чувству. Вѣстникъ Европы 1870 г. I, 762). „Мнѣ кажется, писалъ Коллонтай, что я какъ будто видѣлъ, что къ этому новому храму наукъ (Кременецкая гимназія) спускаются тѣ уважаемыя тѣни безсмертныхъ въ нашемъ (польскомъ) отечествѣ основателей и

---

*) Р. Архивъ 1871 г. №№ 4 и 5. Императоръ Александръ и кн. Адамъ Чарторыйскій. 699—703. Ср. Memoires du prince Adam Czartoryski. Paris. 1887. I. 96—99. Едва-ли можно вполнѣ довѣрять признаніямъ кн. Адама-Чарторыйскаго и едвали они искренни. Въ другомъ мѣстѣ отзывъ его о Государѣ Александрѣ I и его къ нему отношеніяхъ рисуется въ иномъ свѣтѣ „Изучивъ характеръ Императора Александра, говоритъ Н. Дубровинъ, зная его неустойчивость, желаніе сохранить за собою имя либеральнаго дѣятеля и друга человѣчества, князь Чарторыйскій умѣлъ воспользоваться этими качествами" „Императоръ, по словамъ князя Чарторыйскаго, очень увлекался такъ называемыми красивыми фразами и, чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ болѣе ему нравились, потому что онъ могъ удобнѣе приноравливать ихъ къ своимъ мечтамъ, которыя тоже отличались неопредѣленностію. Ему нравились рѣзкія либеральныя выраженія и даже лесть подъ личиною служенія благу человѣчества". На этой стрункѣ и игралъ князь Чарторыйскій. „Императоръ, говоритъ онъ, охотно пользовался моею полною готовностью искренно ему служить и признавалъ вполнѣ справедливымъ вознаградить меня за мою къ нему преданность предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствовать по моему усмотрѣнію въ находящихся въ его власти польскихъ провинціяхъ". Русская Старина 1902 г. CIX. 16. Memoires du prince Adam Czartoryski. I. 350, 351.

благодѣтелей въ дѣлѣ общественнаго просвѣщенія, что по нему носятся тѣ творческіе умы, которые нѣкогда родились на этой землѣ, что его окружаютъ тѣ таланты, которыми была богата наша отчизна, что вокругъ него собираются тѣ уважаемые останки, которые болѣе не имѣютъ убѣжища въ другихъ частяхъ Польши. О пріятное восхищеніе! И куда же уноситъ меня охваченная жалостью и радостію мысль моя? Сколькихъ же вмѣстѣ съ тѣмъ утѣхъ я не найду въ благодѣтельности Александра? Сладостное восхищеніе! Не отступай отъ меня ни на шагъ, пока въ этомъ храмѣ (Кременецкая гимназія), передъ небомъ и землей, принося должную благодарность наилучшему изъ правителей (Александру I), не воздамъ вмѣстѣ съ тѣмъ должной чести и уваженія этимъ безсмертнымъ, но разбросаннымъ по нашей землѣ останкамъ". (Listy Kollątaja. III. 270—283. Сборн. Матер. III. С. CI.). Сильно наэлектризованные такимъ увлеченіемъ поляки отъ надеждъ переходили къ дѣлу, къ политическимъ мечтаніямъ о созданіи въ Россіи, въ западныхъ ея окраинахъ, новаго польскаго королевства; имъ казалось, что моленія ихъ услышаны, и къ нимъ какъ будто доносился уже, чудилось имъ, животворящій голосъ ветхозавѣтнаго пророка: „кости сухія! возстаньте изъ гробовъ; я одѣну васъ плотію, свяжу жилами и вдохну въ васъ духъ жизни". (См. Roczniki towarzystwa Warszawskiego przyiaciol nauk. VI. 330).

Пользуясь великодушіемъ русскаго Императора, поляки быстро принялись за свою политическую работу въ западно-русскихъ окраинахъ. Всѣ просвѣтительные планы нашего правительства они задумали обратить въ средство развитія и укорененія здѣсь польскаго языка, польскаго патріотическаго духа и направленія. Россія, русскій языкъ, русское отечество и обязанности къ нему были совершенно обойдены, забыты. При случаѣ упоминалась только личность Государя, и то въ смыслѣ воскресителя Польши, возстановителя павшаго польскаго государства.

IV.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа кн. А. Чарторыйскій и его первые ближайшіе сотрудники: Ѳ. Чацкій, Г. Коллонтай и И. Снядецкій: ихъ переписка между собою и съ другими лицами; ихъ планы и проекты относительно устройства народнаго просвѣщенія въ Виленскомъ округѣ.

Въ своихъ мемуарахъ кн. Чарторыйскій замѣчаетъ, что должность попечителя Виленскаго округа ему предоставлена была какъ бы въ награду за его вѣрную службу Государю лично и по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ (Memoires. I. 324). Съ тѣмъ вмѣстѣ Государь нашелъ справедливымъ и приличнымъ вознаградить его заслуги предоставленіемъ ему якобы извѣстной свободы дѣйствій въ „польскихъ провинціяхъ“ (такъ называютъ западно-русскія области многіе, даже просвѣщенные поляки) относительно развитія просвѣщенія. „Нечего и говорить, продолжаетъ кн. Чарторыйскій, что я воспользовался этимъ благопріятнымъ расположеніемъ (Государя), и мои главныя работы посвящены были общественному образованію, которому съ этого времени я придалъ національный характеръ, которое реорганизовалъ на болѣе широкомъ основаніи и въ большемъ соотвѣтствіи съ нуждами эпохи“. (Ibid. I. 351). „Виленскій университетъ, замѣчаетъ князь, вполнѣ сдѣлался польскимъ; я пригласилъ туда отличныхъ ученыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, и нѣкоторыя ученыя извѣстности изъ иностранцевъ; университетъ заправлялъ всѣмъ съ такимъ рвеніемъ и пониманіемъ дѣла, что не оставалось желать ничего лучшаго. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ вся поверхность Польши (т. е. Западно-Русскія окраины) покрылась школами, въ которыхъ дана была полная свобода развиваться польскому чувству“. (Memoires... I, 326).

Къ сожалѣнію, по существу дѣла, нельзя не признать справедливымъ этого горькаго и обиднаго для насъ признанія кн. Чарторыйскаго. Въ одномъ только позволимъ себѣ усом-

ниться: названная полонизаторская дѣятельность принадлежитъ ли кн. Чарторыйскому? Было ли у него достаточно для этого ума, умѣнья и желанія? Его мемуары писались много лѣтъ спустя послѣ окончанія попечительства князя. Многія обстоятельства могли быть имъ забыты; взгляды его тогда уже измѣнились, давніе факты могли получить иное, желательное освѣщеніе, или быть приписанными кому-нибудь не по принадлежности. Конечно, тѣ 120 фоліантовъ, о которыхъ упоминаетъ А. Погодинъ (Виленскій учебный округъ. ПБ. 1901 г. XI), которые хранятся въ Краковѣ въ музеѣ Чарторыйскихъ и заключаютъ дѣла Виленской кураторіи за время 1803—1823 г., переписку кн. Адама Чарторыйскаго съ подвѣдомственными ему учрежденіями, его собственныя записки и личныя письма, посвященныя тѣмъ же вопросамъ, а равно соотвѣтственные матеріалы въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, быть можетъ, дадутъ намъ новое освѣщеніе личности князя Адама; но обнародованные до сихъ поръ матеріалы прямо таки доказываютъ, какъ мало кн. Чарторыйскій повиненъ въ полонизаціи западно-русскихъ окраинъ.

Безспорно, князь принадлежитъ къ величайшимъ польскимъ патріотамъ. „Цѣлью всей его жизни, говоритъ Мазадъ, было обрѣсти отчизну и вызвать ее къ жизни." Онъ никогда не скрывалъ передъ Императоромъ своей фанатической любви къ родинѣ, своихъ крайнихъ польскихъ чувствъ, своей глубокой печали по родинѣ на чужбинѣ, своего отчаянія за ея судьбу. „Въ моихъ глазахъ, говорилъ по этому поводу князь Императору, человѣкъ, не привязанный къ своей родинѣ, есть человѣкъ презрѣнный. Отрекаться отъ своей вѣры, отъ своихъ родныхъ, отъ своей страны, по моему мнѣнію, одинаково преступно. Таковы чувства мнѣ прирожденныя, укрѣпленныя во мнѣ воспитаніемъ, и отъ нихъ я никогда не отступлю." (Русскій архивъ 1871 г. 763. ср. Memoires... I 286, 7. *). И этого не нужно считать особеннымъ геройствомъ со стороны князя, такъ какъ онъ самъ заявляетъ, что подобныя рѣчи нравились Государю и вызывали въ немъ уваженіе къ говорившему. Съ

*) Хотя и на этомъ пути князь далеко не безгрѣшенъ и къ своей цѣли шелъ скрытными, окольными путями. Въ своей иностранной политикѣ онъ постоянно проводилъ мысль объ освобожденіи угнетенныхъ народовъ, о высо-

другой стороны Императора Александра I очень занималъ польскій вопросъ, и онъ искренно думалъ, особенно въ первые годы, о возстановленіи Польши. Потому свободная рѣчь князя о Польшѣ всегда вызывала удовольствіе Государя. Для этого онъ, кажется, и держалъ при своей особѣ князя Чарторыйскаго и не обращалъ вниманія и даже не любилъ, когда Чарторыйскій въ *перепискѣ съ Государемъ* вмѣшивалъ текущіе школьные вопросы. На это жалуется кн. Чарторыйскій самому Государю, когда говоритъ, что „многіе изъ его проектовъ, относящихся къ Виленскому округу, совершенно остаются безъ малѣйшаго дѣйствія или безъ разрѣшенія“. (Русскій архивъ 1871 г. 785, 791). А однажды Государь прямо таки замѣтилъ князю, *что то, что онъ сообщитъ ему, будетъ поважнѣе* его гимназіи (намекъ на надоѣдливое заступничество князя за Кременецкую гимназію) и отставки, которой онъ тоже у него просилъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. *) Вопросъ, конечно, касался устройства Польскаго государства.

Вотъ „единственное на потребу“, чѣмъ исключительно былъ занятъ Чарторыйскій и чего постоянно добивался отъ Императора Александра I. Увѣрившись вначалѣ въ возмож-

кихъ въ этомъ отношеніи задачахъ Россіи. Съ восхищеніемъ слушали князя, по его словамъ, сослуживцы; особенно онъ развивалъ подробности въ политикѣ освобожденія грековъ и славянъ... „Моя система, замѣчаетъ князь, по своему основному принципу, необходимо вела къ постепенному возстановленію Польши. Но чтобы въ самомъ началѣ не создавать для дипломатіи особенныхъ трудностей..., я избѣгалъ произносить имя Польши; идея о ея возстановленіи, какъ въ зернѣ (implicite) таилась въ духѣ моихъ трудовъ, въ тѣхъ тенденціяхъ, которыя я старался придать русской политикѣ; я проповѣдывалъ только о прогрессивной эмансипаціи народовъ, которые несправедливо лишены были политическаго существованія, и не страшился называть при этомъ грековъ и славянъ — одно, что могло очень гармонировать съ завѣтами и мнѣніями русскихъ; но по индукціи, то же самое слѣдовало примѣнять и къ Польшѣ. Это молчаливо понималось между нами, но также молчаливо признавалось полезнымъ удалять въ настоящій моментъ положительное напоминаніе о моемъ отечествѣ. Это было своевременно и необходимо... (Mémoires du prince Adam Czartoryski. I. 372—373).

*) Ibid. 797. Вопросъ объ отставкѣ Чарторыйскій едва ли возбуждалъ вполнѣ искренно. Когда отставка была рѣшена и князя объ этомъ увѣдомили, онъ писалъ Государю (18 октября 1823 г.): „Если Ваше Императорское Величество когда либо сочтете еще меня способнымъ принести Вамъ какую-либо пользу, я всегда буду готовъ и счастливъ повиноваться Вашимъ Высочайшимъ велѣніямъ“. Ibid 923.

ности осуществленія этихъ мечтаній со стороны Государя, онъ, казалось, застылъ въ этихъ вѣрованіяхъ и въ этомъ отношеніи, въ общественномъ міровоззрѣніи Чарторыйскаго мы совсѣмъ не находимъ никакого прогресса, скажемъ словами А. Погодина; весь міръ для него заключался только въ Польшѣ, какъ иронически отзывались о немъ иностранные дипломаты на Вѣнскомъ конгрессѣ. (Moszynski. Mysl polityczna. I. 360) и въ отбудованіи польскаго королевства *руками, конечно, Александра*; другихъ мѣръ для этого онъ не признавалъ и не предпринималъ. Путь посредствомъ воспитанія представлялся слишкомъ длиннымъ, а тутъ хотѣлось возложить на себя корону и, казалось, легко можно было того достигнуть посредствомъ велѣнія могущественнѣйшаго Государя. Чего же больше? Потому всѣ другія занятія князя не интересуютъ. Онъ неоднократно заявляетъ, что не имѣлъ никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ, что онъ чувствовалъ себя въ Петербургѣ, среди русскихъ, какъ птичка въ клѣткѣ; совершенно необыкновеннымъ и случайнымъ образомъ онъ очутился въ положеніи экзотическаго растенія на чужой почвѣ, которое не могло пустить здѣсь своихъ корней, съ чувствами, которыя не могли гармонировать съ настроеніемъ его случайныхъ товарищей... Онъ горевалъ по родинѣ, вздыхалъ по своимъ роднымъ, въ удаленіи отъ которыхъ сама жизнь не имѣла для него значенія... (Memoires... I. 278. 279. 324.). Такое положеніе сильно тяготило князя, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ не любитъ его придворное русское общество, какъ неохотно вступаетъ съ нимъ въ сношенія, считаетъ его даже измѣнникомъ. (Ibid. 350. 363. 364.).

Онъ чувствовалъ какъ будто крайнюю нравственную усталость и готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ занятій, какъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ (отъ этой должности князь былъ уволенъ въ 1806 году), такъ и по попечительству Виленскимъ учебнымъ округомъ (и отъ этой должности князь просилъ увольненія еще въ 1810 году). (Memoires... I. 279, II. 243. 244). Одно только желаніе быть при Государѣ и пользоваться его расположеніемъ для возстановленія Польши удерживало князя на русской службѣ. *)

---

*) И Чарторыйскій до конца былъ увѣренъ, что только Императоръ Александръ можетъ создать это государство. „Да смягчитъ Господь Ваше

Какъ попечитель, Чарторыйскій далеко не отвѣчалъ своему назначенію. Такіе современники, какъ Чацкій, Коллонтай находили его дѣятельность, какъ попечителя округа, совершенно слабою, сонливою. „Мнѣ, писалъ Чацкій Коллонтаю въ 1804 году, 6 февраля, казалось вещью необходимою заставить князя (Чарторыйскаго) проснуться, или лучше сказать, очнуться... Обратите вниманіе, уважаемый князь, писалъ онъ же самому Чарторыйскому, на мой рапортъ о состояніи просвѣщенія, срав-

---

сердце въ пользу несчастной націи, писалъ Чарторыйскій Государю 21 августа 1821 г., для которой Вы единственная надежда“ (ibid. 923). „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что изъ тогдашнихъ государей одинъ только Александръ интересовался Польшею. Вся Европа и во главѣ ея Франція окончательно о ней забыли. Императоръ Александръ по личному великодушному побужденію и чтобы засвидѣтельствовать, что его чувства и убѣжденія неизмѣнны, старался полякамъ помогать въ ихъ частныхъ дѣлахъ и оказывать возможныя облегченія жителямъ подвластныхъ ему польскихъ провинцій. Это ободряло и поддерживало меня“. (Memoires... I. 286- 287).

Съ этой стороны Чарторыйскій старался весьма широко пользоваться вліяніемъ своимъ на Государя. Благодаря его заступничеству, изъ австрійскаго заключенія былъ освобожденъ Коллонтай, были возвращены изъ ссылки кн. Огинскій и многіе другіе. Онъ съ успѣхомъ ходатайствовалъ предъ Государемъ о возвращеніи виновнымъ секвестрованныхъ имѣній. Онъ защищалъ Чацкаго, когда того обвиняли въ различныхъ преступленіяхъ. По его указаніямъ Императоръ дѣлалъ то или иное расположеніе своихъ войскъ въ Польшѣ, чтобы только доказать полякамъ искренность своихъ намѣреній. (Memoires... I. 286—288. Р. Арх. 1871. 849).

„Личныя добродѣтели сего Монарха, по словамъ Нѣмцевича, столь заняли сердца поляковъ, что послѣдніе начали сомнѣваться въ томъ, чего ожидали отъ Франціи, и прежнюю свою надежду перемѣнили въ желаніе, дабы раздѣленныя области были соединены подъ скипетромъ сего государя. Сіе обнаружилось не только въ россійскихъ, но прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ“. (Р. Стар. 1902 г. I. 13). Въ провинціяхъ, находившихся во власти Россіи, было обращено вниманіе на улучшеніе администраціи и правосудія. Всякія преслѣдованія, политическія дѣла, секвестры и конфискаціи, мѣры предосторожности, недовѣрія и подозрѣнія прекратились, и на нѣкоторое время установилось общее спокойствіе, довѣріе и довольство. „Но, говоритъ Чарторыйскій, хотя всѣ эти распоряженія возбуждали благодарность поляковъ, все-таки они далеко не соотвѣтствовали тому, что составляло любимый предметъ нашихъ юношескихъ разговоровъ“. Онъ старался всѣми мѣрами поддержать увлеченіе Государя дѣлами Польши и подогрѣвать въ немъ къ ней сочувствіе. Онъ надѣялся получить изъ рукъ Императора Александра польскую корону и, по словамъ В. Мицкевича, помощью Россіи создать *наслѣдственный* польскій престолъ съ династіей Чарторыйскихъ... (Ibid. 12).

ните разныя эпохи,—тогда будетъ видно, можетъ ли заботливое попечительство дозволить, чтобы былъ допущенъ еще одинъ шагъ въ промедленіи съ дѣломъ просвѣщенія... Со слезами на глазахъ (я съ собранными предводителями дворянства) вспомнили, что въ Вашей рукѣ находится жребій нашего счастья или несчастья. (Listy Kołłątaja. II. 347. 348). Въ перепискѣ между собою, Чацкій и Снядецкій съ грустію признавались, что князь недостаточно понимаетъ значеніе для всего Виленскаго учебнаго округа польскаго языка, что онъ съ малою настойчивостію проводитъ его въ употребленіе въ школьномъ преподаваніи, что онъ съ недовѣріемъ относится къ своимъ планамъ и нуждается въ возбужденіи. (Pamiętniki o Śniadeckim. Baliński. II. 232.). А былъ и такой случай, когда кн. Чарторыйскій офиціально доказывалъ Чацкому и гр. Завадовскому необходимость употребленія въ преподаваніи русскаго языка на томъ простомъ основаніи, что мѣстные жители русскіе и другого языка не понимаютъ и знать не хотятъ. (Сборн. матер. для исторіи просвѣщенія въ Росіи. II. 1082. 1083. III. 104. 105). Вообще польскій языкъ и ходъ просвѣщенія въ округѣ не особенно сильно интересовали князя, особенно на первыхъ порахъ; для этого у князя просто не хватало времени. Занятый постоянно въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ работалъ безпрерывно по восьми-девяти часовъ сряду, и его трудно было даже видѣть. Такая работа, понятно, сильно его утомляла; онъ уставалъ до болѣзненнаго разстройства нервовъ, и врачи предупреждали князя о возможности серьезныхъ послѣдствій отъ такихъ занятій. (Memoires du Prince Ad. Czartoryski. I. 332). Въ этомъ причина его видимой апатіи къ дѣламъ учебнаго округа. Самъ князь оставилъ намъ современное драгоцѣнное свидѣтельство о его дѣятельности въ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа. Это его письмо къ Государю Императору 1823 года.

„Ревнуя о добромъ мнѣніи Вашего Императорскаго Величества, столь для меня драгоцѣнномъ, писалъ князь, осмѣливаюсь въ ту минуту, какъ получаю я отставку, умолять, чтобы мнѣ было дозволено сказать Вамъ нѣсколько словъ о себѣ самомъ... Хочу говорить лишь о моей службѣ въ должности попечителя, которая одна, повидимому, подвергается различнымъ толкованіямъ“.

„Ваше Величество соизволили возложить на меня эту должность въ 1803 году. Мои обязанности по коллегіи иностранныхъ дѣлъ и постоянное мое (за изъятіемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ съ родителями) пребываніе въ Петербургѣ *не позволяли мнѣ заняться исключительно дѣлами Виленскаго округа. Этотъ предметъ при всей его важности, казался тогда второстепеннымъ* наряду съ прочими моими занятіями."

„Событія 1805, 1806 и 1807 годовъ *не могли не отвлечь меня отъ всякаго иного предмета.* Я оставилъ Петербургъ въ 1810 году. Съ тѣхъ поръ событія эпохи удерживали меня за границею. Путешествія мои и занятія въ теченіе 1814 и 1815 г.г. извѣстны Вашему Императорскому Величеству.

„Я снова вступилъ въ должность попечителя лишь въ 1816 году. Ваше Императорское Величество позволили мнѣ однакожъ остаться въ Варшавѣ, чтобы тамъ исполнять обязанности, которыя Вы соблаговолили ввѣрить мнѣ относительно Царства. Покончивъ съ ними, *я посѣтилъ въ 1817 г. университетъ и многія изъ школъ округа.*" (Только-то!).

„Время, истекшее съ 1803 года, когда были составлены первые уставы, уже развило въ школахъ новыя потребности и дало почувствовать недостаточность старыхъ правилъ. Неудобства оныхъ, однакоже, могли быть замѣчены и вполнѣ оцѣнены лишь по мѣрѣ того, какъ ихъ обнаруживали обстоятельства. Сообразно съ этимъ, если сдѣлаютъ обзоръ моей служебной дѣятельности, то найдутъ, что важный этотъ предметъ постоянно занималъ мои мысли и что, *начиная съ 1817 года*, я вводилъ или предлагалъ, почти ежегодно, мѣры къ улучшенію порядка въ школахъ (ибо здѣсь я намѣренъ говорить лишь объ одномъ этомъ предметѣ). Въ 1817 году я предписалъ студентамъ не носить иного платья, кромѣ присвоеннаго имъ мундира, и совершенно запретилъ имъ посѣщать театры и прочія публичныя сборища. Въ 1818 году я учредилъ въ самомъ университетѣ спеціальный комитетъ, коему исключительно поручался надзоръ надъ школами и надъ элементарными книгами. Въ 1819 году старыя правила относительно поведенія студентовъ и пріема ихъ въ университетъ были передѣланы, и были опредѣлены обязанности гувернеровъ, надзирающихъ за еже-

дневнымъ поведеніемъ воспитанниковъ въ школахъ. Конечно эти мѣры нынѣ (въ 1823 г.) могутъ показаться недостаточными и слабыми; но слѣдуетъ судить о нихъ по времени и по обстоятельствамъ, для коихъ они были разсчитаны."

„Около этого времени получилъ я отъ Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе поѣхать за границу, гдѣ здоровье моей жены заставило меня прожить два года. Во время всѣхъ сихъ моихъ отлучекъ университетъ и Виленскій округъ оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, при чемъ система преподаванія не подвергалась ни малѣйшему измѣненію, ни малѣйшему порицанію. До тѣхъ поръ и во всѣ періоды моей службы, управленіе школами и развитіе просвѣщенія, конечно, были предметомъ крайне важнымъ; но труды и надзоръ, коего онъ требовалъ, могли быть ведены исподоволь и безъ настоятельной поспѣшности."

„При возвращеніи моемъ подъ конецъ 1821 года, я засталъ вещи въ положеніи гораздо болѣе трудномъ и опасномъ. Дѣла школъ совершенно измѣнили свой видъ и свой характеръ. Буйный духъ, пробудившійся въ разныхъ Германскихъ университетахъ, пагубное повѣтріе тайныхъ обществъ между студентами этихъ университетовъ возбудили вниманіе правительства. Зараза легко могла распространиться и на наши школы. Вскорѣ по моемъ возвращеніи, я написалъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, къ тогдашнему ректору оффиціальную бумагу, въ коей предписывалась ему крайняя бдительность и строго воспрещались тайныя общества. Это распоряженіе, внушенное мнѣ неопредѣленными опасеніями, не осталось безъ нѣкотораго дѣйствія. Позволительно, по крайней мѣрѣ, льстить себя этою мыслію, при сближеніи времени, когда оно дано, съ эпохою, когда даже по послѣднимъ Виленскимъ слѣдствіямъ, извѣстные тайные происки и первые начатки обществъ были прерваны и разсѣяны."

„Вскорѣ послѣ того, въ мартѣ 1822 года, я предпринялъ общую ревизію университета, котораго я не видалъ три года, и пребываніе мое въ Вильнѣ продлилось до іюня мѣсяца. Знакомый съ состояніемъ воспитательныхъ заведеній въ Европѣ, съ измѣненіемъ ихъ духа и съ видами правительства, со времени этого посѣщенія приложилъ я все мое усердіе и всѣ мои уси-

лія къ тому (немножко поздновато!), чтобы исполнить намѣренія Вашего Величества и чтобы спасти Виленскій округъ отъ несчастій, грозившихъ послѣдовательно всѣмъ европейскимъ университетамъ".

„Первою моею заботою долженствовало быть отысканіе для управленія университетомъ усерднаго и способнаго помощника (а какъ же существовалъ университетъ до этого времени?), какъ орудіе, на которое я могъ бы разсчитывать. Замедленіе, коему я подвергся прежде, чѣмъ добился увольненія бывшаго ректора и утвержденія новаго, замедленіе, заставившее меня потерять шесть мѣсяцевъ, было причиною тому, что, за послѣднее это время, нѣкоторыя реформы, уже подготовленныя, не могли быть немедленно осуществлены, что я и считаю одною изъ первыхъ причинъ тѣхъ несчастій, которыя обрушились на университетъ. Не будь этого замедленія, Виленская гимназія была бы преобразована, и событіе 3-го мая (о немъ будемъ говорить въ свое время), быть можетъ, не совершилось бы или приняло бы оборотъ, гораздо болѣе естественный."

„Однако же съ того времени, какъ сдѣлался ректоромъ г. Твардовскій, было предпринято много улучшеній, въ особенности, по части администраціи и полиціи, на которыя я обратилъ особенное его вниманіе оффиціальною бумагою отъ ноября 1822 года, гдѣ школьной полиціи давалось новое развитіе. Все принялось процвѣтать (какъ все скоро сдѣлалось! было все плохо и сразу *принялось процвѣтать*!..), все подавало надежду, что эти заведенія заслужатъ вновь прежнее покровительство и столь драгоцѣнную благосклонность Вашего Величества."

„Но въ ту самую минуту, какъ новый ректоръ начиналъ развивать свою дѣятельность, его посадили подъ арестъ. Этимъ арестомъ, а затѣмъ Виленскимъ слѣдствіемъ, у насъ была отнята возможность дѣйствовать, такъ что, выключивъ всѣ эти перерывы и бросивъ взглядъ на работы, занимавшія меня со времени вступленія въ должность новаго ректора, всякій будетъ вынужденъ сознаться, что обыкновеннаго усердія не хватило бы на то, чтобы совершить такъ много въ столь короткое время. Я долженъ присовокупить еще одно обстоятельство, которое не преминетъ подѣйствовать на сердце Вашего Императорскаго Величества и окончательно оправдаетъ меня

въ Вашихъ глазахъ, если дѣятельность моя показалась Вамъ не соотвѣтствующею трудности обстоятельствъ. Среди этихъ то затрудненій, этихъ непріятностей подвергся я въ моемъ семействѣ самымъ тяжкимъ несчастіямъ, такъ что этотъ послѣдній годъ моей службы я считаю однимъ изъ годовъ моей жизни, въ которое я испыталъ наиболѣе горя."

„Какъ бы то ни было, я оставляю мою должность съ убѣжденіемъ, что я служилъ Вашему Величеству всѣми моими силами, съ усердіемъ искреннимъ и разумнымъ, въ убѣжденіи, что реформы и улучшенія, предложенныя или предпринятыя въ столь краткое время, произведутъ результаты достаточно удовлетворительные, чтобы не оставить въ умѣ Вашего Величества никакого сомнѣнія на счетъ Виленскаго округа, и что польза будетъ принесена безъ шума, безъ крика, безъ возбужденія неудовольствія въ странѣ."

„Мнѣ остается только поручить заведенія, зарождающіяся и упрочившіяся, всѣхъ лицъ добросвѣстно и усердно исполняющихъ свои обязанности, многочисленное юношество Виленскаго округа благотворному покровительству Вашего Императорскаго Величества. Буду постоянно молить Бога о томъ, чтобы они не лишились этой единственной защиты, безъ коей заведенія и поддерживающіе ихъ фонды, и вся польза, коей можно ожидать отъ нихъ въ настоящемъ и будущемъ, едва ли избѣгнутъ гибели"... (Русскій архивъ. 1871 г. кн. 5. 925—931. Memoires... II. 389--394.).

Какъ видимъ, изъ-подъ кисти самого попечителя вышла ужъ очень блѣдная картина его попечительской дѣятельности. То ему некогда было заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, то его отвлекали другіе интересы, то онъ долженъ былъ цѣлые годы проживать за границею, то семейныя дѣла не позволяли ему вникать въ ходъ учебнаго дѣла, то какія то посторонні обстоятельства мѣшали развиться его добрымъ начинаніямъ и совершенно парализовали ихъ и т. д. и т. д.

Въ своемъ письмѣ князь указываетъ на два-три мѣропріятія „къ улучшенію порядка въ школахъ;" но, Боже мой! какія это жалкія полицейскія мѣры! Попечитель и самъ, кажется, сознавалъ это и по обычаю, вмѣсто всякихъ доказательствъ

обращается къ милосердію Монарха, къ его доброму сердцу... И какъ далеко эта дѣятельность не отвѣчаетъ тому гордому самовосхваленію, которое помѣщено въ мемуарахъ и которое указано нами выше. (А г. І. Бѣлинскій почему то особенно, съ подчеркиваніемъ, налегаетъ на это сомнительнаго достоинства признаніе кн. Чарторыйскаго о его полонизаторской учебной дѣятельности въ Виленскомъ округѣ. См. Uniwersitet Wilenski. Krakow. 1899-1900. III. 6). Въ послѣднее время своего попечительства (въ 1822 г.) князь какъ будто очнулся нѣсколько и приложилъ все усердіе и всѣ усилія, чтобы исполнить намѣренія Его Величества и чтобы спасти Виленскій округъ отъ различныхъ несчастій; но это была уже лебединая пѣсня и въ годъ, понятно, нельзя было сдѣлать того, что проспано въ двадцать лѣтъ. И напрасно князь заявляетъ, что послѣ принятыхъ нѣкоторыхъ полицейскихъ мѣръ *все начало процвѣтать*. Вѣдь въ письмѣ къ ректору Твардовскому отъ 2 ноября 1822 года онъ самъ же замѣчаетъ, что въ округѣ не осталось ни одного почти института, ни одной почти отрасли какъ по части хозяйственной, такъ и научной, которая не требовала бы усовершенствованія, исправленія или даже совершенно новыхъ предписаній." (Bielinski I. Uniwersitet Wilenski. III. 80). Что же это за процвѣтаніе! А еще есть ученые, которые хотятъ доказать, что князь былъ великій педагогъ, что онъ сдѣлалъ образованіе доступнымъ всѣмъ безъ различія сословія и состоянія, что главное его вниманіе было обращено на уѣздныя и приходскія школы, которыхъ однако до половины XIX в. было очень немного (Вилен. Учебн. окр. А. Погодинъ. IX). Не забудемъ, что въ это время съ одной стороны было тяжелое крѣпостное право, не гармонирующее съ просвѣщеніемъ, съ другой—самое педагогическое сословіе не пользовалось далеко сколько нибудь порядочнымъ вниманіемъ. И не князю Чарторыйскому, занятому, главнымъ образомъ, мечтами о польской королевской коронѣ, было думать о педагогикѣ; это было ему не къ лицу и не его ума дѣло.

Несмотря на свое желаніе оставить постъ Виленскаго попечителя еще въ 1810 году, князь Чарторыйскій оставался однако на немъ до 1824 года. Такое положеніе возможно было только потому, что у князя были очень подходящіе сотрудники, которые мало того, что не нуждались въ его указаніяхъ, но

сами дѣлали ему указанія и работали за него. Первое мѣсто въ числѣ ихъ должно принадлежать Чацкому, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, и онъ въ своей педагогической дѣятельности опирался на работы другого пособника. Чацкій, во всякомъ случаѣ, долженъ занимать первое мѣсто при князѣ. Это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и энергіи. При своей фанатической преданности погибшему отечеству (говоримъ это рѣшительно безъ всякаго упрека), Чацкій не зналъ, кажется, никакой устали, ни предѣловъ для своей дѣятельности на благо Польши. Если князь Чарторыйскій во всемъ расчитывалъ на свое вліяніе на Императора и всего ожидалъ отъ его Монаршаго слова—„быть по сему,“ то Чацкій, наоборотъ, всего хотѣлъ достигнуть своими собственными силами, научными, моральными средствами, хоть бы въ этомъ отношеніи пришлось стать иногда на путь іезуитской морали. (Ср. его нѣкоторые отчеты, статистическія данныя, историческія, этнографическія положенія...) „Чацкій былъ неукротимъ въ своихъ проектахъ и дѣятеленъ до дерзости въ ихъ исполненіи.“ У Чацкаго съ раннихъ лѣтъ пробудилась сильная любовь къ своей родинѣ и глубокая привязанность къ наукамъ. Изучая польскую исторію, Чацкій проникся чувствомъ историческаго уваженія къ Польшѣ и съ достойною удивленія и подражанія жадностію разыскивалъ памятники польской старины. Классическіе и польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимѣйшимъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ никакихъ средствъ на пріобрѣтеніе старой польской книжки... Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни. (Р. Стар. 1902 г. I. 9.). За участіе въ 1793 году въ мятежныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, Чацкій былъ арестованъ, а его имѣнія Брусиловское и Острожское—конфискованы. Часть послѣднихъ, по его хлопотамъ въ Петербургѣ, была возвращена Чацкому съ условіемъ продать ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ и самому выѣхать изъ предѣловъ Россіи... Но со смертію Императрицы Екатерины II и вступленіемъ на престолъ Павла I обстоятельства измѣнились. Чацкому не только было разрѣшено оставаться въ Россіи, но онъ явился на коронацію Императора въ Москву депутатомъ отъ дворянства Кіевской губерніи. Пользуясь извѣстнымъ расположеніемъ Государя къ полякамъ, Чац-

кому и его товарищамъ—депутатамъ удалось среди Московскихъ торжествъ, выхлопотать всеобщее прощеніе политическимъ преступникамъ—полякамъ, жившимъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, выхлопотать учрежденіе „Главнаго суда“ для тѣхъ же губерній, подобнаго тому, какой существовалъ для Литвы, и дозволеніе употреблять вездѣ польскій языкъ и избирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ—поляковъ. Эти милости приводили русскихъ поляковъ въ восхищеніе; имъ въ Россіи дозволено было употреблять польскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ, на дворянскихъ выборахъ и въ школахъ, тогда какъ поляки, отошедшіе по раздѣламъ подъ власть другихъ государей, вовсе не имѣли этого утѣшенія (Ibid. 11.). Душою такой дѣятельности былъ Чацкій и черезъ это, съ одной стороны, сильно росла его популярность между соотечественниками, а съ другой—онъ пріобрѣталъ большое довѣріе у русскаго правительства: Павелъ I пожаловалъ ему даже чинъ „тайнаго совѣтника.“ (Ossinski. O życiu i pismach Thadeusza Czackiego. 42) Съ этихъ поръ, говоритъ біографъ Чацкаго, въ характерѣ его дѣятельности настала перемѣна. Отказавшись отъ рѣшительнаго образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ *пробужденіе политической Польши* посредствомъ возстаній послѣ ея раздѣловъ, Чацкій совершенно справедливо сознавалъ возможность достигнуть такой же цѣли путемъ подъема національнаго польскаго самосознанія посредствомъ повсемѣстнаго распространенія въ краѣ просвѣщенія въ строго-польскомъ направленіи. Не признавая русской національности большинства населенія въ нашихъ западныхъ окраинахъ и считая этотъ край польскимъ потому только, что господствующій классъ дворянъ и помѣщиковъ были поляки. Чацкій силился убѣдить въ этомъ кн. Чарторыйскаго и поддерживать подобное убѣжденіе какъ въ Императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I, такъ и среди высшихъ правительственныхъ лицъ. (См. Сборн. матеріаловъ II. 1082-1084. III. 83-87, 103-112.). Польскій языкъ являлся главнымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ предположеній, и на его возможно широкое распространеніе и глубокое проникновеніе среди населенія обращено было все вниманіе Чацкаго. *)

---

*) Будучи однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ Варшавскомъ обществѣ любителей наукъ, Чацкій 31 января 1802 года писалъ ему, что, хотя дѣла и

Нашъ языкъ, говорилъ онъ въ созданной имъ Кременецкой школѣ, находится подъ покровительствомъ закона и стоитъ на стражѣ грядущихъ поколѣній. Кто легкомысленно относится къ своему языку, тотъ чужеземецъ на собственной землѣ, въ томъ нѣтъ духа предковъ, тотъ выдѣляетъ языкъ народа отъ языка науки... Усовершенствуйтесь (обращеніе къ учащимся) въ этомъ языкѣ, доставьте утѣшеніе духу почтенныхъ предковъ, которые, почивая въ нѣдрахъ вѣковъ, еще взираютъ съ небесныхъ твердынь на настоящія поколѣнія." (O pismach i życiu Thadeusza Czackiego. Osinskiego. 52).

Назначенный въ 1803 г. визитаторомъ, Чацкій на мѣстѣ, въ предѣлахъ порученнаго ему района „долженъ былъ совершенно удостовѣриться о наукахъ, порядкѣ, способности и прилежаніи учителей, о рачительности и успѣхахъ учениковъ и вообще о всемъ томъ, что способствуетъ, или напротивъ того, препятствуетъ распространенію народнаго просвѣщенія и насажденію благонравія и добродѣтели." (Сборн. распоряж. М. Н. Пр. I. 25). Нужно думать, что у Чацкаго, на основаніи его заявленія, была еще особая инструкція, предоставлявшая ему и особыя права. (Listy Kollątaja. I, 124). Чацкій не показывалъ этой инструкціи даже задушевному своему пріятелю Коллонтаю, несмотря на усиленныя просьбы послѣдняго показать (ibid.). Можно полагать, что эта инструкція дана была Чац-

---

обязанности службы заставили его удалиться изъ Варшавы, но его всегда оживлялъ духъ общества; что вся Кіевская губернія показала отличное уваженіе къ трудамъ сего общества, собравъ до ста тысячъ рублей на народное образованіе съ тѣмъ, чтобы въ школахъ былъ сохраненъ польскій языкъ, и на немъ читались бы всѣ науки, преподаваемыя ученикамъ... Потомъ Чацкій сообщалъ Обществу, что ксендзъ Тышкевичъ отказалъ все свое имѣніе на училища съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обучали наукамъ такимъ способомъ, какой предписанъ будетъ Варшавскимъ обществомъ, отъ котораго весь народъ ожидаетъ обильныхъ плодовъ. (Р. Стар. 1902 г. I. 18.)

Въ предметъ занятій Общества по первоначальному уставу входило: сохраненіе чистоты польскаго языка; распространеніе на томъ же языкѣ полезныхъ знаній; изданіе разсужденій о предметахъ, полезныхъ государству (польскому, конечно) и наукамъ; переводы лучшихъ иностранныхъ писателей; оцѣнка сочиненій, присылаемыхъ для изданія ихъ отъ имени общества; удешевленіе изданій сочиненій, заслуживающихъ вниманія; сохраненіе въ памяти потомства выдающихся умершихъ поляковъ, при помощи рѣчей, біографическихъ очерковъ и т. под... (Ibid. 7).

кому министромъ гр. Завадовскимъ (Ср. Сборн. распор. М. Н. Пр. I. 5. Здѣсь приведена только „выписка краткая изъ обширныхъ наставленій“) и имѣла для него большое значеніе своею неопредѣленностію. *)

Вступивши въ должность, Чацкій явился въ ней совершеннымъ новичкомъ. Упорядоченіе, устройство учебной части требуетъ организаторскаго ума, строгой логики, системы, выдержки, опыта, многостороннихъ свѣдѣній. Чацкій, какъ будущій руководитель педагоговъ, не удовлетворялъ такимъ требованіямъ. Сильный и свѣдущій въ историческихъ и юридическихъ наукахъ, горячій характеромъ, крайній патріотъ, онъ въ рѣшеніи вопросовъ по учебной и воспитательной части постоянно нуждался въ совѣтахъ и указаніяхъ.

За помощью Чацкій обратился къ Коллонтаю. Въ пониманіи организаціи учебнаго дѣла Коллонтай стоялъ выше своихъ современниковъ. Онъ зналъ его теорію и практику; онъ былъ визитаторомъ и организаторомъ заведеній эдукаціонной комиссіи, устроителемъ и ректоромъ Краковской главной школы (Академіи). Онъ отлично зналъ жизнь и, подобно Чацкому и Снядецкому, страстно любилъ свое отечество. „Всѣ пути его общественной жизни, говоритъ Снядецій въ жизнеописаніи Коллонтая, представляли собою безсмѣнный рядъ *противорѣчій*, которыя или выставляли его на преслѣдованія, если онъ достигалъ хотя малѣйшаго успѣха, или и совершенно уничтожали плоды его усилій. Будучи поклонникомъ народной свободы, онъ девять лѣтъ своей жизни провелъ въ заключеніи. Столько хорошаго сдѣлавши для Краковской академіи, онъ долженъ былъ смотрѣть на ея паденіе и на безплодное исчезновеніе положенныхъ для нея трудовъ. Бывшій министръ, онъ не имѣлъ потомъ пріюта и испыталъ нужду и неволю.“ (Pisma rozmaite Sniadeckiego. I. Przemowa. VII, VIII). Сдѣлавши много для Австріи, онъ съ позоромъ былъ изгнанъ оттуда ея властями, по взятіи Кракова, съ запрещеніемъ ему въѣзда, и только русское правительство, къ которому онъ относился съ глубокою ненавистью и всегдаш-

*) На вопросъ Коллонтая: какъ обширны его (Чацкаго) полномочія, Чацкій отвѣчалъ, что данная инструкція представляетъ на его взглядъ мало значенія, что онъ намѣренъ пользоваться только послѣдними ея выраженіями: caetera activitati... (Listy Kollątaja. I. 124)

нимъ презрѣніемъ, хлопотало о его освобожденіи изъ австрійскаго заключенія, о возвратѣ взятаго у него австрійцами имущества и дало ему свободный пріютъ въ Россіи (ibid стр. 107). Прибавимъ къ этому, что Коллонтай былъ другомъ, совѣтникомъ и самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Костюшки въ его революціонныхъ противъ Россіи затѣяхъ. (Вѣстникъ Европы 1870 г. I. 530—532.).

Уже 20 мая 1803 года Чацкій писалъ Коллонтаю, что будетъ взывать къ его просвѣщенному содѣйствію и опытности, будетъ просить его о помощи. (Listy Kołłątaja. I. 54.).

Въ письмѣ отъ 19 іюля того же года онъ выражается яснѣе. „Назначенный упорядочить школьное дѣло, я очутился на незнакомой мнѣ дорогѣ. Не легко дѣлать указанія относительно всѣхъ наукъ, когда предварительно я самъ увлекался только нѣкоторыми. Учившись случайно, урывками, я съ трудомъ могу устанавливать для нихъ систему. Единственнымъ руководителемъ для меня служитъ здравый смыслъ, а гдѣ не хватаетъ собственныхъ научныхъ свѣдѣній, тамъ хочу учиться. Я привезу съ собою изложеніе своихъ мыслей и дамъ въ нихъ хотя необстоятельный отчетъ (Чацкій думалъ навѣстить Коллонтая); а тотъ кто первый (указаніе на Колонтая) былъ визитаторомъ главной школы (Краковской) и ею управлялъ, кто съумѣлъ объединить въ себѣ опытность съ теоріею, тотъ, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Таковы мои ожиданія, такими надеждами я льщу себя. Къ тебѣ, Милостивый Государь, я прихожу за совѣтомъ; прихожу за нимъ, какъ за долгомъ, которымъ ты повиненъ общественному дѣлу. Другимъ предлагаю вопросы, тутъ самъ буду ожидать ихъ. Ты знаешь современныя потребности; стань выше давнихъ и новѣйшихъ постановленій (относительно развитія просвѣщенія); пиши, что придетъ въ голову; явлюсь и буду ожидать просвѣщенныхъ указаній. Пріѣду къ тебѣ, въ мѣсто твоего пребыванія и буду учиться; это составитъ для тебя честь и славу, а всякое сообщеніе тобою малѣйшаго знанія сочту величайшею съ твоей стороны для меня милостью“. (Listy Kołłątaja. I. 83—7).

Отъ 28 іюля Чацкій пишетъ Коллонтаю: Я нарочно такъ хочу расположить мой маршрутъ, что бы подольше пробыть

въ Кременцѣ и передъ тобою, Милостивый Государь, дать отчетъ о моихъ взглядахъ на воспитаніе. Пріятно будетъ по убѣжденію обращаться и взывать къ тебѣ за помощію. Я вижу, что основанія (просвѣщенія), положенныя въ Петербургѣ, (указанныя выше законоположенія по развитію народнаго просвѣщенія) хотя и благодѣтельны, но заключаютъ въ себѣ и существенные недостатки. Благоволи, потому, Милостивый Государь, съ полною откровенностію писать (на нихъ) свои замѣчанія, какъ относительно практики, такъ и теоріи; ты обязанъ это сдѣлать для своихъ земляковъ, для потомства. Быть можетъ и моя библіотека стоитъ того, чтобы ее осмотрѣла столь свѣтлая голова; и если ты окажешь эту честь мертвымъ предметамъ (т. е. библіотекѣ), я живущему (т. е. Коллонтаю) посвящу все свое вниманіе. (ibid. I. 87.)

Другого пособника въ своей дѣятельности Чацкій хотѣлъ видѣть въ Иванѣ Снядецкомъ.

Снядецкій лучшіе годы своей жизни провелъ въ Краковской академіи (около 31 года), въ должности профессора и секретаря, въ то время, когда Коллонтай былъ тамъ визитаторомъ и ректоромъ. (Balinski. Pamiętniki o Sniadeckiem. I. 77—98). Какъ профессоръ, какъ ученый вообще и астрономъ, Снядецкій пользовался громкою извѣстностію не только въ Польшѣ, но и во всей западной Европѣ. Ученые Италіи, Франціи, Германіи, Англіи находились съ нимъ въ частыхъ литературныхъ сношеніяхъ, особенно по вопросамъ, касающимся астрономическихъ наблюденій. (Онъ былъ членомъ и Петербургской академіи наукъ). Салоны первыхъ аристократовъ Польши были для него открыты. Въ его умѣ обширномъ и глубокомъ, въ его учености, поляки видѣли свою славу, славу своего отечества. За то Снядецкій, гдѣ только могъ, защищалъ интересы и честь своей страны. Въ Парижѣ онъ съ успѣхомъ письменно возсталъ противъ ученаго Виллерса, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій, увѣнчанномъ преміею, по присужденію національнаго французскаго института, во многихъ мѣстахъ дѣлалъ неблагопріятные отзывы о полякахъ и Польшѣ. (Balinski Pamiętniki o Sniadeckim. I. 344—352). Въ Гроднѣ, въ 1793 году, онъ вмѣстѣ съ Почобутомъ, ректоромъ тогда Виленской академіи, съ опасностію жизни, защищалъ эдукаціонный фундушъ

отъ расхищенія. (Ibid. 243—250). Задавшись мыслію учеными трудами поддержать честь и славу своего погибшаго отечества, онъ, между прочимъ, издалъ въ этихъ видахъ „математическую географію“ и „изслѣдованіе о Коперникѣ“ *). Оба сочиненія производили въ польскихъ кружкахъ фуроръ въ собственномъ смыслѣ. Нѣкоторые въ письмахъ къ Снядецкому величали его

---

*) Когда созданное въ 1800 году (главнымъ образомъ Чацкимъ) общество любителей наукъ постановило возвратить прежде всего польскому народу Коперника, который вполнѣ законно, по мнѣнію поляковъ, принадлежитъ ему и своими трудами составляетъ его славу и украшеніе, Чацкій вмѣстѣ съ другими въ числѣ первыхъ особенно упрашивалъ Снядецкаго принять на себя трудъ возстановить въ истинномъ (польскомъ) свѣтѣ труды и заслуги Коперника (Studia Historyczne Balinskiego. Wilno. 1856 г. 8).

„Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ изслѣдованія о Коперникѣ, писалъ Чацкій Снядецкому 8 іюня 1802 г. Ничто такъ не могло польстить нашему обществу (любителей наукъ въ Варшавѣ), какъ то, что твое разсужденіе о наблюденіяхъ изъ области астрономіи (читанное въ засѣданіи общества) слушали съ полнымъ вниманіемъ, что оно вызвало общіе аплодисменты, и ему дано первенство передъ рѣчью Станислава Потоцкаго, въ которой образы и сравненія единственные въ своемъ родѣ. Достоинъ, значитъ, этотъ народъ того, чтобы учиться серьезнымъ наукамъ. Не тоску нагонишь: напротивъ, возбудишь крайнее любопытство слушателей (чтеніемъ твоихъ сочиненій). Подари намъ Коперника, но такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не въ изображеніяхъ чужеземцевъ. Дай намъ вступленіе къ той наукѣ, на плоды которой смотримъ съ удивленіемъ, но говорить о которой не умѣемъ“.

„Не обвиняй меня въ злоупотребленіи твоимъ довѣріемъ, что твое намѣреніе писать (о Коперникѣ) я принялъ за обѣщаніе и высказанное объ этомъ въ проектѣ объявилъ твоею обязанностію. Нѣсколько (написанныхъ) листовъ—это не простой проектъ; а эти листы уже готовы. Изъ этого дѣла ты не дѣлалъ секрета. Почему же я не долженъ былъ поздравить народъ свой, что, наконецъ, твое перо напишетъ для желающихъ учиться столь важную науку. Почему не могъ сказать я сотоварищамъ: вотъ человѣкъ, который всегда идетъ впереди по пути славы, работаетъ и имѣетъ право на заслуженный отдыхъ; а вы цѣлый годъ размышляете, надъ чѣмъ бы вамъ поработать. Скажу искренно, что для меня очень пріятно въ тебѣ именно видѣть образецъ и примѣръ“... (Pamiętniki o Sniadeckim. II. 170—1).

Въ новомъ письмѣ къ Снядецкому отъ 10 сентября того же года, выразивши радость, что онъ кончилъ свое изслѣдованіе о Коперникѣ, и что Варшавское общество ждетъ его съ нетерпѣніемъ, Чацкій продолжаетъ: „лучше всего сдѣлаешь, если отвѣтишь, что̀ изъ твоей диссертаціи должно быть прочитано въ засѣданіи общества. Если этого не сдѣлаешь ты, то сдѣлаемъ мы сами, но было бы лучше, любезнѣйшій сотоварищъ, имѣть твои отмѣтки. Поспѣши присылкою этого геніальнаго труда (а Чацкій еще и не

„ученымъ патріархомъ", „патріархомъ ученой опытности"; другіе только въ немъ полагали надежду спасенія польской справы: in te, взывали къ нему, spes nostra! Напомнимъ, что и Снядецкій, подобно Коллонтаю, былъ дѣятельнымъ помощникомъ Костюшки въ его затѣяхъ о возстановленіи Польши. (Balinski. Pamiętniki o Sniadeckim. I. 258, 259, 328. II. 437, 441, 445).

читалъ его, а дѣлаетъ такой отзывъ), такъ какъ безмѣрно его ждемъ. Если будетъ у тебя время, вспомни, что только ты одинъ можешь написать математическую географію" (ibid. 172).

„Прошу вѣрить, прибавляетъ Чацкій въ новомъ письмѣ къ Снядецкому, что уваженіе къ тебѣ безъ границъ, какъ со стороны нашего общества (любителей наукъ), такъ и со стороны согражданъ. Съ грустію посматриваемъ, не появится ли твоя географія. Дѣло тутъ не въ расходахъ: самыя большія издержки не страшатъ насъ: послѣдній грошъ отдали бы за твое сочиненіе. И такъ присылай его, чтобы мы могли похваляться зрѣлыми плодами трудовъ твоихъ". (ibid. 176).

Наконецъ, сочиненіе о Коперникѣ было получено, и Чацкій въ письмѣ къ Снядецкому, отъ 13 сентября 1802 года, далъ полную волю своимъ восторгамъ. „Вотъ и мы, наконецъ, получили твое произведеніе. Женщины и мущины, ученые и желающіе учиться одинаково проникаются уваженіемъ и къ тебѣ, и къ Копернику. Общая молва такова, что ничего подобнаго еще не было написано въ такомъ изложеніи по этому предмету... Завтра будетъ чтеніе въ обществѣ (любителей наукъ), потому что не могу выдержать напора товарищей, которые, кажется, одинъ другого хотѣли бы упредить въ желаніи прочитать твой трудъ и восторгаться имъ. Всѣ требуютъ французскаго перевода. (Сочиненіе было написано на польскомъ языкѣ). Спрашиваю тебя, почтенный другъ: согласенъ ли ты позволить Линовскому на твоихъ глазахъ сдѣлать переводъ? Всѣ будемъ просить его. Онъ полякъ и не откажетъ намъ въ этой народной славѣ... Чтобы представить тебѣ хотя слабый образъ того удовольствія, которое доставляетъ всѣмъ твое произведеніе, довольно замѣтить, что переданное мнѣ сегодня въ десять часовъ утра оно было прочитано одиннадцать разъ до девяти часовъ вечера, когда пишу это письмо. Сердечно тебя обнимаю. Горжусь твоею дружбою... Моя жена наиумильнѣй тебѣ кланяется, и благодаритъ, какъ согражданка. (Studia histor. Balinskiego. 10).

Послѣ чтенія въ засѣданіи общества друзей наукъ, Чацкій писалъ Снядецкому: „Милый другъ! Тысячи устъ произносятъ твое имя съ благоговѣніемъ и благодарностію. Вчерашній день былъ лучшимъ днемъ въ жизни нашего народа. Четыре часа продолжалось засѣданіе. Монахъ и первѣйшая модница, ученый и неучъ, юристъ и математикъ, одинаково слушали, одинаково проникались чувствомъ. Альбертранди, открывъ засѣданіе, высказалъ, чего ты достоинъ: ты одинъ могъ указать способъ изученія Коперника, одинъ, могъ положить на его гробъ неувядаемый вѣнокъ"... Сказавши о другихъ чтеніяхъ, Чацкій продолжаетъ: „о настоящемъ засѣданіи говорятъ вездѣ: на улицахъ и въ костелахъ, въ частныхъ домахъ и судебныхъ палатахъ. Жители

Въ многочисленныхъ письмахъ къ Снядецкому (отчасти мы съ ними дальше ознакомимся) Чацкій постоянно проситъ у него совѣтовъ, указаній по тому или другому вопросу, иногда умоляетъ, заклинаетъ его именемъ отечества пріѣхать къ нему для неотложнаго личнаго рѣшенія какого нибудь дѣла. И Снядецкій, подобно Коллонтаю, пользовался безграничнымъ уваженіемъ Чацкаго. Съ 1802 года снова возобновляется между ними прерванная было корреспонденція. Чацкій неоднократно повторяетъ, что испытываетъ величайшее удовольствіе каждый разъ, когда получаетъ письмо отъ Снядецкаго: это, говоритъ онъ, откликъ пріятеля, котораго я умѣю цѣнить и любить.

Этого Снядецкаго усильно теперь стали приглашать въ Вильну сначала для занятія поста астронома-наблюдателя при Виленской университетской обсерваторіи, а потомъ и для занятія должности ректора во вновь преобразованномъ университетѣ. Приглашенія шли и отъ кс. Стройновскаго, бывшаго въ это время ректоромъ университета, и отъ попечителя округа князя Адама Чарторыйскаго. Эти письма полуоффиціальныя заключаютъ въ себѣ указаніе того матеріальнаго служебнаго положенія, въ которое будетъ поставленъ Снядецкій, если согласится принять предлагаемое. (Pamiętniki o Sniadeckim. II. 177—9).

Чацкій тоже поспѣшилъ отозваться по этому поводу. Въ письмѣ къ Снядецкому отъ 7 мая 1803 года онъ между прочимъ говоритъ: „Князь Ч. (арторыйскій) пишетъ, ссылаясь на письмо кс. Стройновскаго, что тебя приглашаютъ (въ Вильну) на выгодныхъ условіяхъ. Онъ умоляетъ и заклинаетъ меня точно узнать о твоихъ намѣреніяхъ. Есть проектъ, очень простой, чтобы ты былъ ректоромъ университета. (Этотъ проектъ, какъ увидимъ ниже, нѣсколько потомъ осложнился).

Кракова увидятъ тебя прежде меня. Они разскажутъ тебѣ, что самое легкомысліе становилось серьезнымъ, когда тебя слушали. Ни малѣйшая улыбка не нарушила важности (засѣданія); и кромѣ нѣсколькихъ лицъ, которыя должны были выйти, такъ какъ подъ ними отъ давки поломались скамьи, никто болѣе не тронулся съ мѣста. Любезный другъ! Право, этотъ народъ тебя достоинъ и для тебя не униженіе быть его землякомъ“. (Pamiętniki o Sniadeckim. I. 299—300).

Но это будетъ зависѣть отъ твоей воли и нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Стало быть, напиши, чего хочешь, и я все сдѣлаю. (Studia hisrot .Balinskiego. 10. 11)

Таковы тѣ лица, которыя съ 1803 года, видимо или невидимо, стали рѣшительно заправлять всѣмъ устройствомъ народнаго просвѣщенія въ западно-русскихъ окраинахъ. (Нужно помнить, что университетъ, съ его ректоромъ во главѣ, былъ главнымъ и единственнымъ руководителемъ и устроителемъ всего учебнаго дѣла въ округѣ). Всѣхъ ихъ одинаково связывала страстная любовь къ Польшѣ и глубокая ненависть къ Россіи, хотя и въ этомъ отношеніи совѣтникамъ Чацкаго, при живости и горячности его характера, приходилось сдерживать его порывы. (Listy Kollataja. I. 99. 100, II. 323. 368 и др.). Хотя Императоръ Александръ впослѣдствіи и заявилъ Чарторыйскому, что Литва, Подолія и Волынь — области русскія, что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію отдать ихъ въ управленіе иного государя, а не того, который царствуетъ въ Россіи (Русскій Архивъ 1871 г. 848 стр.), но для названныхъ дѣятелей эти слова не имѣли никакого значенія. Считая весь западно-русскій край польскимъ, они думали только какъ бы воспользоваться по своему обширными милостями Императора. (Listy Kollataja. I. 86. 117 и друг.). Громкія фразы, которыя будемъ встрѣчать въ заявленіяхъ Чацкаго и его сотрудниковъ *о благѣ народномъ, объ общественномъ благѣ и счастіи*, о просвѣщеніи *всего народа* и т. п. нужно понимать въ смыслѣ блага польскаго государства, и притомъ *въ смыслѣ блага польскаго шляхетства*. Уже Снядецкій упрекалъ Чацкаго въ такомъ узкомъ направленіи. (Balinski. Studia histor. 56. 7). Съ другой стороны Коллонтай, который даже полякамъ казался опаснымъ демагогомъ (говорили, что онъ думалъ вырѣзать шляхту — Pamistniki o Sniadeckim. Balinski. I. 677) въ самую рѣшительную минуту принялъ сторону шляхты и отказалъ народу въ его правахъ. (Вѣстникъ Европы. 1870 г. I. 532).

На приглашеніе Чацкаго совмѣстно работать надъ устройствомъ просвѣщенія въ Россіи, Коллонтай отъ 1 августа 1803 года, между прочимъ, писалъ ему, что, освободившись отъ всякихъ хлопотъ, онъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ поспѣшитъ

къ нему и сдѣлаетъ все, что только дозволятъ ему его посредственныя, нѣсколько уже лѣтъ бездѣйствовавшія, способности. Знаю, милостивый государь, пишетъ Коллонтай Чацкому, что у тебя вполнѣ достаточно собственнаго свѣта и усердія; но каждый, понимающій высокія задачи твоего труда, тѣмъ съ большею охотою долженъ поспѣшить на призывъ, чѣмъ сильнѣе проникнутъ онъ чувствомъ блага человѣчества и своихъ соотечественниковъ."

„Одни за другими доходятъ къ намъ распоряженія объ устройствѣ общественнаго просвѣщенія. Я читалъ ихъ, и мнѣ думается, что уже совершенно закончены всѣ предписанія относительно организаціи этого огромнаго дѣла. Основанія общественнаго воспитанія въ общемъ, казалось, оставляли мѣсто для полезныхъ указаній, посредствомъ которыхъ можно было выяснить, объединить и расширить то, что могло быть опущено или недостаточно ясно изложено. Новый привилей для виленской главной школы я объясняю себѣ, какъ дѣло благодѣянія, которое, подтверждая давнія права сословія учительскаго, дозволяло, однако, входить съ новыми представленіями въ видахъ пользы общественнаго просвѣщенія. Однако, общія постановленія для Императорскаго Виленскаго университета и школъ его округа отъ 18 мая (1803 г.), санкціонированныя Высочайшею волею, такъ, повидимому, окончательно ставятъ дѣло, что въ устройствѣ школъ остается только буквальное исполненіе предписаннаго. Если слѣдуетъ заглянуть въ прошедшее и сравнить съ нимъ настоящее, то во всемъ этомъ (въ распоряженіи по устройству учебнаго дѣла) я нахожу умиляющую утѣху: мои труды (въ эдукаціонной комиссіи) съ очень малыми перемѣнами почти цѣликомъ приняты" (въ постановленіяхъ 1803 г. русскаго правительства).

Соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ Чацкаго о необходимости нѣкоторыхъ исправленій въ послѣднихъ распоряженіяхъ относительно общественнаго просвѣщенія въ Россіи, Коллонтай продолжаетъ: „но кто же я, чтобы осмѣлился съ перомъ въ рукахъ указывать ошибки тому правительству, которое столько меня облагодѣтельствовало. Мнѣ даже думается, что мои замѣчанія съ одной стороны явятся нѣсколько запоздавшими, если представить ихъ теперь, когда все дѣло уже

окончено; но, съ другой стороны, они могутъ показаться и слишкомъ заблаговременными, если расчитывать на ихъ представленіе въ будущемъ. Въ постановленіяхъ 18 мая, Высочайше конфирмованныхъ, и это предусмотрѣно, когда Виленской главной школѣ оставлено право входить съ представленіями относительно поправокъ и перемѣнъ."

„Во всякомъ случаѣ все, что напишу, прошу принять это, какъ откровенное сообщеніе только для тебя самого. Вѣдь о самомъ лучшемъ дѣлѣ всегда еще можно кое-что сказать, безъ малѣйшаго желанія критиковать, съ тою, однако, свободою, какой требуетъ важность предмета. Пиша съ такою цѣлію, я совершенно отвлекаюсь отъ мысли о какомъ бы то ни было правительствѣ и *имѣю въ виду тебя только одного,* который желаетъ отъ меня вполнѣ откровеннаго мнѣнія. Надѣюсь, что не злоупотребишь моею откровенностію и сохранишь ее на сколько требуетъ того дружба." (Коллонтай, при освобожденіи его изъ австрійской неволи, далъ обязательство не принимать никакого участія въ дѣлахъ.).

Указавши на ходъ развитія воспитанія человѣчества вообще и намѣтивши нѣкоторый планъ для предстоящаго разсмотрѣнія постановленій о воспитаніи въ Россіи, Коллонтай заявляетъ Чацкому, что онъ поспѣшитъ воспользоваться его приглашеніемъ, чтобы имѣть сладостное утѣшеніе особенно поблагодарить его за столько доказательствъ къ нему расположенія, чтобы при этомъ воспользоваться случаемъ осмотрѣть въ его библіотекѣ дорогія сокровища польской литературы, чтобы, наконецъ, свободно лично переговорить съ нимъ обо всѣхъ его видахъ и намѣреніяхъ и представить ему тѣ наброски, которые, по его приказанію, онъ началъ дѣлать (Listy Kołłątaja. I, 88—93.).

Въ концѣ августа 1803 года получилъ Чацкій письмо (отъ 24 августа) и отъ Снядецкаго изъ Варшавы. Уѣзжая за границу, Снядецкій хотя письменно прощался съ Чацкимъ и оставлялъ ему свои священные завѣты. „Писалъ ко мнѣ ректоръ Виленской академіи кс. Стройновскій,—читаемъ въ письмѣ Снядецкаго,—что должности директоровъ гимназій не пожизненныя, а четырехлѣтнія, что назначенія зависятъ отъ

университета, по его свободному выбору, что визитаторы имѣютъ право вникать во все и рекомендовать извѣстныхъ лицъ, но давать имъ назначеніе своею властію не могутъ. Въ доказательство прислалъ мнѣ и постановленія, утвержденныя императоромъ, которыя для всѣхъ одинаково обязательны. Въ этомъ отношеніи, эти постановленія вполнѣ согласны съ давними положеніями эдукаціонной комиссіи, и знакомство съ ними зародило во мнѣ сомнѣніе относительно вызова Чеха и Шейдта (профессора Краковскаго университета, рекомендованные Снядецкимъ) на должности директоровъ школъ. Предполагая, не сдѣланы ли на этомъ пути какія-либо перемѣны, я просилъ кс. Стройновскаго разрѣшить мои недоумѣнія. Милостивый Государь! Я всегда довѣрялъ твоему характеру и полагаю, что людей почтенныхъ и при томъ моихъ друзей не захочешь завести такъ, чтобы они потеряли положеніе, если и не особенно пріятное, зато вѣрное. Я опасался, что, быть можетъ, не совершенно схватилъ всѣ подробности академическаго устройства. Однако я имѣлъ основанія для такого опасенія, и если проектируемое новое для вызываемыхъ лицъ положеніе не обезпечиваетъ имъ ничего лучшаго и надежнаго сравнительно съ настоящимъ, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ и думать объ ихъ перемѣщеніи. Тутъ я узналъ еще, что всѣ вакантныя мѣста въ Виленской академіи будутъ замѣщаться посредствомъ конкурса, что къ этому конкурсу приглашены чужестранцы, и къ посламъ при иностранныхъ дворахъ отправлены съ такою цѣлію объявленія. По всей вѣроятности, мнѣ не представится болѣе возможности писать къ тебѣ; а недавно передъ тѣмъ ты желалъ получить отъ меня замѣчанія относительно плана общественнаго воспитанія, насаждаемаго въ польскихъ провинціяхъ (т е. западно-русской окраинѣ), отъ меня, какъ человѣка, который тридцать одинъ годъ провелъ въ этомъ ремеслѣ (т. е. святомъ дѣлѣ воспитанія) и который шестнадцать лѣтъ трудами и совѣтомъ служилъ давней польской комиссіи, ничего не пріобрѣвши для себя, кромѣ большей сравнительно съ другими опытности въ этомъ предметѣ. Скажу тебѣ искренно и откровенно, что всѣ надежды для края нужно считать или совершенно потерянными, или, по крайней мѣрѣ, отодвинутыми въ отдаленное, глубокое будущее, если каѳедры въ Виленской академіи будутъ замѣщены

иностранцами. Допустимъ, что первѣйшіе геніи Европы, извѣстнѣйшіе перворазрядные ученые съѣдутся въ Вильну. Что же они тутъ подѣлаютъ? Хорошихъ публичныхъ чтеній они не устроятъ, да и не могутъ устроить, такъ какъ имъ нельзя будетъ изъясняться на своихъ отечественныхъ языкахъ; будутъ говорить плохою латынью, какъ неопытные въ этомъ языкѣ, и, конечно, плохо учить, такъ какъ латинскій языкъ, даже основательно изученный, совершенно не пригоденъ къ изъясненію наукъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время. Клянусь, что самъ Ньютонъ, не владѣя необходимымъ языкомъ, никого не научитъ даже началамъ ариѳметики. Всѣ эти великіе заграничные мужи набили руку только въ писательствѣ на своемъ языкѣ, а не въ искусствѣ общественнаго воспитанія, которое составляетъ совершенно особое ремесло. Оно для иностранцевъ можетъ показаться тѣмъ многосложнѣе и труднѣе, если имъ придется вести дѣло на чуждомъ для нихъ языкѣ. Когда то за границею и я слушалъ лекціи великихъ ученыхъ и чаще всего въ извѣстнѣйшихъ писателяхъ приходилось признавать плохихъ и туманныхъ учителей. И будутъ писать эти великіе мужи на чужомъ языкѣ мудрыя разсужденія, глубокія по мыслямъ сочиненія. Заграничные ученые, а можетъ быть и нѣсколько лицъ со всего края будудъ пользоваться ими, какъ попользовались бы въ равной степени и тогда, когда подобныя сочиненія явились бы въ Парижѣ, Лондонѣ или Филадельфіи: но цѣлый край и все общественное просвѣщеніе не получитъ отъ нихъ ни малѣйшей пользы, такъ какъ не для нихъ подобные труды. О столицѣ, какъ просвѣтительномъ центрѣ, будутъ говорить за границею, но край и его обитатели останутся въ темнотѣ. Таковъ былъ результатъ основанной въ Петербургѣ Петромъ Великимъ академіи, заполоненной первостатейными заграничными учеными; подобное должно повториться вездѣ, при одинаковомъ положеніи... Мѣстомъ ученыхъ иностранцевъ, приглашенныхъ въ край, должны быть академіи (а объ академіи наукъ Петербургской при Петрѣ Великомъ только что говорилось иное) и ученыя общества; мѣста же въ университетахъ, школахъ и учебныхъ учрежденіяхъ *должны быть заняты исключительно согражданами и соотечественниками, такъ какъ тутъ все дѣло въ языкѣ...* Не будемъ однако льстить себя па-

деждою, чтобы въ Вильну въ самомъ дѣлѣ съѣхались такіе геніи, какъ я ихъ тутъ нарисовалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ своемъ краѣ они обезпечены лучше Виленскихъ профессоровъ. Я отлично знаю почти всѣ ученыя извѣстности въ Европѣ, особенно ихъ состояніе и матеріальное обезпеченіе; могу ручаться, что изъ нихъ никто даже не двинется изъ своего угла. На конкурсъ, такимъ образомъ, явятся иностранныя посредственности, или тѣ рои голодающихъ мудрецовъ, которыми заполонены Германія и Франція: они будутъ только издѣваться надъ краемъ, легкомысленно третировать поляковъ, которые, быть можетъ, гораздо ихъ ученѣе, постараются набить свои карманы и, не сдѣлавши ничего путнаго, поспѣшатъ воротиться къ себѣ съ капитальцемъ, и тамъ, подъ именемъ „заслуженныхъ", съѣдать и умалять фундушъ главной школы. Виленская академія уже имѣла печальнѣйшій въ этомъ отношеніи опытъ во времена эдукаціонной комиссіи. Какое имѣетъ значеніе теперь ея медицинская школа, и что хорошаго она сдѣлала, имѣя въ теченіе 24 лѣтъ штатъ почти исключительно изъ иностранцевъ? Если бы въ ней въ послѣднее время не заняли мѣстъ Юндзиллъ или мой братъ, то въ Вильнѣ не имѣли бы даже понятія о естественной исторіи или химіи, хотя тутъ сидѣли на каѳедрахъ довольно извѣстные иностранцы. Сошлюсь на признаніе и свидѣтельство канцлера Хрептовича, который во время оно особенно стоялъ за приглашеніе иностранцевъ. Теперь онъ самъ сознается, что каждый изъ иностранцевъ стоилъ комиссіи гораздо болѣе, нежели нѣсколько профессоровъ поляковъ, и что, при всемъ томъ, никто изъ нихъ ничего хорошаго не сдѣлалъ для просвѣщенія края. Потому, по моему мнѣнію, большая ошибка въ томъ, что въ Виленской академіи для занятія каѳедръ избрали путь конкурса, и что къ конкурсу допущены иностранцы. Я прежде еще доказалъ эдукаціонной комиссіи, что путь конкурса очень обманчивъ, не надеженъ и менѣе всего годится для выбора учителей. Въ этихъ людяхъ прежде всего нужно цѣнить основательность въ наукѣ, осмысленность, голосовыя средства, полное владѣніе языкомъ, хорошо извѣстнымъ для учениковъ, умѣнье чисто, ясно и систематически передать извѣстный предметъ, примѣрное поведеніе, терпѣливый и доступный характеръ, усердіе къ труду; но всѣ эти качества не могутъ обнаружиться въ при-

сылаемыхъ на конкурсъ диссертацiяхъ... Допущенную ошибку я далъ почувствовать кс. Стройновскому (ректору академiи) и какъ его прiятель и какъ любящiй благо моихъ соотечественниковъ; указалъ ему и еще одно роковое послѣдствiе этого факта, именно, что онъ отнимаетъ у молодыхъ поляковъ всякую охоту усовершенствоваться въ наукахъ, такъ какъ, по обыкновенiю, иностранцы у насъ хотя менѣе учены (чѣмъ поляки), умѣютъ, однако, всѣхъ привлечь и обворожить. Обо всемъ этомъ пишу тебѣ, Милостивый Государь, такъ какъ ты съумѣешь воспользоваться моими совѣтами и безъ сомнѣнiя воспользуешься ими, только бы не попали они въ руки иностранцевъ. Не руководствуюсь въ данномъ случаѣ никакимъ интересомъ: ни въ академiи, ни въ краѣ, ни за границею не стану искать мѣста, хотя бы даже съ миллiоннымъ доходомъ; я отказался отъ довольно почетныхъ для меня приглашенiй, и если, послѣ отдыха и поправленiя здоровья, займусь какимъ-нибудь дѣломъ, то единственно по искреннему желанiю сослужить службу моимъ землякамъ и дѣлу общественнаго просвѣщенiя. Уѣзжая изъ края, благословляю тебя, Милостивый Государь, и увожу съ собою самыя горячiя пожеланiя широкаго роста просвѣщенiя и, какъ слѣдствiе отсюда, благо для края...“ (Balinski. Studia historyczne. 13—18.).

Прощальные завѣты Снядецкаго сдѣлались для Чацкаго правиломъ, при выборѣ учителей, говоритъ Балинскiй (ibid. 18). Мы увидимъ, что Чацкiй приглашалъ въ учители только извѣстныхъ по своему духу и направленiю поляковъ.

Яснѣе высказывается по тому же предмету Снядецкiй въ письмѣ къ Коллонтаю изъ Варшавы отъ 12 августа 1803 года. Это письмо рисуетъ и положенiе Коллонтая, какое занималъ онъ по отношенiю къ Снядецкому и Чацкому...

„Послѣ испытанныхъ непрiятностей и по совершенномъ почти упадкѣ Краковской академiи, который начался при Орачевскомъ (ректорѣ академiи, преемникѣ Коллантая) и оконченъ ея неблагопрiятелями, опечаленный потерею моихъ трудовъ, которые въ теченiе многихъ лѣтъ съ полнымъ о себѣ забвенiемъ я несъ для блага академiи, почти со слезами на глазахъ, я, наконецъ, оставилъ и, кажется, навсегда Краковъ, гдѣ 31 годъ я работалъ въ составѣ академiи, если не всегда успѣшно,

зато съ полнымъ самопожертвованіемъ и стараніемъ. Много только печальнаго опыта накопилось у меня: я вижу, какъ, допустивши вначалѣ уклоненія въ устройствѣ и упорядоченіи ученаго учрежденія, или же нарушивши своимъ невниманіемъ хорошо установленную систему, мы можемъ нанести смертельный, неизлѣчимый ударъ наукамъ и учрежденію. Ошибиться въ выборѣ людей, для созданія себѣ партіи, допустить въ свой составъ нѣсколько отчаянныхъ и глупыхъ головъ, тѣмъ самымъ устранить отъ себя достойныя личности и парализовать у нихъ всякую охоту и дѣятельность — это значитъ раньше или позже готовить учрежденію смерть, которая, во всякомъ случаѣ, должна наступить неминуемо. Я убѣжденъ, что Краковская академія могла бы въ Вѣнѣ спасти свои институціи и права, если бы съ появленіемъ Австрійскаго управленія она состояла изъ людей, какіе въ дѣйствительности должны быть. Къ несчастію, мѣста въ ней были заняты нѣсколькими шарлатанами, безъ науки, чести и стыда; изъ совѣтскихъ засѣданій были изгнаны приличіе и разсудительность; злоба нѣкоторыхъ сочленовъ, соединенная съ подлостью, представляя правительству секретные доносы, старалась лестію проложить себѣ широкій путь и возбуждала его ко введенію различныхъ перемѣнъ, для уничтоженія прекрасныхъ порядковъ, заведенныхъ комиссіею (эдукаціонною, т. е. главнымъ образомъ Коллонтаемъ и Снядецкимъ): все это вмѣстѣ обнаружило новому правительству безсиліе этого корпуса и ускорило погибель и упадокъ всего"... Сказавши въ этомъ духѣ еще нѣсколько словъ о позорномъ положеніи Краковской академіи, которое и въ будущемъ, казалось, не можетъ улучшиться, при настоящемъ академическомъ составѣ, Снядецкій, для спасенія своей чести и во избѣжаніе непріятностей, рѣшилъ окончательно оставить Краковъ.

„Я писалъ Стройновскому, пишетъ онъ далѣе, выставляя ему на видъ мои замѣчанія, взятыя изъ опыта, какъ необходимо быть очень осторожнымъ, чтобы съ большимъ успѣхомъ для общаго блага наукъ воспользоваться Виленской академіи великими и благодѣтельными милостями Императора. Если, быть можетъ, я никогда не войду въ составъ этой академіи, во всякомъ случаѣ, какъ поляка, меня очень близко касается судьба наукъ и просвѣщенія. Вѣдь, при всемъ томъ, что нѣкоторыя средства,

принимаемыя для успѣха дѣла, не совсѣмъ полезны, зная также составъ лицъ въ томъ учрежденіи, я проникаюсь скорбію и опасеніемъ, какъ бы благодѣтельныя намѣренія правительства не остались безплодными съ безконечною потерею для общественнаго блага. Знаю, Милостивый Государь, что ты будешь съ нимъ (кс. Стройновскимъ) переписываться, да и самъ кс. Стройновскій для собственной пользы и для пользы академіи долженъ бы заискивать у тебя о подобной перепискѣ: вѣдь за тебя говорятъ свѣтлый умъ и великая опытность въ дѣлахъ! Въ подобныхъ (академіямъ) учрежденіяхъ все зависитъ отъ людей; а ихъ то, скажу откровенно, и не достаетъ Виленской академіи, если исключить нѣсколько личностей, дѣйствительно почтенныхъ, которыя стушевываются тамъ въ массѣ иностранцевъ, думающихъ только о своемъ карманѣ, ипохондриковъ, ослабленныхъ лѣтами, или же просто юнцовъ, которыми, подъ именемъ вице-профессоровъ, понаполнили корпусъ. Это классъ бездѣльниковъ, и институтъ вице-профессоровъ, введенный эдукаціонною комиссіею, оказался на практикѣ самымъ негоднымъ. Изъ него болѣе всего выходятъ недоученые фантазеры-фанфароны, мало занятые тѣмъ, чтобы собственнымъ усовершенствованіемъ гарантировать для себя будущее и свое возвышеніе думающихъ создать на силѣ партій. Допущеніе въ академію иностранцевъ составляетъ только непроизводительный расходъ въ ученомъ корпусѣ, гдѣ народный (т. е. польскій) языкъ долженъ быть первымъ и главнѣйшимъ средствомъ для общественнаго просвѣщенія, о чемъ, главнымъ образомъ, необходимо хлопотать, чтобы иначе свѣтъ науки не ограничился стѣнами академіи... Въ справедливости моихъ замѣчаній убѣдитъ тебя, Милостивый Государь, и та особая любовь твоя къ полякамъ, изъ-за которой ты обрекъ себя на столь великія жертвы; спасай своимъ совѣтомъ людей, занимающихся столь важнымъ предметомъ, послѣ всѣхъ потерь (политическихъ) могущимъ еще утѣшить нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ (созданіемъ полонизма въ западно-русскихъ окраинахъ). Тѣмъ усиленнѣй призываю тебя на столь благое дѣло, что въ постановленіяхъ объ университетѣ, утвержденныхъ Императоромъ, вижу много положеній ошибочныхъ и недозрѣлыхъ, и теперь еще время помочь бѣдѣ и съ самаго начала направить и настроить ихъ ко благу". Указавши эти

недостатки въ конкурсахъ, въ избраніяхъ in pleno (въ полномъ составѣ), въ плохой организаціи школьной инспекціи и учительской школы, въ установленіи многихъ лишнихъ каѳедръ и одинаковой для всѣхъ пенсіи, въ большомъ привлеченіи въ академію богатыми бенефиціями ксендзовъ, которые въ будущемъ могутъ передѣлать въ монастырь и Виленскую академію, какъ сдѣлали подобное съ Краковскою послѣ Казиміра Великаго, въ безотчетномъ расходованіи суммъ академическихъ и т. под., Снядецкій продолжаетъ:

„Если бы я писалъ къ кому-нибудь другому, то даже не вспомнилъ бы объ этомъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, не былъ бы понятымъ. Но я вполнѣ увѣренъ, что ты, Милостивый Государь, меня понимаешь, и что ты сумѣешь представить настоящее дѣло въ полномъ его свѣтѣ, когда настанетъ для этого подходящая минута“.

„Ты близокъ къ Чацкому, въ которомъ я люблю и цѣню рѣдкій и благородный порывъ дѣлать добро полякамъ. Не спуская его съ этого завѣтнаго пути дѣятельности, работай надъ нимъ, чтобы за разъ такъ много онъ не бралъ на свою голову, иначе подорветъ здоровье и не сдѣлаетъ ничего основательно, по крайней мѣрѣ, ничего не окончитъ. Пускай сумѣетъ ограничить свои занятія, пускай внесетъ въ свои работы больше хладнокровія, больше постоянства и порядка. Много хорошаго можетъ сдѣлать этотъ человѣкъ съ такими благими намѣреніями, съ такою преданностію общественному дѣлу, съ тѣми средствами, которыя даютъ ему его талантъ, быстрое и правильное пониманіе вещей, состояніе, довѣріе и многое иное, чего у другихъ недостаетъ: необходимо только держать на привязи его живой характеръ. Если къ этимъ прекраснымъ его качествамъ мы присоединимъ еще одинъ очень цѣнный и отличающій при томъ человѣка высокаго разумѣнія, т. е стремленіе и готовность принимать совѣты людей болѣе, чѣмъ онъ, опытныхъ, то, очевидно, съ нимъ можно дѣлать все хорошее“.

„Болѣе всего и почти все обосновывая на языкѣ, совѣтую кс. Стройновскому, чтобы въ Вильну перетянулъ Копчинскаго и Дмоховскаго. Первый, проводя остатокъ дней своихъ въ

приличной обстановкѣ, можетъ еще продолжать свои важные грамматическіе труды; другой, будучи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, полнымъ вкуса и ума, можетъ лучше другихъ содѣйствовать распространенію умѣнья писать хорошимъ, чистымъ языкомъ и охранять его отъ порчи. При этомъ онъ можетъ влить въ юношество прекрасныя и чистыя начала литературы".

Сказавши, что на годъ или два немедленно уѣзжаетъ изъ Варшавы за границу для необходимаго отдыха, Снядецкій въ заключеніе говоритъ: „а если чему научусь, то безъ сомнѣнія захочу употребить съ пользою для моихъ соотечественниковъ. Я съ благодарностію отказался отъ приглашенія меня *въ Боннъ* на должность директора обсерваторіи; отклонилъ еще и нѣкоторыя другія заграничныя приглашенія и либо нигдѣ не стану служить, либо явлюсь только къ услугѣ поляковъ, такъ какъ сердечно люблю мой край и моихъ соотечественниковъ"... (Listy Kołłątaja. I, 94—102).

Узнавши о предстоящемъ отъѣздѣ Снядецкаго за границ, Коллонтай поспѣшилъ отозваться письмомъ, въ коемъ есть замѣчательное мѣсто.

„Я началъ, говоритъ онъ, переписываться съ кс. Стройновскимъ, но эта переписка исключительно ограничивается моими личными интересами. Основы общественнаго просвѣщенія, которыя въ общихъ чертахъ обнимаетъ указъ Императора отъ 24 января 1803 года, давали возможность еще много сдѣлать представленій по вопросу объ общественномъ воспитаніи. Но Высочайше утвержденныя 18 мая 1803 года постановленія для Виленскаго университета и школъ его обширнаго округа окончательно рѣшаютъ дѣло, и всякія подъ нимъ замѣчанія могли бы оскорблять только какъ правительственныхъ лицъ, такъ равно задѣвать и самолюбіе тѣхъ, которые были призваны на совѣщаніе. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ, я замѣчаю, что кн. Чарторыйскій и кс. Стройновскій находятъ для себя величайшее утѣшеніе въ томъ, что почти цѣликомъ сохранили систему эдукаціонной комиссіи. Такая излишняя привязанность къ народной институціи, очевидно, не дозволила имъ замѣтить нѣкоторыя ошибки въ дѣлѣ названной комиссіи,

которыя, конечно, она исправила бы въ свое время, если бы съ теченіемъ времени въ ея составъ вошли люди болѣе разсудительные и болѣе опытные. Завистливый рокъ испортилъ дѣло, хорошо начатое, но окончательно не установившееся. Въ концѣ нашихъ занятій эта магистратура (эдукаціонная комиссія) оказалась вполнѣ распущенною, а въ ея работѣ наступилъ неслыханный застой. Вмѣсто усовершенствованія и развитія, это великое дѣло стало итти назадъ. Потому, въ настоящее время слѣдовало бы пригласить къ занятіямъ людей опытныхъ, которые сумѣли бы исправить первоначальныя ошибки, удержавши цѣликомъ хорошія положенія и развивая ихъ дальше. Но поелику все уже сдѣлано, то осторожность, такъ необходимая въ моемъ настоящемъ положеніи, а равно и деликатность по отношенію къ кс. Стройновскому, которому я такъ много обязанъ за сохраненную ко мнѣ дружбу (Стройновскій вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ хлопоталъ въ Петербургѣ по дѣламъ Коллонтая относительно возврата его имущества) не позволяютъ мнѣ затрагивать его на этомъ пути. Продолжительный жизненный опытъ научилъ меня, что часто самые откровенные совѣты могутъ быть приняты за обиду. Что же касается Чацкаго, то этотъ человѣкъ, исполненный усердія, совершенно открылъ мнѣ свою душу. Потому я обѣщалъ помогать ему моими совѣтами, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ воспользовался ими, если еще позволяетъ время, но чтобы даже кн. Чарторыйскій не открылъ, что они принадлежатъ мнѣ. Такого именно поведенія требуетъ отъ меня мое настоящее положеніе, чтобы власти совершенно убѣдились, что я ни во что болѣе не хочу мѣшаться."

Сказавши далѣе о составляемыхъ для Чацкаго замѣчаніяхъ (они были уже указаны выше), Коллонтай продолжаетъ: „Мнѣ думается, что усердіе Чацкаго будетъ очень полезно для исправленія ошибокъ, которыя вкрались въ эти новыя постановленія. А такъ какъ онъ дѣйствуетъ со мною вполнѣ откровенно, то и я, насколько только позволитъ мнѣ моя ослабленная голова, не замедлю удѣлить ему мои совѣты, примѣнительно къ твоимъ замѣчаніямъ. Онъ, въ свою очередь, пользуясь расположеніемъ кн. Адама Чарторыйскаго и вниманіемъ мѣстныхъ властей, воспользуется ими, по указанію своего усердія и ума. Необходимо отдать ему справедливость: это

самый способный человѣкъ между всѣми, которыми теперь пользуются (для устройства дѣла воспитанія) и совершенно отдающійся тому предмету, надъ которымъ работаетъ. Вопросъ только въ томъ: хватитъ ли ему здоровья, потому что несомнѣнно, что онъ слишкомъ уже разбрасывается надъ безчисленнымъ множествомъ занятій; а народная поговорка вполнѣ хорошо подтверждаетъ ту истину, что „чѣмъ больше кто захватываетъ рукою, тѣмъ слабѣе ее сжимаетъ.“ Я, насколько только могу, буду секретно помогать ему, хотя во всякомъ случаѣ невознаградимая потеря въ томъ, что обстоятельства заставляютъ тебя удалиться отъ этой помощи.“

Седьмого сентября 1803 года состоялось первое свиданіе Чацкаго съ Коллонтаемъ въ Кременцѣ, во время визиты школъ. Говоря о собственныхъ взглядахъ на учебное дѣло, Чацкій сказалъ: (Мысли главныя переданы въ формѣ разговора) „Представляется самая благопріятная пора спасти свѣтъ наукъ, который почти потухаетъ въ этомъ краѣ, пора, которою безъ замедленія необходимо воспользоваться, такъ какъ случайныя обстоятельства могутъ измѣнить ее. Александръ I исполненъ самыхъ лучшихъ желаній и вмѣстѣ съ тѣмъ пылаетъ энтузіазмомъ къ наукамъ. Въ этихъ видахъ онъ ничего не щадитъ и взываетъ даже о помощи къ своимъ подданнымъ. Необходимо, потому, возбудить нашихъ помѣщиковъ къ потребной подпискѣ, чтобы свѣтъ наукъ распространить въ здѣшнихъ (юго-западныхъ) губерніяхъ; нельзя расчитывать на особое содѣйствіе Виленской академіи, такъ какъ ея составъ, занятый только собою, легко можетъ забыть о нуждахъ нашего края. Съ этою цѣлію нѣкоторые помѣщики сдѣлали уже значительныя пожертвованія. Имѣю основаніе надѣяться, что изъ этихъ пожертвованій составится достаточная сумма на введеніе всѣхъ наукъ, безъ которыхъ край здѣшній обойтись не можетъ.“

Коллонтай. Цѣли—велики и похвальны; а усердіе и дѣятельность твоя, Милостивый Государь, мнѣ уже знакомы. Не сомнѣваюсь, что, успѣшно начавши дѣло, ты примѣромъ однихъ заохотишь другихъ къ подобнымъ жертвамъ. Во всякомъ случаѣ, какъ же думаешь поступить съ этими пожертвованіями?

Чацкій. Я намѣренъ въ гимназіяхъ трехъ губерній (Кіевской, Подольской и Волынской) ввести всѣ необходимыя науки, именно: языки (латинскій, французскій, нѣмецкій, польскій и русскій), литературу, исторію и географію, право, математику, физику, практическую механику, естественную исторію, ботанику, огородничество и земледѣліе, химію, хирургію, акушерство и коновальство. Что касается ботаники, я намѣренъ популяризовать эту науку такъ широко, чтобы, начиная отъ приходскихъ школъ и кончая уѣздными училищами и гимназіями, вездѣ были устроены огороды, а въ Винницѣ долженъ быть самый большой центральный огородъ, директоръ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ наблюдать и за всѣми остальными. Города жертвуютъ необходимые для огородовъ плацы, а для земледѣльческихъ опытовъ—поля; обязываются посылать въ гимназіи дѣтей мѣщанъ изучать огородничество и земледѣліе, также хирургію и коновальство. Помѣщики уже начинаютъ устроять фундуши на приходскія школки, записывая земли на огороды и для земледѣльческихъ опытовъ; все это будетъ вмѣстѣ фундушемъ и для учителей этихъ школокъ. Необходимо, потому, поспѣшить учрежденіемъ конвикта для учениковъ, которые готовились бы сдѣлаться достойными учителями для приходскихъ школъ. Кромѣ названныхъ заведеній, я просто жажду при каждой гимназіи открыть училище для гувернантокъ, въ которомъ несостоятельныя дѣвицы могли бы подготовляться въ хорошія наставницы для помѣщичьихъ дочерей. Таковы мои намѣренія; излагаю ихъ въ общихъ чертахъ; прошу помочь мнѣ въ выработкѣ и окончательной редакціи проекта положенія, которое обнимало бы ихъ во всѣхъ подробностяхъ.

Коллонтай. Съ полнѣйшею охотою готовъ работать съ тобою, Милостивый Государь, для этихъ въ высшей степени полезныхъ цѣлей. Прошу позволенія, однако, представить тебѣ слѣдующія замѣчанія: вѣдь постановленія (русскаго правительства) 18 мая сего года, касающіяся Виленскаго университета и всѣхъ училищъ его округа, окончательно урегулировали какъ университетъ, такъ и всѣ подчиненныя ему школы, ничего не оставляя въ дальнѣйшемъ, какъ только исполнять предписанное. Потому, мнѣ думается, не запоздалъ ли ты, Милостивый Государь, съ задуманною работою, тѣмъ болѣе, что гимназіи не только остались въ предѣлахъ компетенціи дав-

нихъ школъ окружныхъ, какъ это было при польскомъ правительствѣ, но имѣютъ строго опредѣленный доходъ, распубликованнымъ штатомъ (Высочайше утвержденнымъ). Стало быть, желая предпринять что-нибудь новое, я серьезно опасаюсь: не будетъ ли это оскорбительно для правительства и еще болѣе оскорбительно для самолюбія тѣхъ, которые работали надъ планами общественнаго воспитанія, утвержденными Императорскими указами.

Чацкій. Нѣтъ, уже пускай извинятъ кс. Стройновскій (вмѣстѣ съ кн. Чарторыйскимъ, гр. Плятеромъ и другими онъ вырабатывалъ въ Петербургѣ положеніе 18 мая 1803 г.) и вся главная Виленская школа. Они вполнѣ удовольствовались назначеніемъ имъ 105 тысячъ рублей сер., выхлопотали себѣ богатыя бенефиціи, которыя дадутъ имъ еще столько же или немногимъ меньше, а здѣшній край оставили даже безъ надежды на устройство необходимаго просвѣщенія; на такое положеніе дѣла я никакъ не могу согласиться.

Коллонтай. Все это совершенно справедливо; но какія же у тебя для этого средства?

Чацкій. Императоръ позволилъ помѣщикамъ дѣлать пожертвованія; самъ онъ объявилъ уже свою волю и указалъ, какія суммы назначаетъ на каждую гимназію. Если помѣщики не сложатъ необходимаго фундуша на другія науки (какихъ нѣтъ въ утвержденномъ положеніи), гимназіи должны остаться въ состояніи, которое создано положеніемъ 18 мая. Но если помѣщики сдѣлаютъ пожертвованія, вполнѣ достаточныя для выполненія моего проекта, Императоръ не можетъ отказать въ лучшемъ устройствѣ гимназій, сообразно требованіямъ помѣщиковъ, особенно, когда самъ заохотилъ ихъ къ пожертвованіямъ.

Коллонтай. Въ такомъ случаѣ было бы лучше основать въ здѣшнемъ краѣ университетъ; вѣроятно, собранныя съ помѣщиковъ пожертвованія для трехъ губернскихъ гимназій составятъ суммы, достаточныя для основанія хорошей главной школы (т. е. университета).

Чацкій. Этотъ проектъ далеко основательнѣе моего; но въ настоящее время не слѣдуетъ его тыкать въ глаза по многимъ важнымъ причинамъ. И во-первыхъ: князь Адамъ Чар-

торыйскій состоитъ теперь попечителемъ Виленскаго округа; ему могло бы показаться, что здѣшнія губерніи хотятъ выдѣлиться изъ-подъ его управленія относительно устройства просвѣщенія. Второе: князь Чарторыйскій могъ бы подумать, что я въ тѣхъ видахъ представляю проектъ основанія въ здѣшнемъ краѣ университета, чтобы Императоръ назначилъ меня попечителемъ. Третье: наши помѣщики, а еще тѣмъ болѣе помѣщики Литовскіе могли бы притти къ той мысли, что между Литвою и здѣшними губерніями я хочу разорвать связь, которую нужно признать такою счастливою въ отношеніи общественнаго воспитанія. Наконецъ: на случай открытія въ здѣшнемъ краѣ главной школы предназначенъ Кіевъ, потому нельзя торопиться съ проектомъ основанія у насъ университета, который въ такомъ случаѣ пришлось бы учредить въ Кіевѣ, городѣ слишкомъ отдаленномъ и невыгодномъ для нашихъ помѣщиковъ. Поэтому мое намѣреніе таково, чтобы общественное просвѣщеніе въ здѣшнемъ краѣ расширять тѣми способами, которые не возбуждали бы зависти и не давали бы поводовъ упрекать меня въ преслѣдованіи какихъ то суетныхъ цѣлей. Пусть будетъ университетъ въ Вильнѣ; пускай кн. Чарторыйскій будетъ попечителемъ, пока это ему не надоѣстъ; а мы постараемся расположить по гимназіямъ науки такъ, чтобы ни въ чемъ не чувствовать недостатка относительно расширенія въ нашихъ губерніяхъ общественнаго просвѣщенія.

Коллонтай. Такія уступки главной Виленской школѣ и различнымъ мнѣніямъ ничего не помогутъ дѣлу. Вѣдь проектъ твой, если только его примутъ, совершенно ослабитъ положеніе 18 мая, которое Виленская главная школа всегда ревниво будетъ оберегать. Окажется, что кс. Стройновскому и его партіи гораздо легче будетъ удержать права, уже вошедшія въ практику, чѣмъ тебѣ, Милостивый Государь, ломать ихъ. Кромѣ того: на что пригодится работа надъ дѣломъ, совершенно обособленнымъ, которое никакимъ образомъ не помирится съ устройствомъ (въ учебномъ отношеніи) другихъ губерній, входящихъ въ этотъ обширный округъ. Если, Милостивый Государь, ты можешь льстить себя надеждою, что проектъ твой относительно устройства трехъ губерній (въ учебномъ отношеніи) будетъ принятъ, въ такомъ случаѣ было бы лучше работать надъ исправленіемъ положенія 18 мая, указывая сразу тѣ не-

достатки, которые со вредомъ для общественнаго просвѣщенія вкрались въ это положеніе, и которые слѣдовало бы исправить не только въ отношеніи гимназій и другихъ низшихъ школъ, но и самаго университета; въ такомъ смыслѣ я приготовилъ мои замѣчанія.

Чацкій. Мысль весьма справедливая. Но зная тѣ лица, которыя причастны къ составленію вышеназванныхъ указовъ, я долженъ сознаться, что не только нельзя будетъ осуществить ее, но даже представить въ проектѣ; все дѣло необходимо исправлять частями. Ни кс. Стройновскій не можетъ воспрепятствовать, ни кн. Чарторыйскій не захочетъ отказать въ томъ, чтобы здѣшнія гимназіи и всѣ школы не были упорядочены согласно желанію помѣщиковъ, если только они сложатъ на то свои пожертвованія. На этомъ пути я могу представить подходящіе проекты, но не могу мѣшаться въ дѣло исправленія устройства университета. Желаніе реформировать Виленскую академію возбудило бы гораздо большую зависть, чѣмъ мысль объ учрежденіи новой, такъ какъ въ первомъ случаѣ было бы оскорблено самолюбіе кс. Стройновскаго и всѣхъ членовъ университета. Необходимо, потому, начать съ ознакомленія кн. Чарторыйскаго съ устройствомъ здѣшнихъ гимназій и всѣхъ школъ, результатами убѣдить его, что заведенное въ здѣшнихъ краяхъ лучше (нежели въ другихъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ по положенію 18 мая) и только тогда указать ему на тѣ ошибки и невѣрности, которыя вкрались въ положеніе 18 мая. Быть можетъ, этимъ путемъ, хотя окольнымъ, придемъ когда-нибудь или къ новымъ реформамъ въ Виленской академіи, или къ учрежденію новой въ здѣшнемъ краѣ.

Коллонтай. Твои замѣчанія для меня совершенно убѣдительны. Такимъ образомъ, оставивши Виленскую академію и остальную часть округа statu quo, въ настоящее время ничего не остается дѣлать, какъ подумать о проектѣ устройства Волынской гимназіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ, чтобы этотъ проектъ пригодился для устройства гимназій и въ двухъ другихъ губерніяхъ. Вѣдь если Государь утвердитъ устройство Волынской гимназіи, то, по всей вѣроятности, не откажетъ въ подобномъ устройствѣ и для другихъ двухъ губерній. Позволь,

однако, спросить тебя: насколько обширна твоя инструкція для сдѣланія всего того, что ты замышляешь?

Чацкій. Данная мнѣ инструкція имѣетъ мало значенія. Буду пользоваться заключительными словами: caetera activitati. NB. (примѣчаніе подлинника). Чацкій не предъявилъ Коллонтаю своей инструкціи, не назвалъ даже, отъ кого онъ ее получилъ—отъ министра, попечителя или отъ Виленскаго университета; показалъ только письмо отъ министра къ волынскому губернскому предводителю дворянства и письмо кн. Чарторыйскаго къ уѣзднымъ предводителямъ, которыми они стараются привлечь помѣщиковъ къ пожертвованіямъ на дѣло общественнаго воспитанія. Изъ деликатности, Коллонтай не выспрашивалъ болѣе объ инструкціи и, возвращаясь къ прежнему разговору, сказалъ:

Коллонтай. Стало быть, мои замѣчанія на три Императорскихъ указа относительно устройства общественнаго просвѣщенія болѣе не нужны; необходимо приняться за иную работу.

Чацкій. Напротивъ, я хочу ихъ прочитать; если теперь и не время поправлять всю машину, то въ будущемъ не слѣдуетъ отводить глаза отъ этой потребности. Начато было чтеніе замѣчаній (эти замѣчанія помѣщены въ List'ахъ Kołłątaja. I, 128—222 *), послѣ чего Чацкій продолжалъ: эти замѣчанія я хочу сообщить кн. Чарторыйскому, такъ какъ окон-

---

*) *Замѣчанія Коллонтая на три Императорскихъ указа относительно народнаго просвѣщенія въ Россіи (отъ 8 сентября 1802 года, отъ 24 января 1803 года и отъ 18 мая 1803 года)*, о которыхъ упоминается въ только что приведенномъ разговорѣ между Чацкимъ и Коллонтаемъ, обнимаютъ собою исключительно организацію факультетовъ и каѳедръ въ главной Виленской школѣ, способъ замѣщенія преподавательскихъ мѣстъ достойными кандидатами, административную сторону главной школы, ея штатъ и годовой бюджетъ расходовъ и прихода. Эти замѣчанія были взяты, какъ мы видѣли, Чацкимъ до окончанія ихъ Коллонтаемъ, и потому многое изъ предположеннаго къ разсмотрѣнію не вошло въ ихъ составъ. Въ настоящихъ замѣчаніяхъ не разсмотрѣны: 1, устройство института или академіи свободныхъ наукъ и искусствъ; 2, устройство учительской семинаріи; 3, устройство семинаріи для духовенства; 4, устройство конвикта для студентовъ хирургіи, медицины, ветеринарнаго института; 5, учрежденіе земледѣльческо-экономическаго общества. Предполагалась кромѣ того какая то особая „школа для введенія и рас-

чательно убѣждаюсь, что въ положенiи 18 мая находятся слишкомъ значительныя уклоненiя (отъ истины). Необходимо, чтобы князь прочиталъ ихъ. Не съ тою цѣлiю дѣлаю это, чтобы я хотѣлъ мѣшаться въ дѣло реформы Виленской академiи, а съ тѣмъ, чтобы самъ князь (ознакомившись съ запискою) старался припять мѣры противъ тѣхъ ошибокъ, которыя допущены въ утвержденныхъ положенiяхъ. Съ удивленьемъ смотрю, что штатъ составленъ такъ, что 105 тысячъ рублей въ боль-

---

пространенiя свѣта наукъ въ предѣлы Россiи, какъ страны еще совершенно дикой, нецивилизованной, на подобiе Азiи". Въ этомъ отдѣлѣ Коллонтай имѣлъ разсмотрѣть планъ устройства вообще гимназiй, школъ уѣздныхъ и приходскихъ. (Listy Kollantaja. I, 222 примѣч.).

Съ нѣкоторыми изъ этихъ отдѣловъ мы встрѣтимся въ дальнѣйшей работѣ Коллонтая; разработкою другихъ, послѣ разговора съ Коллонтаемъ, занялся самъ Чацкiй. Въ настоящiй разъ укажемъ главное содержанiе названныхъ выше замѣчанiй Коллонтая, которыя, послѣ разговора съ авторомъ, взялъ Чацкiй.

Сказавши нѣсколько словъ о возникновенiи вообще университетовъ, о влiянiи на ихъ развитiе реформы Лютера, появленiи ордена iезуитовъ, объ уничтоженiи послѣдняго, Коллонтай переходитъ къ краткой исторiи возникновенiя эдукацiонной комиссiи, ея задачамъ и затруднительному положенiю при всеобщемъ неустройствѣ въ Европѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Ни школы подъ вѣдѣнiемъ духовенства со своими особыми установленiями, ни университеты со своими разнаго рода исключительными преимуществами, не могли въ надлежащей мѣрѣ воспитывать шляхетское юношество и доставлять ему просвѣщенiе въ одномъ и томъ же духѣ и направленiи. Потребовался такой родъ центральныхъ школъ, при которыхъ были бы основаны учительскiя семинарiи съ указанною выше великою цѣлiю, въ которыхъ всѣ будущiе учители, какъ свѣтскiе, такъ и духовные, черпали бы изъ одного источника всѣ основанiя для предстоящаго имъ дѣла народнаго просвѣщенiя. Такимъ образомъ, каждая главная или центральная школа являлась не только источникомъ свѣта для всѣхъ иныхъ школъ, но она становилась въ то же время магистратурою съ властiю законодательною, судебною и исполнительною; на ея обязанности лежало наблюденiе за ихъ процвѣтанiемъ и успѣхами, она всѣми мѣрами должна была содѣйствовать тому и другому и устранять всевозможныя имъ противодѣйствiя. И учащiе, и учащiеся становились въ самую тѣсную подчиненную связь въ отношенiи къ своей главной школѣ, которая въ свою очередь должна была заботиться объ ихъ счастiи и удовлетворенiи встрѣчающихся нуждъ.

Эти общiя основанiя должны быть примѣнимы и къ Виленской главной школѣ. Съ одной стороны она служитъ разсадникомъ учителей для всѣхъ школъ въ округѣ, съ другой—должна доставить правительству на всѣ служебныя чиновничьи мѣста въ губернiяхъ и уѣздахъ достойныхъ кандидатовъ.

шей части своей расходуются совершенно непроизводительно. а о доходахъ съ бенефицій ничего не упомянуто даже на будущее время.

Коллонтай. Я обѣщалъ, Милостивый Государь, что буду работать съ тобою, но съ тѣмъ вмѣстѣ ставлю непремѣннымъ условіемъ, чтобы труды мои тебѣ одному только были вѣдомы. Потому и записка моя, какъ составленная исключительно для

Коллонтай придаетъ особенное значеніе распредѣленію въ университетѣ каѳедръ. Организація послѣднихъ должна отвѣчать двоякому назначенію университета — доставлять способныхъ учителей и соотвѣтствующихъ требованіямъ правительства чиновниковъ.

Находя существовавшее дѣленіе наукъ на факультеты слишкомъ искусственнымъ, Коллонтай въ этомъ случаѣ хочетъ слѣдовать естественному указанію природы. Науки Коллонтай подраздѣляетъ на два разряда: физико-математическія съ одной стороны и моральныя—съ другой. Все, что не относится въ тѣсномъ смыслѣ къ разряду чистой науки, составляетъ свободную науку или свободное искусство. Въ практической жизни науки имѣютъ преимущество предъ искусствами, такъ какъ первые удовлетворяютъ жизненнымъ потребностямъ, а послѣднія развиваютъ вкусъ къ изящному, предохраняютъ отъ педантизма и дѣлаютъ нашу жизнь болѣе пріятною и выгодною. Отсюда и всѣ предметы въ Виленскомъ университетѣ, если только позволяетъ штатъ учрежденія, должны подраздѣлиться на четыре факультета или коллегіи. Факультетъ физико-математическій заключаетъ въ себѣ три отдѣленія: математическое, физическое и медицинское.

Въ составъ отдѣленія математическаго, по плану Коллонтая, входятъ слѣдующія науки: элементарная чистая математика, элементарная математика прикладная, высшая чистая и прикладная математика, практическая механика, какъ приложеніе къ прикладной элементарной математикѣ, астрономія, какъ приложеніе къ высшей математикѣ. Всего въ этомъ отдѣленіи проектировалось шесть каѳедръ съ четырьмя отдѣльными профессорами.

Отдѣленіе физическое заключало въ себѣ всю естественную исторію съ теоріею о земномъ шарѣ, химію, общую и частную физику и сельское хозяйство,—четыре каѳедры при четырехъ отдѣльныхъ профессорахъ.

На медицинскомъ отдѣленіи преподавались: анатомія съ прибавленіемъ къ ней физіологіи, патологія съ прибавленіемъ новыхъ курсовъ клиники, терапіи и гигіены, медицина съ прибавленіемъ фармаціи, хирургія съ прибавленіемъ курса акушерства, и скотолеченіе; всего одинадцать курсовъ при шести отдѣльныхъ профессорахъ. (На хирургію съ прибавленіями предназначалось четыре каѳедры).

Факультетъ моральныхъ наукъ состоялъ изъ отдѣленій—моральныхъ наукъ свѣтскихъ и моральныхъ наукъ духовныхъ.

тебя, никому другому сообщена быть не можетъ. И если въ этомъ дѣлѣ ты употребишь насиліе, то тѣмъ самымъ лишишь меня всякой охоты совмѣстно поработать съ тобою.

Чацкій. Если ты не желаешь, чтобы записка была сообщена подъ твоимъ именемъ, я представлю ее подъ именемъ анонима.

Коллонтай На Волыни и даже въ Польшѣ легко догадаться о такомъ анонимѣ, особенно если имѣть въ виду, что Иванъ Снядецкій уѣхалъ за границу, а Игнатій Потоцкій не

Отдѣленіе наукъ моральныхъ свѣтскихъ обнимало собою исторію философіи, метафизику и нравственную философію, право естественное, политическое и международное: экономію политическую вообще и въ частности Россіи; практическія занятія въ судахъ и гражданскихъ учрежденіяхъ Имперіи, исторію законодательствъ древнихъ и современныхъ народовъ; право гражданское и уголовное русское и право польское, насколько оно дозволено въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ,— шесть каѳедръ при пяти профессорахъ.

На отдѣленіи наукъ моральныхъ духовныхъ читались: языкъ еврейскій съ прибавочнымъ курсомъ св. писанія съ переводомъ текста на языкахъ еврейскомъ, сирійскомъ, самаританскомъ, халдейскомъ, греческомъ и латинскомъ; церковная исторія; богословіе догматическое; богословіе нравственное; богословіе пастырское и каноническое право,—семь каѳедръ при шести профессорахъ.

Факультетъ наукъ свободныхъ состоялъ изъ отдѣленія филологическаго и отдѣленія словеснаго.

Отдѣленіе филологическое обнимало собою языки: греческій, французскій, италіанскій, англійскій и нѣмецкій: пять каѳедръ при пяти профессорахъ.

На отдѣленіи словесномъ преподавались: всеобщая грамматика, географія и всеобщая исторія, древняя и новая литература, древности, библіотекарство съ прибавленіемъ къ нему библіографіи,—шесть каѳедръ при пяти профессорахъ.

Факультетъ свободныхъ искусствъ составляли: архитектура, черченіе и рисованіе, рѣзьба, ваяніе и музыка. На этомъ факультетѣ предполагались уроки гимнастики; а также къ нему присоединялись еще учители верховой ѣзды, фехтованія и танцевъ.

Всѣ поименованныя каѳедры можно было вводить только тогда, если для нихъ назначался достаточный фундушъ: въ противномъ случаѣ требовалось ограничиваться болѣе необходимыми.

Во всякомъ случаѣ нужно было имѣть въ виду слѣдующія замѣчанія Коллонтая:

1. Такъ какъ въ каждой странѣ особенно трудно бываетъ выбрать достойнѣйшихъ учителей, каковые безъ сомнѣнія непремѣнно должны быть въ

мѣшается теперь ни въ какія дѣла. Прошу, потому, возвратить мнѣ записку, такъ какъ въ ней я говорю о себѣ, и она, стало быть, не можетъ циркулировать подъ именемъ анонима.

Чацкій. Въ такомъ случаѣ, я представлю ее подъ моимъ собственнымъ именемъ, исключивши оттуда касающіяся тебя выраженія.

Коллонтай. Прошу позволенія представить на это слѣдующія замѣчанія: то, что выше сказалъ ты, убѣждаетъ меня

Виленской главной школѣ, то лучше ограничиться меньшимъ количествомъ профессоровъ, съ хорошимъ подборомъ, чѣмъ набрать много посредственностей и при томъ—малоспособныхъ; 2, науки физическія и математическія имѣютъ между собою очень тѣсную связь; потому лучше объединить нѣкоторые ихъ отдѣлы, чѣмъ разбивать ихъ на болѣе мелкія части; 3, гораздо лучше хорошо обезпечить достойнаго и способнаго профессора, для чего полезнѣе соединять нѣкоторыя каѳедры въ рукахъ одного преподавателя, нежели разбивать ихъ и поручать многимъ и такимъ увеличеніемъ каѳедръ лишать себя возможности хорошо вознаградить достойныхъ; 4, самые предметы на факультетахъ должны быть расположены такъ, чтобы проходящіе ихъ въ теченіи курса могли извлечь оттуда все для нихъ необходимое.

Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Коллонтай указываетъ причины, по которымъ въ свой проектъ онъ вводитъ нѣкоторые новые предметы, какихъ нѣтъ въ Высочайше утвержденныхъ постановленіяхъ для Виленскаго университета, или почему объединяетъ въ рукахъ одного профессора такія каѳедры, которыя тамъ разъединены, или же наоборотъ требуетъ отдѣльныхъ профессоровъ для такихъ предметовъ, какіе по первоначальному уставу предполагалось отдать для чтенію одному лицу.

Въ факультетѣ математическомъ Коллонтай вводитъ новый предметъ—элементарную математику, въ виду того, что этотъ предметъ очень важенъ не только въ дальнѣйшей области математики, но и при изученіи физики и даже медицины; еще важнѣе она для кандидатовъ на учительскія должности. Между тѣмъ могутъ являться въ университетъ молодые люди, которые или совершенно не знаютъ этого отдѣла математики, или же знаютъ его недостаточно; восполненіе такого пробѣла и предполагается въ университетѣ.

Изъ отдѣла наукъ въ математическомъ факультетѣ Коллонтай исключаетъ курсъ гражданской архитектуры, которому мѣсто указываетъ въ отдѣленіи свободныхъ искусствъ.

Профессоръ элементарной математики долженъ давать уроки практической механики и то по праздникамъ только. Эти уроки предназначаются исключительно для ремесленниковъ; успѣхъ дѣла будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ возможно богатой коллекціи всякаго рода моделей.

Въ отдѣленіи физическомъ Коллонтай находитъ излишнимъ двоихъ профессоровъ для естественной исторіи и возлагаетъ чтеніе этого предмета

что и отъ своего имени не можешь подать мою записку. Вѣдь ты самъ доказывалъ, что теперь не время думать объ исправленіи устройства Виленскаго университета, оставимъ это времени. Моя записка, кромѣ того, не окончена; быть можетъ, я прибавлю къ ней новыя еще замѣчанія. NB. Чацкій возвратилъ записку, хотя 27 октября онъ сновавзялъ ее у Коллонтая, клятвенно обѣщая никому ее не показывать и въ дальнѣйшемъ хранить только для себя. (Listy Kołłątaja. I, 117—126).

на обязанность одного лица, при двухлѣтнемъ курсѣ. Для болѣе успѣшныхъ занятій по сельскому хозяйству непремѣнно требуются опытные огороды, поля и фермы съ живымъ инвентаремъ. Учрежденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ много помогло-бы успѣшному развитію въ краѣ сельско - хозяйственныхъ знаній. Для преподавателя естественной исторіи совершенно необходимы коллекціи ботаническія, минералогическія и зоологическія.

Медицинскій факультетъ долженъ быть особенно богатъ разнаго рода учебными пособіями, препаратами, лабораторіями, имѣть свой ботаническій садъ, госпиталь, клиники, аптеку.

Особенно Коллонтай настаиваетъ на недопущеніи иностранцевъ къ преподаванію на медицинскомъ факультетѣ. „Если, говоритъ онъ, медицинскія науки оставимъ въ рукахъ иностранцевъ, то никогда не дождемся ни учителей, ни писателей по этому предмету изъ нашихъ соотечественниковъ. Потому, кто будетъ заниматься организаціей высшей Виленской школы, разъ на всегда пускай запомнитъ, что онъ сдѣлаетъ громаднѣйшую ошибку въ важнѣйшемъ пунктѣ этого учрежденія, если, руководимый желаніемъ скорѣйшаго заполненія всѣхъ каѳедръ, вызоветъ для этого иностранцевъ, особенно если имъ поручены будутъ такіе, обѣщающіе матеріальную выгоду предметы, какъ медицина и хирургія... Теперь нѣтъ ни одного языка, за которымъ признавалось бы право монополіи для употребленія его, при изложеніи той или другой науки. Каждый просвѣщенный народъ старается усовершенствовать свой собственный языкъ и приспособить его къ выраженію самыхъ высокихъ и трудныхъ понятій. Крайне необходимо потому приготовлять учителей, которые курсы всѣхъ наукъ читали бы на нашемъ родномъ языкѣ. Если же какой-нибудь десятокъ лѣтъ еще нельзя обойтись безъ иностранцевъ, то назначить нормальный срокъ, съ котораго всѣ курсы должны читаться на польскомъ языкѣ и, съ наступленіемъ таковаго, удовлетворить иностранцевъ-учителей или выслуженною пенсіей, или предоставить имъ какія-либо другія обязанности, которыя давали бы имъ возможность прилично содержать себя; а всѣ профессорскія каѳедры поручить исключительно полякамъ.

Въ отдѣленіи моральныхъ наукъ, Колонтай исключаетъ каѳедру логики и метафизики, замѣняя ее исторіею философіи. Далѣе исключаетъ, какъ совершенно ненужную, каѳедру нравственной философіи, предназначая на ея

Разговоръ между собесѣдниками перешелъ на другіе предметы. Занялись выборомъ мѣста для Волынской гимназіи, указывали Луцкъ и Кременецъ, остановились на Кременцѣ въ виду многихъ его преимуществъ предъ Луцкомъ и другими городами. Составленъ былъ проектъ, какъ взять у базиліанъ въ Кременцѣ ихъ монастырь для учебныхъ цѣлей, какъ вознаградить ихъ на счетъ ксендзовъ-реформатовъ. Далѣе была рѣчь о пожертвованіяхъ помѣщиковъ, о гимназической библіотекѣ, о лицахъ, предназначенныхъ для занятія мѣстъ въ

мѣсто курсъ естественнаго права, государственнаго, международнаго и политико-экономіи. Право римское и феодальное замѣняетъ исторіей законодательствъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Въ отдѣлѣ богословскихъ наукъ Коллонтай желалъ бы видѣть новый предметъ—польское каноническое право, которое является тѣмъ болѣе необходимымъ, что съ перемѣною историческихъ обстоятельствъ края должны измѣниться сношенія духовенства римско-католическаго съ правительствомъ (русскимъ) и римскою столицею.

„Не понимаю, говоритъ Коллонтай, что за медвѣжью услугу хотѣли оказать языку русскому, назначивши особую каѳедру русской литературы Чтобы говорить о литературѣ какого-нибудь языка, необходимо, чтобы этотъ языкъ былъ богатъ оригинальными произведеніями (Колонтай и не подозрѣвалъ, по своему невѣжеству, что русскій языкъ и въ его время былъ уже очень богатъ оригинальными произведеніями!...) Иное дѣло написать *какую-нибудь* журнальную статью о состояніи русской литературы. По этому предмету, при снисходительности, можно прилично похвалить народъ и писателей, которые начинаютъ входить въ славу. Но было бы далеко не своевременно желать собрать богатый матеріалъ для составленія особеннаго курса изъ всего того, что до сихъ поръ имѣемъ на русскомъ языкѣ. Развѣ недостаточно будетъ, если профессоръ всеобщей литературы, говоря о развитіи славянскихъ народовъ, выберетъ все. что есть лучшаго на русскомъ языкѣ, и такимъ образомъ наглядно покажетъ, какъ далеко между русскими подвинулось развитіе литературы?“

Въ факультетѣ филологическомъ Коллонтай особенно отстаиваетъ преподаваніе всеобщей грамматики и требуетъ введенія каѳедры всеобщей исторіи и географіи.

Факультетъ свободныхъ искусствъ долженъ обладать богатыми коллекціями моделей статуй греческихъ и римскихъ божествъ, картинною галлерей съ оригиналами и копіями лучшихъ кистей и собраніемъ различныхъ рисунковъ.

Музыка должна обратить на себя особенное вниманіе. „До сихъ поръ, говоритъ Коллонтай, ничего оригинальнаго не произвела польская рука въ этой области. А въ тѣхъ краяхъ, которые перешли подъ власть Россіи, пренебрегаютъ даже простою игрою на музыкальныхъ инструментахъ: духовенство (православное), привыкшее къ пѣнію, исключительно довольствуется

учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ по рекомендаціи Снядецкаго были вызваны Чацкимъ изъ Кракова профессора Чехъ (фамилія) и Шейдтъ, то Чацкій просилъ Коллонтая написать Снядецкому не безпокоиться объ ихъ будущей судьбѣ, равнымъ образомъ увѣдомить кс. Стройновскаго объ энергичныхъ работахъ и ихъ успѣшности. Чацкій высказалъ намѣреніе снова прибыть въ Кременецъ въ самомъ непродолжительномъ времени, къ каковому сроку Коллонтай обѣщалъ выработать и проектъ положенія о Волынской гимназіи (ibid. 126—128.).

дьячками (псаломщиками при богослуженіи). Желая, потому, развить въ русскихъ краяхъ вкусъ къ музыкѣ и изъ множества посредственныхъ или плохихъ музыкантовъ образовать, у кого есть къ тому талантъ, способныхъ артистовъ, мы (слова Коллонтая) должны рѣшительно позаботиться о томъ, что бы въ русскихъ костелахъ введена была музыка, чтобы дѣти, начиная отъ приходскихъ школъ, вездѣ усовершенствовались въ игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, чтобы, наконецъ, въ главной Виленской школѣ была каѳедра композиціи" (генералъ-басъ).

Говоря о томъ или другомъ факультетѣ, Коллонтай указываетъ и знакомыхъ ему преподавателей, если таковые имѣются, или же намѣчаетъ пути, которыми нужно итти для ихъ подготовки.

Говоря объ учителяхъ главной Виленской школы и ихъ выборѣ, Коллонтай возстаетъ прежде всего противъ института вице-профессоровъ при университетѣ. По Коллонтаю, это былъ классъ бездѣльниковъ, занимающихся главнымъ образомъ интригами, а не наукою; ихъ гораздо надежнѣе замѣнить адъюнктами, не соединяя съ этимъ званіемъ непремѣннаго права занятія каѳедры послѣ штатнаго профессоря. Главное, на что нужно обращать вниманіе при выборѣ профессоровъ, это ихъ широкій научный цензъ, нравственность, характеръ. Въ виду этого совершенно не пригодны конкурсы для замѣщенія каѳедръ. (Объ этомъ были выше обширныя разсужденія въ перепискѣ Снядецкаго и Коллонтая). Коллонтай совѣтуетъ упрашивать Снядецкаго, чтобы тотъ явился въ Вильну, какъ директоръ обсерваторіи и организовалъ бы физико-математическій факультетъ. Во всякомъ случаѣ никому нельзя поручать каѳедры физики, не испросивши предварительно по этому поводу мнѣнія Ивана Снядецкаго.

Для медицинскаго факультета Коллонтай совѣтуетъ подготовить профессоровъ—поляковъ въ коллегіи Императора Іосифа въ Вѣнѣ или попытаться пригласить извѣстныя личности изъ Кракова; то же совѣтуетъ и относительно каѳедръ другихъ факультетовъ—или поручить ихъ извѣстнымъ уже лицамъ, или заняться подготовкою новыхъ, подходящихъ силъ.

Что касается администраціи главной школы, то Коллонтай въ этомъ отношеніи отказывается отъ критическаго разсмотрѣнія постановленій 18 мая 1803 года и требуетъ только, чтобы во всѣхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ и по-

Читатель легко видитъ ту массу затѣй, которыя думалъ привести въ исполненіе Чацкій. Не останавливаясь надъ ихъ разборомъ, скажемъ только, что, кромѣ упорядоченія учебнаго дѣла, Чацкій не могъ спать спокойно при одной мысли о наличномъ составѣ и направленіи Виленскаго университета; такимъ образомъ, кромѣ положительнаго дѣла, онъ долженъ былъ еще вести тайную подпольную борьбу. А созданіе полнаго контингента учителей непремѣнно съ польскимъ духомъ и направленіемъ, составленіе въ такомъ же духѣ книгъ

становленіяхъ участвовали съ правомъ голоса дѣйствительные профессора или заслуженные. Это значительно содѣйствовало бы уменьшенію разныхъ несогласій и духа партійности.

Разбирая штатъ главной Виленской школы, Коллонтай находитъ его вообще очень роскошнымъ; такое матеріальное обезпеченіе университета возлагаетъ на него священный долгъ съ пользою употребить Высочайше дарованныя средства. Въ основаніе расходовъ должны быть приняты слѣдующія положенія:

Такъ какъ многіе профессора университета, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, могутъ исполнять еще и постороннія за приличное вознагражденіе (одни, напр., могутъ заниматься частнымъ обученіемъ, другіе имѣть докторскую практику, третьи (художники) получать частные заказы и т. п.), то относительно ихъ нѣтъ необходимости быть особенно щедрыми въ назначеніи содержанія.

Жалованье необходимо сообразовать съ большею или меньшею трудностію или легкостію пріисканія достойнаго профессора для извѣстной каѳедры.

Для каждой каѳедры должно быть положено опредѣленное содержаніе, хотя выдающійся талантъ по справедливости заслуживаетъ и особеннаго вознагражденія. Для этого въ распоряженіи университета должны быть и особыя суммы.

Не нужно слишкомъ дробить предметы на отдѣльныя каѳедры. Лучше будетъ поручать извѣстнымъ профессорамъ за особое вознагражденіе читать нѣкоторые предметы, какъ дополнительные къ ихъ курсу. Это дастъ возможность и учащимся прослушать болѣе предметовъ и лучше ихъ усвоить.

Нѣкоторые профессора будутъ въ то же время занимать и административныя должности, напр. ректора университета, секретаря совѣта главной школы, декановъ и секретарей факультетовъ, цензоровъ, визитаторовъ, префекта семинаріи и т. под. Со всѣми этими обстоятельствами сообразовался Коллонтай, когда составлялъ свою таблицу съ опредѣленнымъ *минимальнымъ* содержаніемъ для каждой должности.

Оставляя въ распоряженіи университета 32000 руб. на непредвидимые расходы, Коллонтай предназначаетъ эти деньги на вознагражденіе особенно

и учебниковъ, совѣщанія и съѣзды съ помѣщиками, личныя ученыя занятія, разъѣзды въ Петербургъ, Москву, за границу— все это вмѣстѣ не давало возможности Чацкому серьезно обсудить каждое изъ его предположеній, и даже ближайшихъ его совѣтниковъ приводило къ сомнѣнію въ успѣхѣ его предпріятій.

О свиданіи съ Чацкимъ Коллонтай немедленно поспѣшилъ извѣстить Снядецкаго письмомъ отъ 8 сентября 1803 г. (свиданіе происходило въ Кременцѣ 7 сентября). Коллонтай не много могъ узнать о планахъ и затѣяхъ Чацкаго и по этому поводу выражаетъ въ письмѣ даже нѣкоторое недовольство. „Я очень немного еще могъ говорить (съ Чацкимъ) объ общемъ планѣ (наукъ), такъ какъ теперь онъ бѣгаетъ по всѣмъ обывателямъ съ выпрашиваніемъ пожертвованій на эдукаціонный фундушъ." „Инструкція предоставляетъ ему больше власти заботиться объ устройствѣ фундуша, нежели заниматься реформою наукъ и законоположеній." Упоминаетъ Коллонтай объ извѣстной прибавкѣ къ инструкціи Чацкому: caetera activitati, чѣмъ, по замѣчанію Коллонтая, Чацкій особенно пользуется для увеличенія фундуша на устройство трехъ гимназій въ юго-западныхъ губерніяхъ, хвалитъ его особенный талантъ возбудить всѣхъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ и говоритъ въ заключеніе, что все это мелочи, которыми онъ и не безпокоилъ бы даже Снядецкаго, если бы Чацкій не обязалъ

выдающихся талантовъ, на вспомоществованіе для полезныхъ изданій, для путешествій съ ученою цѣлію, на ремонтъ и поддержаніе зданій, на закупку разныхъ коллекцій и т. под.

Не забываетъ Коллонтай и о доходахъ съ тѣхъ бенефицій, которыя предназначались исключительно профессорамъ въ духовномъ санѣ. Онъ настаиваетъ, чтобы и эти доходы были въ распоряженіи университета. Иначе, если эта статья доходовъ останется только въ пользу профессоровъ-ксендзовъ, то послѣдніе, будучи обезпечены гораздо лучше свѣтскихъ профессоровъ, возьмутъ надъ ними верхъ, и Виленскій университетъ, съ теченіемъ времени, станетъ походить на монастырь съ богатыми монахами. А присоединеніе доходовъ съ духовныхъ бенефицій можетъ удвоить бюджетъ Виленской главной школы.

Таковы въ общихъ чертахъ положенія „замѣчаній" Коллонтая; они, какъ мы сказали, не кончены, и въ такомъ видѣ взялъ ихъ Чацкій. Съ продолженіемъ работъ Коллонтая мы будемъ встрѣчаться въ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ. (Listy Kołłątaja. I, 128—222).

его завѣрить Снядецкаго, что рекомендованные имъ профессора Краковскаго университета Чехъ, Шейдтъ и другіе будутъ утверждены въ должностяхъ пожизненно, обставлены прилично и въ заключенныхъ съ ними условіяхъ имъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго нарушенія (Listy Kołłątaja. I, 222—224.).

Того же дня Коллонтай отправилъ письмо и ректору Виленскаго университета Іерониму Стройновскому. Въ перепискѣ Коллонтая со Снядецкимъ мы видѣли уже недовольство обоихъ названныхъ лицъ и Виленскимъ университетомъ съ новыми законоположеніями, и его ректоромъ Стройновскимъ. Имъ не нравился личный составъ университета не изъ поляковъ и особенно принятая тамъ мѣра объявленія конкурсовъ для замѣщенія каѳедръ.

Указавши на послѣднія законоположенія относительно устройства просвѣщенія въ Россіи вообще и въ западной ея части въ особенности, Коллонтай заявляетъ, что „прочтеніе этихъ законоположеній, составленіе которыхъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, Стройновскому, доставило ему великое наслажденіе. Этотъ трудъ увѣковѣчитъ его имя въ исторіи Россійской Имперіи. Потому, продолжаетъ Коллонтай, я явился бы и неблагодарнымъ за ту дружбу, которая между нами существовала, и непризнательнымъ къ рѣдкимъ твоимъ талантамъ, если бы для столь важной работы не посвятилъ должной дани вниманія. По мнѣ гораздо больше значитъ упорядочить въ какомъ-нибудь краѣ общественное воспитаніе, нежели прославить себя изданіемъ хотя бы лучшаго труда въ какомъ-нибудь родѣ наукъ. Однако, я долженъ признаться, Милостивый Государь, что отчасти начинаю опасаться, будетъ ли согласоваться исполненіе этихъ законоположеній съ первоначальными ихъ начертаніями.“

„Пишу тебѣ, Милостивый Государь, съ полною откровенностію, такъ какъ расчитываю на твою пріязнь; при этомъ я увѣренъ, что пишу исключительно только для тебя. Удалившись отъ всего, чѣмъ въ настоящее время такъ занятъ высшій свѣтъ, я не думаю ни дѣлать поправокъ, ни давать совѣты въ томъ дѣлѣ, которое гораздо лучше меня понимаютъ свѣтлыя головы другихъ. Я желалъ бы однако, чтобы первоначальныя

законоположенія пользовались большимъ уваженіемъ и чтобы ихъ не ослабили дальнѣйшія распоряженія."*).

Частыя измѣненія, по мнѣнію Коллонтая, могутъ возбуждать въ исполнителяхъ недовѣріе и значительно ослаблять ихъ энергію. Отстаивая гимназіи и уѣздныя училища, какъ созданныя совершенно по плану эдукаціонной комиссіи, Коллонтай дѣлаетъ упрекъ университету, распорядки котораго, по дошедшимъ до Коллонтая слухамъ (iak mowią, говоритъ Коллонтай), значительно отклонились отъ первоначальныхъ начертаній, и это потому вѣроятно, что „Виленская главная школа съ самаго начала не приняла постановленій комиссіи (эдукаціонной) въ основаніе своего устройства."

„Чацкій, продолжаетъ Коллонтай, обнаруживаетъ (на Волыни) удивительную дѣятельность. Все вмѣстѣ его занимаетъ: и планъ наукъ въ гимназіяхъ, и созданіе для нихъ новыхъ фундушей. Будучи его пріятелемъ и вмѣстѣ почитателемъ рѣдкихъ талантовъ и неустанныхъ его трудовъ, я не могу отказать ему въ должномъ уваженіи, которое само собою принадлежитъ ему по всей справедливости. Мнѣ трудно однако понять, какъ это визитаторъ можетъ создавать что то иное, сравнительно съ постановленіями 18 мая, по которымъ все казалось бы уже законченнымъ. Согласно названнымъ постановленіямъ, гимназіи буквально являются тѣмъ, что эдукаціонная комиссія хотѣла видѣть въ окружныхъ школахъ. Но гимназіи, по плану Чацкаго, представляются чѣмъ то совершенно инымъ. Ихъ цѣль въ высшей степени похвальна; онѣ не портятъ общаго учебнаго плана, особенно если будутъ устроены повсюду; даже исправляютъ его во многихъ важныхъ пунктахъ. Но будучи чуждымъ этому дѣлу, я не знаю, насколько вы взаимно понимаете другъ друга. Признаешь ли ты, Милостивый Государь, постановленія 18 мая не подлежащими отмѣнѣ, или же вмѣстѣ съ Чацкимъ и попечителемъ Виленскаго учебнаго округа хочешь работать надъ ихъ измѣненіемъ". Въ первомъ случаѣ Коллонтай предвидитъ неизбѣжныя недо-

*) Это—рѣчь pro domo sua. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ Коллонтай поздравлялъ себя, что новыя *русскія* законоположенія объ устройствѣ просвѣщенія въ Россіи почти цѣликомъ списаны съ постановленій эдукаціонной комиссіи, которой творцомъ считался Коллонтай.

разумѣнія; во второмъ требуетъ общей, совокупной работы, чтобы съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ частей не пострадало цѣлое.

„По плану Чацкаго, продолжаетъ Коллонтай, въ гимназіяхъ вводятся важныя перемѣны, въ особенности относительно языковъ и по преимуществу латинскаго. Для изученія языковъ и тѣхъ предметовъ, которые привязаны къ низшимъ классамъ, какъ то: ариѳметика, географія и наука нравственности, предназначаются четыре класса. Всѣ другіе предметы, какъ математика, логика, естественная исторія и химія, физика, практическая механика, право, исторія, литература, анатомія и физіологія, хирургія, акушерство и ветеринарія — будутъ преподаваться такъ же, какъ въ главныхъ школахъ. Подобная гимназія въ Кременцѣ будетъ снабжена богатою библіотекою, физическимъ и естественно-историческимъ кабинетами, будетъ имѣть свою лабораторію и ботаническій огородъ. Для всего этого не знающій устали Чацкій собираетъ фундуши и, кажется, достигнетъ своей цѣли. Кременецкая гимназія, а съ нею, думаю, и другія въ предѣлахъ его визитаторскаго округа будутъ имѣть и различныя особенныя институціи, какъ: школа для гувернантокъ, пансіонъ для дворянскихъ дѣвицъ, школа народныхъ учителей, школа хирурговъ и повивальныхъ бабокъ, школа ветеринаровъ и огородниковъ: все это не обойдется безъ спеціальныхъ расходовъ. При всемъ томъ, и при такомъ планѣ, гимназія не будетъ университетомъ, а явится большою центральною школою для всей губерніи“.

Дальше Коллонтай опровергаетъ ту мысль Чацкаго, что пожизненныя должности вредны и для начальника и для подчиненныхъ и могутъ содѣйствовать упадку заведенія и отзовутся тяжелымъ неблагодарнымъ бременемъ на достойномъ начальникѣ. Коллонтай удивляется, какъ подобная мысль могла даже появиться въ головѣ Чацкаго.

Сдѣлавши еще нѣсколько замѣчаній объ упорядоченіи школьнаго дѣла, Коллонтай прибавляетъ: „не стану утруждать тебя, Милостивый Государь, дальнѣйшими по этому предмету замѣчаніями. Въ теперешнемъ моемъ положеніи, они, быть можетъ, оказались бы или запоздалыми, или неумѣстными. Даже то, что я написалъ тебѣ, слагаю на лонѣ дружбы и увѣренъ, что припрячешь это исключительно для себя“. Въ заклю-

ченіе письма, Коллонтай ходатайствуетъ за врача Лернета объ освобожденіи его отъ предстоящаго ему докторскаго экзамена на право практики въ Россійскомъ государствѣ и о признаніи его почетнымъ членомъ медицинскаго факультета Виленскаго университета. (Listy Kołłątaja. I, 224—232).

Изъ настоящаго письма Коллантая мы видимъ, что онъ далеко не раздѣлялъ нѣкоторыхъ взглядовъ Чацкаго, хотя предъ послѣднимъ и умалчивалъ объ этомъ. Открывши въ свою очередь Стройновскому затѣи Чацкаго и указавши на нѣкоторые, по его мнѣнію, промахи въ постановленіяхъ по устройству просвѣщенія въ Россіи и особенно Виленскаго университета (дѣло Стройновскаго съ комп.), онъ тѣмъ самымъ возбуждалъ недовольство Стройновскаго и противъ себя, и противъ Чацкаго со всѣми его широкими планами.

Еще большее недовольство Стройновскаго противъ Коллонтая должно было возбудить слѣдующее письмо послѣдняго отъ 8 октября 1803 года. „Ксендзъ Дмоховскій писалъ ко мнѣ, говоритъ Коллонтай, что отъ Виленской главной школы онъ получилъ приглашеніе занять въ ней каѳедру литературы, подъ условіемъ подвергнуться общему конкурсу. Не сомнѣваюсь, Милостивый Государь, что ты знаешь способности и недюжинныя дарованія этого человѣка. Стало быть, если онъ дѣйствительно нуженъ для того, чтобы покрыть славою вновь открывающуюся каѳедру, то ему никакъ уже нельзя предлагать такихъ унизительныхъ условій; его многочисленные ученые труды свидѣтельствуютъ о немъ, и о нихъ не только знаетъ наша читающая публика, но и за границею отзываются съ великою похвалою. Не входя въ разсужденія о значеніи конкурсовъ вообще, мы должны согласиться, что для нихъ въ будущемъ слѣдовало бы назначить опредѣленный срокъ; но теперь первыя каѳедры слѣдовало бы замѣстить посредствомъ вызова извѣстныхъ лицъ. И *главнымъ образомъ, всѣ силы нужно употребить, чтобы на всѣ предметы поназначать способныхъ соотечественниковъ; въ противномъ случаѣ мы сдѣлаемъ большой промахъ въ самоважнѣйшихъ цѣляхъ народнаго просвѣщенія: отечественной языкъ (польскій) былъ заброшенъ*, а употребляя въ преподаваніи латинскій языкъ, мы ограничили бы народное просвѣщеніе крайне малымъ числомъ лингвистовъ. Будетъ или

нѣтъ приглашенъ Дмоховскій, это все равно не ухудшитъ его матеріальнаго положенія; своими литературными трудами онъ сумѣлъ составить себѣ приличный капиталецъ и можетъ еще значительно его увеличить, работая по своему вкусу. Во всякомъ случаѣ я достаточно изучилъ его, и мнѣ кажется, что онъ ни въ какомъ случаѣ не согласится подвергнуть себя конкурсу, если бы даже его къ этому приневоливали. Потому, заклинаю тебя именемъ народа, для котораго работаешь, отдай преимущество польскому языку, при преподаваніи всѣхъ предметовъ; всѣми мѣрами старайся отклонить приглашенія иностранцевъ на университетскія каѳедры; ты долженъ обдумать способы, какъ бы избавиться даже отъ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ во время оно такъ неосмотрительно вызвали въ Вильну. И было бы лучше придумать для нихъ почетныя награды, чѣмъ посредствомъ ихъ вызова и удержанія препятствовать распространію общественнаго просвѣщенія и усовершенствованію нашего (польскаго) языка. На минуту забудь, Милостивый Государь, о конкурсахъ и старайся замѣстить всѣ каѳедры способными земляками. Будетъ даже лучше временно не открывать какой-нибудь каѳедры и выслать для подготовки за границу молодыхъ ученыхъ (изъ поляковъ), нежели спѣшить съ окончаніемъ всего дѣла и заполнить каѳедры людьми чужими"... Причины для этого намъ уже извѣстны, именно, что лучшіе иностранцы не поѣдутъ въ Вильну, что, разъ наполнится ими университетъ, трудно уже будетъ и при томъ надолго, избавиться отъ нихъ въ будущемъ: для примѣра Коллонтай ссылается на Петербургскую академію. Письмо свое Коллонтай заключаетъ завѣреніемъ въ сердечномъ уваженіи къ Стройновскому и пожеланіемъ, чтобы его имя надолго оставалось памятнымъ въ Виленской главной школѣ. (Listy Kołłątaja. II, 283—285).

На этомъ обрывается корреспонденція между Стройновскимъ и Коллонтаемъ. Очевидно, Стройновскому, человѣку науки, который при этомъ подумывалъ и о митрополіи, опротивѣли постоянныя заявленія только о rodakach (о соотечественникахъ-полякахъ), о польскомъ языкѣ, о сомнительныхъ (польскихъ) талантахъ. Ему навязывали и Дмоховскаго съ Копчинскимъ (Listy. I. 101) и Лернета (Ibid. 232) и другихъ; отъ него требовали, чтобы онъ совѣтовался и съ Чацкимъ

(ibid. 227), и съ Андреемъ Снядецкимъ (ibid. 232) и оставилъ бы мысль о конкурсахъ, и не замѣщалъ бы каѳедръ въ университетѣ и т. п. Только въ 1810 году Коллонтай въ письмѣ къ Снядецкому заявилъ, что Стройновскій „на первыхъ же порахъ прекратилъ съ нимъ переписку, давая даже понять ему свое недовольство за его смѣлость предлагать ему непрошеные совѣты". (Pamiętniki o Sniadeckim. Balinski. I, 670). Скоро, какъ увидимъ, и Чацкій показалъ спину Коллантаю; но до поры до времени послѣдній продолжалъ быть его дѣятельнѣйшимъ помощникомъ.

V.

Первый осмотръ Чацкимъ нѣкоторыхъ школъ юго-западнаго края; его визитаторскій отчетъ; переписка съ Коллонтаемъ по поводу отчета; предварительная работа по составленію проекта объ устройствѣ учебной части въ Волынской губерніи.

Выше мы уже замѣтили, что Чацкій, назначенный визитаторомъ школъ юго-западнаго края, на мѣстѣ, въ предѣлахъ порученнаго ему школьнаго района, долженъ былъ „совершенно удостовѣряться... о всемъ томъ, что способствуетъ, или, напротивъ того, препятствуетъ распространенію народнаго просвѣщенія и насажденію благонравія и добродѣтели". Въ письмѣ къ Коллонтаю отъ 19 іюля 1803 года, Чацкій по поводу своей визитаціи бросаетъ нѣсколько штриховъ для картины состоянія просвѣщенія въ осмотрѣнныхъ губерніяхъ: „Значительная часть школъ, по его словамъ, носитъ на себѣ слѣды перемѣны правительства, особенно происшедшаго перерыва въ правительственныхъ о нихъ заботахъ. Школы Загоровскія являются хранилищемъ людскихъ глупостей, а Владимірскія—убѣжищемъ нищеты. Въ первыхъ совершенно не была извѣстна грамматика Копчинскаго, а во вторыхъ—учитель нѣмецкаго языка не понималъ самой простой разговорной рѣчи и сознался, что въ продолженіе всей своей жизни онъ учился только два мѣсяца. Мѣстная исторія, свѣдѣнія по естественному праву и логика безразсудными чиновниками исключены изъ учебнаго курса. Но оставимъ іереміады. Счастье и то, что не позже приходится возвращать назадъ начавшееся теченіе вещей, — что правительство скоро очнулось и призадумалось какъ надъ собственными потребностями, такъ и надъ потребностями нашего края". (Kołłątaj Listy. I. 84. 85).

Черезъ нѣкоторое время Чацкій препроводилъ Коллонтаю свой „Отчетъ объ общемъ состояніи образованія въ Волынской губерніи до 1803 года", который онъ изготовилъ послѣ осмотра школъ Волынской губерніи для представленія попечителю

округа и министру народнаго просвѣщенія. Чацкій при этомъ пишетъ Коллонтаю, что съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать его отзыва о посылаемомъ отчетѣ; его замѣчанія будутъ самыми полезными для дѣла и могутъ на будущее время устранить возможныя ошибки и заблужденія.

„Отчетъ объ общемъ состояніи образованія въ Волынской губерніи“... раздѣляется на пять отдѣловъ: въ первомъ сообщаются свѣдѣнія о состояніи просвѣщенія въ губерніи въ послѣдніе годы, при польскомъ управленіи; во второмъ — о состояніи просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ Россіи при русскомъ управленіи краемъ съ 1793 по 1803 г.; въ третьемъ говорится объ измѣненіяхъ въ школьномъ дѣлѣ, происшедшихъ во время визитаціи (1803 г.); въ четвертомъ — о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ визитатора; въ пятомъ — о необходимыхъ для губерніи учебныхъ учрежденіяхъ (Listy Kołłątaja. II. 231, 316).

Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ Чацкій употребляетъ все свое краснорѣчіе (за это Коллонтай называетъ его Тацитомъ— Listy. II. 323), чтобы провести рѣзкую грань въ направленіи просвѣщенія и его плодахъ для обитателей въ Волынской губерніи, при польскомъ и русскомъ правительствахъ. Послѣ статистическихъ вычисленій пространства губерніи и ея населенія, Чацкій приводитъ нѣкоторыя историческія данныя о реформѣ въ школьномъ дѣлѣ піара кс. Конарскаго, о приглашеніи въ Польшу ордена піаровъ, объ орденскихъ школахъ, особенно іезуитскихъ,базиліанскихъ,объ особенностяхъ направленія образованія въ Литвѣ сравнительно съ Польшею и объ учрежденіи, наконецъ, эдукаціонной комиссіи на развалинахъ іезуитскаго ордена. Съ этого только времени (1775 г.) начинается въ Польшѣ, по „Отчету“, эпоха истиннаго просвѣщенія. „Въ эту именно пору комиссія стала работать надъ составленіемъ плана народнаго воспитанія. Требовалось думать съ одной стороны о томъ. кто будетъ учиться, съ другой—кто будетъ учить; прежнихъ учителей приходилось убѣждать въ томъ, что давность извѣстныхъ мнѣній еще не доказываетъ ихъ справедливости“. До 1780 года комиссія дѣйствовала болѣе отрицательно, запрещая несообразности въ учебной практикѣ и устраняя вкоренившіяся заблужденія. Съ 1780 года стали постоянно появляться положительныя указанія, распоряженія о

планѣ наукъ, о методахъ обученія, объ учебникахъ, о физическомъ и нравственномъ воспитаніи, и эти тринадцать лѣтъ (1780—1793) новаго обученія произвели якобы магическое дѣйствіе на нравственное возрожденіе народа, на улучшеніе его нравовъ и обычаевъ, на взаимныя отношенія между владѣльцемъ, ксендзомъ и закрѣпощеннымъ крестьяниномъ.

„Братское миролюбіе въ обычаяхъ и нравахъ, говоритъ Чацкій въ „Отчетѣ“, заняло мѣсто недавней безпорядочности и жестокости. Я бралъ акты (судебные) за 1776—1780 г.г. и сравнивалъ ихъ съ актами за столько же времени 1788—1792 г.г. Съ удовольствіемъ замѣчалъ я, какъ въ послѣднее время уменьшались уголовныя преступленія, какъ уменьшалось количество кліентовъ недозрѣлыхъ адвокатовъ-юристовъ, а полюбовные (третейскіе) суды замѣнили тѣ многочисленныя юридическія инстанціи, которыя были хорошо знакомы дѣду, отцу и внуку, и куда спѣшили они при пустыхъ взаимныхъ ссорахъ. Одинъ Овручскій уѣздъ меньше другихъ воспользовался благими плодами просвѣщенія. Онъ является привиллегированнымъ гнѣздилищемъ такой шляхты, шляхетство которой одни совершенно отвергали, другіе считали его только вѣроятнымъ. Разнородные по своему составу, оставленные на съѣденіе дѣльцовъ-ябедниковъ, обреченные на крайнее невѣжество, шляхтичи Овручскаго уѣзда торили дорожку къ актамъ (въ архивахъ), оставивъ въ наслѣдство дѣтямъ нужду и утвержденныя актовыя выписи, а также преданія о своемъ несчастьѣ, какъ доказательство своего происхожденія. Земельныя измѣренія, забытыя со смертію послѣдняго изъ Ягеллоновъ (1572 г.), стали практиковаться чаще и повсемѣстнѣе. Земельный планъ давалъ возможность видѣть положеніе имѣнія, и на этомъ основаніи въ судахъ дѣлались постановленія о землѣ, видѣть которую въ натурѣ судъ не имѣлъ надобности. При точнѣйшемъ описаніи границъ и болѣе внимательномъ ихъ опредѣленіи прекратились большею частію пограничные споры—источникъ страшныхъ побоищъ изъ-за нѣсколькихъ даже морговъ земли, стоимость которой уходила на расходы въ первыхъ же судебныхъ инстанціяхъ. Осмѣливались уже подвергать сомнѣнію то установившееся преданіе, что только крестьянинъ можетъ быть земледѣльцемъ и что для земледѣлія не требуются никакія научныя свѣдѣнія; напротивъ, убѣждались, что наука

земледѣлія требуетъ для себя опоры еще отъ многихъ иныхъ наукъ. Родители выслушивали сообщенія о тѣхъ знаніяхъ, которыя въ школахъ пріобрѣтали ихъ дѣти. Съ тѣмъ вмѣстѣ они стали мириться въ своихъ понятіяхъ съ требованіями дѣтей и начали выказывать уваженіе къ тѣмъ книгамъ и постановленіямъ, къ которымъ передъ тѣмъ относились съ презрительною гордостію. Смягчились отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. За безчеловѣчные поступки общественное мнѣніе казнило презрѣніемъ владѣльца, такъ какъ право въ этомъ пунктѣ не осмѣливалось еще дѣлать ему указанія. Кто занимался изслѣдованіемъ этого важнаго, хотя очень непродолжительнаго момента, тотъ вполнѣ убѣдится, что именно въ этотъ незначительный промежутокъ произошла въ народѣ утѣшительная перемѣна. Я наблюдалъ прежде это зарожденіе перемѣны въ мнѣніяхъ, наблюдаю и теперь; оно измѣнялось почти каждые четыре года. Наши права, мѣстныя учрежденія, рѣшенія судовъ и періодическія изданія были плодомъ развивавшагося просвѣщенія".

Указавши далѣе нѣкоторыя темныя пятна въ нравахъ того времени, существованіе которыхъ обусловливалось недостаткомъ воспитанія женщины (этотъ штрихъ въ общей картинѣ нуженъ былъ Чацкому для того, чтобы провести свой оригинальный проектъ о женскихъ школахъ), Чацкій переходитъ къ указанію, какія науки давались въ различныхъ школахъ, какіе были выдающіеся ученые по тому или другому отдѣлу наукъ, какіе употреблялись учебники, какимъ слѣдовали методамъ въ обученіи, и каковы были успѣхи учащихся; сравниваетъ численность школъ въ 1775 году съ численностію ихъ въ 1793 году и указываетъ источники ихъ содержанія. Говоря объ образованіи священниковъ и простого народа, Чацкій дѣлаетъ общее замѣчаніе, что ксендзы на Волыни были лучше своихъ собратій, сосѣдей по губерніи. Уніатскіе священники давали чувствовать полное невниманіе къ нимъ ихъ епархіальной власти; а базиліане заслужили похвалу Чацкаго открытіемъ миссій, которыя якобы служили могучимъ средствомъ для смягченія нравовъ простого народа и для искорененія въ немъ различныхъ пороковъ; онѣ якобы представляли прекрасное и трогательное зрѣлище. А на самомъ дѣлѣ миссіи служили дѣйствительно могучимъ средствомъ къ обращенію

православныхъ въ унію, а потомъ въ латинство, чтобы воспользоваться всѣмъ достояніемъ бывшихъ православныхъ, содѣйствовали развитію сильнѣйшаго фанатизма; отвлекали народъ отъ дѣла и повергали его въ нищенство. Какъ сильно заботились объ этомъ народѣ даже въ золотой для него, по Чацкому, вѣкъ, видно изъ того, что „Отчетъ“ насчитываетъ на цѣлую губернію всего пять приходскихъ училищъ, и то сомнительнаго достоинства.

Цвѣтущее состояніе школъ значительно ухудшилось при переходѣ ихъ подъ русское владычество въ 1793 году. Подъ перомъ Чацкаго онѣ почему то сразу теряютъ свою магическую силу благодатнаго воздѣйствія на народъ. „Дѣло касается судьбы будущихъ поколѣній, и потому, не краснѣя, буду говорить, какъ о допущенныхъ ошибкахъ въ постановкѣ образованія во имя обманутаго правительства, такъ и поворотѣ назадъ просвѣщенія въ нашемъ народѣ“, такими громкими фразами начинаетъ Чацкій свою іеремiаду по отношенію къ русскому правительству, при переходѣ подъ его власть юго-западной Россіи; „малѣйшее сокрытіе предъ администраціей истины составляетъ величайшій грѣхъ, который не прощается. Самый переходъ въ подчиненіе отъ родной власти (польской) къ чуждой (русской), измѣненіе въ правахъ, скорбь о потерѣ отечества, сомнѣнія въ надеждахъ и страхъ за будущее—все это вмѣстѣ послужило причиною перерыва въ стремленіяхъ юношества къ совершенству, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ общественномъ просвѣщеніи... Тѣ, что поступили въ войска изъ низшихъ классовъ, не хотѣли болѣе возвращаться въ школу. Въ самомъ Житомирѣ, главномъ губернскомъ городѣ, многіе учителя, удаленные изъ училищъ, оставались безъ жалованья, а ученики—безъ учителей и надлежащаго занятія ученіемъ. Такія перемѣны большую часть обывателей повергали въ скорбь глубокую, и всѣ пожимали только плечами. Сталъ нарождаться особенный классъ молодежи, которая при своемъ бездѣльѣ, для себя и другихъ—младшихъ—служила великимъ соблазномъ. Не хочу и не могу скрыть того, что большая часть молодежи не задается никакими (высшими) цѣлями и не способна ни къ общественной, ни къ частной дѣятельности; грустныя, тяжелыя предположенія вызываетъ раздумье о ея будущей судьбѣ. Страшно, наконецъ, сознаваться, что во всѣхъ почти классахъ

уменьшилось число учащихся. Не успѣвши усвоить правилъ послушанія, недоучившійся юноша началъ пользоваться самостоятельностію; не пріобрѣвши необходимыхъ познаній—какъ повелѣвать и какъ съ успѣхомъ исполнять данныя порученія, онъ сталъ уже считать себя дѣятельнымъ членомъ общества. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число кандидатовъ, не желавшихъ пройти полный предписанный учебный курсъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ практиковались вредныя послабленія. Въ ходѣ занятій дѣлали скачки, позволяя ученикамъ перваго класса переходить въ третій, или же разрѣшали изучать только одни изъ положенныхъ предметовъ, а другіе—оставлять въ забвеніи; отсюда явилось презрительное отношеніе учащихся ко многимъ полезнымъ наукамъ. Во время оно я видѣлъ, продолжаетъ Чацкій, частныя библіотеки; осматривалъ ихъ я и теперь; при польскомъ владычествѣ въ краѣ, я входилъ въ сношенія съ книгопродавцами; говорилъ съ ними и въ отчетномъ (1803) году. Сочиненія, которыя, по общепризнанному мнѣнію, имѣютъ большое значеніе, пріобрѣтаются слишкомъ мало; напротивъ, платятъ большія деньги за пустыя изданія, лишь бы они имѣли красивый переплетъ и доставляли удовольствіе; часто они служили исключительно для украшенія кабинета. Мы двинулись назадъ въ развитіи просвѣщенія, и, что всего хуже, наша молодежь, при изнѣженности въ обычаяхъ, выступила на широкое поле соблазновъ. Куда ни бросимъ взглядъ, вездѣ въ общественной и частной дѣятельности видимъ доказательства столь печальной перемѣны. Отовсюду сыплются упреки на судебныя учрежденія: и судія и защитникъ, если сравнивать настоящее съ прошедшимъ, должны отдать справедливое преимущество своимъ предшественникамъ. Выборъ чиновниковъ продолжается на прежнихъ основаніяхъ; но въ настоящее время, сравнительно съ прошедшимъ, не имѣется столько способныхъ кандидатовъ. Старые (чиновники) ищутъ покоя, отдыха; а молодые не приносятъ съ собою на должность необходимыхъ способностей, а часто и нравственныхъ качествъ.“

Переходя къ описанію домашняго образа жизни обывателей Волынской губерніи, Чацкій темными красками описываетъ поведеніе въ семьѣ женщины, исключительно занятой своею внѣшностію, ищущей только поклоненія отъ другого

пола, съ презрѣніемъ отвращающейся отъ домашняго хозяйства и убивающей все время на пустыя развлеченія. „Повсюду почти исчезло, говоритъ Чацкій, домашнее спокойствіе — это единственное счастье въ домашнемъ затишьѣ, суетность забавъ всѣхъ увлекаетъ, безпорядочность и постыдная лѣнь заставляетъ жаловаться на продолжительность времени и забывать о многихъ важныхъ общественныхъ обязанностяхъ.“

„Лишь только этотъ край перешелъ подъ владычество Россіи, администрація во имя новой власти стала забавлять насъ одними развлеченіями. Всякія излишества, увеселенія, разнаго рода уклоненія отъ труда сдѣлались обязательными для желающихъ казаться упредительными и благожелательными; казалось, что сразу объединились недостатки присоединенныхъ и присоединяющихъ. На учителей посматривали свысока; постановленія эдукаціонной комиссіи, которыхъ не зналъ ни одинъ изъ новыхъ чиновниковъ, начали считаться вредными. Школы брошены на произволъ судьбы и случайныхъ обстоятельствъ. Мѣстный священникъ, а тѣмъ болѣе правящій губерніей распоряжались школьнымъ помѣщеніемъ. Учащіеся не имѣли въ городѣ свободнаго пріюта, а общее товарищество и сожительство съ войсками далеко не содѣйствовало ни любви къ труду, ни сохраненію добрыхъ нравовъ. Тѣ, которые ревизовали школы или имѣли надъ ними власть, закрывая глаза на различныя условія жизни, только въ книгахъ учащихъ и учащихся думали находить преступленія. Не умѣстнымъ считаю минуты общей радости (намекъ на изданіе постановленій 1803 года объ общемъ просвѣщеніи) омрачать перечисленіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя доказали бы, что учить и учиться было въ это время громадною трудностію. Впрочемъ, всѣмъ извѣстны тѣ происшествія, которыхъ край нашъ былъ свидѣтелемъ. Не таково было время, чтобы на свободѣ можно было думать о хорошемъ и порядочномъ воспитаніи. Такимъ образомъ, заключаетъ Чацкій, и наши собственныя прегрѣшенія, и вины правительственныхъ чиновниковъ были причиною столь печальнаго состоянія просвѣщенія въ нашихъ провинціяхъ.“

Далѣе въ „Отчетѣ“ Чацкій указываетъ уменьшеніе въ школахъ учениковъ, совершенное закрытіе нѣкоторыхъ школъ, говоритъ о причинахъ таковаго явленія; о распредѣленіи кон-

чившихъ курсъ ученія по различнымъ званіямъ, о количествѣ учившихся тому или другому предмету, объ ихъ успѣхахъ и направленіяхъ ученія, о школьныхъ проступкахъ, о нравственномъ и физическомъ состояніи учащихся. При сравненіи по этимъ рубрикамъ двухъ эпохъ (1780—1793 и 1793—1803) преимущество, конечно, всегда отдается первой.

Въ новомъ отдѣлѣ Чацкій останавливается на простомъ перечисленіи, въ какихъ школахъ и какіе предметы изучались, какіе были учебники, методы, иногда дѣлаетъ характеристику того и другого, указываетъ, откуда были учителя, какое было ихъ вознагражденіе въ той или другой школѣ и штатъ нѣкоторыхъ школъ, какихъ положеній придерживались въ воспитательной дѣятельности учащіе и дѣлаетъ нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній объ образованіи духовенства и простого народа: нарисованная по этому содержанію картина является очень ужъ мрачною.

„Насильственное обращеніе (въ православіе) (слова Чацкаго) слишкомъ быстро произвело желанную перемѣну (намекъ на возсоединеніе уніатовъ во время Екатерины II); неожиданный прозелитизмъ въ каждомъ исповѣданіи имѣетъ одинаковыя послѣдствія. Является колебаніе между новымъ и старымъ ученіемъ, при чемъ внѣшніе обряды религіи принимаются за самую религію. Иной характеръ перемѣны вѣроисповѣданія вмѣстѣ цѣлымъ народомъ, и иной, когда его перемѣняетъ только извѣстный классъ народа. Тамъ, и при перемѣнѣ религіи, всегда продолжаетъ сохраняться одна взаимная связь; здѣсь она разрывается. По обстоятельствамъ настоящаго (1793 г.) прозелитизма помѣщикъ встрѣтилъ между собою и подданнымъ новое средостѣніе, котораго не зналъ въ прежнюю пору. Во время оно голосъ священника вмѣстѣ съ учеными, въ теченіе почти трехъ вѣковъ, былъ всегда за простой народъ; теперь этотъ голосъ почти совершенно замолкъ. Сами священники (уніатскіе), измѣнивъ вѣрѣ, отъ преданности ей переходили къ отчаянной ненависти и только что брошеннаго ученія и его исповѣдниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ толпѣ они могли возбуждать неудовольствіе противъ помѣщиковъ и уже никакъ не хотѣли и не могли скрывать его или усмирять.“

„Такая насильственная (по словамъ Чацкаго) перемѣна давней вѣры вызвала сомнѣніе обязательности взаимныхъ пра-

вильныхъ отношеній между двумя исповѣданіями и послужила причиною неуваженія къ самимъ священникамъ. Удаленный отъ нашего (латинскаго) духовенства народъ не могъ уже болѣе относиться къ тѣмъ учителямъ, прежнее уваженіе къ которымъ сохранилъ и на дальнѣйшее время. Погрязши опять въ грубомъ невѣжествѣ, народъ не слышитъ отъ измѣнившихъ вѣрѣ священниковъ религіозныхъ поученій, не получаетъ никакого духовнаго утѣшенія и не исправляется ими; а помѣщики, въ свою очередь, при такой неожиданной перемѣнѣ (вѣры) снова принялись попрежнему угнетать своихъ подданныхъ." (Listy Kołłątaja. II. 277, 278).

Такимъ образомъ всѣ бѣды и несчастія юго-западнаго края Чацкій приписываетъ обращенію уніатовъ въ православіе. Даже *прекрасно воспитанные* (по Чацкому) помѣщики перестали держаться правилъ гуманизма и человѣколюбія, которыя, якобы, были насаждены въ нихъ въ школахъ въ періодъ времени съ 1780—1793 г.; они предпочли сдѣлаться гонителями своего народа.

Третій отдѣлъ „Отчета" Чацкаго въ „Листахъ" Коллонтая напечатанъ по неисправной копіи, имѣвшейся у Коллонтая, и смѣшанъ съ четвертымъ. Здѣсь говорится о томъ общемъ восторгѣ въ юго-западныхъ губерніяхъ, съ какимъ была принята жителями края вѣсть объ общихъ постановленіяхъ въ Имперіи о народномъ образованіи. Это было причиною того, что, лишь только Чацкій заговорилъ о пожертвованіяхъ на учрежденіе училищъ, всѣ живо откликнулись на его приглашеніе, и жертвы потекли обильною рѣкою. Перечисляются далѣе пожертвованія волынянъ деньгами, книгами, физическими и математическими инструментами; отдѣльно указываются распоряженія по учебной части латинскаго духовенства, особенныя пожертвованія на школы орденовъ, городовъ, аптекъ, спеціальныя пожертвованія на уѣздныя училища и на приходскія. Потомъ слѣдуютъ распоряженія (вѣроятно изъ четвертаго отдѣла „Отчета") относительно учениковъ, относительно распространенія образованія въ простомъ народѣ и элементарныхъ книгъ. (Listy. II. 279, 298).

Пятый и послѣдній отдѣлъ „Отчета" содержитъ указаніе необходимыхъ въ будущемъ учрежденій. Сказавши, что пред-

ставляемый отчетъ дастъ *върную* картину состоянія просвѣщенія въ краѣ за время до 1780, 1793 и 1803 года, Чацкій продолжаетъ: „я далъ самыя лучшія доказательства желанія исправить (неудовлетворительное), я указалъ и тѣ средства, которыя можетъ пожертвовать благодѣтельное усердіе частныхъ лицъ. Теперь осмѣлюсь представить и то, что по моему убѣжденію крайне необходимо“.

Назвавши различныя проектируемыя учебныя заведенія, Чацкій, въ обширномъ витіеватомъ вступленіи, старается склонить на свою сторону будущихъ судей „Отчета“ и всѣми мѣрами доказать имъ его основательность.

„Области, находящіяся на одинаковой степени цивилизаціи, говоритъ Чацкій, имѣютъ право пользоваться и одинаковыми способами для своего усовершенствованія. То различіе, которое могло бы существовать между Литвою и нашими губерніями, повлекло бы за собою самыя большія несообразности. Наши губерніи не желаютъ отдѣльнаго (отъ Вильны) университета, такъ какъ одинаковость правилъ въ воспитаніи очень полезна для областей съ однороднымъ населеніемъ и однимъ и тѣмъ же языкомъ. Разъединенная въ ученомъ тѣлѣ іерархія тѣмъ самымъ уже теряетъ свою дѣйственность, лишается силъ въ своихъ стремленіяхъ и развитіи, тѣмъ болѣе, что всѣ нужды здѣшнихъ губерній ограничиваются устройствомъ учебныхъ заведеній для усовершенствованія учениковъ, для упорядоченія женскаго образованія, для оказанія помощи страждущему человѣчеству, для поднятія нашего хозяйства и, наконецъ, для организаціи способовъ исправленія простого народа посредствомъ приходскихъ школъ и подготовки способныхъ для нихъ учителей. Пускай благодѣтельная администрація Виленскаго университета работаетъ надъ этими провинціями. (Не такіе отзывы о Виленской академической корпораціи дѣлались въ секретной перепискѣ Коллонтая съ Чацкимъ). Волынь была несчастна, когда Вильна была центромъ политической надъ нею власти; быть можетъ, подчиненіе Вильнѣ въ учебномъ отношеніи не повлечетъ за собою подобныхъ послѣдствій. Гимназіи, имѣя надъ собою отдаленную, но бдительную власть, не станутъ, конечно, въ ближайшія отношенія съ личностями (властями), но будутъ уважать только самую

власть. По причинѣ отдаленности не установятся особенно сильныя связи между управляющими и управляемыми; но боязнь навлечь на себя порицаніе уважаемыхъ людей и досточтимыхъ начальниковъ—заставитъ нашихъ учителей быть точными исполнителями своихъ обязанностей. Проектъ учрежденія женской учительской семинаріи своимъ положеніемъ очень тѣсно связанъ съ мужскою гимназіею. Если Волынская губернія является первою, которая для всей Европы представляетъ образецъ открытаго воспитанія женщины; если эта губернія первая хочетъ имѣть приходскихъ учителей, воспитанныхъ въ строжайшихъ правилахъ съ тѣмъ, чтобы они были носителями необходимаго просвѣщенія, а не проповѣдниками народныхъ волненій; если она жаждетъ имѣть у себя школы хирурговъ и акушерства, чтобы оказать помощь женщинѣ въ самую трудную для нея минуту и содѣйствовать возрастанію населенія, посредствомъ всеобщей подачи помощи страждущему человѣчеству; если посредствомъ изученія практической механики наша губернія думаетъ сберечь трудъ человѣка, придать новую силу его рукѣ и возбудить въ немъ изобрѣтательность; если, наконецъ, систематически устрояя хозяйство, увеличивая численность ветеринаровъ, хотимъ быть, позволю себѣ такъ выразиться, (слова Чацкаго) старшимъ сыномъ почтенной матери (Виленскаго университета), то подобныя наши намѣренія не могутъ не вызвать одобренія со стороны университета и содѣйствія со стороны правительственной власти. (Намѣренія Чацкаго, какъ мы знаемъ изъ его секретной переписки, имѣли и другія далеко не благодѣтельныя цѣли). На пути просвѣщенія, въ послѣднія десять лѣтъ (при русскомъ управленіи краемъ съ 1793-1803 г.) мы далеко двинулись назадъ; намъ необходимо вознаградить такое упущеніе и, оплакивая участь современныхъ поколѣній, соединить надежду на (лучшее) будущее съ воспоминаніемъ объ утѣшительномъ прошедшемъ. (1780 - 1793 г.). Въ моихъ представленіяхъ могутъ быть ошибки; и если въ нихъ нѣтъ педагогическаго опыта, такъ какъ я не проходилъ учительскихъ должностей, во всякомъ случаѣ, тамъ положены плоды моихъ стараній, которыя я посвятилъ благу человѣчества и особенно благу моей отечественной земли. Ученые мужи! (обращеніе къ Виленскому университету) Вашъ судъ о представляемомъ трудѣ пусть исходитъ отъ вашего

просвѣщеннаго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть онъ отвѣчаетъ и нуждамъ нашей губерніи; не забывайте, что какой бы приговоръ вы ни произнесли по настоящему дѣлу, о немъ будетъ судить потомство. Сигизмундъ Августъ не внялъ на сеймѣ литовскомъ голосу нашихъ провинцій; наши послы Сурина и Волочкевичъ воротились въ большомъ смущеніи. Въ теченіе двухъ вѣковъ мы чувствовали, что голосъ правды доходилъ до свѣдѣнія наивысшихъ властей, но онъ ихъ не тронулъ и не убѣдилъ. Теперь снова повергаются на ваше усмотрѣніе нужды нѣсколькихъ милліоновъ людей въ нашихъ провинціяхъ; многіе годы нашихъ ошибокъ выжидали дня, въ которомъ могли бы мы сознаться и въ нашихъ заблужденіяхъ и въ нашей безпомощности. Желающіе учиться (Волынь) приходятъ въ школу учителей (въ Виленскій университетъ), заявляютъ о своемъ малознаніи и просятъ позволенія для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ". (По секретной перепискѣ между Чацкимъ, Снядецкимъ и Коллонтаемъ, всѣ они были далеко не высокаго мнѣнія о Виленской академической корпораціи: они думали ее учить, а не учиться у нея... Въ дальнѣйшемъ еще не разъ встрѣтимся съ презрительнымъ отношеніемъ Чацкаго и К° къ Виленскому университету).

„Не часто можно встрѣчать примѣры, когда нужды болѣе состоятельныхъ лицъ объединяются съ нуждами бѣднѣйшихъ. Здѣсь родители состоятельные и бѣдные одинаково не хотятъ обрекать своихъ дѣтей на продолжительную съ ними разлуку; здѣсь бѣдный не будетъ жаловаться на свою бѣдность, которая якобы мѣшаетъ ему совершенствоваться въ Вильнѣ, такъ какъ въ своей губерніи, или самъ будетъ въ состояніи содержать себя, или же скорѣе найдетъ благодѣтеля и пріобрѣтетъ необходимыя знанія. Вся губернія вполнѣ мнѣ довѣрилась, довѣрила свои фундуши, свои просьбы. Къ вамъ направляю заявленіе о благодѣтельныхъ жертвахъ обывателей; вамъ представляю мой трудъ и прежде всего изъясненіе всеобщихъ нуждъ народа; умоляю о дальнѣйшемъ движеніи (моихъ представленій) съ тѣми поправками, какія будутъ признаны нужными".

Дальнѣйшее представленіе Чацкаго проектируетъ нѣкоторыя привилегіи для кончившихъ полный курсъ наукъ, порядокъ домашняго обученія, устанавливаетъ отношенія предво-

учителей дворянства къ годичнымъ испытаніямъ и къ школѣ вообще, къ окончившимъ курсъ, говоритъ о необходимости удаленія войскъ изъ городовъ, въ которыхъ есть гимназіи, о записи фундушевыхъ грамотъ въ актовыя книги безъ оплаты какихъ бы то ни было пошлинъ, объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія о предоставленія дѣтямъ православныхъ священниковъ права поступать въ свѣтскія учебныя заведенія, а не исключительно въ духовную семинарію, что, по Чацкому, составляетъ насиліе надъ природою человѣка и противорѣчитъ намѣреніямъ правительства, о подчиненіи учебному вѣдомству учителей изъ монашествующихъ, указываетъ болѣе подробный распорядокъ педагогическихъ засѣданій, при окончаніи учебнаго курса, порядокъ составленія и выдачи свидѣтельствъ зрѣлости, требуетъ строгаго отношенія къ неаккуратно возвращающимся послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій; высокоторжественные дни, *въ виду особенной ихъ важности*, проектируетъ переносить для празднованія на дни воскресные, заявляетъ о настоятельной нуждѣ въ элементарныхъ книгахъ, о выдачѣ учителямъ задержаннаго съ 1793 года жалованья, о наградахъ для учителей, о школьныхъ библіотекахъ, объ однообразномъ ихъ устройствѣ, о сообразованіи законоучительскихъ поученій съ развитіемъ учащихся, объ упорядоченіи метеорологическихъ наблюденій и, наконецъ, о необходимости устройства особенныхъ учебно-воспитательныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ юго-западнаго края". (Listy Kołłątaja. II. 298, 316).

Много разныхъ несообразностей и сознательной лжи (да простятъ намъ это жесткое выраженіе) допущено въ отчетѣ. Чацкій неоднократно лгалъ и лицемѣрилъ въ оффиціальной перепискѣ; въ секретной—о тѣхъ же предметахъ онъ отзывается иначе... Это мы уже видѣли; увидимъ и еще... Онъ составлялъ отчетъ въ тѣхъ видахъ, чтобы произвести на читателя извѣстное впечатлѣніе и провести въ жизнь свои положенія. Реторика и громкія фразы щедрою рукою разсыпаны по всему „Отчету". Самое дѣленіе его на отдѣлы слишкомъ искусственное и разсчитанное. Мы видѣли, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находилось школьное дѣло именно въ тѣ годы, которые, по Чацкому, должны считаться цвѣтущими въ культурномъ вообще отношеніи. По

визитамъ 1780—1792 г.г. учебная часть въ школахъ эдукаціонной комиссіи была очень слаба, а вліяніе просвѣщенія на общество и того слабѣе. И какъ можно серьезно говорить о какой то магической культурѣ, которая каждые четыре года (по Чацкому) даетъ уже замѣтные благотворные плоды! Многіе школьные недостатки, которые Чацкій исключительно относитъ ко времени 1793—1803 г.г., давали себя сильно чувствовать во времена эдукаціонной комиссіи, и на нихъ въ своихъ визитахъ указываютъ визитаторы 1780—1792 г.г. Несвоевременное возвращеніе учащихся съ вакаціоннаго времени, ненормальные переходы учащихся изъ класса въ классъ, неумѣстныя перескакиванія, усиленныя якобы занятія однимъ учебнымъ предметомъ и пренебреженіе къ другимъ, развитіе лѣни, самомнѣнія и т. под., все это—великіе педагогическіе грѣхи, тормозившіе успѣхи учащихся, на что постоянно жаловались въ свое время эдукаціонной комиссіи назначенные ею визитаторы. Эти недостатки встрѣчаемъ въ школахъ и потомъ; по почему же отвѣтственность за нихъ должно нести русское правительство? Невѣрно и то утвержденіе Чацкаго, что, вслѣдствіе якобы распространенія благодѣтельнаго просвѣщенія, годы 1788—1792 являются для Волыни временемъ какого то райскаго общественнаго благоденствія. Кому же неизвѣстно, что въ это время на Волыни и вообще въ юго-западной Руси совершались самые страшные соціальные ужасы. Съ одной стороны уманьская рѣзня, колiивщина, палiивщина, съ другой—пристрастныя разслѣдованія о фиктивныхъ бунтахъ со всѣми ужасами пытокъ и мученій (См. О событіяхъ на Волыни очевидца — Ѳеодосія Бродовича — вся книга), закрѣпощеніе поповичей, закрытіе русскихъ школъ, изгнаніе и запрещеніе употребленія русскаго языка... все это рѣшительно говоритъ противъ утвержденія Чацкаго. „Комиссіи просвѣщенія были противны, говоритъ Владимірскій-Будановъ, не только собственно православныя школы, но и остатки грековосточнаго направленія въ школахъ уніатскихъ; въ этихъ послѣднихъ визитаторы, позволяя отправлять праздники по римско-католическому календарю, воспрещали отправленіе ихъ по календарю греческому; учениковъ православнаго исповѣданія заставляли посѣщать вмѣстѣ съ католиками и уніатами костелы и уніатскія церкви“. (Исторія университета св. Владиміра I. 12).

Такими дѣйствіями эдукаціонная комиссія вооружила противъ себя все милліонное населеніе православное, а отчасти и уніатское. Ея учителя сдѣлались политическими агентами и проповѣдниками религіозной нетерпимости. Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣлъ бы историкъ, къ какой партіи и религіи онъ самъ ни принадлежалъ бы, онъ все-таки долженъ согласиться, что указанное направленіе образованія къ чуждымъ цѣлямъ не можетъ быть признано нормальнымъ и выгоднымъ для его успѣховъ. (Владимірскій-Будановъ. I. 12). Оно въ высшей степени вредно отразилось и на современныхъ общественныхъ отношеніяхъ обывателей.

Что касается приводимыхъ Чацкимъ разнообразныхъ статистическихъ данныхъ, то они, какъ отчасти мы говорили уже выше, оказываются далеко не отвѣчающими истинѣ. У г. Владимірскаго-Буданова подробно разобрана школьная статистика по рубрикамъ Чацкаго. Съ данными на основаніи указаній изъ архива же Чацкаго, г. Будановъ шагъ за шагомъ разбираетъ положенія Чацкаго, и послѣднія не выдерживаютъ критики. И число училищъ въ юго-западномъ краѣ не уменьшилось при русскомъ правительствѣ сравнительно съ прежними годами, какъ о томъ заявляетъ Чацкій, и число учащихся. по свидѣтельству Буданова, говоритъ противъ показаній Чацкаго. Еще менѣе можно довѣрять послѣднему относительно качества училищъ, а равно и количества преподаваемыхъ предметовъ. Чацкій, между прочимъ, заявляетъ (въ отчетѣ): „исторіи россійской учились, а народной исторіи польской почти нигдѣ не преподавали, полагая, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ уже совсѣмъ не зналъ собственной провинціальной исторіи, и что ему слѣдуетъ внушать привязанность къ новому правительству посредствомъ презрительнаго забвенія собственной земли и собственныхъ правовъ. Первый визитаторъ при русскомъ управленіи Сафоновъ запрещалъ въ школахъ изученіе мѣстнаго права, какъ весьма вреднаго; а потому во многихъ мѣстахъ ему вовсе не учили, а въ другихъ преподавали, но скрывая его подъ именемъ морали“. (А подъ этимъ наименованіемъ, въ дѣйствительности, даже по уставу эдукаціонной комиссіи, скрывалось и частное право: для морали и права назначался одинъ учитель.—См. Ustawy kommissij edukacij narodowej. 40—41). Вообще Чацкій,

говоритъ Будановъ, въ своихъ визитахъ заявляетъ, что до него не преподавали въ школѣ того или другого; но до какой степени можно полагаться на такія заявленія, показываетъ слѣдующій документъ. Въ 1803 году школа Межирѣчская рапортуетъ Чацкому, что она получила актъ его визиты и прочитала съ почтеніемъ. „Но, пишутъ учителя, когда мы читаемъ, будто изъ боязни и по устному приказанію губернскаго визитатора мы не учили польской исторіи и будто бы лишь не задолго передъ тѣмъ начали учить логикѣ также вслѣдствіе страха, то вы позволите донести вамъ, что эти два пункта возбудили въ насъ удивленіе и замѣшательство. Удивленіе—потому, что какъ логикѣ, такъ и польской исторіи мы непрерывно учили и учимъ; доказательство этого вы найдете въ вопросахъ самой визиты; замѣшательство же наше происходитъ изъ того, что особы, высылаемыя отъ губернской власти для визитаціи училищъ, могутъ занести на насъ жалобу, якобы они запрещали намъ преподавать тѣ или другія науки, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ намъ не дано было въ этомъ отношеніи никакого запрещенія и заказа, почему мы безъ опасенія и учили упомянутымъ предметамъ непрерывно. Только за одно правовѣдѣніе дѣйствительно опасались, однако и ему начали обучать съ прошлаго года; и на него не было опредѣленнаго запрета, а только частный совѣтъ визитатора Сафонова. Скоро наступили болѣе благопріятныя времена; страхъ исчезъ, и мы сами рѣшились преподавать правовѣдѣніе. Однѣ записки по ассирійской исторіи были признаны Чегринцемъ за противоправительственныя и были конфискованы“. Въ числѣ подписей подъ заявленіемъ значится между другими и подпись учителя права. Не всѣ училища, по справедливому замѣчанію Буданова, могли давать такой смѣлый отпоръ для возстановленія истины, искажаемой въ „визитахъ“, и Чацкій съ единомышленниками, не смущаясь дѣлаемыми поправками, продолжали утверждать, что съ 1793 года образованіе въ юго-западной Руси упало во всѣхъ отношеніяхъ. (См. Исторія университета св. Владиміра Владимірскаго-Буданова. I. 6—22).

Возвращая Чацкому его „Отчетъ“, Коллонтай пишетъ, что новый трудъ Чацкаго („Отчетъ“) послужитъ образцомъ для другихъ будущихъ визитацій, будетъ великою наукою для

современнаго (русскаго) правительства и дорогимъ памятникомъ для потомства. Особенную важность „Отчета“ Коллонтай видитъ въ томъ, что Чацкій наглядно обрисовалъ состояніе образованія польскаго (въ Волынской то губерніи!) народа въ двѣ только что пережитыя эпохи. „Раздѣленіе матеріала, его тѣсная связь съ тою цѣлью, которую ты (Чацкій) себѣ намѣтилъ, невольно заставляютъ принести дань уваженія твоему разуму и прославлять самое дѣло“. (Listy Kołłątaja. II. 226). Въ то же время Коллонтай дѣлаетъ къ „Отчету“ нѣкоторыя историческія дополненія и разъясненія относительно развитія въ Польшѣ наукъ, чистоты и порчи польскаго языка, неправильности употребленія нѣкоторыхъ названій для школъ, смягчаетъ заключеніе Чацкаго о школьныхъ проступкахъ, о дѣтяхъ православныхъ священниковъ, о современныхъ правахъ и обычаяхъ, дѣлаетъ нѣкоторыя педагогическія указанія относительно выдачи училищныхъ свидѣтельствъ, пользованія книгами и вооружается противъ орденскихъ школъ, особенно противъ конвиктовъ въ монастыряхъ. (Listy. II. 316—330). Замѣчанія Чацкаго по адресу русскаго правительства, женщинъ и мѣстныхъ обывателей даже желчному Коллонтаю показались слишкомъ острою филиппикою. „Его (Чацкаго) рѣчи, говоритъ по этому поводу Коллонтай, проникнуты правдою; стиль обнаруживаетъ умѣлое подражаніе Тациту. Во всякомъ случаѣ, уважаемый визитаторъ пусть не забываетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ *русскимъ* министромъ и съ корпораціей Виленскаго университета, которая не очень расположена къ его завѣтнымъ трудамъ. Прекрасно говорить правду; она смѣло можетъ возвысить свой голосъ къ современному Августу (Александру I), лишь бы только въ будущемъ не повредило все это во мнѣніи министра, лишь бы въ дальнѣйшемъ не поставить препятствій столь святымъ намѣреніямъ (затѣямъ Чацкаго) для блага человѣчества“ (Ibid. II. 323).

Разсужденія Чацкаго о переходѣ уніатовъ въ православіе и о просвѣщеніи простого народа вызываютъ у Коллонтая очень интересныя объясненія. Выходитъ, что православіе и православные священники возмущали Чацкаго не своимъ невѣжествомъ, а сильно сознательнымъ русскимъ народнымъ направленіемъ, которое фактически разбивало планы Чацкаго, доказывавшаго, что юго-западныя губерніи — Польша, что имъ

прирождены латинство и полонизмъ. Разсчитывая въ будущемъ совершенно уничтожить въ краѣ православіе и русскую народность, Чацкій низшія народныя школы, даже при церквахъ православныхъ, старался поставить такъ, чтобы удалить ихъ отъ всякаго вліянія священниковъ и русскихъ властей и подчинить ихъ латинскому епископу, предводителю дворянства и помѣщику. Съ этимъ никакъ не могъ согласиться Виленскій университетъ, такъ какъ намѣренія Чацкаго противорѣчили Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ 18 мая 1803 года, составленнымъ, какъ уже упоминали, Чарторыйскимъ, Стройновскимъ и друг. Недовольный возраженіями Виленскаго университета, называя ихъ пустыми, рѣшительно незаслуживающими вниманія, обнаруживающими въ Виленской академической корпораціи только пристрастіе, самолюбіе и своекорыстіе, Коллонтай замѣчаетъ: „Образованіе народа составляетъ болѣе великое дѣло, нежели основаніе самаго ученаго атенея; вѣдь вопросъ здѣсь касается блага милліоновъ того сословія, которое въ обществѣ является самымъ полезнымъ дѣятелемъ. Виленскій университетъ, гордящійся основаніями народнаго просвѣщенія, положенными въ постановленіяхъ и уставахъ 18-го мая, не хочетъ проникнуть въ мысль визитатора (Чацкаго), а тѣмъ болѣе не хочетъ сознаться въ ошибкахъ, которыя допустилъ онъ въ названныхъ постановленіяхъ. Въ этихъ законоположеніяхъ приходскія школы подчинены церквамъ (и православнымъ священникамъ), т. е. самымъ невѣжественнымъ распорядителямъ. Онѣ будутъ содѣйствовать только распространенію православія (da ist der Hund begraben) и все большему и большему усиленію различія во взглядахъ (на русскую народность въ краѣ и православіе) между простымъ народомъ и помѣщиками, будутъ увеличивать различіе въ воспитаніи и плохо понятыхъ задачахъ (относительно полонизаціи края). Проектъ визитатора имѣетъ въ виду предупредить такія печальныя послѣдствія. Приходскія школы онъ объявляетъ совершенно независимыми отъ духовныхъ властей, чтобы черезъ это освободить ихъ отъ властей православныхъ. Во всякомъ случаѣ, чтобы, хотя посредствомъ воспитанія, объединить съ помѣщиками народъ, разъединенный религіозно, визитаторъ возлагаетъ на города и помѣщиковъ, на ксендзовъ и ордена латинскаго исповѣданія обязанность учрежденія приходскихъ

училищъ и вспомоществованія имъ". Эти великія задачи и цѣли Чацкаго и просмотрѣлъ, по заявленію Коллонтая, Виленскій университетъ, когда рѣшился отстаивать соотвѣтственные пункты постановленій 18 мая, а предположенія визитатора считаетъ невыполнимыми, несообразными съ дѣломъ и требуетъ, чтобы они были оставлены или, по крайней мѣрѣ, задержаны въ своемъ исполненіи.

„Но кто внимательно задумывался надъ такою постановкою дѣла, говоритъ Коллонтай, тотъ долженъ сознаться, что подобнаго рода школъ (по постановленіямъ 18 мая) помѣщики основывать не будутъ, если только сохранятъ свою силу извѣстные пункты постановленій и уставовъ (18 мая о подчиненіи приходскихъ училищъ при церквахъ православнымъ властямъ). Кто, въ самомъ дѣлѣ, явился бы столько неблагоразумнымъ, чтобы на свою бѣду давалъ оружіе въ руки простому народу и невѣжественнымъ попамъ (основывая школы, подчиненныя церквамъ)? Желая, потому, возбудить въ помѣщикахъ охоту къ основанію училищъ, визитаторъ долженъ былъ устранить то пугало, которое неизбѣжно сопровождаетъ различіе въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Визитаторъ имѣлъ въ виду эту главнѣйшую цѣль и въ такомъ духѣ заключилъ съ латинскими епископами конкордаты, выговоривъ возможную съ ихъ стороны помощь для этого важнѣйшаго въ числѣ другихъ учрежденія (приходскихъ школъ)... (Listy Kołłątaja. III. 48—49).

Пришлось Коллонтаю сообщить Чацкому и нѣкоторыя непріятныя вещи. Очевидно, что Чацкій, въ увлеченіи своею силою и славою, начиналъ показывать когти. Въ Волынской губерніи, послѣ его визиты, стали раздаваться жалобы, что Чацкій грубо и непочтительно относится къ религіи, къ русской народности, требуетъ на учебное дѣло непомѣрно большихъ поборовъ. „Въ Луцкѣ (слова Коллонтая), гдѣ обѣщано сдѣлать все возможное, съ большимъ неудовольствіемъ говорили потомъ, что ты, Милостивый Государь, сильно напиралъ на монастырь тринитаріевъ, что хотѣлъ входить въ соглашеніе объ обученіи клириковъ только въ семинаріяхъ (епархіальныхъ), не отправляя ихъ въ Вильну въ главную семинарію, что на эдукаціонный фундушъ вымогалъ отъ духовенства восьмую часть всѣхъ его доходовъ; все это выставляется дѣломъ не

религіознымъ, которое подкапываетъ прерогативы духовнаго сословія. Въ Дубнѣ тебя окрестили франкмасономъ и безбожникомъ за то, что ты обругалъ какъ то бернардиновъ и угрожалъ имъ закрытіемъ ихъ школы. Здѣшніе (т. е. въ Кременцѣ) остерегаются проговориться; во всякомъ случаѣ горько жалуются (базиліане, іезуиты) на предположенныя передвиженія; одни францишкане по своей бѣдности все принимаютъ съ покорностію. Громачевскій (учитель) повсюду жалуется на обиды отъ тебя за то, что онъ принялъ православіе; говоритъ также, что ты публично заявлялъ свое нерасположеніе къ господствующей вѣрѣ. Учителя русскаго языка и въ Луцкѣ, и въ Кременцѣ одинаково вездѣ жалуются, что ты не любишь русскихъ, что ищешь только предлога, чтобы выключить ихъ изъ педагогическаго состава, хотя бы за неспособность, а въ дѣйствительности для того, чтобы по школамъ очистить мѣста для поляковъ; похвалялись, что будутъ искать защиты у кого слѣдуетъ. Не такого визитатора, говорили они, слѣдовало прислать въ здѣшнія школы, а настоящаго—русскаго; иначе правительство не узнаетъ истиннаго положенія дѣла и русскіе будутъ обижены". Не придавая особеннаго значенія такимъ слухамъ, Коллонтай, однако, считаетъ необходимымъ увѣдомить о нихъ Чацкаго, „такъ какъ во имя блага человѣчества, во имя блага святого дѣла, которымъ занимаешься, ты (обращается Коллонтай къ Чацкому) заблаговременно долженъ знать обо всемъ, чтобы своевременно принять мѣры благоразумія". (Listy Kołłątaja. I. 260—270).

И Чацкій еще менѣе Коллонтая въ настоящее время придавалъ значенія подобнымъ слухамъ. Съ какимъ то лихорадочнымъ жаромъ онъ торопился теперь самъ и торопилъ Коллонтая составленіемъ, по возможности скорѣе, проекта объ устройствѣ гимназій и приходскихъ училищъ (Listy. I. 234, 239). Но такъ какъ Чацкій, при разбросанности своихъ занятій, иногда забывалъ, какія бумаги онъ бралъ у Коллонтая, и своевременно не возвращалъ ихъ автору для необходимыхъ исправленій и дополненій, то въ обширномъ письмѣ отъ 19 сентября 1803 года Коллонтай напоминаетъ Чацкому о необходимости имѣть подъ руками забранные у него проекты, намѣчаетъ порядокъ постепеннаго открытія различныхъ учебныхъ учрежденій (гимназія, учительская семинарія, заведенія для хирурговъ, акушерства и

ветеринаріи, заведенія для огородниковъ и школа гувернантокъ съ пансіономъ для дѣвицъ), въ какомъ смыслѣ должны быть составлены и проекты Высочайшихъ указовъ объ ихъ открытіи, проектъ свѣдѣній о фундушахъ, какіе предназначены для вышеназванныхъ учрежденій. „Не слѣдуетъ скрывать, продолжаетъ Коллонтай, что, „при своей дѣятельности, ты, Милостивый Государь, долженъ вооружиться необычайнымъ терпѣніемъ. Занятый въ настоящее время собираніемъ пожертвованій, въ будущемъ ты долженъ будешь вести борьбу съ различными трудностями, которыхъ и предвидѣть невозможно. Создавшіе постановленія 18 мая (Чарторыйскій, Стройновскій, Потоцкій, Плятеръ и друг.) должны, понятно, считать свое дѣло прекраснымъ и совершенно оконченнымъ, и малѣйшія въ немъ исправленія должны оскорблять ихъ самолюбіе. По моему мнѣнію, было бы лучше съ ними вмѣстѣ заняться исправленіемъ, чѣмъ вести борьбу противъ ихъ творенія. Не могу говорить по этому предмету болѣе откровенно; ты самъ лучше знаешь, какія у тебя отношенія къ правительству и на какихъ основаніяхъ опираешь свое дѣло“.

Далѣе Коллонтай говоритъ о времени изготовленія проекта Высочайшаго указа о реформѣ школъ въ Волынской и другихъ губерніяхъ, о необходимости подумать о средствахъ для исправленія домовъ подъ учебныя учрежденія и объ ихъ расширеніи, намѣтить, сколько будетъ въ губерніи школъ въ завѣдываніи университета и сколько въ завѣдываніи монашескихъ орденовъ, не особенно торопиться съ разрѣшеніемъ школъ послѣдняго рода, такъ какъ орденскія власти всегда возбуждаютъ молодежь противъ свѣтскихъ школъ и стараются поселить въ ней недовѣріе къ нимъ и особенно обратить вниманіе на выборъ учителей: они будутъ первыми двигателями великой машины, и неудачный ихъ подборъ испортитъ все дѣло.

Имѣя въ виду, что главное вниманіе Чацкаго сосредоточивалось до сихъ поръ на Волынской губерніи, и Коллонтай дальнѣйшія свои замѣчанія пріурочиваетъ къ этой же губерніи, хотя ихъ можно примѣнить и къ другимъ губерніямъ. Остановившись на Кременцѣ, какъ мѣстѣ учрежденія гимназіи, Коллонтай отдаетъ ему преимущество предъ другими городами по чистотѣ, центральному и гигіеническому положенію и деше-

визнѣ жизни. Проситъ Чацкаго позаботиться о предотвращеніи различныхъ недоразумѣній съ властями и частными учрежденіями, особенно базиліанами, францишканами и іезуитами, по поводу предназначеннаго занятія нѣкоторыхъ монастырей и домовъ съ плацами и пристройками на учебныя потребности. Что касается осушенія улицъ въ городѣ и устройства мостовой, то совѣтуетъ ему войти въ сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ городъ собственными средствами этого сдѣлать не можетъ. При гимназіи Коллонтай считаетъ необходимымъ имѣть свой костелъ (одинъ изъ наличныхъ) съ особеннымъ настоятелемъ; останавливается на устройствѣ помѣщенія для личнаго штата гимназіи, принимая въ расчетъ учителей холостыхъ и семейныхъ и скромное содержаніе тѣхъ и другихъ; возстаетъ противъ мысли Чацкаго о пожизненной должности директоровъ гимназій, съ большою похвалою отзывается о Шейдтѣ и особенно Чехѣ, какъ ближайшемъ ученикѣ Снядецкаго, которые оба предназначены въ директоры гимназій, и проситъ Чацкаго подумать о лучшемъ не въ примѣръ другимъ матеріальномъ обезпеченіи Чеха и Шейдта, такъ какъ равныхъ имъ по талантамъ трудно найти и между профессорами Виленскаго университета. Коллонтай предлагалъ даже Чацкому похлопотать о назначеніи Чеха при его директорствѣ въ гимназіи астрономомъ въ Кременцѣ. „Имѣя въ виду, говоритъ Коллонтай, назначить Снядецкаго въ Вильну въ обсерваторію, слѣдовало бы въ здѣшнемъ краѣ (юго-западномъ) имѣть другую обсерваторію, чтобы, по крайней мѣрѣ, хотя два поляка работали у насъ по этому предмету и корреспондировали между собою. Снядецкій, видя въ Чехѣ своего ученика, послужилъ бы для него громаднымъ подспорьемъ въ усовершенствованіи обсерваторіи и астрономическихъ наблюденій въ Кременцѣ. Для Волынской губерніи не оставалось бы мѣста зависти къ Подольской, и если бы эта доминировала въ ботаникѣ (тамъ предполагался центральный ботаническій садъ-огородъ съ директоромъ-наблюдателемъ надъ подобными садами и въ другихъ губерніяхъ), Волынская губернія первенствовала бы въ наукахъ математическихъ и астрономіи“.

Переходя затѣмъ къ обсужденію различныхъ должностей въ гимназіи и выбору подходящихъ на нихъ кандидатовъ, Коллонтай представляетъ Чацкому маленькій послужной спи-

сокъ нѣкоторыхъ лицъ (тридцать слишкомъ человѣкъ) съ собственною рекомендаціей на должности учителей, директоровъ, префектовъ; относительно нѣкоторыхъ кандидатовъ совѣтуетъ Чацкому спросить мнѣнія Чеха и Дмоховскаго. Что касается наличнаго учебнаго персонала въ юго-западныхъ губерніяхъ, которымъ, видимо, Чацкій былъ недоволенъ, то Коллонтай рисуетъ Чацкому картину тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя учебному дѣлу пришлось пережить въ последнее время и которыя, конечно, не могли повліять въ его пользу. Снова напоминаетъ Чацкому о возможномъ сокращеніи орденскихъ школъ, такъ какъ эти школы, по Коллонтаю, никогда не проникнутся убѣжденіемъ въ полезности предписываемыхъ порядковъ, всегда будутъ отвращать родителей отъ помѣщенія дѣтей въ гимназію, гдѣ обученіе во всякомъ случаѣ будетъ несравненно лучше. „Дѣлай съ монашествующими что только хочешь; никогда, однако, не сумѣешь ихъ передѣлать или отучить отъ ихъ коренныхъ принциповъ; если же отучишь, то испортишь всю ихъ дисциплину. Не будутъ они тѣмъ, чѣмъ хотѣло бы видѣть ихъ призваніе, и никогда не представятъ изъ себя того, чего потребуетъ отъ нихъ правительство въ дѣлѣ общественнаго воспитанія“. Въ заключеніе письма Коллонтай говоритъ о проектируемомъ количествѣ уѣздныхъ школъ въ Волынской губерніи, объ ихъ фундушѣ и еще разъ напоминаетъ о выборѣ достойныхъ кандидатовъ въ учителя и объ ихъ подготовкѣ, сообразно ихъ внутреннимъ духовнымъ силамъ и способностямъ“. (Listy. I. 239-276).

8 октября Коллонтай прибылъ къ Чацкому въ Порицкъ (недалеко отъ Кременца, гдѣ въ то время Чацкій имѣлъ свое постоянное пребываніе) и здѣсь выработаны были основанія проекта учрежденія гимназіи на Волыни и въ другихъ юго-западныхъ губерніяхъ.

По Высочайше утвержденному 18-го мая 1803 г. „уставу для Виленскаго Императорскаго университета и училищъ его округа“ полагалась, по крайней мѣрѣ, одна гимазія въ каждой губерніи и одно, по крайней мѣрѣ, уѣздное училище въ каждомъ уѣздѣ. Приходскихъ училищъ могло быть, сколько угодно „сообразно съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія.“

Въ гимназіи имѣло быть, по крайней мѣрѣ (по уставу 18 мая), шесть классовъ наукъ и для преподаванія оныхъ шесть старшихъ учителей [физическихъ знаній (1), математики (1), нравственныхъ наукъ (1), словесности и латинскаго языка (1), латинской и польской грамматики (1), начальныхъ правилъ ариѳметики, географіи и нравоученія (1)] и четыре младшихъ: рисованія, россійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. (Сборникъ постановленій по М. Н. Просвѣщенія. I. 58—59.). Если позволяли средства, разрѣшалось уставомъ прибавлять еще одного учителя исторіи и географіи. Въ учебномъ и административномъ отношеніи гимназіи поставлялись въ полную зависимость отъ университета округа.

Не нравилось Чацкому такое распоряженіе относительно гимназій. Онъ хотѣлъ видѣть ихъ учрежденіемъ самостоятельнымъ, съ обширными, разнообразными программами, со многими второстепенными учрежденіями, съ богатыми библіотеками, лабораторіями и другими пособіями. Каждая гимназія проектировалась, какъ выражался Коллонтай, въ видѣ малаго университета. Пользуясь разрѣшеніемъ Высочайше утвержденнаго устава 18 мая добавлять въ гимназіяхъ нѣкоторые предметы, если это позволяютъ средства, Чацкій началъ собирать пожертвованія на учрежденіе совершенно оригинальной гимназіи, программа и обстановка которой въ свою очередь разростались, по мѣрѣ увеличенія жертвуемыхъ средствъ. Съ другой стороны, подъемъ и насажденіе посредствомъ воспитанія польской національности играли въ задачахъ Чацкаго одну изъ видныхъ ролей, а этой цѣли онъ расчитывалъ достигнуть только въ заведеніяхъ, имъ основанныхъ. Требовалось, потому, привлечь сюда возможно большее количество юношества, чтобы воспитать его въ своемъ духѣ. А для этого, опять, потребовалось Волынскую гимназію обставить такъ во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы она не только могла поспорить съ Виленскимъ университетомъ, но и затмить его своими преподавателями, своими учеными трудами, своими учеными и учебными пособіями, библіотеками, кабинетами...

Записку объ учрежденіи Волынской гимназіи Коллонтай начинаетъ указаніемъ необходимости имѣть въ Россіи по величинѣ ея территоріи гораздо болѣе университетовъ, чѣмъ это

назначено постановленіями 24 января 1803 года. Но для большого количества университетовъ не имѣется ни наличныхъ средствъ, ни достачно подготовленныхъ преподавателей. При такихъ обстоятельствахъ централизація учебной части въ каждомъ округѣ около университета заслуживаетъ полнаго вниманія: она придастъ необходимое всему единство, и Коллонтай поздравляетъ губерніи Виленскаго округа съ принадлежностію ихъ къ Виленскому университету, который, такимъ образомъ, въ видахъ общественнаго просвѣщенія объединяетъ ихъ въ одно ученое тѣло, состоящее подъ опекою попечителя, такъ преданнаго дѣлу распространенія общественнаго просвѣщенія и вполнѣ отвѣчающаго столь важному назначенію.

Но было бы несправедливо, по мнѣнію Коллонтая, исключительно привязывать къ Вильнѣ право давать основательное образованіе. Съ этою „монополіей“ могли бы еще мириться люди состоятельные; они могутъ отправлять своихъ дѣтей и въ Виленскій университетъ, несмотря на дальность его разстоянія (отъ Волыни, Подоліи) и дороговизну жизни; для бѣднаго класса обывателей такія условія неодолимы. Но гдѣ вопросъ касается общественнаго просвѣщенія, тамъ правительство болѣе всего должно позаботиться о нуждахъ обывателей малосостоятельныхъ. Вся тяжесть исправленія должностей въ губерніяхъ и уѣздахъ падаетъ именно на людей этого класса; а такъ какъ они не въ состояніи воспитывать дѣтей своихъ въ далекомъ университетѣ, то и не могутъ чрезъ это подготовить достойныхъ кандидатовъ для прохожденія чиновничьей службы разнаго рода, чего однако желаетъ въ будущемъ законодатель Государь Императоръ. И можно ли расчитывать на скорое распространеніе всеобщаго просвѣщенія, если свѣтъ его въ такомъ обширномъ округѣ будетъ сіять только въ одномъ углу, совершенно недоступномъ для обывателей средняго достатка, а тѣмъ болѣе для бѣднѣйшихъ.

Въ помощь университетамъ, Коллонтай проектируетъ учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ гимназію. Эти гимназіи, по его идеямъ, должны быть устроены такъ, чтобы ихъ программы обнимали всѣ предметы и науки, совершенно необходимыя для порядочнаго образованія дѣтей всѣхъ обывателей. Полное незнаніе своихъ правъ и обязанностей служитъ

источникомъ всякаго зла, вызываетъ гибельное сутяжничество, несчастную судебную волокиту: этому особенно способствуютъ доморощенные, невѣжественные, недоучившіеся юристы, ищущіе вездѣ собственной корысти. Еще болѣе мрачная картина представится, если вспомнимъ о недостаткѣ тѣхъ знаній, на которыхъ основываются процвѣтаніе и ростъ городовъ, развитіе искусствъ, ремеслъ, рукодѣлій, процвѣтаніе сельскаго хозяйства въ обширномъ своемъ значеніи и, наконецъ, охрана страдающаго человѣчества.

Переходя къ разсмотрѣнію гимазическихъ программъ, Коллонтай начинаетъ съ языковъ. Греческій и латинскій онъ считаетъ необходимыми въ виду дорогихъ древнихъ сокровищъ, которыя заключаются въ литературѣ этихъ языковъ, и безъ знанія которыхъ невозможно, конечно, пользованіе и самыми сокровищами. Русскій языкъ необходимъ какъ языкъ государственный, какъ языкъ славянства, въ различныхъ его діалектахъ. Языки французскій и нѣмецкій принадлежатъ народамъ, извѣстнымъ своею ученостію, различными открытіями и изобрѣтеніями. „Нужно ли говорить, продолжаетъ Коллонтай, объ отечественномъ языкѣ (польскомъ въ Россіи), о той единственной нашей собственности, сохраненіемъ которой болѣе всего докажемъ чуждымъ намъ, чѣмъ мы были. Всѣ другіе языки, особенно народовъ, прославившихся науками, мы должны считать необходимыми средствами для обогащенія себя знаніями и вкусомъ въ наукахъ словесныхъ. Но отечественный языкъ мы должны считать самымъ дорогимъ сокровищемъ, самою любезною собственностію, при посредствѣ которой, различныя знанія и науки могутъ сдѣлаться достояніемъ даже тѣхъ, которые недостаточно обладаютъ способностію изученія чужихъ языковъ. Кто дѣйствительно стремится распространить просвѣщеніе въ своемъ народѣ, тотъ прежде всего долженъ имѣть въ виду отечественный языкъ сдѣлать языкомъ науки, способнымъ объяснять послѣднія ея тайны... Не одна пустая привязанность къ отечественному языку побуждаетъ насъ съ наибольшею старательностію заботиться о его усовершенствованіи, но очевидная потребность общественнаго просвѣщенія... Гдѣ только науки преподавались на чуждомъ языкѣ, тамъ всегда только небольшое количество людей пользовалось ихъ свѣтомъ, а масса, равно какъ и ея языкъ, оставались варварами“. Ука-

завши на грековъ и римлянъ, такъ широко распространившихъ свои развитые языки, Коллонтай прибавляетъ, что „напрасно даже силились бы приносить громадныя жертвы для распространенія у насъ заброшеннаго свѣта наукъ, если только намъ навяжутъ въ школы чуждый языкъ, а тѣмъ болѣе дадутъ чуждыхъ намъ учителей“...

Изученіе языковъ Коллонтай помѣщаетъ въ первые низшіе четыре класса, распредѣляя ихъ между четырьмя преподавателями. Латинскій языкъ вмѣстѣ съ польскимъ поручаетъ одному преподавателю, и на это изученіе обращается особенное вниманіе; учитель русскаго языка предназначается къ преподаванію ариѳметики, учитель языка французскаго — къ преподаванію начатковъ наукъ нравственныхъ, и преподаватель нѣмецкаго языка сообщитъ свѣдѣнія по всеобщей географіи. Каждому изъ учителей назначалось двадцать учебныхъ часовъ въ недѣлю; курсъ каждаго класса продолжался годъ.

Послѣ низшихъ четырехъ классовъ проектировалось еще шесть лѣтъ обученія въ такомъ порядкѣ: первые два года назначались на изученіе курса элементарной математики и логики, всеобщей исторіи и географіи — древней и новой; въ слѣдующіе два года проходились курсы физики и права (въ небольшомъ объемѣ), и въ послѣдніе два года проходились естественная исторія, химія и литература. Предполагая, что ученикъ поступитъ въ гимназію восьми-десяти лѣтъ, Коллонтай назначаетъ 18-20-лѣтній возрастъ оканчивающихъ гимназіи, когда они или съ успѣхомъ могутъ поступить на государственную службу, или же сдѣлать сознательный шагъ къ дальнѣйшему, академическому образованію.

Такими желательными предметами дальнѣйшаго изученія могутъ служить *прежде всего*: высшая математика, астрономія, механика, геральдика и практическая гидростатика; *потомъ*: огородничество, теорія и практика огородничества и земледѣлія, анатомія, физіологія, хирургія, акушерство, ветеринарія; *далѣе*: общая грамматика славянскихъ языковъ, сравнительное изученіе древнихъ языковъ между собою и съ языкомъ славянскимъ и, *наконецъ*—библіографія.

Коллонтай повторяетъ сдѣланныя уже замѣчанія, что если и нельзя заставлять всѣхъ изучать названные предметы, най-

дется, во всякомъ случаѣ, не мало желающихъ ознакомиться съ ними или по личной охотѣ, или по обстоятельствамъ своего положенія. Нельзя требовать, чтобы для этого они отправлялись въ дорогую и отдаленную Вильну; достаточно будетъ, если туда поѣдутъ кандидаты для учительскаго званія (въ гимназіи) или же желающіе усовершенствоваться въ медицинѣ, правѣ, богословіи, курсы которыхъ не будутъ читаться въ гимназіяхъ. Но было бы неблагоразумно отказать гимназіямъ въ возможности усовершенствовать посредствомъ соотвѣтственныхъ курсовъ приходскихъ учителей, хорошихъ огородниковъ и земледѣльцевъ, хирурговъ, акушерокъ и коноваловъ; было бы несправедливо отказать желающимъ расширить свои познанія въ высшей математикѣ, астрономіи или изучить философскую грамматику.

Указавши на громадное практическое значеніе для каждой мѣстности и для каждаго класса обывателей изученіе въ гимназіяхъ названныхъ наукъ, Коллонтай выставляетъ необходимость учрежденія при гимназіяхъ общежитія для кандидатовъ въ приходскіе учителя, дѣлаетъ указанія городамъ о присылкѣ въ гимназіи молодыхъ людей, желающихъ ознакомится съ хирургіей и акушерствомъ (послѣднимъ могли заниматься и женщины), и составляетъ особое положеніе для огородниковъ. Для полноты образованія обывательскихъ дѣтей, Коллонтай присовокупляетъ еще изученіе новыхъ предметовъ: рисованія, музыки и гимнастики.

И на этомъ Коллонтай не останавливается. Указывая самую тѣсную общественную связь между мужчиной и женщиною, говоря объ ихъ взаимномъ неотразимомъ вліяніи и высшемъ назначеніи, Коллонтай справедливо замѣчаетъ, что ни къ чему не привели бы всѣ усилія надъ устройствомъ возможно лучшихъ образовательныхъ заведеній для мужчинъ, если будетъ пренебрежено воспитаніе женщины. Желая исправить дурныя привычки мужчины, мы должны начать съ усовершенствованія привычекъ женщины. Воспитаніе дѣвочки должно, главнымъ образомъ, соотвѣтствовать ея положенію и матеріальной обстановкѣ ея родителей. Поэтому воспитаніе дѣвочекъ, въ одномъ изъ нашихъ городовъ, говоритъ Коллонтай, а тѣмъ болѣе въ въ какомъ нибудь чужомъ городѣ, не только безполезно, но

даже можетъ быть вредно для сельскихъ обычаевъ воспитываемыхъ въ ихъ деревенской жизни. Воспитаніе въ какомъ-нибудь большомъ городѣ, гдѣ дѣвочка получитъ навыкъ къ разнаго рода забавамъ и веселью, которыхъ не найдетъ ни у себя дома, ни у сосѣдей, положитъ задатки для будущей грусти и скуки въ собственномъ домѣ. Указывая на различные городскіе соблазны и искушенія, Коллонтай приходитъ къ мысли, что для сельскихъ обывательницъ никоимъ образомъ не должны быть учреждаемы въ городахъ женскіе пансіоны.

Тѣмъ настоятельнѣе является потребность устройства женскихъ учительскихъ семинарій, откуда выходили бы подготовленныя кандидатки для обученія обывательскихъ дѣвицъ въ домахъ ихъ родителей подъ надзоромъ матери. Это—единственное женское учебное заведеніе при губернскихъ гимназіяхъ. Въ селахъ рядомъ съ приходскими мужскими училищами могутъ быть и женскія; то же и въ уѣздныхъ городахъ—для мѣстныхъ дѣвицъ. Учительская женская семинарія будетъ готовить учительницъ для всѣхъ этихъ женскихъ училищъ.

Для осуществленія такихъ широкихъ проектовъ нужны были, конечно, особенные фундуши, которыхъ правительство дать не можетъ. Штатъ правительственной гимназіи исчисленъ былъ въ 5700 руб. сер. Штатъ гимназіи, по проекту Чацкаго и Коллонтая, возросъ до 32,942 руб. Значительно возвысившуюся стоимость Чацкій думалъ покрыть добровольными пожертвованіями помѣщиковъ. Его надежды оправдались. Каждый, по заявленію Чацкаго, хотѣлъ принять участіе въ пожертвованіяхъ на пользу человѣчества. И такъ какъ собраннаго капитала пока по одной Волынской губерніи оказалось вполнѣ достаточно для открытія проектируемыхъ учрежденій съ особыми программами, то Чацкій и приступилъ къ осуществленію своего плана.

Въ дальнѣйшей части записки, Колонтай опять говоритъ о выборѣ Кременца, какъ самаго подходящаго мѣста для основанія гимназіи, со всѣми прибавочными къ ней учрежденіями: опредѣляется потомъ постоянное жалованье директору, учителямъ и различнымъ чиновникамъ гимназіи со всѣми при ней прибавочными учрежденіями; намѣчаются пункты положенія о приходскихъ учителяхъ, ихъ подготовкѣ и поступленіи въ за-

веденіе; указываетъ необходимость опытныхъ полей, садовъ и огородовъ при гимназіяхъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, при заведеніяхъ въ монастыряхъ, и для антекарей; даетъ проектъ положенія о женской учительской семинаріи и о приходскихъ школахъ; образцомъ для послѣднихъ должна была послужить школа въ Сельцѣ, основанная и содержимая братомъ Чацкаго. Къ выпискѣ приложено и положеніе объ этой школѣ, ея фундушѣ и обязательствахъ завѣдующаго училищемъ въ отношеніи учебной и административной части. (Listy Kołłątaja. I. 296—359).

Эта записка выработана въ теченіе десятидневнаго пребыванія Коллонтая у Чацкаго въ Парицкѣ, составлена для Чацкаго и какъ бы отъ его имени; исправленная согласно указаніямъ Чацкаго (Listy Kołłątaja. I. 360, 361, 363—369, 372—384, 386—391), она легла въ основаніе проекта устройства въ Кременцѣ Волынской гимназіи и всѣхъ другихъ школъ, которыя предполагались къ учрежденію въ Волынской губерніи. Самый проектъ, разработанный и составленный Коллонтаемъ, былъ переслапъ Чацкому для дальнѣйшаго движенія. (Проектъ напечатанъ во II томѣ „Listow“ Kołłątaja 1—205).

Получивши, наконецъ, во всей полнотѣ отъ Коллонтая проектъ устройства учебной части въ Волынской губерніи съ многоразличными таблицами и съ пояснительными къ нимъ приложеніями, Чацкій отъ 22 ноября увѣдомилъ Коллонтая, что „съ благодарностію и благоговѣніемъ читалъ дѣло“, которое Коллонтай позволяетъ Чацкому даже присвоить себѣ, какъ автору. „Кто занимался реформою Краковской академіи, прибавляетъ Чацкій, кто составилъ планъ всего учебнаго дѣла (въ эдукаціонной комиссіи), тотъ въ этомъ отношеніи считается законодателемъ“ (Listy Kołłątaja. II. 206).

Проектъ устройства учебной части въ Волынской губерніи.

Составленный Коллонтаемъ проектъ, который онъ отдавалъ Чацкому въ полную авторскую собственность, заключаетъ въ себѣ проекты Высочайшихъ указовъ объ открытіи Волынской гимназіи и всѣхъ другихъ школъ, предположенныхъ къ учрежденію въ Волынской губерніи (Listy Kołłątaja. II. 1—8 и 148—151), положеніе о Волынской гимназіи (ibid.

8—40), о конвиктѣ для кандидатовъ въ учителя для приходскихъ школъ (41—74), о порядкѣ занятій практическою механикою, огородничествомъ и земледѣліемъ (практика), хирургіей, ветеринаріей и (для мужчинъ и женщинъ) акушерствомъ (74—86), о женской учительской семинаріи (86—146) объ уѣздныхъ училищахъ (146—151) и о приходскихъ школахъ въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ (151—205).

Въ проектѣ Высочайшаго указа объ открытіи Волынской гимназіи, отъ имени Государя, было сказано: „Такъ какъ обыватели Волынской губерніи, внимая голосу Нашего отцовскаго зова (слова проекта), принесли богатыя жертвы на вѣчный фундушъ Волынской гимназіи и такимъ образомъ необходимыми доходами обезпечили содержаніе учителей, содержаніе различныхъ учрежденій для общественнаго просвѣщенія, устройство публичной библіотеки и кабинетовъ, неизбѣжно необходимыхъ при изученіи физическихъ наукъ, то Мы, Александръ I... таковые обывательскіе фундуши и пожертвованія принимаемъ подъ Высочайшее Наше покровительство и разъ навсегда присоединяемъ ихъ къ Волынской гимназіи“...

Гимназія учреждалась въ Кременцѣ. При этомъ подтверждались всѣ пріобрѣтенія строеній, домовъ, плацовъ, огородовъ отъ іезуитовъ, базиліанъ, частныхъ лицъ, всѣ тѣ соглашенія съ ними, которыя сдѣланы были Чацкимъ. Всѣ земли, постройки съ учебнымъ назначеніемъ навсегда освобождались отъ платы какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей и присоединялись къ эдукаціонному фундушу.

Всѣ суммы, какъ изъ Государственнаго казначейства, такъ и пожертвованныя и которыя могутъ быть еще пожертвованы на учебное дѣло въ Волынской губерніи, навсегда присоединялись къ эдукаціонному фундушу на нужды и потребности Волынской гимназіи съ ея различными учрежденіями.

Не взносъ во-время слѣдуемой суммы считался государственною недоимкою и взыскивался на одинаковыхъ съ нею основаніяхъ.

Распорядительная власть надъ доходами и расходами всѣхъ этихъ суммъ присвоивалась директору Волынской гимназіи, согласно предварительно составленному и утвержден-

ному расписанію. Утвержденіе расписанія и наблюденіе за правильностію расходовъ поручались министру народнаго просвѣщенія и попечителю округа.

Въ награду усердныхъ трудовъ визитатора по устройству школъ въ Волынской губерніи, ему на первый разъ предоставлялось право назначенія въ гимназіи и во всѣ учебныя учрежденія Волынской губерніи какъ учителей, такъ вообще всѣхъ служащихъ.

Волынской гимназіи предоставлялось право удостоивать соотвѣтственныхъ кандидатовъ по экзамену званія практическихъ землемѣровъ, учителя приходскихъ школъ, хирурговъ, акушерокъ, коноваловъ и огородниковъ. Начальницѣ женской учительской семинаріи давалось право подготовлять и достойныхъ кандидатокъ награждать по экзамену дипломомъ на званіе гувернантки.

Настоящее утвержденное устройство школъ въ Волынской губерніи должно было послужить образцомъ для другихъ губерній, обыватели которыхъ не должны были, съ позоромъ для себя, отставать въ такомъ святомъ дѣлѣ отъ обывателей губерніи Волынской.

Положеніе о Волынской гимназіи обнимаетъ собою *прежде всего* распредѣленіе курса наукъ, которыя предназначались для прохожденія въ Волынской гимназіи.

Учреждаемая въ Кременцѣ Волынская гимназія предназначалась для молодыхъ людей всѣхъ званій и состояній. Каждый ученикъ, сообразно своимъ потребностямъ, обязанностямъ, склонностямъ и вкусу могъ изучать въ гимназіи тѣ или другіе предметы.

Кромѣ четырехъ учителей языковъ (русскаго, польскаго съ латинскимъ, французскаго и нѣмецкаго) и шести учителей другихъ предметовъ (элементарной математики и логики, физики, естественной исторіи и химіи, всеобщей исторіи, права, литературы) проектировалось девять новыхъ учителей на слѣдующіе курсы: 1) грамматика греческаго языка; 2) всеобщая грамматика языковъ славянскихъ; 3) библіографія; 4) огородничество и практическое земледѣліе; 5) строительное искусство

и практическая механика; 6) высшая математика и астрономія; 7) анатомія и физіологія; 8) хирургія и акушерство; 9) ветеринарія.

Эти курсы изучались не всѣми учениками гимназіи, а только желающими, по ихъ вкусу и выбору.

Въ низшихъ четырехъ классахъ изучались преимущественно языки, и курсъ каждаго класса былъ годичный; неуспѣвающіе въ теченіе четырехъ лѣтъ могли оставаться въ одномъ изъ классовъ на повторительный курсъ. Въ дальнѣйшіе шесть лѣтъ изучались элементарная математика съ логикой, физика, естественная исторія, химія, всеобщая исторія, право и литература. Эти предметы обязательны для всѣхъ учениковъ гимназіи, и неуспѣвающіе въ нихъ не могли получить свидѣтельства о полномъ успѣшномъ окончаніи курса. Кромѣ того, желающіе могли еще въ это же время слушать курсы грамматики греческаго языка, общей грамматики языковъ славянскихъ, библіографіи, строительнаго искусства и практической механики. Сообразно этому, было составлено распредѣленіе часовъ въ расписаніяхъ уроковъ курсовъ основныхъ и дополнительныхъ. На четвертое двухлѣтіе откладывались только высшая математика и астрономія. Эти науки дозволялось слушать только тѣмъ, которые съ успѣхомъ окончили полный курсъ гимназіи.

По особому расписанію читались при гимназіи курсы огородничества и практическаго земледѣлія, хирургіи и акушерства, анатоміи и физіологіи, строительнаго искусства и практической механики и ветеринаріи.

Всѣ науки проходились, по положенію, *на польскомъ языкѣ*. Гимназія имѣла право относиться къ Виленскому университету съ просьбою о разрѣшеніи ей употреблять тѣ или другіе учебники, по ея указанію, или же дѣлать въ нихъ необходимыя исправленія, дополненія, измѣненія.

Гимназія должна была имѣть свою типографію и въ ней могла печатать книги, согласно указаніямъ Виленскаго университета.

Гимназіи предоставлялось право подвергать желающихъ экзамену и удостоивать ихъ искомыхъ ими различныхъ званій.

Желающій, напримѣръ, получить званіе практическаго землемѣра долженъ былъ при прошеніи представить директору свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи соотвѣтствующаго курса наукъ. Изъ учителей гимназіи директоръ назначалъ экзаменаціонную комиссію, которая, по надлежащемъ испытаніи, удостоивала кандидата искомаго званія, во свидѣтельство чего директоръ гимназіи выдавалъ ему дипломъ за собственноручною подписью и печатью заведенія. Дипломъ давалъ его обладателю право во всей губерніи исправлять обязанности практическаго землемѣра. Для занятія такой же должности въ другой губерніи требовалось представить прежній дипломъ въ гимназію новой губерніи, для полученія соотвѣтственнаго удостовѣренія, которое и выдавалось безпрепятственно. Для практики во всей Россійской имперіи требовалось такое же завѣреніе отъ Виленскаго университета.

Экзаменующіеся на званіе практическаго землемѣра должны были вносить извѣстную плату въ пользу экзаминаторовъ, на пріобрѣтеніе инструментовъ и на изготовленіе диплома.

Получивши дипломъ, землемѣръ приводился къ присягѣ на вѣрность службы.

Далѣе положеніе о Волынской гимназіи обнимало постановленія относительно учителей и учениковъ.

Всѣ поступающіе въ гимназію записывались въ одну книгу; всѣ, по какимъ бы то ни было причинамъ выбывающіе изъ заведенія, заносились въ другую книгу, съ описаніемъ въ обоихъ случаяхъ всѣхъ особенныхъ обстоятельствъ поступленія и выбытія.

Необходимо требовалось, чтобы всѣ поступающіе въ гимназію имѣли привитую оспу, если таковой не перенесли въ дѣйствительности.

Кромѣ вновь издаваемыхъ какъ общихъ, такъ и особенныхъ законоположеній относительно учителей и учениковъ, сохранялись въ силѣ и всѣ прежнія постановленія эдукаціонной комиссіи, которыя не противорѣчили Высочайше утвержденному уставу о народномъ просвѣщеніи въ Россіи.

Къ гимназіи, исключительно для духовныхъ нуждъ учащихъ и учащихся, присоединялся бывшій іезуитскій костелъ,

съ настоятелемъ и его викаріемъ; ихъ обязанности опредѣлялись особымъ положеніемъ.

Въ зданіи заведенія могъ имѣть помѣщеніе только одинъ директоръ, хотя бы онъ былъ и семейный. Въ префекты (помощникъ директора) избирались лица холостые, и они тоже жили въ заведеніи. Если бы префектъ вступилъ въ бракъ безъ вѣдома своего начальства, со ipso онъ лишался уже своей должности; префектъ, вступившій въ бракъ съ согласія начальства, переводился на новую должность.

Семейные учители жили на вольныхъ квартирахъ въ городѣ. Учители холостые имѣли помѣщеніе въ заведеніи и, по желанію, столъ. Кто изъ нихъ хотѣлъ содержать у себя учениковъ, обязывался для соблюденія чистоты, порядка и единства въ хозяйствѣ условиться для нихъ относительно стола съ экономомъ заведенія.

Начальникъ гимназической библіотеки долженъ былъ наравнѣ съ учителями подчиняться общимъ для нихъ предписаніямъ.

Библіотека для занятій была открыта два раза въ недѣлю — по вторникамъ и четвергамъ съ 2—4 пополудни; кромѣ того, въ библіотекѣ читались лекціи по библіографіи. Въ положеніи заявлено желаніе, чтобы съ 1-го мая до лѣтнихъ вакацій, въ видахъ пользы занятія чтеніемъ, педагогическій совѣтъ гимназіи выискалъ еще-какой нибудь свободный часъ въ общемъ расписаніи занятій учениковъ.

Новый отдѣлъ положенія о гимназіи обнимаетъ собою штатъ гимназіи и приходскихъ школъ.

Здѣсь указывается способъ поступленія различныхъ доходовъ, завѣдыванія ими, отчетности, возстановленія недоимокъ, расходованія, а равно и то, на чьей отвѣтственности лежала правильность расходовъ: отвѣтственными лицами были только директоръ гимназіи въ губерніи и начальникъ уѣздныхъ школъ въ уѣздѣ. Далѣе слѣдуетъ распредѣленіе уроковъ въ первыхъ четырехъ классахъ и потомъ въ дальнѣйшіе шесть лѣтъ, и подробный штатъ расходовъ гимназіи со всѣми состоящими при ней учрежденіями.

Положеніе объ устройствѣ конвикта для готовящихся быть приходскими учителями *прежде всего* останавливается на условіяхъ принятія кандидатовъ въ конвиктъ.

Каждый уѣздъ въ губерніи имѣлъ право выслать въ гимназію съ означенною цѣлію трехъ кандидатовъ, но не одновременно, а по одному черезъ каждые два года, такъ что полное число кандидатовъ въ конвиктѣ предполагалось только съ 5-го года. Если бы кто изъ поступившихъ въ конвиктъ выбылъ оттуда по какимъ нибудь обстоятельствамъ, его слѣдовало замѣстить новымъ кандидатомъ изъ соотвѣтствующаго уѣзда.

Въ конвиктъ посылались способнѣйшіе ученики изъ уѣзда, не моложе девяти и не старше двѣнадцати лѣтъ. Они представляли свидѣтельство врача о привитіи оспы и о здоровомъ тѣлосложеніи; завѣдующій уѣзднымъ училищемъ, уѣздный предводитель дворянства и мѣстный настоятель свидѣтельствовали о способностяхъ кандидата, его успѣхахъ, поведеніи; если онъ былъ изъ крѣпостныхъ, оказывали возможное содѣйствіе къ увольненію его помѣщикомъ для поступленія въ заведеніе. Всѣ эти свидѣтельства представлялись въ гимназію; послѣ ихъ провѣрки и пріемныхъ испытаній, кандидатъ поступалъ, наконецъ, въ конвиктъ и зачислялся ученикомъ гимназіи.

Живущіе въ конвиктѣ и готовящіеся въ приходскіе учители должны были слушать въ низшихъ четырехъ классахъ слѣдующія науки: русскій языкъ, польскій съ латинскимъ, огородничество и практическое земледѣліе, музыку, нравственное ученіе, всеобщую географію и ариѳметику. Въ старшихъ классахъ конвикторы изучали новыя науки: элементарную математику, строительное искусство и практическую механику, ветеринарію, естественную исторію, химію и право. Желающіе, кромѣ названныхъ основныхъ, обязательныхъ предметовъ, могли изучать, если то позволяли ихъ способности, и другіе, высшіе гимназическіе и дополнительные курсы.

Въ свободное время, особенно во время праздниковъ и вакацій, конвикторы должны были упражняться въ обученіи другихъ чтенію и письму, въ занятіяхъ огородничествомъ и земледѣліемъ, а также музыкою (по крайности три раза въ недѣлю). Музыка изучалась инструментальная и вокальная; еженедѣльно устроялись вокально-инструментальные вечера.

Во время вакацій конвикторы занимались, между прочимъ, изготовленіемъ моделей лучшихъ и полезнѣйшихъ машинъ. Болѣе другихъ успѣвающій въ этомъ дѣлѣ получалъ денежную награду.

Полный курсъ для конвикторовъ опредѣлялся въ восемь лѣтъ.

Конвикторъ, долженъ былъ дать директору гимназіи обязательство, что, по окончаніи наукъ, онъ, въ теченіе десяти лѣтъ, будетъ приходскимъ учителемъ въ той мѣстности, куда назначитъ его учебное вѣдомство. По окончаніи полнаго курса при удовлетворительности выдержанія испытанія, кандидатъ удостоивался искомаго званія и получалъ дипломъ, за подписью директора гимназіи и печатью заведенія.

Приходскій учитель, будь онъ изъ крестьянскаго или мѣщанскаго сословія, послѣ десяти лѣтъ успѣшнаго исполненія учительскихъ обязанностей, становился личнымъ дворяниномъ; новые десять лѣтъ такой же службы давали ему право на потомственное дворянство. Этою льготою Чацкій и Коллонтай надѣялись привлечь многихъ къ трудному и сопряженному со многими непріятностями учительскому служенію.

Положеніе объ упорядоченіи занятій практическою механикою, огородничествомъ, земледѣліемъ, хирургіею, ветеринаріей и акушерствомъ имѣетъ въ виду только тѣхъ учащихся, которые для означенной цѣли были присланы въ гимназію городами или мѣстечками; вольнослушатели могли пользоваться совѣтами учащихъ, но особенному наблюденію съ ихъ стороны не подвергались.

Желающіе поступить на названные курсы должны были имѣть свидѣтельство объ окончаніи низшихъ четырехъ классовъ гимназіи (они равнялись курсу уѣздныхъ училищъ), или уѣзднаго училища, и быть здороваго тѣлосложенія.

Присланные отъ городскихъ или сельскихъ обществъ получали отъ нихъ полное содержаніе.

Кандидаты въ хирурги, акушеры и ветеринары должны были прослушать курсъ математики, физики, естественной

исторіи и химіи, анатоміи, физіологіи, акушерства, хирургіи и ветеринаріи. Во все время обученія каждый изъ учащихся долженъ былъ заниматься практикою въ соотвѣтственномъ госпиталѣ.

По окончаніи курса, каждый получалъ свидѣтельство, представлялъ его директору гимназіи и, послѣ особеннаго испытанія въ специальной экзаминаціонной комиссіи, получалъ дипломъ на званіе хирурга, акушера или коновала и право на практику въ своей губерніи. Право на практику въ другой губерніи или во всей Россійской Имперіи пріобрѣталось тѣмъ путемъ, какой указанъ выше для практическихъ землемѣровъ.

Женщины, желающія быть акушерками, принимались въ заведеніе ежегодно съ апрѣля мѣсяца и занимались изученіемъ соотвѣтствующихъ курсовъ до конца учебнаго года. Въ слѣдующемъ году, снова являлись въ то же время на повторительный курсъ и потомъ оставались на полгода для практики при госпиталѣ. По окончаніи занятій, подвергались экзамену въ присутствіи учителя хирургіи. Послѣ удовлетворительно выдержаннаго испытанія, удостоивались диплома на званіе акушерки и получали право на занятіе практикою на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ практиковали хирурги-акушеры, коновалы и землемѣры.

Готовящіеся быть учеными огородниками четыре года практиковались въ огородѣ при гимназіи и, по выдержаніи установленнаго испытанія, получали дипломъ на искомое званіе, за подписью директора гимназіи и печатью заведенія.

Для практическихъ занятій огородничествомъ и земледѣліемъ при гимназіи устроялся опытный ботаническій огородъ, и заводилось опытное поле. Устройствомъ того и другого завѣдывалъ учитель огородничества и земледѣлія при гимназіи. Онъ считался инспекторомъ огородовъ при учебныхъ заведеніяхъ во всей губерніи и самъ подчинялся учителю ботаники при гимназіи. Послѣдній заботился о богатствѣ насажденій, ихъ уходѣ, размноженіи.

Такіе же огороды и поля устроялись при всѣхъ уѣздныхъ и приходскихъ школахъ, съ цѣлію на мѣстѣ содѣй-

ствовать развитію огородничества, земледѣлія и отчасти садоводства. Наблюденію инспектора огородничества подчинялись въ губерніи всѣ огороды при монастыряхъ, въ видахъ практическаго развитія ботаники и огородничества. Предписанія для ихъ устройства исходили отъ учителя ботаники, который ревизовалъ ихъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ; инспекторъ огородничества и земледѣлія осматривалъ ихъ два раза въ годъ.

При огородѣ Волынской гимназіи находился складъ различныхъ сѣмянъ и саженцы, которыми по мѣрѣ нуждъ и потребностей снабжались всѣ огороды губерніи. Наблюденія и опыты по огородничеству и земледѣлію въ Волынской гимназіи сообщались для провѣрки всѣмъ другимъ школамъ губерніи, и о результатахъ общей практики дѣлалось представленіе въ Виленскій университетъ для руководства въ заведеніяхъ другихъ губерній округа.

Образцовый ботаническій огородъ для трехъ юго-западныхъ губерній проектировался въ городѣ Винницѣ, Подольской губерніи. Въ немъ предполагалось собрать возможное по климату все богатство растительнаго царства. Директоръ Винницкаго центральнаго огорода имѣлъ наблюденіе за практическимъ огородничествомъ и земледѣліемъ учебныхъ заведеній трехъ юго-западныхъ губерній; отъ него получали распоряженія, и ему подчинялись всѣ учители ботаники, учители огородничества и земледѣлія въ гимназіяхъ названнаго района.

Проектъ положенія о женской учительской семинаріи обнимаетъ собою обязанности начальствующихъ въ семинаріи, учащихъ и учащихся, ихъ права и внутреннее устройство заведенія.

Средоточіемъ власти въ семинаріи была начальница. Такъ какъ семинарія находилась по проекту подъ Высочайшимъ Ея Величества покровительствомъ, то начальница назначалась Высочайшею властію. У нея была помощница, которую избирала сама начальница и представляла на утвержденіе Ея Величества. Для наблюденія за порядкомъ въ заведеніи назначалось восемь гувернантокъ, а для преподаванія наукъ и искусствъ были учителя и учительницы.

Семинарія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинялась директору гимназіи и визитатору, и на общемъ основаніи—

Виленскому университету и попечителю округа. Въ случаѣ споровъ начальницы съ университетомъ, дѣло представлялось на Высочайшее усмотрѣніе.

Начальница ежегодно представляла Государынѣ Императрицѣ отчетъ о состояніи заведенія во всѣхъ отношеніяхъ.

Она избирала учителей наукъ; гувернантокъ же, учителей искусствъ и другихъ лицъ избирала и собственною властію утверждала въ должностяхъ.

Педагогическій совѣтъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ начальницы, изъ директора гимназіи, его помощника, двоихъ учителей гимназіи (одного по выбору отъ заведенія, другого— по назначенію отъ Виленскаго университета) и помощницы начальницы. Дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ.

Начальница обязывалась имѣть высшее постоянное наблюденіе за семинаріей и принимать всѣ мѣры къ ея благоустройству, почему и помѣщеніе представлялось ей въ самомъ заведеніи.

Суду начальницы подлежали ея помощница, гувернантки и другія лица, которыхъ она могла смѣнять и даже лишать должности; о своей помощницѣ дѣлала представленіе Ея Величеству.

Отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ начальница давала только Ея Величеству, и только Государыня Императрица могла уволить ее отъ должности.

Начальница отвѣчала только за тѣ распоряженія по заведенію, которыя дѣлала собственною властію; но въ тѣхъ случаяхъ, когда она являлась исполнительницею постановленій совѣта, отвѣтчиками были сдѣлавшіе то или другое постановленіе. Никакого содержанія по службѣ она не получала, такъ какъ избиралась изъ состоятельнѣйшихъ и болѣе почетныхъ фамилій въ губерніи. Ей принадлежало право подвергать экзамену кандидатокъ въ гувернантки и выдавать имъ дипломы.

Помощница начальницы была фактическою полною хозяйкой цѣлаго заведенія и обо всемъ представляла доклады

начальницѣ. Отъ директора гимназіи она принимала деньги на содержаніе заведенія и выдавала квитанціи.

Вмѣстѣ съ гувернантками и казеннокоштными дѣвицами, она обязывалась имѣть съ ними одновременно общій обѣденный столъ. Разъ въ недѣлю она устрояла для дѣвицъ двухчасовые семейные вечера.

Ежедневно составляла расписанія для внѣклассныхъ занятій дѣвицъ и распредѣляла занятія гувернантокъ (присутствіе, напр., той или другой при приготовленіи уроковъ, при обученіи музыкѣ, на урокахъ въ классахъ, при кухнѣ, прачешной, буфетѣ и т. под.), назначала тотъ или другой языкъ разговорнымъ. Расписаніе съ вечера выставлялось въ столовой комнатѣ для общаго свѣдѣнія и исполненія.

Поставлялось въ особенную обязанность помощницы давать собою хорошій примѣръ учащимъ и учащимся, внимательно слѣдить за ихъ нравственностію, вникать во взаимныя отношенія, мирить спорящихъ, а виновныхъ дѣвицъ неминуемо подвергать заслуженному наказанію: никакія рѣшительно ходатайства въ послѣднемъ случаѣ не должны были имѣть мѣста. Практиковались, между прочимъ, стояніе на колѣняхъ, постъ, карцеръ, розги.

Содержаніе помощницѣ назначалось въ 750 руб., при готовой квартирѣ, столѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ. За извѣстное количество лѣтъ службы проектировалась ей пенсія. (Въ проектѣ не указаны ни количество лѣтъ службы, ни пенсіи).

Гувернантки наблюдали въ заведеніи за казеннокоштными кандидатками. Передъ начальницей и ея помощницей онѣ отвѣчали за нравственность дѣвицъ, ихъ здоровье, успѣшность въ наукахъ, за сохраненіе ими чистоты, порядка. По расписанію, гувернантки присутствовали при туалетѣ дѣвицъ (младшихъ — низшихъ 4-хъ классовъ), наблюдали за его приличіемъ, присутствовали на утренней и вечерней молитвѣ, за обѣдней (ежедневно), въ столовой, въ классахъ, во время приготовленія уроковъ, занятія музыкою и другими работами. Наблюдали, чтобы дѣвицы въ разговорахъ употребляли назначенный въ расписаніи языкъ, репетировали заданные уроки, прочиты-

вали съ дѣвицами подходящія сочиненія. Вообще гувернанткамъ вмѣнялось въ обязанность заниматься самовоспитаніемъ и самообученіемъ, чтобы онѣ въ каждомъ данномъ случаѣ съ успѣхомъ и обстоятельно могли помогать ученицамъ и на всѣ ихъ вопросы давать вѣрные, удовлетворительные отвѣты.

Въ семинарію на казенное содержаніе поступали дѣвицы только дѣйствительно несостоятельныя или же круглыя сироты; ихъ возрастъ опредѣлялся въ 8—10 лѣтъ.

Каждый уѣздъ Волынской губерніи могъ представить четырехъ кандидатокъ для поступленія въ семинарію. Списокъ кандидатокъ представлялся начальницѣ. При этомъ требовалось, чтобы о каждой кандидаткѣ было свидѣтельство отъ мѣстнаго настоятеля и уѣзднаго предводителя дворянства, что она дѣйствительно несостоятельна или сирота, христіанской религіи и умѣетъ читать и писать по-польски, и удостовѣреніе отъ врача о здоровомъ тѣлосложеніи и привитіи оспы.

Изъ числа представленныхъ кандидатокъ въ совѣтѣ семинаріи выбирались на казенное содержаніе болѣе способныя и отвѣчающія будущему призванію гувернантки.

Кромѣ пятидесяти казеннокоштныхъ воспитанницъ, можно было принять въ заведеніе еще десять пансіонерокъ своекоштными.

Для семинаріи предназначался цѣлый монастырь базиліанъ, со всѣми строеніями, плацами, огородами. Онъ соединялся съ лежащимъ по сосѣдству іезуитскимъ костеломъ, который предполагалось обратить исключительно на духовныя требоисправленія для учащихся, какъ въ гимназіи, такъ и въ семинаріи и другихъ учрежденіяхъ. (Всѣ эти учрежденія, какъ сказано было, считались состоящими при гимназіи). Базиліанскій монастырь предполагалось вполнѣ приспособить для новаго назначенія: проектировались различные залы, спальныя комнаты, помѣщенія для всѣхъ служащихъ (женскаго персонала) и учащихся, классныя комнаты, библіотеки, больница, моленная (для утреннихъ и вечернихъ молитвъ) и множество другихъ разнообразныхъ помѣщеній. Домъ семинаріи постоянно былъ запертъ, и входъ и выходъ изъ него разрѣшался только помощницею начальницы.

Курсъ обученія въ семинаріи былъ разсчитанъ на шесть лѣтъ. Въ низшихъ четырехъ классахъ ученицы изучали языки: польскій, итальянскій, французскій и нѣмецкій (русскій—исключался изъ преподаванія), ариѳметику, географію, исторію и нравственное ученіе. Кромѣ того, въ первые два года ученицы обучались пряденію на самопрялкахъ различнаго рода пряжи, а въ слѣдующіе два года шитью (отъ обыкновеннаго до самаго тонкаго) и различнымъ работамъ на проволокѣ и станкахъ. Музыку и пѣніе изучали въ теченіе всего курса.

По окончаніи низшихъ четырехъ классовъ впродолженіе дальнѣйшихъ двухъ лѣтъ слушали въ первомъ году—физику и логику, во второмъ—химію, ботанику, право и практическое огородничество. Учитель послѣдняго знакомилъ ученицъ (на практикѣ) съ уходомъ за разнаго рода огородными овощами, за насажденіями преимущественно такихъ растеній и деревъ, которыя даютъ разнообразное волокно для домашнихъ поддѣлокъ; пріучалъ ихъ къ прививкѣ и окулировкѣ плодовыхъ деревьевъ, къ разведенію тутовыхъ деревьевъ и къ уходу за выкормкою шелковичнаго червя. У каждой старшей ученицы былъ свой небольшой участокъ въ огородѣ, который она сама досматривала, дѣлала на немъ посадки и заботилась о размноженіи цвѣтовъ. Кромѣ того, ученицы этихъ курсовъ занимались шитьемъ гладью и рисованіемъ.

Для практики въ обученіи, каждой старшей ученицѣ поручалось нѣсколько дѣвочекъ младшихъ курсовъ, съ которыми она репетировала заданное.

Во время занятія ученицъ рукодѣльемъ, назначенная по расписанію гувернантка читала сочиненія, которыя по содержанію отвѣчали возрасту и развитію ученицъ.

Для усиленія религіознаго воспитанія, ученицы кромѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ и посѣщенія ежедневно богослуженія, ежемѣсячно должны были исповѣдываться и въ моленной выполнять всѣ назначенныя имъ эпитиміи; въ каждый праздникъ и воскресный день двѣ очередныя ученицы собирали въ костелѣ подаянія для бѣдныхъ и собранное передавали помощницѣ начальницы; постомъ читали книги религіознаго содержанія и особенно должны были поддерживать взаимный миръ, выказывать любовь къ ближнему и услужливость.

Для физическаго развитія учениць предписывалось возможно частое движеніе, бѣганье и (для удовольствія) игра на инструментахъ.

По окончаніи полнаго курса наукъ, кандидатки въ гувернантки подвергались, по назначенію начальницы, особому испытанію въ спеціальной комиссіи и, по удовлетворительномъ выдержаніи таковаго, удостоивались диплома на званіе гувернантки. Вновь удостоенныя получали мѣста въ домахъ помѣщиковъ своего уѣзда, а если мѣстъ въ данномъ уѣздѣ не оказывалось, то онѣ могли служить и въ другихъ уѣздахъ своей губерніи. Во всякомъ случаѣ, первоначально онѣ должны были прослужить пять лѣтъ въ помѣщичьемъ домѣ и при томъ за плату, опредѣляемую заведеніемъ. Въ дальнѣйшей службѣ, онѣ могли заключать условія по собственной волѣ.

Кромѣ кандидатокъ въ гувернантки, въ семинарію, съ разрѣшенія начальницы, могли поступать пансіонерки (въ составѣ тридцати), не ищущія этого званія. Онѣ подчинялись общему положенію для учениць семинаріи, имѣли съ ними общій столъ, общія занятія и за все вносили опредѣленную плату. Если какая нибудь пансіонерка пожелала бы изучать предметы, не входящіе въ курсъ семинаріи, то это ей разрѣшалось за особую плату въ пользу учителя предмета или искусства.

Положеніе (проектъ) объ уѣздныхъ училищахъ намѣчаетъ составъ служащихъ при заведеніи и проходимыя науки.

При каждомъ училищѣ состоялъ проректоръ (смотритель училища), шесть учителей и капелланъ, исполнявшій вмѣстѣ обязанности проповѣдника. Всѣ они руководствовались соотвѣтственными статьями положенія о гимназіи; смотритель, кромѣ того, завѣдывалъ приходскими училищами въ уѣздѣ.

Уѣздное училище состояло изъ четырехъ низшихъ классовъ (какъ при гимназіи) и двухъ высшихъ. Въ низшихъ классахъ изучали языки: русскій, польскій съ латинскимъ, французскій, нѣмецкій, нравственное ученіе, ариѳметику и географію. На высшихъ курсахъ читались: математика, физика, логика, право и литература. Распорядокъ учебнаго дѣла сохранялся тотъ, который предписанъ былъ для гимназій.

Въ проектѣ Высочайшаго указа объ открытіи приходскихъ училищъ, изъявляется удовольствіе и благоволеніе Государя Императора волынскимъ обывателямъ за ихъ пожертвованія въ пользу названныхъ училищъ, и предписывается подлежащимъ властямъ о такихъ пожертвованіяхъ занести въ актовыя книги съ выдачею, кому слѣдуетъ, необходимыхъ копій, безъ платежа какихъ бы то ни было пошлинъ.

Такъ какъ открытіе приходскихъ училищъ въ одной Волынской губерніи далеко еще не отвѣчаетъ желаніямъ Государя Императора о повсемѣстномъ распространеніи народнаго образованія, то Его Величество вполнѣ увѣренъ, что обыватели и другихъ губерній, соревнуя въ прекрасномъ дѣлѣ съ Волынянами, послѣдуютъ ихъ примѣру и принесутъ необходимыя на дѣло пожертвованія. Высочайшимъ указомъ разрѣшалось помѣщикамъ открывать приходскія училища по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ, или же собирать на нихъ фундуши *).

Приходскія училища учреждались въ селахъ и городахъ; первыя назывались сельскими и имѣли одинъ классъ, вторыя—городскими и были въ составѣ двухъ классовъ.

Училища учреждались отдѣльно для мальчиковъ и отдѣльно для дѣвочекъ.

Монастыри обязывались содержать у себя двухклассную приходскую школу. При существованіи въ одномъ пунктѣ нѣсколькихъ монастырей различныхъ орденовъ, всѣ они должны были содержать училища, если того требовала многочисленность населенія. Если же можно было довольствоваться одною школою, то вопросъ объ открытіи таковой и содержаніи ея тѣмъ или другимъ монастыремъ рѣшался мѣстнымъ епископомъ. Орденъ нищенствующихъ освобождался отъ содержанія училищъ. Въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ необходимо было содержать по два училища, и если тамъ были монастыри, то на нихъ падала вся тяжесть содержанія учи-

---

*) Подъ приходскими училищами слѣдуетъ понимать по тому времени всѣ низшія учебныя заведенія въ городахъ (кромѣ уѣздныхъ училищъ), селахъ, деревняхъ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ, при церквахъ, костелахъ и монастыряхъ.

лищъ; при отсутствіи монастырей, объ училищахъ должны были заботиться мѣстный помѣщикъ и настоятель костела.

Города, въ которыхъ были уѣздныя училища или гимназіи, обязывались непремѣнно открывать у себя и приходскія школы.

Для открытія училища требовалось выстроить приличный домъ по плану, съ помѣщеніемъ для учителя и для одного или двухъ классовъ (въ послѣднемъ случаѣ требовалось особое помѣщеніе для двоихъ учителей), построить хлѣвы, конюшню, амбаръ, сараи и другія хозяйственныя службы. Гдѣ предполагалось и женское училище, тамъ отдѣльно ставился домъ съ помѣщеніемъ для учительницы. При двухклассномъ составѣ училища для мальчиковъ и отдѣльнаго училища для дѣвочекъ. старшій учитель завѣдывалъ мужскою и женскою школою, велъ все хозяйство и второму учителю и учительницѣ выдавалъ натурою опредѣленную мѣру ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречи, проса, гороху, сѣна и соломы. При училищѣ для веденія хозяйства полагалось четыре морга огороду (около трехъ десятинъ), четыре морга сѣнокосу и шестьдесятъ морговъ пахатной земли. При одноклассномъ составѣ училища эта пропорція уменьшалась. Училищныя поля съ домами и хозяйственными строеніями становились собственностію эдукаціоннаго фундуша и освобождались отъ всякихъ налоговъ и государственныхъ повинностей. На первый разъ основатель двухклассной школы съ женскимъ училищемъ снабжалъ ихъ всею необходимою домашнею и учебною мебелью, всѣми хлѣбными и огородными сѣменами, дѣлалъ заборы, плетни, давалъ всѣ хозяйственныя орудія и принадлежности, пару лошадей, двѣ пары воловъ и по двѣ коровы для каждаго учителя и учительницы; количество мелкаго скота и домашней птицы для училища поставлялось въ зависимость отъ доброй воли фундатора. Въ одноклассныхъ училищахъ и безъ женской школы весь фундушъ пропорціонально сокращался. Кромѣ земельныхъ угодій, учителя и учительницы получали опредѣленное жалованье—отъ 75 руб. въ годъ для старшаго учителя въ городѣ до 37 руб. 50 коп. для учительницы въ деревнѣ. Для скота у нихъ были пастбища и выгоны, общіе съ крестьянами.

Всему училищному имуществу составлялся подробный инвентарь за подписью фундатора и предводителя дворянства

и хранился при дѣлахъ уѣзднаго училища; копія съ него выдавалась завѣдующему школою.

Кромѣ доходовъ отъ земельныхъ угодій, содержаніе для школы составлялось изъ взносовъ при перемѣнѣ владѣльца имѣнія, въ которомъ находилась школа, изъ взносовъ отъ каждаго вновь опредѣляемаго въ приходъ настоятеля, если приходъ давалъ ежегоднаго дохода болѣе 105 рублей, отъ монастырей черезъ каждые десять лѣтъ, отъ каждаго опредѣляемаго въ школу ученика и отъ добровольныхъ пожертвованій. Училищной кассой завѣдывали: мѣстный учитель, настоятель и свѣтская власть. Деньги расходовались съ разрѣшенія смотрителя уѣзднаго училища и предводителя дворянства. Имъ представлялся и отчетъ въ расходахъ.

По истеченіи восьми лѣтъ отъ основанія конвикта для кандидатовъ въ приходскіе учители, фундаторы училищъ могли рекомендовать въ послѣднія учителей только изъ окончившихъ курсъ въ названномъ конвиктѣ и удостоенныхъ званія учителя.

Такой учитель въ школѣ подлежалъ исключительно суду учебной власти и только ею могъ быть устраненъ отъ должности за проступки. Мы видѣли уже, какія права проектировались для приходскихъ учителей за прослуженіе 10-лѣтняго и 19-лѣтняго срока (право личнаго и потомственнаго дворянства); за похвальное прохожденіе должности въ теченіе 25 лѣтъ, учителю назначалась пенсія (какая—въ проектѣ не указано). За успѣшное занятіе садоводствомъ, огородничествомъ, земледѣліемъ, лѣченіемъ скота и пріученіе къ тѣмъ же занятіямъ учениковъ, учителя ежегодно получали награды денежные или какими нибудь предметами.

Въ положеніи о приходскихъ училищахъ подробно разъясняются обязанности и взаимныя отношенія служащихъ въ двухклассныхъ мужскихъ училищахъ съ женскою при этомъ школою, въ такой же школѣ и одноклассномъ мужскомъ училищѣ и одномъ только училищѣ для мальчиковъ, указывается способъ и порядокъ открытія этихъ училищъ, отношенія къ нимъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, духовенства, учебнаго вѣдомства и родителей. Обученіе было обязательное.

Родители, не отдававшіе дѣтей школьнаго возраста (съ 6-ти лѣтъ) въ училище, подвергались на первый разъ штрафу, и ребенокъ доставлялся въ школу полицейскою властію. За ослушаніе во второй разъ, штрафъ съ виновныхъ удваивался и т. д. Родители не имѣли права отвлекать дѣтей отъ ученія до полнаго окончанія ими учебнаго курса. Ученики были приходящими, и объ отсутствующихъ родители своевременно доставляли учителю свѣдѣнія.

Въ двухклассныхъ училищахъ проходились: въ первомъ классѣ при двухгодичномъ курсѣ: начатки нравственнаго ученія и ариѳметика; римско-католики изучали еще катихизисъ и пріучались служить ксендзу за обѣдней; дѣти всѣхъ другихъ исповѣданій (въ томъ числѣ и господствующаго православнаго) въ религіозномъ обученіи предоставлялись заботѣ родителей. Учебнымъ руководствомъ для этого класса назначался букварь, рекомендованный съ этою цѣлію еще въ 1785 году бывшею эдукаціонною комиссіею. Во второмъ классѣ (тоже два года) продолжали упражняться въ скорописи и въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ; изучали потомъ практическую механику, огородничество и земледѣліе. Для этого класса проектировался къ изданію особый учебникъ. Обращалось особенное вниманіе, чтобы ученики въ свободные часы, преимущественно въ городахъ и при костелахъ, занимались музыкою и пѣніемъ. Распредѣленіе занятій было неодинаково для школъ въ городахъ и селахъ. Въ первыхъ ученіе начиналось 17 сентября и оканчивалось 17 іюля; въ послѣднихъ начиналось тоже 17 сентября, но оканчивалось 17 апрѣля въ виду того, что дѣти въ деревняхъ часто нужны были родителямъ съ ранней весны для пособія въ хозяйственныхъ работахъ. Запрещалось учителямъ употреблять учениковъ на работы лично для себя.

Ученики должны были имѣть предписанныя учебныя книги и пособія. Учитель наблюдалъ за чистотою у нихъ лица, рукъ, платья, обуви; во всемъ требовалось приличіе и порядокъ. Послѣ завтрака дома, ученики въ семь часовъ утра собирались въ школу. Послѣ краткихъ утреннихъ молитвъ, римско-католики отправлялись съ учителемъ въ костелъ къ обѣднѣ. Если въ данномъ пунктѣ была женская школа, то въ костелъ шли и дѣвочки и за обѣдней, по очередно, пѣли по-

ложенные гимны. Гдѣ не было костела, тамъ ученіе начиналось въ половинѣ восьмого утромъ, послѣ краткихъ классныхъ молитвъ. Первые получаса назначались на выслушиваніе назначенными лучшими учениками уроковъ у извѣстной группы своихъ товарищей. Съ восьми часовъ до одиннадцати съ учениками занимался учитель, съ промежуткомъ для отдыха въ четверть часа. Съ одиннадцати до часу ученики по домамъ родителей обѣдами, отдыхали, готовили уроки. Въ часъ снова приходили въ училище и до двухъ часовъ занимались музыкою; потомъ до половины третьяго репетировали уроки съ лучшими по знаніямъ товарищами. Наконецъ, до четырехъ часовъ занимались съ учителемъ и, послѣ молитвы въ классѣ, расходились по домамъ. По вторникамъ и четвергамъ были только дообѣденныя занятія. Послѣ обѣда въ эти дни, а также по воскресеньямъ и праздникамъ учитель вмѣстѣ съ учениками проводили по два часа въ играхъ, забавахъ и различныхъ физическихъ упражненіяхъ.

Въ воскресные и праздничные дни римско-католики собирались къ восьми часамъ утра въ школу и, послѣ утреннихъ молитвъ и назидательнаго религіозно-нравственнаго чтенія, шли въ костелъ къ богослуженію. Гдѣ не было костела, тамъ ученики изъ училища расходились по домамъ.

Училища для дѣвочекъ проектировались только одноклассныя съ одною учительницею. Ихъ обучали письму, чтенію, нравственности, счету и катехизису. Кромѣ того, дѣвочекъ пріучали пользоваться самопрялками, прясть нитки изъ льна, конопли и волны, работать на спицахъ (чулочныя издѣлія), сообщали имъ свѣдѣнія объ уходѣ за огородами и мелкимъ хозяйствомъ, учили стирать бѣлье, готовить кушанья и молочные продукты.

Дозволялось имѣть въ одномъ и томъ же домѣ классы для мальчиковъ и дѣвочекъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если жена учителя будетъ учительницею въ женской школѣ.

Распорядокъ и ходъ учебныхъ занятій въ мужскихъ школахъ оставался обязательнымъ и для женскихъ въ соотвѣтственныхъ, конечно, статьяхъ.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ должна была существовать двухклассная женская школа, въ которой во второмъ классѣ готовились бы кандидатки въ приходскія учительницы; въ первый классъ на общемъ основаніи поступали дѣвочки мѣстныхъ жителей—мѣщанъ. Учительницею во второмъ классѣ предназначалась кончившая курсъ въ женской учительской семинаріи и удостоенная званія гувернантки; она и занималась подготовленіемъ кандидатокъ въ приходскія учительницы. Начальница семинаріи имѣла надзоръ за такою женскою школою, указывала порядокъ и распредѣленіе занятій и для ревизіи посылала довѣренныхъ лицъ. Если въ уѣздную женскую школу поступали изъ селъ и деревень, то поступающія должны были вносить извѣстную сумму на свое содержаніе въ заведеніи. Количество такой платы зависѣло отъ усмотрѣнія начальницы женской учительской семинаріи. Принятыя въ школу дѣвочки жили на общей квартирѣ вмѣстѣ съ своею учительницею, которая отвѣчала передъ начальницею семинаріи за ихъ успѣхи и поведеніе. Два раза въ годъ она представляла начальницѣ отчетъ по заведенію и сама получала подобные отчеты отъ учительницъ женскихъ школъ въ уѣздѣ. За свои труды она получала семьдесять пять рублей въ годъ жалованья и натурою—хлѣбъ, овощи и другіе хозяйственные продукты.

Окончившія курсъ ученицы подвергались установленному экзамену и удостоивались диплома на званіе приходскихъ учительницъ, за подписью старшей учительницы женской уѣздной школы и смотрителя уѣзднаго училища.

Положеніе о приходскихъ училищахъ оканчивается расписаніемъ недѣльныхъ уроковъ въ училищахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Изъ представленнаго проекта устройства учебнаго дѣла въ Волынской губерніи, которое предполагалось ввести со временемъ и въ другихъ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, мы легко можемъ видѣть, какія прочныя основанія намѣревался положить Чацкій (подъ руководствомъ Коллонтая) для полонизаціи западно-русскаго края. По проекту, Чацкому предоставлялось право замѣстить на первый разъ всѣ учебныя должности въ районѣ его визитаторства. Кандидаты на эти должности рекомендовались Коллонтаемъ, Спя-

децкимъ и другими лицами, которые не только игнорировали русскую православную народность въ югозападномъ краѣ (проектъ о религіозномъ воспитаніи въ школахъ и постановкѣ русскаго языка), но старались и другихъ заставить совершенно забыть о ней. Учителя—поляки, не знавшіе русскаго языка, чуждые русской народности, выходцы изъ Кракова или его питомцы, вполнѣ отвѣчали этой цѣли, были лучшими орудіями для осуществленія ея на дѣлѣ. Русскій языкъ по проекту ставился въ училищахъ далеко на второстепенномъ планѣ: его учитель сравнивался съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія. Да и то вводился онъ только въ мужскихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; въ приходскихъ школахъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ совершенно не имѣлъ мѣста и былъ выброшенъ въ послѣднихъ за бортъ; въ этомъ отношеніи дѣло поставлено было такъ искусно, что учащіяся дѣвочки никогда не могли даже и слышать русскаго языка.

Начальница семинаріи, она же главная распорядительница всего учебнаго дѣла въ женскихъ школахъ губерніи, была знатная, богатая полька съ громаднымъ вліяніемъ по своему высокому служебному положенію (назначалась Государыней Императрицей и только отъ нея получала распоряженія) и по мѣстнымъ связямъ. Все въ заведеніи зависѣло отъ ея воли, и служащіе пропитаны были ея духомъ, какъ ея ставленники и ставленницы. Русскій языкъ въ семинаріи не изучался. Выходившія оттуда гувернантки его не знали. Такая гувернантка являлась потомъ учительницею (по проекту это было обязательно) втораго класса женскаго уѣзднаго училища, готовила исключительно учительницъ для приходскихъ женскихъ школъ и удостоивала ихъ права на это званіе. И здѣсь въ уѣздной женской школѣ не изучался русскій языкъ, и выходящія приходскія учительницы его не знали, и во всѣхъ приходскихъ школахъ, какъ мы сказали, о немъ нигдѣ не было рѣчи. „Русскаго языка я не помѣстилъ потому въ числѣ предметовъ обученія въ приходскихъ школахъ, писалъ Колонтай къ Чацкому, что народъ въ немъ не нуждается для какихъ нибудь ученыхъ цѣлей; для обыкновеннаго же простого употребленія онъ владѣетъ имъ настолько, что можетъ разговориться съ природнымъ русскимъ. Если бы мы захотѣли давать

на русскомъ языкѣ книги для учителей и простого народа, то ни народъ, ни учителя насъ не поняли бы; самыя книги остались бы не понятыми. А вѣдь дѣло касается возможно скорѣйшаго распространенія просвѣщенія и быстраго исправленія ошибочнаго направленія въ земледѣліи: зачѣмъ же поступать такъ, чтобы ни народъ насъ, ни мы народа не понимали? (Listy Kołłątaja. II. 334). Въ другомъ мѣстѣ Коллонтай выражается яснѣе: „Съ измѣненіемъ политическаго горизонта (послѣ присоединенія къ Россіи югозападныхъ русскихъ губерній по второму раздѣлу Польши), въ здѣшнихъ школахъ (Подольской, Волынской и Кіевской губ.) былъ введенъ русскій языкъ, *менѣе всего нужный для просвѣщенія молодежи*, но очевидно самый необходимый въ политическихъ видахъ настоящаго правительства. Было бы крайне неполитично исключить его изъ числа предметовъ школьнаго обученія, такъ какъ это сильно оскорбляло бы русскихъ людей, стоящихъ во главѣ управленія, на обязанности котораго лежитъ забота о просвѣщеніи русскаго народа. Кромѣ того, современное юношество, сообразуясь съ настоящимъ положеніемъ обстоятельствъ, имѣетъ нужду въ изученіи языка, который употребляется во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и который учащемуся юношеству можетъ облегчить дальнѣйшее движеніе въ служебномъ мірѣ. (ibid. 358)

Такимъ образомъ только политика подсказала Коллонтаю удержать для видимости русскій языкъ въ планахъ обученія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ былъ изгнанъ по внушенію той же политики. Во всякомъ случаѣ преподаваніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ проектировалось на польскомъ языкѣ. Учебники для низшихъ школъ были тоже на польскомъ языкѣ.

Полонизаціи учебныхъ заведеній содѣйствовало религіозное воспитаніе. Законъ Божій изучали только римско-католики; другія исповѣданія, въ томъ числѣ и господствующее православное, оставались на попеченіи семьи. Зато римско-католики, особенно учащіяся дѣвочки, ежедневно передъ началомъ уроковъ ходили въ костелъ къ обѣднѣ, ежемѣсячно исповѣдывались, прислуживали въ костелахъ, пѣли религіозные гимны, играли (на органахъ и другихъ инструментахъ), собирали подаянія.

Чтобы по возможности болѣе обезпечить успѣхъ своего проекта, Чацкій, предварительно представленія его въ Вильну, поспѣшилъ ознакомить съ нимъ вліятельнѣйшихъ лицъ своего времени: князя Чарторыйскаго (отца попечителя Виленскаго учебнаго округа). Игнатія и Северина Потоцкаго, попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Игнатій Потоцкій, какъ мы видѣли выше, много работалъ въ эдукаціонной комиссіи (польской), а Северинъ Потоцкій, до назначенія попечителемъ,—въ комиссіи въ Петербургѣ по устройству народнаго просвѣщенія въ Россіи. (Listy Kołłątaja. II. 249, 345).

VI.

Собиранiе фундуша на устройство въ Волынской губернiи проектируемыхъ учебныхъ учрежденiй. Вербовка педагогическаго персонала. Переписка по поводу „Отчета“ и „Проекта“ Чацкаго. Недоразумѣнiя съ Виленскимъ университетомъ.

Проектъ устройства учебной части на Волыни требовалъ для его осуществленiя значительныхъ денежныхъ средствъ. На каждую гимназiю съ уѣзднымъ училищемъ предназначалось по Высочайше утвержденному штату 6650—7650 руб., по проекту для Волыни требовалось до 33000 руб.; разница громадная. Чацкiй предвидѣлъ это и заблаговременно сталъ заботиться о собиранiи надлежащаго эдукацiоннаго фундуша. Современныя обстоятельства въ высшей степени этому благопрiятствовали.

Съ высоты престола было заявлено, что „въ истинную заслугу вмѣнено будетъ всякое вспомоществованiе университету.“ (Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. I. 44). Самъ Государь всячески покровительствовалъ развитiю литературы. „Рѣдко какой нибудь правитель оказывалъ такое поощренiе литературѣ, какъ Императоръ Александръ, говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсiями; писатели, не состоящiе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящiе до свѣдѣнiя Императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положенiи книжной торговли, русскiе писатели не всегда могутъ расчитывать на приличный гонораръ за большiя серьезныя сочиненiя; примѣры, въ родѣ Карамзина принадлежатъ къ исключенiямъ. Въ такихъ случаяхъ Императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ крупныя суммы на печатанiе ихъ трудовъ. Многiе писатели посылаютъ свои рукописи Императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцiю, Онъ велитъ печа-

тать ихъ на счетъ кабинета и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ"... „Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили ордена св. Анны 2-й степени, наприм. Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шубертъ, Ловицъ и мн. друг., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, Императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ".

Шторхъ упоминаетъ затѣмъ о денежныхъ пособіяхъ, которыя назначилъ Императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ. Суммы, употребленныя кабинетомъ на этотъ предметъ, за одинъ 1802-й годъ, простирались до 160000 рублей. Множество русскихъ писателей, представлявшихъ Императору свои сочиненія, награждались перстнями, табакерками и другими драгоцѣнными подарками. Явленія этого рода такъ обыкновенны, что Шторхъ не считаетъ нужнымъ и упоминать о нихъ. (Storch. Russland. I. 134, 135 и дал. Ср. „Общественное движеніе въ Россіи при Императорѣ Александрѣ I". Пыпина. 109, 110).

Щедрое покровительство литературѣ вызвано было желаніемъ дѣйствовать посредствомъ ея на развитіе общественныхъ понятій. Ближайшій кружокъ Императора также бралъ на себя эти работы. „Въ настоящій моментъ мы занимаемся переводомъ многихъ дѣльныхъ сочиненій на русскій языкъ", писалъ Императоръ Лагарту вскорѣ по вступленіи на престолъ. (La Russie.. I. 433). Благодаря такой иниціативѣ, появились изданія сочиненій Бентама, Стюарта, Кондорсета, Верри, потомъ — Адама Смита, Беккарія, Монтескье и Кантова „Метафизика правовъ". Императоръ надѣлялъ университеты и другія ученыя учрежденія богатыми пожертвованіями денегъ, библіотекъ и разныхъ коллекцій. Такіе примѣры благотворно дѣйствовали на общество, оживляли его лучшіе инстинкты и вызывали крупныя пожертвованія въ видахъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ. Богачъ Шереметевъ пожертвовалъ въ 1803 году до двухъ съ половиною милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ. Пожертвованіе Демидова на цѣли просвѣщенія произвело особенное впечатлѣніе. Въ письмѣ къ графу Завадовскому (мартъ 1803 г.), когда онъ сдѣлалъ первое предложеніе

объ этомъ пожертвованіи, онъ именно заявляетъ, что живое стремленіе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенія явилось у него отъ глубокаго удовольствія, съ какимъ онъ читалъ только что вышедшій планъ общаго образованія въ Россіи. („Предварительныя правила народнаго просвѣщенія въ Россіи", утвержденныя 24 января 1803 года). Демидовъ пожертвовалъ до милліона рублей деньгами, имѣніе, представляющее такую же цѣнность, библіотеку и нѣсколько кабинетовъ; все это предназначалось для Московскаго и другихъ университетовъ, о которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ. („Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ I." Пыпина. III. 113. Сборн. постановл. М. Н. П. I. 65—67). Дворянство Харьковской губерніи въ отвѣтъ на воззваніе Каразина пожертвовало четыреста тысячъ на устройство Харьковскаго университета. Въ пользу университетовъ, лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній военныхъ, дворянскихъ школъ дѣлались нерѣдко значительныя пожертвованія такими замѣчательными личностями, какъ Безбородко, Голицынъ, Дашкова и др. Подъ вліяніемъ тѣхъ же великодушныхъ стремленій къ общей пользѣ были сдѣланы и пожертвованія гр. Н. П. Румянцева: важныя и великолѣпно исполненныя изданія по древней русской исторіи и особенно драгоцѣнный музей вмѣстѣ съ домомъ, пожертвованный „на благое просвѣщеніе"—(Пыпина „Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ I." 113). Все это вмѣстѣ составляло въ высшей степени упоительно-обаятельную атмосферу, среди которой приходилось жить и дѣйствовать Чацкому.

При такомъ общественномъ настроеніи, ему очень легко можно было подвинуть къ жертвованіямъ дворянъ юго-западныхъ губерній на дѣло образованія. Нужно принять во вниманіе и то, что Чацкій обладалъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ, который въ данномъ случаѣ воспламенялся еще болѣе мыслію о благѣ потерянной отчизны, ея возстановленіи, воскрешеніи. Чацкій сдѣлалъ еще болѣе для успѣха своего дѣла. Вмѣстѣ съ собою онъ косвенно заставилъ работать для той же цѣли всѣ русскія духовныя и свѣтскія власти края. По его настоянію князь Чарторыйскій 10 іюля 1803 г. писалъ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому: „тайный совѣтникъ Чацкій, увѣдомляя меня о предпріемлемыхъ имъ

мѣрахъ къ благоуспѣшнѣйшему обозрѣнію училищъ Виленскаго округа въ Подольской, Волынской и Кіевской губ., пишетъ объ испрошеніи отъ вашего сіятельства препоручительныхъ писемъ къ г.г. губернаторамъ, дворянскимъ предводителямъ тѣхъ губерній, также къ преосвященнымъ: митрополиту Кіевскому, епископамъ Подольскому и Волынско-Житомирскому. Въ разсужденіи первыхъ г. Чацкій изъясняется, что хотя онъ имѣетъ съ ними нѣкоторое знакомство, но подъ особымъ вліяніемъ высшаго начальства смѣлѣе приступитъ сдѣлать свои предложенія знатнѣйшимъ обывателямъ о усердномъ вспомоществованіи недостаточнымъ или вовсе не снабженнымъ нужнѣйшими учебными пособіями училищамъ, равно и къ доброхотнымъ пожертвованіямъ на уѣздныя и приходскія, гдѣ по обстоятельствамъ представится надобность въ скорѣйшемъ ихъ заведеніи. Надѣясь, что сіи намѣренія г. Чацкаго возымѣютъ желаемый и полезный успѣхъ, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить отнестись къ помянутымъ лицамъ, дабы, въ случаѣ надобности, по отзывамъ и личнымъ его изъясненіямъ, оказывалась ему зависящая отъ нихъ помощь, равно и отъ преосвященныхъ подаваемы были совѣты и внушенія ввѣреннымъ имъ паствамъ о общеполезномъ содѣйствованіи по сему же предмету". Римско-католическому духовенству Чарторыйскій соглашался написать отъ своего имени. (Сборн. матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. II. 217).

Графъ Завадовскій немедленно поспѣшилъ съ желаннымъ отвѣтомъ: „Принимая съ истиннымъ удовольствіемъ, писалъ графъ, опыты ревностнаго вашего попеченія о распространеніи во ввѣренномъ вамъ округѣ полезныхъ наукъ, и относя къ тому препохвальный подвигъ тайнаго совѣтника Чацкаго, прилагаю у сего рекомендательныя письма къ г.г. губернаторамъ и дворянскимъ предводителямъ губерній Волынской, Подольской и Кіевской, къ Кіевскому митрополиту и епископамъ Подольскому и Волынскому съ просьбою объ оказаніи зависящей отъ нихъ помощи".

И отъ губернаторовъ, и отъ предводителей дворянства скоро получились отвѣтныя письма съ изъявленіемъ полной готовности оказать, въ случаѣ надобности, всемѣрное содѣйствіе Чацкому. Волынскій маршалъ Ворцель писалъ гр. Зава-

довскому (2 сентября 1803 г.), что предписаніе графа, „влагая на него пріятный долгъ склоненія Волынской губерніи обывателей къ споспѣшествованію т. с. Чацкаго предположеніямъ о распространеніи въ имперіи наукъ и просвѣщенія молодыхъ людей, которые содѣйствовали бы на пользу отечества, подаетъ ему драгоцѣнный случай изъявить графу истинный залогъ благодарности, каковою всѣ ввѣренной ему губерніи обыватели преисполнены за неограниченное попеченіе о совершенной ихъ пользѣ... (Сборн. матер. II. 218—222).

Заручившись разными рекомендательными письмами, Чацкій смѣло сталъ дѣлать призывы къ пожертвованіямъ на дѣло просвѣщенія. Онъ обращался къ частнымъ лицамъ, созывалъ съѣзды дворянства, духовенства; пожертвованія полились рѣкою; обѣщаній дано и того больше. Луцкое духовенство на съѣздѣ постановило принять участіе въ пожертвованіяхъ на школы и имѣть въ огородахъ питомники изъ тѣхъ фруктовыхъ деревъ, какія будутъ указаны школьными предписаніями; начальствующіе обѣщали вносить восьмую часть изъ своего дохода, при вступленіи въ должность. (Противъ этого, какъ мы видѣли выше, раздавался ропотъ со стороны духовенства). Монастыри обязались содержать приходское училище тамъ, гдѣ не будетъ уѣзднаго. Обѣщали практиковать обучающееся у него юношество въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, содержать въ видахъ школьныхъ фруктовые сады и принять значительное участіе въ денежныхъ пожертвованіяхъ на открытіе и содержаніе приходскихъ училищъ. Каждый городъ Волынской губерніи обязался давать средства на отправленіе и содержаніе четырехъ кандидатовъ для обученія фельдшерству, акушерству, ветеринаріи, огородничеству и механикѣ; всѣ вмѣстѣ города обязывались на первый разъ устроить своими средствами заборы при огородахъ гимназіи, обработать ихъ и въ теченіе двухъ лѣтъ безмездно имѣть надлежащій за ними надзоръ и уходъ. Кромѣ того, Кременецъ, въ случаѣ учрежденія тамъ гимназіи, жертвовалъ 10000 злотыхъ и ежегодно 500 злотыхъ; Ковель ежегодно на уѣздное училище 500 руб., а въ Овручѣ—еврейскій кагалъ обязался дѣлать взносы „на вѣчныя времена“ на устройство и содержаніе огорода. Многіе аптекари обязались пожертвовать для гимназіи необходимые приборы для химическихъ опытовъ и

составлять описанія мѣстной флоры. Въ Бердичевѣ ксендзы-кармелиты изъ своихъ доходовъ обязались отдѣлить 2500 злотыхъ на библіотеку, физическіе инструменты и устройство огорода; учителямъ свѣтскимъ, которые будутъ заниматься у нихъ обученіемъ, гарантировали пенсію и обѣщали давать имъ содержаніе; землю для опытныхъ полей и огорода, въ количествѣ двадцати десятинъ, пожертвовалъ помѣщикъ Стецкій вмѣстѣ съ монастыремъ. Въ Межирѣчьѣ тотъ же Стецкій обязался ежегодно жертвовать 1500 злотыхъ на нужды училища, дать для школы огородъ и поле, а ксендзы-піары изъ доходовъ монастырскихъ ежегодно отдѣлять 400 злотыхъ и вносить еще въ эдукаціонный фундушъ 5% отъ суммы, которую они будутъ брать за обученіе и содержаніе поступающихъ къ нимъ въ конвиктъ и которой не будутъ возвышать въ теченіе десяти лѣтъ; піары обѣщали въ то же время, согласно предписаніямъ визитатора, доставить всѣ выгоды и учителямъ своего училища, и пансіонерамъ. Въ Дубровицѣ ксендзы-Піары обязались ежегодно выплачивать на училище 500 злотыхъ, а мѣстный владѣлецъ Плятеръ пожертвовалъ для школы значительную библіотеку. Въ Овручѣ настоятель монастыря ежегодно обязался вносить 500 злотыхъ и далъ обѣщаніе, что пенсія эмерита Соболевскаго въ 1550 злотыхъ, которую выплачиваетъ ему монастырь, послѣ его смерти, перейдетъ въ собственность школьнаго фундуша; онъ увеличилъ, кромѣ того, пенсію учителей, доставитъ имъ всѣ выгоды въ содержаніи и на счетъ монастыря будетъ содержать шесть бѣдныхъ дворянъ; землю для огорода и полей даетъ городъ Овручъ. Во Владимірѣ послѣдуетъ большое пособіе отъ объединенія фундушей тѣхъ монастырей, церкви которыхъ будутъ обращены въ приходскія: половина суммы, которая будетъ выручена отъ продажи неоконченныхъ каменныхъ зданій женскаго монастыря базиліанокъ, обращается въ пользу эдукаціоннаго фундуша; землю для огорода и полей школьныхъ жертвуетъ визитаторъ. Въ Ковлѣ настоятель Мѣлецкаго монастыря ежегодно жертвуетъ на училище по 2000 злотыхъ; городъ даетъ поле и огородъ и ежегодно 500 руб. деньгами; дворянство принимаетъ на себя постройку всѣхъ необходимыхъ школьныхъ зданій. Въ Любарѣ владѣлецъ даетъ огородъ и поля, ежегодно по 4000 злотыхъ и другія средства для обзаведенія

училища библіотекою, физическими инструментами и приборами; училищныя зданія будутъ каменныя. Докторъ Лернетъ пожертвовалъ 200000 злотыхъ, графъ Илинскій жертвуетъ ежегодно 1000 злотыхъ на гимназію въ Кременцѣ, учреждаетъ въ своемъ имѣніи Романовѣ фундушъ на 12 бѣдныхъ дворянскихъ дѣвочекъ и институтъ для глухонѣмыхъ. Кромѣ того Высочайше повелѣно обратить въ пользу Волынскихъ учебныхъ заведеній 96000 злотыхъ, которые находились у ксендзовъ-тринитаровъ, для выкупа и освобожденія плѣнныхъ... (Сборн. матер. II. 473, 958—960. Сборн. постановл. по М. Н. Пр. I. 195).

Радовался Чацкій, что призывъ его къ пожертвованіямъ превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. Въ письмахъ къ Коллонтаю отъ 12 и 18 сентября 1803 года Чацкій извѣщалъ его о значительныхъ пожертвованіяхъ на Волынскую гимназію и притомъ въ полное его (Чацкаго) распоряженіе, „чтобы не связывать у него рукъ. Теперь я могу быть увѣреннымъ, замѣчаетъ Чацкій, что мои проекты гимназіи не останутся мертвыми“.

Дѣлаясь полнымъ распорядителемъ громадныхъ пожертвованій, Чацкій свободно могъ дѣлать выборъ лицъ для будущаго штата гимназіи, не стѣсняясь ихъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Потому, онъ проситъ Коллонтая написать Чеху, Линде и нѣкоторымъ другимъ, которыхъ Чацкій хотѣлъ видѣть дѣятелями въ Кременецкой гимназіи, что все будетъ устроено на пожертвованныя средства, что фундушами распоряжается онъ—Чацкій, и потому считаетъ себя вправѣ, по своему желанію, выбрать для гимназіи директора. Хотя это какъ будто противорѣчитъ Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ 18 мая, по которымъ директора избирались университетомъ и зависѣли исключительно отъ ректора (Сборн. постановл. по М. Н. Пр. I, 61), но Чацкій игнорировалъ ихъ, и, по его толкованію, эти постановленія написаны для гимназіи или окружныхъ школъ *вообще, но рѣшительно не для такой гимназіи, какая проектировалась для Кременца*. Въ письмѣ, которое Коллонтай будетъ писать къ Линде, Чацкій проситъ его съ особенною силою подчеркнуть ту мысль, что его, т. е. Линде приглашаютъ на должность *въ будущую Кременецкую* гимназію. (Listy. I. 232—235).

Покорный велѣніямъ Чацкаго, Коллонтай занялся вербовкою педагогическаго персонала для будущей гимназіи. Увѣдомляя Чеха о предложеніи ему Чацкимъ проектируемаго директорскаго мѣста въ Кременцѣ, Коллонтай описываетъ при этомъ необыкновенную дѣятельность Чацкаго, указываетъ составъ каѳедръ въ будущей Кременецкой гимназіи, называетъ послѣднюю маленькимъ университетомъ, пользуется случаемъ напомнить Чеху объ ихъ старой пріязни, указываетъ матеріальное положеніе должности директора и въ заключеніе прибавляетъ: „благородство твоего образа мышленія и стремленій, съ которыми ты представляешь себѣ поступательное движеніе общественнаго просвѣщенія въ нашемъ народѣ, даетъ мнѣ право надѣяться, что ты не захочешъ ставить какія нибудь затрудненія для принятія предложенной должности; оставаясь на ней, ты найдешь возможность съ честію воспользоваться своими талантами и доказать завистникамъ нашей славы, что польскія музы, изгнанныя изъ Кракова, могутъ прославить нашъ народъ и нашъ языкъ въ другой части края, подъ милостивымъ господствомъ Императора (русскаго). (Listy Kołłątaja. I. 278—280).

Письмо къ Линде отъ 3 октября 1803 г. Коллонтай начинаетъ изъявленіемъ необыкновенной радости по поводу приглашенія его (Линде) Чацкимъ на должность въ Кременецкую гимназію. „Если примешь это приглашеніе, буду имѣть удовольствіе, продолжаетъ Коллонтай, еще видѣть тебя и жить съ тобою. Пріятная для меня перспектива! Вѣдь ты знаешь, какъ я всегда цѣнилъ тебя! Чувствую и то, насколько ты всегда былъ ко мнѣ расположенъ! Знаю твой образъ мышленія и твои ограниченныя требованія; твоя преданность наукѣ, нашему народу и нашему языку очевидна для всѣхъ. Тебя зовутъ въ тотъ край, гдѣ ты можешь жить съ О. Чацкимъ и со мною. Нужно ли тебѣ послѣ этого еще больше друзей? Гдѣ нибудь можешь ихъ имѣть очень много, но нигдѣ не найдешь искреннѣе насъ. Ты рѣшилъ быть библіотекаремъ у Іосифа Оссолинскаго, такъ какъ онъ заявилъ тебѣ о своихъ благородныхъ намѣреніяхъ основать публичную библіотеку для польскаго народа. Его намѣренія, однако, не приводятся въ исполненіе; твои ожиданія до сихъ поръ остаются обманутыми, а твоя деликатность, какъ меня завѣряютъ, часто выставляетъ

тебя на различныя непріятности. Годы, между тѣмъ, уходятъ напрасно, безъ обезпеченія въ будущемъ твоего положенія. Время потому углубиться нѣсколько и подумать, что можетъ статься съ тобою въ поздней старости. Такъ не лучше ли тебѣ быть библіотекаремъ Императора въ Волынской гимназіи (въ Кременцѣ), гдѣ стараніями Чацкаго устроено прекраснѣйшее дѣло. Здѣшняя (т. е. въ Кременецкой гимназіи) библіотека будетъ состоять изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ томовъ; работать въ ней можешь съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ библіотекѣ Оссолинскаго. Литературныя сокровища Чацкаго нисколько не уступаютъ тѣмъ, которыя ты оберегаешь и которыя ты значительно пріумножилъ собственнымъ стараніемъ. Θ. Чацкій желаетъ, чтобы ты былъ библіотекаремъ, и вмѣстѣ учителемъ греческаго языка (въ гимназіи). Не забывай о себѣ, прими дѣлаемое предложеніе, поставь приличныя условія, довѣрься мнѣ, чего желаешь, а я буду отстаивать твое добро съ такимъ же стараніемъ, какъ свое собственное.“

„Необходимо, чтобы ты зналъ, что творитъ здѣсь Чацкій. Его труды можно назвать чудомъ. Собственными стараніями объ общественномъ просвѣщеніи онъ сумѣлъ наэлектризовать всѣхъ мѣстныхъ обывателей, которые дѣлаютъ щедрыя пожертвованія на увеличеніе каѳедръ въ здѣшней гимназіи, на учрежденіе женской школы и на много другихъ важныхъ предметовъ, о которыхъ нельзя передать вкратцѣ“... Сказавши о проектируемыхъ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ при Волынской гимназіи и о составѣ каѳедръ въ ней, Коллонтай заключаетъ: „Все это Чацкій сумѣлъ сдѣлать какимъ то чудеснымъ образомъ и при томъ—въ одинъ годъ. Между многими пріобрѣтеніями онъ будетъ считать лучшимъ пріобрѣтеніемъ (для заведенія) избраніе твоей особы. Прошу тебя, не отказывайся! Твой талантъ уже слишкомъ нуженъ въ этомъ краѣ. Не смѣй думать, чтобы здѣсь, между нами, ты меньше могъ себя прославить, нежели въ Австріи. Съ одинаковою легкостію узнаетъ Европа о твоихъ талантахъ между скалами Кременца, какъ узнала бы о нихъ въ столицѣ австрійскаго государства (если бы ты продолжалъ тамъ оставаться). А для меня лично было бы большимъ утѣшеніемъ пожить еще вмѣстѣ съ тобою, а по временамъ и поработать сообща. (Listy Kołłątaja. I. 281—283.).

Въ это время изъ Варшавы Коллонтай получилъ письмо отъ Дмоховскаго съ извѣщеніемъ, что Снядецкій уѣхалъ за границу, что Дмоховскій два раза видѣлся съ нимъ въ Варшавѣ, и они отлично провели время; „а разговоръ нашъ, прибавляетъ Дмоховскій, болѣе всего касался Вашей особы". „Ваши замѣчанія касательно настоящаго и будущаго положенія нашей литературы въ здѣшнемъ краѣ весьма справедливы. Подъ русскимъ владычествомъ открываются прекраснѣйшіе виды. При всемъ томъ, только организація общественнаго просвѣщенія съ выборомъ для учительства способныхъ соотечественниковъ рѣшитъ, чего можно ожидать на этомъ пути. Если мѣста будутъ наполнены иностранцами, мы должны проститься съ отечественными науками, и общее просвѣщеніе края понесетъ на этомъ громадную потерю. Обучая на чуждомъ языкѣ, можно создать извѣстное количество ученыхъ; но безъ отечественнаго языка нельзя распространить просвѣщенія въ массѣ народа. А вѣдь эту именно цѣль имѣетъ въ виду Государь Императоръ, сдѣлавшій для просвѣщенія столько, сколько не сдѣлало никакое другое правительство". Указавши далѣе безполезность и даже вредъ конкурсовъ, которые приняты въ Виленскомъ университетѣ для замѣщеніе каѳедръ, Дмоховскій прибавляетъ: „я писалъ Стройновскому, что теперь немогу послать ему ничего новаго, будучи занятъ другими дѣлами. Отвѣта до сихъ поръ не имѣю. Вамъ я долженъ признаться, что если бы я и принялъ въ Виленскомъ университетѣ какую-нибудь должность..., то сдѣлалъ бы это исключительно для того, чтобы хоть въ малой долѣ принять участіе въ усиліяхъ соотечественниковъ и, насколько возможно, потрудиться вмѣстѣ для охраненія языка и отечественныхъ наукъ". (Listy Kołłątaja. I. 237—239).

Мы видѣли уже, что за Дмоховскаго ходатайствовали передъ Стройновскимъ Снядецкій и Коллонтай; но назначеніе его на какую-нибудь должность въ университетѣ такъ таки и не состоялось. Дмоховскій продолжалъ оставаться въ Варшавѣ и служить посредникомъ въ перепискѣ между Коллонтаемъ и Снядецкимъ. Въ виду этого, Коллонтай 6 октября 1803 года писалъ ему между прочимъ:

„Я имѣлъ бы большое удовольствіе, если бы ты былъ настолько любезенъ, чтобы согласился въ теченіе наступающихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вести со мною правильную корреспонденцію; она необходима для блага общественнаго просвѣщенія, для котораго тутъ начинаютъ работать. Въ этой мѣрѣ я чувствую потребность по временамъ сноситься съ Снядецкимъ, который обязалъ меня вести съ нимъ переписку, при твоемъ посредствѣ. Чацкій открылъ мнѣ свои мысли и намѣренія (въ развитіи дѣла народнаго просвѣщенія); я, потому, обѣщалъ ему помогать. Въ виду этого было бы не дурно, чтобы мы между собою переписывались“.

Похваливши по обычаю безпримѣрную энергію Чацкаго въ собираніи фундушей и его такую же смѣлость въ различныхъ предпріятіяхъ, Коллонтай заявляетъ, что по его наблюденіямъ „между Чацкимъ и Стройновскимъ нѣтъ надлежащаго взаимнаго пониманія, и существуетъ даже порядочная доля зависти. Стройновскій ужъ слишкомъ поспѣшилъ съ своею работою (окончательнымъ устройствомъ университета и школъ его округа); Чацкій поздновато нѣсколько былъ приглашенъ для его дѣла. Стройновскій почти покончилъ все дѣло, но окончилъ нѣсколько лѣниво и преслѣдовалъ, какъ видно, двѣ цѣли: обогащеніе Виленскаго университета и сохраненіе въ низшихъ школахъ давнихъ постановленій эдукаціонной комиссіи. Чацкій дѣйствуетъ на оборотъ: хочетъ исправить ошибки комиссіи не только въ низшихъ школахъ, но и въ главной Виленской. А такъ какъ его визитаторство даетъ ему право заниматься устройствомъ школъ только въ трехъ здѣшнихъ (юго-западныхъ) губерніяхъ, то свои намѣренія относительно исправленій въ главной школѣ Чацкій долженъ отодвигать на болѣе отдаленное время и направлять дѣло такъ, чтобы хорошее устройство его въ юго-западныхъ школахъ въ настоящемъ указало необходимость дальнѣйшихъ работъ. И для этого онъ имѣетъ основанія: постановленія 18 мая (1803 г.) относительно Виленской главной школы и ея округа во многихъ пунктахъ ошибочны. Почобутъ, на котораго слишкомъ расчитывали съ самаго начала (реформы школьнаго дѣла), не ввелъ въ практику постановленій комиссіи; Виленская главная школа никогда не была тѣмъ, чѣмъ была въ свое время школа Краковская. Въ обѣихъ былъ сдѣланъ большой промахъ

относительно выбора людей: Краковская скоро подъ управленіемъ Орачевскаго пришла въ полный безпорядокъ; Виленская—никогда не была хорошо поставлена. Кс. Стройновскій, создавая новыя постановленія отъ 18 мая, не обратилъ на это вниманія; не удивительно потому, если въ этой школѣ, подъ протекціею новыхъ законоположеній, оказались всѣ прежніе средневѣковые обычаи, ошибки и упорство самаго Почобута. Въ наше время намъ недоставало такихъ великихъ фундушей, какими обставлена теперь Виленская школа. Тогда и трудно было проектировать вещи, на заведеніе которыхъ не было средствъ. Въ настоящее время Виленская школа обставлена такъ, что ея штаты можно считать даже чрезмѣрными. Но при этомъ ея устройство до того плохо, что боюсь какой-нибудь злой критики на все дѣло со стороны нѣмецкихъ рецензентовъ.“

Въ дальнѣйшемъ Коллонтай описываетъ Дмоховскому довольно подробно устройство, по его проекту, факультетовъ въ Виленской школѣ и распредѣленіе наукъ по курсамъ. Это повтореніе того, что содержалось въ запискѣ, представленной Коллонтаемъ Чацкому и приведенной выше. Въ письмѣ подробно трактовались объ этихъ проектахъ для того, что Дмоховскій долженъ былъ изъ всего сдѣлать извлеченіе и переслать Снядецкому. (Listy Kołłątaja. I, 289—296 и примѣч. 18).

Своеобразная дѣятельность Чацкаго обратила на него вниманіе въ Петербургѣ, и оттуда, какъ извѣщалъ Чацкій Коллонтая, „засыпали Волынь (т. е. Чацкаго) похвалами.“ (Listy. I. 360) „Поздравляю тебя, Милостивый Государь, писалъ по этому поводу, между прочимъ, Коллонтай Чацкому, что Петербургъ начинаетъ наконецъ цѣнить усердные труды твои для Волынской губерніи; похвала Волыни—это должная дань твоей особѣ, все равно—придаютъ ли тамъ (въ Петербургѣ) особенное значеніе тѣмъ пожертвованіямъ, которыя ты собираешь, или тѣмъ планамъ, по которымъ ты думаешь установить общественное воспитаніе. Это, Милостивый Государь, не считай пустымъ кажденіемъ фиміама; только такимъ образомъ настроенное общественное мнѣніе заставитъ наконецъ правительство приняться за исправленіе постановленій 18 мая, надъ которыми работали ужъ очень поспѣшно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень

лѣниво. Нѣтъ ничего неудачнѣе устройства при Виленскомъ университетѣ семинаріи для клириковъ, и мнѣ сдается, что непремѣнно слѣдовало бы представить кн. Адаму (Чарторыйскому), чтобы не спѣшили такъ быстрымъ исполненіемъ второстепенныхъ прибавочныхъ постановленій къ выше названнымъ уставамъ. Быть можетъ настанетъ время, что князь (Адамъ Чарторыйскій), замѣтивши въ этой махинѣ (составленные имъ вмѣстѣ съ другими планы общаго просвѣщенія въ Россіи) такъ много ошибокъ и несообразностей *) наскучитъ, наконецъ, своею работою и потеряетъ вкусъ къ собственному творенію; **) намъ, однако нужно поработать надъ этимъ дѣломъ съ одинаково-неизмѣннымъ терпѣніемъ и постоянствомъ. О, мой староста! замѣчаетъ Коллонтай; до тѣхъ поръ, пока будешь трудиться для блага человѣчества и своихъ соотечественниковъ, я не только съ радостію буду взирать на столь полезные труды, но сердечно желалъ бы принадлежать къ числу твоихъ сотрудниковъ и прославлять твои высокія намѣренія." (Listy Kołłątaja. I, 362—363).

Но недолго продолжалось у Чацкаго и Коллонтая такое приподнятое настроеніе. Едва Коллонтай отправилъ ему свое восторженное посланіе, какъ Чацкій писалъ ему уже въ сильно-минорномъ тонѣ: „Для меня очень прискорбно извѣщать тебя (слова Чацкаго), что ксендзы (такъ презрительно называлъ Чацкій ученую корпорацію Виленскаго университета) въ Виленскомъ университетѣ питаютъ позорную ненависть къ нашимъ постановленіямъ. Стройновскій продолжаетъ сохранять обидное молчаніе. Брату своему въ Венецію посылаетъ на меня жалобы, что я съ нимъ не переписываюсь. Вавржецкій, по его наговору, писалъ ко мнѣ, что Вильна подозрѣваетъ меня въ допущеніи различныхъ новшествъ (въ учебномъ дѣлѣ), вредныхъ для общественнаго блага. Конечно, я съ презрѣніемъ

---

*) А выше мы видѣли, что Коллонтай вмѣстѣ съ Чацкимъ довольно благосклонно относились къ этой „махинѣ", видя въ ней точную копію устава эдукаціонной комиссіи, и это очень ласкало ихъ самолюбіе и національную гордость.

**) Такъ между собою иронически отзывались о кн. Чарторыйскомъ его современники Коллонтай, Чацкій и др.; и нынѣшняя литературная молодежь хочетъ видѣть въ немъ какого то генія-инициатора!

гляжу на малую гадину, которая шипитъ только, но не убиваетъ. Во всей этой махинаціи не узнаю Стройновскаго: онъ хочетъ быть малымъ, когда, безъ особеннаго труда, могъ бы быть великимъ".

„Я видѣлъ Северина Потоцкаго (Харьковскаго попечителя, его даже гр. Завадовскій называетъ „не обрусѣвшимъ" еще въ 1802 г. Шильдеръ—Александръ Императоръ I) и говорилъ съ нимъ о нашихъ дѣятеляхъ (въ будущемъ—Чехъ, Шейдтъ и друг.); сердечно пожалѣю, если они рѣшатся пойти (на службу) въ Харьковъ (куда приглашалъ ихъ въ университетъ Потоцкій); я работаю тутъ, чтобы хотя отчасти угодить людямъ (тому же Чеху, Шейдту и друг.), которыхъ присутствіе среди насъ въ высшей степени важно для основательной постановки науки. О Линде царитъ глухое молчаніе. (Его приглашали въ Кременецъ, но онъ ничего не отвѣчалъ и поступилъ на службу въ Варшаву директоромъ Лицея). Его Варшавскіе товарищи, разбирая изданный имъ словарь, непремѣнно упомянули бы о немъ и объ ожидаемомъ его прибытіи въ Варшаву; хочу вѣрить, что это ошибочное извѣстіе (о поступленіи Линде на службу въ Варшавѣ. *)

Отвѣчая Чацкому (21 января 1804 г.), Коллонтай подробно останавливается на той части его письма, гдѣ говорится о возникшихъ противъ него неудовольствіяхъ Виленскаго университета.

„Я предсказывалъ тебѣ, Милостивый Государь, что ты встрѣтишь противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которые постановленія 18 мая считали послѣднимъ вѣнцомъ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ. Даже собственный опытъ убѣдилъ меня въ этомъ. Стройновскій, который откровенно переписывался со мною со времени освобожденія моего изъ неволи (Коллонтай девять лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ Австріи и выпущенъ на свободу по ходатайству Русскаго правительства въ 1803 году) прекратилъ со мною сношенія съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ ему два письма, въ которыхъ

---

*) Listy Kołłątaja. II. 218—219. Чацкаго и Коллонтая за ихъ гордость и заносчивость не особенно жаловали въ Варшавѣ и Вильнѣ, и Чацкій не всегда имѣлъ надлежащія свѣдѣнія...

твоимъ трудамъ отдавалъ должную справедливость. Не бѣда, впрочемъ, если не всѣмъ по вкусу твои намѣренія и проектируемое новое устройство воспитанія: для здѣшнихъ губерній оно будетъ очень полезно. Меня болѣе интересуетъ то обстоятельство, съ какой стати въ эти интриги замѣшали почтеннаго Вавржецкаго; смущаюсь и тѣмъ, что твой отчетъ долженъ подвергнуться разбору и критикѣ Виленской главной школы (университета). Очевидно, что академическая корпорація будетъ порицать все, что только направлено противъ монополіи ея власти: таковы уже всегда были недостатки университетовъ. Мнѣ думается, что слѣдовало бы предварительно ознакомить съ проектомъ князя Чарторыйскаго (попечителя), если уже настоитъ надобность непремѣнно представлять его университету. Опасаюсь, что если князь заблаговременно не уразумѣетъ основательно всей работы и не схватитъ ея въ цѣломъ, то можетъ произойти замѣшательство, которое послужитъ причиною замедленія въ исполненіи (предположеній). Отъ этого болѣе всего пострадаютъ наличные учители, такъ какъ имъ задержатъ содержаніе, положенное по Виленскому новому штату; а общество (помѣщики), съ нетерпѣніемъ ожидающее плодовъ отъ своихъ пожертвованій, станетъ остывать въ своемъ энтузіазмѣ, который ты, Милостивый Государь, успѣлъ возбудить, хотя на нѣкоторое время.

Если бы меня послушали, я совѣтовалъ бы приняться за проектъ учрежденія отдѣльнаго университета на эти три губерніи. Я предвижу, что въ Виленскомъ университетѣ скоро воцарится полный безпорядокъ; онъ явится далеко ниже высокихъ намѣреній Государя Императора. Настоящій распорядитель университета (Стройновскій) не сознаетъ даже того, какими личностями необходимо замѣстить университетскія каѳедры, когда для этого новая послѣдняя реформа представляетъ ему самую благопріятствующую минуту. Очевидно, Виленскій университетъ или не выйдетъ изъ колеи посредственности и все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ своему паденію; или же перестанетъ быть школою для поляковъ, способною распространить научный свѣтъ въ каждомъ классѣ обитателей этой земли. Не мое дѣло принимать мѣры противъ столь печальной будущности; на нее я обращалъ только твое вниманіе, такъ какъ исключительно въ тебѣ вижу человѣка, усердно ра-

ботающаго надъ этимъ предметомъ и могущаго еще спасти дѣло, уже возбуждающее сомнѣніе въ своемъ успѣхѣ. Предполагаемое объединеніе нашего края посредствомъ подчиненія всѣхъ его школъ одной и той же власти Виленскаго университета, болѣе воображаемое, слишкомъ страдаетъ натянутостію и ужъ очень слабо для того, чтобы отъ него можно было ожидать какой-нибудь пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что дастъ для здѣшнихъ мѣстъ съ излишкомъ богато обставленный Виленскій университетъ, когда статистически почти можно доказать, что здѣшнее юношество въ Вильну не поѣдетъ учиться? И тѣ науки, пользу отъ которыхъ будутъ извлекать литовцы, останутся совершенно чуждыми для юношества Волынской, Подольской и Кіевской губерній... Каждый, потому, кто хладнокровно задумается надъ такимъ ничтожнымъ стремленіемъ къ просвѣщенію и поставитъ въ связь съ препятствіями къ его развитію, непремѣнно придетъ къ убѣжденію, что если въ настоящее время просвѣщеніе въ массѣ такъ ничтожно, что мы (юго-западный край) нисколько не отличаемся отъ остальныхъ губерній европейской Россіи, то въ будущемъ очевидно оно не усилится, разъ монополія научнаго свѣта останется исключительно въ Вильнѣ (при университетѣ).

Линде въ Варшавѣ и уже вступилъ въ должность директора мѣстной гимназіи. Навсегда потеряли мы этого человѣка и не найдемъ равнаго ему по знаніямъ филологіи и грамматики. Ты пишешь, Милостивый Государь, что говорилъ съ Северипомъ Потоцкимъ о нашихъ Краковскихъ учителяхъ и въ заключеніе заявляешь, что будешь сожалѣть, если они рѣшатся поѣхать въ Харьковъ (на службу). Да, но во всякомъ случаѣ, о людяхъ нужно судить по человѣчески, и душевныя движенія другихъ слѣдуетъ измѣрять не мѣрою собственнаго чувства, но положеніемъ тѣхъ, къ кому ближе относится тотъ или другой предметъ. Краковскіе профессора, и особенно тѣ, которыхъ желалъ бы ты имѣть у себя, ставятъ себя выше профессоровъ Виленскаго университета; они отлично знаютъ, что творится въ Вильнѣ, такъ какъ тамъ находится ихъ ученикъ и пріятель Андрей Снядецкій. (Братъ Ивана Снядецкаго. Онъ постоянно сносился съ краковскими профессорами и описывалъ имъ всѣ темныя стороны въ жизни Виленскаго университета). Все отталкиваетъ ихъ отъ Виленскаго университета.

Гордая надутость академической корпорацiи, подъ надзоромъ и управленiемъ которой они должны были бы находиться; раздоры, которые постоянно царятъ тамъ; посредственныя завистливыя головы, которыя, однако, имѣли бы право разсуждать о заслугахъ и трудахъ лицъ, занимающихъ должности въ гимназiяхъ: все это вмѣстѣ для лицъ высоко-честныхъ и дорожащихъ спокойствiемъ, которые при томъ сознаютъ свои силы и рвутся къ похвальной дѣятельности, все это, повторяю, для нихъ страшнѣе самихъ харьковскихъ казаковъ. Я до сихъ поръ не отвѣчалъ ни Чеху, ни Шейдту (на послѣднiя письма въ ноябрѣ 1803 года), ихъ письма передалъ тебѣ; сердечно люблю ихъ, знаю ихъ заслуги, несказанно желалъ бы прiобрѣсти ихъ для здѣшняго края; но не могу болѣе писать имъ, такъ какъ не имѣю, что сказать имъ, кромѣ усердныхъ относительно ихъ твоихъ желанiй. Правда, свое окончательное рѣшенiе относительно Харькова они обѣщали отложить до средопостiя; зато и отъ тебя они съ нетерпѣнiемъ будутъ ждать такого отвѣта, который далъ бы имъ возможность рѣшиться итти въ ту или другую сторону. Кто знаетъ? Быть можетъ, они не примутъ мѣстъ, которыя предлагаютъ имъ въ Харьковѣ; но это еще не значитъ того, что они согласятся подчиниться власти Виленскаго университета, безъ гарантiи для нихъ тѣхъ условiй, которыя они для тебя выговорили. Насколько я могу видѣть изъ различныхъ корреспонденцiй, Виленскiй университетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ уваженiе среди нашихъ ученыхъ. а между иностранными учеными онъ пользуется вниманiемъ однѣхъ посредственностей, которыя въ собственномъ отечествѣ не имѣютъ средствъ къ жизни.“ Въ заключенiе Коллонтай проситъ Чацкаго сообщить ему въ будущемъ весь трудъ („Отчетъ“ и „Проектъ“) полностiю въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ представленъ въ Петербургъ и Вильну. (Listy Kołłątaja. II. 219—226).

Въ письмѣ отъ 5 февраля 1804 года Чацкiй спѣшитъ увѣдомить Коллонтая, что отъ князя Чарторыйскаго (отца попечителя) и Игнатiя Потоцкаго онъ получилъ замѣчанiя на свой проектъ, препровождаетъ ихъ Коллонтаю и радъ будетъ услышать на нихъ его замѣчанiя. При этомъ увѣдомляетъ, что онъ частнымъ образомъ послалъ князю (попечителю) свой трудъ, приказавши предварительно его передѣлать сообразно указанi-

ямъ Коллонтая. „Я производилъ ревизію Кіевской академіи, говоритъ далѣе Чацкій; это учрежденіе представляетъ собою сатиру на человѣческій разумъ; оно еще разъ доказываетъ, что значитъ отдать науку въ распоряженіе монаховъ. (А самъ Чацкій сильно занятъ былъ тою мыслію, чтобы все воспитаніе передать въ руки базиліанъ, хотя каждому извѣстно, что базиліане въ ученомъ отношеніи стояли гораздо ниже православныхъ и іезуитовъ, которыхъ Чацкій тоже не жаловалъ). Сняденкій (Андрей) изъ Вильны пишетъ іеремiаду противъ ксендзовъ (Виленской академической корпораціи. Ср. Listy. II. 218) Стройновскій по прежнему продолжаетъ сохранять какое-то дикое молчаніе. Въ послѣднемъ письмѣ пишетъ, что онъ во всемъ объяснится, и что я долженъ хлопотать исключительно въ Петербугѣ (по осуществленію проектовъ). (Listy. II. 345—347).

Въ особомъ письмѣ отъ того же числа Чацкій расписывается въ благодарности Коллонтаю, за пожертвованный имъ минералогическій кабинетъ для Кременецкой гимназіи. „Я счастливъ, говоритъ онъ въ заключеніе перечисленія великихъ заслугъ Коллонтая для науки, что заправляю учебнымъ дѣломъ въ то время, когда все говоритъ о господствѣ добродѣтели и ума, когда люди, подобные тебѣ, Милостивый Государь, приносятъ для *отечественной земли* благія намѣренія, труды и дары“. (Listy. II. 344 - 345. Ср. 216—218).

Въ новомъ письмѣ отъ 6 февраля Чацкій пишетъ Коллонтаю: „что я написалъ князю (попечителю), прилагаю въ краткомъ извлеченіи. Мнѣ казалось крайне необходимымъ разбудить князя или лучше сказать—привести его въ чувство. Ксендзъ Стройновскій молчитъ; я написалъ ему, что такое равнодушіе не достойно ни пріятеля, ни человѣка, преданнаго общественному благу (т. е. благу польской шляхты). А вотъ и текстъ письма къ кн. Черторыйскому:

„Въ данномъ случаѣ, пишетъ Чацкій, мнѣ неумѣстно загадывать о будущемъ, какія затрудненія или возраженія будутъ сдѣланы противъ тѣхъ плановъ, которые я составилъ; соглашаюсь съ тѣмъ, что они могутъ имѣть нѣкоторые недостатки (по неопытности) и ошибки. Ваше Сіятельство сознаете, что

при современныхъ обстоятельствахъ состоянія просвѣщенія, не можетъ быть мѣста для незначительныхъ исправленій. Бросьте взглядъ на мой „Отчетъ“ о состояніи просвѣщенія, сравните различныя его эпохи: окажется яснымъ, можетъ ли допустить благодѣтельная опека, чтобы хотя одинъ шагъ еще былъ сдѣланъ назадъ въ дѣлѣ утвержденія народнаго образованія. Если двѣнадцать лѣтъ съ 1780 по 1792 г. должно считаться совершенно новою эпохою, то слѣдующія двѣнадцать лѣтъ послѣ нашего паденія (1793—1803 г.) должны считаться вѣкомъ погибели у насъ добродѣтели и науки. Обыватель краснѣетъ за свое невѣжество; отецъ нѣсколькихъ дѣтей, оплакивая судьбу старшихъ сыновей, пополняющихъ собою ряды порочныхъ людей, утѣшается только тѣмъ, что младшія дѣти вознаградятъ упущенія старшихъ лѣтами. Рѣдкіе бываютъ моменты, когда цѣлыя провинціи начинаютъ сознавать недостатокъ знаній и испорченность нравовъ. Отецъ Вашего Сіятельства и члены эдукаціонной комиссіи вели (нѣкогда) упорную борьбу съ предразсудками; теперь наши соотечественники, не имѣя установленныхъ положеній о просвѣщеніи, пророчатъ нашему поколѣнію смутную будущность. Я не устыдился предъявить мой „Отчетъ“ въ собраніи всѣхъ предводителей дворянства. Со слезами на глазахъ вѣщали они, что въ рукахъ Вашего Сіятельства находится жребій будущаго счастья или несчастья. На алтарь отечества принесены пожеланія всякаго блага, нравственныя и матеріальныя пожертвованія; направленіе такого благотворнаго усердія вполнѣ зависитъ отъ Вашего Сіятельства. Уже листы исторіи раскрыты для (внесенія имени) Вашего Сіятельства. Разбирая дѣянія другихъ, свѣтъ судитъ о тѣхъ средствахъ, которыми они могли воспользоваться. Въ настоящемъ случаѣ народы будутъ судить Августа и Мецената (Императора Александра I и князя Чарторыйскаго). Только одна черта раздѣляетъ пути, которые ведутъ молодежь къ погибели или ко спасенію; только на одну линію отстоятъ между собою средства, которыя будутъ содѣйствовать росту наукъ, ихъ подъему, или же послужатъ къ ихъ упадку. По этому предмету я нѣсколько подробнѣе развиваю мои мысли въ „Проектѣ“ и „Отчетѣ“; одинъ остается моментъ увѣковѣчить посредствомъ воспитанія славу Государя Императора и счастье края. Пройдутъ поколѣнія, и потомокъ достославнаго племени

изъ рода Ягайлы (т. е. кн. Чарторыйскій) не будетъ болѣе стоять у кормила народнаго просвѣщенія. Тогда самое незначительное упущеніе въ настоящемъ послужитъ оправданіемъ для будущихъ правителей." (Listy. II, 347—349).

Подобныя письма производили, видно, на кн. Чарторыйскаго чарующее дѣйствіе. Онъ вполнѣ довѣрялся Чацкому, сносился съ нимъ по учебнымъ дѣламъ помимо Виленскаго университета и непосредственно изъ Петербурга давалъ ему тѣ или другія предложенія. Въ одномъ изъ писемъ къ Коллонтаю Чацкій прямо заявляетъ, что кн. Чарторыйскій увѣдомилъ его, что высоко цѣнитъ его проекты и что объ этомъ будетъ писать ему подробнѣе (Listy. II, 371).

Коллонтай въ письмѣ къ Чеху обстоятельнѣе раскрываетъ намъ эту закулисную сторону сношеній Чацкаго съ кн. Чарторыйскимъ. Извѣщая Чеха, что ничего еще положительнаго не можетъ написать ему относительно перехода его въ Кременецъ въ гимназію, что онъ просто жаждетъ видѣть въ юго-западномъ краѣ и его и Шейдта—этихъ почтенныхъ мужей науки, что онъ надѣется найти для себя великое утѣшеніе въ общеніи съ ними, Коллонтай продолжаетъ: „Чацкій увѣдомилъ меня, что со всѣми вашими (и Чеха и Шейдта) предложеніями онъ отнесся къ кн. Чарторыйскому и къ министру Завадовскому; слѣдуетъ думать, что отъ нихъ онъ не получилъ еще никакого отвѣта, если не сообщилъ его ни вамъ, ни мнѣ. Насколько я могъ понять Чацкаго и его работы, могу сказать, что онъ не берется за дѣло легкомысленно и почти убѣжденъ, что всѣ его представленія будутъ приняты. Мы имѣемъ уже примѣры того, что непосредственно изъ Петербурга онъ получилъ утвержденіе нѣкоторыхъ изъ своихъ проектовъ, совершенно не нуждаясь по этому предмету въ мнѣніи Виленскаго университета, который съ завистью поглядываетъ на его труды въ трехъ нашихъ губерніяхъ. Соображая за симъ сдѣланное имъ съ тѣмъ, что предстоитъ ему еще сдѣлать, мы, кажется, безъ сомнѣнія, можемъ сказать, что въ Петербургѣ будутъ приняты (благосклонно) не только его проекты (объ устройствѣ просвѣщенія) въ трехъ (юго западныхъ) губерніяхъ, но даже будутъ подтверждены во всѣхъ пунктахъ и тѣ условія, которыя онъ заключилъ съ вами, тѣмъ болѣе, что

ваши условія совершенно законны и противъ нихъ ничего нельзя сказать."

Указавши на нѣкоторыя изъ проектируемыхъ для Чеха и Шейдта правъ, при поступленіи ихъ на русскую службу, Коллонтай продолжаетъ: „Я думаю, что Чацкій свой „Проектъ" и „Отчетъ" переслалъ недавно въ Петербургъ. А такъ какъ изъ того и другого вытекаетъ очевидная необходимость вашего сюда вызова для занятія мѣстъ директоровъ училищъ, то, очевидно, при своемъ представленіи онъ помѣстилъ и условія вызова. Въ этомъ самая важная причина, почему до сихъ поръ онъ не могъ дать вамъ рѣшительнаго отвѣта, не имѣя на то полномочія отъ правительства. Во всякомъ случаѣ я долженъ отдать ему справедливость, что къ вашимъ талантамъ онъ относится съ величайшимъ уваженіемъ, что считаетъ за лучшее имѣть однимъ профессоромъ меньше, нежели лишиться такихъ людей, безъ которыхъ наилучше устроенная машина имѣла бы плохой ходъ. Вы вправѣ, потому, вѣрить въ его къ вамъ уваженіи и разсчитывать на его преданность". Сказавши, что Чацкій, по всей вѣроятности, скоро дастъ имъ (Чеху и Шейдту) желательный отвѣтъ, Коллонтай и съ своей стороны обѣщаетъ имъ полное содѣйствіе и, въ случаѣ какихъ-нибудь малѣйшихъ сомнѣній относительно ихъ будущаго положенія, поспѣшитъ обстоятельно донести имъ. „Во всякомъ случаѣ, заключаетъ свое письмо Коллонтай, я неустанно буду напоминать вамъ, и вы это хорошо запомните, что Чацкій зоветъ васъ на великое дѣло образованія родныхъ соотечественниковъ, которыхъ въ Харьковѣ, конечно, не найдете (а вездѣ трактуется о какомъ-то *общемъ* благѣ человѣчества!..). Все это вмѣстѣ должно продлить лишнюю недѣлю ваше терпѣніе; слишкомъ поспѣшное ваше рѣшеніе (ѣхать на службу въ Харьковъ) лишитъ васъ возможности жить съ нами, тогда какъ представляется выше всякаго сомнѣнія, что Чацкій непремѣнно своего достигнетъ." (Listy. II, 349—352).

Коллонтай поспѣшилъ отвѣтомъ (19 февраля 1804 г.) и Чацкому на его выше приведенныя письма. Остановившись нѣсколько на благодарственномъ письмѣ Чацкаго за пожертвованный минералогическій кабинетъ для Волынской гимназіи, Коллонтай съ свой стороны превозноситъ дѣятельность Чацкаго

и затѣмъ продолжаетъ: „Всегда пріятно заслужить хорошій отзывъ столь просвѣщеннаго мужа; всѣ, однако, мои усилія направлены къ оказанію только нѣкотораго содѣйствія его прекрасному дѣлу; хочу послужить тебѣ, милостивый государь, въ важныхъ трудахъ твоихъ по народному просвѣщенію; они готовятъ тебѣ мѣсто въ исторіи нашего вѣка. Если съ этой стороны я заслужу твое вниманіе, если хотя на одну унцію облегчу тебѣ тяжесть трудовъ, я сочту себя вполнѣ счастливымъ. Къ этому склонила меня съ одной стороны искренняя благодарность за многія доказательства искренняго твоего ко мнѣ расположенія, которое служитъ для меня утѣшеніемъ въ моемъ печальномъ положеніи; съ другой — высокое уваженіе къ твоей кипучей дѣятельности для величайшаго блага нашихъ соотечественниковъ.“

„Чѣмъ очевиднѣе становится, что ректоръ Виленскаго университета сильнѣе и сильнѣе выражаетъ свое неудовольствіе по поводу твоихъ работъ въ здѣшнихъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе я радуюсь тому, что ты, милостивый государь, предварительно (оффиціальнаго представленія своихъ плановъ) непосредственно сдѣлалъ князю Адаму (Чарторыйскому) конфиденціальное сообщеніе. Письмо, къ нему написанное, должно имѣть самыя лучшія послѣдствія. Нужно думать, что онъ найдетъ достаточно времени прочитать составленный тобою „Отчетъ“; задумываясь надъ нимъ, онъ поневолѣ долженъ принять положенія отчета; они, между тѣмъ, вполнѣ логично убѣждаютъ въ необходимости такого плана постановки образованія, какой ты предлагаешь (въ „Проектѣ“...). Павелъ Ярковскій (одинъ изъ рекомендованныхъ Коллонтаемъ на должность директора) начнетъ переводить твой „Отчетъ“ на французскій языкъ; ручаюсь, что онъ передастъ его со всею силою, такъ какъ хорошо пишетъ по-французски. Крайне необходимо, чтобы твой „Отчетъ“ явился въ Петербургѣ на языкѣ, понятномъ тамошнимъ мудрецамъ (какая горькая иронія надъ русскими, для которыхъ понятнымъ языкомъ считался только французскій!), и я самъ крѣпко буду наблюдать, чтобы переводъ ни въ чемъ не испортилъ оригинала. Было бы также хорошо, чтобы и „Проектъ устройства Волынской гимназіи и другихъ училищъ“ явился въ переводѣ на французскій языкъ; опасаюсь только, чтобы, за обширностью работы, не замедли-

лись ожидаемые результаты. Хотѣлось бы, чтобы ты, милостивый государь, нѣсколько призадумался надъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Извѣстно, что большинство Виленской академической корпораціи далеко не расположено къ твоимъ трудамъ; стало быть, оттуда нельзя ожидать благопріятнаго отзыва. А такъ какъ въ Петербургѣ, кромѣ князя Адама, никто, конечно, не понимаетъ силы выраженій польскаго языка, то, представляя свои планы, ты долженъ изготовить ихъ такимъ образомъ, чтобы убѣдительность и безпристрастная истина говорили сами за себя. Нельзя скрывать того, что въ Петербургѣ установленія 18 мая 1803 года (о просвѣщеніи въ Россіи) считаютъ дѣломъ совершенно законченнымъ и дѣломъ хорошимъ; потому его труднѣе теперь передѣлывать и исправлять, чѣмъ прежде, когда о немъ небыло сказано еще ничего положительнаго. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливы и замѣчанія Игнатія Потоцкаго. Мнѣ думается, что въ Петербургѣ принята система, которая ужъ слишкомъ сильно ограничиваетъ курсъ наукъ въ гимназіяхъ и которыя Виленскій университетъ исключительно предназначаетъ быть начальнымъ источникомъ имѣющаго распространиться свѣта. Что бы тамъ ни было, ты, милостивый государь, хорошій избралъ путь, конфиденціально довѣрившись князю Адаму во всѣхъ своихъ мысляхъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду и тѣхъ способовъ, которые ознакомили бы и подготовили къ обсужденію твоихъ плановъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Въ конфиденціальныхъ представленіяхъ князю Адаму не дурно было бы воспользоваться совѣтами Игнатія Потоцкаго. Я уже писалъ тебѣ, милостивый государь, что предполагаемая стоимость трехъ отдѣльныхъ гимназій (въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ) едва ли не равняется стоимости одного университета, а въ послѣднемъ случаѣ выгадывались бы еще значительныя сбереженія, такъ какъ вмѣсто нѣсколькихъ огородовъ, кабинетовъ, библіотекъ и другихъ подобныхъ собраній, обзаведеніе которыми стоитъ всегда очень дорого, при университетѣ все это потребовалось бы только въ единственномъ числѣ. *Дѣлая видъ* готовности исполнять постановленія 18 мая, ты долженъ, я думаю, конфиденціально открыть князю свои намѣренія, тѣмъ болѣе, что его легко убѣдить въ той несообразности, будто учащіеся от-

сюда будутъ ѣздить въ Вильну для полученія высшаго образованія. Боюсь только одного, чтобы такимъ проектомъ (объ устройствѣ новаго университета) не вызвать (давняго) ясно высказаннаго намѣренія правительства въ случаѣ надобности основать съ теченіемъ времени университетъ въ Кіевѣ. Потому, если бы визитаторъ съ помѣщиками просили открытія университета, министръ народнаго просвѣщенія держался бы выраженнаго прежде обѣщанія и не позволилъ бы открывать его ни въ Кременцѣ или Винницѣ, а только въ Кіевѣ. Для такого случая было бы хорошо представить министру, что Харьковъ лежитъ очень близко къ Кіеву (и какими же темными людьми представляли себѣ поляки нашихъ министровъ!..), что Кіевъ расположенъ въ концѣ граничной черты всѣхъ трехъ губерній, тогда какъ университетъ слѣдуетъ основать въ ихъ центрѣ"...

Далѣе Коллонтай останавливается надъ разборомъ нѣкоторыхъ замѣчаній Игнатія Потоцкаго на „Проектъ" Чацкаго. Онъ соглашается, что названіе гимназій (по проекту) колоніями университета (по требованію Потоцкаго) не измѣнитъ сущности дѣла. Вопросъ не въ названіи, а въ постановкѣ наукъ и въ успѣшности обученія. И въ Польшѣ названіе колоній (гимназіи) не заключало въ себѣ значенія отдѣльной части университета, а скорѣе отвѣчало понятію гимназій, какъ средне образовательныхъ учебныхъ заведеній. „Въ случаѣ же, если нельзя будетъ доказать необходимость устройства университета въ центрѣ трехъ губерній, продолжаетъ Коллонтай, то гораздо лучше остаться при прежнемъ мнѣніи о гимназіяхъ (съ широкимъ курсомъ) и позаботиться, чтобы, хотя при одной гимназіи, разрѣшено было устроить полный *медицинскій факультетъ* (Странныя какія-то гимназіи! И еще сердился Чацкій съ К° на Виленскій университетъ за неодобреніе его проектовъ!)

Въ дальнѣйшемъ Коллонтай продолжаетъ разбирать мнѣніе Игнатія Потоцкаго о неудобствѣ одновременнаго изученія многихъ языковъ, доказываетъ всю важность знанія какъ древнихъ языковъ, такъ и новѣйшихъ—нѣмецкаго и французскаго, говоритъ объ упадкѣ изученія въ школахъ латинскаго языка въ послѣднее время существованія Польши, видитъ въ этомъ ненормальное явленіе и указываетъ его причины. Въ заключе-

ніе напоминаетъ Чацкому о Чехѣ и Шейдтѣ. „Я опасаюсь" говоритъ Коллонтай, „чтобы и этихъ людей мы не лишились такъ же, какъ потеряли уже (для Волынской гимназіи) Линде." (Listy. II, 352—362).

Дѣятельное участіе Коллонтая въ работахъ Чацкаго мало-по-малу переставало быть секретомъ, и въ Вильнѣ вызывало противъ него особенное неудовольствіе. Чацкому могли прощать еще его горячность, увлеченіе оригинальными честолюбивыми планами; вѣдь онъ Высочайшею властью былъ призванъ къ визитаторству въ юго-западномъ краѣ. Но Коллонтай—этотъ изгнанникъ, пришлецъ, человѣконенавистникъ (Pisma rozmaite Śniadeckiego—I, przemowa—VII, VIII), и онъ осмѣливается не только поддерживать Чацкаго, но еще возбуждать его къ дѣятельности противъ Виленскаго университета, составлять для него цѣлыя записки, особыя постановленія... О сильномъ неудовольствіи противъ Коллонтая Виленской академической корпораціи поспѣшилъ сообщить ему одинъ изъ его почитателей—Дмоховскій, которому, какъ мы видѣли уже, предлагали занять въ Вильнѣ по конкурсу каѳедру литературы. Сказавши Коллонтаю, что онъ отказался отъ предложеной ему въ Вильнѣ каѳедры и что сдѣлалъ это не изъ боязни конкурса, а просто изъ любви къ свободѣ, изъ нежеланія увлекаться ошибочными надеждами и по другимъ побужденіямъ, о которыхъ когда-нибудь увѣдомитъ Коллонтая, Дмоховскій продолжаетъ: „со вниманіемъ прочиталъ я твои замѣчанія на постановленія относительно Виленскаго университета. Въ нихъ виденъ человѣкъ, вполнѣ знакомый со всѣмъ строемъ наукъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Однако, какъ искренній твой пріятель, я прошу позволенія открыто высказать тебѣ мои мысли. Мнѣ думается, что въ настоящемъ твоемъ положеніи тебѣ не слѣдовало бы брать на себя такую работу. Эти постановленія (о Виленскомъ университетѣ) суть дѣло рукъ князя Чарторыйскаго и ксендза Стройновскаго. Люди, вѣдь, не любятъ, чтобы имъ указывали ихъ ошибки. Мнѣ даже доносятъ изъ Вильны, что тамъ гнѣваются на Чацкаго и на тебя." (Listy. II, 363—364).

Въ отвѣтномъ письмѣ Дмоховскому (отъ 23 марта 1804 года) Коллонтай сожалѣетъ, что польская литература и языкъ

понесли большую потерю въ отказѣ Дмоховскаго занять каѳедру, что для него очень прискорбно видѣть, какъ это Вильна не могла сознать всей важности пріобрѣтенія для нея самаго лучшаго польскаго писателя въ стихахъ и прозѣ, съ высокоразвитымъ вкусомъ и образцовымъ изяществомъ, что въ данномъ случаѣ онъ видитъ какую-то жестокую судьбу, заставляющую гибнуть даже то, что еще могло бы быть спасено. „Если ты, пишетъ Дмоховскому Коллонтай, сообщишь мнѣ руководившія тобою въ этомъ дѣлѣ (въ отказѣ отъ каѳедры въ Вильнѣ) важныя причины, то знай, что сообщаешь ихъ истинному твоему другу и почитателю твоихъ талантовъ.“

Поздравляя Варшаву съ пріобрѣтеніемъ Линде, Коллонтай подробно разсказываетъ Дмоховскому исторію тѣхъ обстоятельствъ (которыя уже мы выше разсмотрѣли), которыя вызвали его участіе въ работахъ Чацкаго и заставили его вступить въ переписку съ кс. Стройновскимъ.

„Чацкій, насколько ты его знаешь, открылъ мнѣ свою душу, продолжаетъ Коллонтай, и хотя я долго отказывался (отъ предлагаемаго мнѣ участія въ работѣ), выставляя на видъ, что настоящее мое положеніе требуетъ полнаго молчанія и безучастія, ничто, однако, не помогло. Я долженъ былъ взяться за дѣло, и Чацкій мнѣ обѣщалъ только, что все, что будетъ для него сдѣлано, онъ представитъ правительству подъ своимъ именемъ и меня не выдастъ... Изложивъ на этомъ основаніи мои мысли объ уставахъ 18 мая, я напомнилъ Чацкому, чтобы онъ приберегъ ихъ въ секретѣ для себя, какъ пособіе при составленіи общаго плана работъ... Прежде, однако, чѣмъ я могъ понять, что Чацкій и Стройновскій находятся между собою въ натянутыхъ отношеніяхъ, я, по просьбѣ Чацкаго, увѣдомить Стройновскаго обо всемъ, что тутъ въ (юго-западныхъ губерніяхъ) происходитъ, написалъ въ Вильну, прославляя Чацкаго за его рвеніе въ собираніи фундушей, указывая на его намѣреніе преобразовать обученіе въ здѣшнихъ губерніяхъ, съ удивленіемъ, однако, отмѣчая намѣреніе Чацкаго реформировать утвержденныя постановленія 18 мая. Не могу понять, какъ Стройновскій могъ истолковать настоящее письмо въ худую сторону. Я писалъ только то что пріятель можетъ писать пріятелю и даже хотѣлъ узнать его мнѣніе от-

носительно плановъ Чацкаго, чтобы имѣть возможность умѣрять его горячіе порывы". Второе письмо къ кс. Стройновскому касалось конкурсовъ, съ указаніемъ ненадежности этого пути (для занятія каѳедры). „Сильно желая, признаюсь тебѣ, чтобы ты занялъ тамъ каѳедру, я никакъ не могъ мириться съ тѣмъ, что и тебѣ предложили конкурсъ, какъ conditio, sine qua non. На оба эти письма Стройновскій не отвѣчалъ мнѣ; я тоже пересталъ писать къ нему. Послѣ того узналъ я, что въ Вильнѣ—въ университетѣ—организовались двѣ партіи, которыя взаимно одна другую заѣдаютъ и преслѣдуютъ, и что партія ректора (Стройновскаго) всегда одерживаетъ верхъ въ Вильнѣ, хотя не всегда въ Петербургѣ. Подобныя обстоятельства меня сильно огорчили, и я далъ слово не мѣшаться въ дѣла Виленскаго университета. По Чацкому я никакъ не могъ отказать въ совѣтѣ и помощи въ данномъ ему порученіи: его усердіе достойно уваженія со стороны каждаго, у кого на сердцѣ благо человѣчества; безъ моего содѣйствія и надлежащаго уясненія вещей, онъ, быть можетъ, не одну сдѣлалъ бы ошибку; наконецъ, хотя я и желалъ подальше уйти отъ дѣлъ общественныхъ, мнѣ трудно было отказать въ совѣтѣ пріятелю, который одинъ утѣшалъ меня въ моемъ уединеніи отъ остального міра и взаимно подкрѣплялъ меня своими совѣтами (по части отысканія секвестрованнаго Австріей имущества Коллонтая). Потому я составилъ ему цѣлый планъ устройства гимназій и уѣздныхъ училищъ, для чего онъ собралъ обильный фундушъ изъ пожертвованій помѣщиковъ; написалъ ему объяснительную записку, убѣждающую въ необходимости этого плана. Закончивши такую работу, я отдалъ ее Чацкому, обязавъ его, никогда не называть меня авторомъ этого дѣла и не примѣшивать къ нему моего имени. Теперь болѣе я ему не нуженъ. Весь мой трудъ ни въ чемъ не портитъ постановленій о Виленскомъ университетѣ и не можетъ вредить его реформаторамъ. Не могу, потому, взять въ толкъ, за что же тамъ (въ Вильнѣ) гнѣваются на меня (какая наивность! а брань и постоянное охужденіе Виленскихъ порядковъ...), развѣ за то письмо, которымъ я старался отсовѣтовать конкурсы и удержать польскій языкъ. Во всякомъ случаѣ, не думай, милостивый государь, чтобы худое настроеніе Вильны простиралось на Петербургъ. Я читалъ письма

кн. Чарторыйскаго, въ которыхъ изъявляется благоволеніе Государя Императора за пожертвованія со стороны помѣщиковъ, дается ручательство въ расширеніи курса наукъ въ гимназіяхъ (по проекту Чацкаго), похваляется усердіе Чацкаго, и Высочайшимъ указомъ подтверждаются его соглашенія съ духовенствомъ (относительно уступки и замѣны земель, плацовъ и нѣкоторыхъ монастырей въ Кременцѣ). Чацкій рѣшительно не вмѣшивается въ дѣла Виленскаго университета, онъ думаетъ только о благѣ этого края, сообразно желаніямъ помѣщиковъ (а гдѣ же благо человѣчества, о которомъ постоянно трактуетъ Коллонтай, Чацкій и К°?). Князь Адамъ благосклонно принимаетъ его предложенія и съ его стороны незамѣтно тщеславія—непремѣнно сохранить постановленія 18-го мая (какъ дѣло собственныхъ рукъ); онъ хочетъ дать ходъ тому, что будетъ лучше. А затѣмъ Чацкій не будетъ нуждаться въ различныхъ увереткахъ, чтобы на кого-нибудь свалить работу, такъ какъ и самъ онъ посвящаетъ ей все свое время и достояніе. Во всякомъ случаѣ замѣчанія твои относительно меня совершенно справедливы. Для меня впереди одинъ гробъ, и на будущее время я никуда не стану путаться, не потому, чтобы я чего-нибудь опасался..., но для меня приличнѣе заниматься работами по моему вкусу и спокойно.“ Въ заключеніе письма Коллонтай еще разъ повторяетъ, что впередъ онъ не будетъ работать съ Чацкимъ, тѣмъ болѣе, что находятся люди, которымъ это не нравится. (Listy. II, 364—369).

Обѣщанія своего Коллонтай не исполнилъ. Получивши отъ Чацкаго 16 марта 1804 года извѣщеніе о новыхъ пожертвованіяхъ на школы Кіевской и Подольской губерніи, объ учебныхъ дѣлахъ въ Винницѣ, въ Каменцѣ, о корреспонденціи его съ кн. Чарторыйскимъ и Стройновскимъ (ibid. II, 370—373), Коллонтай 24 того же марта спѣшитъ разъяснить Чацкому нѣкоторыя недоумѣнія. Удивляясь блистательнымъ его успѣхамъ въ собираніи пожертвованій для школьнаго фундуша, справедливо полагая въ этомъ краеугольный камень будущаго зданія, Коллонтай замѣчаетъ: „но меня болѣе всего радуетъ извѣстіе, что кн. Чарторыйскій отдаетъ надлежащую справедливость твоимъ намѣреніямъ. Для меня очень интересно будетъ узнать о дальнѣйшемъ обѣщанномъ имъ и болѣе обширномъ отзывѣ по настоящему дѣлу. На основаніи его уже

можно будетъ предсказать объ успѣхѣ столь полезныхъ твоихъ трудовъ, которымъ ты вполнѣ посвятилъ здоровье, собственныя выгоды и особенно дорогое твое время."

„Два письма Стройновскаго (которыя Чацкій переслалъ Коллонтаю) служатъ торжествомъ истины. Если на основаніи какихъ-нибудь постороннихъ донесеній ты могъ въ немъ сомнѣваться; если холодное его къ тебѣ отношеніе доказывало, что онъ не совсѣмъ былъ доволенъ твоими планами, надъ которыми ты такъ усердно работалъ, то теперь имѣешь полное удовлетвореніе, когда онъ (Стройновскій), вынужденный силою правды, всей работѣ твоей отдаетъ должную справедливость." (Сейчасъ мы увидимъ, что со стороны Чацкаго и Коллонтая это былъ большой самообманъ, тяжелое для нихъ самообольщеніе. Стройновскій, а потомъ даже Снядецкій вели съ Чацкимъ упорную борьбу, то затихавшую нѣсколько, то вспыхивавшую опять съ новою силою.).

„Такъ и быть должно между людьми, которые исключительно трудятся для общаго блага", продолжаетъ Коллонтай. Но такъ какъ, скажемъ отъ себя, обѣими сторонами руководило не желаніе общаго блага, а главнымъ образомъ честолюбіе и политика, то вражда и постоянныя недоразумѣнія сопровождали ихъ до конца жизни.

Останавливаясь надъ вопросами Стройновскаго въ письмѣ къ Чацкому: „Что лучше—сохранить ли утвержденный планъ обученія въ низшихъ классахъ, или ввести измѣненный Чацкимъ", и „нужна ли въ гимназіи высшая математика" (по проекту Чацкаго), Коллонтай отстаиваетъ планы Чацкаго (т. е. собственную работу) и на основаніи собственнаго школьнаго опыта доказываетъ, что прежніе планы обученія не принесутъ никакой пользы, что обученіе языковъ (низшіе четыре класса) непремѣнно должно быть удержано въ низшихъ классахъ, такъ какъ развитіе памяти посредствомъ изученія языковъ болѣе всего должно имѣть мѣста въ дѣтскомъ возрастѣ, а развитіе разсудка совершается въ возрастѣ возмужаломъ. Относительно необходимости введенія въ гимназіи высшей математики Коллонтай высказывается рѣшительно, видя въ этомъ единственный путь и къ положительной философіи, и къ раз-

витію наукъ физическихъ, и къ разнаго рода изобрѣтеніямъ, и къ расширенію всеобщаго научнаго образованія.

„Такъ какъ, заключаетъ свое письмо Коллонтай, Виленскій университетъ твой „Отчетъ“ и „проектъ устройства гимназій“ переслалъ въ Петербургъ безъ всякихъ исправленій и замѣчаній, такъ какъ кн. Чарторыйскій надлежащимъ образомъ смотритъ на представленные ему планы, то нужно надѣяться, что ты скоро получишь утвержденіе твоего великаго дѣла“... (Listy Kołłątaja. II, 374—381).

Такія ожиданія были нѣсколько преждевременны и не основательны. Они только доказывали, что Чацкій съ Коллонтаемъ не имѣли надлежащихъ свѣдѣній о ходѣ своего дѣла. Хотя 18 апрѣля Чацкій снова увѣдомлялъ Коллонтая, что съ минуты на минуту ожидаетъ подтвержденія своихъ плановъ, что это великое дѣло необходимо наконецъ покончить съ помощію его—Коллонтая—и при этомъ упрашивалъ его заняться составленіемъ положенія о фундушѣ графа Илинскаго (положеніе было составлено Коллонтаемъ и представлено Чацкому—Listy. II, 384 и 411—427), но въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ Коллонтай получилъ изъ Кракова письмо отъ Чеха съ извѣщеніемъ, что весь планъ Чацкаго, какъ сообщаютъ ему изъ Вильны, будетъ переданъ на разсмотрѣніе Виленскаго университета и что послѣдній рѣшительно не имѣетъ намѣренія сообразоваться съ нимъ, не желая ни малѣйшихъ измѣненій въ предписанныхъ ему постановленіяхъ (ibid. 385).

Смутныя Краковскія вѣсти подтвердилъ отчасти и самъ Чацкій, пересылая Коллонтаю для прочтенія свое отвѣтное письмо Андрею Снядецкому, который прислалъ ему изъ Вильны замѣчанія на его планы. „Этотъ господинъ, съ презрѣніемъ замѣчаетъ Чацкій о Снядецкомъ, научился, очевидно, изъ опыта, что каждый проповѣдникъ долженъ прославлять своего святого“. (Польская поговорка въ соотвѣтствіи русской: на чьемъ возу ѣдешь, тому и пѣсенки пой. Снядецкій въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ за одно съ Стройновскимъ). Снядецкій отстаивалъ Высочайше утвержденныя для школъ постановленія. Чацкій ему отвѣчаетъ: „Весь планъ (Снядецкаго) разъединяетъ медицинскую школу съ гимназіей, а послѣдняя двѣ

строчки (письма Снядецкаго) утверждаютъ, чтобы гимназіи и на будущее время оставались при такихъ порядкахъ, какъ это было до сихъ поръ, т. е. какъ установилъ Государь Императоръ".

Сильно не нравилось Чацкому такое положеніе Снядецкаго: оно совершенно разрушало всѣ планы Чацкаго. Вооружившись краснорѣчіемъ, Чацкій во имя науки и прогресса просвѣщенія, во имя спасенія человѣчества отъ различныхъ бѣдъ требуетъ подтвержденія своего оригинальнаго проекта устройства гимназій. „Мы хотимъ имѣть (изъ гимназій) фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ, хотимъ имѣть лекарей, и чѣмъ полезнѣе для общества будетъ жизнь человѣка, тѣмъ болѣе приложимъ заботъ о ея сохраненіи. Не могу, потому, согласиться на отдѣльную медицинскую главную школу, но искренно желаю объединенія наукъ" (въ гимназіи).

„Милостивый государь! съ паоосомъ обращается въ заключеніе письма Чацкій къ Андрею Снядецкому. „Ты поставленъ судьею моихъ плановъ; въ твоихъ рукахъ жребій нѣсколькихъ провинцій; предоставимъ нашимъ внукамъ должную оцѣнку нашего усердія; будутъ знать они о твоей работѣ; она посодѣйствуетъ ихъ просвѣщенію или невѣжеству. Но только первый случай достоинъ твоего ума и сердца; поспѣши, потому, съ работой; никакихъ откладываній я не принимаю; откладываю только пожертвованія, такъ какъ не знаю, на чемъ вы (т. е. университетъ) окончательно порѣшите."

„Я лишился Линде; лишусь всѣхъ, если только вы (т. е. университетъ) такъ медленно будете работать. Твои замѣчанія принимаю съ благодарностію, не могу только согласиться на отдѣленіе медицинской школы отъ другихъ наукъ и на оставленіе гимназій при первоначальныхъ штатахъ. Буду пользоваться твоимъ просвѣщеннымъ умомъ; хорошо его знаю. Мы оба одинаково чувствуемъ, что мы поляки; благо края служитъ предметомъ нашихъ заботъ. (Listy. II, 386—392.).

Недоумѣніе овладѣло Коллонтаемъ, по прочтеніи этого посланія. Онъ выражаетъ его въ письмѣ къ Чацкому отъ 1 мая 1804 года. „Не могу понять, писалъ Коллонтай, или ты обязалъ А. Снядецкаго составить новый проектъ (для устрой-

ства народнаго образованія) или Виленскій университетъ поручилъ ему комментировать и исправить твои планы... Прочитавъ письма Стройновскаго (указанныя выше), я думалъ, что Виленскій университетъ переслалъ въ Петербургъ твой трудъ, безъ малѣйшаго его искаженія. Но твой отвѣтъ А. Снядецкому заставляетъ опасаться за цѣлость первоначальнаго проекта, тѣмъ болѣе, что до настоящаго времени нѣтъ изъ столицы его подтвержденія. По всей вѣроятности, все дѣло находится гдѣ-нибудь на строжайшемъ разсмотрѣніи, иначе трудно объяснить причины его замедленія. (Listy. II, 392—393.)

Какъ бы въ облегченіе своей скорби, Коллонтай получилъ отъ Чацкаго увѣдомленіе, что кн. Чарторыйскій въ ближайшемъ будущемъ обѣщаетъ выслать Высочайшее подтвержденіе его плановъ, и что Стройновскій заявляетъ о желаніи университета нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій въ его планахъ. „Я отвѣчалъ ему, пишетъ Чацкій, чтобы онъ увѣдомилъ меня, въ чемъ дѣло, такъ какъ общія фразы ничего не значатъ и ничему меня не научатъ.“ (Listy. II, 393.)

Въ отвѣтъ на письмо Чацкаго Коллонтай отъ 15 мая между прочимъ пишетъ ему: „Считаю особенно важнымъ съ твоей стороны извѣщеніе, что Государь Императоръ, какъ значится въ письмѣ кн. Чарторыйскаго, не откажетъ въ подтвержденіи новаго плана устройства Волынской гимназіи. Въ Петербургѣ дѣла идутъ медленно. Если черезъ это нашъ край много теряетъ во времени и энергіи, то труды твои не мало теряютъ въ глазахъ договоренныхъ людей. Утѣшаюсь тѣмъ, что задержалъ условія Чеха и Шейдта (съ Харьковомъ), что, наконецъ, убѣдилъ ихъ съ терпѣніемъ ожидать исполненія заключенныхъ ими съ тобою условій. Мы потеряли Линде, который поступилъ на прусскую службу. За смертію мы потеряли молодого Шейдта, который учился у лучшихъ профессоровъ Падуи и Вѣны, а способностями далеко превосходилъ даже своего брата. Не слѣдуетъ долго испытывать терпѣніе Краковскихъ кандидатовъ, которыхъ ты желаешь имѣть у себя. При измѣнчивости настоящихъ обстоятельствъ, каждый готовъ ухватиться за первую надежную доску, чтобы выплыть на ней въ мѣста болѣе надежныя. Между Краковомъ и Вильной поддержи-

вается, какъ вижу, постоянная корреспонденція. До сихъ поръ изъ Вильны распространяются различныя розсказни, неблагопріятныя для твоихъ работъ. Пишутъ оттуда, что университетъ трудится надъ переработкою твоего плана, и что изъ него мало что останется; ксендзъ Богуславскій на будущій годъ предназначается будто бы на должность визитатора здѣшнихъ школъ. Не знаю, конечно, насколько справедливы всѣ подобныя вѣсти, и хотя онѣ не согласны съ ручательствомъ князя Чарторыйскаго о подтвержденіи Государемъ Императоромъ твоихъ плановъ, должны, однако, имѣть за собою нѣкоторое основаніе, такъ какъ и Стройновскій пишетъ, что университетъ желаетъ измѣненій въ нѣкоторыхъ пунктахъ"... (Listy. II, 397—398).

Успокаивая Коллонтая на счетъ Чеха и Шейдта, Чацкій увѣдомляетъ его (10 іюля 1804 г.), что онъ окончательно условилъ ихъ, и что оба они очень довольны. „Дѣлаетъ имъ честь, продолжаетъ Чацкій, что сильно привязаны къ твоей особѣ... Если позволительно судить по тому, что пишутъ, то (мои) планы будутъ сохранены."

Не успокаиваясь заявленіями Чацкаго, Коллонтай пишетъ ему (21 іюля 1804 г.) о крайнемъ своемъ смущеніи, не видя до сихъ поръ изъ Петербурга подтвержденія его плановъ „Полученныя оттуда письма извѣщаютъ, заявляетъ Коллонтай, что кн. Чарторыйскій до того занятъ (въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), что по нѣскольку дней не видятся съ нимъ его секретари. Его болѣе занимаетъ министерство иностранныхъ дѣлъ, нежели министерство народнаго просвѣщенія, и если въ первомъ такъ рѣдко видятъ его чиновники, то что можно сказать о второмъ? Такимъ образомъ, я понимаю, что замедленіе происходитъ исключительно отъ сложности занятій князя. Но эта медлительность причиняетъ большой вредъ какъ фундушамъ, доходъ отъ которыхъ будетъ исчисляться только со времени ихъ утвержденія Высочайшею властію, такъ и распространенію народнаго просвѣщенія. Къ этому необходимо присоединить еще и неудовольствіе людей, которые желали бы видѣть, наконецъ, исполненіе ихъ долгихъ ожиданій. Въ заключеніе Коллонтай поздравляетъ Чацкаго съ пріобрѣтеніемъ для Волынской гимназіи Чеха и Шейдта,—людей самыхъ не-

обходимыхъ для приведенія въ исполненіе начатой работы, и рекомендуетъ ему нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ для занятія учебныхъ должностей. (Listy. II, 405 - 406.).

Въ новомъ письмѣ къ Коллонтаю (отъ 19 августа 1804 г.) Дмоховскій (извѣщаетъ его о посылкѣ ему различныхъ книгъ и сожалѣетъ, что его возраженія противъ нападокъ Коллонтая на Варшавское общество друзей просвѣщенія вызвали нѣкоторое неудовольствіе послѣдняго. „Могу ручаться тебѣ", прибавляетъ Дмоховскій, „что я всегда одинаково люблю тебя и глубоко уважаю") пишетъ:

„Виленскій университетъ наполняется иностранцами. Будутъ тамъ нѣмцы, французы, италіанцы, англичане, т. е. ученый Вавилонъ. Тамъ (въ Вильнѣ) принято за правило ни къ чему совершенно не допускать поляковъ, какъ людей неспособныхъ; по всей вѣроятности, тѣ, которые ухватились за эту мѣру, по себѣ судятъ о другихъ. Послѣ того, какъ палъ польскій народъ, трудно нанести ему большую обиду, представляя его такимъ темнымъ и невѣжественнымъ. И самъ Виленскій университетъ, никогда не пользовавшійся хорошею славою, достигъ послѣдней степени презрѣнія. Каковы это, въ самомъ дѣлѣ, были профессора, если они не могли подготовить достойныхъ себѣ преемниковъ, если къ этому нужно прибавить еще и то, что наслѣдовать ихъ было дѣломъ далеко не труднымъ! Но мы только съ сердечною болью можемъ указывать на подобныя обстоятельства; исправить ихъ очень не легко. И гдѣ мы думали основать гнѣздо польскаго языка и наукъ, тамъ устроился пріютъ нѣмецкихъ трансцедепталистовъ (метафизиковъ), и Вильна сдѣлается колоніею чужестранцевъ" (Listy. II, 427 - 429).

Почти одновременно (20 августа 1804 г.) и Чацкій писалъ Коллонтаю, но извѣстія его были болѣе утѣшительны. Принося благодарность за составленное положеніе о фундушѣ гр. Илинскаго (заведеніе для глухонѣмыхъ), Чацкій извѣщаетъ Коллонтая, на основаніи сообщенія Стройновскаго, объ утвержденіи Чеха и Шейдта въ должностяхъ пожизненно, о полученныхъ имъ нѣкоторыхъ запросахъ отъ князя (Чарторыйскаго), которые обѣщаетъ лично доставить Коллонтаю и относительно

которыхъ выражаетъ подозрѣніе, что были внушены князю неблагожелателями, сообщаетъ ему о своихъ распоряженіхъ относительно нѣкоторыхъ кандидатовъ на учебныя должности и проситъ разсмотрѣть его сочиненіе о цыганахъ, караимахъ и евреяхъ. Послѣднее произведеніе Чацкій считаетъ самымъ ученымъ изслѣдованіемъ. „Но откровенно говорю тебѣ, прибавляетъ Чацкій, что не умѣю вполнѣ оцѣнить его, пока ты, единственный судья, не произнесешь о немъ твоего справедливаго приговора (Listy. II, 429—430].

Въ письмѣ отъ 7 октября 1804 г. послѣ нѣкоторыхъ домашнихъ сообщеній, Чацкій извѣщаетъ Коллонтая, что наконецъ онъ получилъ замѣчанія, которыя Виленскій университетъ сдѣлалъ на планы устройства учебной части въ Волынской губерніи. „Меня вызываютъ въ Вильну для упорядоченія тамъ нѣкоторыхъ дѣлъ и замиренія враждующихъ партій, и кс. Стройновскій пишетъ, что онъ на все согласенъ, о чемъ я имѣю и постороннія свѣдѣнія. Мой отвѣтъ на нѣкоторые пункты или лучше извлеченіе изъ него посылаю тебѣ. Болѣе всего меня возмущаетъ злое недовѣріе (ко мнѣ). Оффиціально сдѣлали представленіе, что фундушъ далеко недостаточенъ, тогда какъ въ остаткѣ отъ расходовъ имѣется болѣе 14959 р., къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще 400 рублей Высочайше прибавленныхъ на каждую гимназію. Это было самое искусное опроверженіе моего плана, хотя въ общемъ его похвалили. Послѣдній пріемъ допущенъ былъ въ тѣхъ видахъ, чтобы доказать, что вся работа построена на пескѣ; а я вѣдь представлялъ, что, кромѣ наличнаго фундуша, буду имѣть еще нѣсколько тысячъ отъ новыхъ пожертвованій. Прошу твоей милости, будь настолько любезенъ возвратить мнѣ эти замѣчанія (Виленскаго университета), исправить то, что я написалъ, а равнымъ образомъ разъяснить и тѣ пункты, которыхъ я не коснулся. Увѣренъ, что мнѣ ты не откажешь въ этой просьбѣ“. Въ заключеніе Чацкій говоритъ: „Препровождаю тебѣ письмо Стройновскаго; изъ него ты убѣдишься, что условія съ Чехомъ и Шейдтомъ подттверждены Государемъ Императоромъ. Очевидно, оправдывается содержаніе послѣдняго письма, именно, что, несмотря на сдѣланныя замѣчанія университета, мои планы будутъ сохранены въ цѣлости. Не-

понимаю этихъ мудрецовъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и письма изъ Петербурга.“ (Listy. II, 430—434).

Отвѣчая Чацкому на послѣднее письмо, съ приложеніемъ замѣчаній университета, Чацкаго и своихъ собственныхъ, Коллонтай (отъ 16 октября 1804 г.) указываетъ ему порядокъ, въ какомъ должно быть составлено новое представленіе, проситъ внимательно и на свободѣ прочитать всѣ сдѣланныя указанія за и противъ плана, хорошо взвѣсить ихъ, объединить, смягчить всѣ рѣзкія выраженія, особенно, если это новое представленіе будетъ направлено къ князю (Чарторыйскому). „Знай, милостивый государь, что чѣмъ болѣе ты посвящаешь труды свои общественному благу, тѣмъ болѣе долженъ явить доказательство того, что мелкая зависть не можетъ оскорбить тебя. Въ дѣйствительности, однако, ты долженъ признать, что представленіе университета сдѣлано въ самомъ злонамѣренномъ духѣ, съ цѣлію совершеннаго уничтоженія съ корнемъ цѣлаго проекта. Чтобы ты лучше могъ убѣдиться, что всѣ возраженія (университета) направлены не противъ самаго плана, а противъ трудности его осуществленія, чтобы этимъ поразить князя, необходимо, при перепискѣ на бѣло отвѣтнаго представленія, имѣть передъ глазами и самый проектъ устройства учебнаго дѣла (въ Волынской губерніи), такъ какъ вообще возражаютъ противъ того, что своевременно предвидѣлось и противъ чего въ самомъ проектѣ заблаговременно приняты надлежащія мѣры. Изъ всего этого, однако, слѣдуетъ очень прискорбное заключеніе, что князь (Чарторыйскій) не читалъ проекта, а читалъ только представленіе университета.“ Поблагодаривши Чацкаго за присылку различныхъ изданій, Коллонтай въ заключеніе письма, даетъ отзывы о нѣкоторыхъ кандидатахъ на учебныя должности. (Listy. II, 435—439).

Возраженія университета на „Проектъ“ Чацкаго (они напечатаны вмѣстѣ съ возраженіями на „Отчетъ“ въ сборн. матер. II, 949—993) касались общей неправильности составленія проекта по формѣ, указывали на нѣкоторыя только общія его положенія, требующія Высочайшаго утвержденія; частности, мелочи, особенности, должны быть сообразованы съ утвержденными уже постановленіями, исправлены или даже исключены. Волынскія учебныя заведенія, находясь въ Вилен-

скомъ учебномъ округѣ, должны сообразоваться съ общими постановленіями для школъ 18 мая 1803 года; для однообразія, ихъ программы должны быть одинаковы съ соотвѣтственными учебными заведеніями въ другихъ губерніяхъ, а школьныя должности должны называться общими для всѣхъ именами, а не вновь придуманными. Далѣе университетъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, какія состоялись соглашенія между владѣльцами относительно предназначенныхъ для Волынской гимназіи домовъ, плацовъ, земель, выражаетъ сомнѣніе въ пригодности рекомендуемаго Чацкимъ способа собиранія фундушевыхъ доходовъ, признаетъ необходимымъ занести въ актовыя книги фундушевыя записи, не соглашается на то, чтобы визитатору предоставлено было право назначать должностныхъ лицъ и чтобы должности были пожизненными, въ противность утвержденнымъ уже постановленіямъ. Относительно устройства учебной части въ Волынской гимназіи университетъ порицаетъ проектируемый порядокъ изученія языковъ и требуетъ сообразованія курса наукъ съ общими постановленіями 18 мая; признаетъ ненужнымъ изученіе библіографіи, считаетъ безполезнымъ введеніе въ гимназическій курсъ высшей математики и астрономіи, при неудовлетворительномъ расположеніи другихъ наукъ и при отсутствіи учителя рисованія, возстаетъ противъ устройства школы хирурговъ, возражаетъ противъ общаго стола и безженства префекта (помощникъ директора), противъ опредѣленнаго содержанія учителей; курсъ обученія приходскихъ учителей университетъ находитъ слишкомъ обширнымъ, требуетъ исключенія математики, права и замѣны ихъ рисованіемъ и другими предметами; университетъ желаетъ, чтобы кандидаты въ учителя поступали въ конвиктъ съ согласія родителей, опекуновъ и съ ихъ же согласія давали бы обязательство служить, по окончаніи курса наукъ, въ учительской должности.

Относительно спеціальныхъ курсовъ строительнаго искусства, механики, огородничества, земледѣлія университетъ признаетъ ихъ полезными только въ томъ случаѣ, если будутъ соотвѣтственныя значительныя приспособленія и способные учителя. Относительно женской учительской семинаріи университетъ желалъ бы, чтобы начальница назначалась обычнымъ порядкомъ и состояла въ зависимости отъ университета,

а не въ непосредственномъ подчиненіи Ея Величеству; оканчивающія курсъ гувернантки должны быть свободны въ выборѣ мѣста и въ заключеніи условій.

Въ заключеніе университетъ соглашается, что высшая школа была бы не лишняя для югозападныхъ губерній, но это еще не значитъ, чтобы таковая школа подлежала какимъ-нибудь особеннымъ исключеніямъ изъ общихъ постановленій. Собранный визитаторомъ фундушъ далеко недостаточенъ, по мнѣнію университета для осуществленія его плановъ; почему послѣдніе должны быть приводимы въ исполненіе исподоволь, постепенно.

„Это послѣднее заключеніе, говоритъ Коллонтай, ясно обнаруживаетъ намѣреніе университета похвалить дѣло въ общемъ, охулить во всѣхъ частяхъ, показать, что нѣтъ фундуша на его содержаніе, а, стало быть, и весь проектъ не заслуживаетъ Монаршаго подтвержденія. Но если онъ не стоитъ такой высокой чести, все же заслуживаетъ нѣкотораго вниманія (Коллонтай иронизируетъ надъ мнѣніемъ университета), то-есть, необходимо отдать его подъ особенное распоряженіе университета, который мало-по-малу будетъ приводить его въ исполненіе, помѣрѣ наростанія фундуша; визитатору можетъ быть предоставлено только право собирать новые фундуши и ихъ увеличивать, но онъ нисколько не долженъ думать объ утвержденіи Государемъ Императоромъ проекта, который выработалъ по желанію помѣщиковъ. Такое разсужденіе университета основывалось, очевидно, на томъ предположеніи, что князь попечитель не станетъ читать проекта визитатора, а ознакомится только съ замѣчаніями на него университета.“ (Listy. III, 38.)

Отвѣчая на другія возраженія университета, Коллонтай говоритъ, что визитаторъ, при составленіи проекта, имѣлъ въ виду примѣры другихъ государствъ, гдѣ каждая провинція имѣетъ свои особыя школы, что въ данномъ случаѣ онъ не руководствовался какимъ-нибудь самолюбіемъ или честолюбіемъ, а единственно имѣлъ въ виду благо человѣчества и желаніе жертвователей, что всѣ его положенія основаны на опытѣ и нѣтъ никакого основанія не испрашивать Высочайшаго ихъ утвержденія; тогда только новый опытъ докажетъ

ихъ полную практичность и полезность. Всѣ соглашенія его съ владѣльцами касательно занятія подъ гимназіи домовъ, плацовъ, земель сдѣланы и представлены по принадлежности въ министерство и къ университету не относятся. Способъ собиранія фундушевыхъ доходовъ посредствомъ ректоровъ и проректоровъ Коллонтай признаетъ болѣе надежнымъ, нежели передача этой операціи въ руки казны. Назначеніе пожизненныхъ чиновниковъ, и при томъ властію визитатора, обѣщаетъ для дѣла громадную пользу: только визитаторъ, зная людей, можетъ подобрать достойный учебный персоналъ, которому за то и слѣдуетъ предоставить извѣстныя права и привиллегіи. Распорядокъ учебныхъ занятій въ школахъ по проекту визитатора вполнѣ согласованъ съ опытомъ и развитіемъ природы человѣка; предыдущія занятія служатъ основаніемъ для послѣдующихъ; переходы отъ предмета къ предмету строго сообразованы; кажущееся опущеннымъ въ дѣйствительности заключено въ проектѣ (рисованіе, солидометрія...); время для занятій расчитано точно. Для положенныхъ въ проектѣ каѳедръ имѣются достаточные фундуши, такъ что можно найти на нихъ вполнѣ достойныхъ ученыхъ, а школа хирурговъ будетъ обставлена всѣми необходимыми пособіями и воспособляющими учрежденіями. Гимназія съ своими спеціальными отдѣленіями должна сохранить право выдавать аттестаты кончившимъ курсъ наукъ... Относительно многихъ другихъ возраженій университета Коллонтай, ничтоже сумняся, прямо заявляетъ, что эти возраженія свидѣтельствуютъ только о духѣ зависти Виленской академической корпораціи, о полнѣйшемъ незнакомствѣ ея со многими частями проекта, отъ чего и могли явиться неосновательныя замѣчанія, о какомъ-то странномъ недовѣріи къ визитатору и ложныхъ на него подозрѣніяхъ, тогда какъ проектъ его отвѣчаетъ желаніямъ жертвователей; послѣдніе открыто заявили, что свои пожертвованія посвящаютъ на пользу собственной губерніи и на тѣ назначенія, какія указаны въ проектѣ. Въ противномъ случаѣ, они готовы взять обратно свои жертвы, если только имъ придется подчиниться рѣшительному голосу Виленскаго университета и отказаться отъ собственныхъ намѣреній. Потому и въ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ на возраженія университета мы нерѣдко встрѣчаемся съ такимъ выраженіемъ: „Да, возраженіе не дур-

ное; но такова воля фундаторовъ." Вообще, отстаивая самостоятельность власти визитатора и независимость учебныхъ заведеній югозападнаго края отъ Виленскаго университета, который, наоборотъ, на основаніи постановленій 18 мая, требовалъ полнаго административнаго ихъ объединенія съ собою, Коллонтай заключаетъ: „Упорство университета на этомъ пути послужитъ только къ обвиненію его въ корпоративномъ духѣ зависти къ новому учрежденію". (Listy. III, 1—37. Ср. 61).

Продолжая успѣшно вести споры съ Виленскимъ университетомъ, находя въ Коллонтаѣ единственнаго усерднаго себѣ сотрудника во всѣхъ работахъ (Listy. III, 40—60, 64—65), Чацкій съ каждою почтою получалъ болѣе и болѣе утѣшительныя для себѣ свѣдѣнія изъ Петербурга. Отъ 16 октября 1804 г. онъ увѣдомляетъ Коллонтая, что въ Петербургѣ, насколько онъ можетъ судить, все принимаютъ благосклонно; только что полученное письмо князя (Чарторыйскаго) разрѣшаетъ ему дѣлать всевозможныя приготовленія для скорѣйшаго открытія гимназій Волынской и Подольской (по проекту Чацкаго). Государь Императоръ именнымъ указомъ утвердилъ Чеха и Шейдта пожизненно въ предназначенныхъ имъ должностяхъ (директоровъ названныхъ гимназій). (Listy. III, 39).

Въ новомъ сообщеніи отъ 21 ноября Чацкій пишетъ, между прочимъ, Коллонтаю: „Я получилъ отъ кн. Чарторыйскаго вполнѣ благосклонное письмо; поручаетъ открытіе гимназій. Желаетъ, чтобы фундушевые записи были занесены въ акты до утвержденія ихъ Высочайшею властію... (Listy. III, 65). Черезъ два дня (23 ноября) снова сообщаетъ: „ну, кажется, теперь всѣ возраженія на мои планы должны исчезнуть; я исполнилъ послѣднюю формальность; фундушевыя записи занесены въ акты". (ibid. 66.)

Того же 23 ноября и Коллонтай, возвращая Чацкому съ своими замѣчаніями его изслѣдованіе о цыганахъ, писалъ ему: „Ты благодаришь меня за посланныя тебѣ разъясненія на представленіе Виленскаго университета; я вижу въ этомъ доказательство твоей любезности. Но для меня желательно было бы знать, насколько эти разъясненія убѣдительны и одолѣ-

ваютъ ли поставленныя имъ трудности. Я не имѣю вкуса къ спорамъ; кто убѣдитъ меня, охотно подчиняюсь сдѣланной поправкѣ. Не въ томъ дѣло, насколько я ошибался, такъ какъ не признаю себя непогрѣшимымъ; но убѣдился ли ты, милостивый государь, что дѣло должно быть поставлено такъ, какъ мы его представили, а не такъ, какъ хочетъ того университетъ. Теперь время, которымъ ты долженъ воспользоваться, чтобы дать князю почувствовать, что онъ не долженъ слѣпо вѣрить Виленской корпораціи или нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ... Ошибки, допущенныя въ устройствѣ университета, какъ въ отношеніи расписанія курсовъ наукъ, такъ и въ отношеніи экономіи, неизбѣжно требуютъ исправленія. Лесть, конечно, все это теперь прославляетъ; но время откроетъ его злую сторону и обнаружитъ послѣдствія напрасно сдѣланныхъ затратъ. Эта плохая реформа повредила только славѣ нашего народа; просвѣщеніе ничего не выиграло. (Listy. II, 70, 71).

Чацкій, между тѣмъ, для уясненія своихъ проектовъ побывалъ въ это время (въ декабрѣ мѣсяцѣ 1804 г.) въ Вильнѣ и лично постарался разсѣять различныя недоумѣнія университета относительно своихъ плановъ. Послѣ нѣкоторыхъ совмѣстныхъ обсужденій послѣднихъ въ совѣтѣ университета, остановились на слѣдующихъ ничтожныхъ измѣненіяхъ въ проектѣ Чацкаго.

1) Были оставлены безъ утвержденія всѣ таблицы распредѣленія занятій, а также постановленія относительно платья и общаго стола въ училищѣ для гувернантокъ въ виду того, что время лучше всего укажетъ, какія въ этомъ отношеніи можно будетъ принять мѣры.

2) За всѣми чиновниками гимназій и уѣздныхъ училищъ сохранены тѣ названія, какія предписаны общими постановленіями для всего округа; называться профессорами представлено право только тѣмъ, которые будутъ читать въ гимназіи высшіе курсы наукъ. (Чацкій проектировалъ, чтобы всѣ учителя назывались профессорами.)

3) Болѣе обстоятельно, сравнительно съ прежнимъ, разъяснено, въ чемъ будутъ состоять однолѣтніе курсы.

4) Исключены различныя ссылки на постановленія бывшей польской эдукаціонной комиссіи.

5) Относительно языковъ удержанъ планъ Чацкаго въ низшихъ четырехъ классахъ; сдѣлано только дополненіе, гарантирующее усовершенствованіе въ языкахъ и для учениковъ высшихъ курсовъ, если бы они того пожелали.

6) Болѣе существенныя измѣненія вошли въ планъ относительно школы хирурговъ и акушерства, именно: прибавлены патологія и матерія хирургическая, сравнительная анатомія и prawna chirurgia; администрація гимназіи должна каждый разъ увѣдомлять общество или городъ, которые высылаютъ своихъ кандидатовъ на эти курсы, о неспособности или безнравственности кандидата, если только это будетъ замѣчено; уничтожена денежная оплата дипломовъ; при сохраненіи такой таксы, какъ проектировалъ Чацкій, польза отъ нея получалась бы незначительная, а между тѣмъ нарушалось бы, по мнѣнію университета, то правило, что общественное обученіе должно даваться даромъ; обезпечено прибавленіе третьяго профессора для преподаванія наукъ, которыя добавлены по первому пункту настоящаго параграфа; всѣ уродства въ природѣ, какія будутъ найдены въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской должны быть пересылаемы въ Кременецъ; всѣ наблюденія, описанія болѣзней, рожденій, смерти обязательно пересылаются уѣзднымъ врачамъ; форму для подобныхъ наблюденій составитъ университетъ; относительно акушерокъ постановлено, чтобы онѣ изучали самый механизмъ (предстоящихъ имъ работъ).

7) Относительно женской школы замѣнено прежде всего самое названіе *семинарія* на *школу*; расписаніе наукъ, обстановка и одежда составитъ предметъ особыхъ распоряженій; прибавленъ классъ танцевъ; планъ Чацкаго, обязывавшій каждую выходящую изъ школы гувернантку прослужить въ своемъ уѣздѣ пять лѣтъ за ежегодную плату 600 злотыхъ (около 90 руб.) измѣненъ въ томъ смыслѣ, что указанная плата можетъ измѣняться по распоряженію начальницы училища; совершенно исключено то положеніе въ планѣ Чацкаго, чтобы, въ случаѣ недоразумѣній между начальницей

училища и университетомъ, споръ разрѣшался Государыней Императрицей.

Согласившись взаимно съ Чацкимъ на такія измѣненія въ его планѣ, университетъ, какъ бы въ отмѣну своего прежняго представленія (29 мая 1804 г.) писалъ князю 24 декабря, что онъ признаетъ полезнымъ и учрежденіе для Волыни высшей, чѣмъ въ другихъ городахъ гимназіи съ различными дополнительными къ ней школами, и учрежденіе женскаго училища съ особыми курсами, которое при томъ состояло бы подъ Высочайшимъ Государыни Императрицы покровительствомъ. Проситъ также университетъ ходатайства попечителя объ ускореніи подтвержденія въ законномъ порядкѣ различныхъ фундушевыхъ записей и пожертвованій на Волынскую гимназію и о содѣйствіи Чацкому гражданскихъ властей въ упорядоченіи Кременца... (Сборн. Матеріаловъ... II, 993—997).

Сильно радовался Чацкій такому исходу затѣяннаго имъ дѣла. Свою радость онъ поспѣшилъ выразить въ письмѣ къ Коллонтаю изъ Вильны отъ 25 декабря 1804 года и подѣлиться съ нимъ интересными для обоихъ новостями. „Могу гордиться, писалъ онъ, тѣмъ общимъ довѣріемъ, которое повсюду меня окружаетъ. Образовались было здѣсь различныя партіи, общества; вражда, безпорядочность, неизвѣстность, что лучше и что хуже, легкомысліе, занятія мелочами — все это вмѣстѣ ставило прогрессу большія препятствія и задерживало цѣлую машину (образный языкъ о духѣ Виленской академической корпораціи). Которые думали уйти, остаются, а Иванъ Снядецкій, какъ полагаю, рѣшится перемѣститься сюда. Оба Франка (профессора Виленскаго университета), при своихъ способностяхъ, имѣютъ значительно расширенное поле дѣятельности. Отецъ обладаетъ чарующимъ даромъ слова; сынъ по этой части сравнится съ отцомъ. Во многихъ отношеніяхъ проявилась новая жизнь. Университетъ мирится съ мнѣніемъ и желаніями помѣщиковъ (Волынской губерніи). Наши планы представлены съ самыми ничтожными измѣненіями. Въ теченіе семнадцати дней, которые я провелъ здѣсь, у меня не было свободной минуты. Безъ власти, я однако, при общемъ довѣріи, сдѣлался заправителемъ всего“. (ibid. 91).

Очевидно, положеніе Чацкаго становилось твердымъ, и онъ теперь могъ уже разсчитывать на благопіятный исходъ своего дѣла.

Дальнѣйшая корреспонденція Чацкаго съ Коллонтаемъ содержитъ въ себѣ сообщенія объ ученыхъ его трудахъ, о пріобрѣтеніяхъ для Волынской гимназіи, о различныхъ кандидатахъ на учебныя должности, объ ихъ подготовкѣ и направленіи о разработкѣ учебныхъ плановъ по курсамъ наукъ, проектируемыхъ въ гимназіяхъ, о приглашеніи въ Кременецъ пользующихся извѣстностію ученыхъ и различныхъ имъ порученіяхъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ Коллонтай являлся однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ Чацкаго. (Listy. III, 92—112).

Ксендзъ Алоизій Осинскій, приглашенный Коллонтаемъ, по порученію Чацкаго, въ Кременецъ на каѳедру латинской и польской словесности, такъ писалъ Коллонтаю: „Милостиво вызванный тобою на общественное служеніе (до сихъ поръ Осинскій занимался частнымъ обученіемъ въ домѣ помѣщика Радзиминскаго), приношу мою искреннюю благодарность за память обо мнѣ. О, какое счастіе для меня, писать къ тебѣ, почтенный мужъ; украшенный величіемъ науки, ты сдѣлался славою имени поляковъ. Жажду навѣстить тебя, чтобы исполнить тотъ долгъ уваженія, который считаютъ для себя обязательнымъ всѣ любящіе науку и знающіе твое высокое благородство... (ibid. III, 112 113. Осинскій составилъ потомъ жизнеописаніе Чацкаго).

Чацкій въ письмахъ къ Коллонтаю начиналъ уже благосклонно отзываться о Виленскомъ университетѣ. „Не могу на него болѣе жаловаться, писалъ онъ, тамъ дѣлаютъ для меня все, чего только пожелаю и не ставятъ мнѣ никакихъ затрудненій...“ (Listy. III, 114). Но это былъ обманъ со стороны Чацкаго, и великій обманъ; полное согласіе между Чацкимъ и университетомъ такъ таки и не возстановилось до конца его жизни; онъ умеръ въ полномъ съ нимъ разногласіи...

VII.

Виленскій университетъ по законоположеніямъ 1803 г., его торжественное открытіе. Ректоръ Іеронимъ Стройновскій. Первыя мѣропріятія университета по учебному округу: избраніе визитаторовъ; конкурсы. Нѣкоторыя пожертвованія по Виленскому округу. Избраніе Стройновскаго ректоромъ на новое трехлѣтіе.

На основаніи „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“ (п. 18), университетъ вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ всѣ учебныя заведенія своего округа. „Ректоръ, какъ начальникъ университета, получалъ донесенія отъ гимназій обо всѣхъ предметахъ, касающихся до хозяйственнаго и учебнаго распоряженія училищъ, въ округѣ того университета состоящихъ,..“ Ректоръ въ свою очередь, обо всемъ доносилъ попечителю округа. (Сборн. постановл. по М. Н. Пр-я. I, 16. Ср. 60). Такимъ образомъ, ректоръ университета не только становился во главѣ ученаго и учащаго сословія, не только долженъ былъ устроять, направлять и вести учебное дѣло по всему округу, но являлся въ то же время и главнымъ начальникомъ всей школьной администраціи, распорядителемъ различныхъ эдукаціонныхъ капиталовъ, фундушей, ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ попечителя. Область дѣятельности университета въ преобразованномъ видѣ становилась очень многосложною, широко-разнообразною и отвѣтственною; требовалось быть и глубоко-ученымъ, съ обширнымъ, многостороннимъ взглядомъ на вещи, и опытнымъ администраторомъ.

30 января 1803 года министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ совѣтъ Виленскаго университета, что „именнымъ Его Величества указомъ, 24 января попечителемъ Виленскаго университета и его округа опредѣленъ... князь Адамъ Чарторыйскій, что къ округу университета причислены восемь губерній (намъ уже извѣстныя), а по Высочайше утвержденнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія положено всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ въ названныхъ губерніяхъ,

относиться черезъ директора училищъ (каковымъ считался директоръ гимназіи) по дѣламъ оныхъ въ университетъ. Такія же отношенія министра послѣдовали къ литовскому военному губернатору, витебскому и могилевскому, волынскому и подольскому, кіевскому и минскому, съ просьбою сдѣлать съ ихъ стороны соотвѣтственныя объявленія директорамъ училищъ, находящимся въ ввѣренныхъ имъ губерніяхъ. (Сборн. Матер. II, 149—153). Начиналась новая жизнь; вводились новые порядки.

Ректоромъ университета въ это время былъ Іеронимъ Стройновскій. Стройновскій хорошо былъ знакомъ и съ современною наукою, и съ школьною практикою. Онъ профессорствовалъ и въ Краковѣ—въ конвиктѣ у піаровъ, и въ Вильнѣ—въ академіи; по порученію эдукаціонной комиссіи велъ практическія занятія въ Краковской академіи съ кандидатами на учительскія должности. Изъ ученыхъ трудовъ широкою, вполнѣ заслуженною извѣстностію пользовалось его сочиненіе „Nauka prawa przyrodzonego"... Въ 1799 году онъ былъ избранъ ректоромъ Виленской академіи, вмѣсто Почобута. На новой должности Стройновскому пришлось испытать въ началѣ большую непріятность. Императоръ Павелъ I, особенно благопріятствовавшій іезуитамъ, велѣлъ передать въ ихъ завѣдываніе Виленскую академію. И предыдущій ректоръ, и Стройновскій, сталъ убѣждать ихъ, когда тѣ явились въ Вильну для осмотра и пріема академіи, что сдѣланное имъ порученіе выше ихъ силъ, что они не сумѣютъ и не смогутъ двигать съ пользою и успѣхомъ такимъ сложнымъ корпусомъ, какъ Виленская академія, что для общаго блага они должны отказаться отъ своихъ намѣреній. Ничто, конечно, не подѣйствовало. Тогда Стройновскій подалъ записку на Высочайшее имя, прося оставить академію на прежнихъ основаніяхъ. За это Стройновскій былъ посаженъ въ заключеніе въ Доминиканскомъ монастырѣ на двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ. Смерть Павла I остановила затѣи іезуитовъ, и Стройновскій продолжалъ быть ректоромъ академіи. (Uniwersytet Wilenski. Bielinski. III, 51).

Когда учреждена была комиссія училищъ, въ которой и князь Чарторыйскій состоялъ членомъ, онъ представилъ ей

свою записку: „Начала для образованія народнаго воспитанія въ Россійской Имперіи, съ указаніемъ постепеннаго порядка основанія школъ приходскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ и университетовъ, съ постепенною однѣхъ отъ другихъ зависимостію и подчиненіемъ". „Находя полезнымъ хотя въ одной части имперіи привести въ дѣйство благотворныя намѣренія Его Императорскаго Величества относительно до распредѣленія училищъ такъ, чтобы они имѣли общее средоточіе, одну систему зависимости и управленія, чтобы содержаніе ихъ было обезпечено одинаковымъ или подобнымъ образцомъ, министръ народнаго просвѣщенія отъ 4 октября 1802 года предложилъ члену комиссіи гр. Потоцкому совмѣстно съ членомъ кн. Чарторыйскимъ заняться соображеніемъ всего, касающагося до университета Виленскаго, слѣдуя тому расположенію, какое имѣла бывшая въ Польшѣ эдукаціонная комиссія; наипаче (предложилъ) взять въ разсужденіе распоряженія оной комиссіи относительно до имѣній, присвоенныхъ университету и зависящимъ отъ него училищамъ." (Сборн. Матеріал. II, 17, 18). Еще раньше, въ маѣ 1802 года въ комиссію объ училищахъ былъ вызванъ изъ Вильны и Стройновскій (Dawna akademia Wilenska. Bolinski. 380). Теперь вмѣстѣ съ Потоцкимъ, Чарторыйскимъ, Плятеромъ и другими онъ занялся составленіемъ положенія о Виленскомъ университетѣ и училищахъ его округа. Какъ членъ бывшей эдукаціонной комиссіи, онъ вмѣстѣ съ кн. Чарторыйскимъ приложилъ всѣ старанія, чтобы воспользоваться ея трудами и выработанными уставами и положить ихъ съ немногими дополненіями и исключеніями въ основаніе учебнаго дѣла въ Россійской Имперіи. Около года пришлось Стройновскому поработать въ Петербургѣ. Князь Чарторыйскій писалъ Чацкому, что Стройновскій съ похвальною энергіей старался выставить правительству всѣ нужды просвѣщенія, представляя разные способы къ ихъ облегченію и успѣшному осуществленію. (Bielinski. Uniwersitet Wilenski. III, 51.). За то онъ имѣлъ великое удовольствіе видѣть свои проекты Высочайше утвержденными и предназначенными для общаго выполненія. Извѣщая объ этомъ 27 января 1803 года своего временнаго замѣстителя по академіи въ Вильнѣ, Почобута, Стройновскій съ радостію замѣчаетъ, что „день 8 сентября 1802 года долженъ считаться первою эпохою въ дѣлѣ

общественнаго просвѣщенія (Учрежденіе министерствъ и комиссіи объ училищахъ. Сборн. постановл. М. Н. Пр-я. I, 1—3), а день 24 января 1803 года—второю эпохою; онъ окончательно утверждаетъ это дѣло и созидаетъ для него прочныя правила. Въ этотъ день всепресвѣтлѣйшій Монархъ Высочайше утвердилъ докладъ главнаго правленія училищъ объ организаціи учебной части. Тогда же особымъ указомъ назначены попечители округовъ и опредѣлены границы послѣднихъ. О такихъ Высочайшихъ распоряженіяхъ министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ университеты и губернаторовъ, въ вѣдѣніи которыхъ прежде находились школы. Какъ только университетъ получитъ подобное извѣщеніе, онъ сейчасъ же долженъ взять въ собственное завѣдываніе школы своего округа и свои рапорты направлять къ попечителю, а тотъ уже будетъ сноситься съ министромъ. Первымъ дѣломъ университета, продолжаетъ Стройновскій, должно быть избраніе визитаторовъ, а также составленіе для нихъ инструкціи и представленіе попечителю для утвержденія какъ избранныхъ визитаторовъ, такъ и инструкціи для нихъ. Истинное счастіе для Виленскаго университета, что попечителемъ округа, какъ того мы себѣ желали и жаждали, назначенъ кн. Чарторыйскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, котораго усердіе, свѣтлый умъ и громадное значеніе (при Дворѣ) поставитъ нашъ университетъ на истинную степень высоты и полезности... Нашъ планъ принятъ во всемъ, съ самыми ничтожными измѣненіями, и потому у насъ съ значительною легкостью будетъ введенъ онъ въ исполненіе. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ съ новыми установленіями, что тогда только соглашаются на нихъ, хотя бы это была самая простая вещь, когда они пройдутъ разныя колеи проектовъ, когда придутъ въ равновѣсіе различныя идеи, взгляды и интересы" (Dawna akademia Wilenska. Balinski. 551. 552).

Въ другомъ письмѣ къ тому же Почобуту Стройновскій о своей работѣ въ комиссіи училищъ выражается еще яснѣе, что она очень близко подходитъ къ плану эдукаціонной комиссіи (ibid. 546). Сообщая объ этомъ гр. Хребтовичу, Почобутъ отъ себя прибавляетъ: „не сомнѣваюсь, что во всемъ сказанномъ вы найдете для себя великое удовольствіе", намекая этимъ, что Хребтовичъ былъ главнымъ иниціаторомъ

учрежденія эдукаціонной комиссіи въ Польшѣ и охранителемъ ея интересовъ.

Возвратившись весною 1903 года въ Вильну, Стройновскій поспѣшилъ торжественно открыть университетъ, только что преобразованный изъ академіи. Для этого назначено было 17 іюня 1803 года. Кромѣ профессоровъ и студентовъ, собралось множество гостей мѣстныхъ и пріѣзжихъ. „Прекрасно-поучительное было зрѣлище, говоритъ Балинскій, когда стали входить въ залъ засѣданія одѣтые въ богатые бархатные алаго цвѣта тоги столько мужей, извѣстныхъ въ краѣ своими заслугами и наукою, съ выраженіемъ на лицахъ радости и сердечной благодарности, предшествуя длиннымъ рядомъ слѣдовавшему за ними высокопочтенному ректору (Стройновскому). Рядомъ съ нимъ шелъ достойнѣйшій Почобутъ, недавній замѣститель ректора, упоенный лѣтами и ученою славою, еще очень бодрый старецъ, живыхъ способностей къ наукамъ и горячаго сердца для края. За ними несли посеребряный скипетръ –символъ достоинства и власти ректора, давній даръ расположеннаго къ ней короля (Стефана Баторія). По сторонамъ стояли студенты университета и ученики всѣхъ учебныхъ заведеній г. Вильны съ своими начальствующими, и прибывшіе на торжество гости.“ (Dawna Akademia Wilenska. Balinski. 389). Тутъ же присутствовали военный литовскій и гражданскій виленскій губернаторы, члены присутственныхъ мѣстъ и прочіе обоего пола знатные особы и граждане. „Ректоръ университета, доносилъ по этому поводу виленскій попечитель министру народнаго просвѣщенія, открылъ засѣданіе приличною сему случаю рѣчью и потомъ отдалъ университетскому секретарю для прочтенія собранію Всемилостивѣйше жалованную оному университету грамоту. Потомъ астрономъ-наблюдатель кс. Почобутъ читалъ на латинскомъ языкѣ оду, а профессоръ краснорѣчія и словесности кс. Голянскій говорилъ на польскомъ языкѣ рѣчь объ основаніи, успѣхахъ и нынѣшнемъ утвержденіи университета, протекая въ ней кратко о дѣяніяхъ, наукахъ и мужахъ, отличныхъ въ исторіи сего университета покровительствомъ онаго и своею ученостію. По окончаніи засѣданія, ректоръ, принявъ отъ предсѣдателей главнаго суда въ лицѣ гражданъ торжественное засвидѣтельствованіе чувствительнѣйшей благодарности

Всемилостивѣйшему Государю Императору за всѣ *прiянныя* милости для общаго блага и для блаженства будущихъ временъ, пошелъ со всѣмъ университетомъ и множествомъ посѣтителей въ университетскую церковь, въ которой было молебное пѣнiе." (Сборн. матер. II, 167). Отъ 24 iюля того же года попечитель доносилъ министру, „что Виленскiй каѳедральный капитулъ, записавъ актъ утвержденiя Виленскаго университета и на основанiи его входя съ симъ университетомъ въ тѣснѣйшую связь, прiемлетъ особенное участiе въ той благодарности, какую ощутили всѣ вообще обыватели къ Всемилостивѣйшему Монарху за щедроты, обильно изліянныя на просвѣщенiе народа." Тогда же онъ увѣдомлялъ министра о сообщенiи главнаго Виленскаго суда изъ 1-го департамента, что по случаю бывшаго открытаго засѣданiя онаго университета, въ которомъ объявлено было собранiю Высочайшiя узаконенiя, относящiяся къ твердому основанiю народнаго просвѣщенiя, внесено въ оный судъ обывателями двѣстѣ шестьдесятъ червонцевъ для освобожденiя содержащихся за долги". (ibid. 168). Ода Почобута, говоренная имъ на торжественномъ открытiи университета, въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, представлена была въ Петербургъ для поднесенiя Его Величеству. (ibid. 161—173).

Первымъ дѣломъ преобразованнаго университета было, какъ указывалъ Стройновскiй на то еще изъ Петербурга,—избранiе визитаторовъ для обозрѣнiя училищъ. На основ. 17 ст. „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенiя", университетъ изъ своихъ почетныхъ членовъ избралъ трехъ визитаторовъ: новогрудскаго старосту, тайнаго совѣтника Ѳадея Чацкаго, извѣстнаго по своей учености, виленскаго прелата и кавалера Ксаверiя Богуша, который и прежде принималъ на себя это званiе, и коллежскаго совѣтника, члена Петербургской академiи наукъ и кавалера Севергина. Составленная для нихъ инструкцiя состояла изъ 28 пунктовъ и обнимала собою весь порядокъ визиты. (Чацкiй, какъ мы видѣли выше, не придавалъ этой инструкцiи никакого значенiя, имѣя какiя то особыя полномочiя. Потому мы о ней и не говорили прежде; вообще дѣятельность Чацкаго была „внѣ правилъ" до конца его жизни и говорить о ней приходится отдѣльно, какъ о чемъ то самостоятельномъ).

Обозрѣпіе визитаторовъ подлежали всѣ училища губернскія, уѣздныя, содержимыя обществами духовныхъ или монастырскія, всякіе конвикты, пансіоны и другія домашнія учебныя заведенія. При обозрѣніи каждаго училища визитаторъ долженъ былъ собрать вѣрныя свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности учителей и домашнихъ учителей, а равно и о поведеніи какъ лицъ учебнаго персонала, такъ и учениковъ. Визитаторъ долженъ былъ наблюдать, „какимъ училища послѣдуютъ правиламъ и совершенно ли наблюдаютъ предписанія ихъ начальства и если въ чемъ отъ нихъ уклоняются, то по какимъ причинамъ; испытывать учениковъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ, языкахъ, рисованіи чистописаніи и проч. и со всякимъ вниманіемъ осматривать каждый классъ, особенно, прилежнѣйше замѣчая изъ отвѣтовъ учениковъ способности и образъ ученія учителя, также остроту и успѣхи учениковъ; наблюдать, показываютъ ли отвѣты учениковъ точное понятіе того, о чемъ ихъ спрашиваютъ, и не затверживаютъ ли они на память одни слова, которыми отвѣчаютъ на приготовленные и и выученные наизусть вопросы. При обозрѣніи училищъ, содержимыхъ обществами духовныхъ, визитаторы должны были вникнуть въ способности тѣхъ, коимъ препоручено воспитаніе, основательно ли разумѣютъ сами преподаваемыя ими науки, гдѣ обучались, совершенно ли имъ извѣстенъ образъ ученія и обращенія съ юношествомъ, не обременяются ли другими монастырскими обязанностями, кои препятствуютъ имъ въ надлежащемъ исполненіи учительской должности, и не употребляются ли въ сіе званіе весьма молодыхъ лѣтъ, не пріобрѣвъ сами нужной опытности. Ибо тѣ духовныя общества, кои мало обращаютъ вниманіе на выборъ способныхъ учителей и начальниковъ, могутъ потерять право участвованія въ сей общественной услугѣ". Визитаторы должны были спросить каждаго учителя, по какимъ книгамъ онъ учитъ, или по собственнымъ запискамъ и тетрадямъ; послѣднія показывались визитатору, который разсмотрѣвъ ихъ, дѣлаетъ о томъ замѣчанія въ своемъ донесеніи.

На обязанность визитаторовъ возложено было также:

а) наблюсти,—есть ли въ осматриваемомъ заведеніи библіотека, собранія естественныхъ или искусственныхъ произведеній, инструменты, машины, атласы, образцы (модели) а

равно начальныя книги, и удобно ли выписывать оныя, сходно ли онѣ продаются. (п. 11.).

б) „Имѣя попеченіе о нравственномъ воспитаніи юношества, стараться и о физическомъ или естественномъ т. е. о соблюденіи здоровья. По сей причинѣ визитаторы имѣютъ осмотрѣть состояніе жилищъ, положеніе мѣста и домовъ, назначенныхъ для содержанія училищъ, вмѣстительно ли и порядочно ли прибраны залы для преподаванія уроковъ, соразмѣрны ли съ числомъ учащихся, а сіи могутъ ли имѣть въ городѣ выгодныя и достаточныя квартиры, близко ли къ нимъ въ случаѣ надобности, лѣкарь и аптека, бываетъ ли въ томъ мѣстѣ привозъ жизненныхъ припасовъ и за сходную ли продаются цѣну". (п. 12).

в) Обратить вниманіе на институтъ домашнихъ учителей. „Способные и бдительные домашніе учители много содѣйствуютъ успѣхамъ учащихся и пріобрѣтенію вящшей пользы отъ уроковъ, которые они вообще слушаютъ въ училищѣ. Почему визитаторы не оставятъ тщательнѣе вникнуть во все то, что можетъ относиться къ симъ учителямъ: довольное ли число ихъ находится при училищѣ, наблюдаютъ ли они должную начальству ихъ подчиненность, имѣютъ ли знанія и добронравное поведеніе, не выходятъ ли изъ предѣловъ своей власти въ наказаніи учениковъ, смотрятъ ли ихъ прилежно, дѣлаютъ ли съ ними нужное повтореніе уроковъ и, обучая дѣтей, занимаются ли сами ученіемъ". Ученикамъ и учителямъ не запрещалось дѣлать относительно себя визитатору различныя объясненія. (п. п. 13—14).

г) „Подвергнуть тщательному осмотру существующіе при училищахъ пансіоны, или заведенія подъ другими наименованіями, съ фундушами для воспитанія юношества. Визитаторы должны разсмотрѣть, какъ они содержатся, какой опредѣленъ на нихъ вкладъ или фундушъ, какое внутреннее распоряженіе, употребленіе дохода и во всѣхъ частяхъ преподаваемое въ нихъ воспитаніе. Они вообще имѣютъ узнать всѣ вклады для воспитанія, изслѣдовать все то, что куда отчислено изъ нихъ какими либо случаями. Къ свѣдѣнію ихъ не меньше относится, гдѣ есть деньги, собираемыя отъ городскихъ обществъ на уѣздныя училища и внесенныя въ прика-

зы общественнаго призрѣнія вклады для воспитанія юношества, о которыхъ не замедлять донести университету, на какую часть воспитанія признають ихъ достаточными. Визитаторы наипаче вникнутъ въ состояніе россійскихъ училищъ, гдѣ оныя заведены подъ названіемъ „народныхъ" и подадутъ свои мнѣнія и способы, какъ и въ какомъ видѣ могутъ они содержимы быть съ общею пользою".

„Въ случаѣ оказавшихся споровъ и жалобъ, визитаторы потщатся прекратить оные примиреніемъ, дабы внутреннія несогласія не разстраивали училищнаго порядка и не послужили бы соблазномъ".

Обозрѣніемъ учебныхъ заведеній визитаторы должны были воспользоваться для того, чтобы всячески располагать населеніе обозрѣваемыхъ губерній къ жертвамъ на пользу распространенія просвѣщенія.

„При своемъ обозрѣніи, визитаторы обратятъ также особенное вниманіе на приходскія училища и постараются собрать свѣдѣнія о заведенныхъ до сего времени и о возможныхъ средствахъ впредь заводить оныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, а особливо тамъ, гдѣ находятся шляхетскія околицы (села, въ коихъ живутъ одни польскіе шляхтичи), склоняя отличное шляхетство, дабы оно конечно приняло нужныя мѣры къ обученію своихъ дѣтей покрайней мѣрѣ, во первыхъ, тому, чему предписано учить въ шляхетскихъ училищахъ, внушая имъ, что, какъ самая природа ихъ преимущественнѣе обязываетъ служить отечеству, а потому — первѣйшій ихъ долгъ стараться о приготовленіи себя къ полезнѣйшему служенію обществу" (п. 24).

„Визитаторы приложатъ свое стараніе склонять зажиточныхъ гражданъ, дабы, вспомоществуя благимъ намѣреніямъ правительства о воспитаніи юношества, употребили они съ ихъ стороны всѣ возможные способы содѣйствовать распространенію народнаго просвѣщенія, или заведеніемъ въ университетѣ новаго полнаго курса наукъ въ государствѣ полезныхъ, или пріумноженіемъ вкладовъ добровольнымъ даяніемъ для содержанія профессоровъ или учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, или содержа отъ себя при университе-

тѣ и другихъ открытыхъ училищахъ бѣдныхъ юношей, ко не въ состояніи удовлетворить необходимымъ въ семъ случаѣ нуждамъ" (п. 25).

„Визитаторы также потщатся возбуждать усердіе въ помѣщикахъ, приходскихъ священникахъ и городскихъ обществахъ къ заведенію приходскихъ училищъ, изъясняя, какой долженъ быть предметъ таковаго заведенія, который, кромѣ обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ и катихизису, существенно состоитъ въ томъ, дабы въ понятіи учениковъ начертать истинный образъ нравственныхъ добродѣтелей и вліять имъ понятіе собственности и сопряженныхъ съ нею обязанностей, при томъ дабы въ многолюднѣйшемъ состояніи народа содѣлать общими простыя, вѣрныя и ясныя свѣдѣнія, относящіяся къ земледѣльческимъ и рукодѣльнымъ работамъ, равно и къ способу употребленія разныхъ въ семъ родѣ орудій". (п. 26).

„Внятное изъясненіе таковыхъ правилъ учителямъ приходскихъ до нынѣ заведенныхъ училищъ составитъ истинное стараніе визитаторовъ; а университетъ, имѣя особый долгъ пещись объ усовершенствованіи воспитанія въ областяхъ, коихъ онъ есть средоточіемъ, по полученіи свѣдѣній о мѣстныхъ обстоятельствахъ изъ представленныхъ отъ визитаторовъ донесеній, не умедлитъ преподать своего мнѣнія и способовъ къ достиженію такого предмета". (п. 27).

„Равнымъ образомъ, визитаторы имѣютъ стараться о заведеніи такихъ пансіоновъ и конвиктовъ, въ коихъ бы родители могли помѣщать своихъ дѣтей съ тѣмъ, дабы они пользовались преподаваніемъ имъ наукъ въ общихъ училищахъ. Для сего имѣютъ они склонять людей, способныхъ къ устроенію таковыхъ заведеній, преподавая имъ удобнѣйшіе къ тому способы и совѣтуя, дабы въ нихъ не только соблюдаемъ былъ хорошій порядокъ и рачительный присмотръ за ученіемъ, но особливо и за всѣмъ тѣмъ, что касается нравственности и добраго поведенія". (п. 28).

Объ избраніи университетомъ визитаторовъ попечитель округа представилъ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому, приложивъ къ представленію и инструкціи для

визитаторовъ. Соглашаясь со сдѣланнымъ выборомъ визитаторовъ, министръ, относительно инструкціи отозвался, что „наставленіе визитаторамъ онъ читалъ съ особливымъ удовольствіемъ и нашелъ оное весьма достойнымъ и предмету сего званія соотвѣтственнымъ“. (ibid. 215, 216).

Визитаторъ прелатъ Богушъ сейчасъ же вошелъ въ университетъ съ заявленіемъ, что вслѣдствіе краткости срока, оставшагося для обозрѣнія порученныхъ ему училищъ, онъ не успѣетъ этого сдѣлать за ихъ многочисленностію (Виленская губернія, куда входила и нынѣшняя Ковенская и нѣкоторые уѣзды нынѣшнихъ Минской и Гродненской губерній) и потому, на основаніи практики прежнихъ лѣтъ (во время эдукаціонной комиссіи), просилъ университетъ поручить осмотръ всѣхъ училищъ въ гор. Вильнѣ — мужскихъ и женскихъ—, въ томъ числѣ и гимназіи при университетѣ, профессору краснорѣчія и словесности кс. Голянскому, „снабдивъ его по сему предмету нужнымъ наставленіемъ“. Университетъ и попечитель изъявили на это полное свое согласіе (ibid).

Послѣ преобразованія Виленскаго университета, стали поступать къ нему заявленія о различныхъ пожертвованіяхъ на учебныя нужды сѣверо-западнаго края. 29 апрѣля 1803 г. попечитель доносилъ министру, что заслуженный профессоръ университета, виленскій епископъ—суффраганъ Пильховскій пожертвовалъ 6701 червонецъ, десять злотыхъ польскихъ и 19 грошей съ каменнымъ домомъ на воспитаніе 12 бѣдныхъ дѣтей—шести мѣщанскихъ и шести благородныхъ. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество пожаловалъ Пильховскаго кавалеромъ ордена св. Анны перваго класса (ibid. 223—225). Станиславъ Костко Потоцкій принесъ въ даръ Виленскому университету „очень цѣнное, изящное, рѣдкое и полезное собраніе эстамповъ“, трудъ 20 лѣтъ, образецъ вкуса и науки, по свидѣтельству ректора университета. (Ibid. II, 403). Ноября 18-го того-же года Виленскій университетъ донесъ попечителю, что гр. Потѣй пожертвовалъ три тысячи рублей для отправленія университетомъ въ англійскую колонію (Головинская мыза) возлѣ Петербурга четырехъ студентовъ, которые пожелали бы на практикѣ изучить все то, что касается ухода за землею и различныхъ

сельскихъ работъ, производства и употребленія земледѣльческихъ и хозяйственныхъ орудій, содержанія скота и предохраненія его отъ болѣзней, способовъ приготовленія и сохраненія молочныхъ продуктовъ и т. под... (Ibid. 577). Графъ Валицкій пожертвовалъ богатую минералогическую коллекцію. Представляя о ней краткій отзывъ въ совѣтъ университета, профессоръ Юндзиллъ доноситъ: „Приношеніе б. коронпаго подстолія гр. Валицкаго, состоящее изъ собранія металловъ, камней, раковинъ и другихъ морскихъ произведеній важно для университета и полезно для науки. Оно всегда останется лестною честію въ исторіи наукъ для единоплеменниковъ нашихъ, и можетъ быть единственнымъ случаемъ въ нашемъ университетѣ, что многостоющій кабинетъ естественной исторіи своимъ началомъ, приращеніемъ и вообще всѣмъ дополненіемъ, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ разрядахъ, обязанъ усердію гражданъ. Большая часть членовъ университета находимся очевидными свидѣтелями, что за 20 лѣтъ предъ симъ, покойный король Станиславъ-Августъ, полагая первое ему основаніе, собственно отъ себя купилъ собраніе Жилиберта и подарилъ университету. Потомъ каноникъ Вихертъ умножилъ его рѣдкими и не малой цѣны стоющими камнями. Послѣ сего гетманъ Огинскій обогатилъ и украсилъ оный камнями, металлами, раковинами и всякаго рода морскими произведеніями. Наконецъ, б. канцлеръ Хребтовичъ подарилъ вулканическія произведенія, которыхъ до того времени не доставало. Графъ Валицкій,... посвящая общей пользѣ собраніе свое, дорогою цѣною и съ великимъ вкусомъ и разборчивостію пріобрѣтенное, подарилъ его университету. Оно вообще богато и драгоцѣнно. Сверхъ прибавленія многихъ давнихъ, но по рѣдкости своей оч. дорогихъ и трудныхъ къ пріобрѣтенію вещей, оно дополняетъ много отличительныхъ недостатковъ въ разныхъ родахъ, многими же во всякомъ видѣ отличіями сближаетъ нашъ кабинетъ къ нынѣшней степени наукъ и равняетъ его во многихъ статьяхъ съ знаменитѣйшими въ Европѣ“... (Далѣе Юндзиллъ перечисляетъ болѣе рѣдкіе и дорогіе экземпляры). Черезъ нѣкоторое время, попечитель доносилъ министру, что гр. Валицкій, для дополненія кабинета естественной исторіи, подареннаго имъ университету еще купилъ въ Петербургѣ собраніе

раковинъ, числомъ до пяти тысячъ, для доставленія ихъ въ Вильну, въ университетъ. Потомъ гр. Валицкій прислалъ еще въ даръ университету 1) кусокъ платины, длиною въ 9¾ шириною въ 8 дюймовъ, вѣсомъ 4 ф. 29 лотовъ; 2) собраніе ископаемыхъ произведеній въ нарочитыхъ кускахъ и весьма хорошо подобранныхъ по особому списку, и 3) исходатайствовалъ отъ Саксонскаго Двора изъ тамошнихъ рудниковъ достаточное количество кобальту для химическихъ испытаній (Сборн. матер. II, 1113. III, 44—51). Были и другія пожертвованія книгами, инструментами, медалями и рѣдкими монерами. (Ibid. II, 658—660).

Чтобы обставить университетъ хорошими, учеными силами, ректоръ поспѣшилъ снестись съ различными заграничными учеными обществаим и университетами для поддержанія ученыхъ связей и сообщеній, „а найпаче для замѣщенія (посредствомъ конкурсовъ) прибавленныхъ (по новому уставу) и не занятыхъ каѳедръ достойнѣйшими и извѣстными въ ученомъ мірѣ профессорами. „Послѣдній предметъ, писалъ въ своемъ отчетѣ по округу за 1803 годъ кн. Чарторыйскій, какъ важнѣйшій обратилъ мое вниманіе преимущественнѣе прочихъ. По напечатаніи перевода на французскій языкъ акта Высочайшаго утвержденія сего университета, разослалъ я оный, съ пріобщеніемъ 22-й ст. университетскаго устава о выборѣ профессоровъ, къ нѣкоторымъ, находящимся при иностранныхъ дворахъ посланникамъ и просилъ ихъ содѣйствовать къ склоненію прославившихся ученостію людей — извѣстнымъ способомъ соисканій въ Виленскомъ университетѣ каѳедръ, объявленныхъ незанятыми, причемъ не оставилъ я также писать и прямо отъ себя къ нѣкоторымъ ученымъ“. Университетъ съ своей стороны по этому предмету отнесся ко всѣмъ, болѣе или менѣе славившися тогда высшимъ учебнымъ заведеніямъ Европы.

Противъ такого вызова особенно возставали, какъ мы видѣли выше, Чацкій, Коллонтай, Снядецкій, Дмоховскій и друг. Въ этомъ они видѣли великое преступленіе Стройновскаго противъ національнаго образованія. Но, во первыхъ, починъ въ этомъ дѣлѣ приписываетъ себѣ кн. Чарторыйскій Сборн. матер. II. 620, 621); а во вторыхъ — самый вызовъ

иностранныхъ ученыхъ долженъ представляться далеко не въ томъ свѣтѣ, какъ это казалось Чацкому и К°. Г. Бѣлинскій въ исторіи Виленскаго университета справедливо замѣчаетъ, что въ то время не было возможно еще сдѣлать подходящій выборъ изъ поляковъ, что поляки начинали еще только подготовляться къ профессорскому званію. Въ свою очередь и Стройновскій заявлялъ, что это время переходное, пока создадутся свои ученыя силы, и тогда иностранцы явятся болѣе ненужными. И это были не пустыя фразы. На первыхъ же порахъ, университетъ отправилъ своихъ кандидатовъ — Нѣмчевскаго, Пишковскаго, Стубелѣвича и друг.—за границу для усовершенствованія въ избранныхъ спеціальностяхъ и для приготовленія къ профессурѣ.

Въ одно почти время съ преобразованіемъ Виленскаго университета оканчивался и срокъ ректорства Стройновскаго. Требовалось избраніе ректора по новому уставу. День избранія назначался 18 іюня. Предварительно предъ тѣмъ, въ особомъ засѣданіи совѣта университета надлежало избрать предсѣдателя выборовъ. Предсѣдатель избирался изъ среды профессоровъ заслуженныхъ или дѣйствительныхъ посредствомъ закрытой баллотировки. Каждый избиратель бросалъ въ сосудъ карточку съ надписью своего избранника. Предсѣдатель выборовъ давалъ присягу, что во всемъ будетъ охранять и соблюдать предписанные права, уставы и порядокъ при избраніи ректора; что въ случаѣ равенства голосовъ за извѣстнаго кандидата, когда голосъ предсѣдателя рѣшалъ выборъ, онъ будетъ дѣйствовать единственно въ видахъ блага университета, науки и всего академическаго сословія и что отобранные голоса сосчитаетъ вѣрно и того объявитъ ректоромъ университета, кто получитъ при выборахъ большинство голосовъ. Избраніе совершилось послѣ обѣдни въ часъ, назначенный предсѣдателемъ выборовъ. Ректоромъ университета единогласно былъ вновь избранъ на три года Іеронимъ Стройновскій — бывшій ректоръ, о чемъ университетъ увѣдомилъ попечителя. Донося объ этомъ Главному училищъ Правленію (5 іюля 1803 г.) кн. Чарторыйскій писалъ, между прочимъ: „Сей господинъ Стройновскій, посвятивъ себя пользѣ науки, съ 1781 года преподавалъ въ ономъ же университетѣ ученіе права естественнаго и народнаго и государственнаго домоводства въ зва-

нія профессора, исправляя при томъ и должность префекта, кандидатовъ, приготовляемыхъ къ учительскому званію, а чрезъ послѣдніе четыре года отличную пріобрѣлъ себѣ похвалу за усердное исполненіе ректорскаго званія до сего новаго выбора. Отдавая всю справедливость, принадлежащую его достоинствамъ и преимущественной его способности къ ректорскому званію, въ разсужденіи отличныхъ его трудовъ, понесенныхъ и въ бытность его здѣсь въ столицѣ болѣе двѣнадцати минувшихъ передъ симъ мѣсяцей, для соображенія древнихъ правилъ онаго университета съ новымъ начертаніемъ народнаго просвѣщенія", Кн. Чарторыйскій просилъ Высочайшаго утвержденія Стройновскаго въ избранномъ званіи. (Сбор. матер. II, 264—274).

Вновь избранный ректоръ, въ засѣданіи 20 іюня, заявилъ, что онъ жертвуетъ въ пользу университета всю ту сумму, какая причитается ему въ возмѣщеніе издержекъ, понесенныхъ имъ изъ собственныхъ средствъ во время бытности его въ Петербургѣ по дѣламъ службы, а также отпущенной ему на переѣздъ и путевыя издержки. „О семъ новомъ опытѣ усердія Стройновскаго къ общественной пользѣ", попечитель не замедлилъ донести министру народнаго просвѣщенія (ibid).

Утвержденный въ должности, Стройновскій съ новымъ усердіемъ принялся за упорядоченіе Виленскаго университета и училищъ университетскаго округа.

VIII.

Устройство учебной части университета по новымъ законоположеніямъ. Новыя каѳедры; новые профессора; обзаведеніе университета новыми учебными пособіями; типографія и цензура при университетѣ. Мѣропріятія и проекты для подъема учебнаго дѣла по округу. Предначертаніе устроенія училищъ въ округѣ Импер. Виленск. университета. Отзывъ Снядецкаго и Коллонтая о дѣятельности университета.

При распредѣленіи въ университетѣ занятій на $180^{3/4}$ учебный годъ, согласно уставамъ 18 мая, нѣкоторыя каѳедры оказались вакантными, вслѣдствіе введенія въ университетскій курсъ новыхъ предметовъ. Число такихъ вакансій увеличивалось еще тѣмъ, что нѣкоторые наличные профессора, выслужившіе пенсію по новому уставу, пожелали оставить службу и получать только пенсію. Въ общемъ свободныхъ каѳедръ оказалось: *въ математическомъ факультетѣ* четыре, *въ медицинскомъ факультетѣ* двѣ, *въ факультетѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ* семь, *въ факультетѣ словесныхъ наукъ* четыре. Всего 17 каѳедръ.

Такъ какъ для замѣщенія сразу всѣхъ вакансій новыми профессорами не имѣлось въ виду подходящихъ кандидатовъ, то до пріисканія послѣднихъ совѣтъ университета просилъ бывшихъ профессоровъ соотвѣтствующихъ каѳедръ читать лекціи и въ новомъ учебномъ году, пока явятся достойные ихъ замѣстители. (Сборн. матер. II, 380-382).

Мало-по-малу стали появляться въ университетѣ и новыя силы. Профессоръ Эрлангенскаго университета Лангедорфъ занялъ каѳедру прикладной математики (ibid 837). Профессору того же университета Абихту поручено было читать

логику и метафизику. Докторъ правъ и членъ королевской Римской академіи Капелли принялъ каѳедру гражданскаго и уголовнаго права болѣе извѣстныхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Извѣстный римскій ученый Павелъ Таренги поступилъ на каѳедру латинской литературы. Членъ королевской академіи наукъ въ Геттингенѣ Гродекъ занялъ каѳедру греческой литературы. Членъ ученыхъ медицинскихъ обществъ въ Іенѣ, Парижѣ и Лондонѣ докторъ Боянусъ началъ читать науку скотолѣченія (ветеринарію) (ibid 1005). Два Франки-отецъ и сынъ—заняли медицинскія каѳедры. Университетъ считалъ особенно важнымъ пріобрѣтеніе ихъ не только для Вильны, но и для всего сѣверо-западнаго края.

„Университетъ, говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія, будучи обогащенъ Высочайшими щедротами и чрезъ то имѣя гораздо большую удобность привлекать къ себѣ прославившихся въ ученомъ свѣтѣ людей, по многимъ убѣжденіямъ, склонилъ наконецъ почетнаго члена своего, Вѣнскаго двора надворнаго совѣтника, директора главной въ Вѣнѣ госпитали и профессора терапіи и клиники Іоанна Франка переселиться въ Вильну и быть сихъ наукъ профессоромъ. Въ такомъ же намѣреніи беретъ онъ съ собою и сына своего Іосифа, доктора и профессора медицины. Франкъ-отецъ былъ сперва профессоромъ въ Гетингенѣ, потомъ въ Павіи, наконецъ въ Вѣнѣ, пріобрѣлъ себѣ славу во всей Европѣ по своей учености и высокимъ дарованіямъ. Сынъ его, учившійся подъ руководствомъ отца своего, раздѣляетъ съ нимъ славу, шествуя по его слѣдамъ къ одному предмету“....

„Виленскій университетъ на основаніи 23 ст. своего устава, имѣя право относиться къ своему начальству о приглашеніи въ сословіе свое отличнѣйшихъ ученостію людей, хотя бы требовалось для нихъ и экстраординарное содержаніе, и находя въ обоихъ Франкахъ всѣ достоинства, которыя послужатъ не только ему украшеніемъ, но безъ сомнѣнія привлекутъ къ нему слушателей и изъ другихъ странъ, сдѣлалъ съ г. Франкомъ отцомъ... (нѣкоторыя) условія“..., которыя министръ признавалъ весьма справедливыми и довольно умѣренными въ разсужденіи столь рѣдкаго случая.

„Прибавленіе курса особенной терапіи, продолжаетъ докладъ, не положеннаго въ уставѣ, впрочемъ весьма нужнаго и нераздѣльнаго съ клиникою, относитс къ не меньше къ тому убѣжденію, по которому Франкъ рѣшился пожертвовать своимъ весьма важнымъ мѣстомъ и разстаться подъ старость свою съ уважающимъ его отечествомъ Въ разсужденіи же назначаемаго Франку-отцу жалованья—шести тысячъ рублей университетъ....надѣется....на пособіе въ уваженіе столь рѣдкаго человѣка, который принесетъ пользу для знатной части государства, и коего со временемъ можно будетъ склонить къ лучшему, подъ его смотрѣніемъ, устройству больничныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ въ Литовскихъ губерніяхъ... “ Это о Франкѣ-отцѣ. О Франкѣ-сынѣ докладъ продолжаетъ:

„Извѣстно университету, сколь мало искусныхъ профессоровъ клиники въ Европѣ, хотя и много находится славныхъ и удачныхъ врачей въ обыкновенной практикѣ. Сіе происходитъ отъ того, что посвятившій себя медицинѣ, если желаетъ сдѣлаться профессоромъ практической врачебной школы, долженъ непремѣнно имѣть даръ чрезвычайнаго ума, и, не заботясь о вольной практикѣ, заняться съ молодыхъ лѣтъ единственно и непрерывно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе десяти лѣтъ клиническими трудами и наблюденіями. Самая клиника должна въ немъ обратиться въ страсть, которая превозмогала бы исканіе корысти отъ практики. Въ наше время наиболѣе прославилась клиника въ Павіи, когда въ ней былъ профессоромъ старый Франкъ. Въ сей клиникѣ учился врачебной наукѣ молодой Франкъ у своега отца. Получивъ въ 1791 году докторскую степень, съ того времени до 1795 года вспомоществовалъ онъ отцу, въ клинической госпитали и отъ правительства опредѣленъ былъ повторителемъ особенной терапіи. Сверхъ того, правительство же назначило его медико-адъюнктомъ клиники, которой профессоромъ былъ его отецъ. Когда Франкъ-отецъ въ 1795 году призванъ былъ изъ Павіи въ Вѣну, то правительство опредѣлило Іосифа Франка (сына) въ Павійскомъ университетѣ чрезвычайнымъ профессоромъ клиники и терапіи. На сей каѳедрѣ онъ пріобрѣлъ себѣ великую славу, и правительство убѣдило его остаться на семъ же мѣстѣ другой годъ. Въ 1797 году Іосифъ Франкъ переѣхалъ въ Вѣну (къ отцу). Съ симъ упа-

ла слава Павійской клиники. По переѣздѣ обоихъ Франковъ въ Вѣну, всѣ почти ученики слѣдовали за своими профессорами. Въ Вѣнѣ молодой Франкъ тотчасъ избранъ былъ первымъ врачемъ въ великой госпитали; ему поручено смотрѣніе 300 больныхъ. Не медля, онъ образовалъ особенную клинику и въ ней преподавалъ уроки непрерывно до 1802 года. Сверхъ того, преподавалъ онъ частныя лекціи патологіи, терапіи особенной, врачебнаго веществословія (materia medica) и о любострастныхъ болѣзняхъ—съ великою для себя славою и съ пользою для слушателей, такъ что всѣ иностранные ученики клиники стараго Франка никогда не оставляли ни клиники, ни другихъ лекцій молодаго Франка. Нельзя думать, чтобы молодой Франкъ, человѣкъ рѣдкихъ дарованій, который всего себя посвятилъ врачебнымъ наблюденіямъ въ клиникѣ своего отца и въ своей собственной, который, пренебрегая корысть отъ городской практики, съ величайшею ревностію непрерывно въ теченіе 12 лѣтъ трудился въ госпиталяхъ наиболѣе подъ смотрѣніемъ своего отца, искуснѣйшаго во врачебныхъ знаніяхъ,—нельзя думать, чтобы онъ не пріобрѣлъ великихъ свѣдѣній въ практическомъ врачеваніи и сверхъ обыкновенной способности къ преподаванію клиническихъ лекцій. Въ семъ удостовѣрились иностранцы, и всѣ стремились слушать лекціи молодого Франка. Сіи иностранцы суть вообще доктора, которые пріѣзжаютъ въ Вѣну, посѣтивъ уже Лондонскіе, Эдинбургскіе, Берлинскіе, Парижскіе, Нѣмецкіе и Италіянскіе госпитали и практическія школы. Профессоръ, не имѣющій особенныхъ дарованій, не могъ бы привлечь ихъ на свои лекціи".

Замѣтивши объ изданныхъ Франкомъ-сыномъ ученыхъ трудахъ, докладъ прибавляетъ, что у него имѣются очень важныя и рукописныя работы. „Рукописи Франка, по словамъ доклада, списываются на его лекціяхъ учениками, въ равномъ у нихъ уваженіи, какъ и рукописи его отца. Онѣ бываютъ списываемы и продаваемы въ городахъ, гдѣ преподаются врачебныя науки."

„Франкъ-сынъ во время недавно оконченнаго путешествія принятъ былъ въ Парижѣ, Англіи, Шотландіи и во всей Германіи, какъ почитающійся въ числѣ первѣйшихъ врачей—практиковъ"...

„Къ похвалѣ дарованій молодого Франка можно присовокупить и то, что онъ имѣетъ великія свѣдѣнія въ относящихся къ врачебной наукѣ знаніяхъ: въ анатоміи, химіи и фармаціи; знаетъ также совершенно языки: латинскій, французскій, италіанскій, нѣмецкій и англійскій."

Университетъ имѣлъ въ виду еще и то обстоятельство, что „никто лучше и съ большою для мѣстной области пользою не можетъ занять со временемъ мѣсто стараго Франка, какъ сынъ его, который теперь уже почитается совершеннымъ профессоромъ клиники, образованъ въ ней будучи искуснымъ своимъ отцомъ"... (Сборн. матер. II, 695—700)

Франкъ-отецъ былъ зачисленъ и къ Высочайшему Двору лейбъ-медикомъ (ibid. 712).

Въ то же время были отправлены за границу, какъ мы замѣтили выше, для усовершенствованія въ наукахъ и мѣстные ученые: Нѣмчевскій, Стубелѣвичъ и Пешковскій, съ цѣлію занять потомъ въ университетѣ соотвѣтственныя каѳедры. (ibid. II, 231—234). Адъюнктъ Симоновичъ два раза ѣздилъ въ Австрію для изученія минералогическихъ богатствъ венгерскихъ и семиградскихъ горъ (ibid. II, 282—289). Считая необходимымъ изученіе физіологіи, какъ главнаго, а не второстепеннаго, придаточнаго курса, университетъ избралъ на эту каѳедру своего профессора Бекю, и отправилъ его за границу, прежде всего въ Англію „для усовершенствованія врачебныхъ его знаній". (ibid. 769—773). Былъ заведенъ при университетѣ классъ скульптуры и для занятій съ желающими былъ приглашенъ извѣстный въ свое время скульпторъ Лебрюнь, бывшій придворный скульпторъ короля Станислава-Августа (ibid. 290—292). На должность прозектора анатомическаго театра при университетѣ приглашенъ изъ Вѣны докторъ Браунъ. (ibid. 580, 581.).

Съ увеличеніемъ университетскихъ каѳедръ, особенно съ расширеніемъ программы занятій по медицинскимъ наукамъ, немедленно потребовалось расширеніе университетскихъ помѣщеній, устройство клиникъ, анатомическаго театра и т. п. Профессоръ Франкъ, по своемъ прибытіи въ Вильну, сейчасъ же занялся устройствомъ клинической школы на 16 кроватей,

въ домѣ кн. Радивилла, который былъ для сего купленъ. Тамъ при больныхъ онъ началъ читать лекціи практическаго врачеванія. Сіе новое при университетѣ заведеніе, говорится въ донесеніи попечителя министру, основанное столь искусным профессоромъ, открыло посвятившимъ себя врачебной наукѣ весьма выгодный случай образоваться въ семъ предметѣ, а гражданамъ подало великую надежду пріобрѣсть со временемъ въ странѣ своей искусныхъ врачей." (Сборн. матер. II, 1115—1117). По его плану было преобразовано въ университетѣ все преподаваніе медицинскихъ наукъ (ibid. 1117—1125). Такимъ образомъ, медицинскій факультетъ, съ поступленіемъ въ университетъ Франковъ, былъ значительно измѣненъ къ лучшему и расширенъ; другіе факультеты пока оставались въ прежнемъ положеніи, съ незначительными перемѣнами.

Съ расширеніемъ программъ университетскаго преподаванія, потребовались различныя новыя книги и пособія. Попечитель представлялъ министру, что „первыми и самонужнѣйшими предметами, безъ коихъ университетъ, при новомъ своемъ образованіи обойтись не можетъ, онъ почитаетъ приведеніе библіотеки въ гораздо исправнѣйшее противъ прежняго положеніе и снабдѣніе оной вновь вышедшими въ свѣтъ нужными книгами, также устроеніе клинической школы, анатомическаго театра, физическаго и другихъ кабинетовъ, кои, хотя нѣкоторымъ образомъ и существуютъ при университетѣ, но, по расширеніи круга имѣющихъ въ немъ преподаваться наукъ, никакъ не могутъ соотвѣтствовать своимъ наименованіямъ"... (Сборн. матер. II, 445.). „Надобность въ новѣйшихъ сочинененіяхъ, говоритъ князь въ другомъ мѣстѣ, образцахъ, орудіяхъ, машинахъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ, рождающаяся всегда съ возвышеніемъ наукъ, сдѣлалась ощутительнѣе, наипаче въ послѣднія времена, когда быстрые успѣхи человѣческаго ума ознаменованы многими открытіями и изобрѣтеніями во всякомъ родѣ, а особливо въ познаніяхъ природы. Таковыхъ необходимо нужныхъ вещей не оказалось не только въ скудныхъ при училищахъ Виленскаго округа собраніяхъ старыхъ книгъ, теперь, по большей части безполезныхъ, но даже многихъ не достаетъ и въ университетской библіотекѣ"... (ibid. II, 621—622.).

На исправленіе указаннаго недостатка было испрошено Высочайшее пособіе въ размѣрѣ 70000 руб.,—сумма по тому времени почтенная. Изъ этой суммы 40000 руб. предполагалось употребить на нужды собственно университета, и остальные 30000 руб. на нужды училищъ округа. Къ означенному пособію для университета оказалось возможнымъ присоединить еще 21793 р. 84 коп., какъ остатокъ отъ штатной университетской суммы за 1803 г. Всѣ эти деньги университетъ порѣшилъ употребить на пополненіе библіотеки (до 15000) на учрежденіе клиникъ (20000) на оборудованіе университетской типографіи (3000 р.) на устройство анатомическаго зала, препаровочной, оранжереи и т. п.

Что касается устройства нѣкоторыхъ инструментовъ для обсерваторіи, расширенія кабинетовъ естественной исторіи, заведенія галлереи картинъ и скульптуры, учрежденія школы ветеринаріи, земледѣлія и т. под., то удовлетвореніе всѣхъ этихъ нуждъ университетъ за неимѣніемъ средствъ оставлялъ на будущее время (ibid. II, 447—449).

Для правильнаго развитія книжнаго дѣла университету подчинены были всѣ типографіи въ округѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ ему поручена была и цензура печатаемыхъ книгъ. Съ этихъ поръ (съ 1803 г.) ни одна типографія не имѣла права печатать ничего такого, что не получило предварительнаго разрѣшенія отъ университетской цензуры. Для разныхъ отдѣловъ ученыхъ изданій, университетъ избиралъ въ цензоры изъ среды своихъ профессоровъ соотвѣтственныхъ спеціалистовъ. (ibid. II, 370—375).

Желая обезпечить себя въ будущемъ достойными кандитами на учительскія должности, университетъ съ началомъ учебнаго 1803/4 года поспѣшилъ открыть при университетѣ учительскую семинарію. Поступали въ нее по особому экзамену и студенты университета, и рекомендованные мѣстными учебными властями или визитаторами, кончившіе курсъ гимназіи, выдающихся способностей и отличнаго поведенія. Принятые послѣ экзамента въ семинарію давали слѣдующаго рода подписку „я нижеподписавшійся, добровольно поступая въ сословіе учительскаго общества, даю Виленскому Император-

скому университету собственноручную подписку въ томъ, что если я и въ теченіе перваго пробнаго года въ семинаріи [первый годъ считался пробнымъ; если въ это время какой кандидатъ оказывался неудовлетворяющимъ требованіямъ отъ учителя, такого удаляли изъ семинаріи], и въ теченіе послѣдующихъ за тѣмъ трехъ лѣтъ буду получать въ семинаріи содержаніе и успѣвать въ наукахъ, тогда, послѣ этого четырехлѣтняго моего обученія на казенномъ содержаніи, я обязанъ въ округѣ Виленскаго университета въ теченіе шести лѣтъ проходить должность учителя тамъ, гдѣ это мнѣ будетъ указано. Далѣе будетъ уже зависѣть отъ моей воли оставаться или нѣтъ въ сословіи учительскомъ; во всякомъ случаѣ если бы я захотѣлъ (послѣ шести лѣтъ) оставить должность учителя, обязанъ заблаговременно донести объ этомъ университету. Таковое обязательство утверждаю собственноручною подписью." Кандидатами-учителями завѣдывалъ особый начальникъ, избираемый изъ среды университетскихъ профессоровъ. На его обязанности, между прочимъ, лежали заботы объ ихъ столѣ, одеждѣ и вообще содержаніи. (Сборн. матер. II, 429—435. Bielinski. Uniwersytet Wilenski. I, 114—117. Относительно подписки ср. Ustawy Kommissij edukacij narodowej. 16—17).

Доставленные визитаторами, кромѣ, впрочемъ, Чацкаго, отчеты о состояніи училищъ округа Виленскаго университета дали богатый матеріалъ для опредѣленія ихъ настоящаго положенія и принятія мѣръ къ ихъ улучшенію. Основываясь на этихъ отчетахъ, попечитель представлялъ министру, что „училища Виленской и Гродненской губ., отъ основанія своего непосредственно зависѣвшія отъ Виленскаго университета, ежегодно обозрѣваемыя избираемыми отъ него визитаторами и устроенныя во всемъ по уставу бывшей эдукаціонной коммиссіи, хотя съ 1797 года, по воспослѣдовавшимъ перемѣнамъ, будучи поручены отъ гражданскаго начальства по большей части духовнымъ обществамъ, и лишились связи и сообщенія съ университетомъ, но все еще и донынѣ (1804 г.) сохранили слѣды прежде заведеннаго въ нихъ внутренняго и учебнаго порядка." (Сборн. матер. II, 633).

Училища Минской губерніи съ 1793 г. вышедшія изъ одъ начальства Виленскаго университета, послѣ многихъ слу-

чившихся съ ними перемѣнъ, приняли, наконецъ, по словамъ кн. Чарторыйскаго, порядокъ, способъ и раздѣленіе времени для наукъ, сообразно прочимъ въ имперіи училищамъ, названнымъ народными. (Программа ихъ занятій приведена выше). Сіе самое найдено въ училищахъ Витебской, Могилевской и Кіевской губерній, изъ коихъ въ первыхъ двухъ, въ преподаваніи наукъ, іезуиты слѣдуютъ своимъ особымъ правиламъ, а прочія духовныя общества придерживаются уставовъ бывшихъ комиссій, отчасти—польской эдукаціонной, отчасти же россійской о народныхъ училищахъ.

Училищныя помѣщенія, по словамъ отчета попечителя, оставляли желать многаго лучшаго. „Поіезуитскіе домы, бывшіе жилищами самихъ іезуитовъ, а потому исключенные изъ публичной продажи и обращенные на помѣщенія въ нихъ училищъ, всѣ почти найдены (визитаторами) въ худомъ состояніи и небреженіи. Духовныя общества, въ вѣдомство коихъ перешли они вмѣстѣ съ порученными имъ училищами, опасаются, какъ примѣчено, терять на ихъ починку своего иждивенія, во-первыхъ, не получая на сіе ни откуда особенной суммы, а во-вторыхъ, видя примѣры, что гражданское правительство обращаетъ ихъ на предметы, вовсе чуждые наукамъ. И потому, иныя изъ сихъ обширныхъ зданій угрожаютъ скорымъ паденіемъ, а другія,—оставаясь въ прежнемъ видѣ, какъ обитали въ нихъ іезуиты, крайне не выгодны для училищныхъ домовъ и для жилища учителямъ“.

„Въ разсужденіи способа и порядка ученія, также внутренняго устройства, гимназія, состоящая при Виленскомъ университетѣ, по словамъ отчета, найдена въ такой исправности, что можетъ служить образцомъ для прочихъ училищъ, которыя всѣ почти требуютъ болѣе или менѣе дополненія учителей, усовершенія учебнаго порядка и доставленія имъ нужныхъ пособій и мѣстныхъ выгодъ. Общество базиліанъ содержитъ по Виленскому округу почти на всемъ своемъ иждивеніи тринадцать открытыхъ училищъ, въ коихъ въ 1803 году состояло 3006 учениковъ, слѣдовательно, болѣе передъ всѣми прочими духовными обществами. Г. визитаторъ Богушъ свидѣтельствуетъ, что онъ въ осмотрѣнныхъ имъ изъ числа сихъ училищъ увидѣлъ надлежащій порядокъ, прилежность учителей и

успѣхи учениковъ. Онъ также похваляетъ общество Евангеликовъ, содержащее въ Кейданахъ и Слуцкѣ два училища, почитаемыя по Виленскому округу въ числѣ древнѣйшихъ, основанныя Гетманомъ Христофоромъ Радзивилломъ въ первой половинѣ XVII в. и снабдѣнныя отъ него фундушемъ. Онѣ подчинены непосредственно евангелическому синоду, но изъ нихъ Слуцкое, наряду съ прочими училищами, ожидаетъ лучшаго устроенія. Училища бѣлорусскія, обозрѣнныя визитаторомъ Севергинымъ, а особливо извѣстныя подъ названіемъ народныхъ, судя по нынѣшнему ихъ состоянію, требуютъ скорѣйшаго образованія. Смотрѣніе, которое теперь имѣютъ надъ ними городничіе, безполезно и не прилично, почему и должны они поручены быть директорамъ и смотрителямъ, положеннымъ по новому уставу. Для содѣйствія же къ большимъ успѣхамъ, весьма нужно внесть въ сихъ училищахъ единообразный способъ ученія, который тамъ нынѣ, въ разсужденіи учебныхъ книгъ и расположенія времени, вовсе различенъ, также снабдить ихъ нужными пособіями, коихъ не имѣютъ они до сего времени. Оба сіи визитаторы (Богушъ и Севергинъ), замѣтивъ вообще въ обозрѣнныхъ ими училищахъ, какія были препятствія къ скорѣйшимъ успѣхамъ учениковъ, оставили учителямъ нужнѣйшія наставленія - между тѣмъ, пока о семъ положены будутъ надлежащія правила.“ (Сборн. матер. II, 633—637).

Гимназій и уѣздныхъ училищъ, (включая въ число уѣздныхъ училищъ и народныя училища, учрежденныя въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Павла I), по отчетамъ визитаторовъ, осмотрѣно семьдесятъ, именно: въ Виленской губерніи—16, Гродненской—8, Витебской—10, Минской и Могилевской по 9. Волынской—11, Подольской—4 и Кіевской—3; учащихся во всѣхъ училищахъ было 10139. Замѣчательно, что въ Кіевской губерніи, при трехъ училищахъ, было учащихся 1324 человѣка, такъ что, занимая послѣднее мѣсто въ округѣ по количеству училищъ, Кіевская губ. по количеству учащихся должна быть поставлена на четвертомъ мѣстѣ, послѣ Могилевской (3081 уч.), Волынской (2431 уч.) и Гродненской (1354 уч.). (ibid. 679).

Кромѣ этихъ училищъ были въ округѣ еще другія разныя учебныя заведенія: приходскія училища, конвикты и пансіоны—

всего шестьдесятъ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской. (ibid 682—686).

Относительно юго-западныхъ губерній—Кіевской, Подольской и Волынской Чацкій не представилъ требуемыхъ свѣдѣній, и количество послѣдняго рода заведеній оставалось въ округѣ неизвѣстнымъ. Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что въ Волынской губерніи приходскихъ училищъ было 26 и шесть пансіоновъ, а въ Подольской—21 приходское училище (Владимірскій-Будановъ. Исторія университета св. Владиміра. I, 18). Такимъ образомъ въ 1804 году всѣхъ учебныхъ заведеній различныхъ типовъ и наименованій состояло въ округѣ около ста восьмидесяти трехъ.

Чтобы всѣмъ этимъ школамъ придать нѣкоторое однообразіе въ устройствѣ учебно-воспитательнаго дѣла, Виленскій университетъ выработалъ къ началу 1804/5 учебнаго года особое „*предначертаніе устроенія училищъ въ округѣ Императорскаго Виленскаго университета, сообразно съ Высочайше утвержденными „предварительными правилами народнаго просвѣщенія“ и общимъ уставомъ того же университета и училищъ его округа*“.

Изъ „Предначертанія“ этого прежде всего видно, что въ составъ округа Виленскаго университета вошли главнымъ образомъ учебныя заведенія, которыя были содержимы и управляемы р.-католическимъ духовенствомъ. Изъ числа этихъ заведеній 47 приняты были университетомъ въ свое вѣдѣніе въ качествѣ уѣздныхъ училищъ.

Имѣя при этомъ въ виду, что нѣкоторыя изъ училищъ содержимыхъ духовенствомъ, имѣютъ по 6 классовъ, университетъ не только не призналъ возможнымъ уменьшать число классовъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, но счелъ нужнымъ дать имъ лучшее устройство. Не называя ихъ гимназіями, онъ предоставилъ содержателямъ этихъ заведеній ввести въ нихъ полный курсъ гимназій по уставу 18 мая. Такъ возникли въ Виленскомъ учебномъ округѣ такъ называемыя „гимназіальныя училища, или уѣздныя училища на степени гимназіи“. Принимая въ свое вѣдѣніе училища, содержимыя р.-к. духовенствомъ, университетъ выразилъ увѣренность, что содержатели учи-

лицъ въ порученныхъ имъ училищахъ заведутъ единообразный порядокъ и способъ ученія, т. е. организуютъ ихъ по уставу 18 мая и самыя училища улучшатъ къ вящей пользѣ юношества. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ поручилъ начальникамъ орденовъ, содержавшихъ училища, снабдить ихъ полнымъ числомъ учителей и озаботиться, чтобы каждое изъ нихъ имѣло особаго начальника и духовника“.

Училищъ, не находившихся въ вѣдѣніи духовенства въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской состояло всего 17. Изъ числа этихъ училищъ 6 содержались на счетъ эдукаціоннаго фундуша, 2 содержимы были Евангелическо-Реформатскимъ Синодомъ и 9 народныхъ училищъ въ Витебской и Могилевой губерніи (университетъ считалъ ихъ почему-то только 8), которыя содержимы были на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія и городскихъ думъ.

Двумъ изъ училищъ, которыя были содержимы на счетъ эдукаціоннаго фундуша, именно Виленскому и Минскому университетъ рѣшилъ дать полную организацію гимназіи по уставу 18 мая 1903 года; остальные 4 училища, содержимые на счетъ эдукаціоннаго фундуша и училища, которыя находились въ вѣдѣніи Евангелическо-Реформатскаго синода, предположено было организовать, какъ уѣздныя училища. Что касается народныхъ училищъ Витебской и Могилевской губерніи, то университетъ оставилъ ихъ на время въ прежнемъ положеніи.

Точно также въ прежнемъ положеніи оставлены были и училища трехъ юго-западныхъ губерній, не находившіяся въ вѣдѣніи р.-катол, духовенства. Сужденіе о новомъ устройствѣ этихъ заведеній университетъ оставилъ до времени полученія подробнаго о состояніи ихъ донесенія Чацкаго, которому въ 1903 г. поручено было осмотрѣть ихъ.

При сужденіи объ учебномъ курсѣ существовавшихъ до 1803 г. 6 кл. учебныхъ заведеній, университетъ обратилъ вниманіе на то, что въ одномъ классѣ этихъ заведеній курсъ продолжался не одинъ, а два года и что въ силу такой организаціи ученики этого класса занимались подъ руководствомъ учителя лишь половину учебнаго времени.

Чтобы устранить на будущее время такую безполезную трату учениками времени, университетъ на основании 38 ст. общаго устава, по коей въ гимназіи позволяется прибавить учителя исторіи и географіи, и по силѣ 39 ст. онаго же устава, счелъ нужнымъ, „для ускоренія хода наукъ въ училищахъ и для пользы учащихся“ прибавить одного старшаго учителя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, и сдѣлать курсъ всѣхъ классовъ одногодичнымъ.

Такимъ образомъ положено было имѣть въ гимназіяхъ 7 старшихъ (было 6) и 4 младшихъ учителя, а въ уѣздномъ училищѣ четыре старшихъ и три младшихъ. По такому числу учителей сдѣлано по новому проекту расписаніе и времени“.

„Университетъ, соотвѣтственно требованіямъ „предварительныхъ правилъ“ долженъ былъ озаботиться устроить по крайне мѣрѣ одну гимназію въ каждой губерніи и одно уѣздное училище въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Университетъ и предположилъ устроить на счетъ эдукаціоннаго фундуша гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ округа.

Что касается открытія въ уѣздныхъ городахъ уѣздныхъ училищъ, то университетъ постарался уклониться отъ исполненія этой обязанности. Замѣтивъ будто бы изъ опыта, что „открытыя училища въ неуѣздныхъ городахъ меньше имѣютъ препятствія ихъ выгодамъ и тишинѣ, университетъ счелъ, говорится въ предначертаніи, полезнымъ оставить ихъ тамъ, гдѣ до нынѣ находились. Почему, взирая не на уѣздные города, но на взаимное разстояніе училищъ однихъ отъ другихъ въ разныхъ мѣстахъ и на положеніе уѣздовъ, не назначаются открытыя училища въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, ибо жители могутъ удобно посылать своихъ дѣтей въ ближайшія училища“. На счетъ эдукаціоннаго фундуша университетъ предположилъ содержать 12 училищъ.

„Въ разсужденіи издержекъ на училища, университетъ, говорится въ предначертаніи, оставляя содержимыя духовными обществами на всемъ ихъ иждивеніи, содержимыя евангеликами-реформатами—на иждивеніи синода того же исповѣданія, Немировское—на содержаніи опредѣленномъ гр. Потоцкимъ, а народныя—на счетъ городскихъ складчинъ, пред-

полагаетъ изъ эдукаціоннаго фундуша производить на гимназіи съ прибавленнымъ однимъ учителемъ, сообразно штатному назначенію, въ годъ по 5700 р., а на пять гимназій вообще 28500 р. серебромъ; на каждое уѣздное училище съ прибавленіемъ одного учителя—2820 руб., а на 12 такихъ училищъ всего 33840 р. серебромъ".

„Сверхъ того, поелику въ уставѣ предоставлено учителямъ право, по выслуженіи назначенныхъ лѣтъ получать по смерть пансіонъ, то университетъ полагаетъ на сей предметъ на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Волынскую губерніи—на каждую по 3000 р., а на Подольскую и Кіевскую по малости ихъ, таковую же сумму на обѣ вмѣстѣ, что и составитъ всего 15000 р. серебромъ"....

„Починка, пристройка, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новое построеніе училищныхъ домовъ, отправленіе кандидатовъ для занятія учительскихъ мѣстъ, случающіяся чрезвычайныя обозрѣнія или изслѣдованія и т. под. предметы требуютъ чрезвычайныхъ издержекъ. Почему университетъ, признавая нужнымъ назначеніе особенной на сіи издержки суммы, полагаетъ здѣсь на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Волынскую губерніи по 1000 руб. въ годъ, всего 5000 руб. серебромъ".

„Иждивеніе на визитаторовъ училищъ и на приготовленіе кандидатовъ къ учительскому званію существенно относится къ пользѣ училищъ, а потому университетъ находитъ нужнымъ, чтобы опредѣленная по штату его сумма на сіи два предмета—на первый—4000 р., а на второй, т. е. на учительскую семинарію—4500 р., всего 8500 руб. перенесена была на штаты училищъ его округа, вслѣдствіи чего та же самая сумма обращена была бы университетомъ на другія собственныя его надобности".

„По таковому расчисленію университета нужно будетъ на училища его округа въ годъ 90840 руб. серебромъ.".

Относительно устройства училищъ по отдѣльнымъ губерніямъ округа университетъ проектировалъ слѣдующія постановленія:

„Въ Виленской губерніи, раздѣленной на 11 уѣздовъ, содержится на счетъ эдукаціоннаго фундуша одна только гимназія, а 14 училищъ имѣютъ быть содержимы духовными обществами, къ коимъ университетъ сдѣлалъ отношеніе, требуя отъ нихъ удостовѣренія, что они будутъ содержать и снабдѣвать нужнымъ училища своимъ иждивеніемъ, согласно съ предписаніями устава, какъ въ сей, такъ и въ прочихъ губерніяхъ, т. е. въ каждомъ уѣздномъ училищѣ, кромѣ особеннаго начальника и духовника, должно быть четыре старшихъ и три младшихъ учителя языковъ и рисованія. Въ Крожахъ, у ксендзовъ кармелитовъ, поелику тамъ доселѣ было шесть классовъ и великое число учениковъ, науки и классы должны быть заведены, какъ предписано для гимназій. Пятнадцатое училище должно быть содержимо сословіемъ евангеликовъ—реформатовъ“.

„Сіи училища расположены такъ, что въ каждомъ уѣздѣ будетъ, по крайней мѣрѣ. по одному уѣздному училищу,.. исключая Завилейскаго уѣзда, въ которомъ училище доселѣ содержалось ксендзами францисканами, въ мѣстечкѣ Колтынянахъ, за три мили отъ уѣзднаго города Свенцянъ, ибо тѣсное и невыгодное положеніе онаго мѣстечка, а отъ того проистекающее затрудненіе ученикамъ имѣть квартиры, также лѣкаря, лекарства и другія нужныя для ученія пособія, препятствовали содержать тамъ съ пользою училище. И потому, университетъ, возложивъ на Колтынянскихъ ксендзовъ францискановъ долгъ имѣть хорошее приходское училище, призналъ нужнымъ, чтобы прежнее уѣздное перенести оттуда, по начатіи будущаго училищнаго года. Происшедшая оттого надобность уѣзднаго училища для Завилейскаго уѣзда очень выгодно удовлетворена будетъ, если таковое училище возобновлено будетъ въ Поставахъ въ Минской губ. (по нынѣшнему административному распредѣленію Поставы, Виленской губ., Дисненскаго уѣзда). Такимъ образомъ, между тѣмъ, по причинѣ выгоднаго положенія онаго города воспользуются училищемъ оба уѣзда Вилейскій и Завилейскій“.

„Въ Гродненской губерніи, состоящей изъ восьми уѣздовъ, находится семь открытыхъ училищъ, кои расположены такъ, что когда уѣзды Лидскій и Слонимскій имѣютъ по два, Гродненскій, Новогрудскій и Брестскій по одному

училищу, то въ остальныхъ трехъ, Волковыскомъ, Пружанскомъ и Кобринскомъ не состоитъ ни одного. Изъ сихъ семи училищъ въ двухъ, т. е. въ Гроднѣ у ксендзовъ доминикановъ и въ Жировицахъ—у ксендзовъ базиліанъ, въ коихъ было доселѣ по шести классовъ, университетъ намѣренъ завести тѣ-же науки и классы, какъ предписано для гимназій".

„Въ Волковыскомъ уѣздѣ до сего времени было училище уѣздное въ мѣстечкѣ Лысковѣ и содержалось ксендзами миссіонерами. Но какъ университетъ не удостовѣренъ, чтобъ оно и впредь содержимо было по уставу, то почитаетъ нужнымъ завесть уѣздное училище на счетъ эдукаціоннаго фундуша или въ уѣздномъ городѣ Волковыскѣ, гдѣ и прежде было училище, или въ другомъ способномъ мѣстѣ, какое будетъ избранно такъ, чтобы оно могло служить притомъ для уѣздовъ Кобринскаго и Пружанскаго, въ коихъ заводить особенныя уѣздныя училища, по причинѣ малаго пространства оныхъ, уѣздовъ, еще не усматривается надобности".

„Хотя въ Гродненской губерніи назначаются два такія училища, въ коихъ будутъ преподаваться тѣ же науки, каковыя предписаны для гимназій, однако университетъ, сверхъ того признаетъ нужнымъ завести еще гимназію въ уѣздныхъ городахъ Брестѣ или Новогрудкѣ".

„Въ Минской губерніи, состоящей изъ десяти уѣздовъ, находилось открытыхъ училищъ восемь и одна гимназія въ губернскомъ городѣ Минскѣ, изъ коихъ три содержимы были духовными обществами, а одно сословіемъ евангеликовъ—реформатовъ. Сіи училища расположены такъ, что въ уѣздахъ Дисненскомъ (въ то время считался въ Минской губ.) Слуцкомъ и Пинскомъ находится ихъ по два, въ Мозырскомъ и Бобруйскомъ—по одному, въ прочихъ четырехъ уѣздахъ—Вилейскомъ (въ то время считался въ Минской губ.), Игуменскомъ, Борисовскомъ и Рѣчицкомъ, до сего времени нѣтъ ни одного. Университетъ признаетъ нужнымъ завесть, по крайней мѣнѣ, одно уѣздное училище для Рѣчицкаго уѣзда, находящагося въ дальнемъ разстояніи отъ училищъ, въ самомъ уѣздномъ городѣ Рѣчицѣ, или въ другомъ способнѣйшемъ мѣстѣ. Уѣзды Борисовскій и Игуменскій могутъ пользоваться ближайшими училищами".

„Въ Вилейскомъ же уѣздѣ, въ которомъ было прежде уѣздное училище въ Поставахъ, коего учители получали жалованье на счетъ эдукаціоннаго фундуша и уничтоженное за нѣсколько лѣтъ Минскимъ губернскимъ правленіемъ (Поставское училище закрыто по журнальному постановленію Минскаго приказа общественнаго призрѣнія отъ 27 августа 1798 года на томъ основаніи, „что Поставы лежатъ (писалось въ 1798 году) на Литовской границѣ, и ученики тамъ, большею частію, изъ дворянъ Литовской губерніи, которые могутъ перейтить для окончанія наукъ въ Вильну... (Сборн. матер. I, 652—653), университетъ признаетъ нужнымъ возстановить то самое училище, по причинѣ оставшихся въ цѣлости училищныхъ зданій".

„Въ Слуцкомъ уѣздѣ до сего времени было два училища въ уѣздномъ городѣ Слуцкѣ: одно уѣздное, коего учителямъ производится жалованье изъ эдукаціоннаго фундуша. Университетъ предполагаетъ перенесть оное въ городъ Несвижъ, принадлежащій князю Доминику Радивиллу, послику близъ онаго находится много дворянства, и въ самомъ городѣ осталось выгодное зданіе послѣ бывшаго тамъ открытаго училища уничтоженнаго за нѣсколько лѣтъ губернскимъ правленіемъ. Другое же, содержимое сословіемъ евангеликовъ — реформатовъ, имѣетъ остаться, какъ и нынѣ, въ ихъ вѣдѣніи, въ Слуцкѣ съ тѣмъ, чтобы оно устроено было по уставу".

„Въ Пинскѣ училище до сего времени содержалось изъ эдукаціоннаго фундуша. Но какъ тамъ нѣтъ выгоднаго жилища для учителей, ни дому для училища, поіезуитскій же отданъ греко-россійскому архимандриту, который за отдѣленную подъ учителей и училище оч. невыгодную часть онаго требуетъ въ годъ по сто руб. изъ эдукаціоннаго фундуша, то университетъ находитъ нужнымъ поручить оное училище обществу Францисканскому, съ обязанностію содержать по уставу".

„Почему въ Минской губерніи, когда вмѣсто, училищъ, содержимыхъ изъ эдукаціоннаго фундуша въ Слуцкѣ и Пинскѣ, имѣютъ быть заведены на счетъ онаго фундуша въ Несвижѣ и Поставахъ, то прибавится надобность издержки на одно только училище въ Рѣчицкомъ уѣздѣ",

„Въ Волынской губерніи, состоящей изъ 12 уѣздовъ, находится десять открытыхъ училищъ. Они расположены такъ, что въ уѣздахъ Луцкомъ, Ровенскомъ и Житомирскомъ находится ихъ по два, въ Дубенскомъ, Кременецкомъ, Владимирскомъ и Овруцкомъ, по одному, въ Ковельскомъ же, Острогскомъ, Заславльскомъ, Староконстантиновскомъ и Новгородъ—Волынскомъ ни одного не было. Въ числѣ сихъ училищъ содержится шесть духовными обществами, одно свѣтскими священниками (въ Олыкѣ), а три изъ эдукаціоннаго фундуша. Университетъ, сходно съ мнѣніемъ визитатора Чацкаго, полагаетъ быть гимназіи Волынской губерніи въ Кременцѣ; а въ Ковлѣ, по его же мнѣнію, и по желанію жителей, приносящихъ пособіе на первоначальное училище, назначаетъ уѣздное училище на счетъ эдукаціоннаго фундуша, также въ Теофильполѣ и въ Острогѣ или въ другомъ мѣстѣ. Изъ послѣднихъ двухъ первое имѣетъ быть содержимо Тринитарскимъ, а второе — Кармелитскимъ обществомъ“.

„Въ Подольской губерніи, раздѣленной на 12 уѣздовъ, находилось до сего времени четыре уѣздныя училища, т. е. въ Каменецкомъ, Винницкомъ, Брацлавскомъ и Могилевскомъ уѣздахъ; въ остальныхъ же восьми — Проскуровскомъ, Литичевскомъ, Литинскомъ, Гайсинскомъ, Балтовскомъ, Ямпольскомъ, Ольгопольскомъ и Ушицкомъ не было ни одного уѣзднаго училища. Изъ нихъ одно содержалось ксендзами базиліанами, второе—изъ вклада графа Потоцкаго, а два изъ эдукаціоннаго фундуша Университетъ, соображаясь съ мнѣніемъ визитатора и съ желаніемъ обывателей, назначаетъ гимназіи быть въ Винницѣ, а уѣздному училищу на счетъ эдукаціоннаго фундуша въ Гайсинѣ“.

„Въ Кіевской губерніи до сего времени находится только три открытыя училища: одно-главное народное въ губернскомъ городѣ Кіевѣ, а два уѣздныхъ - въ Умани и Каневѣ содержимыя базиліанами. Университетъ для устроенія училищъ въ сей губерніи, сообразно съ надобностію и пользою, также для назначенія гимназіи, ожидаетъ обстоятельнаго изъясненія отъ визитатора, и для того оставилъ ихъ въ штатѣ на прежнемъ положеніи“.

„Въ Витебской губерніи, состоящей изъ 12 уѣздовъ, находится десять открытыхъ училищъ, кои расположены такъ, что въ уѣздахъ: Витебскомъ находится ихъ три, въ Полоцкомъ два, Велижскомъ, Невельскомъ, Динабургскомъ, Дриссенскомъ, Лепельскомъ, Рѣжицкомъ, Себежскомъ и Суражскомъ. до сего времени нѣтъ ни одного. Изъ числа сихъ десяти училищъ одно въ Витебскѣ, называемое главнымъ народнымъ, въ Полоцкѣ, Велижѣ и Невелѣ —меньшія училища; сверхъ того, въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Динабургѣ находятся содержимыя ксендзами іезуитами, въ Лепельскомъ уѣздѣ — ксендзами доминиканами (въ м. Ушачѣ) и въ Витебскѣ — ксендзами піарами".

„Въ двухъ изъ сихъ училищъ, т. е. въ Витебскомъ піарскомъ и Полоцкомъ іезуитскомъ, университетъ признаетъ нужнымъ завести классы науки, какъ предписано по уставу для гимназій и о семъ предметѣ сдѣлано уже къ начальникамъ тѣхъ обществъ отношеніе, съ требованіемъ удостовѣренія, что они обязываются содержать оныя училища въ такомъ видѣ".

„Сверхъ того, жители Велижскаго уѣзда и самого города Велижа въ поданной просьбѣ изъяснили свое желаніе, дабы вмѣсто тамошняго народнаго училища, поручено было содержаніе уѣзднаго ксендзамъ миссіонерамъ. Университетъ препроводилъ таковую просьбу ксендзу Полю для рѣшительнаго отвѣта".

„Въ Могилевской губерніи, состоящей изъ 12 уѣздовъ, находится восемь училищъ. Они расположены такъ, что уѣзды Могилевскій, Оршанскій и Мстиславскій имѣютъ по два, Чаусовскій и Копысскій по одному; въ прочихъ же семи уѣздахъ — Сѣнинскомъ, Рогачевскомъ, Бѣльскомъ, Чериковскомъ, Старобыховскомъ, Бабиновицкомъ и Климовицкомъ нѣтъ ни одного училища. Изъ сихъ восьми училищъ въ Могилевѣ одно именуется главнымъ народнымъ, а три т. е. въ Мстиславлѣ, Оршѣ и Чаусахъ, малыми училищами. Кромѣ сихъ народныхъ, въ Могилевѣ, въ Мстиславлѣ и Оршѣ находятся іезуитскія, а въ Толочинѣ—базиліанское".

„Изъ прошедшаго обозрѣнія (визитаторомъ былъ Севергинъ) университетъ не почерпнулъ ясныхъ свѣдѣній о состо-

янія народныхъ училищъ, какъ главныхъ, такъ и малыхъ, въ обѣихъ сихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ... Касательно малыхъ училищъ университетъ заключаетъ, что они ближе подобны риходскимъ нежели такимъ уѣзднымъ, какія по новому уставу имѣть предписано".

„Въ училищахъ, содержимыхъ духовными обществами въ сихъ двухъ губерніяхъ, нужно, по мнѣнію университета, завести единообразный порядокъ, какой и въ прочихъ училищахъ его округа. о чемъ и препоручено постараться избранному на сей (1804) годъ визитатору, прелату Кундзичу (вмѣсто Севергина), надѣясь, что онъ отвратитъ всѣ могущія въ томъ встрѣтиться затрудненія, а особливо въ іезуитскихъ, въ коихъ всегда наблюдался ихъ особенный способъ ученія. Начальники же духовныхъ доминиканскаго, піарскаго и базиліанскаго обществъ учинили уже отзывы, что они въ порученныхъ имъ училищахъ. состоящихъ и въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, совершенно наблюдать будутъ всѣ предписанія, какія для прочихъ будутъ предписаны". (Сборн. матер. II, 1023—1038).

По „предначертанію" университета, въ гимназіяхъ назначалось семь классовъ, при семи старшихъ учителяхъ и четырехъ младшихъ. Въ первыхъ двухъ классахъ съ двумя старшими учителями проходили грамматику латинско-польскаго языка съ переводами классическихъ писателей—девять часовъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ; ариѳметику—шесть часовъ въ недѣлю; обученіе письму—два часа; начальныя правила географіи - два часа; правоученіе и латинскія выписи изъ авторовъ—одинъ часъ.

Въ курсъ III —VII кл. должны были войти: словесность и латинскій языкъ—во всѣхъ пяти классахъ (20 уроковъ въ недѣлю); продолженіе ариѳметики и начальныя правила геометріи въ третьемъ классѣ (4 ур.); геометрія, алгебра и тригонометрія — въ 4, 5 и 6 кл. (14 ур. въ недѣлю); логика — въ VII кл. (2 ур.); естественная исторія и физика во всѣхъ пяти классахъ (20 ур. въ нед.); правоученіе и законъ (право) въ III - VI кл. (13 ур. въ нед.); политическая экономія въ VII кл. (7 ур. въ нед.); исторія и географія во всѣхъ пяти классахъ

(20 нед. ур.). Каждый изъ 5 учителей имѣлъ по 20 недѣльныхъ уроковъ.

Четыре младшихъ учителя преподавали въ младшихъ четырехъ классахъ три языка—русскій, французскій и нѣмецкій и рисованіе—при шестнадцати часахъ въ недѣлю на каждый предметъ.

Въ уѣздныхъ училищахъ, по проекту, полагалось четыре класса, при четырехъ старшихъ учителяхъ, каждому по двадцати часовъ еженедѣльныхъ занятій, и при трехъ младшихъ—каждому по шестнадцати часовъ.

Одинъ изъ старшихъ учителей преподавалъ въ первомъ классѣ латино-польскую грамматику съ переводомъ выписокъ изъ классическихъ авторовъ (9 час.), ариѳметику и чистописаніе (8 час.), правила географіи (2 часа) и правоученіе (1 часъ). Второй учитель преподавалъ латинскій языкъ и словесность въ слѣдующихъ трехъ классахъ; учитель математики, физики и естественной исторіи обучалъ въ тѣхъ же классахъ ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ, физикѣ и естественной исторіи; на долю послѣдняго старшаго учителя приходилось правоученіе, исторія съ географіей, право логика и начала политической экономіи.

Младшіе учители преподавали въ трехъ младшихъ классахъ русскій языкъ, французскій или нѣмецкій (по выбору) и рисованіе.

Кромѣ того, и въ гимназіяхъ и въ уѣздныхъ училищахъ духовникъ каждое воскресеніе по полудни (рѣчь идетъ о доховникѣ р. католическаго исповѣданія) обязанъ былъ обучать учениковъ закону Божію одинъ часъ.

Необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ школьныхъ предметовъ, какъ наприм., право, политическая экономія, мораль, математика, логика... своимъ содержаніемъ далеко не отвѣчали своимъ громкимъ названіямъ. Подъ именемъ правоученія и права подразумѣвалось, по словамъ Владимірскаго Буданова, право естественное, право политическое и потомъ—политическая экономія. Мораль (иначе nauka obyczajow) заключала въ себѣ учебникъ гражданскаго

права и вмѣстѣ кодексъ приличій и житейской ловкости, а отнюдь не начала христіанской нравственности (въ ней, между прочимъ, преподавалось ученіе о пріобрѣтеніи собственности, о духовныхъ завѣщаніяхъ и о правѣ обязательственномъ); основанія же для моральныхъ ученій въ собственномъ смыслѣ почерпаемы были изъ древнеязыческой философіи, преимущественно изъ „de officiis" Цицерона. Цѣлію права политическаго было „пониманіе недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законовъ". Учителю не только позволялось, но и предписывалось разбирать съ учениками каждое новое постановленіе, т. е. упражнять учениковъ въ критикѣ законовъ на основаніи „высшей правды" (естественной) и въ сферѣ государственнаго устройства оцѣнивать недостатки каждой формы его, руководствуясь началомъ „счастья народовъ". Сюда присоединялось еще международное право. Подъ именемъ „экономіи" разумѣлось частное хозяйство, а не политическое. Высокія задачи физіократовъ и А. Смита въ захолустныхъ литовскихъ и степныхъ училищахъ сводились на рецепты земледѣльческихъ пріемовъ, на путешествіе учениковъ по ремесленнымъ заведеніямъ, лавкамъ, базарамъ, какъ будто этимъ способомъ можно было научиться хотя бы производству ремеслъ и ознакомиться съ правилами торговыхъ оборотовъ. Съ содержаніемъ „экономіи" совпадала отчасти и „физика" въ обширномъ смыслѣ, т. е. естествовѣдѣніе. Она начиналась съ огородничества и земледѣлія, продолжалась минералогіей и ботаникой, физикою и химіей и заканчивалась гигіеною и исторіею искусствъ и ремеслъ. И всѣ эти доктрины сводились большею частію на практически-хозяйственныя знанія. Такихъ же практическихъ цѣлей не избѣжала и математика, которая, хотя и заключала въ себѣ (по названію) геометрію, алгебру, тригонометрію, логику, но при этомъ требовалось, чтобы на изложеніе основныхъ понятій употреблялось какъ можно менѣе времени, а постоянно имѣлось бы въ виду житейское ихъ примѣненіе. Изъ исторіи преподавалась только древняя и кое что изъ русской и польской, такъ какъ эта наука имѣла цѣлію только образованіе гражданина. Словомъ, вся система образованія, заключаетъ Владимірскій-Будановъ, можетъ быть названа не столько суммою реальныхъ знаній, сколько агре-

гатомъ прикладныхъ свѣдѣній, преимущественно сельско-хозяйственныхъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ, пригодныхъ для образованія изъ учащихся резонирующихъ патріотовъ. Впрочемъ, учащійся долженъ былъ научиться не только резонировать, но и дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Для этой цѣли, большое число часовъ (въ рекреаціонные и праздничные дни) жертвовали на такъ называемыя военныя упражненія. Несмотря на такія гражданскія основанія школьнаго образованія, самыя школы въ дѣйствительности оставались клерикальными и въ большинствѣ находились въ рукахъ духовенства.

Воспитательный надзоръ устроенъ былъ на взаимномъ наблюденіи (шпіонствѣ), какъ между начальствующими и учащимися, такъ и между учениками; ректоръ и префектъ наблюдали за учителями, послѣдніе за ректоромъ, которому могли даже дѣлать замѣчанія и судить его въ общемъ собраніи учителей. Надъ учениками въ классѣ наблюдали ученики же—декуріоны; въ квартирахъ—также ученики директоры. Воспитательныя мѣры сводились къ краснорѣчивымъ назиданіямъ и постояннымъ рѣчамъ, съ которыми на каждомъ шагу обращались ректоръ, префектъ, учителя, декуріоны, директора къ провинившимся ученикамъ и товарищамъ, что значительно пріучало къ лицемѣрію и фразерству... (Владимірскій-Будановъ. Исторія Императорскаго университета св. Владиміра. I, 14—15. Ср. Сборн. Матеріаловъ...I, 379—381, 707....).

Въ устройствѣ въ школахъ учебной части университетъ, по его заявленію, старался сохранить тотъ порядокъ, какой введенъ былъ польскою эдукаціонною коммиссіею. „Несмотря на противныя сперва мнѣнія многихъ, опытъ доказалъ, говоритъ университетъ, что полезенъ для учениковъ и выгоденъ для учителей такой способъ ученія въ училищахъ, по коему ученики, перешедши въ гимназіи два первые класса, а въ уѣздныхъ училищахъ первый классъ, въ слѣдующихъ классахъ слушаютъ уроки вмѣстѣ съ прочими изъ наукъ, предписанныхъ по уставу, въ часы, назначенные разными учителями. Оставалось только исправить то, что продолженіе науки въ нѣкоторыхъ классахъ предписано было на два года, что весьма невыгодно было для учениковъ. По нынѣшнему устрое-

нію университетъ расположилъ продолженіе наукъ во всякомъ классѣ такимъ образомъ, что ученики, вступающіе въ училища, по надлежащемъ ихъ приготовленіи и прилежные, въ уѣздныхъ училищахъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, а въ гимназіи въ семь лѣтъ оканчиваютъ школьный курсъ наукъ; меньше же прилежные и меньше приготовленные могутъ въ одномъ классѣ повторить тѣ самыя науки въ слѣдующемъ году"....
(Сборн. Матер. II, 1043).

Это „предначертаніе" университета было Высочайше утверждено 20 августа 1804 года, такъ что съ сентября мѣсяца этого года занятія въ учебныхъ заведеніяхъ округа Виленскаго университета начались по новому уже порядку (Сборн. матер. II, 1053). Съ этого времени „предначертаніе" становилось главнымъ законодательнымъ актомъ для училищъ Виленскаго округа. Были оставлены на прежнихъ основаніяхъ только училища Витебской, Могилевской и Кіевской губерній, въ ожиданіи болѣе точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о школахъ этихъ губерній. Въ виду этого и визитаторамъ даны были особыя инструкціи.

Визитаторами на 1804 годъ были избраны: прелатъ Кундзичъ для губерній Витебской, Могилевской и Минской, Матушевичъ—для губерній Виленской и Гродненской. Визитаторомъ училищъ юго-западныхъ губерній по-прежнему оставался Чацкій, учебныхъ заведеній гор. Вильны—ксендзъ Голянскій. (Сборн. матер. II. 816, 835).

Къ данной въ прошломъ году инструкціи визитаторамъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя дополненія, сообразно установившимся новымъ явленіямъ въ школьной жизни учебныхъ заведеній. Въ концѣ 1803 года университетомъ составленъ былъ проектъ установленія повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій, а прелатъ Богушъ донесъ университету, что во время визиты губерній Минской, Виленской и Гродненской (въ 1803 г.) онъ распорядился, чтобы начальства каждаго училища, гдѣ есть термометръ, барометръ и флюгеръ, старались ежедневно наблюдать на первый случай, по крайней мѣрѣ, перемѣны атмосферы. въ разсужденіи теплоты, стужи, сырости, суши, ясной, мрачной, тихой или бурной погоды, направленія главнѣйшихъ вѣтровъ, и свои наблюденія сообщали бы

университету. Проектъ Виленскаго университета признанъ полезнымъ, и предложено, въ примѣръ другимъ округамъ, начать приводить его въ исполненіе. (Сборн. матер. II. 419—425). Сообразно съ этимъ, въ инструкціи визитаторамъ явилась статья, чтобы они разсматривали въ училищахъ дневныя записки метеорологическихъ наблюденій, дѣланы ли они надлежащимъ порядкомъ и съ должнымъ вниманіемъ, также записаны ли съ точностію и другія мѣстныя происшествія, кои достойны были замѣчанія.

Визитаторъ долженъ былъ также разсмотрѣть исполняются ли указанія, сдѣланныя визитаторомъ въ предшествовавшемъ году, удостовѣриться, послужили ли они къ улучшенію училищныхъ порядковъ, и дать свое мнѣніе, какія изъ нихъ должны оставаться въ силѣ на будущее время, и какія должны подлежать исправленію или отмѣнѣ.

Визитатору вмѣнялось въ обязанность склонять родителей, чтобы они прививали своимъ дѣтямъ оспу, передъ отдачею ихъ въ училища, а также внушать учителямъ и смотрителямъ, чтобы они разъясняли родителямъ, что искусственное привитіе оспы предохраняетъ дѣтей отъ страшной опасности заболѣванія естественной оспой.

Такъ какъ рапортами визитаторовъ 1803 г. выяснено, что во время отдыховъ учениковъ имъ самимъ во многихъ училищахъ предоставлено избирать себѣ забавы, то визитаторъ долженъ былъ строго внушать учителямъ и смотрителямъ училищъ распредѣлять ежедневно часы отдыха такимъ образомъ, чтобы это служило къ укрѣпленію здоровья и физическихъ силъ.

„Визитаторамъ предписывалось также удостовѣриться, надлежащимъ ли образомъ произведены въ 1804 году предписанныя уставомъ частныя и открытыя испытанія въ наукахъ и языкахъ; когда и съ какими обрядами открыты были училища, читаны ли были въ то время рѣчи и записаны ли въ училищныхъ дѣлахъ; собиралась ли публика при главномъ открытіи; было ли прерываемо ученіе, кромѣ вакацій, во время праздниковъ или въ сырную недѣлю; отпускались ли тогда ученики въ домы; сохраненъ ли порядокъ, при пе-

реводѣ учащихся изъ низшихъ классовъ въ высшіе; оставившіе училища получали ли свидѣтельство, или удалены безъ онаго и безъ вѣдомства начальства“.

Требовалось обратить усиленное вниманіе и на библіотеки, коллекціи естественныхъ или искуственныхъ произведеній, орудія, машины, атласы, образцы и проч. со стороны увеличенія или уменьшенія ихъ со времени послѣдней ревизіи.

При ревизіи училищъ, содержимыхъ духовными обществами, визитаторы должны были обратить особенное вниманіе на то, находятся ли въ этихъ училищахъ учебныя книги и пособія, удобно ли ихъ выписывать, продаются ли по сходной цѣнѣ, и все это разрѣшено ли къ употребленію.

На испытаніяхъ въ особенности рекомендовалось прослѣдить успѣхи учениковъ въ латинскомъ языкѣ, а равно и то, какъ обучаютъ учители рисованію и знаютъ ли сами сіе искусство, не ограничено ли оно только механическимъ списываніемъ рисунковъ безъ изъясненія правилъ. Что касается до языковъ вообще, а особливо россійскаго, визитаторъ долженъ освѣдомиться, въ состояніи ли учитель изъяснить силу и красоту онаго своимъ ученикамъ, также разсмотрѣть прописи, могутъ ли онѣ служить къ обученію четкому, хорошему и скорому письму“. (Сборн. матер. II, 817—825).

Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ инструкція для визитаторовъ 1803 г. оставалась обязательною для нихъ и теперь. (Ср. Сборн. матер. II. 207—215 и 817—825). Но кромѣ общихъ распоряженій, университетъ нашелъ нужнымъ дать визитаторамъ еще особыя наставленія относительно каждой ревизуемой губерніи.

А. По Виленской губерніи.

1) Въ Ковнѣ визитатору поручалось осмотрѣть училищный поіезуитскій домъ отданный ксендзамъ Францисканамъ для помѣщенія въ немъ содержимаго ими уѣзднаго училища. Но такъ какъ Францискане занимали не весь домъ, а въ одной его части помѣстился нижній земскій судъ и другія полицейскія инстанціи, то визитаторъ на мѣстѣ долженъ былъ разслѣдовать, на какомъ основаніи полиція заняла часть помянутаго дома и о послѣдующемъ донести университету.

2) Въ Крожахъ визитаторъ долженъ былъ собрать точныя свѣдѣнія о юрисдикѣ относительно училищнаго поіезуитскаго дома, отданнаго прежде ксендзамъ Кармелитамъ, которые обязались содержать тамъ уѣздное училище... „Какъ при Крожскомъ училищѣ находится фундушъ ксендза Пилсудскаго для воспитанія и содержанія бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, и послику визитаторъ прошедшаго года оставилъ тамъ свои приказанія о полезнѣйшемъ хозяйственномъ распоряженіи сего фундуша, то нынѣшній визитаторъ особенно вникнетъ въ состояніе онаго и разсмотритъ, достаточно ли и сообразно ли съ желаніемъ основателя содержаніе и воспитаніе юношества. Сверхъ того, университетъ почитаетъ нужнымъ, дабы въ Крожахъ, гдѣ число учениковъ весьма велико, заведено было преподаваніе наукъ и такіе классы, какъ предписано для гимназій, а какъ ксендзы Кармелиты письменно на сіе согласились, то визитаторъ на мѣстѣ обще съ ними, найдетъ способъ произвесть сіе въ самое дѣйствіе“.

3) „Въ Кальваріи, гдѣ уѣздное училище недавно еще заведено ксендзами Доминиками, и когда изъ прошедшаго обозрѣнія оказалось, что въ немъ много еще недостаетъ къ нужному училищному порядку, посему визитаторъ особенно вникнетъ, заведено ли уже тамъ преподаваніе наукъ, предписанное въ уставѣ для уѣздныхъ училищъ—а при томъ—взяты ли мѣры къ большей выгодности квартиръ для учениковъ. Епископъ Самогицкій, какъ доноситъ визитаторъ прошедшаго года, обѣщалъ приложить стараніе о постройкѣ домовъ для выгоды училищъ; нынѣшній визитаторъ постарается узнать, какое возымѣло дѣйствіе таковое обѣщаніе, и есть ли надежда, что епископъ ускоритъ симъ пособіемъ для училищъ“.

4) „Въ прошедшемъ году въ уѣздномъ городѣ Браславскаго повѣта—Видзахъ открыто училище регулярными канониками, и въ прошедшее обозрѣніе оно не было осмотрѣно. Нынѣ визитаторъ особенно войдетъ въ состояніе училищнаго нововыстроеннаго дома, узнаетъ другія распоряженія, способы преподаванія наукъ, раздѣленіе разрядовъ или классовъ, способность учителей, вникнетъ въ мѣстное положеніе города, можно ли надѣяться, что оно выгодно будетъ для учащихся... Тамъ же освѣдомится визитаторъ о приношеніи, которое обѣ-

щано въ собраніи дворянства для вспомоществованія оному жъ училищу, и донесетъ университету".

5) „По причинѣ тѣснаго и невыгоднаго мѣста для уѣзднаго училища, содержимаго съ недавняго времени ксендзами Францисканами въ Колтынянахъ, Завилейскаго уѣзда, университетъ намѣренъ уничтожить оное училище. Почему визитаторъ постарается сдѣлать сравненіе разстояній училищъ въ Видзахъ, Вилкомирѣ, и предполагаемаго къ заведенію въ гор. Поставахъ и освѣдомится, выгодно ли будетъ жителямъ Завилейскаго уѣзда отдавать своихъ дѣтей въ помянутыя училища".

Б. По Гродненской губерніи.

1) „Въ училищахъ: Гродненскомъ, содержимомъ ксендзами Доминиканами, и Жировицкомъ,—ксендзами Базиліанами, въ коихъ до сего времени находилось по шести учителей, университетъ находитъ нужнымъ завести науки и классы, какъ предписано въ уставѣ для гимназій, и потому визитаторъ въ обоихъ мѣстахъ согласится съ помянутыми духовными обществами о лучшемъ способѣ произвесть сіе въ дѣйствіе".

2) Университетъ почитаетъ нужнымъ завести со временемъ гимназію для Гродненской губерніи. Почему визитаторъ имѣетъ представить свое мнѣніе, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, гдѣ бы выгоднѣе быть такой гимназіи, въ Гроднѣ, Новогрудкѣ, Слонимѣ или Брестѣ".

3) „Ксендзы Миссіонеры до сего времени не удостовѣрили университетъ, намѣрены ли они содержать уѣздное училище въ Лысковѣ, Волковыскаго уѣзда, а потому университетъ находитъ завесть новое уѣздное училище для трехъ уѣздовъ Волковыскаго, Кобринскаго и Пружанскаго; отъ визитатора же будетъ ожидать увѣдомленія, гдѣ выгоднѣе завести оное училище, которое особенно могло бы служить для каждаго изъ помянуыхъ трехъ уѣздовъ, о чемъ удобно можно заключить по разстоянію другихъ и по мѣстной многолюдности".

4) Визитаторъ долженъ былъ обратить вниманіе, чтобы въ устрояемыхъ для учащагося юношества пансіонахъ не

помѣщались для совмѣстнаго жительства дѣти обоихъ половъ, а учреждались бы отдѣльные пансіоны для мальчиковъ и отдѣльные для дѣвочекъ".

5) „Въ Щучинѣ визитаторъ особенно осмотритъ содержаніе дѣтей при училищѣ изъ фундуша Хребтовича, который туда перенесенъ изъ Гродна г. Борженскимъ для хозяйственныхъ выгодъ: исполняется ли воля основателя?".

6) „Въ обоихъ сихъ губерніяхъ (Виленской и Гродненской) визитаторъ не оставитъ въ продолженіе своего обозрѣнія освѣдомиться подробно о Самогицкомъ языкѣ (Жмудскомъ), гдѣ и какъ далеко простирается его употребленіе, замѣчая самъ особенныя объ немъ извѣстія; равнымъ образомъ, имѣетъ препоручить и училищнымъ сословіямъ—прилежно собирать всѣ подробности, кои могли бы объяснить происхожденіе сего языка и его собственность или свойство, чрезъ что можно бы явственнѣе узнать исторію того народа, коему оный языкъ былъ природнымъ; собранныя же замѣчанія о немъ, писанія, пѣсни и проч. на семъ языкѣ имѣютъ быть присылаемы въ университетъ".

7) „На всякомъ мѣстѣ, гдѣ были поіезуитскіе домы и порожнія мѣста, визитаторъ постарается узнать о нихъ и вникнуть, не можно ли таковыхъ домовъ и мѣстъ употребить въ пользу училищъ".

8) Вездѣ въ городахъ визитаторъ имѣетъ *чиновно* спросить у градскихъ начальствъ, приняты ли мѣры къ заведенію приходскихъ училищъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, и старается ли мѣстное начальство о томъ, чтобы дѣти отдаваемы были въ таковыя училища для обученія.

9) Такъ какъ въ школахъ въ Слонимѣ, у канониковъ регулярныхъ, епископомъ Пинскимъ Горбацкимъ и шамбеляномъ Костровицкимъ учрежденъ фундушъ для обученія десяти бѣдныхъ дворянъ, то визитаторъ долженъ былъ войти въ обстоятельное разсмотрѣніе, помѣщается ли фундушевое юношество согласно волѣ жертвователей.

В. По Минской губерніи.

1) „Бывшій училищный домъ въ Минскѣ занятъ земскимъ правительствомъ, а для училища отдана часть базиліан-

скаго монастыря, которая недостаточна для помѣщенія тамъ гимназіи и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ, несмотря на то, что приказъ общественнаго призрѣнія на починку оной употребилъ нарочитыя издержки. По сей причинѣ визитаторъ на мѣстѣ имѣетъ изслѣдовать, можетъ ли быть полезнымъ и довольнымъ для помѣщенія гимназіи смежный монастырь, бывшій прежде женскимъ базиліанскимъ. Въ разсужденіи чего постарается освѣдомиться отъ греко-россійскаго епископа Потемкина (о благопріятствованіи котораго училищамъ университетъ удостовѣренъ отъ бывшаго визитатора и отъ директора училищъ) и испросить послѣднее его мнѣніе, на какихъ условіяхъ можетъ онъ уступить для гимназіи помянутый домъ. Равнымъ образомъ, какъ университетъ извѣщенъ о неприличномъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ училище, помѣщеніи театра, городской тюрьмы и винной продажи, то визитаторъ обязанъ прилежно войти въ сіе обстоятельство и найти средство къ скорѣйшему удаленію отъ училища таковыхъ предметовъ, препятствующихъ и вовсе противныхъ порядку и спокойствію училища. Сверхъ того, визитаторъ обще съ директоромъ училищъ обстоятельно изслѣдуетъ надобность починки училищнаго дома, повѣритъ смѣту нужныхъ на то издержекъ и о всемъ представитъ университету свое мнѣніе. Въ томъ же городѣ Минскѣ визитаторъ во время своего обозрѣнія, имѣетъ засвидѣтельствовать со стороны университета должную признательность монахинямъ базиліанскаго ордена за усердное ихъ стараніе о воспитаніи дѣвицъ, которое особенно замѣчено въ прошедшее обозрѣніе".

2) „Изъ находящихся въ уѣздномъ городѣ Слуцкѣ двухъ открытыхъ училищъ, изъ коихъ одно уѣздное, содержимое изъ эдукаціоннаго фундуша, а другое—при сословіи евангеликовъ-реформатовъ, университетъ почитаетъ нужнымъ сіе послѣднее, въ качествѣ уѣзднаго, поручить оному сословію, а первое по прежнему перевесть въ городъ Несвижъ, принадлежащій князю Доминику Радивиллу, гдѣ оно выгодно и съ пользою состояло. Визитаторъ по сему предмету особенно имѣетъ изъясниться съ помянутымъ евангелическимъ сословіемъ, какимъ образомъ приметъ оно содержаніе уѣзднаго училища въ Слуцкѣ и можетъ ли съ пользою отданъ быть тому же сословію училищный домъ, если оно будетъ содержать то

училище на своемъ иждивеніи, сходно съ предписаніемъ устава. Касательно Несвижа визитаторъ не оставитъ вновь освѣдомиться о мѣстѣ и прежнемъ училищномъ домѣ, кѣмъ онъ теперь занятъ и какимъ образомъ можно тамъ возобновить училище".

3) „Въ Мозырѣ визитаторъ разсмотритъ мѣстную опись, которую принялъ новый смотритель Ломановичъ, и въ случаѣ надобности въ объясненіи, можетъ пригласить бывшаго начальника Мозырскаго училища—ксендза Барашкевича, который заступившему его мѣсто долженъ былъ сдать все по прежнимъ описямъ; въ случаѣ же недостатка по оной описи, донесетъ университету вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ. Какъ университетъ усмотрѣлъ изъ прошедшаго обозрѣнія, что училищный домъ въ Мозырѣ требуетъ непремѣнно починки, то визитаторъ обще съ смотрителемъ училищъ вникнетъ въ состояніе онаго дома и представитъ университету чертежи и смѣту издержекъ. Во время прошедшаго же обозрѣнія учитель 2-го класса ксендзъ Карповичъ замѣченъ не весьма прилежнымъ и способнымъ къ исполненію своей должности: визитаторъ имѣетъ удостовѣриться какъ о его исправленіи, такъ и о томъ, можетъ ли ксендзъ Карповичъ остаться полезнымъ учителемъ."

4) „По причинѣ тѣсноты дома для помѣщенія училища въ Пинскѣ, университетъ призналъ нужнымъ уѣздное училище въ этомъ городѣ поручить ксендзамъ Францисканамъ. Визитаторъ имѣетъ осмотрѣть состояніе ихъ дома въ Пинскѣ и вникнетъ въ ихъ приготовленія къ надлежащему содержанію училища. Касательно же училищнаго дома, отданнаго греко-россійскому архимандриту, визитаторъ освѣдомится, весь ли тотъ домъ ему отданъ по повелѣнію высшаго начальства, или та только часть, которая бывшею эдукаціонною комиссіей отдѣлена была отъ греко-унитскаго епископа, а прочее должно принадлежать къ эдукаціонному фундушу, почему къ сему порученію университетъ пріобщаетъ выписку съ постановленія оной комиссіи касательно сего дома. Визитаторъ также узнаетъ въ Пинскѣ и въ другихъ мѣстахъ сей губерніи, гдѣ помѣщики, желая особенно получить прибыль черезъ наемъ учащимся квартиръ, дѣлаютъ такія распоряженія, которыя бываютъ невыгодны и въ тягость послѣднимъ, какъ напр.: зажи-

точнѣйшимъ подданнымъ своимъ запрещаютъ принимать учениковъ на лучшія ихъ квартиры, дабы черезъ то бѣднѣйшіе, нанимая свои домы дороже, впрочемъ невыгодные, могли поправлять скудное свое состояніе и выплачивать господину подать. Визитаторъ особенно донесетъ о семъ университету."

5) „Какъ въ Минской губерніи не состоитъ училищъ въ четырехъ уѣздахъ: Вилейскомъ, Борисовскомъ, Игуменскомъ и Рѣчицкомъ, то университетъ находитъ нужнымъ для Вилейскаго уѣзда возобновить училище въ Поставѣ (Поставахъ), а въ Рѣчицкомъ—завести новое уѣздное, по неимѣнію вблизи другихъ. Визитаторъ имѣетъ изыскать мѣсто для училища въ Поставахъ и въ Рѣчицкомъ уѣздѣ: въ самомъ ли уѣздномъ городѣ Рѣчицѣ или въ другомъ можно завесть его удобнѣе?— и о томъ донесетъ университету.

Г. По Витебской и Могилевской губ.

1) „Университетъ почитаетъ нужнымъ, дабы въ Полоцкѣ у ксендзовъ іезуитовъ, а въ Витебскѣ у ксендзовъ піаровъ заведены были всѣ тѣ науки и классы, какіе въ уставѣ предписаны для гимназій, а въ прочихъ училищахъ—каковыя тамъ же назначены для уѣздныхъ. Визитаторъ имѣетъ согласиться съ ксендзами іезуитами и піарами, какъ произвесть сіе въ дѣйствіе лучшимъ образомъ. Поелику изъ прошедшаго обозрѣнія университетъ замѣтилъ, что духовныя общества въ сихъ губерніяхъ въ преподаваніи наукъ слѣдуютъ различному способу, то первымъ долгомъ визитатора будетъ изъясниться о семъ съ ксендзами іезуитами и другими и подтвердить имъ, чтобы способъ ученія и порядокъ былъ точно таковъ, какъ предписано въ уставѣ, и чтобъ они, не оставляя прилежнаго обученія латинскому языку, употребляли одинаковыя учебныя книги, кои теперь или впредь предписано будетъ имѣть для училищъ Виленскаго округа, начиная съ самой грамматики."

2) „Касательно народныхъ училищъ (россійскихъ), университетъ не имѣетъ до сего времени обстоятельныхъ о нихъ свѣдѣній и не знаетъ о точной ихъ пользѣ; изъ донесеній же прошедшаго обозрѣнія замѣтилъ только, что они весьма далеки, чтобъ могли равняться съ прочими губернскими и уѣздными училищами Виленскаго округа. Почему визитаторъ обязанъ

наипаче вникнуть въ состояніе ихъ, какъ главныхъ, такъ и уѣздныхъ; разсмотрѣть, какую они нынѣ приносятъ пользу въ воспитаніи юношества и какой можно бы ожидать отъ нихъ, при порядочнѣйшемъ ихъ образованіи и по снабдѣніи ихъ лучшими учителями; а какъ они содержатся изъ городскихъ складокъ, то не захотятъ ли жители, дабы вмѣсто оныхъ завесть уѣздныя на основаніи устава, или же, оставивъ ихъ въ качествѣ приходскихъ, не согласятся ли завесть только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣздныя, смотря по надобности. Визитаторъ прошедшаго года подалъ университету мнѣніе о заведеніи училищъ въ уѣздныхъ городахъ Себежѣ, Люцинѣ и Копысѣ. Нынѣшній визитаторъ обстоятельно освѣдомится объ оныхъ городахъ, нужно ли тамъ заведеніе училищъ и будутъ ли они имѣть содержаніе изъ городскихъ складчинъ. Какъ жители города Велижа изъяснили въ просьбѣ своей, дабы тамошнее училище поручено было ксендзамъ миссіонерамъ, отъ коихъ университетъ до сихъ поръ не получилъ о томъ отзыва, то визитаторъ на мѣстѣ разберетъ желаніе жителей и изъяснится съ ксендзами миссіонерами, какимъ образомъ и на какомъ основаніи захотятъ они содержать уѣздное училище, или частное въ гор. Велижѣ"... (Сборн. Матер. II, 817—835).

Мы нарочно такъ долго остановились на инструкціи университета визитаторамъ. Читатель видитъ, какими широкими цѣлями задавался университетъ въ своихъ имъ порученіяхъ. Кромѣ общаго руководства на мѣстѣ учебнымъ дѣломъ и его направленія, сообразно Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ, визитаторы изучали учащихъ и учащихся, принимали мѣры къ доставленію имъ возможныхъ удобствъ и выгодъ въ педагогическомъ и гигіеническомъ отношеніи, должны были хорошо изучить всѣ мѣстныя жизненныя условія относительно климата, дешевизны продуктовъ, состава населенія, численности, нравственнаго состоянія и соціальнаго положенія послѣдняго, входили въ сношенія по разнымъ вопросамъ съ помѣщиками и богатыми мѣстными обывателями, изучали языкъ, домашній бытъ населенія; если требовалось, то пректировали къ закрытію учебное заведеніе въ одномъ мѣстѣ для перенесенія его въ другое, намѣчали новые пункты для училищъ, соображаясь съ численностію населенія и дальностію разстоянія наличныхъ школъ, и обо всемъ этомъ должны были пред-

ставлять университету обстоятельное донесеніе, которое давало бы новый богатый матеріалъ для новыхъ со стороны университета мѣропріятій къ подъему и развитію учебнаго дѣла. Самыя инструкціи указываютъ, какія были хорошія и дурныя стороны въ заведеніяхъ, богатство или скудость учащихъ силъ, библіотекъ, учебныхъ пособій, отношенія къ школѣ мѣстныхъ властей, общества; все это очень характерно для изученія той или другой эпохи, и инструкціи, въ этомъ отношеніи, заслуживаютъ нашего полнаго вниманія. Одному Чацкому университетъ не давалъ никакого особаго частнаго наставленія, находя это излишнимъ, такъ какъ онъ, по заявленію университета, постоянно занятый дѣломъ визитаціи съ пользою для школьнаго дѣла, находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ университетомъ и въ каждомъ случаѣ ему посылались якобы особыя указанія (Сборн. Матер. II. 816, примѣч.).

Въ то же время университетъ обратилъ вниманіе на упорядоченіе конвиктовъ, содержимыхъ піарами въ Вильнѣ и Межирѣчьѣ, а также на упорядоченіе вообще школъ и заведеніе въ нихъ особыхъ порядковъ.

Для этого составлены были временныя постановленія, которымъ должны были подчиняться всѣ, имѣвшіе отношеніе къ конвикту или къ училищамъ.

Каждый, поступающій въ конвиктъ, подлежалъ ближайшему надзору ксендзовъ піаровъ и общему мѣстному распорядку относительно времени богослуженія и дневнаго времяпрепровожденія: часовъ отдыха, сна, вставанія, занятій, будь это частный пансіонеръ конвикта, или же посѣщающій публичныя школы - гимназію, университетъ. Поступающій въ конвиктъ представлялъ начальству списокъ всѣхъ вещей, которыя онъ приносилъ съ собою, и начальство имѣло право по желанію провѣрять этотъ списокъ съ дѣйствительностію, чтобы удостовѣриться, все ли записанное находится на лицо. Всякія денежныя суммы, которыя могли быть у конвикторовъ, какъ при ихъ поступленіи въ конвиктъ, такъ и потомъ, во время ихъ пребыванія тамъ, отдавались начальнику, у котораго владѣльцы ихъ могли брать по частямъ на свои нужды; счетъ произведеннымъ расходамъ представлялся начальству. Каждый

конвикторъ имѣлъ у себя расписаніе часовъ для занятій частныхъ и въ школахъ и для домашнихъ развлеченій. Всѣ конвикторы находились подъ постояннымъ и неослабнымъ надзоромъ начальства, и потому, какъ ученики конвикторы гимназіи, такъ и студенты ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не могли выходить изъ конвикта безъ надлежащаго разрѣшенія; подъ надзоромъ они посѣщали соотвѣтственное учебное заведеніе и не могли оставаться въ немъ долѣе положеннаго времени; такимъ же порядкомъ совершались и прогулки въ назначенные часы всѣхъ вмѣстѣ или отдѣльно, но непремѣнно въ сопутствіи старшаго. Для посѣщенія театровъ или вечеровъ требовалось имѣть особое разрѣшеніе отъ университета. Безъ вѣдома и разрѣшенія старшаго конвикта, никто изъ конвикторовъ не могъ приглашать къ себѣ постороннихъ лицъ, хотя бы даже для школьныхъ репетицій. Всѣ конвикторы, которые учились въ гимназіи или въ университетѣ, обязывались безъ всякаго исключенія подвергаться установленнымъ экзаменамъ. Университету представлялась піарами вѣдомость о занятіяхъ и поведеніи каждаго конвиктора. Каждое полугодіе, кромѣ того, піары доносили университету о студентахъ—конвикторахъ, старательны ли они, исполняютъ ли установленныя предписанія, не строптивы ли, какого здоровья и нравственности; подобныя вѣдомости о конвикторахъ-гимназистахъ представлялись ежемѣсячно. Если бы было замѣчено, что кто-нибудь изъ конвикторовъ не желаетъ подчиняться установленнымъ правиламъ, нарушаетъ ихъ, служитъ соблазномъ для другихъ своимъ поведеніемъ и не слушаетъ дѣлаемыхъ ему старшими замѣчаній относительно исправленія на будущее время, о такомъ немедленно слѣдовало доносить университету, чтобы подвергнуть его заслуженному наказанію, и чтобы отъ промедленія не послѣдовалъ вредъ для остальныхъ конвикторовъ. (Сборн. матер. II, 1128—1131).

Правила для конвикта въ Межирѣчьѣ на Волыни были значительно сложнѣе. Ими опредѣлялись цѣль и составъ конвикта, власть и обязанности начальственныхъ лицъ, учителей (наукъ) и метровъ (учители искусствъ), прокураторовъ (экономовъ), внутренній распорядокъ жизни въ конвиктѣ, и касса приходовъ и расходовъ.

Конвиктъ—это заведеніе для учениковъ, которые, изучая вмѣстѣ со всѣми другими учениками различныя школьныя науки, имѣютъ общій столъ и квартиру и находятся подъ ближайшимъ надзоромъ лицъ, которые по своимъ правамъ и обязанностямъ считались домашними надзирателями. Конвикторы ни въ чемъ не имѣютъ никакого преимущества предъ прочими школьниками, съ которыми учились. Число конвикторовъ не могло быть болѣе пятидесяти. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть особое помѣщеніе и ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалось спать въ одной комнатѣ двоимъ и болѣе. На каждые восемь человѣкъ назначался одинъ надзиратель изъ піаровъ или изъ свѣтскихъ; въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность принимало на себя начальство конвикта. Начальствующими лицами въ конвиктѣ были: ректоръ (общій начальникъ всего учрежденія), регенсъ, который завѣдывалъ внутреннимъ хозяйственнымъ порядкомъ въ конвиктѣ, и префектъ, слѣдившій за ходомъ учебнаго дѣла. Для каждыхъ четырехъ учениковъ назначался одинъ служитель. Такая пропорція соблюдалась потому, что каждый прислуживающій самъ въ то же время былъ ученикомъ, и онъ, при большемъ количествѣ своихъ маленькихъ господъ, не могъ бы управиться съ своими домашними и школьными обязанностями. Что касается метровъ, то одни изъ нихъ жили въ конвиктѣ, другіе приходили только сюда въ извѣстные часы, къ нѣкоторымъ, наконецъ, ходили сами конвикторы. Ректоръ былъ главнымъ начальникомъ коллегіи и конвикта. Ему принадлежалъ высшій надъ всѣми надзоръ. Во всякомъ случаѣ, своею властію онъ ничего не могъ измѣнить какъ въ настоящихъ правилахъ, такъ равно и въ томъ, что ежегодно постановлялось въ совѣтѣ заведенія, передъ началомъ занятій. Всѣ порученія, какія дѣлаетъ ректоръ подчиненнымъ, должны быть исполняемы немедленно, если ректоръ не приметъ отъ подчиненныхъ никакихъ возраженій и если свои распоряженія занесетъ въ протокольную книгу. За послѣдствія онъ является тогда полнымъ отвѣтчикомъ передъ высшимъ начальствомъ. Ректоръ обязывался непремѣнно бывать въ конвиктѣ три раза въ недѣлю въ назначенные часы, на все обратить вниманіе и сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Регенсъ долженъ былъ постоянно находиться въ конвиктѣ. Онъ не могъ выйти, не оставивъ на свое мѣсто

одного изъ надзирателей, и то съ разрѣшенія ректора. Ректоръ въ свою очередь могъ разрѣшить ему отпускъ въ году только на три дня, кромѣ вакаціоннаго времени. Регенсъ обыкновенно выдавалъ выходные билеты ученикамъ, которые отправлялись къ метрамъ. Онъ назначалъ время рекреацій, наблюдалъ установленные часы для сна и вставанія, и требовалъ отъ учениковъ аккуратности въ исполненіи заданныхъ работъ. Вообще регенсъ отвѣчалъ за правильность всего внутренняго порядка въ конвиктѣ относительно жизни учениковъ и метровъ. Префектъ наблюдалъ, чтобы въ учебномъ отношеніи конвикторы являлись достойными учениками одной школы. Прокураторъ слѣдилъ за хозяйственною стороною въ конвиктѣ, велъ приходо-расходы, оплачивалъ счеты, наблюдалъ за помѣщеніемъ, столомъ конвикторовъ, закупалъ отопленіе, освѣщеніе, жизненные продукты, наблюдалъ за прислугою и во всемъ зависѣлъ отъ ректора. Послѣднему, въ случаѣ надобности, подавались на прокуратора жалобы, и ректоръ могъ его уволить, такъ какъ вполнѣ несъ за него отвѣтственность. Ректоръ, по совѣщанію съ регенсомъ назначалъ надзирателямъ ту или другую группу конвикторовъ. Надзиратели, если замѣчали какую-нибудь непорядочность въ отдѣленіи у своего сослуживца, должны были заявить ему объ этомъ и, въ случаѣ неисправленія, доложить регенсу. Метры несли отвѣтственность за учениковъ только во время занятій съ ними на урокахъ. Они вели списки учениковъ не старательныхъ, опаздывающихъ на уроки и совсѣмъ не являющихся. Еженедѣльно, каждую субботу, эти списки подписывались регенсомъ. Регенсъ еженедѣльно получалъ отъ учителей вѣдомость объ ученикахъ, ихъ добрыхъ и худыхъ качествахъ; на этомъ основаніи онъ дѣлалъ заключеніе о поведеніи учениковъ и ихъ наклонностяхъ. Всѣ названные списки рекомендовалось сообщать духовнику для болѣе правильнаго пониманія натуры учениковъ. Если метры не могли давать нѣкоторыхъ лекцій, какъ напр. верховой ѣзды, плаванія, танцевъ, музыки, то таковыя лекціи назначались въ коллегіи. Начальство слѣдило за правильностію прихода и расхода суммъ, повѣряло дѣятельность прокуратора, ревизовало кассы, требовало точной и обстоятельной отчетности, сносилось съ визитаторомъ и съ высшею эдукаціонною властію.

Распорядокъ времени въ конвиктѣ былъ слѣдующій: Въ $5^{1}/_{2}$—6 час. утра вставали, одѣвались, молились Богу. Въ 6—7 повтореніе уроковъ. Въ 7—8 обѣдня (мша), завтракъ и прослушиваніе уроковъ надзирателями. Въ 8—10 школьные уроки. Въ 10—11 языки. Въ 11—12 обѣдъ. Въ 12—2 приготовленіе къ урокамъ, домашнее чтеніе, чистописаніе (на дому) и прослушиваніе уроковъ надзирателями. Въ 2—4 школьные уроки. Въ 4—$5^{1}/_{2}$ закуска, занятіе языками на дому и урокъ языковъ въ школѣ. Въ $5^{1}/_{2}$—$6^{1}/_{2}$ приготовленіе уроковъ на слѣдующій день, подъ руководствомъ надзирателей. Въ $6^{1}/_{2}$—8 ужинъ и отдыхъ. Въ 8—9 повтореніе завтрашнихъ уроковъ, домашнее чтеніе и молитва. Въ 9 час. вечера отправлялись спать. Въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія регенса или соотвѣтствующаго надзирателя разрѣшалось заниматься до десяти часовъ, но никакъ не долѣе.

Этотъ общій порядокъ измѣнялся нѣсколько въ дни, когда не было послѣобѣденныхъ уроковъ. Такихъ дней еженедѣльно бывало два. Съ утра до обѣда и вечеромъ послѣ ужина порядокъ сохранялся вышеуказанный. Послѣ обѣда до часу былъ отдыхъ. Отъ 1 до 2 по полудни—рисованіе. Отъ 2 до 4 письменныя упражненія, домашнее чтеніе, приготовленіе уроковъ по языкамъ и закуска; отъ 4 до 5 урокъ языковъ въ училищѣ; отъ 5 до 8 или до ужина—приготовленіе на слѣдующій день уроковъ.

Въ воскресенье и праздничные дни конвикторы въ 7—8 утра вставали, одѣвались, молились, занимались чтеніемъ. Отъ 8—11 слушали литургію, завтракали, писали заданныя упражненія, повторяли уроки, занимались чтеніемъ. Отъ 11 до 12 слушали урокъ законоучителя, или проповѣдь въ костелѣ и позднюю обѣдню (summa). Въ 12—2 обѣдъ, отдыхъ. Отъ 2 до 3 рисованіе; отъ 3 до 5 повтореніе уроковъ, чистописаніе, чтеніе, присутствованіе въ костелѣ на вечернемъ богослуженіи, остальное время распредѣлялось какъ въ дни, когда не было послѣобѣденныхъ уроковъ.

Отъ учениковъ требовалось прилежаніе, обходительность и хорошее поведеніе. Рекомендовалось по возможности развивать въ учащихся понятіе о достоинствѣ человѣка по его дѣйствительнымъ заслугамъ и никакъ не возвышать однихъ пе-

редъ другими; споры должны были рѣшаться выборными изъ среды товарищей. Конвикторы должны были служить образцомъ для другихъ учащихся. Болѣе богатыхъ требовалось пріучать къ дѣламъ милосердія и помощи ближнимъ. Конвикторамъ запрещалось посѣщать различные увеселительные вечера.

Настоящія постановленія вводились въ видѣ опыта на 15 лѣтъ, послѣ чего учебное вѣдомство могло ихъ вновь подтвердить, или сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, или же совершенно замѣнить ихъ новыми уставами. (Сборн. матер. II, 1131—1139.)

Разсмотрѣнныя постановленія неоднократно ссылаются на изданныя одновременно „общія правила для устройства училищъ". Это—правила, данныя университетомъ визитатору училищъ югозападныхъ губер. Ѳ. Чацкому.

Въ первомъ и второмъ отдѣлахъ этихъ правилъ разъясняются отношенія въ какихъ долженъ стоять учитель-монахъ въ училищѣ, содержимомъ римско-католическимъ духовенствомъ, къ университету и къ своему духовному начальству. Каждый учитель-монахъ подчиняется учебной власти во всемъ, что касается школьнаго обученія. Орденскій провинціалъ считается начальникомъ всѣхъ школъ въ духовныхъ обществахъ, ему подчиненныхъ. Каждый учитель долженъ имѣть свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса или прежней главной Краковской школы, или выдержать установленный для этого экзаменъ въ университетѣ или въ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ визитатора. Выдержавшему экзаменъ выдается установленное свидѣтельство, и съ этой поры онъ пользуется всѣми правами и преимуществами учительскаго сословія. Неимѣющій такого свидѣтельства считается только исполняющимъ обязанности учителя. Обо всѣхъ учителяхъ ежегодно доставляется въ университетъ особая вѣдомость. Провинціалъ относительно перемѣны учителей представляетъ свои соображенія визитатору или университету. Орденскіе учителя, состоящіе въ духовномъ санѣ, не должны быть обременяемы исполненіемъ духовныхъ требъ по монастырю. Каждый учитель, разъ въ два года, долженъ представить университету разсужденіе по тѣмъ предметамъ, которые въ высшихъ классахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ онъ преподаетъ по запискамъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ излагаются правила организаціи полюбовнаго суда для разрѣшенія различныхъ недоумѣній, возникающихъ между учениками. Полюбовный судъ имѣетъ двѣ инстанціи.

Ученики перваго и второго класса секретной баллотировкой избираютъ въ судьи пять человѣкъ; такое же количество избираютъ ученики остальныхъ классовъ; избранные не имѣютъ права отказаться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. При выборахъ присутствуютъ и учителя, но не вмѣшиваются въ дѣло избранія. Къ этому суду отсылаютъ нестарательныхъ или провинившихся въ чемъ нибудь. Судъ миритъ, или поставляетъ свое рѣшеніе, опредѣляя и наказаніе. Исполненіе рѣшенія, по которому ученикъ подвергался наказанію, не можетъ послѣдовать безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, учебное начальство можетъ немедленно наказать виновнаго и своею властію; но подобные примѣры должны быть рѣдки и допускаться съ большою осмотрительностію.

Каждый классъ избираетъ для себя цензора. Обязанность цензоровъ прекращать зарождающіеся между учениками споры и недоразумѣнія, пока они не получили еще гласности. Тогда цензоръ приглашаетъ виновнаго и наединѣ усовѣщиваетъ его исправить неблаговидное дѣло. Если вина несерьезная, то этимъ все и оканчивается; цензоръ не предаетъ проступокъ въ такомъ случаѣ гласности. При недоразумѣніяхъ между цѣлыми классами, цензоры этихъ классовъ обдумываютъ дѣло между собою и дѣлаютъ отъ себя надлежащія напоминанія. Требовалось при этомъ сохранить крайнюю деликатность въ наставленіяхъ, и дѣлать послѣднія съ серьезностію, чтобы отъ нихъ была польза.

Черезъ каждые два года избираются новые судьи. Учитель права будетъ давать для практическихъ упражненій членовъ суда разныя темы для разработки.

Четвертымъ отдѣломъ правилъ устанавливается веденіе въ каждомъ училищѣ двухъ особыхъ книгъ для записи въ нихъ учениковъ, отличающихся похвальнымъ поведеніемъ, и учениковъ, совершившихъ какіе либо проступки. Въ первую книгу заносятся тѣ, которые отлично вели себя и лучше всѣхъ

учились; но болѣе двухъ учениковъ не должно быть записываемо. Во вторую книгу заносятся виновные не иначе, какъ по постановленію двухъ третей или училищнаго совѣта, или ученическаго суда, если это будетъ ему поручено и если его рѣшеніе получитъ утвержденіе начальства. Въ эту же книгу записывались непосѣщающіе уроковъ, послѣ троекратнаго о томъ письменаго напоминанія, ученики злыхъ наклонностей и совершившіе изъ ряда вонъ выходящія преступленія. Хорошее во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе могло исправить составившееся дурное объ ученикѣ мнѣніе; для этого, во всякомъ случаѣ, требовался согласный приговоръ ученическаго суда и совѣта учителей.

Въ пятомъ отдѣлѣ излагалось требованіе, чтобы каждый изъ учащихъ имѣлъ дневникъ для записи всѣхъ учениковъ; этотъ дневникъ разсматривался и подписывался визитаторомъ. Неведущіе дневниковъ подвергались выговорамъ начальства.

Въ шестомъ отдѣлѣ излагаются обязанности училищнаго начальства по надзору за здоровьемъ учениковъ. На начальство правила возлагаютъ обязанность слѣдить за всѣми частными квартирами учащихся и закрывать ихъ, если которая квартира будетъ приносить вредъ въ гигіеническомъ отношеніи или же представлять собою нравственный соблазнъ для учащихся. Каждаго вновь поступающаго и его родителей слѣдовало разспрашивать о состояніи ихъ здоровья, болѣзняхъ, и всѣ добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія записывать, чтобы потомъ, въ случаѣ заболѣванія ученика, при сравненіи сдѣланныхъ записей, облегчить успѣшность леченія; рекомендовалось привитіе оспы. Начальство училища, при посѣщеніи ученическихъ квартиръ, должно было обращать вниманіе, не слишкомъ ли въ нихъ холодно или жарко, провѣтривается ли помѣщеніе, каковъ столъ и платье. Въ концѣ года слѣдовало составлять таблицу: сколько было учениковъ въ среднемъ выводѣ, сколько умерло, сколько было больныхъ и какими болѣзнями, какъ долго продолжалась извѣстная болѣзнь; въ слѣдующемъ году съ этими данными слѣдовало сравнивать санитарное состояніе новаго года и указывать соображенія, какъ можно содѣйствовать уменьшенію болѣзней.

Въ седьмомъ отдѣлѣ рѣчь идетъ объ устройствѣ игръ, прогулкахъ учениковъ въ поля и о занятіяхъ ихъ въ школь-

ныхъ огородахъ. Рекомендовалось обращать вниманіе, чтобы при играхъ не создавался духъ партій и особенно, чтобы подъ видомъ игръ, не производились неумѣстныя, безпорядочныя побоища.

При каждой перемѣнѣ полевыхъ работъ требовали водить въ поле учащуюся молодежь; здѣсь ей указывали разницу одного рода обработки отъ другой; затѣмъ выяснялись и причины этого. Въ высшихъ классахъ гимназій объясняли. сколько чего сѣять и въ какой пропорціи; сколько съ одного морга можно получить хлѣба, сѣна и т. под.

Гдѣ при гимназіяхъ или уѣздныхъ училищахъ есть огороды, тамъ огородничество должно преподаваться практическимъ путемъ; лучшіе ученики въ награду получали въ свое наблюденіе часть огорода.

Въ восьмомъ отдѣлѣ излагаются указанія относительно того, какъ долженъ быть произведенъ выпускъ оканчивающихъ курсъ. Правила требовали, чтобы оканчивающіе курсъ наукъ были предметомъ особеннаго вниманія учителей. Мѣсяца за два до начала выпускныхъ экзаменовъ начальство училища должно было поручить одному учителю принять надъ выходящими учениками ближайшій надзоръ и вступить съ ними въ самыя тѣсныя отношенія. И это рекомендовалось дѣлать не съ какою нибудь полицейскою цѣлію, а въ видахъ доставленія оканчивающимъ курсъ самой большей пользы, развитія житейскаго опыта при вступленіи ихъ въ жизнь. Каждый изъ учителей въ свою очередь долженъ былъ доставить такому воспитателю всѣ имѣющіяся у него свѣдѣнія о хорошихъ и дурныхъ сторонахъ выпускныхъ воспитанниковъ. Ознакомившись съ ними, воспитатель долженъ былъ стараться всѣми мѣрами укрѣпить въ ученикѣ все хорошее и устранять дурное, разъяснить необходимость знаній, представить, по возможности, жизнь со всѣхъ сторонъ, сообразно склонностямъ ученика къ той или другой наукѣ, руководить его въ дальнѣйшемъ развитіи, объяснить пути къ самообразованію и усовершенствованію. Когда все будетъ готово къ выпуску учениковъ, училищное начальство должно было извѣстить объ этомъ мѣстнаго предводителя дворянства или заступающаго его мѣсто, съ назначеніемъ дня для публичнаго акта. Въ назначенное время, въ присутствіи

собравшихся гостей, по совершеніи обѣдни, происходило общее открытое засѣданіе. Одинъ изъ учителей произносилъ рѣчь объ обязанностяхъ обывателя. Рѣчь держалъ и одинъ изъ выпускныхъ учениковъ. Послѣ этого всѣ оканчивающіе, положивши руку на грудь должны были произнести обѣтъ быть вѣрными тѣмъ правиламъ, въ которыхъ наставляло ихъ заведеніе. Этимъ актомъ ученикъ какъ бы передавался школою обществу. Самый актъ записывался въ книгу; его подписывали всѣ выпускные ученики; они же просили и предводителя дворянства скрѣпить его собственноручною подписью. Только послѣ этой церемоніи выдавались окончившимъ курсъ выпускныя свидѣтельства.

Въ 9, 10 и 11 отдѣлахъ излагаются правила устройствъ библіотекъ и физическихъ кабинетовъ.

Двѣнадцатымъ отдѣломъ всѣ члены учебнаго вѣдомства приглашались университетомъ къ содѣйствію ему въ собираніи различныхъ ученыхъ свѣдѣній о краѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Для этого должны были аккуратно вестись по школамъ метеорологическія наблюденія, сообразно данной инструкціи. (Эта инструкція напечатана въ Сборникѣ Матеріаловъ. II, 416—424.) Если бы открыта была какая нибудь находка, заслуживающая особеннаго вниманія, то такой предметъ слѣдовало немедленно отправлять визитатору Чацкому въ югозападныхъ губерніяхъ и университету—въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Тогда же были составлены подробныя правила для собиранія физическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній по Виленскому учебному округу, особенно о его флорѣ; предписывалось также заняться между прочимъ провѣркою съ современною дѣйствительностію прежнихъ ученыхъ изслѣдованій по естественной исторіи. Требовалось собирать статистическія свѣдѣнія о различныхъ мѣстныхъ болѣзняхъ и смертности людей и скота.

Послѣдній отдѣлъ правилъ обращалъ особенное вниманіе училищныхъ начальствъ на элементарныя книги, употребляемыя въ училищахъ. Для упорядоченія этого дѣла университетъ учреждалъ два комплекта: комитетъ для югозападныхъ губерній, подъ предсѣдательствомъ Чацкаго, изъ лицъ по его выбору; для Литвы и Бѣлоруссіи комитетъ составленъ

былъ изъ директоровъ Виленской и Гродненской гимназіи и начальствующаго въ учительской при университетѣ семинаріи. Этимъ комитетомъ по принадлежности должны были доставить свѣдѣнія объ учебникахъ училищные совѣты. Въ эту инстанцію поступали отчеты объ учебникахъ отъ учителей по своему предмету; члены совѣта, сообразно спеціальностямъ, взаимно прочитывали рефераты своихъ сослуживцевъ и опять дѣлали докладъ совѣту. Всѣ эти доклады, съ собственнымъ мнѣніемъ, совѣтъ училища препровождалъ комитету, который, отъ себя дѣлалъ уже представленіе университету; послѣдній принималъ или отвергалъ проекты комитетовъ и отъ себя дѣлалъ постановленія. На всю работу назначалось около трехъ съ половиною мѣсяцевъ. (Сборн. матер. II, 1141—1158).

Устрояя внутренній порядокъ учебныхъ заведеній—и частныхъ и общественныхъ, университетъ въ тоже время задавался, какъ мы только что видѣли, широкими научными цѣлями; онъ желалъ весь округъ возбудить къ работѣ и объединить его въ одну школьную семью, связавши ее самыми тѣсными учеными узами. Это крайне радовало убѣленнаго сѣдинами Почобута, и онъ еще ранѣе писалъ бывшему канцлеру Хребтовичу, что „въ университетѣ работа кипитъ; нашъ ректоръ (Стройновскій) не знаетъ устали; въ своихъ проектахъ онъ обдуманно-основателенъ и счастливъ въ ихъ исполненіи; университетская корпорація—чрезвычайно дѣловита. (Akademija Wilenska, 548).

Не такъ смотрѣли на Вильну въ настоящее время Снядецкій и Коллонтай. Наскучивши заграничною жизнію, Снядецкій, по прибытіи въ Краковъ, подалъ вѣсть о себѣ Коллонтаю (17 іюля 1805 г.). Свидѣтельствуя ему почтеніе отъ генерала Заіончека (б. съ 1815 г. польскимъ вице-королемъ), который проживалъ за границею въ Боннѣ или Феррарѣ, Снядецкій прибавляетъ: „Заіончекъ никогда не забываетъ, что онъ родился полякомъ и всѣмъ (соотечественникамъ), проѣзжающимъ черезъ названныя области, старается быть обязательнымъ и услужливымъ“. Высказывая недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ, безъ опредѣленныхъ задачъ и цѣлей, съ полнымъ однако желаніемъ работать, особенно въ излюбленной области математики и астрономіи, Снядецкій призна-

ется, что онъ не прочь даже вновь поступить на общественную службу, хотя уже одно воспоминаніе о какой бы то нибыло ученой корпораціи возбуждаетъ въ немъ непреодолимое отвращеніе и глубокое смущеніе. И все это благодаря несчастнымъ интригамъ въ Краковской академіи, гдѣ онъ потерялъ все, даже собственную репутацію, которую значительно долженъ былъ поднять и упрочить своими учеными трудами... Обращая взоры къ Виленскому университету, Снядецкій продолжаетъ:

„Какъ только я получилъ свѣдѣнія объ организаціи Виленскаго университета, я тогда же предвидѣлъ все то, что творится тамъ въ настоящее время. Удивительно, что начала, приспособленныя къ польскому республиканскому управленію и даже тамъ не давшія особенно благопріятныхъ результатовъ, вполнѣ и безъ измѣненія перенесены въ государство съ монархическимъ образомъ правленія, а корпорація (Виленскаго университета), предназначенная для упорядоченія этого внутренняго строя и первоначально неудачно составленная, въ дальнѣйшемъ наполнилась лицами изъ разныхъ угловъ свѣта, далеко не одинаковыми по языку, воспитанію, правамъ и задачамъ. Исключивши, такимъ образомъ, нѣсколько лицъ, мы видимъ, что остальной академическій корпусъ, которому предстояло управлять дѣлами всего образовнія въ краѣ, составленъ изъ ниществующихъ заграничныхъ литературныхъ невѣждъ. Зло это, во всякомъ случаѣ, еще можетъ быть исправлено; необходимо только, чтобы человѣкъ поставленный во главѣ этой корпораціи, при недюжинныхъ административныхъ талантахъ, соединялъ въ себѣ духъ умѣренности, благоразумія, постоянства и пламеннаго рвенія ко благу края; чрезъ это онъ пріобрѣлъ бы къ себѣ довѣріе всѣхъ благонамѣренныхъ и благомыслящихъ. Необходимо, или Виленскій университетъ перенести на Волынь, или новогородскаго старосту (т. е. Чацкаго) въ Вильну. Этотъ рѣдкій человѣкъ, преданный самымъ чистымъ, спасительнымъ намѣреніямъ и предпріятіямъ, каждый разъ возбуждаетъ во мнѣ большее и большее удивленіе своею дѣловитостію и неустанною энергіею. (Впослѣдствіи, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣятельностію Чацкаго, Снядецкій, какъ увидимъ, измѣнилъ на него свой взглядъ.) Всегда посылаю искреннія пожеланія успѣха всѣмъ его заботамъ, столь

славнымъ для правительства, и съ громадными благими послѣдствіями для нашихъ земляковъ. Это, кажется, единственный человѣкъ, который отлично уразумѣлъ, въ чемъ состоитъ слава царствующаго и интересы соотечественниковъ...“ (Listy. Ш, 115—119.).

Это письмо Снядецкаго служитъ какъ бы рекомендаціею его самого на должность ректора Виленскаго университета. Объ этомъ давно помышляли Коллонтай и Чацкій и въ отвѣтномъ письмѣ Снядецкому Коллонтай ясно намѣчаетъ ему его будущее положеніе, разъясняя планы и намѣренія Чацкаго.

Вспомнивши съ благодарностію о генералѣ Заіончекѣ, Коллонтай продолжаетъ: „Староста Чацкій уѣхалъ теперь (письмо отъ 28 іюля 1805 г.) въ Кіевъ для свиданія съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, чтобы окончательно уяснить вопросъ: въ Кіевѣ ли долженъ быть основанъ университетъ для здѣшнихъ трехъ губерній, или же въ другомъ мѣстѣ; а, быть можетъ, не трудно обойтись и безъ него. Какъ видишь, предметъ для разсужденій очень деликатенъ, не самъ по себѣ, но по тѣмъ обстоятельствамъ, съ которыми онъ связанъ. Какъ попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Чарторыйскій не желаетъ имѣть въ округѣ другой университетъ; какъ полякъ, онъ тѣмъ болѣе не желаетъ его учрежденія въ Кіевѣ, гдѣ легко предвидѣть неизбѣжный упадокъ нашего языка и неисчислимыя препятствія для нашихъ религіозныхъ обычаевъ. При такомъ разногласіи между министромъ и попечителемъ, князь предложилъ Чацкому отправиться въ Кіевъ и убѣдить министра въ безполезности новаго учрежденія“.

„Можно указать на слѣдующія обстоятельства противъ учрежденія въ Кіевѣ университета: 1, Малороссія имѣетъ уже для себя университетъ въ Харьковѣ, какъ центральномъ пунктѣ, который, при томъ, отстоитъ отъ Кіева только на нѣсколько миль. 2, Университетъ въ Кіевѣ будетъ неудобенъ для нашихъ губерній, такъ какъ онъ расположенъ на границѣ своей губерніи и безконечно удаленъ отъ другихъ двухъ (Подольской и Волынской). 3, Помѣщики нашихъ трехъ губерній, по призыву Императора, охотно несутъ пожертвованія, но въ тѣхъ видахъ, чтобы науки въ нашемъ краѣ давались на польскомъ языкѣ и отвѣчали мѣстному религіозному на-

строенію; все это не могло бы удержаться въ Кіевѣ, какъ старинномъ русскомъ городѣ, гдѣ наука права должна бы приспособляться къ постановленіямъ россійскимъ, а не здѣшнимъ, гдѣ каноническое право читалось бы сообразно канонамъ восточной церкви, а богословіе — на основаніяхъ православія. Послѣднія причины не остановили бы, по всей вѣроятности, дѣла, если бы русское духовенство стояло хотя на сносной степени просвѣщенія; но пока не будетъ измѣнена система его образованія, затронутый вопросъ (объ университетѣ) слишкомъ деликатенъ... Имѣя въ виду только образовательныя нужды здѣшнихъ губерній, слѣдовало бы желать, чтобы правительство основало (другой) университетъ, такъ какъ отъ Виленскаго нельзя ожидать большой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ слишкомъ удаленъ отъ насъ и находится въ дорогомъ для жизни краѣ. Эту потребность чувствуетъ Чацкій. Онъ могъ бы посовѣтовать министру основать университетъ въ другомъ какомъ нибудь центральномъ пунктѣ нашихъ губерній. Онъ могъ бы изложить ему, что собранныя на три гимназіи пожертвованія, были бы достаточны для этой цѣли (т. е. основанія университета); но и этотъ проектъ слишкомъ неудобенъ для Чацкаго. Князь Чарторыйскій, какъ попечитель учебнаго округа, легко могъ бы заподозрить, не стремится ли Чацкій сдѣлаться попечителемъ отдѣльнаго округа и разорвать то видимое единство, которое теперь объединяетъ весь край по крайней мѣрѣ въ стремленіи къ однообразію въ системѣ развитія просвѣщенія. Для меня очень интересно, какъ съ этимъ вопросомъ покончитъ Чацкій. Въ его намѣреніи было: отложить на будущее время дѣло устройства университета, а министру посовѣтовать учредить для Кіевской губерніи гимназію, подобно Волынской, но не въ Кіевѣ, а Радомыслѣ. Видишь, такимъ образомъ, что всѣ благія предпріятія встрѣчаютъ здѣсь большія препятствія; положеніе Чацкаго возбуждаетъ просто сожалѣніе, а его энергія и постоянство въ предпріятіяхъ дѣйствуютъ на меня чрезвычайно оживляющимъ образомъ. Въ Петербургѣ каждую минуту онъ встрѣчаетъ затрудненія и замедленія, подобно тому, какъ и я встрѣчалъ ихъ когда-то въ эдукаціонной комиссіи. Въ совѣтѣ министра нѣтъ людей, которые были бы достаточно трудолюбивы или же способны обнять въ цѣломъ столь важную работу. Отсюда выте-

каютъ безчисленныя проволочки и остановки надъ каждою мелочью, съ требованіемъ ея разъясненія. Виленскій университетъ, хорошо извѣстный всѣмъ своею безпорядочностію и духомъ монополіи, свойственнымъ такимъ корпораціямъ, не только не помогалъ Чацкому, а наоборотъ во всемъ ему противодѣйствовалъ. Постоянно требовалось мирить враждующія стороны; приходилось стараться, чтобы онѣ не вредили не только планамъ Чацкаго, но и благу собственной корпораціи. На сколько могу судить изъ моего далека, замѣчаю, что ксендзъ Стройновскій будетъ не въ состояніи руководить съ успѣхомъ этою великою машиною. Теперь, правда, онъ старается исправить свои давнія ошибки; но кто же сумѣетъ исправить ихъ совершенно, особенно если имѣть въ виду, что дѣло онъ началъ съ упорствомъ и рѣшительностію? Къ тому же, и это особенно важно, присоединилось еще и фальшивое честолюбіе, которое мѣшало сознаться въ допущенныхъ заблужденіяхъ, а эти послѣднія и могутъ быть исправлены только при подобномъ сознаніи, такъ какъ князь Чарторыйскій болѣе всѣхъ ему довѣрился. Стройновскій смотритъ на свою должность, какъ на мѣсто, способствующее дальнѣйшему его движенію (по службѣ). Въ 1803 году онъ выхлопоталъ себѣ коадъюторство Луцкаго епископства (викарный); теперь, занятый мыслію о коадъюторствѣ Бѣлорусской митрополіи, всѣ свои стремленія направляетъ къ этому предмету. Не справляясь съ тѣмъ, кто послѣ него будетъ поправлять его ошибки, упорно придерживается постановленій, которыя самъ составилъ, и нисколько не задумывается надъ замѣною новыми положеніями тѣхъ несообразностей, которыя допущены въ уставахъ эдукаціонной комиссіи. Напротивъ, онъ исключилъ многія полезныя правила, принятыя прежде, и это потому, что его предшественникъ ксендзъ Почобутъ не привелъ ихъ въ исполненіе. Ухватился за проектъ вызова (въ университетъ) иностранцевъ и тѣмъ самымъ у всѣхъ достойныхъ поляковъ возбудилъ отвращеніе къ занятію каѳедръ; видя къ себѣ презрительное отношеніе, они не захотѣли выставлять себя на окончательное униженіе. Теперь Стройновскій заявляетъ, что трудно вообще имѣть (въ университетѣ) поляковъ. Дѣйствительно, какими средствами онъ можетъ притянуть ихъ къ себѣ, заставивши первоначально конкурировать съ чужими, и

отдавши ихъ на судъ Виленскихъ недоучекъ. Не хорошо и то, что однѣ каѳедры слишкомъ раздроблены, другія—заведены совершенно безъ нужды и со вредомъ для образованія; многія важныя—опущены. Можно было пригласить Франка и этого никто не порицалъ бы; но среди нѣмцевъ искать профессора математики, италіанцевъ приглашать на каѳедру литературы, дѣлить литературу между тремя или четырьмя каѳедрами,—это непростительно, и въ конечномъ результатѣ вызвало отвращеніе отъ университета всѣхъ способныхъ поляковъ, которыхъ теперь и Чацкому раздобыть не легко... Приглашеніе въ Вильну Франка должно было научить, чего стоитъ имѣть человѣка, дѣйствительно славнаго въ своемъ дѣлѣ. Скорбь одолѣваетъ душу, когда слышишь, чему тамъ (въ университетѣ Виленскомъ) учитъ нѣмецкій метафизикъ. Подобными образованными поляками (иронія) наполнена Виленская школа; будучи не въ состояніи прославиться талантами, они сдѣлались далеко извѣстны по своимъ низкимъ интригамъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ. Съ своей стороны Чацкій принималъ всѣ средства, чтобы примирить эти направленія; даже думалъ, что онъ достигъ желаемаго; но все напрасно. Реформу слѣдовало начать удаленіемъ неспособныхъ, замѣщеніемъ ихъ людьми, преданными дѣлу. Такъ какъ это упущено, то все осталось по прежнему въ хаотическомъ состояніи, а кс. Стройновскій въ награду за трудъ долженъ былъ вынести много внутреннихъ страданій и получить отвращеніе къ собственной работѣ. Въ началѣ самый большій противникъ Чацкаго, теперь онъ изъявляетъ къ нему величайшее расположеніе. Но что значитъ это расположеніе безъ искренняго желанія исправить ошибки? Планъ Чацкаго объ устройствѣ Волынской гимназіи получилъ наконецъ утвержденіе и нужно ожидать, что этотъ планъ удержится, пока Чацкій будетъ управлять (дѣломъ народнаго образованія) на Волыни и руководить (княземъ Чарторыйскимъ) въ Вильнѣ. Но желая сообразоваться съ уставами 18-го мая и вынужденный подчиниться управленію Виленскаго университета, онъ (Чацкій), конечно, много долженъ будетъ потерять первоначальной энергіи при такомъ безпорядочномъ управленіи, которое теперь гнѣздится въ Вильнѣ. Ксендзъ Стройновскій удалится отъ всего, сдѣлавшись митрополитомъ. Чацкій передавалъ мнѣ, что не находитъ ни одного человѣка (изъ среды

академической корпораціи), пригоднаго для должности ректора университета. Печальная будущность для дѣла, столь дорогого, которое велось съ такимъ усердіемъ. Размышляя о надвигающемся тяжеломъ будущемъ, мы неоднократно приходили съ Чацкимъ къ тому заключенію, что нашъ край никогда безъ тебя не обойдется. Наши мысли согласовались съ твоими, т. е. чтобы пригласить тебя не на педагогическое поприще, но первоначально для упорядоченія, а потомъ и для управленія однимъ изъ университетовъ въ здѣшнемъ краѣ. Хотя Чацкій до сихъ поръ и деликатничаетъ съ вопросомъ объ устройствѣ университета въ трехъ югозападныхъ губерніяхъ, но, по моему, это вопросъ времени, и университетъ здѣсь долженъ быть. Министръ—человѣкъ просвѣщенный и очень усерденъ. Князь Чарторыйскій, при равномъ умѣ и усердіи, пользуется въ Петербургѣ, сравнительно съ министромъ, большимъ кредитомъ, но только имѣетъ слишкомъ мало времени для занятія этимъ важнымъ предметемъ. А для того, чтобы подобная работа пошла спорнѣе и стала понятною во всѣхъ своихъ частностяхъ, необходимо, чтобы при князѣ былъ такой человѣкъ, на котораго за его умъ онъ могъ бы вполнѣ положиться. Такова уже судьба всѣхъ великихъ людей, что, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и высокомъ умѣ, они сами не въ состояніи все сдѣлать. Изъ всего академическаго корпуса князь справедливо довѣрился кс. Стройновскому. Въ области своего предмета (права) онъ заслуживаетъ полнаго уваженія. За то онъ обратилъ мало вниманія на предметы математики, физики и медицины и много допустилъ промаховъ въ устройствѣ всего дѣла. Князь, находя его проектъ согласнымъ во многихъ пунктахъ съ давними установленіями эдукаціонной комиссіи, принялъ его безъ всякаго разбора и не имѣлъ времени поразмыслить надъ допущенными ошибками. Чтобы такимъ образомъ поправить дѣло, съ которымъ связана слава князя и его благородныя намѣренія, необходимо, чтобы при князѣ находилось лицо, которое съумѣло бы деликатно заявить ему объ этихъ ошибкахъ, съ указаніемъ подходящихъ средствъ къ ихъ исправленію. Мысль Чацкаго такова, чтобы ты, Милостивый Государь, будучи въ распоряженіи князя, вошелъ въ то же время въ составъ совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ такомъ положеніи ты долженъ вы-

искать удобные пути къ исправленію постановленій 18 мая. Твоя работа должна логически привести къ тому выводу, что въ этомъ краѣ необходимо учрежденіе двухъ университетовъ—одного въ Вильнѣ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, другого—въ нашихъ губерніяхъ, какъ того желаетъ министръ. По выполненіи такого проекта, ты, по своему выбору, долженъ остаться ректоромъ того или другого университета.“ Сказавши далѣе нѣсколько словъ по поводу мыслей Снядецкаго относительно покоя и отдыха въ его будущемъ положеніи, похваливши его намѣреніе работать, подобно Копернику, въ тиши кабинета, въ глубокомъ уединеніи, Коллонтай продолжаетъ: „Это намѣреніе великое; для истиннаго генія не нужны ни короли, ни императоры; выдающіеся таланты сдѣлаютъ безсмертнымъ его имя; гдѣ бы ни пріютился онъ, потомство узнаетъ о немъ по его твореніямъ, хотя бы онъ отказался отъ всего міра. Но здѣсь вопросъ касается блага соотечественниковъ. Работая для ихъ просвѣщенія, ты, быть можетъ, не много пріобрѣтешь извѣстности за свои открытія; за то результаты твоихъ дѣлъ будутъ гораздо благотворнѣе. Наше спокойствіе зависитъ болѣе отъ насъ самихъ, нежели отъ того, что насъ окружаетъ“. Указавши на перемѣны въ собственной жизни, Коллонтай заключаетъ: „я жилъ въ суетѣ; жилъ въ заключеніи; теперь живу въ забвеніи меня цѣлымъ міромъ. Осматриваясь назадъ, вижу много напрасно потеряннаго времени; таковъ значитъ былъ мой послѣдній удѣлъ; и нигдѣ не нахожу особенной разницы въ моемъ внутреннемъ спокойствіи. Проживши замѣчательныя перемѣны, я всегда доволенъ свидѣтельствомъ моей совѣсти. Если затѣмъ ты считаешь еще меня пригоднымъ дать тебѣ совѣтъ относительно твоего будущаго, то я сердечно желалъ бы, чтобы ты предпочелъ поработать съ пользою для современнаго поколѣнія не на поприщѣ педагогіи, но на поприщѣ ея упорядоченія и устройства. Будучи ничѣмъ въ настоящей постановкѣ дѣла, я смотрю на все съ величайшимъ удовольствіемъ, и не только не отказываю въ содѣйствіи, а наоборотъ съ большою охотою помогаю Чацкому въ его самыхъ благородныхъ намѣреніяхъ“. (Listy Kołłątaja. III, 120—130).

Только истинные друзья высказываются съ такою откровенностію. Въ приведенномъ письмѣ намъ раскрыты планы

не только прошедшей дѣятельности Чацкаго, Снядецкаго и Коллонтая, но и будущихъ ихъ намѣреній. Всякія поясненія излишни.

Коллонтай, какъ мы видѣли, извѣщаетъ Снядецкаго, что утверждены, наконецъ, планы Чацкаго объ устройствѣ Волынской гимназіи. Дѣйствительно, 29 іюля 1805 года именнымъ Высочайшимъ указомъ *во уваженіе похвальной ревности дворянства Волынской губерніи* повелѣно привести въ исполненіе „Уставъ Волынской гимназіи," составленный безъ всякаго почти измѣненія на основаніи разсмотрѣннаго уже нами „проекта" Чацкаго. Мы знаемъ, какія были намѣренія Чацкаго, какія задачи и цѣли преслѣдовалъ онъ въ своемъ проектѣ. Какою же горькою, обидною для каждаго русскаго гражданина, ироніею должны показаться послѣднія строки указа, похваляющія *усердіе Чацкаго, его любовь къ отечеству* (русскому), *его старанія о приведеніи въ дѣйство намѣреній Правительства, пекущагося объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія*! (Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. I, 367—372).

Чацкій и Волыняне торжествовали. Начались широкія приготовленія къ открытію Волынской гимназіи.

IX.

Торжественное открытіе Волынской гимназіи; ея Высочайше утвержденный уставъ. Вмѣшательство Коллонтая во внутреннія дѣла гимназіи вызываетъ неудовольствіе Чацкаго противъ Коллонтая. Неуспѣшность экзаменовъ въ гимназіи и новые проекты Чацкаго. Разрывъ между Чацкимъ и Коллонтаемъ.

Открытіе Волынской гимназіи совершилось 1-го октября (1805 г.). Торжество обставлено было возможно большимъ блескомъ, и ему постарались придать возможно большую огласку. Иниціаторомъ всего являлся Коллонтай, и эта послѣдняя его дѣятельность становится по истинѣ изумительною. Онъ осматриваетъ зданія, предназначенныя въ Кременцѣ для гимназіи, съ многообразными при ней учрежденіями; вмѣстѣ съ архитекторами составляетъ проекты различныхъ приспособленій, сообразно назначенію той или другой части зданія; пишетъ постоянныя письма Чацкому*) о порядкѣ предстоящаго торжества, его обстановкѣ, о приглашеніи тѣхъ или другихъ лицъ для участія въ торжествѣ; составляетъ программы послѣдняго; предназначаетъ учителямъ гимназіи говорить такія, а не иныя рѣчи; пишетъ проекты этихъ рѣчей, и, по одобреніи Чацкимъ проектовъ, вступаетъ въ сношенія съ соотвѣтствующими учителями; составляетъ для нихъ программы будущихъ занятій; дѣлаетъ указанія относительно порядка первоначальныхъ гимназическихъ засѣданій и начала уроковъ, послѣ открытія гимназіи; рекомендуетъ Чацкому новыхъ кан-

---

*) Самъ Чацкій въ это время долженъ былъ уѣхать въ Кіевъ для свиданія съ министромъ гр. Завадовскимъ, чтобы на мѣстѣ рѣшить вопросъ объ устройствѣ въ Кіевѣ гимназіи. Это дѣло очень не нравилось Чацкому и Коллонтаю, и они его тормозили; рѣчь объ этомъ—впереди.

дидатовъ въ учителя для Волынской гимназіи и предостерегаетъ относительно другихъ (Listy Kołłątaja. III, 130—196, 207—234).

И Чацкій спѣшитъ подѣлиться съ Коллонтаемъ своими думами, передать ему свою радость или горе. Утѣшаясь скорымъ прибытіемъ изъ Кракова Чеха и Шейдта, Чацкій увѣдомляетъ Коллонтая, что сдѣлалъ для гимназіи великое пріобрѣтеніе: „учителемъ практической механики я буду имѣть талантливаго человѣка, пишетъ Чацкій. Это—Заливскій, тотъ самый, который во время революціи въ 1794 году очень скоро и съ большимъ успѣхомъ устроилъ въ Вильнѣ мастерскую оружія" *).

На настаиванія Коллонтая непремѣнно озаботиться назначеніемъ въ гимназію учителя латинскаго языка, Чацкій

---

*) О Заливскомъ оба Снядецкіе были другого мнѣнія. „Что касается плана механики (въ Волынской гимназіи), который вы изволили прислать мнѣ, писалъ Чацкому Андрей Снядецкій, то относительно его я ничего не имѣю сказать; во всякомъ случаѣ, долгомъ считаю прибавить, что *онъ не осуществится и механиковъ вы намъ не создадите*. Я не сомнѣваюсь въ способностяхъ Заливскаго, о которомъ слышалъ очень много; но онъ въ состояніи обучать учащихся только моделировкѣ. Что же касается исполненія большихъ и сложныхъ работъ, то ими нельзя распоряжаться по одному желанію; а только такія работы и могутъ подготовлять достойныхъ учениковъ. Мнѣ кажется, было бы лучше, преподавать учащимся архитектуру и математику; а тогда уже легко будетъ устроить по данной модели каждую машину. Я, впрочемъ, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ замѣчаній, такъ какъ (механика) не моя спеціальность". (Pamiętniki o Janie Śniadeckim. Baliński. II, 216). Ранѣе Андрей Снядецкій высказался болѣе опредѣленно о занятіяхъ механикою въ Волынской гимназіи. „Я не знаю, писалъ онъ Чацкому 7 сентября 1804 года, чему будутъ обучать въ гимназіи подъ именемъ практической механики. Если все дѣло сведется къ тому, чтобы научить ставить мельницы и различные водяные и вѣтряные двигатели, то въ школахъ подобная практика не можетъ осуществиться. Въ давнемъ планѣ эдукаціонной комиссіи назначалась каѳедра профессора механики для ремесленниковъ. Въ Вильнѣ, гдѣ никакіе уставы никогда не приводились въ исполненіе, совершенно не читались уроки по этому предмету, хотя профессоръ получалъ жалованье. Въ Краковѣ я самъ лично былъ свидѣтелемъ великаго смущенія профессора (практической механики), недоумѣвающаго, что читать намъ подъ именемъ этого предмета. И вотъ онъ объяснилъ намъ теорію механики съ вычисленіями. Подобное можетъ случиться и въ Волынской гимназіи. Въ этой области вполнѣ можешь положиться на мою опытность; на публичныхъ лекціяхъ не можетъ быть

заявляетъ, что латинскій языкъ долженъ изучаться съ польскимъ. „Говоръ нашихъ отцовъ, продолжаетъ онъ, это истинное сокровище, оставленное намъ въ наслѣдство, и великій почетъ для того, кто будетъ поставленъ на стражѣ этого народнаго достоянія". Такими фразами Чацкій расчитывалъ заставить Осинскаго принять каѳедру польскаго языка; Осинскій хотѣлъ преподавать латынь. (Listy Kołłątaja. III, 197—198). Въ другомъ письмѣ, жалуясь Коллонтаю на медлительность Петербурга въ высылкѣ Императорскаго указа объ открытіи Волынской гимназіи, Чацкій при всемъ томъ заявляетъ,

---

преподаваема практика какихъ бы то ни было умѣній. Кто изъ профессоровъ углубляется въ практику, это ясное доказательство плохого знанія имъ предмета, о которомъ онъ говоритъ. Въ наукахъ необходимо въ совершенствѣ излагать теорію, глубоко заложить ея начала и пояснять ихъ опытомъ. Подготовленный такимъ способомъ ученикъ долженъ уже самъ упражняться въ практикѣ, для пріобрѣтенія ловкости и твердости въ рукѣ, и это исключительно посредствомъ опытовъ". (Pamiętniki. II, 210). *Иванъ Снядецкій*, отзываясь съ хорошей стороны о проектируемомъ планѣ механики, дѣлаетъ серьезныя указанія для учителя, требуя отъ него широкихъ теоретическихъ познаній въ математикѣ, геометріи, физикѣ, рисованіи, поставляя всю важность обученія въ сообщеніи теоретическихъ принципіальныхъ свѣдѣній о вычисленіяхъ вѣса, силы, тяжести, сопротивленія при дѣйствіяхъ извѣстной машины, такъ какъ на правильномъ вычисленіи силъ обосновывается все искусство механики. (Ibid. I. 393, 394). Но ничего подобнаго не могъ представить собою Заливскій. Чацкій прямо заявляетъ въ одномъ изъ писемъ къ Коллонтаю, что Заливскій теоріей никогда не занимался и представляетъ собою только замѣчательнаго практика. (Listy Kołłątaja. III. 291, 292). Очевидно, Чацкій практику ставилъ выше теоріи и умѣнью Заливскаго—устроить мастерскія оружія—придавалъ большое значеніе въ созданіи будущаго величія Польши (ibid). Съ подобною мыслію въ средѣ передовыхъ поляковъ мы встрѣчаемся и послѣ. Не безъизвѣстный министръ финансовъ въ Польшѣ—Любецкій, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Императора Николая I, заявлялъ открыто, что „Польшѣ недостаетъ трехъ вещей: 1) школъ, т. е. просвѣщенія и умственнаго развитія; 2) промышленности и торговли, т. е. состоянія и богатства и 3) оружейныхъ заводовъ. Обладая всѣмъ этимъ, Польша и въ соединеніи съ Москвою сумѣетъ, по словамъ князя, сохранить полную свою независимость". Слушавшій это заявленіе другъ и повѣренный князя Любецкаго гр. Плятеръ, какъ бы не понимая рѣчи князя, спросилъ: „какъ, и оружейныхъ заводовъ"?—„Да, да, поспѣшилъ отозваться кн. Любецкій, и оружейныхъ заводовъ; Польша обязанна имѣть все, что необходимо для полнаго обезпеченія ея независимости, иначе все потеряетъ", и черезъ минуту прибавилъ: „питаю надежду, что современемъ все сумѣю привести къ желанному концу". (Barzykowski. Historya listopadowego powstania. I, 113).

что можетъ поздравить себя съ большимъ вниманіемъ къ нему Государя Императора, такъ какъ полученный имъ Высочайшій на его имя рескриптъ имѣетъ собственноручныя подписи Государя и министра (народнаго просвѣщенія); „а это бываетъ очень рѣдко“, прибавляетъ Чацкій. Тутъ же онъ, извѣщая Коллонтая о скоромъ прибытіи въ Пулавы (имѣніе кн. Чарторыйскаго) Императора Александра I, заявляетъ, что онъ будетъ просить аудіенціи и, что́ тамъ состоится, обо всемъ поспѣшитъ увѣдомить его—Коллонтая.*) А теперь „пріятно мнѣ открыто свидѣтельствовать, заключаетъ Чацкій письмо къ Коллонтаю, о твоемъ превосходствѣ сравнительно со мною въ наукахъ и въ знаніи людей. Я вполнѣ расчитываю на твою обязательную помощь и потому прошу тебя написать мнѣ рѣчь на день открытія гимназіи и прислать таковую черезъ нарочнаго.“ Указывая содержаніе рѣчи, Чацкій проситъ Коллонтая упомянуть въ ней, между прочимъ, объ удержаніи польскаго языка въ преподаваніи, о благихъ послѣдствіяхъ подобнаго порядка, такъ какъ языки польскій и русскій взаимно содѣйствуютъ усовершенствованію языка славянскаго,—проситъ вспомнить и о Варшавскомъ Обществѣ Любителей наукъ, которое первое осмѣлилось напомнить объ обязанности сохраненія *народнаго*, т. е. польскаго языка. „Я глубоко умѣю цѣнить всю широту твоихъ милостей и во мнѣ ты всегда найдешь искреннюю тебѣ благодарность“. (Listy Kołłątaja. III, 235, 238).

Наконецъ, назначенное торжество открытія Волынской гимназіи совершилось (1-го октября 1805 года). Оно было обставлено возможно пышною торжественностью. Съ утра, съ шести до семи часовъ раздавались громы пушекъ и звонъ колоколовъ, дававшіе знать жителямъ о необычайномъ праздникѣ. Въ девять часовъ торжественно, въ ассистенціи нѣсколькихъ опатовъ и многочисленнаго духовенства, вступили въ костелъ епископъ Луцкій Цецишевскій, епископъ Палемон-

---

*) Все это—неисполнившіяся pia desideria; не таково было время. Кругомъ поднималась страшная военная гроза. Между тѣмъ пущенъ былъ слухъ, для большей важности, что на торжество открытія Волынской гимназіи прибудетъ Государь Императоръ съ княземъ Чарторыйскимъ. (См. Biesiada Krzemieniecka за 1859 г. Paryz, 70 стр.).

скій Подгороденскій (это римско-католическіе) и епископъ уніатскій—Корсакъ. При главномъ престолѣ костела, по правой сторонѣ, былъ поставленъ Императорскій тронъ, надъ которымъ красовался портретъ Императора Александра I; при тронѣ стояло двое часовыхъ. Затѣмъ прибылъ въ костелъ губернаторъ князь Волконскій съ маршалами дворянства Волынской и Кіевской губерній и съ нѣсколькими сотнями дворянъ. Чиновники, съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, бывшимъ комиссаромъ эдукаціонной комиссіи гр. Мнишкомъ во главѣ, заняли мѣста по сторонамъ епископскаго балдахина. Приглашенные изъ Виленскаго университета и изъ Варшавскаго Общества Любителей наукъ члены пріѣхали въ церемоніальной каретѣ, въ каковой также прибылъ и тайный совѣтникъ Чацкій, имѣя съ собою Высочайшую грамоту. Посреди линіи, вытянутой изъ цеховъ, на площади передъ церковію, стояли приглашенные изъ всѣхъ уѣздныхъ училищъ члены; учители гимназіи шли впереди визитатора, а уставъ гимназіи несенъ былъ на богатой подушкѣ префектомъ Ярковскимъ, занявшимъ (временно) мѣсто ожидаемаго директора Чеха. Высочайшій уставъ сей положенъ на столикѣ передъ трономъ... Визитаторъ и присланные изъ училищныхъ сословій члены сѣли со стороны отъ трона. Около десяти часовъ утра началась месса. Играла хорошая музыка. Послѣ „credo" (вѣрую...) епископъ Подгороденскій сказалъ слово. Въ немъ, по словамъ донесенія Чацкаго министру, онъ изъяснялъ, что „религія имѣетъ великое вліяніе на просвѣщеніе; вмѣстѣ съ нею науки въ первый разъ посѣтили нашу страну. Благовѣстіе (Евангеліе), сія Божественная книга, заключаетъ въ себѣ составъ или собраніе правилъ простой нравственности перваго основанія всякихъ установленій; доказывалъ о полезностяхъ, сближаемыхъ общественнымъ воспитаніемъ; приводилъ достопамятныя слова Эразма Ротердамскаго, что если нужны училища, то они должны быть не иныя, какъ только общественныя. Въ нихъ духъ просвѣщенія, почерпаемый изъ единаго источника, одинаковыя выводитъ правила: вездѣ кажется одинъ ученикъ и учитель. Окончилъ слово увѣщаніемъ, обращеннымъ къ учащимъ и учащимся, и изъясненіемъ благодарности Монарху и виновникамъ празднества". По окончаніи обѣдни, Чацкій передалъ Императорскій дипломъ для прочтенія секре-

тарю гимназіи (не особенный почетъ!). „Онъ читалъ его громко, а всѣ присутствовавшіе, стоя, съ радостію слушали и слушали предъ лицемъ церкви слова диплома, которыми утверждались за гимназіею всѣ сдѣланныя въ ея пользу фундушевыя записи". Особенно, при чтеніи, подчеркнуты были тѣ слова диплома, которыми Государь ручался, такъ сказать, за вѣрность исполненія диплома не только за себя, *но и за своихъ преемниковъ*. Послѣ этого говорилъ рѣчь Чацкій, но не ту, которую по его просьбѣ составилъ ему Коллонтай, а свою собственную, исправленную Коллонтаемъ *). (Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ въ извлеченіи рѣчи Чацкаго и Коллонтая **).)

---

*) Въ письмѣ къ Коллонтаю отъ 23-го сентября 1805 года Чацкій говоритъ: „думаю, что мой посланецъ доставилъ уже тебѣ мое письмо и проектъ рѣчи (при открытіи гимназіи) и теперь же получаю твой благосклонный трудъ (рѣчь, составленную для Чацкаго). Если ты настолько благожелателенъ ко мнѣ въ своей милости, то я приношу мольбы—благоволи выправить мое произведеніе. Твой трудъ заключаетъ очень важные матеріалы для литературы; содержитъ прекрасныя мысли; но свои собственныя (мысли), если и не такъ хороши, произносятся, во всякомъ случаѣ, съ большимъ чувствомъ. Улучивши свободную минуту, я написалъ кое что и теперь прошу твою милость, уничтожь, что по твоему мнѣнію окажется излишнимъ, или припиши, что найдешь необходимымъ; я всегда буду чувствовать твое расположеніе. Ты самостоятельно работалъ для друга (составленіемъ собственной рѣчи): теперь доведи дѣло до конца исправленіемъ моего проекта. Не краснѣю учиться у тебя; имѣешь право дѣлиться съ нами наукою, и признаюсь, удѣляешь ее намъ въ формѣ самой пріятной". (Listy Kołłataja. III, 290).

**) „Рѣдко бываетъ такое важное и для всѣхъ пріятное торжество, какъ нынѣшнее, такъ начинаетъ свою рѣчь Чацкій, при открытіи гимназіи въ Кременцѣ (1 октября 1805 г.). Отцы семействъ согласно приносятъ пожеланія и прочныя жертвы для счастья потомковъ. Молодежь настоящій день признаетъ за праздникъ надежды для себя и благодарности къ дѣятелямъ будущаго ихъ совершенствованія. Учители, записанные въ число государственныхъ чиновниковъ, увеличиваютъ вслѣдствіе этого свои обязанности по отношенію къ краю, который становится для нихъ благодѣтельнымъ отечествомъ и мѣстопребываніемъ наукъ. Уважаемый пастырь, среди соработниковъ епископовъ, аббатовъ и разнаго чина каплановъ, воскуряетъ жертвенное кадило Господу силъ, чтобы религія и нравственность, эти первыя основанія нашихъ установленій, не смотря на смѣну поколѣній, остались постояннымъ наслѣдіемъ народнаго и семейнаго общежитій. Государь, милостиво обратившись къ народу съ искреннимъ словомъ о необходимости хорошаго воспитанія, изъявляетъ теперь благодарность за то, что его старанія превратились въ общественную попечительность и дѣло Царя стало общимъ дѣломъ Монарха и народа".

Послѣ Чацкаго говорили рѣчи представители Волынскаго дворянства, Виленскаго университета и Варшавскаго общества любителей наукъ. Заступающій мѣсто директора гимназіи „убѣдительно и ясно" (по замѣчанію Осинскаго) высказалъ, что вновь созданный Чацкимъ пріютъ для наукъ является своего

Объявляя себя счастливымъ за то, что ему выпала завидная доля открывать Волынскую гимназію и прославлять просвѣщенную доблесть Александра I, Чацкій обращается къ собравшимся на торжество соотечественникамъ и воспоминаніями пробѣгаетъ съ ними исторію просвѣщенія своей родины, той земли, „имя которой, по его словамъ, столько вѣковъ извѣстное міру, вычеркнуто изъ числа названій народовъ". Сопоставляя различныя эпохи исторіи Польши отъ Пяста до Станислава Августа, Чацкій указываетъ, что величіе, слава и спокойствіе польскаго государства постоянно шли рядомъ съ процвѣтаніемъ науки: съ развитіемъ послѣдней укрѣплялось государство; съ паденіемъ наукъ, не было мира и силы въ отечествѣ. Воздается благодарность эдукаціонной комиссіи и ея учредителямъ. Но „увы! продолжаетъ Чацкій, плоды нашей работы вполнѣ не поспѣли (выше мы ихъ видѣли!); упало славное зданіе правительства (польскаго). Открылась могила отечества. Надъ нею поднялся курганъ. Наши руки не осквернились его насыпкою. Присоединенные къ славянскому народу подъ Екатериною Великою для Россіи, мы не вѣрили, чтобы было заглажено наше имя". Эти надежды оправдались при Павлѣ I и, еще болѣе, при Александрѣ I, когда власть закона опиралась на власти просвѣщенія. Этимъ государямъ Чацкій приноситъ восторженную благодарность за сохраненіе польскаго языка и правъ. Вспомнивши съ особеннымъ вниманіемъ о возникновеніи и дѣятельности Варшавскаго общества любителей наукъ, Чацкій останавливается на первыхъ годахъ царствованія Императора Александра I. „Едва найяснѣйшій Монархъ возсѣлъ на тронъ, какъ обратилъ вниманіе на важную сторону воспитанія, обнародовалъ основы просвѣщенія.... Онъ учредилъ министерство просвѣщенія и ввѣрилъ его гр. Завадовскому, мужу, который занималъ много разныхъ должностей, и со множествомъ знаній, которыя пріобрѣлъ, соединяетъ обширныя свѣдѣнія по нашей литературѣ и въ совершенствѣ владѣетъ польскимъ языкомъ. (Это особенныя, по Чацкому, достоинства гр. Завадовскаго. А вѣдь онъ пріобрѣлъ ихъ въ Кіевской академіи, которую такъ позорилъ Чацкій въ своемъ отчетѣ!). Съ кровью рода Ягелла и его заботливостью о наукахъ, князь А. Чарторыйскій былъ призванъ на должность попечителя этого округа. Изъ его рукъ достойный ректоръ университета, а нашей губерніи коадъюторъ, епископъ Стройновскій принялъ грамоты для главной школы и школъ, принадлежавшихъ прежде Польшѣ восьми губерній и получилъ важное свидѣтельство того, что (князь) дѣятельно посвятилъ себя изъясненію нуждъ просвѣщенія, облегченію трудностей и достиженію успѣшныхъ результатовъ". Далѣе Чацкій развиваетъ свою любимую мысль о необходимости отдѣльной отъ Вильны высшей школы, такъ какъ „къ той столицѣ наукъ далекая дорога, а дорогая тамъ жизнь является большою помѣхою для бѣдняковъ"... Между

рода народною (т. е. польско-шляхетскою) крѣпостью и вѣчнымъ памятникомъ народной славы. Именемъ школы онъ пророчески говорилъ, что этотъ безцѣнный даръ (созданіе Волынской гимназіи) сдѣлается ручательствомъ счастья и славы всѣхъ, кто въ этихъ стѣнахъ будетъ усовершенствоваться. (Сборн.

тѣмъ всѣмъ нужно просвѣщеніе; нужны образованные приходскіе учители, требуются чиновники; страждущее человѣчество, матери въ то время, когда даютъ другимъ жизнь, сильно взываютъ о неотлагательной просвѣщенной помощи; ее проситъ скотъ, въ ней нуждается земледѣліе, огородничество, садоводство; вообще, вся природа требуетъ, чтобы мы относились къ ней съ глубокимъ пониманіемъ ея тайнъ, силъ и сокровищъ. Женщины, дѣти, домашнее воспитаніе—все должно быть съ одной стороны предметомъ изученія, съ другой—предметомъ наставленія; для всего должны быть созданы цѣлесообразныя учрежденія. „Женскій полъ, обращается Чацкій къ присутствующимъ слушательницамъ! Не позволяй, чтобы сравнивали тебя съ цвѣткомъ: красота розы продолжается нѣсколько дней; она быстро вянетъ, и остаются одни лишь шипы. Годы первой молодости коротки. Важнѣе ваше назначеніе въ зрѣлыхъ лѣтахъ: вы станете матерями новаго поколѣнія. Пусть вамъ навсегда останется то утѣшающее воспоминаніе, что даже тѣнь порока не коснулась дней вашей красоты".

На эти то учрежденія, продолжаетъ Чацкій, которыя я теперь открываю, и которыя еще имѣютъ быть (открыты), вы, достойные граждане, собрали свои пожертвованія. Эти то великія жертвы оживили наши труды. Я указываю теперь лишь на начальное дѣло: четыре первые класса и девять курсовъ я отдаю на пользу молодежи. Мы имѣемъ славную библіотеку, (оставшуюся) послѣ умершаго короля, увеличенную пожертвованіями, въ особенности княжны Ѳеофилы Сапѣги. Заграничные писатели, въ знакъ уваженія, начинаютъ присылать свои произведенія. Нѣкоторые генералы, покрытые рубцами, сѣдиною и славою, предложили прислать сочиненія, по которымъ они учились правиламъ одержанія побѣдъ. (Это очень поучительно для русскихъ). У насъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ физическихъ кабинетовъ. Ординатъ Замойскій увеличилъ его прекрасными и важными инструментами. Наши древнія медали извѣстны въ Европѣ. Есть кабинетъ естественной исторіи; есть собраніе металловъ. Растенія и деревья, помѣщенныя въ частныхъ садахъ, ожидаютъ перенесенія". Сказавши затѣмъ о многомъ, чего недостаетъ, и о необходимости новыхъ пожертвованій на проектируемыя учрежденія, Чацкій обращается къ присутствующимъ предводителямъ дворянства и проситъ въ дальнѣйшемъ поддерживать то дѣло, „которое такъ успѣшно начинается".

Присутствующихъ делегатовъ Виленскаго университета Чацкій проситъ „передать общему намъ хранилищу о нынѣшнемъ торжествѣ въ его простотѣ и о той радости гражданъ, свидѣтелями которой вы являетесь. Самую лучшую часть эти же граждане отдали наукамъ, такъ какъ для того, чтобы приблизить

матер. III, 27, 28. O Zyciu i pismach Czackiego. Osinski,40—42. Biesiada krzemieniecka na rok 1859. Paryz. 71). Послѣ рѣчей, суффраганъ Луцкій, кс. Качковскій, въ сопровожденіи духовенства, школьной администраціи, учениковъ и многихъ другихъ лицъ, направился изъ костела въ зданія гимназіи для ихъ освященія. Въ заключеніе торжества Чацкимъ былъ предло-

ихъ къ себѣ (т. е. для созданія у себя высшей отдѣльной отъ Вильны школы) они не жалѣли жертвъ; но равнымъ образомъ они уважаютъ связи (это Чацкій золотитъ только что поднесенную пилюлю), которыя соединяютъ главную школу съ гимназіями; они цѣнятъ доблестную поддержку, которую университетъ оказалъ нашимъ желаніямъ у высшей власти. (А выше мы видѣли сколько изъ за этого было борьбы и недоразумѣній между Чацкимъ и Виленскимъ университетомъ). Въ восьми губерніяхъ, недавно составлявшихъ одно отечество, одинъ у гражданъ языкъ, одна повелѣваетъ ими книга закона, одной, потому, мы желаемъ и власти въ дѣлѣ воспитанія. (Это уже, какъ мы видѣли, совершенная неправда!). Намъ всегда нужно такое однообразіе; мы всегда проповѣдуемъ одинаковыя обязанности для попечителя, который дни отправляемой власти отмѣчаетъ дѣйствительною старательностію, облегченіемъ средствъ къ прочному существованію и распространенію наукъ".

Въ заключеніе рѣчи, Чацкій обращается къ учащему персоналу и учащейся молодежи и проситъ ихъ быть старательными въ своемъ дѣлѣ и добродѣтельными. „Добрые поступки учащихся и просвѣщеніе пріобрѣтутъ новую честь для наукъ и тѣхъ, которые ихъ будутъ преподавать"... (Сборн. матер. III, CX—CXXI).

Въ дополненіе къ рѣчи Чацкаго дѣлаемъ извлеченіе изъ рѣчи Коллонтая.

Сказавши о Высочайшемъ утвержденіи устава Волынской гимназіи и при томъ такого устава, какого желали Волынскіе обыватели для своего потомства, Коллонтай отъ имени Чацкаго продолжаетъ: „такимъ образомъ осуществились, наконецъ, и мои, и всеобщія желанія. Науки, пять слишкомъ вѣковъ уже составлявшія украшеніе нашихъ дѣяній, устоявшія противъ судьбы, которая въ глазахъ міра побѣдила насъ, испытавши вмѣстѣ съ паденіемъ отчизны, общій упадокъ, теперь снова возращаются къ намъ, несравненно съ большею пышностію и на будущее время основываютъ себѣ вѣчный пріютъ, подъ управленіемъ Александра I, въ могущественномъ славянскомъ государствѣ".

„Увлеченный осуществленіемъ столь великаго благодѣянія, котораго нѣсколько времени назадъ мы едва могли не смѣло желать, я теряюсь и не знаю о чемъ долженъ начать рѣчь свою: о моемъ ли особенномъ счастіи? о счастіи ли моихъ сотечественниковъ и ихъ возлюбленнаго потомства? о величіи ли Александра I, или о величіи его благодѣяній, или, наконецъ, о благодарности, которая покоряетъ ему наши сердца, и о тѣхъ благословеніяхъ,

женъ гостямъ роскошный на 500 человѣкъ обѣдъ, на которомъ тостъ провозглашенъ только *одинъ: за здоровье Александра I.* (Biesiada Krzemieniecka, 72).

„Можно сказать смѣло, замѣчаетъ по этому поводу Кременецкая Бесѣда, что въ нашемъ краѣ нигдѣ еще послѣ раздѣловъ Польши, не бывало такого, чисто народнаго (!) торже-

---

которыми не престанутъ осыпать его великія дѣла самые отдаленные наши потомки? Обо всемъ, обо всемъ настоитъ нужда говорить, такъ какъ вездѣ очевидны плоды благотворительности и генія этого законодателя вѣковъ".. (Все это громкія фразы. Коллонтай въ письмѣ къ Чацкому говоритъ, что настоящая рѣчь составлена по всѣмъ правиламъ риторики, что для приманки современной суетности онъ помѣстилъ въ ней своего рода молитвословія—литаніи... Listy Kołłątaja. III, 246).

Послѣ громкаго вступленія, рѣчь касается исторіи Польши, польскихъ королей, начиная съ Мечислава I, польскихъ писателей, польской школы; вездѣ великое самовосхваленіе, упоеніе собственною славою. „Въ наукахъ мы шли рядомъ, говоритъ Коллонтай, со всѣми народами западной Европы; мы слишкомъ рано оставили за собою страны востока и сѣвера", и опять идетъ длинный перечень ученыхъ заслугъ поляковъ для всей Европы; подъ перомъ Коллонтая, они являются и общеевропейскими учителями и исправителями науки объ астрономіи, возстановителями правильнаго изученія и пониманія классическихъ красотъ древней литературы, образцовыми, подобно Горацію, поэтами на латинскомъ языкѣ, вообще по всѣмъ отраслямъ писателями, не уступающими лучшимъ писателямъ Греціи и Рима. Далѣе говорилось о заслугахъ піара Конарскаго, о его школьной реформѣ, объ эдукаціонной комисеіи, о Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ, объ устройствѣ учебнаго дѣла при Императорѣ Александрѣ I „въ могущественнѣйшемъ славянскомъ государствѣ" (слово Россія, русскій—даже нигдѣ не употребляется!), въ уставахъ котораго для Виленскаго университета и школъ его округа Коллонтай видитъ подтвержденіе только привилеевъ польскихъ королей, объ упадкѣ школъ въ западно-русскихъ губерніяхъ со времени перехода ихъ въ подданство Россіи, о собственныхъ трудахъ по возстановленію въ западно-русскихъ губерніяхъ польскихъ научныхъ стремленій, польскаго языка. „Что касается васъ, писалъ Коллонтай, то Александръ I сдѣлалъ рѣшительно все чтобы сберечь намъ самое дорогое сокровище, самое почетное наслѣдство: я понимаю науки и языкъ нашихъ отцовъ. На этой-то землѣ (Кіевлянъ, Древлянъ), среди насъ, воздвигается, по его слову, храмъ наукъ, въ которомъ будутъ увѣковѣчены безсмертныя имена благодѣтелей общественнаго просвѣщенія и тѣхъ великихъ геніевъ (польскихъ), которыхъ въ теченіе многихъ вѣковъ произвела наша родина. На этихъ то горахъ (около Кременца), которыя окружаютъ названный храмъ наукъ, польскія музы устроятъ себѣ на будущія времена постоянный Парнасъ, гдѣ вѣчно будутъ воспѣвать величіе Александра I, благословляя его несравненное сердце за то, что прогнаннымъ

ства, такъ полнаго надеждъ, какъ торжество Кременецкое. Никогда еще не раздавался голосъ столь трогательный, такъ смѣлый и такъ заботливый о будущемъ, какъ въ настоящій день изъ устъ Чацкаго. Намъ все здѣсь напоминало Польшу. Все совершили здѣсь сами польскіе обыватели. Два года хлопотъ, энергіи, и мысли Чацкаго все воплотили въ дѣло. Благодарность Александру была искренна и жива (и это заявляется въ виду переговоровъ уже въ это время поляковъ съ Напо-

---

изъ различныхъ мѣстъ Польши наукамъ онъ даровалъ пріютъ въ своей могущественной Державѣ." Унесшись фантазіею въ будущее полнаго разцвѣта въ Россіи полонизма, Коллонтай привѣтствуетъ съ этимъ тѣни бывшихъ польскихъ королей, великихъ польскихъ дѣятелей, великихъ польскихъ геніевъ и талантовъ. „Память о васъ, продолжаетъ онъ, сохранится на вѣки. Здѣсь найдете для себя учениковъ и послѣдователей. На этой землѣ укоренятся сѣмена великихъ правдъ, которыя вы открыли; а оживленный вами польскій геній будетъ возростать въ дальнѣйшемъ развитіи и не перестанетъ гордиться своимъ Брудзевскимъ, Коперникомъ, Лубенецкимъ, Гевеліушомъ... Клюверіемъ... Бѣжановскимъ, Дантыткомъ, Кржицкимъ, Шимоновичемъ, Сарбѣвскимъ,... Кохановскимъ, Потоцкимъ, Хруцинскимъ, Коховскимъ, Красицкимъ и безчисленнымъ множествомъ иныхъ... Здѣсь будетъ пріютъ нашихъ познаній по математикѣ, физикѣ, нравственности и словеснымъ наукамъ; здѣсь, наконецъ, безсмертная память сохранитъ тѣ почтенныя имена, которыя послѣ 1775 года дѣятельно и успѣшно работали надъ дѣломъ воскрешенія наукъ и хорошей постановки ихъ преподаванія"... Указавши затѣмъ на щедрыя пожертвованія обывателей юго-западныхъ губерній, на общественное просвѣщеніе и Высочайше утвержденный распорядокъ наукъ въ Волынской гимназіи и соединенныхъ съ нею другихъ многоразличныхъ учрежденіяхъ, Коллонтай заканчиваетъ свое слово обращеніемъ къ гимназической учебной корпораціи и учащейся молодежи съ завѣтомъ воспользоваться настоящимъ великимъ благодѣяніемъ для блага собственнаго, грядущихъ поколѣній и потерянной отчизны. (Listy Kołłątaja. III, 245—283).

Россія, русское государство въ обѣихъ рѣчахъ упоминались только въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о паденіи Польши, „когда совершился страшный погромъ, который, уничтоживши даже самое имя польскаго отечества, покрылъ ея развалинами общее благо всего человѣчества, т. е. науки, находившіяся въ это время, послѣ своего возрожденія, въ самомъ роскошномъ разцвѣтѣ (ibid 260). Каждый изъ поляковъ отлично понималъ, по чьему адресу направлены приведенныя слова. Оказывалось, что Россія убила Польшу, уничтожила науки, и только благодаря добросердечію Александра I, Польша снова воскресаетъ, снова возраждаются науки. Понятно, какія чувства по отношенію къ Россіи вызывались такимъ направленіемъ говорившихъ и писавшихъ. (Ср. O Życiu i pismach Th. Czackiego. Osiński. 41).

леономъ!), такъ какъ онъ не дозволилъ мѣшаться въ торжество (русской) администраціи, которая умѣетъ только все отравить и испортить. Губернаторъ Волконскій былъ простымъ свидѣтелемъ проявленія польскаго духа. Тогда же, въ тотъ самый день, Чацкій поспѣшилъ изъявить Коллонтаю сердечную за все благодарность". „Эдукаціонная магистратура, писалъ Чацкій, давно признала тебя эмеритомъ. Исправленіе Краковской академіи было дѣло твоихъ рукъ. Ты написалъ статутъ, который вводитъ у себя въ Россіи народъ славянскій. Я имѣлъ дерзость неоднократно обращаться къ тебѣ за совѣтомъ; ты давалъ его съ упредительностію и большимъ разумѣніемъ; давалъ его, какъ человѣкъ, который глубоко понималъ и величіе самаго дѣла, и его цѣли, который хотѣлъ оказать услугу краю и старался восполнить мою неопытность" (Biesiada Krzemieniecka... ibid.).

Дѣйствительно, Кременецкая гимназія была вѣнцомъ, завершающимъ зданіе просвѣщенія, воздвигнутое Чацкимъ. По его идеѣ, это не была одна изъ многихъ будущихъ гимназій края, а высшій образовательный центръ для всѣхъ прочихъ учебныхъ его заведеній. Ея открытіе было событіемъ высокой важности, по словамъ Владимірскаго—Буданова. Новое заведеніе предназначалось стать средоточіемъ національнаго польскаго просвѣщенія для всѣхъ разбросанныхъ обломковъ нѣкогда могучей Рѣчи Посполитой, мѣстомъ умственнаго, а за нимъ и политическаго ихъ возрожденія. (Исторія университета св. Владиміра. I, 37).

Торжество открытія гимназіи воспѣто было въ одахъ на разныхъ языкахъ; между прочимъ и на русскомъ неизвѣстный піита восклицалъ:

О коль пресвѣтлое явленье
Волынской въ нѣдрахъ зрю страны...
...Играютъ горъ скалистыхъ холмы,
Гдѣ городъ Кременецъ стоитъ;
Народны торжествуютъ сонмы;
Тамъ новый Геликонъ открытъ.
Подобенъ Чацкій тамъ Моисею;
Храмъ мудрости рукой своею
Отверзъ для счастья всѣхъ обществъ.

... Съ тобой ли, графъ Петръ Завадовскій
Сравнится римлянинъ иль грекъ?
Сарматски племена ликуйте,
Зря благость русскаго царя.
Златое время торжествуйте
Въ наукахъ льется вамъ струя
Краснѣй водъ первобытна рая...
(ibid. I, 36—37).

Извѣщая министра народнаго просвѣщенія, гр. П В. Завадовскаго о совершившемся открытіи Волынской гимназіи, Чацкій писалъ ему на польскомъ языкѣ (10 октября 1805 г.): „1-го октября я открылъ Волынскую гимназію. Собравшіеся епископы (латинскіе), опаты (архимандриты), различные по іерархическому чиноположенію священники, губернаторъ, предводители дворянства и обыватели двухъ губерній (Волынской и Подольской) участвовали въ настоящемъ великомъ торжествѣ. Всеобщая радость, выраженія живой признательности, надежда, что наши дѣти достигнутъ высшаго усовершенствованія въ наукахъ, все это вмѣстѣ дѣлало настоящее торжество многозначительнымъ и для всѣхъ одинаково пріятнымъ. Въ произнесенной мною рѣчи я отдалъ должное просвѣщеннымъ заботамъ Вашего Сіятельства. Между важнѣйшими благопріятными условіями для развитія общественнаго просвѣщенія я поставилъ руководительство вами дѣятельностью Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для нашихъ учрежденій вы изволили оказать свое милостивое содѣйствіе. Позвольте же мнѣ, какъ представителю учебнаго вѣдомства, какъ обывателю этой губерніи (Волынской), выразить вамъ нашу просьбу—прислать для Волынской гимназіи свой портретъ. Благодарный ученикъ, даже въ грядущей смѣнѣ поколѣній, пускай взираетъ на образъ министра, котораго имя записано въ дѣяніяхъ Россійскаго государства и въ дѣяніяхъ просвѣщенія Европы“. (Сборн. матер. III, 31).

Если настоящее письмо сплошь звучитъ фальшивыми нотами, то отвѣтъ на него гр. Завадовскаго и глубоко фальшивъ, и недостоинъ высокаго положенія министра русскаго государства.

„Ваше Превосходительство почтили меня увѣдомленіемъ, писалъ Чацкому гр. Завадовскій, съ какимъ торжествомъ въ Кременцѣ вы насадили сѣмена будущихъ Аѳинъ. Читая Ваше слово, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостію, какова дѣйствовала на душу древнихъ грековъ, рукоплескавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, оглавленную по именамъ Музъ. Состязающимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ природа въ произведеніи все мелкихъ дарованій, я укажу на геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ Музы, умершія въ Аттикѣ. Ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако я взираю съ моей точки на Ваши подвиги незабвеніемъ и общею благодарностію печатлѣемые. Теките, Милостивый Государь, по своему поприщу, посѣвая науки, благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ предѣлъ, дабы сказать: jam opus exegi... (дѣло совершилъ), и услышать къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ и позднее потомство: nomenque erit indelibile vestrum..." (имя твое будетъ неизгладимо, незабвенно).

„Портретъ, что имѣть желаете, я пришлю, влеченъ будучи не тщеславіемъ, а признательностію за честь предлагаемую и удовольствіемъ повиноваться Вашей волѣ. Объ одномъ прошу, чтобы стоялъ подъ вашимъ образомъ, коимъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ томъ отношеніи: et de plenitudine ejus nos omnes accepimus" (и отъ полноты его мы всѣ восприняли). (Ноября 14, года 1805. С.-П.-Б. Сборн. матер.. III, 32).

Роли какъ видимъ, перемѣнились. Чацкій становится учителемъ, министръ великаго русскаго государства нисходитъ въ положеніе его ученика, будучи увлеченъ общими громкими фразами о благѣ просвѣщенія, о благѣ всего человѣчества *).

Опираясь на такое содѣйствіе министра народнаго просвѣщенія, Чацкій продолжалъ итти въ своемъ дѣлѣ болѣе

*) Между тѣмъ, болѣе серьезные, научно образованные поляки—почитатели Чацкаго—много задумывались надъ судьбою его ученаго дѣтища въ Волынской губерніи и приходили къ горькому разочарованію, представляя

прежняго смѣлыми и рѣшительными шагами. Работая въ знакомомъ уже намъ направленіи въ губерніяхъ Подольской и Кіевской (Listy Kołłątaja. III, 234), онъ, главнымъ образомъ Волынской гимназіи посвящалъ свое вниманіе, свои труды, не останавливаясь ни передъ какими расходами, чтобы „только въ учителяхъ возжечь святой огонь.“ (ibid. 308).

себѣ его печальную, безполезную для науки будущность. Андрей Снядецкій съ сердечною болью въ письмахъ къ Чацкому неоднократно высказываетъ свои сомнѣнія въ возможности какого нибудь успѣха въ Волынской гимназіи при тѣхъ порядкахъ, какіе завелъ тамъ Чацкій. „Такъ какъ вы, пишетъ Андрей Снядецкій Чацкому, почтили меня такимъ широкимъ довѣріемъ, что желаете знать мое особое мнѣніе объ учебныхъ учрежденіяхъ въ Волынской губерніи, то, полагаю, не могу лучше отвѣтить столь высокому довѣрію одного изъ просвѣщеннѣйшихъ между поляками мужа, какъ просто и самымъ искреннимъ образомъ открывъ ему всѣ мои помыслы. При томъ же я слишкомъ привязанъ къ моему народу и языку, чтобы въ столь важномъ для поляковъ дѣлѣ, могъ пожертвовать истиною для какого нибудь другого интереса. А и рѣчь моя будетъ обращена къ человѣку ученому; да и самъ я всю мою жизнь отдалъ наукѣ; а истина—это самое дорогое сокровище и при томъ единственное для людей науки. Въ частности я ничего не могу сказать противъ цѣлаго строя Волынской гимназіи. Въ самомъ себѣ, въ теоріи, этотъ строй прекрасенъ; но, по моему мнѣнію, *онъ никоимъ образомъ не можетъ быть осуществимъ. Если бы даже, при усильныхъ вашихъ стараніяхъ, онъ и приведенъ былъ въ исполненіе, то и въ такомъ случаѣ онъ не принесетъ ожидаемой пользы и съ теченіемъ времени самъ собою распадется.* И во первыхъ: мѣста учителей математики высшей, чистой и прикладной вмѣстѣ съ астрономіей, каѳедры механики, гидравлики и гидростатики, физики, химіи, естественной исторіи, анатоміи и физіологіи, хирургіи и акушерства, ветеринаріи требуютъ замѣщенія людьми, закаленными въ наукѣ, первостатейными учеными, которые съ успѣхомъ могли бы исполнять свое назначеніе. При неудовлетворительномъ педагогическомъ составѣ, при плохомъ исполненіи дѣла, названныя каѳедры принесутъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Самъ я, всю жизнь почти проведшій при (различныхъ) академіяхъ, продолжительное время обучаясь во многихъ мѣстахъ и наконецъ обучая теперь другихъ, окончательно убѣдился въ той истинѣ, что одинъ плохой преподаватель причинитъ столько вреда ученикамъ, что два самыхъ лучшихъ профессора будутъ не въ состояніи его поправить. Этотъ вредъ далеко не ограничивается одною потерею времени, которое для молодого возраста такъ пріятно и дорого: гораздо важнѣе то обстоятельство, что молодежь, плохо обучаемая и руководимая, пріучается къ фальшивымъ представленіямъ, превратнымъ толкованіямъ, довольствуется однимъ видомъ науки и усвоиваетъ себѣ то противное самомнѣніе, которое недоучекъ дѣлаетъ въ обществѣ людьми невыносимыми и отвратительными“. Указывая далѣе, что хорошее общественное просвѣщеніе должно не только учить молодого человѣка, но и

Высочайше утвержденный уставъ Волынской гимназіи много придавалъ Чацкому силъ и энергіи въ исполненіи различныхъ затѣй. Этотъ уставъ обосновался на томъ проектѣ, который для Чацкаго былъ составленъ Коллонтаемъ и представленъ на Высочайшее утвержденіе. „Во уваженіе похвальной ревности, съ каковою дворянство Волынской губерніи

воспитывать, что эту двойную задачу школы могутъ исполнить только свѣтлыя головы, съ широкимъ истинно-научнымъ кругозоромъ, Снядецкій прибавляетъ, что подобные люди очень рѣдки, что ихъ приходится искать съ огнемъ среди бѣла дня и, если они попадаются, то необходимо привязать ихъ къ педагогическому поприщу, обставить ихъ и потомство различными удобствами жизни, усладить имъ ихъ ученое положеніе. Ничего этого не находитъ Снядецкій въ уставѣ Волынской гимназіи. Содержаніе здѣсь самое посредственное; трудныя, ученыя каѳедры обставлены одинаково съ легкими, элементарными; люди заслуженные, извѣстные въ наукѣ ставятся на одинъ уровень съ начинающими—мало, или совершенно неизвѣстными: при такомъ положеніи дѣла, „я убѣжденъ, продолжаетъ Снядецкій, что вы *никакимъ способомъ не найдете для Волынской гимназіи такихъ профессоровъ, какихъ желаете и какихъ только желать можно.*"

„Во вторыхъ. Волынская школа съ проектированными при ней учрежденіями выходитъ изъ ряда гимназій и не достигаетъ значенія университета. Каждый, приглашенный учителемъ въ Волынскую гимназію, непремѣнно спроситъ себя: какое тамъ его будущее положеніе". Останавливая на этомъ вниманіе Чацкаго, Снядецкій указываетъ непривлекательность учительской карьеры въ Волынской гимназіи, гдѣ преподавателямъ нельзя будетъ называться профессорами, пользоваться чиномъ надворнаго совѣтника, гдѣ они должны будутъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиняться вполнѣ распоряженіямъ Виленскаго университета. „Но такіе люди, продолжаетъ Снядецкій, какихъ вы желаете имѣть для Волынской гимназіи, не захотятъ, конечно, унижаться до такой степени и не пожелаютъ спокойно нести накинутое на нихъ ярмо".

Третій недостатокъ строя Волынской гимназіи Снядецкій указываетъ во множествѣ уроковъ, полагаемыхъ по расписанію на долю одного преподавателя. Это не даетъ преподавателю возможности достаточно подготовиться, особенно по предметамъ физики и химіи, съ сложными демонастраціями. А каждый, кромѣ того, имѣетъ право пользоваться и нѣкоторыми радостями жизни семейной, общественной. Тѣмъ, которые указываютъ на примѣръ многочисленныхъ занятій профессоровъ въ нѣмецкихъ университетахъ, Снядецкій, ничто же сумняся, противопоставляетъ нѣмецкое шарлатанство въ наукѣ, продажность, научное фразерство, философскую туманность и пустое писательство. „Люди, привыкшіе къ поверхностному сужденію о вещахъ, говоритъ Снядецкій, постоянно тычутъ намъ въ глаза науку и благодѣтельность нѣмецкихъ университетовъ, и это потому, что этотъ народъ, посвятивши себя книжной торговлѣ, безпрестанно пишетъ. Но кто занимается наукою и умѣетъ цѣ-

сложило приношенія въ пользу Волынской гимназіи и разныхъ имѣющихъ быть при ней заведеній для образованія на службу отечеству разнаго состоянія юношества, говорилось въ Высочайше утвержденномъ уставѣ Волынской гимназіи, и дабы успѣшнѣе произведены были въ дѣйствіе благія намѣренія онаго дворянства, изъявившаго желаніе, чтобы сія гимназія въ

нить подобныя писанія сообразно ихъ дѣйствительной стоимости, тотъ убѣдится, что нѣмцы имѣютъ много писателей, но ученыхъ у нихъ никакъ не больше нашего. Этотъ народъ, нисколько не зная насъ и нашего языка, не только самъ судитъ о насъ исключительно съ худой стороны, но такое фальшивое мнѣніе о насъ удѣляетъ и другимъ народамъ, а мы какъ будто работаемъ для подтвержденія этой фальши. И что за позоръ! Въ то время, когда надъ составленіемъ настоящаго плана народнаго просвѣщенія въ Россіи трудились большею частію поляки, Виленскій университетъ обратили въ университетъ нѣмецкій, кликнувъ повсюду между нѣмцами кличъ съ вербовкою къ намъ плохихъ мудрецовъ, такихъ, какихъ нѣмцамъ мы сами могли бы доставлять цѣлыми дюжинами. Такая непростительная вербовка—развѣ не послужитъ соблазномъ для міра, а на насъ не ляжетъ неизгладимымъ позоромъ? И какія же дальнѣйшія отсюда послѣдствія? Прежде всего – неблагопріятное о насъ заграничное мнѣніе болѣе и болѣе станетъ усиливаться; эдукаціонный общественный фундушъ будетъ тратиться непроизводительно (на выписку нѣмцевъ); приглашенные иностранцы нисколько не будутъ работать, примѣры чего я до сихъ поръ постоянно видѣлъ въ Вильнѣ; они будутъ заниматься главнымъ образомъ, преслѣдованіемъ нашихъ соотечественниковъ: будучи награждаемы со стороны правительства рукоплесканіями, поддержкою и повышеніями, они окончательно ихъ уничтожатъ и разгонятъ. А глядящая на это мѣстная молодежь, видя столь прекрасную (иронія!) награду наукѣ, столь мрачную для себя будущность, навсегда получитъ отвращеніе отъ науки, и тогда нѣмцы, возродившись и увѣковѣчившись въ Вильнѣ, подобно тому, какъ поступаютъ теперь (въ концѣ 1805 г.) въ Петербургѣ, не только учителей, но и учениковъ станутъ выписывать себѣ изъ Германіи".

„Желая въ какомъ нибудь краѣ привить и распространить науку, необходимо заохочивать и награждать тѣхъ, которые разрабатываютъ ее въ народѣ съ похвальнымъ успѣхомъ и пользою, необходимо гарантировать имъ право на похвалы и награды. Если бы во время оно въ Англіи и Франціи придерживались системы вызова иностранцовъ такъ, какъ это практикуется въ Россіи, оба названные народа до настоящаго времени не имѣли бы ни собственной науки, ни собственныхъ ученыхъ, какъ не имѣетъ ихъ Россія. Вѣдь въ Россіи со временъ Петра Великаго постоянно господствуютъ и учатъ иностранцы; а скажите, ради Бога, кого (изъ русскихъ) они подготовили? Впрочемъ, зачѣмъ намъ ходить за примѣрами въ края посторонніе; у насъ въ Польшѣ принято было два совершенно противоположныхъ плана. Главную Краковскую школу наполняли исключительно соотечественниками; въ Вилен-

составѣ своемъ, въ порядкѣ преподаванія наукъ и въ образованіи была постраннѣе предъ другими подобными заведеніями", было постановлено:

1) „Волынская гимназія учреждается въ городѣ Кременцѣ".

2) „На содержаніе гимназіи, кромѣ штатной суммы въ 5700 руб., опредѣляются проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ и духовенствомъ Волынской губерніи, капитала въ 194400 руб. и все то, что въ будущемъ можетъ быть пожертвовано въ пользу гимназіи".

ской—каѳедры предоставлены были иностранцамъ. Первая учредила образцовыя въ краѣ школы, надѣлила изъ среды своихъ учениковъ лучшими профессорами; въ Виленскомъ округѣ нельзя указать даже одной порядочной школы. Первая произвела самыя лучшія головы въ наукахъ математическихъ, врачебныхъ, нравственныхъ; Виленская—не дала въ этой области ни одного ученаго." Далѣе Снядецкій дѣлаетъ длинный перечень ученыхъ, вышедшихъ изъ Краковской академіи, съ честію послужившихъ наукѣ даже въ заграничныхъ университетахъ, и указываетъ всю научную бѣдность Виленской академіи, которою почти исключительно руководили иностранцы, разорявшіе ее матеріально и сѣявшіе одно наглое невѣжество. Признавая, такимъ образомъ, непоправимый вредъ для края отъ вызова въ учебныя заведенія иностранцевъ, Снядецкій превозноситъ Чацкаго за то, что Волынскую школу онъ старается замѣстить единственно поляками.

„Но какъ скоро вы, Милостивый Государь, занялись такимъ великимъ дѣломъ, необходимо довести его до конца, иначе оно падетъ само собою. Очень ясно сознаетъ Виленскій университетъ, что желая устроить на Волыни почетную школу, вы этимъ самымъ готовите ему соперника, и можете быть увѣреннымъ, что въ Петербургѣ все будетъ направлено къ уничтоженію этого плана. Но если бы эта затѣя не удалась (и планъ былъ утвержденъ), тогда Виленскій университетъ, подчинивши себѣ Волынскую школу, на правахъ гимназіи, постепенно и систематически станетъ подъ нее подкапываться, мѣста будетъ замѣщать плохими преподавателями и выставлять ее на посмѣяніе. Подумайте только, Милостивый Государь, что этотъ университетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, окажется состоящимъ изъ однихъ ксендзовъ и иностранцевъ; первые по существу рѣшительные враги наукъ, вторые—враги поляковъ. Въ такомъ случаѣ, какая же судьба ожидаетъ Волынскую гимназію?—Потому, если желаете, что бы Ваше (великое) дѣло было обезпечено, ничего не дѣлайте на половину. Виленскому университету вы обьявили тихую и подпольную войну; необходимо сдѣлать ее шумною, открытою и обезпечить себѣ побѣду. Къ фундушу, собранному на Волыни, присоединяте другой, подобный, который будетъ собранъ въ губерніяхъ Кіевской и Подольской и употребите всѣ старанія—создать университетъ; нѣтъ сомнѣнія, что къ собранному фун-

3) „Всѣ пожертвованія на законномъ основаніи должны быть записываемы въ присутственномъ мѣстѣ въ актовыя книги безъ взиманія обыкновенныхъ пошлинъ. Подлинныя записи такихъ пожертвованій должны храниться въ архивѣ гимназіи, а засвидѣтельствованныя копіи отсылаются въ Виленскій университетъ, имѣющій надъ гимназіею главное начальство".

4) „Недоимки по взносамъ на содержаніе гимназіи должны взыскиваться обыкновеннымъ порядкомъ, какъ и казенныя недоимки. Безъ согласія университета, утверждаемаго попечителемъ округа, не позволяется переносить фундушовую сумму на другую недвижимость для обезпеченія, не увѣдомивъ о томъ гимназію за годъ передъ срокомъ".

5) „Состоящій въ Кременцѣ поіезуитскій коллегіумъ, всѣ дома, свободныя мѣста и сады, къ училищу принадлежащіе, какъ собственность эдукаціоннаго фундуша, „вѣчно" освобождаются отъ воинскаго постоя".

душу и Государь Императоръ кое что прибавитъ. Мѣста въ своемъ университетѣ обезпечьте, Милостивый Государь, исключительно только за поляками, и они массами бросятся туда; вамъ не представится нужды гдѣ то ихъ отыскивать, а напротивъ будете имѣть возможность дѣлать между ними выборъ. Даже тѣ охотно перейдутъ на Волынь, которые видятъ подготовляемое для нихъ въ Виленскомъ университетѣ преслѣдованіе со стороны ксендзовъ и нѣмцевъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Государь назначитъ васъ попечителемъ этого университета, который, какъ только получитъ полную организацію, сейчасъ же поспѣшитъ обьявить литературную войну нашему (Виленскому) и я смѣло могу предсказать, что изъ этой войны онъ выйдетъ съ тріумфомъ. Если же это дѣло невозможное, тогда я возвращаюсь къ первому моему проекту, какъ менѣе дорогому: устрояйте, Милостивый Государь, на Волыни медицинскую школу, въ которой будутъ преподаваться всѣ науки физическія и математическія, какъ способствующія медицинѣ; эта школа должна быть отдѣльною, по крайней мѣрѣ, независимою отъ Виленскаго университета. Къ которому изъ этихъ плановъ вы бы ни склонились, я всегда, по первому вашему желанію, готовъ представить мои соображенія относительно организаціи подобнаго учрежденія. Изъ нихъ вы изберете тѣ, которыя покажутся вамъ самыми подходящими." (P. miątniki o J. Sniadeckim Balinski. II 217—223). Такъ неудовлетворительно въ настоящемъ было то учрежденіе, передъ которымъ благоговѣлъ гр. Завадовскій. Въ основаніе его постоянно клались политическія тенденціи. Научнаго духа здѣсь не было и быть его не могло. Первые экзамены въ гимназіи обнаружили полнѣйшую оя несостоятельность; а между тѣмъ Чацкій этому воплощенному невѣжеству хотѣлъ придать еще названіе университета!..

6) „Сходно съ желаніемъ дворянства Волынской губерніи, чтобы сія гимназія соединена была съ нѣкоторыми особыми заведеніями, имѣетъ быть при ней: 1) конвиктъ для приготовленія кандидатовъ, приготовляющихся къ званію приходскихъ учителей; 2) училище для дѣвицъ, приготовляющихся въ домашнія учительницы или надзирательницы дѣтей; 3) школа для обученія зодчеству и механикѣ практической, земледѣлію, садовничеству, хирургіи, фельдшерству, повивальному искусству, и скотному леченію. Но какъ принятыя уже до сего времени приношенія граждант недостаточны для содержанія всѣхъ упомянутыхъ заведеній, то, отлагая учрежденіе конвикта и училища для дѣвицъ, пока собрана будетъ потребная на нихъ сумма, всѣ прочія должны возымѣть свое начало вмѣстѣ съ открытіемъ гимназіи".

7) „Начальство надъ гимназіею, на общемъ основаніи, ввѣряется директору, которому въ помощники назначается префектъ. Эти чиновники вмѣстѣ съ учителями составляютъ сословіе гимназіи".

8) „На общемъ основаніи, Волынская гимназія сносится съ Виленскимъ университетомъ, какъ своимъ ближайшимъ начальствомъ и съ подчиненными ей училищами".

9) „Распоряженіе суммами гимназіи принадлежащимъ директору, который въ извѣстное время доставляетъ Виленскому университету вѣдомость о расходѣ и приходѣ суммы. По окончаніи года, составляется общая вѣдомость, которая публикуется посредствомъ печатныхъ объявленій".

10) „Виленскому университету сообщаются, директоромъ немедленно свѣдѣнія обо всѣхъ новыхъ поступленіяхъ въ пользу гимназіи, а также объ остаткахъ отъ штатныхъ суммъ отъ прошедшаго года, съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія, на какіе предметы могутъ быть употреблены какъ остатки, такъ и новыя пожертвованія, если послѣднимъ сами жертвователи не дали опредѣленнаго назначенія. Всѣ подобныя суммы, съ разрѣшенія университета и попечителя округа, могутъ быть расходуемы только на нужды гимназіи и особыхъ при ней заведеній и на училища Волынской губерніи".

11, 12, 13) „Волынская гимназія въ разсужденіи вмѣстѣ съ нею открывающихся или впредь имѣющихъ учредиться при

ней заведеній состоять будетъ изъ девяти старшихъ и десяти младшихъ учителей. Старшіе учители имѣютъ преподавать: основанія математики (1), высшую математику (1), физику и химію (1), естественную исторію (1), государственное домоводство и законы (1), географію и исторію (1), словесность (1), анатомію и физіологію (1) и хиругію (1). Каждый изъ первыхъ пяти учителей получаетъ жалованье по шестисотъ руб.; послѣдніе четыре каждый по пятисотъ. Младшіе учители имѣютъ обучать: садоводству и земледѣлію (1), скотному лѣченію (1), зодчеству и практической механикѣ (1), россійскому языку (1), французскому (1), нѣмецкому (1), греческому (1), и латинскому съ польскимъ (1); послѣдній учитель получаетъ жалованье пятьсотъ руб., первые семь—по четыреста—каждый; кромѣ того имѣетъ быть учитель рисованія съ платою въ триста рублей и послѣдній—десятый—учитель письма съ вознагражденіемъ въ полтораста рублей въ годъ".

14) „Никто изъ учениковъ не можетъ быть принятъ въ гимназію, если не представитъ лѣкарскаго свидѣтельства о перенесеніи естественной оспы. Если же не было естественной оспы, то родители должны позаботиться о прививкѣ, и лѣкарь или хирургъ гимназіи долженъ въ первую треть года, по принятіи въ гимназію дѣтей, не имѣвшихъ оспы, привить имъ, подъ отвѣтственностію директора за неисполненіе сего".

15) „Дворянамъ и городамъ Волынской губерніи позволяется присылать въ гимназію учениковъ и содержать ихъ на собственный счетъ, съ тѣмъ, чтобы они могли обучаться въ гимназіи и въ соединенныхъ съ нею учебныхъ заведеніяхъ".

16) „Ученики, окончившіе науки въ высшихъ классахъ, а особливо ученики хирургіи, повивальнаго искусства и конскаго лѣченія, также тѣ, кои пожелали бы посвятить себя званію практическихъ землемѣровъ, по испытаніи ихъ въ гимназіи, получаютъ отъ директора свидѣтельство о своихъ знаніяхъ. На основаніи же онаго Виленскій университетъ даетъ имъ отъ себя аттестатъ, съ которымъ они могутъ отправлять свое искусство въ имперіи. Что же касается до учениковъ садоводства и земледѣлія, то для нихъ достаточнымъ будетъ и свидѣтельство, данное директоромъ гимназіи, по испытаніи ихъ успѣховъ".

17) „Директоръ, префектъ, библіотекарь и учители гимназіи, также священникъ и его викарный,—въ исполненіи своихъ обязанностей, руководствуются предписаніями для гимназіи и для открывающихся при ней и впредь имѣющихъ открыться заведеній".

18) „Заводимая при гимназіи изъ вклада гражданъ библіотека имѣетъ состоять подъ смотрѣніемъ библіотекаря, который, сверхъ сей должности, обязанъ преподавать курсъ всеобщей грамматики и библіографіи или книгоописанія. Библіотека имѣетъ быть открыта черезъ весь годъ для желающихъ приходить читать въ назначенные дни и часы" (Библіотекарю назначалось содержаніе въ семьсотъ рублей).

19) „Волынская гимназія будетъ имѣть свою книгопечатню изъ вклада дворянства. Въ ней позволяется печатать и продавать всякія учебныя книги, календари и другія сочиненія, на основаніи устава изданнаго о цензурѣ".

20) „Первый выборъ директора, префекта и учителей Волынской гимназіи ввѣряется тайному совѣтнику Чацкому, который своимъ усердіемъ, любовію къ отечеству и дарованіями пріобрѣлъ довѣренность своихъ согражданъ и явилъ благоуспѣшные опыты стараній своихъ о приведеніи въ дѣйство намѣреній правительства, пекущагося объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія". (Сборн. Матер. III, 149—156).

Настоящій уставъ, сильно лаская самолюбіе Чацкаго, побуждалъ его въ тоже время къ новой и новой дѣятельности въ собираніи фундушей для осуществленія тѣхъ многообразныхъ учрежденій при гимназіи (см. п. 6-й устава), которыя имъ проектировались и разрѣшались къ открытію, если въ будущемъ соберутся для этого достаточныя средства. Но такъ какъ новыхъ жертвователей не находилось, то, для поддержанія своихъ затѣй, Чацкій, какъ увидимъ, сталъ прибѣгать къ средствамъ, которыя не могли нравиться прежнимъ жертвователямъ и не дозволялись закономъ. За то, пользуясь правомъ назначить на должности *первый* составъ чиновниковъ Волынской гимназіи (п. 20-й устава), Чацкій, въ этомъ отношеніи, далъ полный просторъ своей волѣ. Директоромъ ея поставленъ знаменитый въ то время педагогъ Чехъ, профессоръ

математики и ученый секретарь Краковской академіи. Въ то же время былъ вызванъ и другой профессоръ академіи Шейдтъ, который назначался профессоромъ математики. О нихъ, какъ мы видѣли, особенно хлопоталъ Чацкій, при посредствѣ Коллонтая. Оба они были учениками Ивана Снядецкаго и имъ рекомендованы Чацкому. Профессоромъ права естественнаго, международнаго, политической экономіи и права торговаго Чацкій назначилъ нѣкоего Кудлицкаго и послалъ его въ Гамбургъ для усовершенствованія въ правѣ торговомъ. Его замѣстителемъ по предметамъ естественнаго права и политической экономіи явился Михаилъ Хонскій. Физику читалъ Иванъ Лучинскій; геометрію и тригонометрію—Войцѣхъ Ярковскій; алгебру—Николай Чарноцкій; польскую литературу—кс. Осинскій; краснорѣчіе—С. Словацкій; исторію и географію--Карлъ Мировскій; гражданское право—Олдаковскій, знатокъ древне-литовскаго права и въ послѣдствіи профессоръ Виленскаго университета; химію—Ѳаддей Шостаковскій; естественную исторію и ботанику—Бессеръ, будущій профессоръ Кіевскаго университета; русскую литературу—Александровскій. (Ср. Исторія университета св. Владиміра. Владимірскій-Будановъ. I. 38, 39).

При своемъ назначеніи, Александровскій получилъ отъ Чацкаго замѣчательную инструкцію. „Приглашая Александровскаго на отдѣльную каѳедру русской литературы, писалъ Чацкій, я даю доказательство того, какъ ревностно желаю видѣть, чтобы *языкъ Государя и Правительства* былъ основательно изучаемъ въ гимназіи“. Въ инструкціи находимъ распоряженіе, чтобы элементарное изученіе русскаго языка кончалось въ 3-мъ классѣ, а съ 4-го начиналось преподаваніе литературы. Для низшаго преподаванія грамматики языка приглашенъ былъ особый учитель.

Литературу слѣдовало начинать съ древнѣйшихъ временъ, съ указанія различія кирилицы и глаголицы; въ нее входила и русская палеографія. Учениковъ землемѣрія и другихъ желающихъ профессоръ обязанъ научить правиламъ писанія рапортовъ и вообще дѣловыхъ бумагъ. Онъ обязанъ дѣлать выдержки изъ періодическихъ русскихъ изданій и представлять ихъ директору.

Затѣмъ визитаторъ желаетъ, чтобы русская грамматика была приспособлена къ польской грамматикѣ кс. Копчинскаго. Наконецъ дальнѣйшіе свои виды на этотъ счетъ, Чацкій выражаетъ такимъ образомъ: „тотъ оказалъ бы истинную заслугу языку славянскому, кто метафизику и механизмъ славянскихъ діалектовъ привелъ бы къ простымъ правиламъ и выразилъ бы ихъ различіе. Въ мой планъ входитъ грамматика всѣхъ (славянскихъ) языковъ. Важное въ этомъ отношеніи сочиненіе Линде (Słownik języka polskiego—о немъ мы говорили выше) дастъ для того матеріалы... Я имѣю въ виду Александровскаго, какъ могущаго занять впослѣдствіи каѳедру (сравнительнаго) языкознанія". Словомъ, этому профессору, по замѣчанію Владимірскаго—Буданова, указывалась вдали весьма блестящая перспектива всеславянскаго языковѣда, причемъ слилось и стушевалось бы спеціальное преподаваніе русскаго языка, а пока назначалась ему роль весьма антикварная и формальная. Языкъ русскій разсматривался только какъ матеріалъ для будущаго сравнительнаго языкознанія, каѳедра котораго, впрочемъ, никогда открыта не была. (Владимірскій — Будановъ. Исторія Кіевскаго университета. I, 51—52).

Сосредоточивая въ Волынской гимназіи замѣчательныхъ профессоровъ, Чацкій не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы обогатить Волынскую гимназію роскошною библіотекою и разными богатыми коллекціями. Въ виду этого гимназія сразу заняла видное мѣсто и по своему богатству книгъ, манускриптовъ, монетъ, разныхъ коллекцій далеко оставила за собою не только подобныя ей учрежденія, но и высшія учебныя заведенія. По смерти короля Станислава Августа, Чацкій пріобрѣлъ для Волынской гимназіи его книгохранилище изъ 15580 томовъ. Въ немъ особенно цѣнны были сочиненія по словеснымъ наукамъ и искусствамъ. Княжна Ѳеофила Сапѣга принесла въ даръ гимназіи 2980 томовъ, очень рѣдкихъ и важныхъ въ научномъ отношеніи. Далѣе библіотеку гимназіи увеличили своими пожертвованіями гр. Иванъ Потоцкій, Шейдтъ, Микошевскій и другіе, такъ что на первыхъ порахъ уже Волынская гимназія обладала книгохранилищемъ въ 32468 томовъ. Собраніе медалей и монетъ достигало почтенной цыфры — 20000. Физическій кабинетъ обладалъ всѣми лучшими тогда машинами и приборами. Здѣсь

были приборы Адамса, Ремсдена, Оттона де Герике въ усовершенствованіи Бойля, Атвуда, Санкторія, Паскаля, Ноле́, Лавуазье и другихъ. Во временно устроенной обсерваторіи помѣщены были астрономическіе снаряды Ремсдена и Каниве, Шельтона и Лено, Долонда и большой Григоріанскій телескопъ. Въ отдѣленіи механическомъ находились отличныя модели машинъ для валянія сукна, выдѣлки масла, модели вѣтряныхъ мельницъ, насосовъ, голландскихъ молотилокъ. Была машина Гершеля для полировки металлическихъ зеркалъ, ручная мѣде — и желѣзо-ковальная машина Вакера, пожарная машина Вата, вѣтряной двигатель Марля. Очень значительная была коллекція минераловъ, а ботаническій садъ гимназіи заключалъ въ себѣ до 5000 родовъ различныхъ насажденій. Чацкій могъ съ правомъ говорить учащимся въ Волынской гимназіи: „здѣсь все есть для вашихъ научныхъ занятій, и мы сами существуемъ для васъ“. (Osinski. 47).

Для усиленія матеріальныхъ средствъ Волынской гимназіи Высочайше 13 октября 1806 года повелѣно было „отдать ей староство Кременецкое въ помощь заведеній учебныхъ, богоугодныхъ, распространяемыхъ отъ оной на пользу общую“. (Сборн. постановл. по М. Н. Пр. I, 408). Староство Кременецкое состояло прежде въ пожизненномъ владѣніи кн. Ивана Сангушки и заключало въ себѣ 880 душъ, по тогдашнему счету. Такой великій подарокъ, послѣ смерти кн. Сангушки, назначался въ пособіе Волынской гимназіи, которая „въ короткое время оказала видимые успѣхи“. (ibid. 407). Извѣщая объ этомъ Чацкаго, гр. Завадовскій снова „пользуется случаемъ выразить ему уваженіе за его усердіе и заботливость о благѣ учебныхъ учрежденій, которыя обращаютъ на пользу его старанія“. (Osinski. 151).

Между тѣмъ, неудовольствія между Кременцомъ и Вильною продолжались. Быстрый ростъ Волынской школы, общее вниманіе, которое она успѣла приковать къ себѣ, возбуждали зависть въ Виленской академической корпораціи. Съ другой стороны, Чацкій, польщенный Высочайшимъ вниманіемъ и поклоненіемъ ему министра гр. Завадовскаго, начиналъ дѣйствовать на свой страхъ, забывая объ извѣстныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ Виленскому университету. Особенныя на-

падки шли по адресу Коллонтая. „Я прочиталъ письмо изъ Вильны, пишетъ Коллонтай Чацкому (1805 г.), въ которомъ Стройновскій говоритъ, что Чацкій съ своимъ совѣтникомъ (Коллонтаемъ) бредитъ и мутитъ все; потому, продолжаетъ Коллонтай, я долженъ дѣйствовать осторожно, такъ какъ, несмотря на полное удаленіе отъ всякихъ дѣлъ, за исключеніемъ того, что ты, Милостивый Государь, мнѣ поручаешь и то по долгу моего высокаго уваженія къ твоей пріязни, я оказался однако подъ выстрѣлами безчеловѣчной придирчивости того, который, если бы хотя нѣсколько уважалъ правила благодарности и дружбы, не долженъ былъ бы забываться каждый разъ, когда случается ему писать обо мнѣ или говорить. Не умѣю сказать, какъ угодить этимъ людямъ и почему они не хотятъ забыть обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что я до такой степени отказался отъ всякаго самолюбія, что въ моихъ трудахъ преслѣдую только единственную цѣль—угодить пріязни. Я вѣдь обязательно просилъ тебя никому не открывать, что по временамъ ты приказываешь мнѣ работать для тебя и для благихъ твоихъ намѣреній. И когда же, наконецъ, я буду свободенъ отъ клеветы, при самомъ благороднѣйшемъ образѣ моей жизни?“ (Listy Kołłątaja. III, 204).

Но и Чацкій начиналъ становиться какъ будто глухимъ къ вызывающимъ мольбамъ Коллонтая. Опека, которою шире и шире старался Коллонтай окружить Чацкаго, начинала ему надоѣдать. Со времени открытія Волынской гимназіи Коллонтай дѣлается фактическимъ ея хозяиномъ. Отъ имени Чацкаго онъ сносится съ ея начальствомъ, дѣлаетъ распоряженія, составляетъ годовыя учебныя программы ея занятій, пишетъ въ отдѣльности къ учителямъ, какъ каждый изъ нихъ долженъ преподавать свой предметъ, какого держаться учебника, на что особенно слѣдуетъ обратить вниманіе, распоряжается напечатаніемъ программъ, указываетъ необходимость сказать ученикамъ, при открытіи занятій, небольшія соотвѣтственныя рѣчи, для усмиренія Вильны совѣтуетъ напечатать Волынскія программы и въ заграничныхъ газетахъ (Literatur Zeitung въ Іенѣ), чтобы вызвать ихъ рецензіи; „тогда попечитель вашего округа, пишетъ Коллонтай къ заступающему мѣсто директора Волынской гимназіи, будетъ судить о Васъ болѣе справедливо,

потому что онъ очень много довѣряетъ этой газетѣ и нѣмецкимъ мудрецамъ". (Listy Kołłątaja. III. 306, 307, 283—287, 243, 4).

Зато и педагогическій персоналъ гимназіи вступаетъ съ Коллонтаемъ въ самыя близкія, задушевныя отношенія. Распоряженія Чацкаго по гимназіи, предварительно ихъ исполненія, представляются Коллонтаю на его заключеніе; если что, по неотлагательству, было исполнено безъ совѣта Коллонтая, то стараются обѣлить въ глазахъ его, оправдать деликатностію по отношенію къ Чацкому. Коллонтай, какъ властный судія, съ однимъ соглашается, въ другомъ дѣлаетъ измѣненія, исправленія, дасть новыя указанія на будущее время (ibid. 295—296). Въ этой перепискѣ Коллонтая съ педагогами проявляются иногда признаки зарождающагося его недовольства по отношенію къ Чацкому. Въ письмѣ къ заступающему мѣсто директора Волынской гимназіи, Коллонтай пишетъ (18 октября 1805 г.): „послѣ внимательнаго размышленія надъ исторіею диплома (Чацкій очень долго не получалъ Высочайшаго диплома на открытіе Волынской гимазіи. Въ этомъ винили почту, медлительность Петербурга, а Коллонтай приписывалъ это дѣло интригамъ Стройновскаго. Ibid. 234, 287), я вижу, какое сильное вліяніе на попечителя имѣетъ кс. Стройновскій. Не совѣтую потому давать уроки нравственности по моему труду (Porządek fizyczno—moralny... Коллонтая); напротивъ рѣшительно убѣждаю отказаться отъ этого намѣренія и весь конспектъ (уроковъ) составить на основаніи его (Стройновскаго) сочиненія (Nauka prawa przyrodzonego, politycznego i prawa narodow. 4 wyd. Warszawa. 1803 г. XXX). Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ поручиться, чтобы эта невинная, хотя и полезная новость не повредила тебѣ. Поэтому прошу тебя отослать мнѣ мой трудъ, такъ какъ каждое обстоятельство нужно разсматривать съ большою осторожностію. *Визитаторъ* (*Чацкій*) *не читалъ этого дѣла и выказалъ къ нему полное равнодушіе, по всей вѣроятности, въ тѣхъ видахъ, что бы не принимать на себя отвѣтственности за отмѣну этой науки* (разумѣется замѣна учебника Стройновскаго учебникомъ Коллонтая); напротивъ, онъ далъ понять, на сколько онъ заботливъ въ отношеніи труда кс. Стройновскаго. Величайшее благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы не плыть противъ теченія, хотя бы кто считался най-

лучшимъ пловцемъ... (Listy. III, 307. Впрочемъ въ письмѣ къ Коллонтаю отъ 8 іюня Чацкій замѣчаетъ, что съ удовольствіемъ читалъ его трудъ—Porządek fizyczno—moralny—и только! ibid. IV. 147).

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя рѣчи Коллонтая не оставались тайною для самолюбиваго до болѣзненности Чацкаго. А тутъ то въ одномъ, то въ другомъ учебномъ заведеніи стали обнаруживаться безпорядки, вызываемые неумѣлыми педагогами, ихъ безтактностію. Враждующія стороны обращались съ оправданіями своихъ дѣйствій и къ Чацкому, и къ Коллонтаю. Вращавшіеся до сихъ поръ въ области теоріи, въ области пера и книгъ, теперь, при встрѣчѣ съ дѣйствительностію, и Чацкій и Коллонтай оказались принципіально не согласными между собою. Чацкій хотѣлъ все покрывать, дѣйствовать либерально, предоставивъ ученикамъ полную свободу, даже собственный судъ; Коллонтай требовалъ строгаго разслѣдованія проступковъ, наказанія даже розгами и не одобрялъ ученическаго самосуда. Ученики, зная настроеніе Чацкаго, стали просто насмѣхаться надъ нѣкоторыми болѣе требовательными учителями, и послѣдніе обратились за содѣйствіемъ къ Коллонтаю, такъ какъ они были имъ рекомендованы и руководимы. Чацкій находилъ виновными учителей, угрожалъ имъ изгнаніемъ и косвенно дѣлалъ упреки Коллонтаю за то, что онъ ихъ рекомендовалъ. Во взаимной по этому случаю ихъ перепискѣ, уже не слышно задушевнаго дружескаго тона, направленнаго къ одной общей пользѣ; напротивъ, встрѣчаемъ обыкновенныя, колкости, остроты, желаніе показать себя, поймать противника на словѣ; что одному казалось „мухой", „искрой", то у другого разросталось въ „верблюда", являлось цѣлымъ „вулканомъ" (Listy. IV, 70—84, 87—114).

Въ письмѣ къ Чацкому отъ 13 мая 1806 г. Коллонтай обращается уже отъ имени педагогическаго персонала съ цѣлою коллективною противъ него жалобою. „Всѣ вообще учащіе желаютъ того, писалъ между прочимъ Коллонтай, чтобы ты, Милостивый Государь, сообразно Императорскому диплому, выдалъ имъ свидѣтельства объ ихъ назначеніи, въ которыхъ должны быть прописаны всѣ тѣ условія, на какихъ каждый въ особенности былъ приглашенъ (на соотвѣтствующую долж-

ность)“. Причину такого справедливаго требованія Коллонтай указывалъ въ примѣрѣ Чеха и Шейдта, которымъ, кромѣ присвоеннаго должности содержанія, особеннымъ Высочайшимъ указомъ были обезпечены еще и пенсіи за извѣстное число лѣтъ службы. При этомъ случилось еще и такое обстоятельство, что лѣта службы нѣкоторыхъ изъ учителей юго-западныхъ губерній, при оставленіи службы по распоряженію Виленскаго университета, не могли быть засчитаны на пенсію на законномъ основаніи. Такой примѣръ сильно смутилъ всѣхъ, и вотъ они теперь, по заявленію Коллонтая, просятъ Чацкаго, чтобы онъ обезпечилъ имъ пенсіи въ свидѣтельствахъ о назначеніи, такъ какъ волею Императора онъ уполномоченъ приглашать и назначать первый контингентъ учителей гимназіи.

Отъ имени семейныхъ учителей Коллонтай жаловался Чацкому на матеріальное ихъ положеніе, которое было хуже, чѣмъ другихъ—холостыхъ только потому, что они женаты и семейны. Учителя холостые имѣли готовыя квартиры въ помѣщеніи гимназіи. Семейнымъ жить тамъ не дозволялось. Коллонтай потому справедливо требовалъ назначенія имъ особаго квартирнаго довольствія.

Были и частныя заявленія Коллонтаю со стороны нѣкоторыхъ учителей. Одни прямо жаловались на свое бѣдственное матеріальное положеніе, при небогатомъ содержаніи, многосемейности и дороговизнѣ жизни. Другіе указывали на какую то безцвѣтность, неопредѣленность своей службы. Иные заявляли, что имъ предлагаютъ частныя занятія, лучше оплачиваемыя и съ гораздо лучшимъ будущимъ. Коллонтай за однихъ хлопоталъ передъ Чацкимъ объ увеличеніи содержанія, другимъ указывалъ на ихъ высокій подвигъ служенія общему благу, благу будущихъ поколѣній и человѣчества, иныхъ уговаривалъ предпочитать службу правительственную службѣ частной. (Listy. IV. 125—134). Но число просьбъ о различныхъ ходатайствахъ увеличивались и Коллонтай въ одномъ изъ писемъ къ Чацкому прямо заявляетъ, что ему даже прискорбно постоянно утруждать его массою различныхъ ходатайствъ (ibid 141).

Съ тяжелою грустію отозвался Чацкій на подобныя вмѣшательства Коллонтая. „Столько сдѣлавши для (Кременецкаго)

института и его учителей, пишетъ между прочимъ Чацкій къ Коллонтаю (отъ 14 мая 1806 г.), я льстилъ себя надеждой, что каждый обязанъ быть увѣреннымъ, что я предварю его желанія. Но если имъ нравится тревожиться за себя, когда я еще существую, когда при томъ я не имѣлъ еще возможности поблагодарить ихъ за плоды ихъ трудовъ, такъ какъ эти послѣдніе обнаружатся только въ концѣ года, и между тѣмъ они помнятъ болѣе о себѣ, нежели объ общественномъ дѣлѣ, то, признаюсь искренно, мои намѣренія не услаждены тѣмъ безграничнымъ довѣріемъ, которое; думается, я вполнѣ заслуживаю". И далѣе Чацкій по пунктамъ отвѣчаетъ на представленія Коллонтая, выказывая свои заботы объ учителяхъ и обѣщая удовлетворить всѣхъ и каждаго. „Кто работаетъ столько, какъ я, говоритъ въ заключеніе Чацкій, тотъ обязанъ имѣть у себя въ подчиненіи людей, одушевленныхъ одинаковымъ со мною духомъ; я обязанъ помнить о нихъ; они—только о своихъ обязанностяхъ. Съ прискорбіемъ повторяю, что въ части учителей не вижу истинно благородныхъ намѣреній. Они умѣютъ считать деньги, но не хотятъ понять величія своихъ обязанностей; еще не окончился годъ занятій, а они осмѣливаются уже заявлять неувѣренность въ своемъ положеніи и строить планы о его матеріальномъ улучшеніи за счетъ фундушовъ, которые я выпросилъ и которые увеличиваю собственными вкладами. Пускай это письмо останется между нами; но ты, Милостивый Государь, поймешь мою справедливую обидчивость и по всей вѣроятности отъ себя скажешь, какъ и что кому слѣдуетъ. Необходимо продолжительно наблюдать за усердіемъ учителей, чтобы я могъ забыть, что въ своихъ расчетахъ они руководствуются своекорыстіемъ, а не общественнымъ благомъ". (ibid. 138, 139).

Здѣсь, въ частномъ письмѣ мы уже встрѣчаемъ чисто оффиціальное: „честь имѣю увѣдомить, честь имѣю донести" и т. под. (Listy Kołłątaja. IV. 136—138).

Недоразумѣнія въ отношеніяхъ между Коллонтаемъ и Чацкимъ все болѣе и болѣе разростались. Когда Коллонтай, по приглашенію Чацкаго прибылъ 15 мая 1806 года въ Кременецъ, при чемъ принесъ въ даръ гимназіи коллекцію лабродоровъ, цѣною около 1000 руб., Чацкій принялъ подарокъ безъ

особаго вниманія, передалъ его по принадлежности, не изъявивъ даже Коллонтаю никакой за это благодарности. Какъ хозяинъ, Чацкій изъ одного приличія уже долженъ былъ высказать любезность, но онъ какъ будто забывалъ даже о нахожденіи у него прежняго его дорогого друга, заявляя какъ бы въ упрекъ Коллонтаю о неотложныхъ своихъ хлопотахъ по дѣламъ учителей. (ibid. 140).

Приближались годичныя испытанія учениковъ гимназіи, провѣрка ихъ успѣховъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ провѣрка способностей и педагогическаго умѣнья учителей вести учебное дѣло. Но Чацкій, при назначеніи учителей, обращалъ болѣе вниманія на ихъ политическій патріотизмъ, нежели на педагогическія способности. И вотъ, когда потребовалось серьезно вести дѣло, они оказались несостоятельными: занимались болѣе интригами и политикою. Между тѣмъ, и при полной преданности своему прямому дѣлу, трудно было съ успѣхомъ справиться съ тою пестрою смѣсью предметовъ, которая допущена была въ гимназіи. Такъ какъ по мысли Чацкаго то была собственно не гимназія, а университетъ въ миніатюрѣ, то обученіе въ ней распадалось на два курса: низшій, состоявшій изъ 4-хъ классовъ (по 1 году) и высшій съ тремя классами (по 2 года). Вопреки общепринятой системѣ, говоритъ Владимірскій-Будановъ, здѣсь посвящается низшему и среднему образованію меньше времени (4 года), чѣмъ высшему (6 лѣтъ). Точно также вопреки общепринятому порядку, низшее и среднее образованіе носило характеръ спеціальный, а высшее, напротивъ, энциклопедическій. Въ низшихъ классахъ преподавались только языки (латинскій, польскій, русскій, нѣмецкій, французскій); нѣкоторыя, весьма немногія науки были присоединены къ языкамъ, какъ добавочные предметы, а именно: ариѳметику долженъ былъ преподавать учитель русскаго языка; ученіе о нравственности — учитель французскаго языка, географію учитель нѣмецкаго языка. Трудно уловить здѣсь систему и основную мысль, продолжаетъ тотъ же авторъ. Зато, высшіе курсы переполнены были многими и разнообразными предметами. Между ними главными были: теоретическая и начертательная геометрія, алгебра, логика, всеобщая исторія, исторія русской словесности, русская исторія (для послѣднихъ двухъ предметовъ былъ только одинъ учитель), теорія польской и латинской словесности, те-

орія и исторія французской словестности (это 1-й курсъ): физика, химія, высшая математика, естественное право, народное право, политическая экономія и статистика (это 2-й курсъ); римское право, мѣстные законы, исторія литературы римской и греческой, естественная исторія (3-й курсъ). Кромѣ исчисленныхъ, на 1-мъ курсѣ были еще дополнительные предметы: прикладная математика съ астрономіею, сферическая тригонометрія, гражданская и военная архитектура, нумизматика и древности. По уставу гимназіи полагались еще: анатомія, физіологія, хирургія, земледѣліе, садоводство, зодчество, практическая механика и скотолеченіе. Для желающихъ преподавались: греческій языкъ, древняя географія, черченіе, музыка, пѣніе, танцы, фехтованіе, верховая ѣзда и плаваніе. (Исторія университета св. Владиміра. I. 39, 40).

Произведенныя въ концѣ учебнаго года испытанія показали все умственное убожество учителей и учениковъ.

Прибывшій около половины іюля 1806 года на испытанія въ Кременцѣ Коллонтай, встрѣтившись *съ полною холодностію къ себѣ Чацкаго*, (отъ него что скрывали даже порядокъ распредѣленія экзаменовъ и время торжественнаго акта), рѣшилъ быть нѣмымъ свидѣтелемъ всего, что́ происходило. Считая себя творцомъ гимназическаго устава, онъ зорко, однако, старался вникать во все видѣнное, уясняя его причины. Экзамены шли въ высшей степени неудовлетворительно. Присутствующіе предлагали вопросы не впопадъ, не ясно, въ безпорядкѣ; ученики въ отвѣтахъ путались, мѣшались или говорили нелѣпости. Физика и химія были пройдены довольно сносно; за то математика, исторія, право, особенно двѣ послѣднія науки, представились Коллонтаю въ отвѣтахъ учениковъ верхомъ безпорядочности и отсутствія логическаго смысла. Съ замираніемъ сердца, молчаливо смотрѣлъ на все это Чацкій и, догадываясь о тяжеломъ настроеніи Коллонтая, съ прискорбною снисходительностію заявилъ ему, по окончаніи испытаній, что для него особенно горько то, что элементарная математика прошла хуже всѣхъ предметовъ, что не только ученики, но и учитель на предложенные вопросы не могли дать надлежащаго объясненія. Коллонтай съ удивленіемъ возражалъ Чацкому, что другіе предметы прошли гораздо хуже и что подобное заявленіе Чацкаго

для него очень странно. Чацкій до того горячился въ разговорахъ, что обрывалъ Коллонтая, неоднократно прекращая даже бесѣду, обѣщая на другой день поговорить съ нимъ отдѣльно по этому предмету. Три дня ожидалъ Коллонтай Чацкаго съ обѣщанною бесѣдою и за все это время у послѣдняго не нашлось для Коллонтая свободнаго часа для желанныхъ переговоровъ: Чацкій представлялъ изъ себя слишкомъ занятого дѣльца и отъѣзжающаго Коллонтая просилъ завернуть къ нему еще на обратномъ пути, чтобы имѣть возможность переговорить о важныхъ дѣлахъ. Исполнилъ Коллонтай и это желаніе Чацкаго и при новомъ свиданіи, хотя секретная бесѣда состоялась *), но для этого Коллонтай долженъ былъ новые три дня просидѣть въ Кременцѣ, а Чацкій продолжалъ представлять изъ себя до того занятого труженика, что по цѣлымъ днямъ ничего не говорилъ съ Коллонтаемъ, котораго самъ же пригласилъ *для дружеской* бесѣды. (Все сказанное обсновывается на современномъ свидѣтельствѣ о бытности Коллонтая въ Кременцѣ—въ Listach Kołłątaja. IV. 155—159).

Въ концѣ октября 1806 года Коллонтай получилъ для разсмотрѣнія и статутъ, составленный Чацкимъ и обѣщанный Коллонтаю въ послѣднее свиданіе съ Чацкимъ. Но что это былъ за статутъ и какая цѣль его написанія? „Я удивился, прочитавъ его внимательно, пишетъ Коллонтай Чацкому, что въ присланномъ я нашелъ что то совершенно иное, нежели что было обѣщано мнѣ въ Кременцѣ. Я расчитывалъ увидѣть въ немъ статутъ для имѣющаго открыться (по словамъ Чацкаго) университета, а получилъ статутъ для Волынской гимназіи, такой, какая учреждена въ 1805 году, и во всемъ дѣлѣ ничего, что могло бы быть примѣнимо къ университету, за

---

*) Чацкій настаивалъ на удаленіи учителя математики; Коллонтай предлагалъ все дѣло о неудовлетворительномъ преподаваніи математики передать на усмотрѣніе Снядецкаго, иначе со стороны Чацкаго можетъ быть допущена несправедливость. Коллонтай просилъ назначить кс. Осинскаго учителемъ польскаго языка; Чацкій противопоставлялъ ему своего кандидата каноника Воронича; Чацкій говорилъ о предстоящей скорой возможности открытія въ Кременцѣ университета и *обѣщалъ* прислать ему для исправленія и разсмотрѣнія составленный имъ съ этою цѣлію статутъ; а прежде подобные уставы писались или самимъ Коллонтаемъ, или, по меньшей мѣрѣ, по его указанію...

исключеніемъ одной части, гдѣ говорится о факультетскихъ профессорахъ, ихъ обязаностяхъ и гдѣ всю гимназію ты дѣлишь на три факультета: моральный, физико-математическій и словесный.“ Продолжая дальнѣйшій разборъ статута Чацкаго, Коллонтай указываетъ постоянно встрѣчающіяся въ немъ противорѣчія. Дѣленія не отвѣчаютъ помѣщаемымъ въ нихъ предметамъ, а преслѣдуютъ какія то особыя цѣли, которыя нѣсколько уясняются, по мнѣнію Коллантая, если на мѣстѣ Волынской гимназіи предположить университетъ. Если же смотрѣть на гимназію, какъ на часть (учебнаго организма), подчиненную Виленскому университету, которая при томъ управляетъ другими заведеніями губерніи, то опять въ статутѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, уясняющихъ эту двоякую связь. „Прости мнѣ, продолжаетъ Коллонтай, за искреннѣйшую привязанность къ твоей славѣ, на которую имѣешь такія огромныя права. Исключительно эта привязанность даетъ мнѣ смѣлость высказать тебѣ, что во всѣхъ дѣленіяхъ статута я не нахожу ни малѣйшей системы. Если желательно все привести въ порядокъ, необходимо нѣсколько дней поработать вмѣстѣ съ тобою, чтобы окончательно уяснить себѣ твои намѣренія (при составленіи статута), которыя уловить въ представленномъ трудѣ рѣшительно нѣтъ никакой возможности.“ (Listy Kołłątaja. IV, 241—245).

Видимъ, такимъ образомъ, что Чацкій еле успѣлъ открыть Волынскую гимназію, какъ уже начинаетъ задумываться надъ ея преобразованіемъ и съ этою цѣлію составляетъ какой то неопредѣленный статутъ. На словахъ, въ разговорѣ, Чацкій хочетъ университета, на бумагѣ—онъ боится проронить эту мысль, хотя эта мысль постоянно его преслѣдуетъ. Онъ начинаетъ говорить намеками, загадками, языкомъ Езопа. Не нравилась Коллонтаю эта постоянная реформаторская дѣятельность Чацкаго; онъ начиналъ въ ней разочаровываться. Онъ видѣлъ полную безуспѣшность занятій въ Волынской гимназіи. Вмѣсто исправленія органическихъ ея недостатковъ, Чацкій только сердился и уносился въ новое море новыхъ реформъ. Коллонтай настаивалъ на открытіи народныхъ училищъ въ губерніи, признавая въ нихъ существенныхъ проводниковъ дѣйствительнаго просвѣщенія юношества; въ этомъ онъ видѣлъ также основаніе для усиленія и подъема кредита самой гимна-

зіи и поддерживаемую разницу въ образованіи массъ считалъ большимъ вредомъ для успѣшнаго развитія просвѣщенія вообще. (Ibid. 119). Чацкій исключительно былъ занятъ Волынской гимназіей и расходовалъ на нее всѣ средства—частныя и правительственныя,—которыя назначались на развитіе учебныхъ заведеній всей губерніи. Уже повсюду начинали слышаться упреки Чацкому, что одинъ Кременецъ пожираетъ всѣ средства, съ обидою и большимъ ущербомъ для другихъ учебныхъ заведеній (Osinski. 47). И если бы это было съ пользою для Волынской гимназіи! А то послѣднія испытанія доказали Коллонтаю, что обученіе поставлено очень плохо, что, при массѣ различныхъ учебныхъ пособій и коллекцій, не только ученики, но и учителя не могли уяснить предложеннаго вопроса. Очевидно обращали вниманіе только на обстановку, били на внѣшность. Ими хотѣли подкупить неопытныхъ посѣтителей гимназіи. На этомъ одномъ основаніи Чацкій думалъ заставить всѣхъ видѣть въ Волынской гимназіи нѣчто выше средняго учебнаго заведенія. своего рода маленькій университетъ. Въ такихъ видахъ и явился названный статутъ Чацкаго, оказавшійся для Коллонтая чѣмъ-то безпорядочнымъ и совершенно не понятнымъ.

Въ обширномъ отвѣтномъ письмѣ Коллонтаю (отъ 16 ноября 1806 года), Чацкій старается нѣсколько уяснить ему свой трудъ и какъ бы оправдать себя. Представляя въ своемъ статутѣ обширность затѣй въ юго-западномъ краѣ по учебной части, онъ, изволите видѣть, хотѣлъ смутить этимъ Виленскій университетъ, заставить его признать свое безсиліе для управленія такими многообразными, по проектамъ Чацкаго, и многочисленными учрежденіями и хотя-нехотя передать управленіе ими мѣстнымъ творцамъ всего дѣла, т. е. Чацкому и Кременецкой гимназіи, которая, такимъ образомъ, явилась бы фактически университетомъ. „Убѣдится Виленскій университетъ, пишетъ Чацкій, что, при массѣ даваемыхъ (въ университетѣ) уроковъ, при наблюденіи за различными учрежденіями своего округа, онъ одинъ, при величайшемъ даже стараніи рѣшительно не въ силахъ удовлетворить потребности просвѣщенія восьми милліоновъ населенія, живущаго въ этихъ восьми губерніяхъ. Этотъ составъ благоразумныхъ людей убѣдится,

что институціи съ такими широкими задачами, какъ мы учреждаемъ теперь (на Волыни) и намѣрены въ будущемъ учреждать въ нашихъ губерніяхъ (намѣреніе такъ и осталось только намѣреніемъ), именно: школа для подготовки учителей приходскихъ и уѣздныхъ, школа гувернантокъ, школы земледѣльческія и для огородниковъ, школы механиковъ, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ, ветеринаровъ, корпусъ кадетовъ, школа глухонѣмыхъ, потребуютъ дѣятельнаго досмотра и большого вліянія. Распоряженія, которыя будутъ дѣлаться за сто миль, не легко могутъ удовлетворять обстоятельствамъ. Школа, поставленная на такую степень развитія (т. е. Кременецкая гимназія, у которой въ подчиненіи будутъ всѣ другія школы), всегда будетъ стремиться выйти изъ послушанія (Виленскому университету). Потому гораздо лучше заблаговременно направить ее такъ, чтобы она съ пользою могла исполнять предстоящую ей функцію и не видѣла бы въ ней непріятности, а тѣмъ болѣе—лишней тяжести. Кіевъ и Полоцкъ всегда угрожаютъ Вильнѣ. Въ пользу Кіева говоритъ именной указъ, которымъ обѣщано, что съ теченіемъ времени духовная академія будетъ преобразована въ университетъ. Существованіе университета (въ Кіевѣ) непремѣнно повлечетъ за собою захватъ фундушей въ этихъ губерніяхъ, станетъ угрожать паденіемъ народному языку и умалитъ просвѣщеніе, такъ какъ русскіе не имѣютъ порядочныхъ учителей (а мы только что видѣли цвѣтъ польской учености въ Кременцѣ). Единственнымъ противодѣйствіемъ такому злу можетъ послужить учрежденіе въ Кременцѣ университета. Но эти азбучныя истины по своей простотѣ не могутъ быть, къ сожалѣнію, поняты. Намъ необходимо еще значительно большее довѣріе Правительства и народа, мы нуждаемся въ большихъ фундушахъ и многихъ зданіяхъ. Съ теченіемъ времени, быть можетъ, намъ посчастливится выхлопотать для насъ академію (тоже, что университетъ); тогда хватитъ у насъ силъ написать и подходящій статутъ. Упорядоченіе существующаго не потребуетъ такой борьбы, какая нужна на введеніе новаго учрежденія. Кромѣ того я имѣю извѣстныя обязанности по отношенію къ князю (Адаму Чарторыйскому) и долженъ быть деликатенъ въ отношеніи университета (Виленскаго); все это непозволяетъ мнѣ принимать несвоевременныя мѣры“... Уясняя дальше Коллон-

таю связь въ статутѣ различныхъ отдѣловъ. Чацкій не можетъ забыть сдѣланныхъ ему Коллонтаемъ упрековъ и замѣчаетъ: „я далекъ отъ убѣжденія, что мой проектъ статута имѣетъ на себѣ отпечатокъ зрѣлости; потому я и перенесъ его на судъ теоріи и опытности. Именемъ народнаго блага и потребностей всеобщаго просвѣщенія приношу усиленныя мольбы сдѣлать о немъ общія и частныя замѣчанія. Я совершенно подготовленъ внимать правдѣ, а тѣмъ болѣе такъ деликатно указанной, какъ это дѣлаешь и умѣешь дѣлать ты. Въ душѣ я ношу неизмѣнныя убѣжденія, но всегда готовъ представить ихъ на новый судъ. Я отказался отъ самолюбія, а если бы оно и было у меня, изъ за него никогда не стану отстаивать заблужденія“... (Listy. IV, 246—252).

Все это для Коллонтая было слишкомъ не убѣдительно. Не позаботившись о сколько нибудь сносномъ устройствѣ Волынской гимназіи (мы видѣли общее взаимное недовольство учителей, безпорядочность учениковъ, полную неуспѣшность въ занятіяхъ...), совершенно не думая объ открытіи приходскихъ училищъ и другихъ по только что утвержденному уставу учрежденій, уставу, на составленіе котораго, по приглашенію Чацкаго, потрачено было Коллонтаемъ столько силъ и времени, Чацкій уже носился въ душѣ съ новыми затѣями, въ высшей степени неопредѣленными. Для Коллонтая, повторяемъ, все это было слишкомъ странно, даже обидно. Приниматься за новую работу у него не хватало нравственныхъ силъ и отваги. Чацкій выводилъ его изъ подобнаго затруднительнаго положенія, указывая, что онъ имѣетъ для своихъ работъ новаго союзника въ лицѣ Снядецкаго. Ухватившись за эту мысль, Коллонтай могъ только поздравить Чацкаго съ такимъ величайшимъ пріобрѣтеніемъ, совѣтуетъ ему окончательно положиться на умъ и опытность Снядецкаго и заявляетъ, что, при такомъ сотрудникѣ Чацкаго, ему (Коллонтаю) нечего больше дѣлать. Этимъ Коллонтай хотѣлъ сказать только, что его работа кончена и, очевидно, Чацкій весь пылъ своей дружбы, все свое вниманіе перенесетъ на Снядецкаго. (Listy. IV, 245—251).

Звѣзда Коллонтая окончательно закатилась. Душою онъ до конца жизни былъ съ Чацкимъ, вполнѣ ему сочувствовалъ, хотя Чацкій забылъ о Коллонтаѣ и прекратилъ съ нимъ вся-

кую переписку. Въ 1810 году Коллонтай писалъ, между прочимъ, Снядецкому изъ Кракова, что въ свое время онъ дѣлалъ Стройновскому и Чацкому всѣ тѣ указанія, о которыхъ упоминаетъ Снядецкій въ своемъ письмѣ къ нему и которыя онъ употребляетъ для подъема Виленскаго университета и охраны эдукаціоннаго фундуша. „И хотя въ моихъ совѣтахъ и предостереженіяхъ я сохранялъ, какъ подобало, надлежащія границы, чтобы не оскорбить самолюбія этихъ очень ретивыхъ, но недостаточно опытныхъ людей, при всемъ томъ Стройновскій сейчасъ-же (какъ мы видѣли) прекратилъ со мною всякую корреспонденцію, давая даже понять мнѣ его неудовольствіе за то, что я осмѣлился предлагать ему совѣты; Чацкій, вначалѣ усиленно нуждаясь въ моей помощи, скоро сталъ обходиться безъ нея, скрывая даже свои намѣренія до такой степени, что обо всемъ, что дѣлалъ онъ съ 1805 года (можно сказать съ 1806 г.), я узнавалъ развѣ стороною, случайно. А такъ какъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ я исключительно преслѣдовалъ только благо моихъ соотечественниковъ и дѣйствительную славу этихъ двоихъ когда то моихъ друзей, то замѣтивши, что и одинъ, и другой (Чацкій и Стройновскій) не хотятъ пользоваться моими совѣтами, я удалился отъ всего (съ конца 1806 г. Коллонтай удалился въ Варшаву, потомъ въ Краковъ и наконецъ въ Дрезденъ...), съ болью въ сердцѣ глядя на тѣ несчастныя послѣдствія, которыя я предвидѣлъ и которыя оказались неизбѣжными... Узнавши теперь изъ твоего письма, въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ находится Чацкій,... освѣдомившись отъ его друзей, что онъ, занятый до самозабвенія Кременцомъ, пренебрегъ даже расширеніемъ общественнаго просвѣщенія въ другихъ школахъ (юго-западнаго) края, безконечно сожалѣю о такомъ его положеніи и всѣми доводами нашей стародавней дружбы заклинаю тебя, Милостивый Государь, не оскорбляться его болѣзненною чувствительностію (къ собственной славѣ), всемѣрно помогать ему выйти изъ того лабиринта, въ который онъ занесся, благодаря исключительно своей смѣлости, исправлять и упрощать его проекты; но при этомъ всегда помни о Кременцѣ, помогай ему и не допусти упасть тѣмъ установленіямъ, которыя заведены тамъ Чацкимъ. Если и явились между вами какія нибудь недоразумѣнія (о нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ), во вся-

комъ случаѣ ты долженъ сознаться, что этотъ человѣкъ (Чацкій) необыкновенный по своимъ предпріятіямъ и рѣдкій по своему трудолюбію. Весьма важно для губерній столь обширнаго края (юго-западнаго), чтобы въ немъ была высшая школа (т. е. университетъ) и непремѣнно въ Кременцѣ. Я не стану доказывать это; можешь вполнѣ положиться на меня, довѣрить моему знанію того края и даже догадаться о тѣхъ великихъ основаніяхъ, почему именно за Кременецъ я ходатайствую предъ тобою". (Balinski. Pamiętniki o Janie Sniadeckim. I, 669—672).

Снядецкій становился для Чацкаго новою путеводною звѣздою.

X.

Приглашеніе Снядецкаго въ Вильну—сначала на должность астронома-наблюдателя, а потомъ и ректора университета. Продолжительная по этому поводу переписка различныхъ лицъ со Снядецкимъ. Причины, заставлявшія Снядецкаго отказываться отъ перехода на службу въ Вильну. Поѣздка Снядецкаго въ Вильну, въ Порицкъ. Снядецкій соглашается перейти на службу въ Вильну, о чемъ увѣдомляетъ кн. Чарторыйскаго и нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей.

Съ половины 1805 года Чацкій сталъ составлять различные планы, какъ бы поскорѣе перетянуть Снядецкаго на службу въ Россію. (Listy Kołłątaja. III, 129). 25 августа 1805 года Чацкій увѣдомляетъ Коллонтая, что „Снядецкій, кажется, начинаетъ склоняться къ мысли о переходѣ въ западно-русскій край. Я писалъ ему, прибавляетъ Чацкій, и просилъ опредѣлить его условія для этого перехода“ (ibid. 198). „Уже Снядецкій прислалъ мнѣ требуемыя условія, вновь извѣщалъ Чацкій Коллонтая; между ними есть одно, очень лестное для насъ обоихъ. Именно, онъ желаетъ, чтобы, оставивши въ Вильнѣ способныхъ и подготовленныхъ учениковъ, самъ могъ поселиться на Волыни и жить въ Кременцѣ“. (ibid. 289). „Снядецкому я послалъ эстафету, опять увѣдомлялъ Чацкій Коллонтая отъ 14 мая 1806 года, чтобы онъ пріѣзжалъ и отправлялся въ Петербургъ, хотя на три недѣли“. (ibid. IV, 139). „Каждую минуту ожидаю Снядецкаго,“ черезъ двѣ недѣли писалъ Чацкій Коллонтаю, (idid. 144), а 12 іюня того-же года онъ увѣдомлялъ его, что получилъ свѣдѣніе, будто Снядецкій въ Вильнѣ, что посланная эстафета не застала его въ Краковѣ и что по желанію князя (Адама Чарторыйскаго) и своему собственному убѣжденію снова писалъ ему, прося его, умоляя и заклиная, ѣхать на нѣсколько недѣль въ столицу (для ускоренія его назначенія. (Listy. IV, 153).

Вотъ это письмо Чацкаго къ Снядецкому отъ 10 іюня 1806 года изъ Порицка: „По всей вѣроятности ты уже въ Вильнѣ. Наши (т. е. Чацкаго, Чеха и Шейдта—о Коллонтаѣ не упоминается) просьбы тебя не застали въ Краковѣ, а то, быть можетъ, онѣ направили бы твой путь на Кременецъ; вѣдь здѣсь твои ученики и почитатели ожидали тебя, чтобы засвидѣтельствовать тебѣ свое глубокое уваженіе. Нѣкоторыя собранныя мною извѣстія послужили бы матеріаломъ, заслуживающимъ твоего вниманія, при знаніи текущихъ обстоятельствъ и людей. Но не о насъ дожна быть теперь рѣчь; дѣло касается просвѣщенія и счастія нашихъ дѣтей и внуковъ. Твое присутствіе въ Петербургѣ дастъ намъ увѣренность въ возможности исполненія нашихъ намѣреній, послужитъ ихъ гарантіею и предоставитъ возможность ихъ расширенія. Отказъ твой посвятить себя этой работѣ послужитъ для насъ удручающимъ предзнаменованіемъ. Князь съ прекраснымъ сердцемъ, съ громадною энергіею, не обладаетъ однако опытностію въ учебной области, не знаетъ ученаго организма, во главѣ котораго онъ поставленъ. Ты между тѣмъ пользуешься общимъ довѣріемъ князя, нашимъ и разрозненныхъ университетскихъ партій. Каждый признаетъ предъ собою твое преимущество; твой приговоръ каждый приметъ съ покорностію: таково о тебѣ общее утвердившееся мнѣніе. Милостивый Государь! Много сдѣлалъ ты для науки! Теперь сдѣлай кое что и для того края, которому ты также обязанъ, потому что это—одна польско-славянская земля, потому что здѣсь каждый произноситъ твое имя съ глубокимъ уваженіемъ. Любознательность завела тебя въ западную Европу; ужели сѣверъ не заслужилъ того же, хотя и въ другомъ отношеніи? Твое благородное сердце найдетъ достаточно основаній снизойти къ просьбѣ моей, Чеха и Шейдта. Моментъ, когда узнаю, что ты поѣхалъ въ Петербургъ, составитъ для насъ пріятнѣйшую мунуту; это дастъ намъ надежду на счастье въ нашемъ округѣ, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что князь (попечитель Чарторыйскій) успѣетъ выхлопотать у Монарха все то, о чемъ съ твоей стороны послѣдуютъ заявленія для пользы наукъ и нашего края. (Balinski. Pamiętniki o Janie Sniadeckim. II, 241—242.).

Нужно имѣть въ виду, что Снядецкому, по его признанію, уже очень надоѣли различныя интриги въ Краковскомъ

университетѣ; изъ за нихъ онъ вышелъ изъ университета и отправился было въ чужіе края для отдыха. (Studya historyczne. Balinski. 13—18). Виленскій университетъ не меньше Краковскаго представлялся ему собраніемъ интриги. Между тѣмъ, со времени возвращенія Снядецкаго изъ за границы въ Краковъ, его просто бомбардировали предложеніями ректуры въ Вильнѣ. „Князь-генералъ земли Подольской (Чарторыйскій—отецъ князя попечителя) работалъ съ этой стороны надо мною въ Ланцутѣ, писалъ изъ Кракова Снядецкій своему пріятелю Дмоховскому (27 ноября 1805 г.). А теперь, во время бытности въ Пулавахъ (имѣніи Чарторыйскаго) Императора (Александра I), я получилъ оттуда отъ отца и сына (Чарторыйскихъ) очень любезное письмо относительно моего послѣдняго рѣшенія (о перемѣщеніи въ Вильну). Молодой князь самымъ милымъ образомъ предлагаетъ мнѣ должность ректора въ университетѣ и управленіе обсерваторіей. Но такъ какъ я принялъ въ жизни за правило никогда не управлять людьми, а тѣмъ болѣе учеными, то я съ благодарностію отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія, указавши причины, которыя князь найдетъ, надѣюсь, основательными; при этомъ я обѣщалъ принять управленіе обсерваторіей, если только согласятся на тѣ въ дѣйствительности очень не сложныя, но справедливыя условія, для представленія которыхъ князю (попечителю) я просилъ дать мнѣ въ посредники новогрудскаго старосту Чацкаго. Названную должность я рѣшился принять не только потому, что привыкъ работать отъ юности и потому не могъ бы оставаться безъ занятій и особенно безъ астрономическихъ наблюденій, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы со смертію Почобута не уничтожились дорогія и прекрасныя приспособленія въ Виленской обсерваторіи, и чтобы доставить удовольствіе моимъ заграничнымъ коллегамъ—астрономамъ; вѣдь они въ своихъ письмахъ ко мнѣ выставляютъ какъ преступленіе противъ науки столь продолжительные мое колебаніе относительно занятія должности астронома-наблюдателя, почему я и долженъ былъ рискнуть оставить мою уединенную, спокойную жизнь. Если не воспрепятствуютъ обстоятельства чрезвычайной войны и мнѣ будетъ служить здоровье, разсчитываю въ началѣ будущей весны перебраться въ Литву и быть можетъ, это путешествіе совершу черезъ Варшаву,

чтобы повидаться съ моими милѣйшими друзьями"... (Balinski. Pamiętniki o Janie Sniadeckim. II, 225).

Попечитель Виленскаго учебнаго округа князь Адамъ Чарторыйскій поспѣшилъ увѣдомить Чацкаго о результатахъ своихъ сношеній съ Снядецкимъ (отъ 30 марта 1806 года). „Находясь въ Пулавахъ, я писалъ къ Снядецкому, спрашивая его, не пожелалъ ли бы онъ занять въ Вильнѣ должность астронома-наблюдателя. Снядецкій отвѣчалъ мнѣ, что онъ, пожалуй, не прочь отъ этого, что съ вами онъ подробно говорилъ по этому предмету и представилъ даже свои условія. Не зная этихъ условій, я не могъ дать ему по требуемому предмету рѣшительнаго отвѣта; потому пишу только ему, чтобы онъ неизмѣнялъ разъ принятому рѣшенію и чтобы пріѣхалъ въ Петербургъ для свиданія со мною. Прошу васъ поддерживать съ вашей стороны Снядецкаго въ его прекрасныхъ намѣреніяхъ относительно университета. Убѣжденный въ томъ, что пріобрѣтеніе этого человѣка было бы истинно полезнымъ для блага наукъ, я очень сожалѣю, что Снядецкій не соглашается принять обязанность ректора (университета), но, быть можетъ, современемъ онъ склонится и къ этому. Мнѣ только остается просить васъ, Милостивый Государь, въ самоскорѣйшемъ времени увѣдомить меня объ условіяхъ Снядецкаго". (ibid. II. 233—234).

Получивши такое приглашеніе кн. Чарторыйскаго, Чацкій отдался ему всею душою. Тогда какъ относительно недавняго совѣтника своего Коллонтая онъ долженъ былъ скрываться въ сношеніяхъ съ кн. Чарторыйскимъ и Виленскимъ университетомъ, и одно упоминаніе о Коллонтаѣ возбуждало у нихъ негодованіе (это мы видѣли выше въ перепискѣ), Снядецкій всѣмъ до крайности былъ желателенъ, и его имя произносилось всѣми поляками съ глубокимъ уваженіемъ. Лично Чацкій еще болѣе другихъ былъ расположенъ къ нему и надѣялся найти въ немъ усерднѣйшаго для себя сотрудника въ дѣлѣ воскрешенія полонизма. Коллонтай былъ не замѣнимъ для Чацкаго своею наукою и опытностію. Но его желчность, его демагогическое направленіе нѣсколько шокировали аристократа Чацкаго. Снядецкій, при ученой европейской извѣстности и знаніи свѣта, имѣлъ громадныя связи и съ высшими

слоями общества и блисталъ въ салонахъ своею любезностію и остроуміемъ. Для честолюбія Чацкаго было даже очень лестно имѣть такого сотрудника, какъ Снядецкій и работать съ нимъ вмѣстѣ. На сколько вѣрно понималъ Чацкій Снядецкаго, увидимъ ниже. Но теперь, внутренно разошедшись съ Коллонтаемъ, Чацкій тѣмъ энергичнѣе, съ большимъ душевнымъ жаромъ сталъ звать Снядецкаго въ Вильну на общій трудъ.

„Рѣшительно недоумѣваю, мой почтеннѣйшій другъ, почему такъ упорно хранишь молчаніе на всѣ мои къ тебѣ отзывы оффиціальные и частные, писалъ Чацкій Снядецкому послѣ открытія Волынской гимназіи (28 декабря 1805 года). Льщу себя надеждою, что мои старанія и сколько нибудь благотворные для счастья молодежи труды должны бы заслужить твое вниманіе и дать намъ право просить твоихъ совѣтовъ, которые будутъ приняты какъ приговоръ. Посылаю тебѣ конспекты наукъ (въ Волынской гимназіи), рѣчь Лернета и изслѣдованія Ярковскаго. (Тотъ и другой были учителями въ Волынской гимназіи). Гдѣ только идетъ рѣчь о наукахъ, имя твое является присущимъ; произносимъ его съ тѣмъ уваженіемъ, на которое ты имѣешь полное право. Ты воленъ не отвѣчать намъ (на наши посланія); но мы исполняемъ только должное, и пока не запретишь намъ, смѣло будемъ писать тебѣ... (Pamiętniki o Janie Sniadeckim. Balinski. II, 226).

Въ новомъ письмѣ отъ 27 марта (1806 г.) Чацкій свидѣтельствуетъ Снядецкому, что онъ рѣшительно теряется въ отысканіи причинъ его молчанія и что въ настоящій разъ онъ посылаетъ письмо ему съ нарочнымъ- съ одною Волынянкою, которую обязали разсказать ему, какъ усиленно юго-западныя губерніи заняты дѣломъ просвѣщенія и выраженіемъ общаго къ нему уваженія. Указывая содержаніе прежнихъ писемъ къ Снядецкому, Чацкій говоритъ, что вновь посылаетъ ему нѣкоторыя рѣчи, сказанныя при открытіи Волынской гимназіи, чтобы изъ нихъ Снядецкій убѣдился, на сколько они умѣютъ цѣнить его. Вновь повторяетъ свою сердечную просьбу о присылкѣ портрета, который долженъ будетъ висѣть въ залѣ, приспособленной для математическихъ занятій, съ портретами всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которые заслужили благодарность народа и ученыхъ. „Только что пріѣхалъ ко мнѣ любезный Шейдтъ,

прибавляетъ Чацкій. Онъ предъявилъ мнѣ твое къ нему письмо. Чрезвычайно благодаренъ тебѣ за твои лестныя обо мнѣ выраженія. Клянусь тебѣ—никакія трудности не заставятъ меня упасть духомъ. Никто не представлялъ возможнымъ, чтобы я могъ сдѣлать то, что задумалъ. Счастіе государства, судьба этой земли, слава Монарха, благодентсвіе нашихъ дѣтей—все это, вмѣстѣ взятое, обосновывается исключительно на хорошей постановкѣ общественнаго воспитанія“ (ibid. 227—228).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 5 мая (1806 г.), которое вызвано извѣстнымъ уже намъ порученіемъ Чацкому кн. Адама Чарторыйскаго (настаивать на переходѣ Снядецкаго въ Вильну), Чацкій изливаетъ весь пылъ своей горячей, безконечно—энергичной натуры съ выраженіемъ величайшаго къ нему энтузіазма. „Кто по убѣжденію столько уважаетъ и любитъ тебя, какъ я, тотъ каждое письмо твое прочитываетъ съ благоговѣніемъ. Пользуюсь не только тѣмъ, что пишешь, но радъ былъ-бы отгадать то, что думаешь и на изложеніе чего у тебя не хватило времени. Позволь же, чтобы, отвѣчая на твое послѣднее письмо (отъ 20 апрѣля) съ возобновленіемъ усиленнѣйшихъ просьбъ, я могъ получить отъ тебя окончательное рѣшеніе относительно самоважнѣйшаго предмета, отъ котораго (т. е. рѣшенія) зависитъ счастіе нашихъ дѣтей“.

„Я счастливъ, что воспитаніе, даваемое въ Волынскихъ школахъ, ты находишь выше воспитанія во многихъ другихъ странахъ. Но полагаю, ты позволишь мнѣ питать надежду, что этотъ институтъ (т. е. Волынская гимназія) во многихъ важныхъ предметахъ можетъ превзойти не только русскія, но и различныя заграничныя академіи. Не на то жертвую своимъ временемъ, не для того всею душею отдаюсь дѣлу общественнаго воспитанія, чтобы приготовить нѣсколькихъ ученыхъ; нѣтъ! весь нашъ край вообще долженъ подняться на высшую степень образованія, всѣ—и мужчины, и женщины,—должны быть одушевлены, позволю себѣ такъ выразиться, однимъ духомъ просвѣщенія; благотворное вліяніе наукъ должно итти на помощь и земледѣльцу, и ремесленнику, и министру; оно должно содѣйствовать примиренію священника съ потребностями народа, простого гражданина съ военнослужащимъ, *а главнымъ образомъ, чтобы содѣйствовать продолженію суще-*

ствованія народности (польской. Таковы въ концѣ какъ видимъ основныя задачи Чацкаго). Вотъ мои намѣренія; они вполнѣ достойны того, чтобы мы вмѣстѣ, общими силами потрудились надъ ихъ выполненіемъ. Признаю твое преимущество. Не краснѣю, обращаясь къ твоему великому разуму и опытности. Вновь устроя зданіе, не нуждаюсь въ готической пестротѣ. Будучи фундаторомъ, имѣю право одинаково смѣло говорить Правительству и каждому соотечественнику о нашихъ нуждахъ. Не боюсь клеветы, такъ какъ никто не можетъ обвинять меня въ преслѣдованіи какихъ нибудь заднихъ, постороннихъ цѣлей. (Такая крайняя самонадѣянность Чацкаго скоро, какъ увидимъ ниже, была наказана). Смѣло сойду во гробъ, если только новое поколѣніе будетъ лучшимъ и болѣе умѣлымъ. Но къ чему объ этомъ пишу? (Совершенно справедливое замѣчаніе). Возращаюсь къ твоему письму“.

„Не для того послалъ я тебѣ наши рѣчи и конспекты, чтобы ты видѣлъ, какъ мы чувствуемъ твой великій талантъ, на что онъ имѣетъ полное право; нѣтъ, мы ждемъ отъ тебя указаній, ждемъ твоего мнѣнія. Ты молчишь относительно рѣчи г. Стрѣлецкаго и его конспекта; а вѣдь эти вещи очень важны. *) Требуемъ твоего приговора“.

---

*) Стрѣлецкій былъ учителемъ русскаго языка въ Волынской гимназіи. Снядецкій указалъ, что и какъ слѣдовало говорить ему о русскомъ языкѣ при открытіи Волынской гимназіи. Въ одномъ изъ писемъ къ Снядецкому Чацкій замѣчаетъ: „я, между прочимъ, спрашивалъ твоего отзыва о рѣчи Стрѣлецкаго, сохранено ли въ ней относительно русскаго языка все то, что ты совѣтовалъ дѣлать?“ (Pamiętniki o Janie Sniadeckim. Balinski. II, 227). На это и теперь указываетъ Чацкій. Замѣчательно, что въ то время, когда Чацкій съ Коллонтаемъ для показа особенно сильно хлопотали, чтобы всѣ учителя въ Волынской гимназіи имѣли степень *доктора* по своему предмету и чтобы въ первоначально напечатанныхъ программахъ гимназіи противъ соотвѣтствующаго учителя была выставлена и его докторская степень („было бы гораздо важнѣе (szumniej), замѣчаетъ Коллонтай, если бы публика узнала, что учителя имѣютъ степень доктора по своей спеціальности“); относительно Стрѣлецкаго съ глубокою ироніей прибавлено: что онъ—*коллежскій регистраторъ*, получилъ этотъ чинъ за службу въ должности цензора при Радивиловской таможнѣ, и что этотъ чинъ непремѣнно нужно напечатать при его фамиліи, *для убѣжденія Правительства, что учителемъ русскаго языка въ гимназіи избранъ человѣкъ, проходившій общественную службу* (и слѣдовательно надежный). (Listy Kołłątaja. III, 204—205.

„Благодаря твоей дружбѣ, въ числѣ учителей имѣю Чеха и Шейдта, свидѣтелей твоей просвѣщенной дѣятельности, а также и другихъ твоихъ учениковъ. Работая вмѣстѣ, мы, по возможности, стараемся освободиться отъ ошибокъ и заблужденій. Общественное мнѣніе насъ подкрѣпляетъ. Нашимъ питомцемъ состоитъ, между другими, сынъ Миншка маршалка, а какъ тебѣ не безъизвѣстно, это вѣдь внукъ б. короля (польскаго)... Краковскія и Виленскія академіи не представляютъ примѣровъ подобнаго преимущества общественнаго воспитанія передъ частнымъ. Радивиллы, Плятеры, Олизары, наши дѣти и племянники не нуждаются въ иной школѣ. Одно поколѣніе передаетъ другому о необходимости усовершенствованія въ наукахъ въ національной школѣ. Понемногу исчезнутъ иностранные гувернеры для нашихъ дѣтей. Откликнется духъ національный (все подъ покровомъ русскаго правительства; что было потеряно въ Польшѣ, то найдено въ Россіи). Клянусь тебѣ тѣнями отцовъ, что въ теченіе шести лѣтъ сдѣлаю то, чего другіе не успѣютъ сдѣлать и въ пятьдесятъ: но успѣшный исходъ всего дѣла зависитъ отъ тебя, отъ тебя, говорю и повторяю: догадаешься, о чемъ идетъ рѣчь (о переѣздѣ въ Вильну)"...

Подробно доложивши Снядецкому (по его запросамъ въ письмѣ) о содержаніи нѣкоторыхъ Волынскихъ учителей, о неудачномъ приглашеніи на должность другихъ, о предположеніи установить новыя каѳедры, о необходимости имѣть въ Кременцѣ собственную типографію, Чацкій заключаетъ: „прискорбно для меня писать тебѣ, что князь нашъ (попечитель А. Чарторыйскій) недостаточно убѣжденъ въ необходимости сохраненія во всемъ округѣ въ преподаваніи національнаго (польскаго) языка; въ настоятельности такого порядка оффиціально убѣждаетъ его министръ (народнаго просвѣщенія*).

*) Поводомъ къ такимъ упрекамъ кн. Чарторыйскому и похвалы министерству со стороны Чацкаго послужило слѣдующее обстоятельство. По случаю назначенія въ 1804 г. суммъ на открытіе Кіевской гимназіи и другихъ училищъ въ губерніи, князь Адамъ Чарторыйскій предписалъ Виленскому университету принять мѣры къ скорѣйшему открытію гимназіи въ Кіевѣ, при чемъ указалъ, „чтобы науки преподавались на россійскомъ языкѣ, какъ въ древнемъ россійскомъ городѣ". Визитаторъ Чацкій, напротивъ, представилъ университету свое мнѣніе, „что онъ нужнѣйшимъ находитъ обучать въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ

Министръ чрезвычайно ко мнѣ милостивъ. Князь (Чарторыйскій) не довѣряетъ своимъ благимъ намѣреніямъ и не осмѣливается сдѣлать рѣшительный шагъ, чтобы окончательно укрѣпить свое созданіе. Въ твоихъ рукахъ остается судьба поколѣній и нашей народности. Отъ тебя зависитъ твердо поставить дѣло, которое начато усердіемъ. Нѣсколько недѣль пребыванія въ Петербургѣ утвердитъ и направитъ наши постановленія. Впрочемъ, быть можетъ, и у насъ повидаешь князя вмѣстѣ съ Императоромъ. Пріѣзжай немедленно. Заклинаемъ тебя именемъ отчизны, именемъ наукъ и общественной нужды. Не откажи въ нашей просьбѣ, не забывай, какая земля родила тебя; помни, что твой геній всѣхъ насъ оживляетъ, что ты всѣмъ намъ—твоимъ землякамъ—долженъ помогать содѣйствіемъ. Оставь различныя соображенія, посовѣтуйся съ твоимъ сердцемъ, и поѣзжай не въ Вильну, а въ Порицкъ... и мы тебя понесемъ на рукахъ. Не пренебрегай нашей просьбою, не пренебрегай благовременною минутою устроить общественное счастіе. Европа знаетъ, кто ты; пускай же и внуки

основываясь особенно на томъ, что 1-е, въ сей губерніи находится шляхты 43597, а мѣщанъ 15427, изъ коихъ въ училищѣ только 51.; 2-е, что тамошнее дворянство въ мѣстахъ судебныхъ употребляетъ природный свой польскій языкъ; 3-е, что юношество одного округа, наставляемо будучи не на одномъ своемъ языкѣ, оказало бы не равные успѣхи; 4-е, что вклады на содержаніе училищъ и по Кіевской губерніи наипаче составляются изъ приношеній польскаго дворянства.“

Сообщая объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, кн. Адамъ Чарторыйскій „долгомъ поставляетъ прибавить, что сколь сіи причины ни основательными кажутся, но нельзя оставить безъ уваженія съ одной стороны той надобности, которую имѣетъ въ усовершенствованіи себя болѣе въ Россійскомъ языкѣ сіе самое польское юношество, приготовляясь къ службѣ новому своему отечеству, а съ другой стороны—такъ сказать необходимости въ Россійскомъ же языкѣ для юношества малороссійскихъ вообще, а наипаче за Днѣпровскихъ жителей, которые изъ давнихъ временъ привыкли посылать своихъ дѣтей въ Кіевъ, преимущественно предъ прочими городами, такъ что, не взирая на новое раздѣленіе округовъ и принадлежность ихъ теперь къ части, подвѣдомой будущему Харьковскому университету, нельзя надѣяться, чтобъ они скоро обратили дѣтей своихъ въ другія училища, гдѣ будутъ обучать по россійски и коихъ даже точное время открытія еще неизвѣстно. Сверхъ же того, не обошлось бы безъ неудовольствія и отъ самыхъ Кіевлянъ, если бы они черезъ введеніе въ училища ихъ неупотребляемаго ими польскаго языка принуждены были изъ своего губернскаго города посылать въ другую губернію дѣтей, обыкновенно до сего времени воспитываемыхъ по

наши узнаютъ, что ты содѣлалъ ихъ счастіе. Воздыхаю и ожидаю твоего прибытія. Pamiętniki o Ianie Sniadeckim. Balinski. II, 229—233).

Какъ ни сильно было написано настоящее письмо Чацкаго, но были еще болѣе убѣдительныя соображенія, склонявшія Снядецкаго къ тому же предмету. Въ письмѣ къ Дмоховскому (приведено выше) Снядецкій заявляетъ, что съ 1805 года, когда онъ изъ заграницы возвратился въ Краковъ, на него усиленно напирали, чтобы онъ переѣхалъ въ Вильну. Прежде всего настаивалъ на этомъ кн. Чарторыйскій—отецъ. Объясняясь съ княземъ, Снядецкій признавался, что онъ согласился бы еще принять въ завѣдываніе обсерваторію въ Вильнѣ, но никогда не желаетъ быть руководителемъ Виленскаго университета. Послѣдняя должность не отвѣчаетъ его характеру живому и вспыльчивому и при томъ, отрывая его отъ науки, можетъ сдѣлать его безполезнымъ и для науки, и для управляемыхъ. Во время пребыванія Снядецкаго въ Краковѣ, въ виду просьбъ и настояній своихъ пріятелей, онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ задумываться надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли ему при-

---

россійски. По таковымъ не меньше примѣчательнымъ побужденіямъ я отложилъ мнѣніе г. визитатора Чацкаго до времени, дабы сообразить оное съ обстоятельствами и потому правильнѣе заключить: можетъ ли оно быть сопряжено со всеобщею пользою (Сборникъ Матеріаловъ для исторіи народнаго просвѣщенія. II, 1083—1084). Не знаемъ, какъ убѣждалъ гр. Завадовскій кн. Чарторыйскаго въ необходимости введенія повсюду въ преподаваніи польскаго языка, и хотя въ дальнѣйшемъ кн. Чарторыйскій, подъ вліяніемъ Чацкаго, измѣнилъ нѣсколько свой взглядъ, но указанная имъ точка зрѣнія вполнѣ исторически вѣрная. Оставляя различныя въ пользу этого доказательства, замѣтимъ только, что даже ученикъ Чацкаго Лелевель, и при томъ цитируемый гр. Леливою, открыто высказалъ, что въ русской части Польши, особенно на востокъ отъ Нѣмана и Буга, *рѣдко кто въ состояніи говорить по польски* (въ первой четверти XIX столѣтія), *всѣ обыкновенно говорятъ по русски, почему польское слово „ойчизна“ для нихъ не знакомо*. (О положеніи Литовскаго народа въ польскомъ государствѣ. Гр. Лелива 1896 г. Стр. 33). „И что это была за сила, спрашиваетъ Мицкевичъ, которая подняла польскую народность, направила ее на русскія земли и даже за Днѣпръ отодвинула въ 20-хъ годахъ 19 столѣтія) русскій языкъ и русскую народность? Этою силою явился костелъ, отвѣчаетъ онъ, принявшій роль охранителя польской народности“. (Mickiewicz. Prelechions. 22, 23, 26, 27. Ср. Lelewel. Hislorya poloniae. Leopoliensi. 1848 г. 67—68, 119—120).

пять директорство Виленской обсерваторіи, которая, по ихъ словамъ, была устроена и обставлена образцово, тѣмъ болѣе, что, кромѣ его, нѣтъ другого, способнаго на это кандидата, что въ случаѣ его отказа, замѣчательная обсерваторія должна разориться, упасть послѣ смерти Почобута (тогдашній астрономъ-наблюдатель въ Вильнѣ). (Balinski. Pamiętniki o I. Sniadeckim. I. 380, 381, 383).

Очень ясно выразивши въ письмѣ къ Хрептовичу свое намѣреніе относительно перехода въ Вильну, Снядецкій останавливался только передъ тою мыслію, что Почобутъ находится въ живыхъ и самъ занимаетъ пока это мѣсто, слѣдовательно, „ставиться на живого человѣка" было и не деликатно' и не гуманно. „Ни за какія блага въ мірѣ я не пожелалъ бы, пишетъ Снядецкій Хрептовичу, сдѣлать непріятность столь почтенному человѣку (Почобуту), тѣмъ болѣе, что я не нуждаюсь въ этомъ мѣстѣ. Такъ какъ подъ властію здѣшняго (австрійскаго) правительства мнѣ ничего не остается дѣлать, такъ какъ съ молоду привыкши къ труду, на старости я не хочу отдаться бездѣлью и скукѣ, то я взялся бы за предстоящее дѣло, если только это не противорѣчитъ расчетамъ и намѣреніямъ Почобута... Тридцать три года я работалъ для своихъ соотечественниковъ; было бы для меня пріятно и на будущее время посвятить себя для служенія имъ" (ibid. 384).

Отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать черезъ того же Хрептовича. Почобутъ выражалъ сердечную радость, что наконецъ Снядецкій склоняется на его, Почобута, просьбы, что онъ въ высшей степени нетерпѣливо ждетъ того часа, когда будетъ въ состояніи передать въ руки Снядецкаго все управленіе и руководительство Виленскою обсерваторіей, значеніе которой очень высоко поднято его трудами и усиліями. (ibid. 384).

Почти въ то же время получилъ Снядецкій письмо и отъ кн. Чарторыйскаго—сына (отъ 12 октября 1805 г.). Сказавши, что онъ со времени назначенія его попечителемъ округа (1803 г.) постоянно желалъ видѣть Снядецкаго въ числѣ членовъ Виленскаго университета, князь продолжаетъ: „это желаніе до сихъ поръ не затихло, хотя твой отвѣтъ мало подавалъ надежды на твое прибытіе когда нибудь въ Вильну. Если

справедливыя основанія не позволили тебѣ принять мое первое предложеніе, я, во всякомъ случаѣ, утѣшался мыслію, что истинная привязанность къ наукамъ возьметъ верхъ надъ стремленіемъ къ спокойной жизни, и что наконецъ преданность общему благу сдѣлаетъ тебя болѣе послушнымъ голосу соотечественниковъ, которые справедливо умѣютъ цѣнить твои таланты. Терпѣливо выжидалъ поры, когда я могъ бы возобновить тебѣ мое приглашеніе. Мнѣ сдается, что теперь самая благопріятная для этого минута, когда съ одной стороны глубокій возрастъ кс. Почобута заставляетъ его заблаговременно подумать объ избраніи себѣ преемника на мѣсто астронома-наблюдателя; съ другой стороны оканчивающійся срокъ ректорства кс. Стройновскаго возлагаетъ на меня обязанность пріисканія преемника ему, каковымъ можетъ быть только личность свѣтлая, пользующаяся всеобщимъ довѣріемъ и которая могла бы стать во главѣ университета. Кс. Стройновскій уже открыто заявилъ мнѣ, что, по слабости здоровья, не можетъ долго оставаться на настоящей должности; я удержалъ еще его до начала новыхъ выборовъ, и если бы мѣсто ректора университета было для тебя подходяще, я считалъ бы для себя величайшимъ удовольствіемъ приложить съ своей стороны всѣ усилія, чтобы оно тебѣ досталось“.

„Пускай твердятъ, будто Виленскій университетъ открытъ исключительно для иностранцевъ; такое утвержденіе не вполнѣ согласно съ тѣми правилами, которыя приняты университетомъ. При всѣхъ выборахъ, какіе происходили, онъ искалъ только талантовъ остновательной науки и свѣтлаго ума, не ограничиваясь исключительно какимъ нибудь краемъ. Впрочемъ надѣюсь, что настоящій шагъ будетъ достаточенъ для оправданія университета. Полнѣйшее уваженіе къ твоей личности и талантамъ, вниманіе къ истинному благу и пользѣ университета были причиною, что я дѣлаю настоящее предложеніе, которое должно бы, наконецъ, склонить и тебя къ принятію предлагаемой должности. И отца моего я просилъ написать тебѣ по тому же предмету. Надѣюсь, что не захочешь дольше упираться и въ этомъ убѣжденіи прошу пріѣхать ко мнѣ для подробнаго разъясненія настоящаго дѣла“ (ibid. I, 385—386).

Въ такомъ же духѣ и Чарторыйскій-отецъ написалъ къ Снядецкому. Польщенный полученными письмами, Снядецкій немедленно отвѣчалъ Чарторыйскому-сыну, что первоначальное предложеніе занять мѣсто въ Виленскомъ университетѣ было отклонено имъ потому, что 30-лѣтніе труды въ Краковской академіи значительно ослабили его силы, что ему рѣшительно нуженъ былъ отдыхъ и потому тогда рѣшилъ онъ вести жизнь уединенную и своими учеными работами приносить землякамъ пользу. Но теперь, когда онъ видитъ широко благотворныя намѣренія Монарха относительно распространенія въ русскомъ государствѣ просвѣщенія, когда убѣждается, съ какими громадными стараніями князь (Чарторыйскій) приводитъ ихъ въ исполненіе въ порученномъ ему округѣ, сама благодарность, которую онъ раздѣляетъ вмѣстѣ со своими соотечественниками, за столь похвальныя стремленія, не позволяетъ ему оставаться равнодушнымъ къ такому лестному для него приглашенію и, уступая настояніямъ многихъ почтенныхъ лицъ, онъ принимаетъ предлагаемую должность астронома наблюдателя. (ibid. 387, 388).

За выѣздомъ кн. Чарторыйскаго-сына изъ Петербурга въ Берлинъ, письмо свое къ нему Снядецкій отправилъ въ Пулавы для пересылки по принадлежности, увѣдомивши и Чарторыйскаго-отца о своемъ рѣшеніи. Отъ послѣдняго получилъ между прочимъ такую лестную приписку, что „пріобрѣтеніе такой свѣтлой головы, какъ Снядецкій, считалось бы повсюду сокровищемъ; но въ Вильнѣ, въ землѣ родной, это составитъ славу“ (ibid.).

Но Чарторыйскій-отецъ задался рѣшительно мыслію убѣдить Снядецкаго принять и ректорство въ Виленскомъ университетѣ. При каждой встрѣчѣ съ нимъ и въ Пулавахъ, и другихъ мѣстахъ Люблинскаго и Сандомирскаго воеводствъ (Снядецкій конецъ 1805 и начало 1806 г. проводилъ въ разъѣздахъ по близкимъ знакомымъ) постоянно сводилъ рѣчь на этотъ предметъ. Напрасно Снядецкій упорно отказывался отъ предложенія, говорилъ, что не имѣетъ представленія, что это за ученая корпорація (Виленскій университетъ) и какъ велики обязанности, сопряженныя съ должностью ректора, не можетъ,

пользою былъ бы потомъ не въ состоянiи. Но князь настаивалъ на своемъ. При одной встрѣчѣ въ Ланцутѣ у кн. Любомирскихъ, гдѣ было большое собранiе польской аристократiи, въ одинъ голосъ требовавшей отъ Снядецкаго принятiя должности ректора въ Вильнѣ, кн. Чарторыйскiй рѣшился употребить послѣднее средство. Запершись однажды съ Снядецкимъ въ отдѣльной комнатѣ, князь снова сталъ говорить ему, что дальнѣйшiй отказъ его отъ принятiя предлагаемой должности, которой никто кромѣ него не можетъ исполнять съ надлежащимъ почетомъ для ученой корпорацiи и съ пользою для дѣла образованiя многочисленной молодежи и обширнаго края, —что такой отказъ остался бы вѣчнымъ пятномъ въ его общественной дѣятельности. Такую жертву, по словамъ князя, Снядецкiй долженъ былъ принести, если только онъ добрый сынъ общаго отечества; иначе, все зданiе просвѣщенiя, созданное такими трудами и усилiями, должно будетъ неминуемо рухнуть, не имѣя надлежащаго и высшаго надъ собою досмотра, за который въ данную минуту онъ одинъ по совѣсти можетъ и обязанъ взяться. Увлеченный своими словами, князь бросается передъ Снядецкимъ на колѣни и, наклонивъ голову, начинаетъ заклинать его всѣмъ, что только для него есть святого, согласиться наконецъ на общiя просьбы всѣхъ его земляковъ и друзей. Сопротивляться дальше не было мозможности. Снядецкiй далъ слово, что если, при предстоящемъ посѣщенiи Вильны и внимательномъ разсмотрѣнiи на мѣстѣ различныхъ обстоятельствъ по отношенiю къ университету, онъ увидитъ въ себѣ достаточно силъ руководить имъ съ пользою для края, то хотя на короткое время посвятить себя ректорству; быть можетъ, за это время найдется лицо болѣе его достойное, которое займетъ его мѣсто съ пользою для академической корпорацiи. (Pamiętniki o I. Sniadeckim. Balinski. I, 390—391),

Если Снядецкiй такъ сильно опасался Вильны и особенно его ученой корпорацiи, то причиною тому отчасти были письмакъ нему какъ самаго Чацкаго, такъ и другихъ, которыя очень въ непривлекательномъ свѣтѣ представляли положенiе возникшее изъ борьбы мѣстныхъ партiй Виленскаго университета. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ письмахъ было не

потому рѣшиться безусловно принять то, что исполнить съ мало утрировки дѣла, на что намекаетъ и выше приведенное письмо князя—попечителя; но было много и правды. Вотъ что между прочимъ писалъ Снядецкому Чацкій послѣ офиціальной ревизіи Виленскаго университета, для чего вызывалъ его кн. Чарторыйскій, чтобы хотя нѣсколько ослабить до крайности разросшуюся партійность и прекратить различныя интриги. „Пока я пріѣхалъ въ Вильну, пишетъ Чацкій, вездѣ тамъ царили темныя недоразумѣнія. Упрекали Стройновскаго, что за деньги поназначалъ ксендзамъ (профессорамъ) богатыя пробоства и настоятельства, что поддерживаетъ исключительно иностранцевъ, что полякамъ не оставляетъ даже надежды на дальнѣйшее улучшеніе положенія, что медлитъ съ замѣщеніемъ прибавочныхъ каѳедръ, поддерживаетъ какого то Симоновича и окружаетъ себя людьми недостойными, что наукамъ физическимъ не оказываетъ поддержки. Но эти люди забываютъ, что въ то время, когда іезуиты хотѣли захватить академію въ свои руки (объ этомъ мы сказали выше), Стройновскій страдалъ за нее и былъ приговоренъ Императоромъ Павломъ на хлѣбъ и воду; этотъ же Стройновскій добился того, что сословіе учительское получило всѣ права гражданства, а указанныя имъ основанія просвѣщенія вошли въ положеніе, опредѣлившее систему устройства учебныхъ заведеній; исходатайствовавши столько для Виленскаго университета, онъ можетъ еще усовершенствовать сдѣланныя постановленія. Напротивъ, другой на его мѣстѣ долженъ бы еще завязывать связи, блуждать по незнакомымъ дорогамъ. Пріобрѣтеніе для университета Франковъ (два профессора) всегда дѣлаетъ ему честь. Не могу считать себя въ числѣ почитателей Стройновскаго. Университетъ, желая монополизовать науку въ Вильнѣ, обвинялъ меня въ провинціализмѣ (намекъ на желаніе Чацкаго отдѣлиться отъ подчиненія Виленскому университету и создать самостоятельный въ Кременцѣ), дѣлалъ князю (попечителю) фальшивыя донесенія и всѣмъ моимъ планамъ ставилъ препятствія. Но я чувствовалъ, что дѣло тутъ шло не о томъ, чьи жалобы справедливѣе, а о томъ, чтобы совершенно не было жалобъ; вопросъ сводился не къ тому, чтобы поискуснѣе прикрыть свою ненависть, а къ тому, не страдаетъ ли, не терпитъ ли ущерба общественное дѣло, при постоянныхъ

ссорахъ... Чтó видѣлъ въ Вильнѣ, чтó сдѣлалъ, доношу тебѣ по всей истинѣ".

„Стройновскій и твой братъ находились въ дурныхъ отношеніяхъ, бывши прежде друзьями. Ничтожные подчиненные старались возбуждать между ними ненависть. Однимъ изъ болѣе дѣятельныхъ поджигателей былъ какой то Городецкій, учитель физики и химіи въ Виленской гимназіи, давній подлый прислужникъ ректора, и, когда ему не удалось поѣхать въ Петербургъ, оказавшійся еще больше прежняго ябедникомъ. Потомъ противъ Стройновскаго было общественное мнѣніе, насколько оно можетъ быть въ Вильнѣ; причины этого совершенно понятны. Стройновскій вызывалъ въ университетъ иностранцевъ. Противъ него заговорилъ твой братъ, пользующійся общимъ уваженіемъ. Такъ какъ у твоего брата было учениковъ болѣе, нежели у другихъ, то каждый изъ нихъ продолжалъ повторять отзывъ учителя, насколько успѣлъ усвоить его. Окружавшее его общество были ксендзы; но эта партія не отличалась талантами и не могла защищать ректора; а самъ онъ, никуда не выѣзжая, не имѣлъ возможности бороться съ противниками. Не зная наукъ физическихъ, онъ не давалъ имъ надлежащаго ходу; между тѣмъ, эти науки болѣе другихъ пользуются уваженіемъ, какъ потому, что въ жизни онѣ самыя полезныя, такъ и потому, что и на богословіе и метафизику смотрятъ довольно свысока. Медицинскій факультетъ (за исключеніемъ твоего брата, который стоялъ выше личностей) не могъ простить Стройновскому того обстоятельства, что онъ выписалъ Франковъ (профессоровъ Виленскаго университета) и чрезъ это уменьшилъ доходность его членовъ. Вообще изъ порядочныхъ людей мало кто держалъ сторону ректора; а его противники удивительнымъ образомъ помогали ему, не присутствуя въ засѣданіяхъ, подъ предлогомъ нежеланія ссориться. Шимоновичъ, вице-профессоръ, служилъ предметомъ большихъ споровъ. Стройновскій видѣлъ въ немъ геній; Вернеръ хвалилъ его; Франкъ не отказывалъ ему въ уваженіи. Но твой братъ и Юндзиллъ считали его просто мошенникомъ, дуракомъ въ наукѣ и признавали за нимъ только науку Брокантера въ минералогіи (воровство и замѣна лучшихъ экземпляровъ въ свою пользу). Ему довѣрена была небольшая сумма на пріобрѣтеніе минераловъ; но его обвиняли, что онъ укралъ лучшіе экзем-

пляры изъ университетской коллекціи, и отсюда возгорѣлась сильная борьба"...

„Богословіе находилось въ смутномъ положеніи. Профессоръ каноническаго права, Поцолоевскій, принадлежитъ къ глупцамъ рѣдкой коллекціи. Голянскій представляетъ собою посредственность въ литературѣ, а въ области священнаго писанія онъ просто скученъ. Философію читаетъ Абихтъ, послѣдователь Канта, рекомендованный Петербургомъ. При мнѣ на лекціи предложилъ вопросъ: an Deus est felix, an beatus (Богъ счастливъ или блаженъ?). Гродекъ, профессоръ греческой словесности, человѣкъ рѣдкой учености; онъ полякъ, такъ какъ родился въ Данцигѣ и знаніе соединяетъ съ милымъ обращеніемъ. Вице-профессоръ польской литературы Баковскій не стоитъ названія даже ученика. Таренги, профессоръ латинской словесности, при мнѣ еще не прибылъ (изъ Италіи); а на основаніи того, что я читалъ въ его запискахъ, представляю себѣ импровизатора-итальянца, вполнѣ знакомаго съ классическими писателями; въ его стихахъ не нахожу оригинальныхъ мыслей. Итальянецъ Капелли, профессоръ права, принадлежитъ къ недюжиннымъ личностямъ. Его лекціи полны эрудиціи и поясняются философіей. Малевскій, учитель естественнаго права, вѣрно прочитываетъ на урокахъ книгу Стройновскаго (Prawo przyrodzone..); но какъ секретарь (университетскаго совѣта), это для Вильны просто сокровище; онъ одинъ помнитъ обо всемъ и дѣйствительно въ своихъ рукахъ держитъ ключи отъ всей (университетской) машины. Приходится считать его благоразумнымъ, когда и при всѣхъ треволненіяхъ его нисколько не заподозрѣваютъ въ малѣйшихъ интригахъ. Мицкевичъ, бывшій профессоръ физики, исполненъ въ отношеніи университета самыхъ лучшихъ желаній; но онъ годится для иного вѣка, для другихъ людей. Какъ деканъ факультета, вызываетъ нерѣдко безпорядки, вѣритъ различнымъ нелѣпымъ утвержденіямъ и смѣло вступаетъ въ споры, не представляя въ нихъ никакого основательнаго довода. Почобутъ, механическій наблюдатель (надъ небесными свѣтилами), предоставляетъ другимъ вести расчеты и дѣлать выводы; самъ онъ наблюдаетъ по навыку; злословитъ польскій языкъ въ высшихъ наукахъ и, обратившись подъ старость въ ребенка, сокрушается, что ты написалъ изслѣдованіе о Коперникѣ на

польскомъ языкѣ *); подсмѣивается надъ французами, будучи самъ членомъ Лондонской академіи. Решка, профессоръ астро-

*) Снядецкій, какъ мы выше видѣли, написалъ сочиненіе о Коперникѣ на польскомъ языкѣ. Почобутъ по этому поводу писалъ Снядецкому (отъ 2 февраля 1803 г.): „читаю твое прекрасное произведеніе съ безконечнымъ удовольствіемъ, вниманіемъ и просто съ увлеченіемъ... Въ самомъ дѣлѣ, какое изложеніе и составъ предмета, какое расположеніе и порядокъ, какой языкъ! Никогда ни одно сочиненіе не доставляло мнѣ подобнаго удовольствія. Это говорю искренно, отъ души, безъ малѣйшей лести. Но съ другой стороны, глубоко страдаю, тревожусь, гнѣваюсь, почти скрежещу зубами, и передъ всѣми жалуюсь, что свое произведеніе, которое достойно прочтенія всей Европы, ты написалъ на польскомъ языкѣ, а не на томъ, который понимается и въ употребленіи у всего міра, на латинскомъ, напр., или по крайней мѣрѣ на французскомъ, что стоило бы тебѣ не большаго труда. А теперь ты причинилъ громадный вредъ и обиду Европѣ, нашему народу, самому себѣ и столь великому Копернику. Возженный тобою свѣтъ во многихъ предметахъ относительно этого великаго человѣка, а нашего земляка, ты спряталъ подъ спудомъ, а не поставилъ на свѣщникѣ. Ты совершилъ чрезвычайно великую и вредную ошибку, введенный въ заблужденіе тою общею и (прости мнѣ, что основательно говорю тебѣ одному) фальшивою мыслію, что языкъ польскій необходимо образовать, полировать для славы, памяти и чести народа, увеличивать словами новыми, дикими, изгнавши окончательно выраженія техническія, хотя они употребляются во всѣхъ языкахъ. Но кто жъ тогда за границею будетъ читать васъ и понимать? Будете сами собою довольствоваться, сами себѣ апплодировать, сами себя считать народомъ просвѣщеннымъ! Кто за границею знаетъ великихъ Кохановскихъ, Гурницкихъ, и позднѣйшихъ Красицкихъ, Нарушевичей и другихъ? Одинъ Сарбѣвскій, пиша по латыни, своею поэзіею прославилъ за границею нашъ народъ болѣе васъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Кто бы изъ заграничныхъ зналъ и нашего Коперника, если бы онъ вздумалъ итти по нашимъ слѣдамъ?«... (Balinski. Pamiętniki o Ianie Sniadeckim II. 168—169).

На такое настроеніе Почобута относительно польскаго языка и указываетъ Чацкій въ настоящемъ письмѣ. Еще раньше, въ 1797 году, когда Андрей Снядецкій *впервые* съ университетской каѳедры въ Вильнѣ заговорилъ по польски, Почобутъ—тогда ректоръ Академіи—сдѣлалъ ему строгій выговоръ за *неприличную* выходку, за *профанацію* науки.

Когда нѣсколько позже Варшавское Общество любителей наукъ просило его (въ 1802 г.) принять участіе въ осуществленіи задачъ общества и настаивало на присылкѣ ему трудовъ по отдѣлу астрономическихъ наблюденій, Почобутъ упорно отказывался отъ сотрудничества, которое, по его словамъ, было ему якобы не по силамъ за старостію и недостаткомъ помощниковъ по обсерваторіи. Но когда общество сызнова возобновило свои усиленныя просьбы, тогда Почобутъ въ откровенной перепискѣ съ однимъ

номіи *) и его помощникъ изъ базиліанъ Каминскій, тобою могутъ быть разбираемы; но въ нихъ нѣтъ той живости, которую въ тебѣ цѣнимъ. Впрочемъ, если мы можемъ похваляться, что природа произвела тебя для славы нашего вѣка, то напрасно будемъ искать тебѣ подобныхъ. Нарвойшъ имѣетъ въ виду только бенефиціи, и алгебраическія выкладки охотно промѣняетъ на ариѳметическую доходность и содержаніе отъ пробства. Относительно Лангедорфа не умѣю сказать, насколько онъ уменъ; но въ томъ уже виноватъ онъ, что временные курсы переводитъ на многолѣтніе"... (Pamiętniki o I. Sniadeckim. I, 372—375).

Нельзя не видѣть, что въ описаніи Чацкимъ Виленскаго университета высказано много пристрастнаго, предвзятаго; но для Снядецкаго, при его отвращеніи отъ всякихъ интригъ академической корпораціи, это было очень поучительно. Мы

изъ своихъ пріятелей признался, почему онъ такъ упорно отказывается отъ всякаго участія въ трудахъ общества. „Долженъ вамъ признаться, писалъ Почобутъ своему пріятелю, что это общество мнѣ далеко не по вкусу и я ему не сочувствую. (Выше мы указали задачи общества). Пускай употребляетъ мѣры, какія ему угодно, но языка не спасетъ. Экономическія и политическія потребности обывателей приведутъ его съ теченіемъ времени къ паденію. Съ теченіемъ времени упали языки великихъ и ученыхъ народовъ—грековъ и римлянъ и даже нынѣ литовскій; умалчиваю о древнѣйшихъ халдейскомъ, египетскомъ и другихъ. Но допустимъ даже, что онъ (польскій языкъ) сохранится; что же изъ этого слѣдуетъ? Напечатаемъ массу новыхъ книгъ; перепечатаемъ старыя; все это обойдется слишкомъ дорого. Что же дальше? Сами будемъ ихъ читать, ими хвалиться и гордиться; а за границею никто не будетъ знать и цѣнить ни ихъ, ни насъ... Нужно позаботиться о сохраненіи не польскаго языка, а скорѣе всего латинскаго; его нужно воскресить изъ его забытья; при этомъ необходимо создать хорошихъ знающихъ переводчиковъ, которые все, что есть лучшаго, изящнаго и отборнаго въ польскомъ языкѣ, перевели бы на латинскій, или на какой либо иной языкъ великой и господствующей націи." (Akademja Wilenska. Balinski. 378, 379.).

*) Относительно недалекаго ума этого профессора, между Виленскою публикою ходило слѣдующее четырехстишіе:

Oto pan Reszka, Co patrzy na gwiazdy,
Co na dole mieszka; A nie widzi co każdy.

(А вотъ панъ Решка, что занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, онъ смотритъ на звѣзды, но не видитъ даже того, что замѣчаетъ каждый простой смертный).

выше видѣли уже, что Снядецкій рѣшилъ принять въ Вильнѣ мѣсто астронома-наблюдателя. Чтобы провѣрить различные слухи о Виленской жизни вообще и академической корпораціи въ особенности, Снядецкій поспѣшилъ лично познакомиться съ Вильной, гдѣ онъ никогда не былъ и не зналъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Къ этому, между прочимъ, приглашалъ его именемъ университета и профессоръ Стубелевичъ, давній знакомый Снядецкаго, ссылаясь на общее желаніе всѣхъ людей науки видѣть Снядецкаго въ своей средѣ и при томъ на мѣстѣ главнаго руководителя ученымъ организмомъ. Тогда, по мнѣнію Стубелевича, въ университетѣ прекратились бы позорныя постоянныя распри, уничтожился бы безпорядокъ, изчезли бы партіи. Наука, научныя стремленія царили бы вездѣ и во всемъ: порукою тому служило якобы уже одно имя Снядецкаго. (Pamiętniki o I. Śniadeckim. II, 239—240). Это былъ дѣйствительно періодъ большого безпорядка въ университетѣ.

На пути—въ Гроднѣ—Снядецкаго привѣтствовали письменно его братъ и Почобутъ. Послѣдній изъявлялъ свою радость, что наконецъ онъ спокойно можетъ оставить Виленскую обсерваторію, на учрежденіе и устройство которой положилъ всѣ свои силы; передавая ее Снядецкому, Почобутъ былъ увѣренъ, что начатое имъ дѣло Снядецкій приведетъ къ полному процвѣтанію (ibid. I. 410, 411).

Пробывши нѣсколько недѣль въ Вильнѣ и въ имѣніи брата—около г. Ошмяны (со 2-го іюня по 22 іюля 1806 г.), Снядецкій наглядно убѣдился въ томъ высокомъ уваженіи, которое со всѣхъ сторонъ старались выказать ему люди различныхъ званій и положеній. Онъ не сомнѣвался болѣе, что его слово, его умъ могутъ имѣть въ Вильнѣ рѣшающее значеніе, и если научные интересы здѣсь были забыты, если учебное дѣло въ округѣ поставлено было неудовлетворительно, то, при добромъ желаніи, все можно было исправить и всему дать надлежащій ходъ. Снядецкій не отказывался болѣе отъ принятія должности ректора въ университетѣ и астронома-наблюдателя. Князь Адамъ Чарторыйскій отъ 26-го іюня 1806 года писалъ Снядецкому: „Мнѣ остается только возобновить мою просьбу относительно твоего согласія на принятіе должности ректора университета. Будучи теперь въ Вильнѣ, ты воочію могъ убѣдиться, что нѣтъ болѣе человѣка, на котораго общественный

голосъ указывалъ бы, какъ на достойнаго кандидата въ ректоры. Взоры всѣхъ въ этомъ отношеніи обращены на тебя, и университетъ только ждетъ твоего согласія, чтобы предложить тебѣ ректуру. Потому, если благо и успѣхъ Виленскаго университета для тебя дѣло не чужое, если общее довѣріе и уваженіе, съ которыми повсюду тебя встрѣчаютъ, нашли у тебя надлежащую оцѣнку, то, надѣюсь, не будешь болѣе колебаться въ своемъ отвѣтѣ и примешь, наконецъ, то, къ чему единогласно призываютъ тебя общія желанія... (Pamiętniki o I. Śnideckim. I, 415).

Къ этому времени какъ разъ оканчивался трехлѣтній срокъ, на который былъ избранъ въ ректоры университета кс. Стройновскій. 15-го іюля (1806 г.) онъ увѣдомилъ Снядецкаго, что для заключенія окончательныхъ съ нимъ условій попечитель кн. Чарторыйскій назначилъ гр. Плятера, члена коммиссіи народныхъ училищъ въ Петербургѣ, который съ этою цѣлію и прибудетъ въ Вильну 17 іюля, и что онъ—Стройновскій—будетъ очень счастливъ посодѣйствовать Снядецкому перейти въ Вильну. Условія были заключены и до времени утвержденія ихъ Высочайшею властію, Снядецкій оставилъ Вильну почти въ одно время съ кс. Стройновскимъ, который, номинатъ коадъюторъ епископа Луцкаго, тоже отправился къ мѣсту своего новаго служенія. Временнымъ замѣстителемъ ректора остался кс. Мицкевичъ, деканъ физико-математическаго факультета (отзывъ о немъ Чацкаго мы видѣли выше).

Снядецкій поспѣшилъ на Волынь въ Порицкъ къ Чацкому. Еще изъ Вильны онъ увѣдомлялъ Чацкаго, что кн. Чарторыйскій оставилъ должность министра иностранныхъ дѣлъ, что смущаться этимъ не слѣдуетъ, такъ какъ князь сдѣлалъ это съ тою цѣлію, чтобы окончательно посвятить себя дѣламъ учебнаго округа, что при такой перемѣнѣ могутъ только выиграть всѣ учебныя заведенія и учрежденія, особенно столь любезная для него Кременецкая гимназія. (ibid. I, 414).

Чацкій съ распростертыми объятіями встрѣтилъ Снядецкаго и думалъ поразить его своею любезностію, книжными богатствами и величавымъ ростомъ излюбленнаго дѣтища—Кременецкой гимназіи. Въ послѣдней Снядецкому былъ устроенъ

торжественный пріемъ. Его принималъ Чацкій въ общемъ собраніи учениковъ и учителей, между которыми были его сердечные почитатели: Чехъ, Шейдтъ, Ярковскій и другіе. Всѣ они поднесли Снядецкому адресъ слѣдующаго содержанія. „Наша благодарность тебѣ равняется тому уваженію, на которое ты, почтеннѣйшій мужъ, имѣешь право. Съ справедливымъ удовольствіемъ глядишь на учителей, которые у тебя учились, и на учениковъ, въ одинъ голосъ называющихъ тебя главою физико-математическихъ наукъ. Твое пришествіе наполнило насъ удовольствіемъ. Вмѣстѣ со всѣмъ округомъ раздѣляемъ радость, въ той надеждѣ, что будешь нашимъ начальникомъ. Позволь же намъ просить тебя, чтобы дальнѣйшіе годы ты провелъ среди насъ. (Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ къ Чацкому. Снядецкій заявлялъ желаніе послѣдніе годы своей жизни провести на Волыни, въ обществѣ Чацкаго, Коллонтая, Чеха, Шейдта... На это теперь намекаетъ представляемый адресъ). Достойна Волынь имѣть тебя въ числѣ ея обитателей; вѣдь она славится своимъ рвеніемъ и просвѣщеніемъ, вѣдь мы всѣ покорны твоимъ совѣтамъ и указаніямъ. Благоволи удѣлить намъ въ даръ твой портретъ. Онъ будетъ красоваться въ залѣ вмѣстѣ съ портретами твоихъ предшественниковъ, которые служатъ предметомъ удивленія міра, а однимъ изъ нихъ гордится наша отечественная земля“. (Pamiętniki o. I. Sniadeckim. I, 420—421).

Подобныя оваціи не производили на Снядецкаго того опьяняющаго дѣйствія, на которое расчитывалъ Чацкій. Въ разыгранной комедіи онъ видѣлъ внѣшнюю сторону, отсутствіе занятій и ужъ никакъ не думалъ о дарованіи Кременцу своего портрета, котораго до сихъ поръ не имѣлъ и которымъ менѣе всего былъ занятъ въ жизни. Смущало Снядецкаго и то обстоятельство, что въ Кременцѣ какъ будто забыли ужъ о дѣйствительномъ создателѣ всего внутренняго учебнаго строя гимназіи, что для нея какъ будто было чуждо имя Коллонтая, который, однако, жилъ всего въ семи верстахъ отъ Кременца въ селѣ Тетыльковцахъ, въ уединеніи, убожествѣ, въ болѣзняхъ, и мысль о которомъ сильно занимала Снядецкаго. Онъ рвался къ нему душою. Чацкій, по обычаю *сильно занятый дѣлами*, отказался сопутствовать Снядецкому (хотя прежде

обѣщалъ Коллонтаю доставить ему Снядецкаго) и только написалъ съ нимъ къ Коллонтаю. Сутки могъ провести Снядецкій у Коллонтая, отъ котораго, конечно, услышалъ всю скорбную повѣсть своего житья-бытья и своихъ отношеній къ Чацкому. Но и при такомъ тяжеломъ жизненномъ положеніи, Коллонтай не переставалъ заниматься учеными трудами и обѣщалъ Снядецкому доставить въ рукописи для прочтенія свой послѣдній трудъ „О началѣ происхожденія народовъ и древности славянскаго племени“. Воротившись въ Порицкъ къ Чацкому, Снядецкій поспѣшилъ отвѣтить кн. Чарторыйскому на его послѣднее приглашеніе Снядецкаго въ Вильну.

Сказавши о скромности условій, заключенныхъ съ гр. Плятеромъ, для перехода въ Вильну, Снядецкій продолжаетъ: „сильнымъ представленіемъ общественнаго блага, ваше сіятельство сумѣли уничтожить во мнѣ все то упорство, которое по разнымъ причинамъ въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ встрѣчало какъ будто препятствія для занятія должности ректора въ университетѣ. Отдавая должную честь спасительнымъ вашимъ предпріятіямъ для наукъ и общественнаго просвѣщенія, жажду по мѣрѣ силъ моихъ принадлежать къ сотрудникамъ вашимъ въ столь прекрасномъ дѣлѣ, которое должно увѣковѣчить славу благодѣтельнаго правительства и послужить залогомъ сердечной благодарности вамъ со стороны соотечественниковъ за столь великое радѣніе объ ихъ пользахъ. Кромѣ указаннаго, и слѣдующія обстоятельства заставили меня сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ. Прежде всего, присмотрѣвшись на мѣстѣ къ устройству Виленской обсерваторіи и установкѣ самоважнѣйшаго инструмента, я нахожу, что безъ нѣкоторыхъ исправленій въ этомъ устройствѣ для меня рѣшительно не представляется возможности съ успѣхомъ привести въ исполненіе планъ постоянныхъ, опредѣленныхъ работъ. Назначенная и уже дѣйствующая ревизія Виленскаго университета обнаружитъ дѣйствительное положеніе дѣла, и это, надѣюсь, подкрѣпитъ мои заявленія, которыя для блага и прочнаго спокойствія университета я долженъ буду представить вашему сіятельству. Одно бѣда, что, быть можетъ, остается очень мало времени для принятія мѣръ противъ нѣкоторыхъ неотложныхъ и существенныхъ

нуждъ сейчасъ по открытіи учебнаго курса. Математическія науки, составляющія для юношества, готовящагося на учительскія должности, важнѣйшую часть общественнаго обученія, доведены въ университетѣ почти до совершеннаго упадка... Это, однако, не должно смущать васъ и ослаблять ваше рвеніе. Подобное зло легко поправить. Я видѣлъ съ одной стороны ошибки въ работахъ, съ другой--чрезмѣрную живость и упорство въ отстаиваніи (своихъ убѣжденій); но тутъ же я замѣчалъ и благія намѣренія многихъ все направить къ порядку и на надлежащій путь. Я убѣжденъ, что ваше сіятельство сердечно желаете блага наукъ и этого учрежденія (Виленскаго университета), а при такой могучей опорѣ, при множествѣ пособій и средствъ, все можно исправить и всего мало-помалу достигнуть"... Далѣе Снядецкій говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ Австрійскому правительству, которымъ онъ еще не былъ уволенъ для перехода на службу въ Россію и отъ котораго получалъ пенсію; заявляетъ о своихъ сношеніяхъ съ гр. Плятеромъ по составленію условій для перехода въ Вильну и въ заключеніе письма говоритъ: „Я былъ въ Кременцѣ, для осмотра Волынской гимназіи. Съ удовольствіемъ и истиннымъ сердечнымъ утѣшеніемъ я видѣлъ начало и постепенно быстро возрастающее значеніе этого учрежденія. Тамъ я убѣдился, что безграничное усердіе и упорное желаніе общаго блага можетъ побѣдить всѣ преграды, привести въ исполненіе самыя трудныя предпріятія, склонить на свою сторону общественное мнѣніе и создать общее настроеніе. Пусть ваше сіятельство помогаетъ этому прекрасному дѣлу по возможности скорымъ утвержденіемъ найденныхъ и вновь открываемыхъ фундушей, поддержкою тѣхъ мыслей и представленій, которыя необходимы для правильнаго развитія спасительнаго плана общественнаго воспитанія, весьма важнаго для этихъ провинцій (юго-западныхъ губерній). Пусть не охладѣваетъ рвеніе обывателей, видящихъ уже счастливые плоды своихъ щедрыхъ приношеній. Развитіе этого учрежденія (Волынской гимназіи) послужитъ прочнымъ памятникомъ славы вашего сіятельства и увѣнчаетъ тѣ усердныя старанія, которыя вы положили для распространенія свѣта наукъ среди своихъ соотечественниковъ"... (Pamiętniki. I. 423—425).

И изъ этого письма, которое писано въ домѣ Чацкаго, можно отчасти видѣть, какъ сдержанно отнесся Снядецкій къ затѣямъ Чацкаго, какое безцвѣтное впечатлѣніе произвела на него сама Волынская гимназія. Онъ благоговѣетъ передъ ревностію Чацкаго въ собираніи фундушей, передъ его умѣніемъ возбудить въ свою пользу общественное мнѣніе и все увлечь за собою. Но дальше этого дѣло не пошло, и ничтожные успѣхи въ гимназіи, неопредѣленность учебныхъ плановъ, калейдоскопическая смѣна одного другимъ, погоня за внѣшнимъ блескомъ, все говорило о плохой постановкѣ Кременецкой гимназіи. Такія мысли очень ясно выразилъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Снядецкому кн. Чарторыйскій-отецъ (отъ 18-го сентября 1806 г.), къ которому въ имѣніе, по дорогѣ въ Краковъ, заѣзжалъ Снядецкій; не заставши хозяина дома, онъ оставилъ на его имя письмо съ извѣщеніемъ о принятомъ имъ рѣшеніи—перейти въ Вильну.

„Чрезвычайно опечалило меня то обстоятельство, что я упустилъ минуту, въ которую могъ бы обнять у себя дома пріятеля, котораго нельзя не уважать за обширную ученость, нельзя не любить за его свойства и пріятную любезность въ общественной жизни. Я не могу въ моей жизни припомнить ничего такого, что доставило бы мнѣ столько искренней радости, какъ послѣднія сообщенія въ твоемъ письмѣ. На этомъ основаніи я радуюсь вообще за новый шагъ, который поведетъ къ развитію просвѣщенія и къ установленію добраго порядка; въ частности, какъ *литовецъ* (а съ какихъ поръ Чарторыйскихъ считаютъ поляками?...), искренно привязанный къ гнѣзду и славѣ моихъ соотечественниковъ, я утѣшаюсь (твоимъ рѣшеніемъ перейти на службу въ Вильну). Въ такомъ случаѣ, и собственную частичку присоединяю къ общей благодарности, которую ты заслужилъ, склонившись на желанія особъ, въ душѣ которыхъ горитъ еще обывательское чувство. Никто лучше тебя не сумѣетъ положить конецъ войнѣ всякихъ самолюбій и преимуществомъ таланта и знаній заставить умолкнуть застарѣлые пересуды съ одной стороны, и непомѣрное о себѣ мнѣніе—съ другой. Теперь настанетъ лучшее соперничество (науки), безъ зависти, безъ бабьихъ дрязгъ и квоктаній“.

„Я всегда отдавалъ и продолжаю отдавать самый искренній долгъ уваженія стараніямъ Новогрудскаго старосты (Чацкаго); по истинѣ онъ можетъ сказать: zelus domus tuae comedit me (ревность о домѣ твоемъ снѣдаетъ меня. Изъ священнаго писанія). Но я искренно боюсь, не zelus comedat et domum (чтобы эта ревность не уничтожила и самаго дома). По моему крайнему разумѣнію, у него въ представленіи крайне перепутались понятія относительно развитія и постановки по существу той школьной институціи, которую теперь принято называть гимназіей. Въ Кременцѣ video multa, mallem multum (т. е. въ гимназіи я вижу много (различныхъ затѣй); но сильно желалъ бы лучшаго (по качеству). Кажется можно предвидѣть, что, какъ во время оно совершенно въ полномъ вооруженіи изъ головы Юпитера выскочила Минерва, такъ e celebro Czackiano (изъ головы Чацкаго) въ полной университетской обстановкѣ готовится выйти Кременецкая гимназія, нуждаясь только для присвоенія себѣ этого титула (названія университета) въ извѣстныхъ творческихъ словахъ: по Указу Его Величества... Вообще, если между учебными заведеніями не будетъ строгой послѣдовательности, если не будетъ никакой разницы между приготовительными школами, если въ низшихъ школахъ, гдѣ слѣдуетъ изучать только элементы языковъ ученыхъ, грамматику, синтаксисъ и т. под., станутъ изучать то же, что въ гимназіяхъ, т. е. проходить цѣлые классическіе курсы, если опять въ гимназіяхъ, которыя только подготовляютъ для поступленія въ университеты, захотятъ проходить то же, что въ академіяхъ, которыя служатъ школами для саморазвитія и самоусовершенствованія; въ такомъ случаѣ произойдетъ великій хаосъ и въ головахъ, и въ іерархіи (учебной). Быть можетъ, я и ошибаюсь въ своемъ взглядѣ на вещи; по крайней мѣрѣ откровенно-простодушно (bona fide) написалъ тебѣ обо всемъ. Пустое тщеславіе составляетъ громадное препятствіе къ достиженію общаго блага во всякой странѣ, и тѣмъ болѣе въ нашемъ краѣ, гдѣ оно, тѣсно соединившись съ лѣностью, этимъ природнымъ національнымъ недостаткомъ, способно возбудить сомнѣніе въ нашемъ постоянствѣ; ибо легче имѣть дѣловой видъ, чѣмъ дѣйствительно заниматься дѣломъ (car il est plus facile d'avoir l'air de faire que de faire) и удобнѣе составить себѣ репутацію посредствомъ программъ,

нежели посредствомъ трудовъ (ученыхъ) или же посредствомъ солиднаго разумнаго (учебнаго) плана. Къ счастію, когда ты станешь во главѣ управленія не только университетомъ, но и всѣмъ школьнымъ обученіемъ, твоя свѣтлая и крѣпкая голова сумѣетъ направить дѣла на истинный путь и повсюду остановить порывы пустой суетности, окрыляемой только блестками и внѣшностію“... (Pamiętniki. I. 430—431).

Всѣ упреки въ письмѣ кн. Чарторыйскаго-отца направлены, по преимуществу, противъ Чацкаго, и въ дальнѣйшемъ мы неоднократно встрѣтимъ ихъ развитіе въ письмахъ Снядецкаго къ Чацкому.

Изъ Порицка Снядецкій отозвался и въ Варшаву къ своему другу Дмоховскому... „Выѣзжая отсюда въ Галицію, спѣшу донести тебѣ, писалъ Снядецкій, что Виленская академія и молодой князь Чарторыйскій (попечитель округа) припудили таки меня принять почти все то, передъ чѣмъ я содрогался, и я долженъ былъ оставить за собою обсерваторію и ректуру, не болѣе, впрочемъ, какъ только на три года. Любовь къ соотечественникамъ и ихъ благу заставила меня итти на все, чтобы только сохранить и прекрасныя учрежденія и не дать ослабнуть ревнію князя-попечителя. Если даже это будетъ мнѣ стоить здоровья и жизни, но успѣй только я сдѣлать что нибудь полезнаго, я былъ бы вознагражденъ за всѣ жертвы, которыхъ потребовало отъ меня мое рѣшеніе (итти на службу въ Вильну). Ѣду въ Краковъ... и коль скоро получу изъ Вильны и Вѣны необходимыя бумаги, соберусь въ концѣ будущаго мѣсяца (письмо писано 25 августа 1806 г.) въ Вильну. Теперь только чувствуетъ Вильна содѣянное ею зло, что не послушала моихъ совѣтовъ, три года тому назадъ данныхъ ей изъ Варшавы (относительно приглашенія Дмоховскаго въ университетъ на каѳедру польской литературы: это письмо помѣщено выше). Польской литературы до сихъ поръ нѣтъ (въ университетѣ), и чувствуется вредъ, что своевременно не пригласили тебя и ксендза Копчинскаго... Я слышалъ, что піары подумываютъ о новомъ изданіи моей географіи, которую разыскиваютъ вездѣ по Литвѣ и нигдѣ не находятъ. Прошу заявить, что имъ этого нельзя сдѣлать безъ моего согласія, и самъ я

очень хотѣлъ бы видѣть новое изданіе, но бѣда въ томъ, что обыкновенная для печати бумага ужъ очень плоха. Прошу обнять отъ меня Линде. Чацкій, по всей вѣроятности, возьметъ пятьдесятъ экземпляровъ его словаря (польскаго языка); а въ Вильнѣ я самъ похлопочу по этому дѣлу; всѣ поляки ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ"... (ibid. I. 426, 427).

XI.

Избраніе Снядецкаго въ ректоры университета застаетъ его въ Порицкѣ—у Чацкаго. Распоряженія Снядецкаго изъ Порицка. Арестъ Чацкаго и его оправданіе. Дѣятельность Чацкаго въ должности замѣстителя попечителя округа. Снядецкій въ Вильнѣ. Вопросъ объ эдукаціонномъ фундушѣ. Проектъ о базиліанахъ, какъ учащемъ сословіи. Протестъ митрополита Лисовскаго противъ этого проекта.

Не скоро еще пришлось Снядецкому перебраться въ Вильну. Исполненіе различныхъ формальностей, наведеніе справокъ и официальная переписка затянули дѣло до зимы. Только 4 января 1807 года состоялось его избраніе въ университетѣ на должность ректора. Извѣстіе объ этомъ застало Снядецкаго снова въ Порицкѣ у Чацкаго, куда переѣхалъ онъ изъ Кракова, наскучивши тамъ неопредѣленностію своего положенія и не дождавшись никакихъ извѣстій изъ Петербурга и Вѣны.

Получивши официальное увѣдомленіе о своемъ избраніи, Снядецкій отвѣтилъ письменно на имя замѣстителя ректора благодарностію за оказанную ему честь. При этомъ выразилъ опасеніе сумѣетъ ли онъ удовлетворить многоразличнымъ требованіямъ своего новаго положенія очень труднаго, въ высшей степени важнаго и отвѣтственнаго. Указывая на пройденное поприще въ Краковской академіи, Снядецкій съ сожалѣніемъ заявлялъ, что въ своихъ трудахъ и заботахъ о благѣ наукъ и ученаго института онъ испыталъ болѣе всего невзгодъ и прискорбныхъ недоразумѣній. Если Виленскому университету угодно было вновь призвать къ дѣятельности ослабѣвшія въ борьбѣ силы, то этимъ самымъ университетъ передъ цѣлымъ міромъ далъ какъ бы обязательство доказать

справедливость и основательность сдѣланнаго выбора. А все вмѣстѣ и избирателей и избранника заставляетъ объединить всѣ наличныя силы и стремленія для достиженія возможно большаго блага и развитія науки, для пользы ввѣреннаго ихъ руководству юношества, осуществленія благодѣтельныхъ намѣреній Государя и для славы университета.

Въ письмѣ къ профессору Лёбэнвейну, декану медицинскаго факультета, который былъ предсѣдателемъ университетскаго совѣта по избранію Снядецкаго, послѣдній, между прочимъ, особенно сильно указывалъ на необходимость избѣгать интригъ, косыхъ взглядовъ, кислыхъ физіономій (Лебэнвейнъ былъ иностранецъ, а партія иностранцевъ не ладила съ поляками), взаимной зависти и ненависти. Такое поведеніе недостойно ученой корпораціи, и оно то болѣе всего сѣетъ между ея членами ссоры и раздоры, препятствующіе развитію научнаго духа и успѣшности работъ.

Не дожидаясь Высочайшаго утвержденія своего избранія, Снядецкій началъ дѣлать изъ Порицка и нѣкоторыя распоряженія по университету. Такъ онъ писалъ кс. Мицкевичу (замѣститель ректора) по возможности заботиться объ экономіи казеннаго сундука, отложить на будущее время не особенно важныя статьи расхода и сдѣлать представленіе попечителю о средствахъ обезпечить на дальнѣйшее время аккуратность поступленія доходовъ. Просилъ его также утвердить на будущее время визитаторомъ училищъ юго-западныхъ губерній Чацкаго, указывая, какихъ качествъ нужно требовать отъ визитаторовъ вообще. Ученому секретарю университета, профессору Малевскому, Снядецкій поручалъ заблаговременно собрать свѣдѣнія, вездѣ ли, при неспокойномъ военномъ времени, можетъ быть произведенъ осмотръ школъ, чтобы, въ случаѣ невозможности визитаціи, не расходовать непроизводительно средствъ; рекомендовалъ ему, при назначеніяхъ визитаторовъ, выбирать людей труда, науки, а не такихъ, которые любятъ только фигурировать въ этомъ званіи; совѣтовалъ неопустительно произвести визиту школъ въ Бѣлоруссіи, изучить ихъ духъ, положеніе и обо всемъ дать университету надлежащія свѣдѣнія. (Pamiętniki I. 445 — 447). Вообще Снядецкій сразу сталъ сильно вникать во всѣ дѣла универ-

ситета и подчиненныхъ ему училищъ и готовъ былъ немедленно отправиться въ Вильну. Къ этому побуждалъ его особенно гр. Плятеръ, который продолжалъ еще оставаться въ Вильнѣ (онъ производилъ, между прочимъ, и ревизію университета) и который обѣщалъ ускорить его дѣло въ Петербургѣ. „Раньше или позже, а Высочайшее утвержденіе (избранія) послѣдуетъ непремѣнно, писалъ Снядецкому Плятеръ,... и все говоритъ въ пользу того, чтобы университетъ по возможности скорѣе увидалъ своего начальника". (ibid 444). Но ожиданія разрѣшенія изъ Вѣны на переходъ на службу въ Россію на цѣлый мѣсяцъ еще задержали Снядецкаго въ Порицкѣ. При этомъ случилось новое обстоятельство, котораго всегда слѣдовало ожидать и которое сильно встревожило и опечалило Снядецкаго. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ онъ изъ Порицка кн. Адаму Чарторыйскому (отъ 6 февраля 1807 г.).

Сказавши, что его ожиданія получить отъ Австрійскаго правительства разрѣшеніе перейти на службу въ Вильну до сихъ поръ еще не увѣнчались никакимъ успѣхомъ, что, въ свою очередь, желая быть вполнѣ корректнымъ передъ этимъ правительствомъ за его къ нему довѣріе, онъ не хотѣлъ уѣхать безъ его разрѣшенія, что въ Порицкѣ онъ поджидалъ возврата съ Кіевскихъ контрактовъ Чацкаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вновь похлопотать въ Вѣнѣ о скорѣйшемъ полученіи просимаго, Снядецкій продолжаетъ: „два дня тому назадъ я получилъ неожиданное и прискорбное извѣстіе, что Кіевскій генералъ-губернаторъ, руководствуясь, какъ самъ выражается въ письмѣ, одними слухами, призналъ необходимымъ удалить Чацкаго изъ здѣшней провинціи и отправить его въ Харьковъ, подъ предлогомъ осмотра университета. Это обстоятельство причинило безконечное горе его женѣ, роднымъ и всему дому. Чтобы успокоить участливую дружбу къ Чацкому вашего сіятельства, считаю себя обязаннымъ высказать вамъ слѣдующее. Пять съ половиною мѣсяцевъ я гостилъ въ домѣ Чацкаго и былъ постояннымъ очевидцемъ его поступковъ. Я вмѣстѣ съ нимъ прочитывалъ его переписку съ различными лицами; Чацкій настолько былъ увѣренъ во мнѣ, что открывалъ мнѣ всѣ свои мысли; потому я убѣжденъ въ полнѣйшей невинности этого мужа, который даже въ мысляхъ не имѣлъ противодѣйствовать Правительству, всегда и вездѣ

имъ прославляемому.“ Въ заключеніе письма Снядецкій говоритъ, что Виленскій университетъ настаиваетъ па скорѣйшемъ его прибытіи въ Вильну, что времена наступаютъ трудныя, что онъ немедленно поспѣшитъ къ своему посту, надѣясь уже при содѣйствіи князя-попечителя, выхлопотать изъ Вѣны необходимое для него разрѣшеніе, и что онъ употребитъ всѣ силы, чтобы оказаться па высотѣ своего призванія и оправдать высокое къ нему довѣріе князя. 8-го февраля Снядецкій оставилъ Порицкъ и направился въ Вильну. (Pamiętniki. II. 256, 257.).

Останавливаясь надъ фактомъ почетнаго ареста Чацкаго, который, совершенно неожиданно для него, дѣйствительно былъ отправленъ въ Харьковъ, а потомъ, какъ увидимъ, въ Петербургъ, мы должны сказать, что Снядецкій былъ далеко не вѣренъ себѣ въ донесеніи князю о приключеніи съ Чацкимъ. Мы видѣли уже, какими враждебными для Россіи намѣреніями онъ проникнутъ былъ въ своей дѣятельности. Въ Россіи, въ Кременцѣ при содѣйствіи русскихъ силъ и средствъ, онъ хотѣлъ создать польскій Парнасъ, разрушивши, изгладивши здѣсь предварительно все русское. Отсюда, какъ изъ центра, онъ хотѣлъ расширить свою полонофильскую дѣятельность на всю Литву и Бѣлоруссію. Въ этихъ видахъ онъ собиралъ въ Кременецъ и въ Порицъ всѣ богатства различныхъ проявленій польско-шляхетскаго духа, которымъ думалъ возбудить всѣхъ и все. Горячій фанатикъ въ задуманномъ дѣлѣ, онъ не зналъ для сего препятствій и открыто заявлялъ, что „въ шесть лѣтъ сдѣлаетъ столько, сколько другіе не сдѣлаютъ и въ пятьдесятъ.“ Чрезвычайной самоувѣренности Чацкаго содѣйствовало еще и то, что ему много помогалъ русскій министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, что его дѣятельность съ высоты Престола получала нѣкоторую санкцію. Чацкій, какъ и его панигиристы, забывалъ, что Правительство одобряетъ не его разнообразныя затѣи и полонофильскія стремленія, а заботы о насажденіи просвѣщенія, которыя bona fide считало полезными для общаго государственнаго блага и не заподозрѣвало ни въ какой преступной тенденціозности. Но Чацкій былъ себѣ на умѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ не стѣснялся никакою формальностію, совершенно произвольно распоряжался громадными денежными средствами, не

хотѣлъ знать никакихъ утвержденныхъ свыше учебныхъ программъ и инструкцій, въ учебныхъ заведеніяхъ старался поселить свой духъ, всѣхъ одушевить своими мыслями и намѣреніями. Такимъ образомъ, мало-по-малу домъ Чацкаго сдѣлался своего рода клубомъ. Сюда съѣзжались помѣщики со всей губерніи. Здѣсь они встрѣчали всегда старосвѣтскій радушный польско-шляхетскій пріемъ. Угощеніе предлагалось самое широкое. Начинаясь обыкновенными житейскими хозяйственными дѣлами, разговоръ часто переходилъ на политику. Съ начала зимы 1806 года политическіе разговоры въ салонѣ Чацкаго становились шумнѣе, развязнѣе; число посѣтителей ихъ увеличивалось и доходило иногда до двухсотъ человѣкъ. Снядецкій все это видѣлъ и не только видѣлъ, но даже дѣлалъ Чацкому дружескія предостереженія. Вмѣстѣ съ генераломъ Княжевичемъ, тоже гостившимъ въ домѣ Чацкаго, Снядецкій указывалъ Чацкому на неумѣстность и неблаговременность такихъ подозрительныхъ многолюдныхъ въ его домѣ собраній, которыя занимаются политикою въ то время, когда почти на самой границѣ государства совершаются военныя дѣйствія. Но Чацкій не думалъ нарушать разными стѣсненіями права гостепріимства, а шляхта съ неудовольствіемъ выслушивала дѣлаемыя предостереженія и по обычаю продолжала шумѣть. Между тѣмъ изъ среды же гостей Чацкаго нашлось лицо, которое, якобы изъ зависти къ его славѣ, донесло Кіевскому генералъ-губернатору Кутузову объ антиправительственныхъ затѣяхъ въ домѣ Чацкаго. (Pamiętniki. I, 447—448).

Такова истинная подкладка ареста Чацкаго, и нѣтъ сомнѣнія, что для этого были вполнѣ основательныя причины. Уѣзжая изъ Кіева въ Харьковъ, Чацкій успѣлъ послать нарочнаго въ Порицкъ съ извѣщеніемъ Снядецкаго о случившемся и съ просьбою подготовить его супругу спокойно принять вѣсть о его отъѣздѣ. Изъ Харькова Чацкій былъ отправленъ въ Петербургъ. Хлопоты его жены и друзей, заступничество гр. Завадовскаго и кн. Чарторыйскаго, снисходительность русскаго Правительства много содѣйствовали его полному оправданію. *).

---

*) Изъ Харькова супруга Чацкаго писала между прочимъ министру народнаго просвѣщенія (отъ 1-го марта 1807 года); „Моему мужу, когда онъ

Отъ 20 іюля 1807 года состоялся даже Высочайшій рескриптъ на имя Чацкаго, въ которомъ было сказано, что Государь Императоръ, „внявъ его оправданіямъ, велѣлъ уничтожить дѣло, по обстоятельствамъ токмо времени возникшее. Дѣло это, сказано въ рескриптѣ Государя, какъ вамъ (слова рескрипта), такъ и Мнѣ было непріятно, потому что ваши отличныя заслуги въ расширеніи отличнаго просвѣщенія (скоро мы увидимъ противный этому отзывъ!) стяжали благоволеніе и Мою къ вамъ довѣренность, которыя не колебались, не поколеблются. О сихъ поновляя вамъ Мои увѣренія, остаюсь въ пріятномъ упованіи, что на томъ же поприщѣ, гдѣ уже громки ваши подвиги, вы еще новыми трудами умножите общую пользу, а къ себѣ признательность вамъ благосклоннаго" (Александра I). (Сборн. Матер. III, 848. Въ польскомъ переводѣ этотъ рескриптъ напечатанъ въ Życiu i pismach Czackiego. Osinski. 154).

былъ на контрактахъ въ Кіевѣ, генералъ-губернаторъ Кутузовъ далъ совѣтъ, —безъ объясненія причинъ, отправиться въ путешествіе въ Харьковъ. Онъ принялъ это, какъ ссылку. Спокойный въ своей совѣсти, которая ни въ чемъ его не упрекала, онъ безъ всякаго страха отправился по назначенію, извѣстивши объ этомъ происшествіи меня на Волыни, гдѣ я живу постоянно. Послѣ полученія такой прискорбной новости, можете вообразить, Ваше Сіятельство, отчаяніе нѣжно любящей своего мужа супруги и матери троихъ дѣтей. Слѣдуя побужденію моего сердца и моего долга, я пожелала раздѣлить его участь. Прибывши въ Кіевъ, я получила отъ генералъ-губернатора подорожную, и онъ ручался мнѣ, что я найду моего супруга въ Харьковѣ. Прибывши сюда, я не нашла его въ Харьковѣ. Мое отчаяніе было крайнее. Не зная, что дѣлать, я рѣшилась ѣхать въ Петербургъ куда, какъ говорили, отправился мой мужъ еще 21 февраля." Сказавши, что она провѣрила на почтѣ въ книгахъ записи отъ названнаго числа и не нашла въ нихъ записанными ни имени, ни подорожной Чацкаго, а вмѣсто того было имя нѣкоего Кобурова съ будущимъ, который взялъ до первой станціи отъ Харькова десять лошадей. Это навело Чацкую на мысль, что подъ будущимъ необходимо понимать ея супруга, что онъ содержится подъ конвоемъ и, Богъ вѣдаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

„Потому, заключаетъ Чацкая, я приняла смѣлость обратиться съ моею просьбою къ Вашему Сіятельству, какъ человѣку, извѣстному своею лояльностію (любимое у поляковъ слово, но только понимаемое ими въ смыслѣ пожертвованія всѣмъ въ пользу ихъ интересовъ; въ противномъ случаѣ—это уже притѣсненіе, партійность), какъ начальнику вѣдомства, въ которомъ имѣлъ честь работать мой мужъ, подъ вашимъ покровительствомъ. Мои просьбы состоятъ въ томъ, чтобы вы оказали ему свое заступничество. Я слишкомъ

Чацкій торжествовалъ. Снядецкій, который, будучи уже въ Вильнѣ, безпокоился о его судьбѣ и на всѣ свои письма не получалъ отвѣта, 13 марта 1807 года былъ увѣдомленъ Чацкимъ, что онъ совершенно оправданъ, что его враги посрамлены, что князь-попечитель, который долженъ немедленно уѣхать за границу, въ квартиру Государя Императора, оставилъ его—Чацкаго—замѣстителемъ себя въ Петербургѣ и поручилъ ему рѣшеніе важнѣйшихъ эдукаціонныхъ вопросовъ. Въ свою очередь и Снядецкій получилъ отъ попечителя разрѣшеніе относиться къ нему только въ самоважнѣйшихъ дѣлахъ—въ главную квартиру Его Величества; обыкновенныя дѣла поступали на разсмотрѣніе Чацкаго, а въ случаѣ безотлагательности ихъ—прямо на имя министра.

Ставши во главѣ управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ, Чацкій поспѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы при содѣйствіи благоговѣвшаго передъ нимъ министра гр. Завадовскаго, по возможности скорѣе, привести въ дѣйствіе свои планы и установить ихъ на самыхъ незыблемыхъ основаніяхъ.

увѣрена въ его невинности, чтобы неосновательно обращаться къ вамъ съ моею просьбою.

Я льщу себя надеждою на вашу доброту, которую всегда выказывали, что, при вашемъ содѣйствіи, для несчастной жены дано будетъ дозволеніе соединиться съ мужемъ и раздѣлить его участь. Такова единственная цѣль всѣхъ моихъ желаній... (Сборн. Матеріаловъ. III, 846—847).

Изъ Харькова писалъ Чацкій Голенищеву-Кутузову: „Харьковскій университетъ окружаетъ меня своимъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь я изгнанникъ. Если это положеніе вызвали слова (какія—неизвѣстно), высказанныя мною въ товарищескомъ кружкѣ, я готовъ повторить ихъ передъ Государемъ, который насъ осчастливилъ. Боюсь одной совѣсти; но она—спокойна. Будемъ помнить о тѣхъ чувствахъ, которыя заявляемъ; не забудемъ и тѣхъ обязанностей, которыя налагаютъ на насъ взаимное довѣріе и наша благодарность. Вполнѣ полагаюсь, генералъ, на ваше мнѣніе. Пусть прекратятся страданія моей жены. Дайте возможность доказать, что несчастія нисколько не уменьшаютъ моего рвенія въ служеніи краю“. Тогда же писалъ Чацкій на имя Государя. „Увѣренный въ своей невинности, я не прошу милости Вашего Величества, но жажду справедливости. Слава и благодарность ручаются за мою вѣрность (кому только и чему...). Я весь отдался устройству той школы, которая покрыта свидѣтельствомъ Твоихъ благодѣяній. Я принадлежу къ обывателямъ той провинціи, которая славится уваженіемъ

Одною изъ первыхъ заботъ его было обезпечить въ Виленскомъ учебномъ округѣ эдукаціонный фундушъ. Послѣ закрытія ордена іезуитовъ, всѣ его движимыя и недвижимыя имѣнія и капиталы конституціею 1775 года объявлены были поіезуитскимъ эдукаціоннымъ общественнымъ фундушемъ. Но тогда же многочисленная обѣднѣвшая шляхта немилосердно стала расхищать эти фундуши. Расхищеніе производилось очень быстро, такъ какъ по постановленію сейма 1775 года и особенно 1788 года можно было продавать, или отдавать эти имѣнія въ безсрочную, вѣчную, неопредѣленную аренду, а капиталы помѣщать на % опять таки безъ всякихъ опредѣленныхъ условій: самое управленіе эдукаціоннымъ фундушемъ не имѣло опредѣленнаго, спеціальнаго характера и на-

---

и привязанностію къ своему Монарху. Если я совершилъ преступленіе, пускай на мнѣ явятъ примѣръ наказанной неблагодарности; если же я невиненъ, не допусти, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы я терпѣлъ ущербъ въ моей славѣ и свободѣ." (O Zyciu Czackiego. Osinski. 54, 55. Ср. 153, 154.). Гр. Завадовскому Чацкій писалъ: „Когда я получалъ ваши милостивыя письма, когда Монархъ благоволилъ удостоить меня Своимъ вниманіемъ, я никакъ не надѣялся безъ малѣйшей вины очутиться въ изгнаніи. Всѣ обстоятельства выясняю въ прошеніи на Высочайшее имя, копію котораго при семъ прилагаю (нѣтъ). Бьюсь объ закладъ честью и всѣмъ, что только есть святого, что не знаю причины моего несчастія. Три недѣли ждалъ я (въ Харьковѣ) объясненія, кто въ чемъ меня обвиняетъ. Не боюсь суда, но трепещу передъ его замедленіемъ. Вѣдь я мужъ и отецъ. Съ успѣхомъ я умѣю исполнять мои обязанности въ той части общественной администраціи, которую вы благоволили поручить мнѣ. Если я виноватъ, не требую милости. Общественный дѣятель долженъ быть примѣромъ. Если я не запятналъ себя преступленіемъ въ неблагодарности къ Монарху, мнѣ слѣдуетъ отдать должную справедливость. Изгнаніе—это строгая кара, которую переношу; а между тѣмъ для меня тайна—и имя обвинителя, и предметъ обвиненія, и его участники. Взываю къ вашему благодѣтельному содѣйствію, чтобы все дѣло немедленно было разслѣдовано на законномъ основаніи. Настоящее обстоятельство не ослабитъ вашей ко мнѣ милости, напротивъ, усилитъ ваше вниманіе, такъ какъ мою честность вы встрѣтите въ каждомъ высказанномъ мною словѣ, въ каждомъ поступкѣ, который я совершилъ (ibid. 152—154).

Замѣчательно, что, заявляя рѣшительно о своей невинности, Чацкій и его ходатаи имѣютъ въ виду только особу Государя Императора, и совершенно игнорируютъ русское государство, очевидно не считая нисколько преступнымъ убивать въ Россіи все русское, насаждать здѣсь полонизмъ, сноситься съ врагами государства, готовить ему недруговъ; а вѣдь въ подобной дѣятельности Чацкій, какъ мы видѣли, самъ признавался и хвасталъ ею.

ходилось въ рукахъ ненадежныхъ. Являлись безконечные споры вслѣдствіе неточности границъ владѣній, несвоевременнаго взноса аренды, а то и совершенной ея неуплаты. Нѣкоторые капиталы стали исчезать безслѣдно, а имѣнія объявлялись частною собственностію, съ отказомъ, конечно, платить какую бы то ни было аренду. Такъ велось дѣло на всемъ пространствѣ нынѣшняго Привислинья, Галиціи и Виленскаго учебнаго округа. Эдукаціонный фондъ нищалъ быстро, а между тѣмъ учебно-просвѣтительныя нужды сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно успѣли возрасти и требовали большихъ расходовъ. Одинъ Кременецъ требовалъ все большихъ и большихъ затратъ. Отъ такого обнищанія поіезуитскаго фундуша и безпорядочности въ его управленіи и Виленскій университетъ начиналъ чувствовать значительныя затрудненія. Такимъ образомъ, вопросъ о сохраненіи отъ расхищенія эдукаціоннаго фундуша являлся однимъ изъ существеннѣйшихъ, и въ этомъ одинаково соглашались Чацкій и Снядецкій; но въ способѣ его разрѣшенія они совершенно между собою расходились.

Опираясь на томъ постановленіи сейма 1775 года, что поіезуитскія имущества должны составлять общественный эдукаціонный фундушъ, Снядецкій требовалъ неуклонно держаться этого основного положенія и знать не хотѣлъ никакихъ послѣдующихъ сдѣлокъ относительно этихъ имѣній, допущенныхъ безправно, корыстно, со вредомъ для государства. Всѣ подобныя имѣнія, разъ было доказано, что они поіезуитскія, необходимо было засчитать государственнымъ фундушемъ, хотя бы въ настоящую пору они значились частною собственностію. За всѣми такими фундушами должна была неуклонно слѣдить администрація, не позволяя его никому продавать, и заботиться о сохраненіи и увеличеніи доходности. Въ арендованныхъ имѣніяхъ, съ возвышеніемъ ихъ цѣнности, должна была увеличиваться съ теченіемъ времени и арендная плата.

Чацкій никакъ не хотѣлъ думать о возстановленіи первоначальнаго состава фундуша, не желая разорять многочисленную шляхту, которая успѣла уже захватить многое изъ эду-эдукаціоннаго фундуша, хотя самъ признавалъ вполнѣ незаконнымъ способъ ея обогащенія. Онъ думалъ довольствоваться только оцѣнкою наличнаго фундуша, въ чьихъ бы рукахъ онъ

ни былъ, и получать отъ этой суммы извѣстный (6%) процентъ, не заботясь потомъ ни о возвращеніи захваченныхъ имѣній и ихъ сохранности, ни объ увеличеніи доходности. Снядецкій хотѣлъ обезпеченія за фундушемъ самыхъ имѣній, Чацкій только суммъ отъ этихъ имѣній. „Письмо, полученное отъ тебя, писалъ Чацкій Снядецкому (отъ 21 апрѣля 1807 г. изъ Петербурга), представляетъ новое доказательство того, на сколько въ общественномъ дѣятелѣ ты уважаешь независимость мнѣнія и, при личномъ убѣжденіи, не дѣлаешь никакихъ жертвъ. Ты меня любишь, я съ гордостію повторяю это, хотя расходишься со мною во мнѣніи, такъ какъ полагаешь, что я не съ надлежащей точки зрѣнія смотрю на поіезуитскій фундушъ“.

„Мѣстная власть (въ Польшѣ въ 1775 г.) поіезуитскіе фундуши передала въ пользу просвѣщенія. Но вѣдь на той самой страницѣ она сдѣлала постановленіе и о продажѣ этихъ имѣній; вѣдь іезуитамъ передавались имѣнія и суммы съ различными цѣлями, а правительство назначило ихъ единственно на цѣли образованія юношества. Такимъ образомъ, продолжаетъ Чацкій, эдукаціонной коммиссіи принадлежатъ только денежныя суммы отъ продажи имѣній, а не самыя имѣнія. Для эдукаціоннаго фундуша было бы далеко не безопасно возвращаться къ невозможнымъ для осуществленія разслѣдованіямъ, можно ли, согласно первоначальной волѣ жертвователей и давнимъ правамъ, обратить на дѣло просвѣщенія всѣ фундуши, такъ какъ сомнительно, чтобы въ подобномъ смыслѣ могли быть рѣшены дѣла, начатыя съ іезуитами (до ихъ изгнанія) и прекращенныя конституціею 1776 года. Отсюда прямой выводъ, что основаніемъ нашего права на пользованіе имѣніями іезуитовъ служитъ постановленіе 1775 года. Не слѣдуетъ, потому, устранять это рѣшеніе, какъ единственное въ нашу пользу основаніе. Постановленіе 1775 года сдѣлалось частью тѣхъ правъ, обязательность которыхъ признало русское правительство. Сеймъ 1788 года, прославленный добродѣтелями и ошибочными на него надеждами, хотя громилъ дѣятелей 1775 года, призналъ однако собственность, которую утвердила за нѣсколькими сотнями шляхты высшая власть, не особенно, правда, заслуживающая уваженіе. Черезъ это отъ пожалованныхъ имѣній общественное просвѣщеніе не полу-

чило столько пользы, сколько можно было ожидать; отъ общественной казны вырвали староства, которыя, по волѣ королей и частныхъ завѣщателей, должны были оставаться на вѣки государственнымъ достояніемъ. Хотя этотъ грабежъ и занесенъ въ списокъ ошибокъ и чиновничьихъ мошенничествъ, однако его (списокъ) не отмѣтили главнымъ нарушеніемъ общественнаго довѣрія. Нѣсколько дней тому назадъ, какъ Монархъ, вопреки мнѣнію большинства, опираясь исключительно на заявленіи нашего попечителя, поставилъ закономъ, что эмфитеузы, староства и дары польскихъ сеймовъ должны оставаться ненарушимы. У каждаго народа бываютъ моменты, когда грабежами и насиліями, подъ покровомъ якобы закона, захватываютъ государственную или частную собственность. Мѣстная власть бросаетъ на это покровъ (забвенія), предпочитая собственную или частную обиду общему замѣшательству понятія о собственности... Вѣдь если мы будемъ доказывать правительству, что можно отмѣнять послѣднія постановленія закона относительно собственности, если Монархъ объявитъ, что онъ не обязанъ охранять то, что сдѣлала прежняя власть, что онъ можетъ осудить ея постановленія и исправить, кто тогда будетъ увѣренъ, что онъ своимъ дѣтямъ оставитъ имѣніе, кто въ состояніи предвидѣть конецъ борьбы между настоящею и прежнею властію? Такимъ образомъ, отыскивая полноту эдукаціоннаго фундуша, мы готовимъ потрясеніе всей общественной собственности. Кто изъ насъ не помнитъ, какою боязнью во всѣхъ здѣшнихъ провинціяхъ наполнило насъ установленіе Государемъ Павломъ I коммиссіи для изслѣдованія характера имѣній во время польскаго владычества и кто, опять, не благословляетъ имени Александра I, пожелавшаго лучше болѣе утвердить общественное мнѣніе въ довѣріи къ настоящему порядку вещей, нежели питаться надеждою увеличить государственные доходы (продолжая сохранять коммиссію Павла I). Повторяю: можемъ искать прибыли только отъ суммъ за имѣнія, такъ какъ единственно эти суммы принадлежатъ намъ"...

„Забудемъ о тѣхъ, которые совершили первоначальную куплю, и при томъ въ большей части мошенническимъ способомъ. Ихъ покрываетъ уже гробовая плита. И ужелижъ пріобрѣтатель грѣшилъ тѣмъ, что относился съ уваженіемъ къ постановленіямъ двухъ польскихъ сеймовъ, изъ которыхъ одинъ

опирается на силу власти и времени, а другой пользуется общественнымъ довѣріемъ. Я самъ неоднократно занимался изслѣдованіемъ о происхожденіи имѣній; генеалогія наслѣдствъ являлась вмѣстѣ съ тѣмъ часто и генеалогіей безправныхъ и наглыхъ покупщиковъ; каждый злословилъ перваго, который допустилъ себя опозорить (неправою покупкою); но каждый, во всякомъ случаѣ, смотритъ на наслѣдство подъ охраною права, какъ на явленіе совершенно въ порядкѣ вещей. Въ моемъ родѣ нѣтъ поіезуитскихъ имѣній. Извѣстно мое безкорыстіе въ отношеніи казны умершей отчизны и эдукаціоннаго фундуша. Мы оба должны взаимно свидѣтельствовать о нашемъ безпристрастіи"... (Pamiętniki. II, 266—270).

Не убѣдительнымъ и даже крайне пристрастнымъ казалось все это Снядецкому. „Уважаю и цѣню твое мнѣніе даже въ такихъ случаяхъ, когда оно расходится съ моимъ убѣжденіемъ, такъ какъ я увѣренъ, что оно исходитъ изъ благороднаго и почтеннаго увлеченія. Рѣшительно не имѣю намѣренія ни портить, ни задерживать столь важнаго вопроса относительно установленія коммиссіи для охраненія эдукаціоннаго фундуша. Но считаю необходимымъ изложить мои замѣчанія, въ видахъ пользы самаго фундуша и обезпеченія владѣльцевъ поіезуитскихъ имѣній. Мои замѣчанія обоснованы на самой строгой справедливости, и если мы не хотимъ теперь послушать ея голоса, то его выслушаютъ когда нибудь потомъ наши потомки, при гораздо болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ для тѣхъ же владѣльцевъ. Никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы уважать сеймъ 1788 года за его постановленіе объ эдукаціонномъ фундушѣ; это вѣчный позоръ, которымъ онъ покрылъ себя и смыть который ничто не въ состояніи. Постановленія 1775 г. можно счесть за ошибку; въ то время у насъ не было надлежащаго представленія о внутренней администраціи; но распоряженія 1788 года (о поіезуитскомъ фундушѣ) можно назвать только грабежемъ государственнаго имущества. По моему мнѣнію, гораздо болѣе виноватъ тотъ, кто извѣстный проступокъ узаконяетъ и утверждаетъ, нежели тотъ, кто первоначально допустилъ его. Разъ сеймъ 1775 года высказалъ прекраснѣйшую вещь, что *имѣнія и капиталы поіезуитскіе составляютъ эдукаціонный общественный фундушъ*, этимъ высказалъ онъ все, чего никто не въ силахъ ни осла-

бить, ни тѣмъ болѣе, уничтожить. Онъ изрекъ, что общественное воспитаніе имѣетъ свой фундушъ, указавши при этомъ, на чемъ опирается этотъ фундушъ. Если въ Европѣ невѣроятенъ поворотъ людей къ варварству, то съ развитіемъ цивилизаціи, сильнѣе каждый разъ будетъ чувствоваться потребность въ просвѣщеніи края. Денежный доходъ отъ имѣній, представляющійся въ настоящее время такимъ громаднымъ, черезъ сто, или нѣсколько сотъ лѣтъ уменьшится до сотой или тысячной части настоящей стоимости и будетъ не въ состояніи удовлетворить потребностямъ просвѣщенія. Въ такой же пропорціи, а быть можетъ и въ гораздо большей увеличатся другія нужды мѣстной администраціи, измѣнится общественное мнѣніе и связи людей, теперь взаимно себя поддерживающихъ, и строгая справедливость, не обращая вниманія на тѣ взгляды, которыми мы теперь руководствуемся, потребуетъ отчета въ захватахъ, допущенныхъ со вредомъ для всѣхъ поколѣній. И благо, если подобное требованіе не будетъ сопровождаться жаждою мщенія; а вѣдь непреложная истина, что отвѣтственность за общественныя преступленія, слѣды и послѣдствія которыхъ не умираютъ, можетъ кончиться не иначе, какъ послѣ надлежащаго удовлетворенія и наказанія. Не можешь, Милостивый Государь, отвергнуть того, что Высочайшая власть края имѣетъ полное право исправлять ошибки администраціи, особенно, если онѣ допущены со вредомъ общественнымъ; такимъ способомъ усовершенствуются административные порядки. Современное возвышеніе процента, требованіе внесенія 25 процентовъ отъ оцѣночной съ имѣній суммы (это все новые проекты) являются послѣдствіемъ такого права. Какимъ же образомъ ты хочешь отнять у власти это право на будущее время? Теперь поправляются ошибки за послѣднія тридцать лѣтъ: почему же нельзя въ будущемъ требовать вознагражденія за ошибки и убытки лѣтъ ста и болѣе? Прямо глядя на вещи издали, помня изреченіе права, что поіезуитскія имѣнія предназначены на эдукаціонный фундушъ, что это изреченіе вышло ранѣе распоряженія объ управленіи этими имѣніями, раньше указанія способа собиранія и расходованія самаго фундуша, я не вижу на будущее время никакого обезпеченія и другого исхода для владѣльцевъ этихъ имѣній, какъ только принять указанный мною способъ. Освобожденіе имѣ-

ній отъ долга перенесеніемъ его на другія имѣнія произведетъ только замѣшательство, впутаетъ въ дѣло съ отвѣтственностію большое количество лицъ, увеличитъ для владѣльцевъ дурныя послѣдствія. но права на имѣнія не ослабитъ и не уничтожитъ. Если указанное освобожденіе ты какъ будто облегчаешь, польстившись на 25 процентовъ или четвертную часть капитала, если первымъ положеніемъ проекта, прекращающимъ всѣ ревизіи и повѣрочныя земельныя дѣйствія, ты намѣренъ уничтожить всѣ слѣды для отысканія первоначальныхъ эдукаціонныхъ фундушей, тогда позволь сказать тебѣ, что, при самыхъ благороднѣйшихъ намѣреніяхъ, ты совершаешь великое зло, которое ничѣмъ невозможно вознаградить и которое, при всемъ томъ, безцѣльно, такъ какъ земля въ сущности никогда не уничтожится; и если въ тѣхъ, кто владѣетъ теперь поизуитскими имѣніями, уничтожится память о первоначальномъ происхожденіи владѣній, то это будетъ потомъ величайшимъ несчастіемъ для самихъ владѣльцевъ. Вѣдь ты, Милостивый Государь, прекрасно видишь вещи, чтобы могъ увлекаться какими нибудь сотнями тысячъ или милліонами кажущихся наращеній (капитала), такъ какъ при настоящихъ порядкахъ, въ отдаленномъ будущемъ они должны умалиться почти до уничтоженія. Не будемъ разсчитывать на подаяніе, въ которомъ не нуждаемся. Имѣя дѣло съ людьми въ настоящемъ ихъ видѣ, мы всегда будемъ поставлены въ затрудненіе найти второго Чацкаго и поставить его въ такое счастливое положеніе, чтобы онъ могъ создать для себя и для провинціи славу, которою по справедливости пользуется Волынь“... Продолжая разборъ мнѣній Чацкаго, Снядецкій упорно настаиваетъ на слѣдованіи исторической логикѣ вещей и требуетъ даже капитальныя суммы замѣнить недвижимостью и опредѣлять чиншъ не деньгами, а натурою, плодами.

„Такое дѣло будетъ достойно твоихъ, Милостивый Государь, сердечныхъ заботъ, будетъ достойно благосердія Монарха, разумныхъ взглядовъ министра и славы попечителя: оно будетъ безсмертно, всѣхъ обезпечитъ (отъ случайностей) и возстановитъ справедливость способомъ пріятнымъ и ни для кого не обременительнымъ...“

„Но подобное направленіе ставитъ тебя въ затрудненіе и возбуждаетъ твои опасенія пренебреженіемъ якобы польскихъ

правъ, неугожденіемъ нѣкоторымъ лицамъ и заинтересованнымъ въ дѣлѣ фамиліямъ, которыхъ спасти ты однако, по моему мнѣнію, не сумѣешь. А въ тоже время ты протянешь только долѣе вредъ для эдукаціоннаго фундуша и, стало быть, увеличишь отвѣтственность обидчиковъ, такъ какъ нельзя навсегда ее уничтожить. Если бы законъ 1775 года высказалъ, что *поіезуитскія имѣнія предназначаются въ награду и для обогащенія нѣкоторыхъ фамилій, съ возложеніемъ на нихъ только обязанности платить въ пользу общественнаго просвѣщенія извѣстныя суммы*, твои труды были бы законны и основательны. Но разъ законъ постановилъ, что поіезуитскія имѣнія составляютъ эдукаціонный фундушъ и что эти имѣнія могутъ быть розданы шляхтѣ съ вѣчнымъ обезпеченіемъ самого фундуша, всѣ тогда работы, не согласныя съ натурою общественнаго фундуша и приносящія ему вредъ, должны считаться просто уловкою, которая никакъ не уничтожаетъ отвѣтственности временныхъ владѣльцевъ. И умѣстно ли угождать нѣсколькимъ фамиліямъ съ обидою для цѣлаго края и всѣхъ послѣдующихъ поколѣній? Еще можно терпѣть и переносить невольное заблужденіе, но уважать его невозможно, такъ какъ уваженіе принадлежитъ правдѣ, и ошибки никоимъ образомъ не могутъ себѣ его присвоивать: наше сердце въ этомъ имъ отказываетъ. Но заблужденія, носящія на себѣ черты жадности, отзывающіяся общественнымъ грабежемъ, касающимся всей общественной среды—это ли еще не позоръ и пятно, которыми покрыли польскій характеръ нѣсколько десятковъ фамилій? Нѣтъ болѣе отвратительнаго примѣра ни въ нашей домашней, ни въ общей исторіи. Развѣ не лучше будетъ, если исторія скажетъ, что одни поляки сдѣлали ошибку, а другіе болѣе осмотрительные съ честію для своего народа ее исправили, чѣмъ когда таже исторія запишетъ: одни поляки совершили ошибку и беззаконіе, а другіе, сознавая это, дополнили сдѣланную ошибку новымъ преступленіемъ, стараясь узаконить все это съ безчестьемъ для своего имени. Я люблю мой народъ и нѣтъ жертвы, которой не принесъ бы для его блага; но я не могу любить его ошибокъ и общественныхъ преступленій. Если бы удержалось наше правительство, я, по всей вѣроятности, явился бы мученикомъ, такъ какъ ни въ одномъ трудѣ не скрылъ бы своего убѣжденія. Мы потому и

погибли, что ужъ очень охраняли (свои заблужденія); одни грѣшили, какъ отъявленные негодяи; другіе—по невѣдѣнію; иные—изъ боязни: видя зло, они не имѣли смѣлости открыть глаза на погибель и общее бѣдствіе. И ужелижъ я долженъ еще преклоняться предъ этими заблужденіями и проступками, которые совершилъ даже не весь народъ, а только нѣсколько интригановъ, или нѣсколько болѣе сильныхъ фамилій, которые собственный позоръ хотятъ перенести и сложить на характеръ всего народа? Думаю, что подобный образъ мышленія никогда не найдетъ мѣста ни на твоей, ни въ моей душѣ". (ibid 261—266.).

Въ новомъ письмѣ (отъ 15 мая 1807 г.) Снядецкій снова громитъ сеймъ 1788 года (w masce patryotyzmu podkopała edukacyą publiczną najsromotniejsza chciwość w roku 1788, gdzie sprośne łakomstwo iednych prawodawcow oszukało zdradliwie cnotę i dobrą wiarę drugich; ile dziś każdy dobry polak zadziwić powinien nad czynem 1775 roku, tyle się wzdrygnie nad obelgą 1788 r. zapisaną w oczywistey grabieży funduszu edukacijnego. ibid. 271), и разъясняя смыслъ слова *dziedzictwo* (наслѣдство или родовое имѣніе), употребленнаго въ постановленіи 1775 года, рѣшительно доказываетъ, что фундушъ эдукаціонный долженъ обосноваться не на капиталахъ, а на земельной собственности, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ отойти отъ вѣдѣнія администраціи эдукаціоннымъ фундушемъ. „Если ты, Милостивый Государь, за извѣстный процентъ хочешь отказаться отъ земельной собственности, прости мнѣ за откровенность, если подобный поступокъ назову операціей отчаявшагося банкрота, а эдукаціонная администрація, растрачивающая такимъ способомъ общественное достояніе, напоминаетъ мнѣ того караиба, который утромъ продавалъ свою постель, забывая, что вечеромъ она ему снова понадобится. Ты говоришь, Милостивый Государь, о порывѣ добраго довѣрія (къ правительству): но на чемъ оно основывается? Вотъ, напр., владѣлецъ поіезуитскихъ имѣній получаетъ дохода тридцать тысячъ (злотыхъ=4500 руб.) съ имѣнія, за которое ничего не платилъ; въ пользу фундуша онъ вноситъ пять тысячъ, а двадцать пять оставляетъ себѣ съ ущербомъ для общественной казны. До настоящаго времени онъ могъ вѣрить только въ невнимательность правительства, которое безъ всякой съ его стороны заслуги, безъ малѣйшихъ

расходовъ, съ обидою для заслугъ и нуждъ общественныхъ, позволяло и на будущее время позволитъ ему обращать въ свою пользу громадные доходы, обогащать себя, разорять и уничтожать эдукаціонный фундушъ; онъ можетъ вѣрить, что имѣніе, пріобрѣтенное даже неправымъ путемъ, будетъ настолько свято и неприкосновенно, какъ имѣніе пріобрѣтенное путемъ труда и на законномъ основаніи. И ужелижъ подобное довѣріе, которое послужитъ приманкою для неправыхъ и будетъ истинною сатирою на правительство, заслуживаетъ еще уваженія и поддержки? Въ наше время мы видѣли извѣстную часть шляхты совершенно испорченною и деморализованною; а вѣдь это были послѣдствія уваженія и охраны подобнаго рода довѣрія и надеждъ. Я писалъ къ князю попечителю, что для народной нравственности въ высшей степени погубно охранять и поддерживать несправедливость только потому, что она разъ была допущена. Для истинно хорошаго и нравственнаго правительства только то должно считаться святымъ и не нарушимымъ, что въ основаніи своемъ имѣетъ строгую справедливость и общественный порядокъ...“ Развивая эти мысли различными соображеніями и примѣрами, Снядецкій заключаетъ: „мы покрывали общественныя преступленія, мы терпѣли незаконныя постановленія, но въ то время мы боялись конфедерацій и внутренняго замѣшательства края: это были результаты слабаго правительства, безсильнаго обуздать грабежъ и безпорядочность. Времена перемѣнились и подобныя опасенія не должны болѣе мѣшать правильному развитію порядка и справедливости...

„Такимъ образомъ, я остаюсь при томъ убѣжденіи, что общественный фундушъ въ денежныхъ суммахъ и капиталахъ не можетъ быть прочнымъ, надежнымъ и обезпеченнымъ; что замѣнять землю на деньги это значитъ готовить пагубу для просвѣщенія края; что законъ 1775 года для эдукаціоннаго фундуша навсегда гарантировалъ неотъемлемость поіезуитскихъ имѣній, и что необходимо держаться этого права, какъ фундамента, на которомъ опирается обезпеченіе фундуша...“ (ibid. 271—275).

„Я привыкъ не привязываться къ народнымъ институціямъ, развѣ послѣ строгаго ихъ разбора. Дѣянія, напр., акаде-

міи Краковской научили меня, что полною потерею своихъ капиталовъ и первоначальныхъ фундушей она обязана трибуналамъ и шляхетскимъ судамъ, которые произвольно дѣлали расчетъ суммъ до окончательнаго ихъ уничтоженія. Потому не могу не думать въ слухъ, что подобный судъ относительно фундушей самый ненадежный; онъ даже противенъ первымъ началамъ хорошо организованной справедливости. Ты боишься, Милостивый Государь, крику и нареканій на власть эдукаціонную; но помни, что принципъ поблажекъ и исканія популярности произвелъ внутренній безпорядокъ, тысячи беззаконій и погубилъ самый край. Справедливость, отдающая каждому должное, не будетъ роптать и не боится суда. А того, кто думаетъ жить общественною обидою и въ сутяжничествѣ находитъ для своихъ цѣлей помощь и способъ, должно громить всею силою правительственной власти; его крики будутъ свидѣтельствовать о порядкѣ и послужатъ для него похвалою. Этимъ только путемъ можно истребить, мнѣ думается, злые инстинкты и замѣнить ихъ въ народѣ добрыми обычаями. Чтобы не бояться различныхъ наглостей, не слѣдуетъ дѣлать ихъ смѣлыми путемъ поблажокъ... (ibid 281).

Подобныя рѣчи страшно смущали гордаго, самоувѣреннаго Чацкаго. Всю свою дѣятельность онъ основалъ на поблажкахъ національнымъ страстямъ, на исканіи популярности. А Спядецкій подобные принципы объявляетъ беззаконіемъ, непоправимымъ вредомъ, погибелью и требуетъ, особенно отъ чиновника, одной строгой справедливости. Невозможно было Чацкому отказаться отъ своихъ принциповъ, и онъ снова умоляетъ Спядецкаго согласиться съ нимъ, изъ уваженія къ прошедшему, къ погибшей отчизнѣ. „Что постановилъ сеймъ 1775 года, то Россія гарантировала, писалъ онъ Спядецкому; но что написалъ сеймъ 1788 года, къ этому полякъ относился съ уваженіемъ (только не Спядецкій, какъ мы видѣли)... Перемѣнивши политическое бытіе, мы обязаны беречь наши права, которыя съ одной стороны намъ, съ другой—другимъ обезпечиваютъ владѣніе имѣніемъ... Нѣтъ въ моемъ родѣ поіезуитчины; но я охраняю настоящій порядокъ вещей. Какъ русскій чиновникъ, я принимаю постановленія 1775 года; но какъ полякъ я съ уваженіемъ отношусь къ сейму 1788 года“... Сказавши нѣсколько словъ о несвоевременности проекта Спя-

децкаго о замѣнѣ натурою денежной аренды въ имѣніяхъ эдукаціоннаго фундуша, Чацкій прибавляетъ: „мы пріобрѣтаемъ подуховные фундуши въ Галиціи и Пруссіи, пріобрѣтаемъ бенефисъ и архимандріи. Имѣемъ въ виду и другіе прибыльные расчеты; не будемъ же подвергать замѣшательству интересы нѣсколькихъ сотъ фамилій"... (ibid. 283, 285).

Особенно боялся Чацкій замедленія въ рѣшеніи поставленнаго вопроса относительно эдукаціоннаго фундуша. Разногласіе между нимъ и Снядецкимъ отражалось неблагопріятно на попечителѣ, и онъ медилъ съ окончательнымъ представленіемъ на Высочайшее усмотрѣніе. Снядецкій въ своей запискѣ попечителю прямо требовалъ установленія особыхъ комиссій для завѣдыванія эдукаціоннымъ фундушемъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ никакъ не соглашался допустить участіе обыкновенныхъ мѣстныхъ шляхетскихъ судовъ. „Суды обыкновенные мѣстные, писалъ онъ (26 мая 1807 года), не могутъ имѣть вліянія на дѣла этого рода безъ великаго ущерба для фундушей и самой справедливости. Первое—они очень дороги и медленны, такъ какъ ведутся черезъ многія инстанціи; второе—шляхта, избирающая этихъ судей и дающая ихъ изъ своей среды, имѣющая въ тоже время въ своихъ рукахъ эдукаціонный фундушъ и состоящая его истиннымъ должникомъ, была бы въ одно и тоже время и стороною и судьею. Если судить по человѣчески, то это означало бы оставить фундушъ безъ опеки и бросить его на разграбленіе". Указавши крупные примѣры полнаго расхищенія фундуша при такихъ порядкахъ, Снядецкій требуетъ Высочайше назначенныхъ комиссій, съ съ особыми, не зависимыми членами и предсѣдателемъ, извѣстными своею честностію и безпристрастьемъ, съ большими правами и полномочіями. (ibid. 276—279).

Говоря объ этомъ письмѣ Снядецкаго, Чацкій прибавляетъ: „твое представленіе я послалъ князю (всѣ дѣла шли черезъ Чацкаго), не желая укрывать твоихъ замѣчаній, но боюсь, чтобы это не заставило князя замедлить (представленіемъ); а тогда ни твой ни мой проектъ не пойдутъ на Высочайшее утвержденіе. Теперь здѣсь (въ Петербургѣ) все идетъ хорошо. Если я уѣду, дѣла останутся безъ объясненія, и все пойдетъ прахомъ. Не могу нахвалиться министромъ (гр. За-

вадовскимъ); его просвѣщенное усердіе (особенно къ затѣямъ Чацкаго) заслуживаетъ полнаго уваженія.“

„Убѣдишься, думаю, что нельзя думать объ иномъ проектѣ (кромѣ проекта Чацкаго). Во всякомъ случаѣ, дѣло необходимо дѣлать и притомъ по возможности скорѣе (куй желѣзо, пока горячо), пока Монархъ милостивъ. Помни и о томъ, чтобы не бранить крѣпкими словами сеймовъ 1775 и 1788 гг.; здѣсь этого не любятъ...“

Въ новомъ письмѣ къ Снядецкому (отъ 18 апрѣля 1807 г.) Чацкій между прочимъ замѣчаетъ: „наше разногласіе во мнѣніяхъ производитъ то, что заготовленное представленіе (у попечителя) остается не подписаннымъ, а чрезъ это замедленіе мы можемъ понести громадныя и неисчислимыя потери“.. (ibid. 284—285).

Но Чацкій могъ, наконецъ, успокоиться. 21 декабря 1807 года состоялось Высочайшее повелѣніе „о распоряженіи фундушами, принадлежащими Виленскому университету и училищамъ его округа“, съ сохраненіемъ главныхъ положеній проекта Чацкаго. По пункту второму Высочайшаго повелѣнія, „поіезуитскія имѣнія, такъ называемый эдукаціонный фундушъ составляющія, остаются неотъемлемою и полною собственностію владѣльцевъ, покупкою оныя пріобрѣтшихъ; никакія люстраціи, или казенные присмотры и распоряженія, не должны къ нимъ прикасаться; а потому и лѣса, къ симъ имѣніямъ принадлежащіе, составляя часть сея собственности, должны быть въ распоряженіи владѣльцевъ“. Установлялись двѣ комиссіи: одна въ Вильнѣ для губерній Литовскихъ, Бѣлорусскихъ и Минской, другая въ Кременцѣ—для губерній Волынской, Подольской. Онѣ должны были вѣдать не имѣнія, но проценты отъ суммъ, составляющихъ цѣну имѣній, равно какъ и отъ всѣхъ фундушевыхъ капиталовъ (подробное положеніе о комиссіяхъ см. Сборникъ постановленій по министерству нар. пр. I. 450—455).

Съ глубокою скорбію въ сердцѣ долженъ былъ принять Снядецкій подобное торжество Чацкаго. По убѣжденію онъ считалъ это дѣло въ настоящемъ его видѣ въ высшей степени вреднымъ для эдукаціоннаго фундуша и недостойнымъ имени

Чацкаго. Но занятый вмѣстѣ съ нимъ многими другими проектами, онъ долженъ былъ смиренно покориться предъ совершившимся фактомъ, хотя, какъ увидимъ, въ письмахъ и бесѣдахъ съ другими онъ громко сталъ выражать противъ Чацкаго свое неудовольствіе.

Одновременно съ проектомъ объ эдукаціонномъ фундушѣ составленъ былъ проектъ и о базиліанахъ относительно обращенія ихъ въ учебное сословіе въ независимости отъ епархіальной власти. Еще прежде въ перепискѣ съ Чацкимъ Снядецкій увѣдомлялъ его (15 мая 1807 г.), что проектъ о базиліанахъ очень нравится князю попечителю, и что онъ торопится разрѣшить его и придать дѣлу силу закона (ibid. 275).

Въ письмѣ къ попечителю (26 мая) Снядецкій между прочимъ говоритъ, что онъ обращаетъ особенное вниманіе князя на проектъ о базиліанахъ и изъятіе изъ общаго закона по Высочайшему указу 6 марта эдукаціоннаго фундуша въ провинціяхъ давней Польши, какъ два предмета величайшей важности. (ibid 279).

„Буду просто плакать, писалъ Чацкій Снядецкому 27-го мая, если придется уѣхать отсюда до подписанія княземъ проекта о базиліанахъ, объ эдукаціонномъ фундушѣ, объ отдѣленіи кассы и измѣненіи указа о бенефиціяхъ. Никто тогда не двинетъ дѣла; все заснетъ сномъ праведныхъ; счастливо начатое отложится въ долгій ящикъ. (ibid 289).

Такимъ образомъ относительно проекта о базиліанахъ одинаково думали всѣ: и Снядецкій, и Чацкій, и кн. Чарторыйскій. Его поддерживали и въ пользу его хлопотали гр. Завадовскій, римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ и базиліанскія орденскія власти. Не сочувствовали ему митрополитъ уніатскій Лисовскій и кн. Голицынъ.

Дѣло въ томъ, что въ уніи, скоро послѣ ея зарожденія, рѣзко стали обозначаться два направленія: одно православное, тяготѣвшее къ Россіи и къ православной церкви, другое—римско-латинское, латино—польское, стремившееся слить унію съ римскою церковію, а самихъ уніатовъ перевоспитать въ поляковъ. Послѣ Замойскаго собора въ 1720 году оба направленія вступили въ непримиримую вражду. На сторонѣ пра-

вославнаго направленія уніи почти всегда стояла высшая уніатская церковная іерархія съ митрополитомъ во главѣ и непремѣнно весь народъ; на сторонѣ латинствующей уніи былъ исключительно орденъ базиліанъ (уніатскіе монахи), который первоначально образовался подъ вліяніемъ и руководствомъ іезуитовъ, имѣлъ въ своей средѣ многихъ изъ его членовъ и многихъ латинянъ и главная задача котораго состояла въ томъ, чтобы латинизовать уніатскую церковь. На сторонѣ базиліанъ была сила (польскіе короли, магнаты, шляхта), связи, богатство, своего рода ученость, поддержка и полное благоволеніе Рима; зато самое дѣло, какъ и его исполненіе, было совершенно фальшиво, ложно, обманно. На сторонѣ православныхъ, такъ сказать, уніатовъ была народная масса, вѣрность исторической логикѣ, преданіямъ. Бѣдность и убожество царили вездѣ; но истина, убѣжденіе въ правотѣ дѣла одушевляла всѣхъ и крѣпко давала себя чувствовать латино-польской въ уніи партіи. Съ возсоединеніемъ западно-русскихъ областей съ имперіей православные уніаты почувствовали себя въ родной средѣ и сотнями тысячъ поспѣшили при Екатеринѣ II возвратиться въ лоно православной церкви. Уніатскіе митрополиты этому не противодѣйствовали, такъ какъ это соотвѣтствовало естественному ходу событій. Они, и особенно митрополитъ Лисовскій, думали даже воспользоваться настоящею минутою, чтобы окончательно сломать противодѣйствующій имъ орденъ базиліанъ, лишить его самостоятельности и совершенно подчинить его епархіальной власти на общемъ основаніи. (Базиліане управлялись протоархимандритомъ или генераломъ ордена, по указаніямъ непосредственно изъ Рима, имѣли свои громадные фундуши, капиталы, содержали училища—все въ независимости отъ епархіальной власти и постоянно почти противодѣйствуя ей; митрополитъ Лисовскій и задумалъ уничтожить подобную незаконную самостоятельность. Для ордена это равнялось смерти). Орденъ законошился и пустилъ въ ходъ все свое вліяніе, всѣ богатства, вспомнилъ о различныхъ связяхъ.

Для Чацкаго, искавшаго вездѣ фундушей, желавшаго полонизировать западно-русскій край, тяжелое настроеніе базиліанъ было своего рода находкою. Онъ вступилъ съ ними въ дѣятельныя сношенія, обѣщая имъ сохранить самостоятель-

ность, если они откажутся отъ подчиненія архіереямъ, согласятся назваться орденомъ воспитательнымъ, передадутъ въ эдукаціонный фундушъ всѣ свои имѣнія и капиталы и признаютъ надъ собою власть Виленскаго учебнаго округа. Базиліанамъ нужно было поторопиться. 17 февраля 1804 г. было подтверждено имъ (сенатомъ), „чтобы базиліане съ должною ихъ обѣтамъ кротостію и смиреніемъ пребывали въ предписанномъ законномъ повиновеніи: монахи у монастырскихъ начальниковъ или провинціаловъ, а сіи не уклонялись бы отъ предостереженій и увѣщаній епархіальныхъ архіереевъ, яко главныхъ епархіальнаго духовенства начальниковъ" (Акты Виленской Комиссіи XVI—72).

Для ордена особенно важны были два предмета: базиліане хотѣли заручиться въ томъ, что существованіе ихъ будетъ сохранено со всѣми фундушами и - второе,—что имъ можно будетъ образовать одно и нераздѣльное общество, подъ одною главою, безъ раздѣленія по епархіямъ. Не расчитывая на содѣйствіе представителей уніатской власти въ достиженіи желаемаго, базиліане всѣ свои помышленія и надежды устремили на Виленскій учебный округъ и министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и оттуда ожидали для себя спасенія. (Акты Виленской коммиссіи XVI—634). „Если власть эдукацiйная не настоитъ, говорили они, то епископы не допустятъ для насъ всеобщаго начальника". (Труды Кіевск. Дух. Акад. 1868 г. ноябрь—284).

Главнымъ ходатаемъ якобы за базиліанъ явился Чацкій, поддерживаемый Снядецкимъ и кн. Чарторыйскимъ. Не уважая вообще корпоративнаго устройства орденовъ, Чацкій хотѣлъ *временно* сохранить базиліанъ, какъ воспитательный орденъ, пока будутъ воспитаны *свои* учителя, изъ *своихъ* школъ, семинарій. (Для полонизаціи и латинизаціи русскихъ школъ базиліане являлись самими пригодными). Отъ греко-россійскаго духовенства Чацкій не ожидалъ содѣйствія своимъ намѣреніямъ; а базиліане пока являлись единственнымъ орденомъ, который содержалъ уже школы и который всетаки пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ среди извѣстной части польско-латинскаго общества. „Часть Руси почитаетъ базиліанъ, писалъ Чацкій; на нихъ возложена надежда. Народъ лучше слушаетъ учителя

своего исповѣданія. Не будемъ, по крайней мѣрѣ, скоро ожидать этой услуги отъ греко-россійскаго исповѣданія; лучше до времени сбережемъ базиліанъ". (См. письмо Чацкаго—Труды Кіев. Акад. 1868 г. Ноябрь 255, 256).

Многіе базиліане очень косо смотрѣли на проектъ Чацкаго относительно ихъ преобразованія. Въ немъ они открывали коварные подступы и вѣроломство. Въ передачѣ монастырскихъ фундушей въ вѣдѣніе учебнаго вѣдомства они провидѣли возможность упадка ихъ монастырей, опасались гордаго и деспотическаго отношенія *свѣтскаго* пана, какъ называли они Чацкаго. Одинъ консульторъ базиліанскій записалъ въ своемъ дневникѣ, что Чацкій, будучи спрошенъ о причинахъ его сильнаго вмѣшательства въ интересы базиліанъ, тогда какъ на это не дано ему никакой власти и силы, отвѣчалъ: „Чѣмъ же я виноватъ, что глупые со мной совѣтуются и меня слушаютъ". (ibid 259, 260). Такой отзывъ Чацкаго о базиліанахъ не оставался для нихъ тайною, и нѣкоторые изъ нихъ писали даже протесты противъ его проекта. Но желаніе сберечь свою самостоятельность наталкивало базиліанъ на роковой шагъ—подчиненіе своего ордена учебному вѣдомству. А положеніе базиліанъ становилось дѣйствительно критическимъ. Въ 1805 году въ духовной коллегіи опредѣлено было изъ 84 базиліанскихъ монастырей оставить за базиліанами только 25, а остальные со всѣми къ нимъ принадлежащими фундушами отдать въ распоряженіе сената. Чацкій поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, для спасенія якобы базиліанъ отъ угрожающей имъ смерти, сталъ обсуждать съ ними средства къ обезпеченію монастырей. „Фундуши ваши, говорилъ Чацкій базиліанскому консультору Демковичу, отданы въ распоряженіе сената, а оттуда пойдутъ на даровщину москалямъ. Пусть провинціальное начальство дастъ обѣщаніе пожертвовать эти фундуши на эдукацію, съ поясненіемъ, что базиліане не хотятъ оставаться только аскетическимъ орденомъ; что молодежь орденская будетъ учиться только въ Вильнѣ и Кременцѣ; что никто изъ монаховъ не будетъ настоятелемъ, пока не пройдетъ степеней учительскихъ, и провинціалъ будетъ считаться, какъ окружной ректоръ; что школы, которыя есть и вновь откроются, будутъ хорошо обезпечены библіотеками, инструментами, ботаническими огородами; что уничтоженіе монасты-

рей—дѣло полезное, но фундуши должны быть назначены для одной цѣли, т. е. для воспитанія, которымъ и будутъ заниматься базиліане въ своихъ монастыряхъ"... При такихъ условіяхъ можно было расчитывать, по Чацкому, на сохраненіе монастырскихъ фундушей въ распоряженіи базиліанъ. (ibid. 246, 259, 260).

Усерднѣйшими сотрудниками Чацкаго были Литовскій экс-провинціалъ Лещинскій и Флоріанъ Шашкевичъ, пропровинціалъ Русской провинціи. Они ѣздили въ Петербургъ, подавали кн. Голицыну и гр. Завадовскому проекты относительно преобразованія базиліанъ въ духѣ Чацкаго, часто переписывались съ Чацкимъ, Чарторыйскимъ, убѣждали пристать къ нимъ и бѣлорусскаго провинціала, внимательно слѣдили за ходомъ своего дѣла въ Петербургѣ, обо всемъ взаимно сообщали другъ другу и принимали необходимыя мѣры. (См. переписку нѣкоторыхъ базиліанъ въ трудахъ Кіевск. Акад. 1868 г. Ноябрь, 288—296, 301, 302. Ср. мое изслѣдованіе объ уніи—Предисловіе къ XVI т. актовъ Виленской Комиссіи—LXXII—LXXXII).

Еще прежде, опираясь на содѣйствіе въ средѣ базиліанъ, Чацкій успѣлъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ въ его распоряженіе Кременецкаго базиліанскаго монастыря для присоединенія его къ гимназическимъ поіезуитскимъ зданіямъ. Теперь въ Маѣ 1807 года онъ представилъ кн. Чарторыйскому проектъ о преобразованіи базиліанскаго ордена изъ аскетическаго въ воспитательный. Препровождая настоящій проектъ (который былъ составленъ Чацкимъ вмѣстѣ съ епископомъ Стройновскимъ и Хоминскимъ) гр. Завадовскому, кн. Чарторыйскій пишетъ: „Съ того времени, какъ ввѣрено мнѣ попеченіе Виленскимъ учебнымъ округомъ, вникалъ я, на какомъ основаніи бывшая эдукаціонная комиссія почитала духовное базиліанское общество учебнымъ сословіемъ, какія имѣетъ права эдукаціонный фундушъ на доходы изъ архимандрій, наконецъ, какимъ образомъ можно бы соединить обезпеченія сего общества съ видами правительства. Желанія фундаторовъ, польскія права, издавна принятыя, а по присоединеніи вновь областей къ Россіи торжественно утвержденныя, ввѣряли нѣкоторыя училища базиліанамъ. Сіе

общество, при перемѣнѣ обстоятельствъ, столько почитало себя обнадеженнымъ, сколько могло пользы приносить государству; а съ 1750 года начали измѣняться его правила, когда изъ общества, служившаго прежде единственно алтарю, часъ отъ часу болѣе образовалось одно сословіе наставниковъ. Повелѣнное уменьшеніе (указъ 1805 г.) монастырей базиліанскихъ наносило сомнѣніе, какимъ образомъ будутъ обращены фундуши, имѣющіе связь съ эдукаціоннымъ и съ начальствомъ по училищной части". Сказавши о составленіи по его порученію Чацкимъ, Стройновскимъ и Хоминскимъ, при участіи архимандрита Лешинскаго, проекта о реформѣ базиліанскаго ордена, кн. Чарторыйскій продолжаетъ: „по моему увѣренію, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ въ училищной іерархіи, по содержанію сего проекта, будетъ устроенъ на прочномъ основаніи, совокупляя выгоды многочисленнаго, древняго и важныя услуги оказавшаго общества съ пользою государства и съ видами правительства. Прилагаемое при семъ донесеніе епископа Стройновскаго и тайныхъ совѣтниковъ Чацкаго и Хоминскаго изъясняетъ существо дѣла, а статьи доказываютъ истинную пользу, обѣщаемую государству, *естьли* сей проектъ удостоится Высочайшаго утвержденія... Этотъ проектъ, не нарушая правъ базиліанъ, исполняетъ и цѣль фундаторовъ, обращая сіе общество къ прямому его назначенію—воспитанія и наставленія юношества, такимъ образомъ, что правительство, воспользовавшись знаніями и просвѣщеніемъ множества достойныхъ людей, приводитъ ихъ нечувствительно къ единообразнымъ и общимъ правиламъ, для народнаго просвѣщенія предначертаннымъ". (Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи II. 851, 852).

Сущность составленнаго проекта заключалась въ томъ, чтобы правительство признало базиліанскій орденъ *юношевоспитательнымъ сословіемъ* и обезпечило его существованіе; чтобы всѣ базиліанскіе фундуши считались духовно-эдукаціонною собственностію, состоящею въ распоряженіи базиліанъ, для чего училищная власть съ своей стороны должна подавать пособіе къ сохраненію ихъ въ цѣлости. Для заслуженныхъ изъ базиліанъ пожизненно предназначалось шесть архимандрій, кандидатовъ на которыя представляла училищная власть. Эта же власть имѣла подъ своимъ покровительствомъ весь орденъ

и внутреннее его устройство охраняла отъ всякихъ злоупотребленій. Фундуши имѣющихъ уничтожиться монастырей предназначались единственно на пособіе училищамъ и остающимся монастырямъ. Министръ народнаго просвѣщенія считался „начальствующимъ попечителемъ училищныхъ сословій и ихъ фундушей.“ Для всѣхъ базиліанскихъ монастырей въ государствѣ предполагался одинъ общій провинціалъ, избираемый духовнымъ сословіемъ. Онъ долженъ былъ дѣйствовать „по силѣ института и конституцій, установленныхъ объ общемъ начальникѣ, согласныхъ съ послѣдовавшими узаконеніями. (Этимъ возстановлялось все самостоятельное управленіе ордена). Учителей въ базиліанскія училища назначала духовная власть; она же вѣдала всѣ перемѣны и доносила о томъ училищному начальству. Для полученія высшаго образованія духовное юношество могло поступать только или въ Вильну, въ универститетъ, или въ Кременецъ. Въ своемъ представленіи попечителю Чацкій прибавлялъ, что Виленскій универститетъ возобновилъ предписанія, сдѣланныя польскою эдукаціонною комиссіею въ разсужденіи полной подчиненности духовныхъ учителей и провинціаловъ училищной власти. (Подробный проектъ см. Матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи. II. 852—860).

Означенный проектъ немедленно разосланъ былъ нѣкоторымъ *своимъ* лицамъ*), чтобы, заручившись ихъ мнѣніемъ, смѣлѣе можно было дѣйствовать въ особомъ по этому вопросу комитетѣ.

Въ комитетѣ, кромѣ гр. Завадовскаго, митрополита Сестренцевича, епископа Стройновскаго и Чацкаго, участвовали архимандриты: Лещинскій и Головня (уніатскіе). Митрополитъ Сестренцевичъ заявилъ, что „столь важное дѣло (разсматриваемый проектъ о базиліанахъ) достойно царствованія

*) Римско-католичесяій митрополитъ Сестренцевичъ поспѣшилъ увѣдомить Чацкаго, что проектъ о базиліанахъ онъ находитъ вполнѣ отвѣчающимъ обстоятельствамъ, удобнымъ къ исполненію, полезнымъ, многообѣщающимъ для костела, края и самихъ ксенд. базиліанъ. (О Россіи и православной церкви забыли). Остается только пожелать, прибавлялъ митрополитъ, чтобы Его Величеству угодно было подтвердить его.

Всемилостивѣйшаго Государя и современнаго вѣка. Открылось счастливое средство, черезъ которое дѣло религіи и просвѣщенія, существованіе монаховъ и учителей, сопряжены вмѣстѣ". Архимандритъ Головня высказалъ, что „все начальство базиліанскаго ордена готово служить общественной пользѣ." Лешинскій, „изъявивши чувствованіе признательности за попеченіе объ орденѣ, въ которомъ онъ состоитъ и о которомъ свидѣтельствуетъ, что онъ сумѣетъ заслужить уваженіе, оказываемое училищною властію, прибавлялъ, что проектъ о реформѣ ордена, подобный настоящему, всегда былъ въ мысляхъ базиліанъ *), что въ настоящей реформѣ ордена онъ видитъ единственное средство, чтобы орденъ остался подъ прочнымъ покровомъ правительства... онъ воздаетъ хвалу такому устроенію... онъ приноситъ благодареніе Богу, Государю и министру, что удостоился быть свидѣтелемъ столь полезнаго учрежденія для государства и базиліанскаго ордена." (Труды Кіевск. Акад. 1868 г. Ноябрь. 267, 268. Матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи. II. 863. 864)

Не оставалось сомнѣнія, что, при заявленномъ единодушіи, проектъ Чацкаго долженъ будетъ получить Высочайшую санкцію. Въ протоколѣ названнаго комитета значится. что „министръ (гр. Завадовскій) удостовѣрился въ общемъ согласномъ мнѣніи, нашелъ оное сообразнымъ его собственному удостовѣренію и объявилъ, что войдетъ съ докладомъ своимъ къ Его Императорскому Величеству." Все это происходило 10 Іюня 1807 г., а 27 Іюля того же года былъ Высочайше утвержденъ и докладъ гр. Завадовскаго со всѣми пунктами проекта Чацкаго (отчасти мы его видѣли вы-

---

*) Нѣкоторые базиліане сильно ему не сочувствовали. Они видѣли что попались въ ловушку, и что Чацкій ведетъ ихъ къ погибели. „Главная цѣль нашего института, писалъ по этому поводу провинціалъ Гуссаковскій къ тому же Лещинскому, есть жизнь созерцательная, а второстепенная— жизнь дѣятеля. Къ измѣненію этой цѣли не можетъ склонить насъ и то обстоятельство, что въ противномъ случаѣ наши фундуши достанутся москалямъ (это заявлялъ базиліанамъ Чацкій); потому что кому бы они ни достались, Ивану Ивановичу (москалямъ), или пану академику (Чацкому), во всякомъ) случаѣ насъ постигъ бы голодъ, и мы испытывали бы недостатокъ необходимыхъ для жизни предметовъ. (Труды Кіевской Академіи 1868 г. Ноябрь 260.

ше). [Матер. II. 864, 865. Акты Вилен. комиссіи XVI. LXXXII. LXXXIV].

Торжествовали базиліане (извѣстная часть), торжествовалъ Чацкій, торжествовала съ ними вся полонофильская партія. Во всѣ концы уніатскаго міра—митрополиту Лисовскому, епископу Луцкому Левинскому, Брестскому Булгаку, попечителю кн. Чарторыйскому буквально неслись предписанія гр. Завадовскаго—немедленно распубликовать по принадлежности Высочайше утвержденный его докладъ, „на какомъ основаніи отнынѣ существовать должно базиліанское общество". (Матер. II. 866—867). Сейчасъ же и гр. Завадовскій сталъ получать благодарственныя заявленія за величайшій якобы совершенный имъ патріотическій подвигъ.

Архимандритъ Головня писалъ (9 Августа 1807 г.): „Этотъ проектъ (о реформѣ базиліанъ), который становится теперь закономъ, болѣе или менѣе былъ извѣстенъ старшимъ нашего ордена. Только въ твоей, графъ, благородной дѣятельности мы полагали всю надежду. Прими наши покорнѣйшія просьбы, чтобы это важное дѣло удостоилось теперь особеннаго Высочайшаго покровительства. Мы запишемъ въ народныхъ дѣяніяхъ твое имя; оно составило наше счастье и дало помощь къ усовершенствованію новыхъ поколѣній"... Каноникъ Горбацевичъ заявлялъ (10 Августа), что „теперь они (уніаты) утѣшаются такимъ закономъ, обязательность котораго была для всѣхъ желательна. Базиліанинъ въ нашихъ глазахъ совершенно перерождается въ учителя; чрезъ это исчезаетъ всякая разница, которая отдѣляла монаховъ отъ бѣлаго духовенства. (Между тѣмъ и другимъ происходила всегда самая упорная борьба.)... Благословляю небо, что я дождался этой великой эпохи (какія громкія фразы!), въ которой религія и просвѣщеніе заключаютъ союзъ между собою. Потомъ наши потомки будутъ вспоминать имя Александра I. какъ благодѣтеля государства, а съ нимъ и имя перваго министра народнаго просвѣщенія." (гр. Завадовскаго)...

Ассесоръ римско-католической духовной коллегіи Гачевскій писалъ (16 Августа) гр. Завадовскому: „Въ устройствѣ базиліанъ ты, милостивый государь, совершилъ все, что толь-

ко могла подсказать тебѣ твоя мудрость. Это безсмертное дѣло (сейчасъ увидимъ, что оно было мертворожденнымъ), обѣщающее громадную пользу для края, религіи и народнаго просвѣщенія, намъ и потомкамъ нашимъ всегда будетъ напоминать милости Монарха и твое благодѣтельное имя." Эти красивыя фразы Гачевскому требовались для того, чтобы дальше заявить министру свою просьбу относительно скорѣйшаго устройства семинаріи для свѣтскаго клира, о чемъ онъ уже просилъ Чацкаго, но чего безъ особеннаго участія министра не надѣется достигнуть (Матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи. II.—868—871) *).

Но когда гр. Завадовскому курились эти филіамы, совершенно неожиданно для партіи Чацкаго состоялось новое Высочайшее повелѣніе „остановить исполненіе доклада по базиліанскому унитскому ордену". Провозвѣстникомъ Высочайшей воли явился кн. Александръ Голицынъ. Полученное по этому поводу гр. Завадовскимъ письмо его помѣчено 9-мъ августа 1807 г. Снова пошли новыя предписанія митрополиту Лисовскому и кн. Чарторыйскому „пріостановиться приведеніемъ въ

*) Гачевскій былъ правъ, когда не расчитывалъ на Чацкаго. Чацкій сильно не жаловалъ свѣтскаго уніатскаго клира, о просвѣщеніи котораго хлопоталъ Гачевскій. Свѣтское уніатское духовенство, какъ мы говорили, всегда отстаивало въ уніи православную старину и независимость отъ латинства, Чацкій не могъ это поддерживать. За это и лично къ Гачевскому онъ питалъ нерасположеніе. Въ 1808 году изъ Порицка онъ писалъ (18 мая) между прочимъ кн. Чарторыйскому: „въ высшей степени необходимо присутствіе здѣсь (въ Луцкѣ) хорошаго епископа послѣ смерти кс. Левинскаго (уніатскаго Луцкаго епископа). Предъ вашимъ сіятельствомъ осмѣливаюсь ходатайствовать за архимандрита Лещинскаго, или за кс. Корсака; могу указать еще и на архимандрита Мелецкаго, кс. Шашкевича. Но если будетъ назначенъ епископомъ Гачевскій, ассесоръ коллегіи, то это принесетъ великій вредъ для ордена и для дѣла народнаго просвѣщенія. Не умѣю отзываться о людяхъ съ худой стороны, но въ данномъ случаѣ, я долженъ, кого слѣдуетъ, предостеречь, что здѣсь (въ Гачевскомъ) ненависть противъ базиліанъ соединилась съ недостаточнымъ просвѣщеніемъ, а быть можетъ и съ жадностью" (захвата базиліанскихъ фундушей)... (Pamiętniki II. 317). Такъ зло трактовалъ Чацкій всякую малѣйшую попытку къ постановкѣ воспитанія на русско-православныхъ началахъ и желаніе бѣлаго уніатскаго клира возстановить свои попранныя базиліанами права и возвратить хотя въ части захваченные ими фундуши.

дѣйствіе состоявшагося о базиліанахъ постановленія." (Матер. II. 871—872). Что же означалъ сей сонъ?

Въ 1821 г. Полоцкій архіепископъ Красовскій заявилъ, между прочимъ, по вопросу о реформѣ базиліанъ, что еще въ 1807 г. было предположеніе (только что нами разсмотрѣнное) преобразовать базиліанскій орденъ и тогда объ этомъ гр. Завадовскій составилъ докладъ; для всѣхъ базиліанъ предполагалось имѣть одного генерала и двѣ провинціи; „но, продолжаетъ архіепископъ, сію стратагемму покойный митрополитъ Лисовскій въ своемъ мнѣніи, по Высочайшему повелѣнію въ ономъ докладѣ учиненномъ, достаточно открылъ и объяснилъ и это дѣло Высочайше назначеннымъ комитетомъ, въ которомъ я (т. е. архіепископъ Красовскій) имѣлъ честь присутствовать, окончено въ 1810 г." (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г. Іюль. 49-50. Ср. Акты Вилен. комиссіи XVI—CXXII).

Комитетъ гр. Завадовскаго, разсуждая о реформѣ базиліанъ, совершенно игнорировалъ митрополита Лисовскаго, котораго въ дѣйствительности болѣе другихъ касалось дѣло, и мнѣніе котораго по данному вопросу болѣе всего, казалось, заслуживало вниманія. Но Чацкій, зная направленіе митрополита Лисовскаго (митрополитъ путешествовалъ въ Іерусалимъ, отростилъ по православному обычаю бороду и очень дорожилъ въ уніи православною, славянскою обрядностію), не только не хотѣлъ знать его мнѣнія, но расчитывалъ, что въ дѣлѣ реформы базиліанъ совершенно возможно обойтись безъ него. Къ такому самомнѣнію давали поводъ нѣкоторыя предшествующія обстоятельства, когда Чацкій, дѣйствуя въ противодѣйствіе митрополиту, въ тихомолку какъ бы одерживалъ надъ нимъ побѣду.

Между тѣмъ митрополитъ, узнавши о содержаніи доклада комитета, изъ Полоцка послалъ Государю протестъ, сдѣлавши на конвертѣ, по слухамъ между базиліанами, слѣдующую надпись: ad Caesarem, male informatum, ad Caesarem, melius informandum (Государю, плохо освѣдомленному, Государю, котораго слѣдуетъ освѣдомить лучше). Лисовскій просилъ Государя дать ему возможность обсудить вопросъ о преобразованіи ба-

зиліанъ вмѣстѣ съ другими епископами. (Акты Виленской комиссіи XVI. LXXXV).

Послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ остановленъ исполненіемъ докладъ перваго комитета. Чацкій просто скрежеталъ зубами, а кн. Чарторыйскій до конца своего попечительства не могъ забыть понесеннаго пораженія (ibid См. Русскій Архивъ 1871 г. 785 стр.). Напрасно Чацкій писалъ къ митрополиту Лисовскому и къ Луцкому епископу Левинскому, желая склонить ихъ на свою сторону и доказывая имъ, что базиліанскій орденъ всегда процвѣталъ только въ то время, когда занимался просвѣщеніемъ юношества. Левинскій, а тѣмъ болѣе Лисовскій знали истинныя цѣли Чацкаго и конечно, не могли съ нимъ согласиться. Лисовскій представилъ слѣдующія замѣчанія на проектъ Чацкаго:

1) Латынники составили этотъ проектъ; весь онъ имѣетъ предметомъ уронить греческій законъ (орденъ): сдѣлать его обществомъ эдукаційнымъ и латинскимъ; 2) чрезъ проектъ орденъ не дѣлается полезнымъ для края; 3) уничтожена его подчиненность епископамъ и духовной коллегіи; 4) духовная собственность дѣлаетя собственностію эдукаційною и перестаетъ имѣть казенную опеку; 5) ни одинъ базиліанскій монастырь не уничтожается, хотя и ясна воля правительства; 6) приходы, вопреки праву, остаются монахамъ; они должны принадлежать свѣтскимъ капланамъ; 7) возстановленъ чинъ генерала ордена, уничтоженный уставами государства; 8) опатства (архимандріи) уничтожены и только шесть остаются въ учебномъ округѣ для наградъ; а тѣ, кои, сдѣлавшись опатами, будутъ получать по 900 руб. въ годъ, поступятъ противъ обѣтовъ монашескихъ; 9) не опредѣлена власть провинціала и сдѣлана не ограниченною; 10) клиръ свѣтскій не обойдется безъ помощи базиліанской; 11) въ докладѣ не упоминается о генеральной семинаріи. (Акты Вилен. комиссіи XVI. LXXXV).

Въ поданной по Высочайшему повелѣнію запискѣ по поводу доклада гр. Завадовскаго о базиліанахъ, митрополитъ Лисовскій между прочимъ выяснилъ, что „связь съ римлянами и Виленскимъ университетомъ, проектируемая этимъ докладомъ, произвела бы въ разсужденіи ихъ обѣтовъ, величайшія пере-

мѣны. Послѣдовало бы, наконецъ, за симъ, что базиліане, вовсе не завися отъ церковной унитской власти и съ оною не имѣя никакой связи, а чрезъ то бывъ освобождены отъ наблюденія и надзора оной за собою и своимъ правленіемъ, стали бы уподобляться во всемъ совершенствѣ римлянамъ, какъ и доселѣ того во многомъ испытано; послѣдуютъ всѣмъ ихъ правиламъ, обыкновеніямъ, а за временемъ съ оными совокупятся".

„Таковые-жъ базиліане..., коль станутъ занимать предозначенныя мѣста въ іерархіи церковной, конечно, по своему убѣжденію и склонности къ римлянамъ съ успѣхомъ при таковой способности обратятъ къ сему разуму и народъ унитскій; послѣдуетъ за симъ новое съ сихъ остатковъ достоянія унитской церкви распространеніе римскаго обряда, какъ то подобными сему способами происходило предъ двумя столѣтіями - наипаче на Волыни и здѣсь въ Бѣлоруссіи."... И въ присоединеніи фундушей базиліанскихъ къ эдукаціонному фундушу Лисовскій видитъ „не предметъ пользы своея церкви, а пользу Виленскаго университета и Волынской гимназіи, обогащеннымъ въ полномъ совершенствѣ отъ щедротъ высокомонаршихъ различными дарованіями, привиллегіями и преимуществами и толико, что уже не настояло никакой нужды дѣлать онымъ пособіе, а тѣмъ паче изъ унитской церкви, достояніемъ которой въ прошествіи двухъ столѣтій много воспользовались римляне и тѣмъ совершенно оную унизили", и далѣе перечисляются различные захваты римлянами уніатской собственности и другія отъ нихъ обиды. (Матер. II. 873—889).

Протестъ митрополита Лисовскаго, къ которому присоединились и другіе уніатскіе іерархи, вызвалъ дѣятельную работу въ средѣ партіи Чацкаго. На протестъ писались возраженія кн. Чарторыйскимъ; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составлялись подробныя его опроверженія (ibid. 892—912). Чацкій настаивалъ передъ гр. Завадовскимъ, что проектированная имъ реформа базиліанъ въ высшей степени важна для цѣлаго округа, что она должна послужить началомъ реформъ другихъ орденовъ, что это прекраснѣйшій плодъ, который могла вырастить только христіанская философія. Возраженія митрополита Лисовскаго онъ находилъ очень слабыми и просилъ министра въ будущемъ присылать ему все,

что появится противъ его реформы (ibid. 924). Кн. Чарторыйскаго Чацкій продолжалъ уговаривать, что вопросъ о базиліанахъ одинъ изъ самоважнѣйшихъ... Школьная іерархія получила якобы отъ нихъ надежныхъ помощниковъ, самъ орденъ преображался въ педагогическую корпорацію, а его огромные фундуши становились духовно-эдукаціонною собственностію. „Знаю, прибавлялъ Чацкій, на сколько энергично вы поддерживали это дѣло и сколько этимъ создали для себя непріятностей. Впрочемъ, если ужъ нельзя отстоять проекта, получившаго было силу закона (писалось въ 1808 году, 18 Мая), необходимо похлопотать, чтобы, по крайней мѣрѣ, до вашего возврата (изъ заграницы) онъ остался нетронутымъ. Будемъ питаться тогда надеждою на счастливую перемѣну въ убѣжденіяхъ", (конечно, Монарха). Pamiętniki II 317).

Въ виду такихъ ожиданій и Снядецкій писалъ къ гр. Завадовскому (9 Марта 1809 г.), что „изъ всѣхъ духовныхъ сословій, къ народному ученію предопредѣленныхъ, ксендзы базиліане суть наиполезнѣйшіе",... что „въ исторіи училищъ, къ Виленскому университету принадлежащихъ, будетъ незабвеннымъ и лестнымъ напоминаніемъ благотворительнаго вашего сіятельства надъ ними начальствованія, когда сословіе ксендзовъ базиліанъ, почтенное преимуществомъ учебнаго сословія, отдано будетъ подъ особенное попеченіе училищнаго начальства, которое бы ихъ защищало и предохраняло отъ произвольной духовнаго правленія власти".... (Матеріалы II 923).

Еще откровеннѣе писалъ Снядецкій къ Чацкому (3 Марта 1809 г.). „Въ Петербургъ прибылъ наконецъ митрополитъ Лисовскій и, пользуясь протекціей кн. Голицына, выхлопоталъ для себя много всякой всячины за счетъ Брестскаго епископа Булгака. Мнѣ пришло на мысль: нѣтъ ли возможности различными убѣжденіями и разсужденіями склонить митрополита принять остановленный исполненіемъ докладъ о базиліанахъ. Быть можетъ, обѣ стороны, при взаимныхъ уступкахъ, согласились бы въ существенномъ. Пишу сегодня къ кс. Стройновскому и къ тебѣ, милостивый государь, чтобы и съ своей стороны ты написалъ къ нему и къ митрополиту Сестренцевичу. Пускай попытаются, по крайней мѣрѣ, не наставятъ ли

они этого старца (митрополита Лисовскаго) на путь правый. Я и самъ думаю написать потомъ къ нему по этому предмету. было бы только начато дѣло, такъ какъ мы знакомы пока письменно, хотя до сихъ поръ всегда мирно и успѣшно разрѣшали всѣ отношенія и предположенія, какія случались. Тутъ ходитъ слухъ, что предположено назначить новый комитетъ для новаго разсмотрѣнія доклада (гр. Завадовскаго). Необходимо постараться, чтобы участвовалъ въ немъ кто нибудь и отъ учебнаго вѣдомства. Опасаюсь, что это дѣло, при отсутствіи кн. попечителя, будетъ ведено министромъ слишкомъ холодно, а князь, проѣзжая черезъ Вильну, сказалъ мнѣ, что послѣ послѣдней аудіенціи у Государя, на которой рѣчь исключительно была о базиліанахъ, ничего не остается предпринимать вновь... На всѣ представленія князя Государь отвѣчалъ: „и почему (для реформы) вы непремѣнно избрали базиліанъ, а не другой орденъ, и при томъ тогда, когда не можете наклонить къ этому митрополита и орденскихъ старшихъ?“ На это дѣло, думается мнѣ, много вліянія имѣютъ іезуиты. Жаль, милостивый государь, что ты теперь не въ Петербургѣ. Будучи вмѣстѣ съ Лисовскимъ и кн. Голицынымъ, ты быть можетъ, успѣлъ бы благополучно направить и покончить дѣло (о базиліанахъ). Будемъ по крайней мѣрѣ, пробовать устроить это при посредствѣ кс. Сестренцевича и Стройновскаго. Я рѣшилъ написать къ послѣднему, хотя признаться, я сильно и глубоко оскорбленъ имъ; онъ испортилъ мнѣ почти конченное съ кс. Коссаковскимъ дѣло о бенефиціи и далъ ему совершенно превратное направленіе: онъ представилъ министру такое мнѣніе коллегіи, что если бы оно было сохранено, я предложилъ бы университету просить Императора (въ распоряженіи университета было шесть бенефицій, богатыхъ приходовъ, для награды заслуженныхъ профессоровъ изъ ксендзовъ) оставить эти бенефиціи за казною, такъ какъ онѣ, доставляя университету массу хлопотъ (при сохраненіи мнѣнія Стройновскаго), не приносили ему никакой пользы. Я того мнѣнія, что съ комиссіей (по дѣлу объ эдукаціонныхъ фундушахъ) можно устроиться мирно, но пока установится соглашеніе съ нею, епископъ много можетъ мѣшать мнѣ въ осуществленіи принятыхъ плановъ и системы, можетъ усиливать и дѣлать болѣе наглою жадность ксендзовъ, дую-

щихся на мои планы (давать имъ награды, по обсужденіи университетомъ ихъ ученыхъ заслугъ). Моя двухмѣсячная болѣзнь груди не позволяетъ мнѣ много работать. Не могу, потому, теперь изготовить для министра крайне необходимое представленіе, чтобы достаточно освѣдомить его о положеніи дѣлъ и качествахъ людей и этимъ остановить интриги ксендзовъ, мѣшающихъ работать тѣмъ, кто это можетъ". (Pamiętniki... II 543—545).

Полученный Снядецкимъ отвѣтъ Стройновскаго (отъ 23 Марта 1809 г.) долженъ былъ сильно подорвать у Чацкаго и Снядецкаго питаемыя ими надежды. „Митрополитъ Лисовскій, писалъ Стройновскій, дѣйствительно находится въ С. Петербургѣ и только весною уѣдетъ отсюда, когда будетъ хорошая дорога и подсохнетъ. (Партія Чацкаго очень опасалась его пребыванія въ Петербургѣ: въ митрополитѣ она видѣла рѣшительнаго противника своимъ затѣямъ). Въ дѣлѣ извѣстнаго проекта о базиліанахъ онъ постоянно держится однихъ и тѣхъ же правилъ и нельзя надѣяться на ихъ перемѣну. Нашъ митрополитъ Сестренцевичъ въ этомъ дѣлѣ рѣшительно ничего и не можетъ и не хочетъ помочь. Кто тридцать слишкомъ лѣтъ прожилъ подъ русскимъ правительствомъ и двѣнадцать изъ нихъ провелъ въ столицѣ, тотъ не возьмется за дѣло, которое дискредитировано (проектъ Чацкаго и гр. Завадовскаго о базиліанахъ). Ни о какомъ комитетѣ по этому дѣлу здѣсь ничего не слышно, если подъ такимъ комитетомъ не подразумѣвать трехъ лицъ: гр. Завадовскаго, оберъ-прокурора синода кн. Голицына и митрополита Лисовскаго, которые могутъ разсуждать по этому вопросу. Во всякомъ случаѣ рѣшительно не умѣю сказать, заходила ли когда нибудь между ними рѣчь по этому предмету; знаю только то, что министръ народнаго просвѣщенія никогда не вспоминаетъ о реформѣ базиліанъ, и благоразуміе не позволяетъ напоминать ему о дѣлѣ непріятномъ и возобновлять воспоминаніе о томъ конфузѣ, который онъ испыталъ. Знаю также, что названный проектъ упалъ въ мнѣніи и убѣжденіяхъ самого Монарха, и что никто, освѣдомленный объ этомъ, не осмѣлится воскрешать его. И то еще знаю, что этому проекту рѣшительно противодѣйствуютъ кн. Голицынъ и митрополитъ Лисовскій со своимъ департаментомъ (въ коллегіи духовныхъ дѣлъ) а по-

жалуй и со всѣмъ свѣтскимъ духовенствомъ. Все дѣло въ настоящемъ и будущемъ испорчено потому, что не соблюдено правило: ne quid nimis! (не слишкомъ только! не черезъ край!) Возвращаюсь къ вопросу о комитетѣ. Если бы была правда въ томъ, что существуетъ, или имѣетъ быть подобный комитетъ (по дѣлу о преобразованіи базиліанъ), то при настоящемъ порядкѣ вещей, отъ такого комитета нельзя ожидать ничего иного, какъ полнѣйшаго уничтоженія названнаго доклада (гр. Завадовскаго), или лучше, созданія новаго положенія, совершенно противоположнаго первому. Если что иногда и удается (намеки на удачи Чацкаго), при посредствѣ ловкости, хитрости и умѣренности, то будетъ величайшею ошибкою думать, что и дальше все будетъ удаваться, если бы даже не сохранялось при этомъ ни секрета, ни надлежащаго довѣрія, ни другихъ обстоятельствъ, на которыя въ столицѣ и дома необходимо обращать большое вниманіе. Обо всемъ этомъ я говорю съ вами искренно, открыто и съ полнымъ довѣріемъ, на которое имѣетъ право ваша давняя ко мнѣ дружба". (Pamiętniki... II. 333).

Однако 27 Августа 1809 г. состоялся Высочайшій рескриптъ на имя гр. Завадовскаго о назначеніи особаго комитета изъ нареченнаго епископа Красовскаго (повѣренный митрополита Лисовскаго), статсъ-секретаря кн. Голицына и самаго гр. Завадовскаго для разсмотрѣнія мнѣнія и записки о реформѣ базиліанъ митрополита Лисовскаго, сличенія ихъ съ докладомъ гр. Завадовскаго и для выработки положенія объ устройствѣ училищъ базиліанскаго ордена. Комитетъ въ 1810 г. имѣлъ три засѣданія, въ которыхъ обсуждались различныя стороны возбужденнаго базиліанами вопроса; на основаніи протоколовъ комитетскихъ засѣданій составленъ всеподданнѣйшій докладъ, который и утвержденъ Высочайшею властію 30 Сентября 1810 г. (Матеріалы... II. 927—938).

По новому положенію у базиліанъ отнималось наименованіе общества воспитательнаго; надзоръ за содержимыми базиліанами свѣтскими училищами предоставлялся вообще директорамъ училищъ тѣхъ губерній, гдѣ таковыя училища находились; духовныя базиліанскія училища подчинялись главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Ба-

зиліане оставались на общихъ основаніяхъ въ подчиненіи у епархіальнаго начальства и совершенно отмѣнялся докладъ гр. Завадовскаго. (ibid. 939—943). Такъ позорно для Чацкаго и гр. Завадовскаго кончилась затѣя, отъ приведенія въ дѣйствіе которой они дѣйствительно вправѣ были ожидать очень многихъ благопріятныхъ для себя результатовъ, и которая окончательно могла бы подорвать корни русскаго дѣла въ западномъ краѣ.

Вотъ какія чувства испытывалъ Чацкій, когда его проектъ о базиліанахъ готовился къ Высочайшему докладу гр. Завадовскимъ. „Настоящій день, пишетъ онъ Снядецкому (26 Мая 1807 г.), буду считать однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Всѣ трудности побѣждены. Не имѣли успѣха ни заискиванія іезуитовъ, ни различные ихъ подходы (какъ противодѣйствіе реформѣ базиліанскаго ордена); наша конференція была мирная. Я говорилъ отъ сердца; министра охватило святое одушевленіе; Сестренцевичъ именемъ религіи заклиналъ его подписать докладъ. Свершилось; докладъ пишется. Въ этотъ же моментъ курьеръ ѣдетъ къ князю. И ты пиши къ нему; пусть поторопится; время дорого! Пусть сознаетъ, что участь его славы зависитъ отъ ускоренія настоящей спасительной резолюціи. Я сильно пишу князю. Въ слѣдующую очередь (относительно реформы) идутъ піары и іезуиты. (Все это оказалось мечтами Чацкаго). Я счастливъ, что могу сказать тебѣ, что іезуитовъ я двинулъ далеко. Я говорилъ, что подсказывала мнѣ честь, совѣсть и знаніе отечественныхъ дѣяній. Весь директоріатъ согласился со мною; согласятся и другіе. О, Господи, дай нашему князю столько смѣлости, сколько онъ имѣетъ благихъ намѣреній. Дѣло устроится такъ, чтобы ничего не могли сказать ни фанатикъ ни безбожный. При благоразумной смѣлости всего достигнуть можно.“ (На такое самомнѣніе Чацкаго и указывалъ выше Стройновскій.)... Въ новомъ письмѣ Чацкій прибавляетъ: „много различныхъ дѣлъ устроилъ я въ моей жизни; но не умѣю сказать, чтобы когда нибудь я встрѣчалъ, при рѣшеніи какого-нибудь вопроса, столько трудностей, какъ при окончаніи постановленія о базиліанахъ, хотя въ началѣ все казалось такъ легко. Послѣдніе два дня я бывалъ дома не болѣе двухъ часовъ въ сутки. Вопросъ о базиліанахъ разсматривался какъ дѣло государственное. Если

бы не особенное благоволеніе нашего министра (народнаго просвѣщенія) и министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ іезуитскій торжествовалъ бы. Ты спрашиваешь, зачѣмъ онъ велъ интригу. Отвѣтъ найдешь въ проектѣ, по которому слѣдуетъ (и іезуитамъ) подергнуться реформѣ или уничтоженію."... (Въ реформѣ базиліанъ іезуиты провидѣли и собственную реформу и потому противодѣйствовали Чацкому).

„Sint ut sunt, aut non sint (пусть остаются какъ есть, или пусть не будутъ), говорилъ послѣдній іезуитскій генералъ (когда шелъ вопросъ о реформѣ іезуитовъ); тоже повторяетъ и теперешній, который, при большомъ фанатизмѣ, обладаетъ небольшимъ разсудкомъ. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было сломать голову всей іезуитской партіи... Я здѣсь (въ Петербургѣ) присматриваюсь къ іезуитамъ; они держатся не силою своего разума, но тѣми связями, которыя еще Груберъ (генералъ іезуитскій; былъ своимъ человѣкомъ у Императора Павла Петровича) оставилъ имъ. Если требуешь писать тебѣ обо всемъ, какъ было въ дѣйствительности, то припрячь до времени (написанное) объ интригахъ іезуитовъ; многимъ не разсказывай объ этомъ."... [Pamiętniki.. I. 541—542].

Но и вопросъ о школьной реформѣ іезуитовъ оказался труднымъ не менѣе базиліанскаго; Чацкому не пришлось участвовать въ окончательномъ его разрѣшеніи, которое совершилось опять таки, въ совершенно противоположномъ его намѣреніямъ духѣ. Съ вопросомъ о преобразованіи іезуитовъ мы встрѣтимся дальше, такъ какъ вести это дѣло выпало на долю, главнымъ образомъ, Снядецкаго. Чацкій, послѣ неудачи въ борьбѣ за базиліанъ, оказался въ положеніи человѣка, на котораго, какъ на бѣднаго Макара, стали наконецъ валиться шишки.

XII.

Неисполнительность Чацкаго вызываетъ неудовольствіе Снядецкаго, какъ его ближайшаго начальника. Снядецкій приглашаетъ Чацкаго къ порядку и настоятельно требуетъ отъ него открытія училищъ и законнаго расходованія суммъ. Споры по этимъ вопросамъ вызываютъ продолжительную переписку между Чацкимъ и Снядецкимъ съ разными взаимными упреками и указаніемъ недостатковъ по веденію учебнаго дѣла. Слѣдственная комиссія надъ дѣяніями Чацкаго и новое его оправданіе. Разныя непріятныя обстоятельства и особенно нежеланное открытіе Кіевской гимназіи надрываютъ силы Чацкаго; его неожиданная кончина.

Занятый различными проектами, Чацкій не исполнялъ многихъ необходимыхъ для порядка оффиціальныхъ формальностей. Подчиненный Виленскому университету, онъ не присылалъ однако требуемой отчетности, что ставило ректора университета въ безвыходное положеніе, при составленіи общаго отчета по округу. Заботясь исключительно о Кременцѣ, Чацкій не думалъ объ открытіи школъ въ другихъ пунктахъ юго-западнаго раіона; утвержденныя программы преподаванія нигдѣ почти не соблюдались, отступленія были общія; отпущенныя на школы правительственныя средства и частныя пожертвованія поглощались нерѣдко Кременецкою гимназіей. Денежная отчетность была въ большомъ запущеніи. Отвѣтственность за безпорядокъ падала отчасти на Виленскій университетъ, и Снядецкій, ознакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣла, поспѣшилъ пригласить Чацкаго къ порядку. 29 Марта 1808 года онъ напомнилъ Чацкому, что представляя при рапортѣ попечителю денежную отчетность по всему округу, онъ не можетъ исключить школъ Волынскихъ, Подольскихъ и Кіевскихъ, и что не полученіе ожидаемой отчетности по

этимъ школамъ задерживаетъ представленіе общаго отчета за 1807 годъ. Это касалось только ассигнованій казенныхъ суммъ. Относительно добровольныхъ пожертвованій обывателей Чацкому предоставлялось самому каждый разъ доносить министру, чтобы онъ всегда былъ наготовѣ дать отвѣтъ Государю, въ случаѣ спроса объ этомъ. „Университетъ, писалъ Снядецкій, не входитъ въ распоряженіе этими добровольными пожертвованіями; во всякомъ случаѣ, я не вижу причины, почему бы не могли находиться эти вѣдомости при актахъ и донесеніяхъ Вѣдь мы имѣемъ, правда, въ значительно меньшихъ размѣрахъ, однако однородные, вновь образованные эдукаціонные фундуши, жертвователи которыхъ сами просятъ объ ихъ охраненіи и донесеніи министру. Помни, милостивый государь, что ты не безсмертенъ, а при безпорядкахъ въ дѣлахъ подобнаго рода, самыя прекрасныя работы должны портиться и извращаться. Не довольно закрѣпить дѣло на бумагѣ: безъ дѣльной и бдительной опеки правительства все идетъ на убыль". Указавши съ одной стороны на примѣръ Краковской академіи, гдѣ послѣдовала растрата общественныхъ фундушей; съ другой стороны—на обычаи Англіи, гдѣ общественное достояніе, при всевозможныхъ революціяхъ, оставалось свято и ненарушимо, Снядецкій продолжаетъ: „по всей вѣроятности, ты краснѣлъ бы за поляковъ, если бы зналъ, что сталось въ Литвѣ съ самыми благодѣтельными фундушами, по закрытіи судовъ эдукаціонной комиссіи. На эти примѣры я сослался по заботливости, чтобы твои труды, старанія и хлопоты для блага соотечественниковъ возымѣли надлежащую опору, независимо отъ перемѣны людей и ихъ склонностей. Присоединеніе жертвъ Кіевскихъ обывателей къ суммамъ Кременецкой гимназіи не можетъ получить санкціи министра не только потому, что ему занесены уже на это жалобы, но и потому, что фундуши, перенесенные за нѣсколько десятковъ миль отъ мѣста назначенія, лишаютъ кіевлянъ, особенно мало состоятельныхъ, возможности посылать въ отдаленныя мѣста своихъ дѣтей для обученія. Для края, который такъ обширенъ (югозападный) и такъ мало имѣетъ училищъ, лучше основать школу, не особенно блестящую, чѣмъ не имѣть никакой. Обрати, милостивый государь, вниманіе на линію, проведенную отъ Мозыря къ Житоміру, оттуда къ Винницѣ, а отъ Винницы

до Днѣстра, и на этомъ громадномъ пространствѣ ты найдешь всего *три* школы; отъ этой линіи къ востоку, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, отъ Бердичева къ Одессѣ ты встрѣтишь *двѣ* школы. Ужели жъ (по справедливости) не осудятъ насъ за то, что, все бросая на Кременецъ, мы оставляемъ въ невѣжествѣ и безъ всякой помощи такой прекрасный и обширный край? Прочитывая бумаги, которыя князь попечитель въ 1805 и 1806 г.г. прислалъ въ университетъ относительно (открытія) гимназіи въ Кіевѣ, припоминая, что самъ министръ пріѣзжалъ туда, чтобы выбрать на школу мѣсто, что онъ прямо заявилъ попечителю, чтобы въ возможной скорости принять мѣры къ упорядоченію системы обученія въ Кіевѣ, что для этого изъ государственнаго казначейства онъ выхлопоталъ необходимый фундушъ, не могу не думать, что министръ (очень невыгодно для насъ) можетъ быть пораженъ тѣмъ, что государство производитъ расходы, а мы нисколько не думаемъ заводить школы и принимать мѣры къ ихъ устройству. Дѣлаемъ и того хуже. Даже отпущенныя для края средства мы переносимъ куда то въ другія мѣста, т. е. изъ края, гдѣ нѣтъ школъ, въ мѣстности, гдѣ ихъ достаточно. Скоро, конечно, нужно ожидать запроса (отъ министра), на что обращены капиталы, отпущенные на Кіевскую гимназію, переносить которые въ другой край, имѣющій собственные эдукаціонные фундуши, рѣшительно нельзя (безъ высшаго разрѣшенія). Зная, что писано по этому поводу министру и съ какимъ неудовольствіемъ былъ принятъ въ Петербургѣ проектъ о перенесеніи фундушей изъ Кіева въ Кременецъ, не имѣя, къ сожалѣнію, даже свободной минуты, чтобы остеречь тебя по этому поводу, я поручилъ только написать тебѣ, и теперь крайне необходимо подумать о самоскорѣйшемъ открытіи въ Кіевѣ гимназіи на счетъ отпущенныхъ государственныхъ средствъ. Не слѣдуетъ полагаться на обѣщанные правительствомъ дома; необходимо теперь же нанять домъ подъ училище, пополнить составъ учителей и открыть шестиклассную школу... Необходимо подыскать учителей, которые умѣли бы по русски и по польски, и устроить все это крайне необходимо, во избѣжаніе навѣтовъ, которые намъ угрожаютъ. Посовѣтовавшись съ губернаторомъ, ты, по всей вѣроятности, найдешь средство легко устранить затруд-

ненія въ наймѣ школьнаго дома и укажешь средства, какъ все постепенно устроить и привести къ порядку. Въ настоящее время нѣтъ нужды устроить въ Кіевѣ такую гимназію, какая основывается въ Кременцѣ; необходимо имѣть школу съ шестью учителями. Безотлагательно нужно сейчасъ же устроить по одному уѣздному училищу въ повѣтахъ Брацлавскомъ и Кіевскомъ. Если внимательно разсудишь и довѣришься совѣту пріятеля, то создашь дѣло и болѣе прочное, и съ большею для себя славою. А совѣтъ мой таковъ: не торопи такъ быстро и усиленно дѣла въ Кременцѣ, а обрати вниманіе и на другія мѣста, остающіяся безъ просвѣщенія; институціи (подобныя Кременецкой) должны постепенно развиваться, усовершенствоваться и утверждаться. И въ Кременцѣ все устроится и даже съ меньшими расходами; необходимо только не хватать черезъ край. Для убѣжденія тебя въ этомъ, я имѣю много доводовъ, но некогда мнѣ выставлять ихъ тебѣ“. Далѣе Снядецкій указываетъ на тѣ несообразности, которыя допущены въ школахъ въ Житомірѣ, гдѣ шесть учителей посажены на штатный окладъ для четырехъ только преподавателей. Самовольное противъ штата уменьшеніе содержанія Снядецкій считаетъ несправедливостью, которая вредно можетъ отразиться на школьномъ дѣлѣ (кто же—способный—пойдетъ на меньшее противъ штата содержаніе?) и проситъ Чацкаго устранить допущенное зло, такъ какъ учителя должны получать содержаніе по штатамъ, которые утверждены Монархомъ. „Не знаю, продолжаетъ Снядецкій, кто совѣтовалъ открыть въ Житомірѣ школы съ четырьмя профессорами, когда тамъ рѣшительно необходимы училища съ шестью преподавателями, такъ какъ и прежде въ Житомірѣ были главныя училища на все Кіевское воеводство. Если Житомірской школѣ не годится усвоять названіе гимназіи, то изъ за названія не слѣдуетъ обижать цѣлый край и закрывать глаза на его нужды. Для Кременца, предназначаемаго для высшей школы, лучше исходатайствовать названіе лицея или атенея; но во всякомъ случаѣ для того края необходимо открыть побольше школъ съ шестью учителями. Безъ этого насажденіе просвѣщенія въ столь прекрасномъ и обширномъ краѣ не будетъ пропорціонально и не пойдетъ успѣшно. Если для нуждъ Кременца не достаточно его фундушей и ихъ необходимо покрывать фун-

душами школъ уѣздныхъ, то для подобныхъ расходовъ слѣдуетъ выискать подходящій источникъ, и представленія твои по этому предмету я болѣе другихъ буду отстаивать; но справедливость требуетъ, чтобы учителямъ всѣхъ школъ было сохранено законное ихъ содержаніе". Въ заключеніе Снядецкій проситъ Чацкаго удалить неустановившихся учителей, устранить плохихъ и замѣнить ихъ годными и способными. (Pamiętniki II 305—308). Видимъ, какъ плохо въ дѣйствительности велъ Чацкій учебное дѣло.

Съ великою скорбію долженъ былъ выслушать Чацкій замѣчанія Снядецкаго, того Снядецкаго, котораго онъ готовъ былъ, по его признанію, носить на рукахъ и котораго для блага соотечественниковъ и науки онъ такъ усиленно желалъ видѣть ректоромъ Виленскаго университета. Теперь этотъ ректоръ по праву даетъ ему непріятные совѣты и указанія, требуетъ немедленнаго открытія ненавистной Кіевской гимназіи (вспомнимъ переписку между Чацкимъ и Коллонтаемъ по этому поводу—выше), уѣздныхъ училищъ, не позволяетъ Кременцу поглощать фундуши другихъ заведеній, объявляетъ его затѣи безполезными и указываетъ путь, какъ лучше вести учебное дѣло. И это долженъ былъ выслушивать Чацкій, который думалъ, что лучше его никто не можетъ работать на учебномъ поприщѣ, что онъ „въ шесть лѣтъ сдѣлаетъ столько, сколько другіе не сдѣлаютъ и въ пятьдесятъ". А тутъ однимъ почеркомъ пера, открыто, признанный авторитетъ заявляетъ, что Чацкій ничего не сдѣлалъ, что онъ идетъ по ложному пути, задерживаетъ открытіе училищъ, хотя всѣ объ этомъ хлопочутъ, что въ прекрасномъ, обширномъ краѣ онъ охраняетъ и поддерживаетъ мракъ изъ за какого то Кременца съ его неосуществимыми, никому ненужными затѣями, со вредомъ для всего края и многихъ будущихъ поколѣній. Это ли не жестокій ударъ для самолюбиваго и самонадѣяннаго Чацкаго. Собравшись съ силами, Чацкій 8 Апрѣля (1808 г.) отвѣчалъ Снядецкому изъ Порицка.

„Любезный другъ, писалъ Чацкій Снядецкому, со вниманіемъ прочиталъ я твое письмо отъ 29 Марта Пишешь мнѣ, какъ пріятель, заботящійся о моей славѣ, о существованіи и устойчивости тѣхъ учрежденій, которыя создалъ, говоришь о

порядкѣ, безъ котораго должно упасть всякое дѣло, хотя, повидимому, и будетъ итти оно нѣкоторое время. Позволь объясниться съ полною откровенностію...; прошу выслушать мою защиту и тогда произнести приговоръ".

...„Въ отношеніяхъ университета къ Волынской гимназіи я отдѣляю власть досмотра отъ власти распорядительной. Признаю преимущество этого ученаго организма, какъ начальственной магистратуры; но универститетъ не можетъ дѣлать постановленія о расходахъ жертвуемыхъ суммъ, такъ какъ довѣріе фундаторовъ предоставило ихъ въ мою власть, опираясь особеннно на знакомствѣ съ мѣстными нуждами. И такъ какъ па своей должности *ты не безсмертенъ* (vice versa—въ отвѣтъ Снядецкому на подчеркнутыя слова), а я испыталъ уже очень много непріятностей отъ университета, то хотѣлось бы видѣть тѣ предѣлы взаимной власти, на которые оба можемъ согласиться. Счеты за 1806 годъ я отправилъ..; другіе пошлю по изготовленіи. Если бы власть университета была даже сомнительною, сама деликатность заставляла бы всѣхъ судить, цѣлесообразно-ли выполнена воля правительства и фундаторовъ. Та же самая отчетность (денежная) появится и въ печати. Я написалъ, что свои долги гимназія покроетъ собственными средствами, такъ какъ вы не имѣете права удѣлить намъ что нибудь изъ общаго фундуша. Если при посредствѣ комиссіи (фундушевой) отыщемъ слѣдуемое намъ, долги исчезнутъ совершенно".

„Ошибочно думаешь, любезный другъ, что я исключительно занятъ Кременцомъ и не забочусь о школахъ низшаго разряда. Вѣдь таково мнѣніе нѣсколькихъ членовъ университета.. Гимназія—это особая, полная школа, въ которую не могутъ поступать всѣ начинающіе и кончающіе науки на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль. Съ самаго начала вступленія въ должность я постоянно работалъ надъ тѣмъ, чтобы приходскія училища стояли на первой очереди, потомъ слѣдовали бы уѣздныя, а наша гимназія являлась уже послѣднею школою, совершенно отвѣчающею потребностямъ здѣшняго края. Кто выхлопоталъ столько фундушей на уѣздныя училища, кто составилъ полезное о нихъ положеніе, кто принимаетъ всѣ мѣры къ открытію въ сентябрѣ 1809 г. учи-

тельской семинаріи, тотъ спокойно можетъ выслушивать упреки за неподдержку якобы низшихъ школъ.“ Далѣе Чацкій останавливается на каждой школѣ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ и разъясняетъ Снядецкому ихъ положеніе. Оказывается, большею частію, что *настоящее* школъ не удовлетворительно, но въ *будущемъ*, по заявленію Чацкаго, все немедленно придетъ къ желанному концу.

„Знаю, продолжаетъ Чацкій, что я смертенъ, и потому Кременецкую школу стараюсь выдвинуть на принадлежащее ей мѣсто, пользуясь для этого всею силою, какую даетъ мнѣ благородная смѣлость и довѣріе обывателей. Если вникнуть въ мой планъ, потребности нашихъ дѣтей, края и всѣхъ его обитателей, то я недоумѣваю, что въ немъ (т.-е. планѣ учебномъ) можетъ быть названо чрезмѣрнымъ для Кременца или не отвѣчающимъ нашимъ истиннымъ нуждамъ. Вильна слишкомъ далека отъ насъ и дорога, климатъ тамъ не хорошъ. Просвѣщеніе должно быть въ болѣе близкихъ предѣлахъ. Учебные планы далеко не совершенны, если не обнимаютъ всѣхъ отраслей нашихъ нуждъ. Которая же каѳедра, какое учрежденіе можетъ почитаться за излишнее?...“ Далѣе Чацкій перебираетъ извѣстныя уже намъ всѣ особыя спеціальныя учрежденія при гимназіи въ Кременцѣ и, конечно, находитъ ихъ вполнѣ необходимыми. „Я не смутился чрезмѣрною обширностію дѣла, расчитывалъ на препятствія со стороны правительства, университета въ прежнее время, духовенства, обывателей, моихъ даже профессоровъ. Я сказалъ себѣ: кто имѣетъ смѣлость и благородныя намѣренія, тотъ не согнется подъ тяжестію принятаго бремени, осилитъ ропотъ и получитъ въ награду самое дорогое свидѣтельство собственной совѣсти. Ты бранилъ эдукаціонную комиссію за ея снисходительность, за слабость въ дѣйствіяхъ. Еслибы при твоей энергіи, при твоихъ добродѣтеляхъ и опытности, ты обратился къ этой магистратурѣ съ рѣшительнымъ словомъ, то развѣ не были бы обильнѣе плоды общественнаго просвѣщенія? развѣ наше юношество, воспитывавшееся дома подъ руководствомъ иностранцевъ, не сдѣлалось бы болѣе полезнымъ? Развѣ Краковская академія не обладала бы лучшими профессорами и не была-бы снабжена лучшими научными пособіями? Развѣ могли тогда имѣть тамъ мѣсто позорныя дѣйствія Коллонтая (и это говоритъ Чацкій,

для котораго Коллонтай дѣлалъ все) и Орачевскаго (послѣ Коллонтая ректоръ академіи), поставившія академію въ печальное положеніе?... Брось взглядъ на начало моихъ плановъ и сведи счеты: увидишь, что кромѣ прекрасныхъ учрежденій въ Кременцѣ, одного доходу получаемъ около сорока тысячъ руб. Скажешь ли послѣ этого, что я слишкомъ самонадѣянъ? Безъ эдукаціонной комиссіи весь Виленскій округъ оставался бы теперь внѣ всякихъ стремленій; а Кременецъ являлся бы не особенно полезною школою. Одно установленіе служитъ другому сильною опорою. Пріобрѣтенное пусть крѣпко установится; выдержитъ тогда напоръ вихря; теперь оно боится еще и малаго вѣтра. Я пережилъ отчизну и много разныхъ бѣдъ; не одинъ сѣдой волосъ явился уже на моей головѣ. Кременецъ долженъ достигнуть своего величія; того требуетъ польза края и дѣло просвѣщенія. Я становлюсь предъ твоимъ судомъ. Никто не уважаетъ тебя столько, какъ я. Никто сравнительно со мною не приметъ твоихъ замѣчаній и предостереженій съ большею покорностію; но что касается Кременца, то огульныя твои порицанія моихъ плановъ являются совершенно неубѣдительными. Позволяю себѣ даже думать, что взвѣсивши всѣ мелочи и обстоятельства, (при которыхъ я создавалъ мои планы), ты отдашь мнѣ справедливость и признаешь, что иначе нельзя вести дѣло, которое мною начато. Надѣюсь устоять даже противъ строгаго твоего недовѣрія въ отношеніи порядка цѣлаго уклада и обезпеченія фундушей. Мои дѣла доказали, что думая о Кременцѣ, я не забывалъ и Вильны. Результаты моихъ трудовъ засвидѣтельствуютъ, что я помнилъ, какая земля родила меня, подъ охраною какихъ правъ живу я, какую деморализацію уменьшить я задался мыслію, какъ крѣпко я долженъ обезопасить мною дѣланное отъ бурь послѣ моей смерти и даже еще при жизни. Исторія будетъ судить насъ обоихъ. Я не сойду съ того пути, который я намѣтилъ для себя по благороднымъ побужденіямъ. Другъ мой! ничего отъ тебя не скрываю. Горжусь, что работаю вмѣстѣ съ тобою (подобныя фразы разсыпалъ Чацкій и Коллонтаю). Заклинаю тебя всѣмъ міромъ, помогай мнѣ, чтобы я могъ избѣжать ошибокъ и чтобы довѣренная мнѣ часть приближалась къ тому совершенству, котораго въ теоріи можно себѣ пожелать... [Pamiętniki II. 305—316].

И Снядецкому тяжело было выслушивать подобныя изліянія чувствъ, съ увѣреніемъ въ своей благонамѣренности, любви къ отечеству и народной гордости. Вмѣсто серьезнаго дѣловитаго слова, онъ слышалъ чуть не женскія, сердечныя всхлипыванія, возгласы о дружбѣ, о любви. А положеніе учебнаго дѣла становилось серьезнѣе; жизнь дѣлала свои запросы; становилось невозможнымъ довольствоваться одиѣми фантазіями. Чацкій между тѣмъ упирался на своемъ. „Не сойду, говорилъ онъ, съ намѣченнаго пути,“ и самаго Снядецкаго приглашалъ итти съ нимъ рука объ руку. Но астрономъ и математикъ, Снядецкій не увлекался Чацкимъ и упорно продолжалъ требовать отъ него фактической отчетности. Чтобы окончательно не раздразнить его, Снядецкій написалъ къ бывшему своему ученику по Кракову Чеху, который теперь исполнялъ въ Кременцѣ должность директора гимназіи и близокъ былъ къ Чацкому.

8 Іюня 1808 года Снядецкій писалъ Чеху: „Планъ гимназической отчетности, составленный Кручковскимъ, (учитель гимназіи) въ высшей степени плохъ, недостоинъ старосты (т.-е. Чацкаго, который назывался старостою по Новогрудскому старосту) и скорѣе обманчивъ, нежели поучителенъ для учебной власти. [Отчетность представлялась Чацкимъ, который, главнымъ образомъ, производилъ расходы и по порученію котораго составлялъ ее по гимназіи Кручковскій-учитель. Чехъ, какъ директоръ гимназіи, долженъ былъ подписать ее]. На будущее время совѣтую тебѣ, милостивый государь, не подписывать подобной путаницы и никогда, какъ въ частной жизни, такъ и общественной, не уклоняться отъ пути истины и чести. И прежде всего представленныя хитросплетенія не скроютъ того, что я и университетъ давно уже видимъ, именно, что гимназія дѣлаетъ болѣе расходовъ, нежели сколько позволяютъ то опредѣленные приходы. Во вторыхъ, подобный безпорядокъ такъ все запутаетъ и смѣшаетъ, что могутъ даже возникнуть подозрѣнія, обидныя для характера старосты; тогда какъ въ дѣйствительности одна пустая суетливость все портитъ и все мутитъ. Если теперь не остановить подобнаго безпорядка, то съ истинною болью въ сердцѣ я предчувствую, что это дѣло (проекты Чацкаго о гимназіи въ Кременцѣ), о которомъ столько шумѣли, болѣе раздуто, чѣмъ основательно, что оно лопнетъ и кончится плохо, такъ-же, какъ кончились

самыя прекрасныя работы и предпріятія въ Литвѣ Тызенгауза; и все потому, что гнали ихъ чрезвычайно быстро, выше силъ и средствъ, и даже выше естественнаго хода дѣлъ людскихъ. Объ этомъ я всегда говорю и пишу Чацкому; необходимо, чтобы и ты, милостивый государь, повторялъ ему это, на основаніи ближайшихъ наблюденій; необходимо сдерживать и возвращать въ естественную колею рвеніе этого человѣка, съ такими почтенными и добрыми намѣреніями: иначе его усилія много принесутъ потери и ему самому, и краю. Чрезмѣрность въ математическихъ и физическихъ работахъ никогда не создала ничего опредѣленнаго и прочнаго. Трудъ и стараніе ускоряютъ дѣло и даютъ ему роскошный ростъ; необходимо однако сообразоваться со средствами и естественнымъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Знаю, что Волынская гимназія (въ Кременцѣ) сдѣлала значительные долги, что ея годовыя выдачи превышаютъ всѣ доходы, какъ опредѣленные (штатомъ), такъ и забираемые изъ другихъ школъ. Я увѣренъ, что на разные предметы, постройки, ремонты, людей, вызванныхъ и собранныхъ съ разныхъ мѣстъ, расходуется гораздо болѣе, чѣмъ расходовалось бы тогда, когда все шло бы своимъ порядкомъ, въ свое время и экономически, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ. Чацкій, желая скрыть то, что для всѣхъ очевидно, причиняетъ себѣ и дѣлу вредъ, не услугу. Я писалъ ему, чтобы составилъ себѣ точный расчетъ дохода и прихода, чтобы сосчиталъ всѣ долги, сдѣланные на разныя при гимназіи учрежденія и сдѣлалъ о нихъ представленіе. Обѣщалъ ему употребить всѣ силы къ тому, чтобы выискать средства на оплату долговъ и на назначеніе гимназіи доходовъ, сообразно ея настоящимъ годовымъ расходамъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ этомъ не нуждается, что имѣется свой достаточный фундушъ, какъ будто подобными утвержденіями меня можно успокоить, меня, который въ этомъ болѣе другихъ имѣетъ опытности и осторожности. Повсюду прославляетъ волынянъ и трещитъ объ ихъ щедрости, все на этомъ одномъ опирая и обосновывая; а я не перестаю писать ему и говорить, что держаться подобныхъ основаній (добровольныхъ только пожертвованій), при учрежденіи учебныхъ заведеній, это значитъ строить зданіе на льду. Намъ трудно отыскать дѣйствительные эдукаціонные долги обыкновеннымъ порядкомъ, безъ хлопотъ, стара-

ній и суда; а въ тоже время добровольнымъ пожертвованіямъ мы думаемъ присвоить ту надежность, какою не обладають очень строго описанныя обязательства. Онъ самъ испытываетъ это теперь, при жизни еще фундаторовъ, когда имѣетъ уже на нихъ значительные долги, хотя пожертвованія записаны еще слишкомъ недавно. Что же станется съ ихъ (фундаторовъ) наслѣдниками, когда при томъ не станетъ усилій и упорныхъ напоминаній Чацкаго? Все несчастье въ томъ, что староста видитъ однѣ добродѣтели своихъ соотечественниковъ и не хочетъ знать ихъ великихъ пороковъ и недостатковъ; это больше изобличаетъ въ немъ суетность, нежели справедливость и благоразумную привязанность къ краю. Я люблю отечество и соотечественниковъ, но ничего не прощу имъ. Насъ именно и погубило то, что мы всегда сами себѣ только удивлялись, сами себя хвалили, а одинъ другому не смѣлъ сказать правду. Староста не успѣлъ еще поставить гимназію на степень надлежащей провинціальной школы; для этого не хватаетъ у него людей и недостаетъ многихъ предметовъ, которые создаютъ не словомъ и бумагою, а временемъ и благоразумною заботливостью. Между тѣмъ, онъ думаетъ уже соперничать съ университетомъ (Виленскимъ), переманилъ къ себѣ изъ Вильны базиліанъ, которые должны были готовиться на должность учителей, возбудилъ ропотъ и крики, причинилъ вредъ школамъ, такъ какъ Кременецъ годенъ на приспособленіе учениковъ, но далекъ еще отъ того, чтобы могъ готовить учителей и чтобы въ немъ можно было научиться тому, чему научаются въ Вильнѣ. Это уже слишкомъ великій обманъ, который причинилъ мнѣ много непріятностей. Чацкій уговариваетъ даже епископовъ (латинскихъ и уніатскихъ), чтобы они не торопились посылать клериковъ въ Вильну, въ главную семинарію, такъ какъ подобная семинарія будетъ и въ Кременцѣ. Это сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, сильно всѣхъ насмѣшило, но Кременцу можетъ много повредить. Вызвалъ Кубицкаго (архитектора) для устройства по планамъ домовъ и зала; и если только задастся этими постройками, ручаюсь, что приведетъ гимназію къ полному банкротству“. Указавши за тѣмъ различіе между настоятельными въ Кременцѣ работами и менѣе необходимыми, Снядецкій продолжаетъ: „Свободная минута дала возможность подробно объясниться съ тобою, Мило-

стивый Государь, и ты долженъ стараться отсовѣтовать Чацкому чрезмѣрно быстрое и стремительное веденіе дѣлъ; результаты этого могутъ быть очень плохи и могутъ поколебать наилучшія его предпріятія. Знаю, что на учрежденія онъ истратилъ часть и своего имущества, которую, конечно, долженъ возвратить, такъ какъ край и просвѣщеніе, требуя его трудовъ, не нуждаются въ его имуществѣ, которое онъ обязанъ сберечь своимъ дѣтямъ. Относительно счетовъ настаивай, Милостивый Государь, чтобы они были представлены на основаніи дѣйствительности. Пусть не скрываетъ, что перебралъ, растратилъ и израсходовалъ Кіевскій фундушъ; если ему нравится, можетъ оставить фундуши на задолженныхъ пожертвованіяхъ; мы во всякомъ случаѣ подумаемъ объ источникѣ, изъ котораго слѣдовало бы воротить Кіевской гимназіи забранныя суммы, если только онѣ съ пользою употреблены въ Кременцѣ и если хватитъ нашихъ фундушей на покрытіе этого долга; въ этомъ еще не великій грѣхъ; только бы на будущее время составлялась предварительно точная смѣта годовыхъ расходовъ и приходовъ и зря не начинались бы работы безъ обезпеченныхъ источниковъ платежа. Безпорядокъ замедляетъ успѣшность работъ и устраиваетъ ненужные расходы. Изъ-за Кременца много потерпѣли другія школы и лица; они не получали даже своего штатнаго содержанія; далѣе этого нельзя дозволить. Настоитъ крайняя потребность теперь же намѣтить рѣшительные предѣлы для этого института (Волынской гимназіи), чтобы не дѣлать постоянно новыхъ скачковъ—поисковъ и не остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. Ежели имѣется въ виду его расширеніе, необходимо намѣтить ступени этого роста и цѣли, къ которымъ должно стремиться, и вести дѣло по мѣрѣ средствъ. Иначе, возбудимъ много шуму, причинимъ вредъ просвѣщенію въ уѣздахъ, а самое дѣло окажется болѣе раздутымъ суетностью и непомѣрными надеждами, безъ дѣйствительной, хотя бы скромной пользы. Учебные планы вашихъ классовъ представлялись мнѣ въ началѣ хорошими; но пораздумавши надъ ними болѣе основательно, вижу, что мѣсто для нихъ исключительно въ Кременцѣ. Я рѣшительно не позволю вводить ихъ въ уѣздныя училища и гимназіи; это грозило бы гибелью настоящему просвѣщенію, языкамъ народному и латинскому. Съ Чацкимъ говори обо всемъ откро-

венно, даже покажи ему настоящее письмо, такъ какъ я самъ, пиша къ нему и всегда говоря правду, не всегда имѣю время сказать то, что необходимо (Pamiętniki II, 548—552).

Не довольствуясь этимъ, Снядецкій 14 іюня написалъ и Чацкому, что счеты Волынскіе, наконецъ, получены, хотя присланное приложеніе къ отчетности за 1805 годъ во многихъ пунктахъ не согласно съ прежними представленіями, которыя отосланы уже къ Министру; что необходимо все это разъяснить, согласовать. „А такъ какъ ты, Милостивый Государь, хотѣлъ скрыть отъ насъ дѣйствительную задолженность гимназіи, то и теперь я опасаюсь, вѣрно ли все представленное со сдѣланными расходами на учрежденія. Вѣдь нужно же, наконецъ, все привести къ порядку, сосчитать, сколько денегъ, перерасходованныхъ на Кременецъ, слѣдуетъ возвратить и Кіевской гимназіи, и тебѣ, Милостивый Государь", и далѣе Снядецкій почти повторяетъ содержаніе письма къ Чеху. Въ заключеніе онъ снова напоминаетъ Чацкому объ эдукаціонныхъ фундушевыхъ комиссіяхъ, не ожидаетъ отъ нихъ особенной пользы при постоянномъ дѣленіи при увеличеніи арендаторовъ; „а отыскиваніе нѣсколькихъ тысячъ доходовъ на массѣ размножившихся владѣльцевъ можетъ встрѣтить различныя препятствія и стоитъ дороже, чѣмъ отыскиваемый капиталъ". (ibid. 553—556.)

Понятно, съ какою горечью и презрѣніемъ долженъ былъ принять Чацкій замѣчанія Снядецкаго, который училъ его, какъ школьника, житейской мудрости, благоразумію и окончательно выставлялъ не только безполезность, но и вредъ его предпріятій. Затрагивалась и нравственная сторона характера Чацкаго: выставлялась подозрительная неаккуратность въ веденіи денежныхъ дѣлъ, сбивчивость и разногласіе въ отвѣтахъ, напыщенность, самомнѣніе, расходы на чужой счетъ. Съ гнѣвомъ отвѣтилъ Чацкій Снядецкому (1 іюля 1808 г.)

„Отчетность отослана. Ни на минуту не можетъ быть вопросомъ, что остатки Кіевской гимназіи принадлежатъ Кіеву, а не Волыни, и находятся въ депозитѣ: такъ давно рѣшилъ университетъ относительно этихъ суммъ, какъ государственныхъ, а не изъ нашихъ фундушей. Эти суммы я расчитываю помѣстить въ Кіевской губерніи на проценты и въ отчетности

прошу сдѣлать примѣчаніе, что ассигнованныя государственныя суммы (на Кіевскую гимназію) находятся остаткомъ въ депозитахъ въ Кременцѣ. Тамъ, гдѣ все очевидно, я самъ умѣю судить себя и не нуждаюсь въ предостереженіи, что, молъ, еще скажетъ тамъ министръ. Не понимаю, за что ты гнѣваешься, говоря, будто я отговариваю базиліанскихъ учениковъ отъ Вильны: предварительно, слѣдовало бы справиться, дѣйствительно ли я ихъ удерживаю. Но, между прочимъ, долженъ сказать тебѣ, что изъ одиннадцати кандидатовъ никто не имѣетъ надлежащей подготовки; нѣсколько помѣщено въ четвертый классъ, а остальные слушаютъ первый курсъ. При такомъ положеніи, зачѣмъ же тогда учиться имъ въ Вильнѣ съ гораздо большими расходами? Это во-первыхъ. А во-вторыхъ—базиліане на то и имѣютъ въ Кременцѣ монастыри, чтобы тамъ обучалось ихнее юношество. Здѣсь, при одинаковости наукъ, расходовъ почти никакихъ. Насколько съ уваженіемъ мы относимся къ Вильнѣ, настолько имѣемъ право на довѣріе къ намъ въ Кременцѣ. Мы придерживаемся постановленія 27 іюля (1807 г. докладъ гр. Завадовскаго, Высочайше остановленный исполненіемъ; для Чацкаго это ничего не значило: законъ для него не писанъ); и зачѣмъ уничтожать пунктъ, по которому обученіе базиліанской молодежи назначается въ Кременцѣ? И въ самомъ дѣлѣ, чего такого не достаетъ намъ, что мѣшало бы намъ заниматься подготовкою базиліанъ? Въ Вильнѣ математика поставлена не лучше нашего. Словесность, литература, языки, не въ худшемъ, по всей вѣроятности, положеніи. Лучинскій стоитъ Стубелевича (профессора физики—первый—въ Кременцѣ, второй—въ Вильнѣ). Яскевичъ преподаетъ ботанику и минералогію; нашъ огородъ (ботаническій), по всей вѣроятности, выдержитъ сравненіе съ вашимъ. Относительно исторіи совершенно уже не боюсь. Преподаватель химіи рекомендованъ твоимъ братомъ. Относительно книгъ, приборовъ, различныхъ коллекцій минераловъ, археологическихъ древностей, я совершенно спокоенъ. Всѣ нападки на Кременецъ не устрашатъ меня и не оттолкнутъ отъ него. Министру и князю я объяснилъ причины, почему именно въ этомъ городѣ необходимо имѣть болѣе полную школу. Чѣмъ скорѣе окончу мои дѣла, тѣмъ болѣе будетъ надежды имѣть въ Кременцѣ проектированныя учрежденія. Я не знаю страха передъ труд-

ностями и угрозами. Пусть Ворцель (Губернаторъ Волынскій) пугаетъ меня; я смѣюсь надъ этимъ. Если же употребятъ власть, если Кременецъ не будетъ предоставленъ наукѣ, (раздавались голоса, требующіе перенесенія гимназіи изъ Кременца въ другое какое нибудь мѣсто, чего не хотѣлъ Чацкій), я, по убѣжденію, откажусь отъ должности училищнаго чиновника, и всѣ мудрецы вмѣстѣ (т. е. Снядецкій и другіе) не сумѣютъ отыскать подходящее мѣсто. Вѣдь правительство даетъ мало (средствъ); а фундуши выпросилъ я, и прошли они черезъ мои руки. Простая логика свидѣтельствуетъ, что составлять проекты легко, но уйдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде, пока эти учрежденія, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, будутъ прочно основаны и заложены. Здѣсь гимназическія постройки въ 1809 году будутъ окончены роскошно и вполнѣ выгодно; всѣ остальныя строенія будутъ готовы черезъ пять лѣтъ. Если по собственному усердію я состою чиновникомъ низшаго ранга, (иронія!), то власть обязана смотрѣть на меня, какъ на фундатора. Знаю, что для Вильны я дѣлалъ все, что только слѣдовало; имѣю, потому, право на простую помощь и уваженіе. Не омрачу себя завистію; соперничать не умѣю: Вильна—это національная школа; не вижу особаго значенія въ титулѣ академіи, хотя (для Кременца) могъ получить это названіе; сдѣлать это мнѣ не позволяли и не позволяютъ обязанности обывателя и здравый разсудокъ. Хочу только доказать, что въ Вильну слѣдуетъ ѣздить для изученія богословія и медицины, и что изучившіе въ Кременцѣ другіе предметы, отправившись за границу, не будутъ стыдиться, что здѣсь усовершенствовали свой умъ и сердце. Буду, конечно, пополнять коллекціи и собранія, но у меня и въ мысли никогда не было бросать какую нибудь тѣнь не только на университетъ, но даже на послѣднюю школу. Ты знаешь, что я во всю ширь уважаю тебя, довѣряю тебѣ; прости же, если на Кременецъ смотрю, какъ на мое собственное дѣтище, какъ на народную школу моихъ потомковъ, въ которой учащаяся молодежь никакъ уже не уступитъ Вильнѣ относительно направленія и успѣшности. Мы оба преслѣдуемъ одну и ту же цѣль; никакой интересъ не можетъ портить нашихъ отношеній. Будемъ любить другъ друга и одинаково охранять, какъ Вильну, такъ и Кременецъ...“ (Pamiętniki I, 556—558).

Въ такомъ тонѣ писалъ Чацкій Снядецкому и другія письма съ самовосхваленіемъ, увлеченіемъ, съ забвеніемъ о служебномъ долгѣ; одинъ Кременецъ занималъ [всѣ его помышленія. Снядецкій не выносилъ этого и продолжалъ писать ему рѣзкія письма, въ надеждѣ, авось Чацкій пойметъ въ чемъ дѣло и займется имъ вмѣсто вредныхъ фантазій. „Ты заявляешь мнѣ, говоритъ Снядецкій Чацкому, что Волынь рѣшительно не желаетъ преподаванія математики въ лучшемъ видѣ, какъ это дѣлается въ Кременцѣ. Сомнѣваюсь, подписались ли бы Волыняне подъ такимъ желаніемъ, которое не можетъ имѣть мѣста даже въ лучшихъ математическихъ школахъ Европы. Будь увѣренъ, что дѣла не пойдутъ лучше и скорѣе оттого, что ты всему въ Кременцѣ удивляешься; прочитавши печатныя программы выпускныхъ и переводныхъ испытаній этого года, я не доволенъ Кременецкою математикою и физикою и даже совѣтую тебѣ не хвалиться этими вопросами предъ людьми, знающими дѣло. Полякъ имѣетъ широкій умъ; но у него не хватаетъ труда и усилій для рефлексій и углубленія въ дѣло. Нельзя лучше поддерживать этотъ врожденный недостатокъ, какъ признавать совершенство въ тѣхъ, которые сдѣлали только первые научные шаги. Вижу, что увлеченіе и чрезмѣрный энтузіазмъ самые опасные враги для работъ, которыя требуютъ углубленія и постепенности во времени. Не знаю, какъ отвѣчать на твой отзывъ отъ 22 іюля. Ты, очевидно, читалъ мое письмо съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, и потому во многихъ мѣстахъ я остался не понятымъ. Ты приписываешь мнѣ такія мысли, которыхъ у меня совершенно не было. Вижу, что Чехъ не имѣетъ смѣлости сказать тебѣ то, что чувствуетъ и на что жалуется. Съ сердечною болью сознаетъ онъ, что если въ Кременцѣ и дальше дѣла будутъ итти въ прежнемъ направленіи, все можетъ окончиться очень плохо. Я вижу и болѣе того, и если бы только я ошибался и обманывался! Первый долгъ и обязанность дружбы открыто говорить истину; быть можетъ не хороши способы выполненія этой обязанности; во всякомъ случаѣ намѣренія мои самыя чистыя“. (Pamiętniki... II, 559—560).

Очень ужъ раздражали Чацкаго подобныя напоминанія ему Снядецкаго. Послѣ мнимыхъ тріумфовъ и кажущагося

величія за раздутыя заслуги выслушивать одни порицанія и при томъ отъ авторитетнаго друга и мужа науки для Чацкаго было не выносимо. Онъ не могъ измѣнить своему направленію, а Снядецкій непремѣнно этого требовалъ. Строгая законность, служебный долгъ, отчетность себѣ и другимъ, благоразумная осмотрительность, экономія во всемъ, безпристрастное, безъ политическихъ фантазій отношеніе къ дѣлу—такую программу дѣятельности предписывалъ Снядецкій Чацкому. Невыносимо, послѣ этого, становилось Чацкому, и онъ прекращаетъ *дружескую* переписку съ Снядецкимъ, оставаясь съ нимъ только въ офиціальныхъ сношеніяхъ. Прежнее сердечное названіе „Любезный другъ“ обратилось въ сухое: „Милостивый Государь“, а по жизнеописателю Снядецкаго Балинскому, это было уже признакомъ очень глубокой досады (ibid.) Положеніе Чацкаго дѣлалось болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Графъ Завадовскій терялъ свое вліяніе, сходилъ со сцены и скоро оставилъ министерскій постъ. Его замѣнилъ гр. Разумовскій, который и къ Чацкому, и къ кн. Чарторыйскому относился съ видимою холодностью (Pamiętniki... II, 323). Вызванный въ Волынскую гимназію, директоръ Чехъ болѣе и болѣе слабѣлъ здоровьемъ, видѣлъ безпорядочность дѣйствій Чацкаго, очень тяготился нравственнымъ раздвоеніемъ между отношеніями къ Чацкому, которому боялся говорить правду, и служебнымъ долгомъ, который сознательно приходилось нарушать изъ-за этихъ отношеній: онъ совершенно раздѣлялъ мнѣніе Снядецкаго и въ письмахъ жаловался ему на трудность положенія, часто разъясняя закулисныя дѣйствія въ гимназіи. Чацкій замѣчалъ такое настроеніе Чеха и не могъ не смущаться имъ (ibid. I, 561). Собственныя средства Чацкаго значительно были подорваны и находились въ безпорядкѣ. Многіе помѣщики юго-западныхъ губерній и нѣкоторыя власти громко начинали заявлять противъ Чацкаго свое неудовольствіе и нападали на него въ томъ же духѣ, въ какомъ сдѣлалъ это Снядецкій (выше приведены письма). Чацкій какъ будто начиналъ падать духомъ.

Въ письмѣ къ попечителю кн. Чарторыйскому, который думалъ уѣхать въ продолжительный отпускъ и замѣстителемъ себя оставить, по обыкновенію, Чацкаго (отъ 18-го апрѣля

1808 г.), онъ уже высказываетъ боязнь передъ Петербургомъ, тогда какъ прежде (въ 1807 г.) упорно стремился туда самъ, совѣтуя и Снядецкому почаще заглядывать въ столицу. Тогда онъ высказывался противъ медленности князя въ веденіи дѣлъ, его какой то боязливой холодности; говорилъ, что только его, Чацкаго, присутствіе въ Петербургѣ всѣхъ оживляетъ, все ускоряетъ и все приводитъ къ быстрому, успѣшному концу; теперь смиренно напоминаетъ князю, чтобы онъ передъ своимъ выѣздомъ изъ Петербурга поспѣшилъ дать направленіе нѣкоторымъ дѣламъ *), о которыхъ я не сумѣлъ бы, говоритъ Чацкій, сдѣлать надлежащее съ успѣхомъ представленіе, за своею отдаленностью (онъ жилъ въ Порицкѣ). При томъ нѣсколько словъ вашего сіятельства сдѣлаютъ болѣе, нежели цѣлые листы моихъ замѣчаній" (какая скромность! а дальше еще лучше!)

„Вы благоволили заявить мнѣ, чтобы я былъ вашимъ замѣстителемъ. Осмѣливаюсь просить, чтобы замѣстительство было только временное. Вашъ возвратъ для насъ въ высшей степени желателенъ, а дѣла за вашею подписью ведутся самымъ успѣшнѣйшимъ образомъ. Ихъ ходъ будетъ непрерывенъ, и обо всемъ я аккуратно буду сообщать вамъ; въ лицѣ вашемъ я по убѣжденію глубоко уважаю рѣдкаго по качествамъ человѣка и благонамѣрнаго чиновника. Прошу даже, чтобы я заступалъ ваше мѣсто безъ особаго на то Высочайшаго указа, и это служило бы для насъ поручительствомъ самаго непродолжительнаго вашего отъ насъ отъѣзда... Во имя грядущихъ поколѣній и нашего народа объ одномъ осмѣливаюсь упрашивать васъ, чтобы мое замѣстительство было временное. Я увѣренъ, что меня не станутъ вызывать въ Петербургъ, не имѣю желанія туда ѣхать, да и средства мои не позволяютъ мнѣ этого; а здѣсь настоитъ нужда устроять и свои, и учебные интересы..." (Pamiętniki II, 317—319).

---

*) Щекотливому вопросу о реформѣ базиліанъ, о назначеніи рекомендуемыхъ Чацкимъ лицъ на епископскую въ Луцкѣ уніатскую каѳедру, объ учрежденіи особыхъ отдѣльныхъ кассъ въ Вильнѣ и Кременцѣ, о надлежащемъ распредѣленіи денежныхъ доходовъ отъ имѣній имѣвшихъ закрыться по слухамъ различныхъ орденовъ, между духовенствомъ и эдукаціонными комиссіями, объ утвержденіи законодательнымъ порядкомъ прочнаго и обезпеченнаго положенія въ Вильнѣ ректора университета Снядецкаго.

Трудно узнать гордаго Чацкаго въ этихъ скромныхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ князю Чарторыйскому, къ которому прежде, въ перепискѣ съ друзьями, онъ относился съ порядочнымъ таки неуваженіемъ. А тутъ подоспѣла на бѣду для Чацкаго смерть кс. Альбертранди, который былъ председателемъ основаннаго, между прочимъ, Чацкимъ и другими Варшавскаго общества любителей наукъ и который велъ это общество съ великимъ достоинствомъ и въ видахъ Чацкаго. Смерть Альбертранди была оплакиваема всѣми между польскимъ ученымъ міромъ и вызвала общія сожалѣнія. Отъ его наслѣдника не ждали такихъ успѣховъ. Воспользовавшись этимъ, Снядецкій отозвался къ Чацкому въ дружескомъ тонѣ, съ изъявленіемъ прежде всего скорби о понесенной утратѣ (отъ 19 августа 1808 года). Сказавши далѣе нѣсколько сочувственныхъ словъ по поводу нездоровья Чеха, Снядецкій продолжаетъ: „ты упрекаешь меня за то, что я будто бы сдѣлалъ Чеху нѣкоторыя замѣчанія. Я очень деликатно выразилъ ему только свое неудовольствіе по поводу изданія второго тома Эвклида; ничего другого не писалъ ему, такъ какъ видѣлъ, что его здоровье едва можетъ выдержать чрезмѣрный напоръ различныхъ затрудненій. Мой отвѣтъ на его длинное письмо касался исключительно твоихъ работъ. Чеху дали подписать счеты, которые не согласовались съ его записями и которые онъ отказывался подписывать, поставивши мнѣ для разрѣшенія различные вопросы. Зная твое благородство и деликатность, я легко могъ угадать, что счеты составляются или безъ твоего вѣдома, или просто замаскировываются для сокрытія гимназическихъ долговъ. Зная опять, что ты для покрытія расходовъ по гимназіи заложилъ значительную часть твоего имущества, что, увлеченный энтузіазмомъ, ты готовъ забыть о собственныхъ интересахъ и твоей семьи, я не могъ успокоиться на тѣхъ горькихъ чувствахъ, что, продолжая далѣе дѣлать все большія выдачи на гимназію, создавая дорогіе проекты и приводя ихъ въ исполненіе, безъ точнаго соразмѣренія расходовъ съ фундушевыми источниками, ты можешь запутать собственныя дѣла, всѣ работы оставить не обезпеченными, обидѣть дѣтей и обратить ни во что прекраснѣйшія начинанія и старанія. Въ подобномъ опасеніи окончательно утвердило меня письмо Чеха, который жалуется на чрезвычайные въ Кременцѣ

расходы: одни, которые сдѣланы непроизводительно и не возвращены, другіе, которые по своимъ результатамъ далеко не отвѣчали произведеннымъ затратамъ. Какой же конецъ всего этого? При безпорядочности, всѣ предпріятія твои будутъ дутыми, но въ тоже время, будутъ растрачены и съѣдены дѣйствительныя для науки и просвѣщенія пособія. Каждый грошъ, безъ нужды израсходованный въ Кременцѣ, отзывается вредомъ на другихъ академическихъ школахъ въ провинціи и умаляетъ ихъ средства. Можетъ быть, я и ошибался въ своей заботливости, но знаю, что если энтузіазмъ примѣшивается къ работамъ, то онъ не знаетъ счетовъ, или же ведетъ ихъ совершенно отлично отъ обыкновеннаго хода дѣлъ человѣческихъ". Въ заключеніе Снядецкій утѣшаетъ Чацкаго тѣмъ, что полученная вновь послѣдняя отчетность за подписью Чеха значительно его успокоила; составлена хорошо и говоритъ о долгахъ гимназіи (Pamiętniki I. 560—562).

Живо, съ обыкновенною сердечностью отозвался Чацкій на письмо Снядецкаго. „Оно разъяснило мнѣ всѣ обстоятельства, писалъ Чацкій. Ты находился въ заблужденіи, думая, что я ищу для себя славы въ созданіи академіи въ Кременцѣ *) Я былъ увѣренъ, что подобная клевета, посрамленная уже нѣсколько разъ, не найдетъ у тебя поддержки, что мнѣ не станутъ приписывать мыслей, которыхъ не имѣлъ и не имѣю. Клянусь моимъ благородствомъ, что я считалъ бы преступленіемъ создавать здѣсь академію, если только нашимъ дѣтямъ теперь и на будущее время дозволено будетъ изучать все необходимое. Объединеніе восьми губерній въ одно (учебное) тѣло чрезвычайно важно во многихъ отношеніяхъ, и да будетъ проклятъ тотъ, кто задумалъ бы порвать подобную связь. Я не желаю поднимать Кременецъ на чрезвычайную

*) Въ одномъ изъ писемъ Снядецкій намекнулъ Чацкому, что не вѣрить распространившимся слухамъ, будто онъ хочетъ создать въ Кременцѣ университетъ. Чацкій принялъ видъ обиженнаго. Мы знаемъ и выше видѣли, что завѣтною мыслію Чацкаго было создать въ Кременцѣ университетъ съ полонофильскими задачами: объ этомъ онъ совѣтовался съ Коллонтаемъ и даже Снядецкимъ въ 1804 году: объ этомъ знали всѣ; это же выставлялъ, какъ мы видѣли выше, Снядецкому и кн. Чарторыйскій—отецъ попечителя; самъ попечитель поддерживалъ въ Чацкомъ мысль объ университетѣ...

высоту, чтобы чрезъ это не произвести потрясенія какъ Вильны, такъ и самаго Кременца. Хотя кн. Чарторыйскій и предлагалъ мнѣ устроить академію (въ Кременцѣ—тоже, что университетъ), но его предложеніе я отклонилъ. Положеніе, которое писалъ я, а Министръ принялъ, назначалось и назначается для университета. Вѣдь я могъ забрать (для Кременца) галиційскія суммы такъ же, какъ выхлопоталъ ихъ для университета; отказался я и отъ суммъ Тайкурскихъ, которыя, при желаніи, мнѣ дали бы; а это составляло около двадцати тысячъ рублей годового расхода. Но я убѣжденъ въ томъ, что Виленская школа должна быть высшею, а за нею должна слѣдовать первою Кременецкая. Поэтому прошу тебя, какъ друга и сотрудника, прочитать настоящія строки каждому, кто держался указаннаго мнѣнія. Вѣдь ты хорошо знаешь меня, что лгать я не способенъ и не владѣю искусствомъ притворяться. Чтобы между нами не оставалось и тѣни недоразумѣній, я перепишу читанный тобою планъ и пришлю тебѣ. Съ удовольствіемъ прошу все, что признаешь нужнымъ, исправить, только бы у насъ учили тому, чему необходимо учиться нашимъ дѣтямъ. (Все это слишкомъ растяжимо...). Хотимъ имѣть у себя учительскую семинарію (для подготовки приходскихъ учителей), а кандидаты въ учители вообще должны обучаться у насъ и только окончательно усовершенствоваться въ Вильнѣ. Установимъ между собою границы (власти); мы оба преслѣдуемъ исключительно истину и благо восьми милліоновъ людей (На бумагѣ!). Объ одномъ прошу и заклинаю тебя—ни съ чѣмъ взаимно не скрываться; и тогда негодяи не успѣютъ разсорить насъ“.

„Теперь, искренно и основательно успокоившись послѣ бывшихъ недоразумѣній, (какъ сейчасъ увидимъ, этого мира между Чацкимъ и Снядецкимъ не было уже до конца жизни перваго, хотя Снядецкій болѣлъ за него сердцемъ и всегда уважалъ въ немъ энергію...), сожигаю твои письма, въ которыхъ ты зашелъ слишкомъ далеко (въ обличеніяхъ меня)... Къ числу басенъ слѣдуетъ отнести и то, будто епископамъ я отсовѣтовалъ посылать въ Вильну клериковъ. Я призвалъ къ жизни общую (главную) семинарію; но еще въ 1806 годя, въ рѣчи, которая напечатана, я говорилъ, что общая семинарія не можетъ вмѣстить всѣхъ ксендзовъ, которые потребуютъ просвѣ-

щенія, а въ постановленіи 10 октября 1803 года значится, что духовенство приказало клерикамъ посѣщать Луцкую школу. Но иное дѣло учиться особеннымъ наукамъ, иное дѣло быть въ семинаріи. То и другое обезпечено именными указами"; и все-таки Чацкій продолжаетъ ссылаться на докладъ гр. Завадовскаго, хотя онъ не долженъ былъ имѣть никакой силы. Въ заключеніе онъ говоритъ о различныхъ учителяхъ. (Pamiętniki I, 562—565).

Но Чацкій далеко былъ не вѣренъ себѣ. Онъ попрежнему на всѣхъ парахъ продолжалъ гнать машину, не стѣсняясь никакими формальностями, очертя голову дѣлалъ расходы и вообще велъ себя такъ, какъ будто не имѣлъ надъ собою никакого начальства. Нѣкоторыя его распоряженія въ Кременцѣ доказывали, что онъ вопреки произнесенному имъ проклятію, окончательно думаетъ отдѣлиться отъ Вильны и создать особый округъ съ Кременецкою академіею во главѣ. Мѣстные учители не только въ разговорахъ поддерживали ширившуюся молву, но заявляли объ этомъ въ письмахъ къ друзьямъ и знакомымъ. Снядецкаго со всѣхъ сторонъ стали забрасывать вопросами по этому дѣлу; думали даже офиціально спросить Чацкаго о его планахъ и намѣреніяхъ. Не желалъ Снядецкій давать ходъ этимъ требованіямъ и дружески, настойчиво продолжалъ требовать отъ Чацкаго упорядоченія дѣлъ, системы и постепенности въ работахъ и законнаго, по назначенію, расходованія денегъ. Особенно настаивалъ Снядецкій на немедленномъ открытіи гимназіи въ Кіевѣ. Чацкій подъ разными предлогами затягивалъ дѣло, выжидалъ чего то и наконецъ признался, что это для него крайне не желательно, что Кіевъ совершенно уронитъ Вильну и Кременецъ въ научномъ отношеніи (съ православно-русскимъ направленіемъ).

„Даю слово, писалъ Чацкій Снядецкому (14 сентября 1808 г.), что рѣшительно не возьму въ толкъ, какъ приступить къ открытію гимназіи въ Кіевѣ, когда неизвѣстно еще, какое сдѣлаютъ 18 текущаго сентября по этому вопросу постановленіе Кіевскіе обыватели и гдѣ будетъ кадетскій корпусъ. Донесу, какъ только получу изъ Кіева какія нибудь свѣдѣнія. Исполню, что можно будетъ, но не явлю особенной энергіи въ возведеніи построекъ, которыя, если будутъ велики,

то своею массивностью могутъ задавить Вильну и Кременецъ; если же будутъ малы, не принесутъ надлежащей пользы. Въ свое время я оффиціально предостерегу университетъ. Гдѣ дѣло касается блага края (т. е. польщизны съ клерикализмомъ), тамъ смѣло выскажу, что думаю; приказаніе во всякомъ случаѣ постараюсь исполнить съ холодностью.“ (ibid. I—567.)

Неисправнымъ являлся Чацкій въ глазахъ Снядецкаго. А тутъ опять всплывали наружу безпорядки Волынской эдукаціонной комиссіи, въ которой предсѣдательствовалъ Чацкій и которая вмѣсто прямого дѣла отыскиванія школьныхъ фундушей и разрѣшенія различныхъ споровъ постоянно мѣшалась въ чисто педагогическія и другія распоряженія учебнаго начальства, что Снядецкій считалъ совершенно противузаконнымъ. Сталъ онъ получать и прямыя жалобы на крайніе недостатки учебныхъ плановъ Кременецкой гимназіи. Главный недостатокъ ихъ заключался въ томъ, что дѣти и взрослые въ глазахъ преподавателей становились на одну доску при обученіи, и что для однихъ казалось слишкомъ элементарнымъ, того другіе не могли обнять по его обширности. Чехъ думалъ сдѣлать многія поправки къ планамъ преподаванія въ Кременцѣ физико-математическихъ наукъ. „Его мысли и предположенія прекрасны, писалъ Снядецкій къ Чацкому (14 апрѣля 1809 г.); но они не въ состояніи исправить огромныя несообразности всего плана. Откровенно и искренно сознаюсь тебѣ, что я замѣтилъ ихъ только теперь, прочитывая въ теченіе двухъ лѣтъ экзаменныя программы... Планы, введенные въ Кременецкихъ гимназіяхъ, смѣшали обученіе въ школахъ высшихъ съ обученіемъ въ школахъ низшихъ; это противно природѣ вещей и, конечно, должно быть доступно и полезно очень не многому числу учащихся, если преподаваніе обхватываетъ науку во всемъ объемѣ; если же оно пожелаетъ быть полезнымъ большему количеству учениковъ, то вся наука должна ограничиться самыми элементарными свѣдѣніями, отрывочными и очень неполными. Это послѣднее обстоятельство и имѣетъ теперь мѣсто въ Кременецкой гимназіи....“ Такія мысли наполняютъ пространное письмо Снядецкаго къ Чацкому и въ заключеніе его является что положеніе, что въ Кременцѣ или будутъ преподаваться дѣтскія науки, или учащіеся останутся безъ всякой науки. (Pamiętniki I, 567—569).

На серьезныя замѣчанія Снядецкаго, которыя отчасти вызвались даже жалобами Чеха, Чацкій продолжалъ отвѣчать изліяніемъ своихъ чувствъ, увѣреніемъ Снядецкаго въ любви къ нему и уваженіи, увѣреніемъ въ своей честности и благородствѣ. Онъ требовалъ даже третейскаго суда. „Опредѣлимъ письменно, о чемъ у насъ идетъ споръ, сообщимъ взаимно одинъ другому свои замѣтки, и пусть разсудитъ насъ кто нибудь третій, который выше насъ, писалъ Чацкій Снядецкому (19 апрѣля 1809 г). Бросимъ недостойное насъ хвастовство преимуществами одной школы передъ другою и не станемъ уничтожать ихъ. Виленской академіи я хотѣлъ бы придать возможное величіе; я оказалъ ей важныя услуги. Прошу тебя—не уничтожай Кременца изъ за фиктивной монополіи (научной) въ Вильнѣ, не стѣсняй науки въ Кременцѣ. Наши дѣти не поѣдутъ въ Вильну: тамъ дороговизна, тамъ плохой климатъ (а эти невыгоды приписывали именно Кременцу) и академическіе порядки не для насъ. Не говори, когда не видишь, что у насъ плохо учатъ; а лучше довѣрься по одной части мнѣ, по другой—Чеху, и дѣла пойдутъ хорошо. (Но вѣдь Чехъ своими жалобами и вызвалъ замѣчанія Снядецкаго: Чацкій этого знать не хочетъ...). Я не приписываю себѣ непогрѣшимости; не приписываю ее и тебѣ... Кто въ Порицкѣ хвалитъ и собственноручно исправляетъ проектъ *) и этотъ самый проектъ порицаетъ въ Вильнѣ, тотъ очевидно допускаетъ удивительное противорѣчіе"...

Не желая понять требованія Снядецкаго, не желая еще болѣе подчиняться Виленскому университету, Чацкій отставалъ дѣятельность эдукаціонной комиссіи, исключительно себѣ присваивалъ право на нѣкоторые фундуши, основывалъ новыя учрежденія на счетъ государственныхъ суммъ (такъ онъ открылъ въ Кременцѣ конвиктъ для бѣднѣйшихъ учениковъ, на

---

*) Это упрекъ Снядецкому, который, если припомнитъ читатель, въ Порицкѣ исправлялъ и похвалилъ тотъ проектъ какого то неопредѣленнаго устава, который по всей полнотѣ былъ забракованъ Коллонтаемъ, что и ускорило разрывъ между Чацкимъ и Коллонтаемъ. Снядецкій тогда совершенно былъ незнакомъ съ планами Чацкаго: объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ и говоритъ, что теперь (въ 1808 г.), послѣ двухлѣтнихъ наблюденій надъ учебною частію въ Кременцѣ, видитъ всѣ ея недостатки и несовершенства

что требовалось не только согласіе университета, но и Высочайшее утвержденіе), не испрашивая на то разрѣшенія надлежащей власти, хотя въ отчетахъ заявлялось, что *то и то сдѣлано съ согласія университета*, рѣшительно не думалъ объ исправленіи въ учебныхъ планахъ несообразностей, а допускалъ и вводилъ новыя. Тяжело и больно было Снядецкому вести съ Чацкимъ раздражительные переговоры, которые равнялись толченію воды въ ступѣ, но по своему положенію ректора университета онъ считалъ непремѣнною обязанностью поставлять ему на видъ всѣ промахи и уклоненія отъ закона.

Споры между Чацкимъ и Снядецкимъ приняли широкую огласку, и кн. Чарторыйскій предложилъ свои услуги примирить спорящія стороны. Онъ доказывалъ Снядецкому, что ради великихъ заслугъ Чацкаго въ дѣлѣ просвѣщенія ему можно бы и простить нѣкоторыя уклоненія отъ предписаній. Въ такомъ же духѣ писалъ Снядецкому (3 октября 1809 г.) и генералъ Кропинскій, пріятель кн. Чарторыйскаго и Чацкаго, осматривавшій юго-западныя школы. „Буду говорить съ Чацкимъ откровенно, какъ откровенно говорю и тебѣ, что не вполнѣ справедливы нѣкоторые упреки, сдѣланные тобою Чацкому. Будь увѣренъ, Милостивый Государь, что друзьямъ я не умѣю льстить, и разскажу Чацкому, какъ смотрю на вещи съ тобою. Ты, какъ командующій учебною арміею, имѣешь основаніе желать, чтобы инспекторъ Чацкій не пристращался къ одной школѣ болѣе, нежели къ другой, и чтобы для каждой дѣлалъ, что слѣдуетъ; въ этомъ отношеніи я употреблю всю силу моейдружбы, чтобы поставить его на путь правый“.

„Во всякомъ случаѣ, останови и свой гнѣвъ относительно его, какъ приговоръ высшей власти, пока я съ нимъ не увижусь. Друзьямъ, взаимно себя уважающимъ и къ одной стремящимся цѣли, умѣстно положиться на третьяго, чтобы не возгорѣлась внутренняя война. Вѣдь ты знаешь его живой характеръ, знаешь что Кременецъ его излюбленное дѣтище; потому предоставь мнѣ наклонить его сердце къ предметамъ, менѣе любезнымъ, и удержать нѣсколько его порывы“. (Pamiętniki II, 301).

Чтобы положить конецъ спорамъ и разсѣять различные слухи, кн. Чарторыйскій назначилъ даже особую комиссію изъ

двухъ профессоровъ университета, которая должна была на мѣстѣ—въ Кременцѣ—разсмотрѣть учебные планы преподаванія въ гимназіи, сравнить ихъ и согласовать съ общею системою обученія въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Это послѣдовало лѣтомъ 1811 года, а ранѣе Снядецкій доносилъ попечителю, что съ Чацкимъ онъ самъ собою, безъ особенныхъ посредниковъ, приходитъ къ соглашенію, что онъ нисколько не желалъ оскорблять визитатора, и только тяжелая необходимость поставляла его въ прискорбное противорѣчіе между обязательствомъ служебнаго долга и отношеніями искренняго уваженія и привязанности. Указывая по долгу службы ошибки Чацкаго, Снядецкій, по его признанію, защищалъ эдукаціонные интересы, охранялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и добрую славу Чацкаго. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, что, для искусственнаго поднятія Кременца, Чацкій и пренебрегаетъ другими школами Волыни, Подоліи и Украйны, которыя когда то процвѣтали. Обиднымъ для Снядецкаго было и то, что уваженіе къ университету въ тѣхъ школахъ такъ было умалено и ослаблено, что нѣкоторыя изъ нихъ едва не выказывали полнаго непослушанія и открытаго сопротивленія. Въ подобныхъ случаяхъ Снядецкій прежде всего писалъ къ Чацкому какъ пріятель, а потомъ, какъ начальникъ. Многое само собою приведено уже въ порядокъ; впрочемъ заявлялъ Снядецкій, „онъ настолько полагается на справедливость Чацкаго, что послѣдній не обвинитъ его, Снядецкаго, ни въ неуваженіи къ нему и его заслугамъ, ни въ злонамѣренности. Когда онъ оставитъ настоящую должность, то съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится и непріятная обязанность указывать ошибки“. (Pamiętniki I. 573—574).

Противно становилось Снядецкому вести съ Чацкимъ безконечные споры и препирательства (Pamiętniki II, 322). Въ упорствѣ безсознательно поддерживали Чацкаго кн. Чарторыйскій (попечитель), генералъ Кропинскій и другіе, и тѣмъ невольно толкали его на новыя и новыя ошибки. Въ Кременцѣ обученіе шло хуже и хуже, хотя и въ началѣ, какъ мы видѣли, оно не было удовлетворительнымъ. Духъ въ направленіи заведенія становился подозрительнымъ. Количество учащихся уменьшалось. Расходы увеличивались; собранные фундуши растрачивались, и часто не по назначенію. Училища въ юго-

западномъ районѣ не открывались, а бывшія прежде (до 1803 г.) въ цвѣтущемъ состояніи оказались заброшенными и пришли въ упадокъ. Дѣятельность Чацкаго подвергалась общему порицанію и становилась очень и очень подозрительною. Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій не увлекался блестящими фразами Чацкаго. Къ нему начали поступать различныя заявленія о крайнихъ безпорядкахъ въ юго-западномъ краѣ по учебной части. Сверхъ всякаго ожиданія для кн. Чарторыйскаго, который проживалъ въ Пулавахъ, 23 сентября 1810 года состоялся Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи коммиссіи для разсмотрѣнія причинъ упадка Кременецкой гимназіи.

„Дошло до свѣдѣнія Моего, говорится въ рескриптѣ, что въ соразмѣрность фундушей Кременецкой гимназіи и принесеннаго на оную отъ дворянства пожертвованія оказывается въ ней малое число учениковъ, и дворяне Волынской губерніи, желая, чтобы предметъ воспитанія отвѣтствовалъ своему назначенію, просятъ: 1) чтобы во всѣхъ фундушахъ, поступившихъ на основаніе, учрежденіе и содержаніе помянутой гимназіи, данъ былъ отчетъ, и на тѣхъ, кому довѣрено будетъ взять сей отчетъ, возложено было разсмотрѣть оный; при чемъ поручить: 2) войти во всѣ обстоятельства касательно храненія и употребленія съ пользою впредь сихъ фундушей; 3) открыть, отвѣтствуютъ ли на самомъ дѣлѣ послѣдствія и дѣйствія общей надеждѣ и до какого количества ежегодно возвышается или уменьшается число учениковъ; наконецъ, 4) разсмотрѣть, не самое ли положеніе мѣста причиною увеличивающихся издержекъ на содержаніе учителей и преградою недостаточнымъ дворянамъ къ воспитанію дѣтей въ сей гимназіи. Вмѣсто Кременца желаютъ иные, чтобы гимназія переведена была въ Винницу, какъ городъ превосходнѣйшій Кременца по урожаю хлѣба, изобилію лѣса и здоровому мѣстоположенію...“ Требовалось также разсмотрѣть „образъ нынѣшняго (1805—1810 г.) въ гимназіи ученія и приведенія его въ то положеніе, чтобы учащіеся образовались на пользу службы и вмѣстѣ съ ученіемъ вкореняемы были въ нихъ правила приверженности къ отечеству; равнымъ образомъ учинить положеніе, сколько можно воспитывать въ гимназіи дѣтей бѣдныхъ родителей, кои никакого дѣтямъ воспитанія дать не въ

состояніи..." Коммиссія учреждалась, подъ предсѣдательствомъ Волынскаго губернатора Комбурлея, изъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства—Гостинскаго, гр. Мошинскаго, д. с. с. Быстрома, гр. Холоневскаго, кн. Яблоновскаго, губернскаго прокурора Хрущова, совѣтника губернскаго правленія Щастнаго и коллежскаго асессора Грабовскаго, съ возложеніемъ на послѣдняго обязанности правителя дѣлъ комиссіи. Комиссія, если бы это потребовалось, могла отправляться въ Кременецъ и на мѣстѣ производить фактическій денежный контроль. Отчеты о своихъ засѣданіяхъ комиссія должна была представлять министру народнаго просвѣщенія. (Сборн. постановленій по министерству народнаго просвѣщенія—I, 591—593),

Хотя Снядецкій, какъ мы видѣли, и предостерегалъ Чацкаго относительно его служебной безпорядочности, хотя онъ и расчитывалъ, что рано или поздно Петербургъ потребуетъ его къ отвѣту за содѣянное зло, но полученное университетомъ предложеніе министра о назначеніи слѣдственной комиссіи надъ дѣятельностью Чацкаго сильно его встревожило и опечалило. Чтобы подговить Чацкаго къ тяжелому для него испытанію, Снядецкій немедленно написалъ Чеху, директору гимназіи, что и какъ дѣлать, чтобы выйти изъ бѣды все-таки возможно чище, безъ особеннаго пораженія.

„Не могу выразить тебѣ, говоритъ онъ (письмо отъ 9 октября 1810 г.), какъ сильно смущаетъ меня Императорскій рескриптъ относительно Кременца, который (т. е. рескриптъ) посылается съ настоящею почтою. Въ Житомирѣ назначается комиссія для разсмотрѣнія расходовъ какъ по пожертвованіямъ дворянъ на гимназію, такъ и по другимъ гимназическимъ доходамъ; ей приказано также войти въ разсмотрѣніе непригодности настоящаго мѣста, сообразить, не выгоднѣе ли было перенести гимназію въ Винницу и проч. и проч." *). „Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ гражданскій губернаторъ, ко-

*) Министръ народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій во всеподданѣйшемъ докладѣ отъ 12 августа 1810 года между прочимъ писалъ:

„Тайный совѣтникъ Чацкій, какъ учредитель (Волынской) гимназіи, превозноситъ похвалами заведеніе сіе, между тѣмъ отъ жителей тамошнихъ мѣстъ доходятъ свѣдѣнія совсѣмъ противныя.

торый, взъѣвшись, не знаю за что, на Чацкаго, пожелаетъ, по всей вѣроятности, дѣлать ему непріятности. Вмѣшательство губернатора въ школьныя дѣла—это первый, самый непріятный для насъ примѣръ этого рода со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія. Не хочу погружаться въ догадки, откуда вышло начало такого неожиданнаго для насъ дѣянія и чѣмъ можетъ оно кончиться; но то вѣрно, что ведя дѣло скромно и безъ излишняго шуму, мы не возбудили бы зависти, а въ лицахъ административныхъ—безпокойной заботливости, чтобы излишнее вліяніе одного лица на обще-

---

„Губернскій маршалъ дворянства Волынской губерніи Гостинскій представляетъ, что въ соразмѣрность Высочайшихъ щедротъ, на Кременецкую гимназію пріявныхъ и принесеннаго отъ дворянства пожертвованія, оказывается въ ней такъ малое число учениковъ, что причины тому занимаютъ каждаго дворянина, а дабы предметъ воспитанія, сей предметъ общей пользы, отвѣтствовалъ своему назначенію, то дворяне Волынской губерніи просятъ: 1, чтобы во всѣхъ фундушахъ помянутой гимназіи, составленныхъ Высочайшими щедротами и пожертвованіями дворянъ, данъ былъ отчетъ, и на тѣхъ, кому довѣрено будетъ взять сей отчетъ, возложить разсмотрѣть оный; при томъ поручить: 2, изслѣдовать всѣ обстоятельства касательно храненія и полезнаго впредь употребленія сихъ фундушей; 3, отвѣтствуютъ ли на самомъ дѣлѣ послѣдствія и дѣйствія общей надеждѣ и до какого количества ежегодно возвышается или уменьшается число учениковъ; наконецъ, 4, не самое ли положеніе мѣста причиною увеличивающихся издержекъ на содержаніе учителей и преградою недостаточнымъ дворянамъ къ воспитанію дѣтей въ сей гимназіи.

„Еще до сего министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ предмѣстнику моему представленіе Волынскаго гражданскаго Губернатора, что настоящее положеніе Волынской гимназіи въ Кременцѣ неудобно, ибо городъ сей не имѣетъ свѣжей воды, ни здороваго воздуха; онъ лежитъ въ ямѣ и окруженъ горами, въ которыхъ въ дождливое время стремленіе воды бываетъ столь сильно, что ею повреждаются дороги, и затапливаютъ иногда домы и людей.

„Тайный совѣтникъ, сенаторъ гр. Ворцель, равнымъ образомъ, предмѣстнику моему представлялъ, что 1, Кременецъ лежитъ между горами и потому не можетъ имѣть здороваго воздуха, который обыкновенно болѣе имѣетъ вліянія на молодыхъ людей; 2, городъ самъ расположенъ въ косогорахъ, отчего не имѣетъ и не можетъ имѣть ровнаго мѣста для общественныхъ прогулокъ; 3, лучшіе домы не могутъ быть строены иначе, какъ съ великими издержками на сравненіе подъ оные удобнаго мѣста; 4, всѣ улицы въ низкомъ мѣстоположеніи между горами наполнены болотомъ, до котораго чѣмъ менѣе доходитъ солнце по причинѣ чинимаго горами препятствія, тѣмъ болѣе

ственное мнѣніе не шло далѣе, какъ требуетъ того благоразумная осторожность. Остается теперь хорошо поразсудить, какъ изъ этого дѣла выйти съ честью. Найдутся, конечно, большія отступленія отъ формальностей. Въ такомъ случаѣ, я не совѣтовалъ бы пускаться въ область метафизики, а лучше попросту представить счеты, сколько суммъ и какія забраны на гимназію и на что израсходованы. Больше, конечно, выдано, нежели было поступленій, и вопросъ только въ томъ, чтобы правительство видѣло и убѣдилось, что ничего не обращено въ частную пользу, а въ этомъ, полагаю, легко убѣдиться; не

существуетъ и болѣе причиняетъ невыгоды и урона въ здоровьѣ; ежели бы на оныхъ съ великимъ убыткомъ положить каменную мостовую и оною покрыть болото, то и тутъ (отъ) мокроты, изъ-подъ камня выходящей на воздухъ, спастись нельзя, ибо, такимъ образомъ, можно было бы одного вреднаго избавиться, другое же, даже здоровью вреднѣйшее, т. е. всегдашнюю мокроту въ воздухѣ пріобрѣсть; 5, Кременецъ, будучи разстояніемъ отъ Австрійской границы въ 40 верстахъ, большую подаетъ смѣлость въ молодыхъ людяхъ и ихъ служителяхъ къ разнымъ беззаконеніямъ, преступленіямъ и другимъ противнымъ законамъ поступкамъ, близкое убѣжище за границу имѣющимъ; 6, дороговизна въ Кременцѣ превозвышаетъ цѣны въ Подольской, Кіевской и часто Волынской существующія и потому дѣлаетъ великое препятствіе убогимъ шляхтичамъ къ отдачѣ ихъ дѣтей въ гимназію; 7, домовъ, способныхъ къ квартированію студентовъ, въ Кременцѣ очень мало; 8, дворяне, отдающіе своихъ дѣтей въ училища въ удобнѣйшее передъ Кременцомъ мѣсто, для украшенія и возвышенія города, строили бы домы; въ Кременцѣ же, въ разсужденіи дороговизны матеріаловъ, ожидать того нельзя; 9) ключевыхъ водъ во всемъ Кременцѣ, пріятныхъ для питія, почти нѣтъ; слѣдовательно и сіе обстоятельство должно обратить вниманіе начальства; 10) буде переведеніе гимназіи изъ Кременца въ другое мѣсто по вышеписаннымъ причинамъ признано будетъ нужнымъ, то, чтобы казна не теряла совсѣмъ издержанныхъ денегъ на постройку разныхъ для гимназіи зданій, оные можно обратить на казенные магазины для храненія провіанта и употребить для разныхъ такихъ мастеровыхъ, кои бы тамъ ради всякаго случая все нужное для полковъ заблаговременно устраивали къ снабженію солдатъ одѣяніемъ, такъ и приборами, къ лошадямъ относящимся, тѣмъ паче потому, что и мѣсто находится на такой линіи, гдѣ наиболѣе около границъ расположены войска; а иногда можетъ въ оныхъ помѣщаться военный временный госпиталь; 11) въѣздъ отъ Подольской губерніи въ Кременецъ столь опасенъ, что при самомъ малѣйшемъ случаѣ можно лишиться и жизни, а особливо въ зимнее, весеннее и осеннее время.

„Сіи причины, продолжаетъ гр. Ворцель, обнаруживаютъ неудобства содержать болѣе въ Кременцѣ гимназію. На мѣсто же Кременца предполагаетъ онъ несравненно удобнѣйшимъ городъ Винницу по нижеписаннымъ причинамъ: 1, Городъ Винница лежитъ почти среди таможнихъ трехъ губерній;

велика бѣда, если въ веденіи расходовъ допускалась иногда безпорядочность. Если будетъ представлена отчетность расхода и дохода, тогда для ея оправданія необходимо требовать, чтобы коммиссія на мѣстѣ увидѣла, что пріобрѣтено для школы и что для нея сдѣлано. Необходимо подготовить отвѣты на возраженія, которыя будутъ дѣлать, если велятъ представить кассовыя гимназическія книги, сравнять ихъ съ Высочайше утвержденнымъ штатомъ и со счетами, присланными въ университетъ и къ министру. Такъ какъ назначенные изъ шляхты члены комиссіи люди благородные и вполнѣ благопріятствующіе гим-

---

2, построенъ на мѣстѣ границъ Кіевской, Волынской и своей Подольской; 3, Винницу, какъ по справочнымъ цѣнамъ видно, можно почитать однимъ изъ числа самыхъ изобильныхъ въ урожаѣ хлѣба городовъ; 4, лѣсъ для отапливанія въ Винницѣ дешевъ, а потому по всѣмъ симъ причинамъ, Винница способствовала бы много убогимъ шляхтичамъ къ обученію своихъ дѣтей, и сверхъ того, приноситъ слѣдующія выгоды; 5, городъ сей расположенъ на ровномъ, и сухомъ мѣстѣ; его обтекаетъ пріятная и рыбная рѣка; 6, воздухъ въ вышепрописанномъ положеніи, при хорошей водѣ, самый здоровый; 7, зданія поіезуитскія столько же почти пространны, какъ въ Кременцѣ; Капуцинскій монастырь также пространный, откуда монаховъ можно бы перевесть въ другой монастырь. Огражденный Капуцинскій садъ можно бы въ послѣдствіи времени обратить на ботаническій; 8, тамошній пріятный климатъ удобенъ къ образованію разныхъ заграничныхъ растеній и наполненію оными отечества; 9, камня, извести, лѣса и мастеровыхъ въ Винницѣ безъ всякаго затрудненія сыскать можно; тамошняя населенность жителями, пріятныя мѣста и другія природою произведенныя выгоды поощряли бы дворянъ къ строенію въ городѣ домовъ, тѣмъ болѣе, что дѣти въ глазахъ родителей лучше бы воспитывались и городъ становился бы лучше; 10, пожалованное на гимназію Кременецкое староство не можетъ ни въ чемъ препятствовать сему переведенію гимназіи изъ Кременца въ Винницу, въ собираніи слѣдующихъ на содержаніе учителей и другихъ потребностей доходовъ, потому что то имѣніе можетъ быть отдаваемо въ поссессію, а гимназія получала бы только наличныя деньги, что и нынѣ существуетъ; но еще послужитъ къ тому, что начальники и учители гимназіи, по отдаленности мѣста, не пожелаютъ сами на себя брать то имѣніе въ поссессію, и тѣмъ болѣе будетъ имѣть свободнаго времени для обученія студентовъ, нежели терять оное, заботясь распоряженіемъ экономическихъ заведеній. 11, По причинѣ изобилія въ хлѣбѣ и лѣсѣ для отапливанія въ Винницѣ, продовольствіе учителей въ сравненіи съ Кременцомъ будетъ стоить гораздо менѣе, а потому легче можно ихъ находить, и сами они искать таковыхъ мѣсть не упустятъ; симъ подается начальникамъ случай сдѣлать въ нихъ выборъ и, оставивъ лучшихъ, остальныхъ удалить. 12, слѣдуетъ ожидать что Винницкая гимназія, по мѣстному своему положенію и изобилію фундушовъ, ни въ чемъ не уступитъ заграничнымъ универси

назіи, то исходъ дѣла очень много будетъ зависѣть отъ того, чтобы въ отвѣтахъ держаться, по возможности, простого плана, который имѣетъ, такъ сказать, въ виду общее благо, дѣйствительныя нужды и пользу школъ, а не формальность и мелочи: на этомъ необходимо стоять крѣпко. Если представленные въ университетъ рапорты о числѣ учениковъ вѣрны, то упрекъ, якобы гимназія была малолюдна, будетъ не основателенъ: четыреста учениковъ въ одной школѣ—это очень даже достаточно. Чрезмѣрная многочисленность учащихся мѣшаетъ ихъ истинной пользѣ и порядку. Мѣстная дороговизна не можетъ быть сокрыта, но всякое увеличеніе населенія поднимаетъ обыкновенно мѣстныя цѣны, какъ это видимъ на Литвѣ даже въ малыхъ уѣздныхъ городахъ. Фундушевыхъ учениковъ мало, такъ какъ правительство не дало на это ни малѣйшихъ средствъ. Сильно, даже черезъ мѣру, задумывался надъ этимъ Чацкій и хотѣлъ возмѣстить названный недостатокъ изъ другихъ источниковъ. Когда представленъ былъ министру проектъ положенія о конвиктахъ, министръ поручилъ университету разсмотрѣть его и составить смѣту необходимыхъ на то фундушей, съ указа-

---

тетомъ; слѣдовательно, Малороссійскихъ, Новороссійскихъ, Екатеринославскихъ, Херсонскихъ и Таврическихъ дворянъ, по причинѣ ближайшаго разстоянія и почти смежности поощрить отдавать своихъ дѣтей въ Винницу, гдѣ они всему обучиться могутъ и въ своей молодости завесть взаимно твердое знакомство и дружескую связь съ дворянами вновь пріобрѣтеннаго края".

„Столь важныя представленія не въ пользу Кременецкой гимназіи побуждають меня испрашивать, не благоугодно ли, на основаніи требованій губернскаго предводителя дворянства Гастинскаго и показаній гр. Ворцеля, Высочайше повелѣть: составить на мѣстѣ изъ лицъ стороннихъ комиссію, которая во всей подробности вникнула бы въ состояніе сей гимназіи, въ употребленіе ея доходовъ и о послѣдствіи донесла бы Вашему Императорскому Величеству". (Сборн. матеріаловъ. II. 515–519).

Комиссія была Высочайше утверждена 23 сентября 1810 года подъ предсѣдательствомъ Волынскаго губернатора Комбурлея (Сборн. постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія. 1, 591—593).

Еще раньше (въ 1803 г.) магистратъ г. Луцка обращался съ заявленіемъ къ Чацкому основать гимназію г. въ Луцкѣ и для этого указывалъ преимущества г. Луцка предъ другими городами. Но Кременецъ имѣлъ для Чацкаго особое значеніе, почему на совѣтѣ съ Коллонтаемъ и рѣшено было основать гимназію въ Кременцѣ (Ср. Владимірскій-Будановъ. I, 37—38).

ніемъ надежнаго ихъ источника. Въ Винницѣ непремѣнно должна быть гимназія, на учрежденіе которой послѣдовало уже Высочайшее повелѣніе; для ея основанія нѣтъ необходимости портить заведенное въ Кременцѣ, который лежитъ въ другой губерніи. Какъ бы теперь было хорошо, если бы еще въ прошломъ году, согласно моей настойчивости, открыта была въ Винницѣ гимназія. Самая недостойная политика—дискредитировать школы по уѣзднымъ городамъ и пренебрегать ихъ развитіемъ; она теперь безконечно можетъ повредить Кременцу. Не хотѣли слушать меня со всѣми моими предложеніями, замѣчаніями и просьбами, и теперь съ грустью вижу, что я не ошибся въ моихъ опасеніяхъ и въ предвидимыхъ послѣдствіяхъ. Я постановилъ никогда съ Чацкимъ болѣе не спорить и не разсуждать, а дѣлать только свое дѣло; но я почти убѣжденъ, что всѣ его намѣренія не придутъ къ концу, если онъ не измѣнитъ образа своихъ дѣйствій. Теперь, впрочемъ, не время жалобъ и скорби; необходимо думать о взаимной помощи и услугахъ. Потому и пишу тебѣ, Милостивый Государь, съ тою цѣлью, чтобы ты не смущался не нужными опасеніями и тревогами, а скорѣе распорядился составить систематическую таблицу всѣхъ работъ, построекъ, снарядовъ и тому под., указалъ бы стоимость всего, невозможность передвиженія съ мѣста безъ огромныхъ затратъ и потерь; приготовилъ бы вѣрный списокъ учащихся и отвѣты на возраженія о дороговизнѣ, низкомъ положеніи мѣстности, а также относительно согласованія съ правительственными постановленіями преподаванія, въ которомъ въ настоящее время (съ 1803—1810 г.) хотятъ усматривать для правительства что то несообразное“ (Pamiętniki. II, 320—322).

Того же числа Снядецкій увѣдомилъ и кн. Чарторыйскаго о назначеніи слѣдственной комиссіи надъ дѣяніями Чацкаго, ея составѣ и задачахъ. „Этотъ фактъ, продолжаетъ Снядецкій, чрезвычайно поразитъ Чацкаго, который думалъ, что онъ никому не обязанъ давать отчета относительно пожертвованій помѣщиковъ, и что эта буря, которая въ сущности готовилась давно, никогда не поднимется“. Сказавши о нерасположеніи къ Чацкому гражданскаго губернатора и о крайне непріятномъ и неумѣстномъ вмѣшательствѣ его въ учебныя дѣла, Снядецкій продолжаетъ: „на сколько я знаю

подробности хода работъ Чацкаго, можно ожидать, что ему будетъ сдѣлано много запросовъ, и хотя я писалъ Чеху, какъ оба они должны поступать въ этомъ отношеніи, было бы однако не дурно, если бы ваше сіятельство написали нѣсколько словъ къ гр. Мошинскому (членъ слѣдственной комиссіи), чтобы комиссія не задумала портить и уничтожать столь полезный институтъ (гимназію съ ея учрежденіями) и чтобы не оскорбляли Чацкаго превратнымъ толкованіемъ его дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ работахъ могутъ быть обнаружены недостатки, особенно уклоненія отъ формальностей, чего вообще очень трудно избѣжать, при подобныхъ предпріятіяхъ, но общая цѣль и намѣренія всегда были хороши и полезны; на будущее время необходимо предупреждать подобныя ошибки общимъ настроеніемъ, не охлаждать рвенія трудящагося. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Императору подана жалоба на направленіе (антиправительственное) школьнаго обученія, то въ высшей степени оказывается благовременнымъ предложеніе вашего сіятельства университету послать (въ Кременецъ) двухъ членовъ университета для разсмотрѣнія заведеннаго тамъ плана наукъ; такое распоряженіе свидѣтельствуетъ о заботливости вашего сіятельства удовлетворить и намѣреніямъ правительства, и желаніямъ обывателей".

„Въ Винницѣ непремѣнно должна быть и будетъ гимназія безъ порчи того, что сдѣлано въ Кременцѣ. Уже два года тому назадъ я хотѣлъ открыть ее, но Чацкій мнѣ въ этомъ препятствовалъ; теперь онъ убѣдится, что мои совѣты и замѣчанія были не пустые, а необходимые...". (Pamiętniki. II, 324—325).

И Чацкому Снядецкій написалъ нѣсколько словъ, какъ онъ долженъ держать себя въ отношеніи комиссіи. „Умоляю тебя, при разборѣ дѣлъ комиссіею, запастись болѣе всего хладнокровіемъ. Конечно, для оскорбленной заслуги и невинности это очень трудно, но тѣмъ необходимѣе для посрамленія клеветы и обмана. Говоря о собственныхъ пожертвованіяхъ на пріобрѣтеніе очень многихъ приборовъ и коллекцій, не забудь вмѣстѣ съ тѣмъ указать, на сколько эти жертвы были необходимы для пользы наукъ и обучающагося юношества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для блага провинціи, значительно

удаленной отъ университета... Самое главное—поставить себя хорошо въ мнѣніи министра, котораго, конечно, стараются возстановить противъ тебя. Не знаю не слѣдовало ли бы тебѣ написать къ гр. Завадовскому (по старой памяти). Я писалъ къ Мартынову (директоръ департамента), которому извѣстны твои труды и заслуги; имѣя возможность часто видѣться съ министромъ (гр. Разумовскимъ), онъ будетъ въ состояніи опровергать различныя неосновательныя наусъкиванія..." (Pamiętniki. II, 326).

Тонъ былъ данъ, и не оставалось сомнѣнія, что онъ много повліяетъ на мѣстѣ въ пользу Чацкаго. Снядецкій, считая обиду Чацкаго обидою для всего Виленскаго округа, употребилъ всѣ усилія, чтобы по возможности оправдать Чацкаго и выставить его въ лучшемъ свѣтѣ. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, Снядецкій не могъ сочувствовать и не сочувствовалъ дѣятельности Чацкаго и его затѣямъ. Онъ ихъ считалъ даже вредными. Но въ данномъ случаѣ онъ отстаивалъ какъ бы собственную честь.

Князь Чарторыйскій, извѣщеный Снядецкимъ въ Пулавахъ о слѣдственной комиссіи, писалъ 15 ноября 1810 года Государю, оправдывая и защищая Чацкаго. „Только что дошло до меня извѣстіе о комиссіи, назначенной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для Кременецкой гимназіи. Вы легко поймете, какъ глубоко я былъ ею огорченъ. Эта мѣра, повидимому, направлена противъ Чацкаго, какъ лица, попеченіями коего возникало и процвѣтало это заведеніе; но какъ мнѣ скрыть отъ себя, что, въ сущности, она настолько же направлена и противъ меня, который, въ качествѣ попечителя, обязанъ наблюдать за всѣмъ и отвѣчать за все, что происходитъ въ округѣ, который постоянно содѣйствовалъ трудамъ г. Чацкаго, доставилъ имъ одобреніе Вашего Императорскаго Величества и не переставалъ отдавать имъ передъ Вами должную справедливость".

„Не знаю, кто тѣ лица, которыя въ своихъ доносахъ могли присвоить себѣ наименованіе Волынскаго дворянства; но во всякомъ случаѣ трудно предполагать въ нихъ намѣренія чистыя, любовь къ истинѣ и къ общему благу. Безукоризненность характера г. Чацкаго слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы

могли заподозрить его въ какомъ бы то ни было отношеніи. Его неутомимые труды были увѣнчаны удивительнымъ успѣхомъ. Добыть столь значительные фонды и создать училище, которое, по богатымъ коллекціямъ, коими оно владѣетъ, по профессорамъ, входящимъ въ его составъ, по различнымъ заведеніямъ, съ нимъ связаннымъ, по числу обучающихся въ немъ студентовъ, можетъ считаться одною изъ лучшихъ школъ, существующихъ въ какой бы то ни было странѣ; сдѣлать все это въ столь короткое время—дѣйствительно отзывалось чудомъ, и лишь г. Чацкій былъ способенъ совершить это чудо своимъ терпѣніемъ, своею крайнею настойчивостью, своею совершенною преданностью этому единственному дѣлу, всеобщимъ довѣріемъ, внушаемымъ его характеромъ и его свѣдѣніями. Ваше Императорское Величество увидите, что Волынь не допуститъ, чтобы ея именемъ прикрывалась эта клевета, напротивъ того захочетъ смыть съ себя пятно, которое могло бы на ней остаться и поспѣшитъ блистательно засвидѣтельствовать свое уваженіе къ согражданину, заслуги коего она еще недавно пожелала почтить медалью, которую Ваше Величество и позволили выбить съ этою цѣлью".

„Я не сомнѣваюсь, что Чацкій дастъ побѣдоносный отвѣтъ на всѣ обвиненія, коими пытаются его осыпать. Факты очевидны и сами собою говорятъ въ его пользу. Но, Государь,—сердце Вашего Величества создано для того, чтобы это почувствовать,—печально видѣть, что человѣкъ, не имѣвшій иныхъ помышленій, какъ благо своихъ ближнихъ, который посвятилъ оному свое существованіе въ такой мѣрѣ, что совершенно пренебрегъ собственными дѣлами, подвергается доносамъ, непріятностямъ и затрудненіямъ въ воздаяніе за дѣятельность, дающую ему столько правъ на уваженіе; что онъ вынужденъ отдавать отчеты передъ собраніемъ людей, совершенно чуждыхъ предмету, о коемъ судить имъ приходится, и предсѣдатель коего давно дурно расположенъ противъ него и постоянно старался ему противодѣйствовать".

„Справедливость и намѣренія Вашего Императорскаго Величества извѣстны мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо. Но повѣрьте, Государь, что на этотъ разъ Вы были обмануты, и что Вы поступили въ противность своимъ отеческимъ желаніямъ. Волын-

ская гимназія, помѣщенная въ Кременцѣ, была утверждена дипломомъ, подписаннымъ рукою Вашего Императорскаго Величества; этимъ упразднился всякій вопросъ о мѣстѣ, гдѣ всего приличнѣе ее устроить. Ваше Величество сдѣлали невозможнымъ возбужденіе вновь этого вопроса дарованіемъ этой гимназіи Кременецкаго староства, съ предписаніемъ основать въ немъ со временемъ опытную ферму. Фонды, употребленные на обзаведеніе училища, уже существующаго въ Кременцѣ, зданія, съ великими издержками, возведенныя и устроенныя, все это погибнетъ, если бы гимназію пришлось перевести въ иное мѣсто. Гдѣ найти новые фонды для того, чтобы съ новою потерею времени начать сызнова то же дѣло, и зачѣмъ начинать сызнова, когда оно уже сдѣлано, и все идетъ хорошо? Какимъ образомъ могутъ заведенія дойти до какой либо степени совершенства, если имъ не даютъ времени окрѣпнуть и если измѣняютъ ихъ устройство, какъ только они начинаютъ процвѣтать? „Ваше Величество можете быть увѣрены, что какъ только вы захотите перевести Кременецкую гимназію въ иное мѣсто, или отымете у нея ея теперешняго начальника, это заведеніе упадетъ и не будетъ въ силахъ подняться. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, большая часть жертвователей возьмутъ назадъ свои фонды, присвоенные ими гимназіи лишь подъ непремѣннымъ условіямъ, чтобы она была устроена въ Кременцѣ и чтобы распоряженіе ея средствами было ввѣрено г. Чацкому, что прямо и оговорено въ дипломѣ“.

„Что касается до меня, то не могу скрыть отъ себя, что, безъ малѣйшаго участія попечителя, надъ главною послѣ университета школою Виленскаго Округа было наряжено слѣдствіе; что слѣдственной комиссіи поручено разсмотрѣть уставъ Кременецкой гимназіи и способъ, коимъ онъ выполняется, что эта комиссія должна судить о томъ, хорошо ли выбрано мѣсто школы, хорошо ли въ ней устроено преподаваніе распорядиться на счетъ полиціи, преподаванія, отчетности—предметовъ, непосредственно подлежащихъ распоряженію и надзору попечителя; предметовъ которые всѣ были приведены имъ въ устройство, утверждены по его представленію, и коими онъ занялся специально со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, коихъ они заслуживаютъ; что, наконецъ, вслѣдствіе обзора, сдѣланнаго мною недавно на мѣстахъ, я далъ самый удовле-

творительный отзывъ о цвѣтущемъ состояніи этой школы; что этотъ отзывъ, о коемъ упоминали мѣстныя газеты, опровергается и объявляется лишеннымъ всякаго значенія относительно предполагаемыхъ мѣръ.

Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, это первый примѣръ комиссіи такого рода, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, назначенный для того, чтобы ревизовать и преобразовать учебное заведеніе. Всѣ эти сближенія по необходимости заставляютъ заключить, что Виленскій попечитель имѣлъ несчастіе лишиться довѣрія правительства, и что даже хотѣли дать ему это почувствовать. Позвольте мнѣ, Государь, въ подтвержденіе этого убѣжденія, напомнить Вамъ отмѣну указа о базиліанахъ и неуспѣхъ, коему подверглись, съ тѣхъ поръ, разные проекты, относящіеся къ Виленскому округу, которые я осмѣлился представить и которые до сихъ поръ не имѣютъ ни малѣйшаго дѣйствія".

„И такъ при этихъ обстоятельствахъ, полагаю, что поступаю, какъ слѣдуетъ, умоляя Ваше Императорское Величество даровать мнѣ полную отставку отъ службы".

„Если, Государь, Вы будете столь милостивы, что снизойдете на мое прошеніе о полной отставкѣ, осмѣлюсь присовокупить къ нему просьбу относительно выбора лица, которое получитъ мѣсто попечителя въ Вильнѣ. Никто не былъ бы къ тому способнѣе самого г. Чацкаго. Если онъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, оправдается во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, назначеніе его попечителемъ было бы единственнымъ средствомъ исправить причиненное ему зло. Если же однако г. Чацкій не удостоится мѣста, на которое онъ имѣетъ полное право въ силу заслугъ своихъ по округу, я бы предложилъ г. Огинскаго, коимъ Ваше Величество, повидимому, довольны и коему Вы оказали благосклонность (Русскій архивъ 1871 г., 782—787).

Изъ переписки между Чацкимъ, Снядецкимъ, Колонтаемъ и другими мы видѣли, что дѣятельность Чацкаго была далеко не безупречна; сердце его билось не въ сторону Россіи. Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ вела дѣло назначенная слѣдственная комиссія. Можно думать, что по данному изъ Вильны тону, она смотрѣла на все глазами кн. Чарторыйскаго. Въ томъ же

1810 году она успѣла закончить свою далеко не легкую задачу и дѣйствія Чацкаго нашла заслуживающими одобренія. Кн. Чарторыйскій снова писалъ Государю.

„Государь, коммиссія, назначенная для обревизованія Кременецкой гимназіи, только что окончила свое слѣдствіе. Заключенія ея благопріятны для заведенія и почетны для г. Чацкаго. Проектъ перенесенія гимназіи въ какое либо иное мѣсто, который комиссія, повидимому, не хотѣла отвергнуть безусловно, ею самою признанъ неисполнимымъ. Таковъ онъ и въ самомъ дѣлѣ, и для того, чтобы его осуществить, нужно было бы сдѣлаться врагомъ и истребителемъ всего, что до сихъ поръ было сдѣлано въ *польскихъ областяхъ* на пользу народнаго образованія.

Трудъ этотъ, вѣроятно, будетъ повергнутъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Соблаговолите, Государь, принимая его къ свѣдѣнію, дать свободную волю извѣстнымъ Вашимъ чувствамъ справедливости и благости. Соблаговолите, выказывая ихъ, упрочить превосходное учрежденіе, которое составитъ эпоху въ области, въ коей оно возникло, и вознаградите человѣка добродѣтельнаго, напрасно оклеветаннаго и заслуживающаго со стороны Вашего Величества покровительства и поощренія.

Знакъ Вашей благосклонности, Государь, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный, былъ бы еще драгоцѣннѣе нынѣ, какъ вознагражденіе за вредъ, который хотѣли причинить г. Чацкому въ Вашемъ мнѣніи, и какъ средство изгладить опасенія публики на счетъ заведенія, на которое она сдѣлала столько значительныхъ пожертвованій.

Знаю, до какой степени Ваше Императорское Величество обязаны быть бережливымъ на Ваши дары; однакоже' если бы была возможность помочь г. Чацкому, (который разорился, оттого что думалъ только о благѣ созданныхъ имъ заведеній и забывалъ о собственныхъ своихъ дѣлахъ), то теперь была бы та минута, въ которую этотъ актъ справедливости и публичной благодарности могъ бы быть совершенъ наиболѣе кстати для правительства. Я говорю „справедливости“ ибо значительные убытки, понесенные имъ при секвестрѣ его имѣній и конфискаціи Острога, между

тѣмъ какъ на немъ осталась тяжесть долговъ, лежащихъ на этомъ имѣніи, уполномочиваютъ меня къ этому выраженію. ." (Рус. арх. 1871 г., 789--791).

Отвѣтъ Государя кн. Чарторыйскому послѣдовалъ изъ Петербурга 25 декабря 1810 года. Указавши причины, почему своимъ письмомъ онъ очень огорчилъ Его, Государь продолжаетъ: „хочу сперва покончить съ этимъ несчастнымъ дѣломъ о гимназіи. Никогда не имѣлъ Я ни малѣйшаго намѣренія причинить вамъ огорченіе, и вы взглянули на все дѣло съ точки зрѣнія, совершенно не согласной съ истиннымъ его смысломъ. Ваши соотечественники одни подали поводъ ко всему этому дѣлу, жалуясь на то, что мѣстность Кременца дурно выбрана для гимназіи, что близость Австрійской границы слишкомъ облегчаетъ студентамъ побѣги и другія шалости. Между этими лицами находился предводитель дворянства, и всѣ просили, чтобы пункты, на которые они жалуются, подверглись разсмотрѣнію. Лишь послѣ неоднократныхъ прошеній такого рода назначена эта комиссія".

„Впрочемъ Я былъ далекъ отъ мысли о какомъ либо перемѣщеніи или измѣненіи въ организаціи гимназіи, и Мое намѣреніе было, по полученіи донесенія комиссіи, не приступать ни къ чему, не посовѣтовавшись съ вами. И такъ вы видите, что все это дѣло не стоило того, чтобы вы огорчились и приняли рѣшеніе, которое мнѣ кажется столь мало сообразнымъ съ обстоятельствами минуты". (Рус. арх. 1871 г., 792—793)".

А эти обстоятельства минуты состояли въ томъ, что Государь предложилъ кн. Чарторыйскому нѣсколько пунктовъ для соображенія по вопросу о возстановленіи польскаго королевства. „Что Я тутъ сообщаю вамъ, писалъ въ заключеніе Государь, будетъ поважнѣе гимназіи и отставки, которой вы у меня просите". (ibid, 797).

Дѣйствительно вопросъ о возстановленіи польскаго королевства былъ очень важенъ какъ для кн. Чарторыйскаго, такъ и для Чацкаго. Онъ-то и придавалъ имъ духу скорѣе и усиленнѣе работать для насажденія полонизма въ древнихъ западно-русскихъ областяхъ. „По волѣ правительства и соотечественниковъ я основалъ эту школу. Умру, заявлялъ Чацкій;

но школа не должна умереть. Останутся люди, останется власть. Учрежденія, подобныя Кременцу, поввѣряютъ охранѣ не частныхъ лицъ, а цѣлыхъ поколѣній. Пока уваженіе и благодарность будутъ окружать эту школу, до тѣхъ поръ правнукъ и прадѣдъ будутъ повторять съ гордостью: „тутъ мы учились добродѣтели, тутъ изучали науки..." (Osinski O życiu i pismach Czackiego 105). Когда Снядецкій и Виленскій университетъ признавали учебные планы Чацкаго не удовлетворительными въ педагогическомъ отношеніи и ограничили ихъ практику одною Волынскою гимназіей. Чацкій не хотѣлъ съ этимъ согласиться; черезъ делегатовъ, назначенныхъ отъ университета для разсмотрѣнія всего хода занятій въ Волынской гимназіи, онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему завести порядки Кременца хотя въ одной вновь открываемой гимназіи. (ibid, 166).

Все это было крайне необходимо для Чацкаго, съ одной стороны—изъ видовъ политическихъ, съ другой—для удержанія за собою популярности, которою, по своему самолюбію, онъ дорожилъ до болѣзненности. Для возбужденія въ учителяхъ особаго рвенія и энергіи въ занятіяхъ Чацкій прибѣгалъ ко всякимъ; иногда очень страннымъ мѣрамъ. Такъ по словамъ Владимірскаго Буданова, Кременецкій гимназическій костелъ онъ хотѣлъ превратить въ своего рода Вестминстерское аббатство учебнаго вѣдомства: именно, предназначилъ его, (т. е. костелъ) для постановки памятниковъ умершимъ учителямъ, которые признаны того заслуживающими. Для этого египетскаго суда, по смерти учителя, учреждался особый комитетъ для обсужденія его заслугъ. Были постановлены на этотъ счетъ и нѣкоторыя общія правила; никакой покойникъ, напр., не могъ претендовать на памятникъ въ этой церкви, если получилъ замѣчаніе отъ высшаго начальства. (Исторія университета св. Владиміра, I, 28). Съ начала открытія Волынской гимназіи онъ устроялъ ее на такихъ началахъ, которыя, удовлетворяя польско-національной гордости, имѣли въ виду внѣшность, наружную представительность и отъ учащихся не требовали серьезныхъ занятій. При этомъ имѣлось въ виду особыми правами переманить въ Кременецъ дѣтей лучшихъ и богатѣйшихъ польскихъ фамилій, что опять поднимало значеніе гимназіи въ глазахъ общества и чѣмъ сильно гордился Чацкій. Такіе переходы учениковъ изъ

Вильны въ Кременецъ для легкаго и пріятнаго развлеченія наукою сильно возмущали Снядецкаго, и нѣкоторымъ изъ родителей такихъ перебѣжчиковъ онъ дѣлалъ рѣзкіе упреки. (Pamiętniki. I, 681). Не желая достигнуть намѣченной цѣли, Чацкій совершенно уклонялся отъ дѣйствительно полезныхъ учебныхъ плановъ, которые были Высочайше утверждены и которые предлагались ему университетомъ. Неопредѣленные, повидимому, нѣсколько запутанные своеобразные планы Чацкаго преслѣдовали и другую цѣль: устройство въ Кременцѣ съ теченіемъ времени университета. Въ письмахъ къ Колонтаю онъ самъ признавался, что эти планы даютъ возможность имѣть въ гимназіи въ зародышѣ всѣ почти университетскія каѳедры, а это значительно облегчало его въ будущемъ, при осуществленіи мечты объ университетѣ (Studia historyczne, 83—85).* Бѣда въ томъ, что съ этимъ проектомъ приходилось скрываться, не говорить о немъ; а Виленскій университетъ съ Снядецкимъ во главѣ, не допуская и мысли объ университетѣ въ Кременцѣ, видѣлъ въ гимназіи что-то неопредѣленное, съ большими претензіями на ученость, которой въ дѣйствительности не было, и соглашался терпѣть Кременецъ statu quo, никакъ уже не дозволяя расширенія его порядковъ. А Чацкій, не обращая вниманія на трудныя современныя обстоятельства, продолжалъ упорствовать въ своихъ проектахъ и осаждать ими Снядецкаго.

2 января 1811 года Снядецкій писалъ Чацкому: „Согласно вашему желанію, на вчерашнемъ засѣданіи (въ университетѣ) директоромъ Волынскимъ избранъ Лернетъ (б. учитель Волынской гимназіи; Чехъ—директоръ скончался въ 1810 г). Представленіе о немъ пойдетъ къ министру. Зная многосложность и кропотливость занятій директора я увѣренъ, что Лернету скоро наскучитъ эта должность. Что касается хирургической школы, то она открыта быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не соберутъ для нея достаточнаго и обезпеченнаго фундуша, а это не легко въ настоящее время. Настоитъ крайняя нужда завести въ гимназіи экономію другого рода и обезпечить правильный годовой доходъ. При такомъ большомъ недостаткѣ наличности (денежной), какая чувствуется повсюду, даже доходы отъ поіезуитскихъ имѣній могутъ быть очень не надежны. Владѣльцы въ амбарахъ и складахъ

имѣютъ много различныхъ продуктовъ, которые даже портятся, но не могутъ сбыть ихъ, чтобы заплатить государственные сборы".

„Не совѣтую вамъ начинать новыя дѣла по комиссіи (фундушевой), пока окончательно не будетъ рѣшенъ и поставленъ на твердыхъ основаніяхъ общій вопросъ о раздѣленіи кассъ" (для Вильны и Кременца...).

„Вчера же вы вновь избраны визитаторомъ; я давно предвидѣлъ трудности, о которыхъ упоминается въ вашемъ письмѣ (относительно выбора Чацкаго въ визитаторы. Хотя слѣдственная комиссія, по видимости, его оправдала, но въ дѣйствительности справедливыхъ подозрѣній оставалось много) и относительно которыхъ я вступилъ въ сношенія съ Петербургомъ. Мартыновъ (директоръ департамента просвѣщенія) совѣтовалъ мнѣ, чтобы къ акту выбора приложено было объясненіе побудительныхъ къ тому причинъ, важность которыхъ почувствовалъ бы министръ... Изъ всего, что могъ я узнать по вашему дѣлу (назначеніе слѣдственной комиссіи) заключаю, что князь Голицынъ, помня непріятное для него ваше предложеніе объединить министерство просвѣщенія съ министерствомъ исповѣданій и духовныхъ дѣлъ, какъ провалилъ проектъ о базиліанахъ (сказано о немъ выше), такъ сдѣлался секретнымъ зачинщикомъ борьбы противъ васъ, употребивши къ тому орудіемъ сенатора Ворцеля (б. Волынскій губернаторъ). Позднѣйшія свѣдѣнія подтвердили мои первоначальныя о томъ догадки. Все это доказываетъ, какія могутъ быть послѣдствія преждевременно оглашаемыхъ мыслей и проектовъ. Мы все болѣе и болѣе испытываемъ расположеніе къ намъ министра (народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго). Думаю, что если бы вы представились ему и познакомились съ нимъ въ Петербургѣ, дѣла приняли бы иной оборотъ. Князь-попечитель оскорбилъ его своимъ холоднымъ, какъ извѣстно, съ нимъ обращеніемъ; онъ счелъ это гордостью и думалъ заплатить ему тою же монетою: но въ своемъ сердцѣ онъ не можетъ отказать въ уваженіи къ работамъ и стараніямъ князя..." (Pamiętniki II. 322—323).

Часъ отъ часу становилось Чацкому не легче. Въ Петербургѣ на него косились и даже выборъ его на должность визита-

тора сопряженъ былъ съ какими то затрудненіями. Кн. Чарторыйскій утратилъ свое вліяніе въ министерствѣ. Умеръ Чехъ. Снядецкій своею холодностью, своею требовательностью убивалъ всякую охоту къ работѣ. Онъ заставлялъ дѣлать то, чего рѣшительно не желалось бы. Такъ въ январѣ 1812 года Чацкій volens-nolens долженъ былъ открыть гимназію въ Кіевѣ по общему уставу. Мы знаемъ уже, что вопросъ объ открытіи Кіевской гимназіи получилъ свое начало еще въ 1804 году. Тогда Виленскому университету предложено было *немедленно* озаботиться открытіемъ гимназіи на общемъ основаніи съ тѣмъ, чтобы *всѣ науки преподавались на русскомъ языкѣ*. Университетъ съ своей стороны просилъ Чацкаго ускорить дѣло устройства гимназіи и озаботиться пріисканіемъ подходящихъ учителей. Чацкій, какъ объ этомъ было сказано уже выше, взглянулъ на дѣло иначе и никакъ не пожелалъ допустить въ преподаваніе русскій языкъ. Кн. Чарторыйскій въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія заявилъ, что „сколь сіи причины г. визитатора (относительно недопущенія въ преподаваніе въ школахъ русскаго языка) сами по себѣ ни основательными кажутся, но нельзя оставить безъ уваженія съ одной стороны той надобности, которую имѣетъ въ усовершенствованіи себя болѣе въ россійскомъ языкѣ сіе самое польское юношество, приготовляясь къ службѣ новому своему отечеству, а съ другой стороны, такъ сказать, необходимости въ россійскомъ же языкѣ для юношества малороссійскихъ вообще, а паипаче за-Днѣпровскихъ жителей, которые изъ давнихъ временъ привыкли посылать своихъ дѣтей въ Кіевъ преимущественно предъ прочими городами, такъ что, не взирая на новое раздѣленіе округовъ и принадлежность ихъ теперь къ части, подвѣдомой будущему Харьковскому университету, нельзя надѣяться, чтобы они обратили скоро дѣтей своихъ въ другія училища, гдѣ будутъ обучать по-россійски, и коихъ даже точное время открытія еще не извѣстно. Сверхъ же того, не обошлось бы безъ неудовольствія и отъ самыхъ Кіевлянъ, если бы они чрезъ введеніе въ училища ихъ неупотребляемаго ими польскаго языка принуждены были изъ своего губернскаго города посылать въ другую губернію дѣтей, обыкновенно до сего времени воспитываемыхъ по-россійски....“ (Сборн матеріаловъ II. 1081—1084).

Такое представленіе кн. Чарторыйскаго не нравилось гр. Завадовскому, который по какому-то странному самообману югозападныя губерніи считалъ губерніями польскими. (Ср. Владимірскій-Будановъ. Исторія университета св. Владиміра I, 36); тѣмъ болѣе смутило оно Чацкаго. Началась канцелярская волокита. Гр. Завадовскій, хотя былъ воспитанникомъ Кіевской академіи, *забылъ* однако въ данномъ случаѣ и ея программы, и расположеніе зданія. Чацкій *не зналъ*, съ кѣмъ сноситься по возбужденному вопросу и просилъ указаній университета. За справками обратились къ Кіевскому гражданскому губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ.

Указывая полную возможность и даже удобства помѣщенія гимназіи въ нѣкоторыхъ Кіевскихъ зданіяхъ, Кіевскій губернаторъ Корнѣевъ прибавляетъ: „чтобы заводить въ Кіевѣ ученіе главнѣйше на польскомъ языкѣ, сіе, по моему мнѣнію, ни съ обстоятельствами прошедшими, ни съ мѣстнымъ положеніемъ не согласно, потому во-первыхъ, что городъ сей, имѣвъ счастіе быть первоначальною столицею россійскихъ самодержцевъ, былъ также центромъ и источникомъ просвѣщенія вѣры и просвѣщенія ума для россійскаго народа. Во вторыхъ, въ немъ и по нынѣ сохраняются такіе памятники древности и благочестія россійскаго народа, которые заслуживаютъ всякое уваженіе, и въ третьихъ, что во всякомъ благоустроенномъ монархическомъ государствѣ, а особенно такомъ, какова есть всероссійская имперія, въ которой мудростью и человѣколюбіемъ великихъ монарховъ терпимость вѣры, языковъ и обрядовъ доведены до того, что ни одно государство изъ извѣстныхъ въ свѣтѣ симъ передъ Россіею похвалиться не можетъ нужно необходимо имѣть три господствующіе предмета, то есть: вѣру, языкъ и однообразное управленіе; ибо сіи предметы болѣе всего приводятъ всѣ части къ единству, съ монархическимъ правленіемъ неразрывному. Слѣдовательно, учреждать въ Кіевѣ, яко древней столицѣ Россійскихъ Самодержцевъ, ученіе на польскомъ языкѣ было бы отнять достоинство и преимущество у сей страны Россійскаго народа; ибо несмотря на то, что Кіевъ окруженъ съ одной стороны такимъ народомъ, который недавно присоединенъ къ Россійской державѣ, сей народъ изстари ничто иное былъ, какъ часть Рос-

сійскаго же государства и точно одного роду съ Малороссіею. (Сборн. матер. III. 83—84).

Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей дѣлаетъ одно только „примѣчаніе" къ представленію гр. Завадовскаго объ открытіи Кіевской гимназіи. „Примѣчаніе сіе состоитъ въ томъ, что будетъ ли прилично, чтобы въ Кіевѣ, древней столицѣ Россійской, гдѣ былъ насажденъ первый, такъ сказать, корень Россійскаго просвѣщенія, гдѣ издревле была и по нынѣ существуетъ Россійская академія, отъ коей получили начало свое большая часть Россійскихъ училищъ, ученіе въ предполагаемой гимназіи производилось, какъ то дворянство полагаетъ, большею частію на польскомъ языкѣ, когда и самый языкъ, свойственный кореннымъ обывателямъ той страны, не есть языкъ польскій, и когда въ смежной губерніи Волынской учреждено уже училище, гдѣ желающіе могутъ обучаться на польскомъ языкѣ". (Сборн. матер. III. 103). Вопросъ ставился слишкомъ серьезно, на основаніяхъ историко-патріотическихъ.

Между тѣмъ Чацкій успѣлъ повидаться въ Кіевѣ съ гр. Завадовскимъ и еще болѣе убѣдить его въ необходимости введенія здѣсь въ преподаваніе польскаго языка. Тогда же изъ Кіева онъ писалъ кн. Чарторыйскому (отъ 29 января 1805 г.):

„Имѣемъ право и обязанность просить, чтобы гимназія въ Кіевской губерніи была такая же, какъ и другія въ нашихъ провинціяхъ. Русской земли здѣсь только нѣсколько верстъ съ двумя-тремя десятками шляхты (Такъ хозяйничалъ въ *русской* землѣ Чацкій). Все остальное обширное пространство и тридцать восемь тысячъ шляхты—все это земля и обыватели недавно польскаго государства. Губернія хочетъ просить, чтобы гимназія и корпусъ кадетовъ (проектъ основанія котораго уже былъ изготовленъ) были учреждены въ Радомыслѣ, гдѣ имѣются готовыя каменныя зданія. Тогда изчезнутъ основанія, по которымъ въ Кіевѣ, какъ древнѣйшемъ русскомъ городѣ, и науки могутъ быть излагаемы только порусски. Здѣсь въ настоящее время находится Северинъ Потоцкій; онъ утверждаетъ, что не можетъ найти для академіи (Харьковскій университетъ) подходящихъ ученыхъ изъ русскихъ

Ваше Сіятельство лучше меня понимаете, какъ всѣ другіе округа (учебные) завидуютъ Виленскому, что питается лучшими надеждами и имѣетъ болѣе высокую степень просвѣщенія. Выпросить пожертвованія необходимо; но никоимъ образомъ нельзя допустить утрату языка и двинуться назадъ въ просвѣщеніи молодежи. Когда вышелъ указъ о кадетахъ, Государь заявилъ, что „дѣти должны пить ту самую воду и дышать тѣмъ же воздухомъ, какіе были въ распоряженіи ихъ отцовъ". Имѣемъ право думать, что нашъ языкъ, какъ діалектъ славянскій, не будетъ заброшенъ, если даже иностранный —нѣмецкій— разрѣшенъ въ кадетскихъ корпусахъ въ провинціяхъ Инфлянтскихъ. (Такого явленія совершенно не было; нѣмецкій языкъ дозволенъ былъ въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ, къ которому Инфлянты —уѣзды Динабургскій (Двинскій), Рѣжицкій—никогда не относились). Я знаю, что ваше сіятельство должны относиться самостоятельно ко многимъ взглядамъ своихъ сотрудниковъ; но я одинаково убѣжденъ и въ томъ, что если выставляю такія важныя причины, то вы позволите намъ вполнѣ расчитывать на вашу поддержку..." (Biesiada Krzemieniecka, Paryż 1861 г. 81).

Министру гр. Завадовскому писалъ (10 сентября 1805 г.) и предводитель дворянства Кіевской губерніи гр. Козловскій. „...Поелику сія губернія состоитъ по большей части изъ дворянъ, употребляющихъ польскій языкъ, то отъ лица *всей* губерніи... осмѣливаюсь просить, чтобы науки въ предполагаемой Кіевской гимназіи преподаваемы были по большей части на польскомъ языкѣ. Россійскій языкъ необходимо намъ нуженъ, какъ господствующій и какъ языкъ большей части жителей сей пространной имперіи. Всякое дитя должно ему обучаться, и потому въ уставѣ Волынской гимназіи назначено обучать оному въ первыхъ четырехъ классахъ; но весьма трудно показать совершенный успѣхъ въ четырехъ языкахъ. На томъ же языкѣ, которымъ говоримъ съ нашими родителями и домашними удобнѣе представляемъ себѣ и изъясняемъ наши понятія, получаемыя отъ наукъ и знаній. Итакъ, польскій языкъ, сходствующій съ россійскимъ, сообщая одинъ другому силу и пріятность, можетъ усовершенствовать общую словенскую рѣчь въ ея отрасляхъ. Сохраненіе языка въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ и училищахъ составляетъ высочайшее бла-

готвореніе...“ Похваливши министра за его знаніе польскаго языка, польской литературы, гр. Козловскій заключаетъ: „Ваше сіятельство были защитникомъ тѣхъ законовъ, коихъ власть признавали предки наши. Не отречетесь, конечно, быть ходатаемъ за любезнѣйшую собственность нашу—за языкъ предковъ нашихъ. Соотчичъ нашъ, г. Чацкій, сопрягающій довѣренность въ себѣ отъ правительства съ довѣренностію отъ согражданъ, объявилъ намъ, что онъ имѣлъ счастіе говорить о семъ съ вашимъ сіятельствомъ и получилъ милостивое обѣщаніе ваше“. (Сборн. матер. III. 106—107).

Министръ поспѣшилъ отвѣтомъ, который совершенно оправдывалъ надежды гр. Козловскаго. Въ отношеніи къ кн. Чарторыйскому (13 ноября 1805 г.) писалъ, между прочимъ: „дворянство (Кіевской губ.), жертвуя имуществомъ на сіе заведеніе (гимназію), вправѣ желать, чтобы знатная часть наукъ преподаваема была въ ономъ на природномъ ему языкѣ. Сіе желаніе тѣмъ болѣе оправдывается, что въ Кіевской губерніи число онаго гораздо преимуществуетъ предъ количествомъ мѣщанства; сверхъ того, городъ Кіевъ есть теперь главнымъ мѣстомъ губерніи сего имени, и обывателей, употребляющихъ языкъ россійскій, весьма мало и въ одномъ только уголку; но съ другой стороны, нельзя не внять и тому, 1., что сумма, по штату на гимназію опредѣленная, идетъ въ сложность съ суммою дворянства; 2., въ городѣ Кіевѣ положено учредить кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывающимся классы наукъ преподаваемы будутъ отъ гимназіи, слѣдственно ученіе россійскаго языка необходимо приготовляющимся къ службѣ военной“.

„По важности пожертвованія отъ дворянства Кіевской губерніи нельзя не уважать онаго, но съ другой стороны, дабы предупредить ропотъ Кіевлянъ, *впрочемъ мечтательный* (замѣчаніе это направлено прямо противъ заявленія кн. Чарторыйскаго), я полагаю за средство согласить вещи, установя въ гимназіи классъ языка русскаго, ибо отрицать не можно того, чтобы во взаимной связи между собою, не было для нихъ полезно знать оба языка: сверхъ того, польскій и русскій языки между собою столь близки, *что почти нѣтъ неудобности на томъ или на другомъ пріобрѣтать науки учащимся* (послѣ этого, за

чѣмъ же всѣ настоящія разсужденія!); самыхъ же учителей скорѣе можно найти на сей разъ на польскомъ, чѣмъ на русскомъ". (Сборн. матер. III. 104—105.)

Не скоро отвѣчалъ министру кн. Чарторыйскій. Онъ предварительно отнесся къ Чацкому и только уже по полученіи отъ него отвѣта. писалъ гр. Завадовскому (31 іюля 1806 г):... „я изъяснилъ сему визитатору все, что только дошло до меня въ разсужденіи несогласія желаній Кіевскаго дворянства и жителей города о томъ, на какомъ языкѣ преподавать въ оной гимназіи науки, на польскомъ или россійскомъ. Я не преминулъ напомнить ему и о причисленіи къ Кіеву пяти давнихъ россійскихъ губерній противу четырехъ, присоединенныхъ отъ Польши, ради имѣющаго быть при тамошней гимназіи для 400 кадетъ училища, съ тѣмъ, что если бы дворянство не перемѣнило своихъ мыслей. то, можетъ быть, слѣдовало бы перевести сіе училище на другое мѣсто, или для онаго корпуса открыть другую гимназію. Объясненія Чацкаго состоятъ въ томъ, 1-е, что Кіевское дворянство послѣдовало въ семъ случаѣ примѣру Волынскаго, коего желаніе удостоилось Высочайшаго вниманія и сдѣлало столь знатное приношеніе для пользы своихъ дѣтей; 2., что число дворянства въ Кіевской губерніи, употребляющаго польскій языкъ, простирается болѣе 43000 (а въ частномъ письмѣ къ кн. Чарторыйскому (приведено выше) количество шляхты Чацкій ограничиваетъ 38000 только?), россійскаго же съ безпомѣстными чиновниками только 1170; 3., что оная губернія управляется законами по большей части прежними польскими, и 4., что въ прочемъ пріобрѣтеніе свѣдѣній въ россійскомъ языкѣ для польскаго юношества облегчено будетъ тѣмъ, когда предполагается обучать оному въ первыхъ 4-хъ классахъ и притомъ завести классъ россійской словесности и филологической грамматики славянскихъ діалектовъ, а между тѣмъ россійское научалось бы польскому языку, могущему быть ему полезнымъ по сосѣдству съ жителями, его употребляющими..." Кн. Чарторыйскому, повидимому, надоѣли всѣ эти неосновательныя препирательства за введеніе польскаго языка въ Кіевскую гимназію и потому, сказавши о неудобствахъ предположеннаго для нея помѣщенія въ Кіевѣ, князь заканчиваетъ свое представленіе

тѣмъ, что „отлагаетъ устраненіе всякихъ по сему заведенію оказывающихся затрудненій или несовмѣстностей къ тому времени, когда приступлено будетъ къ начертанію устава для Кіевской гимназіи и къ устроенію въ Кіевѣ кадетскаго корпуса“, и проситъ только Всемилостивѣйшаго соизволенія на принятіе пожертвованнаго Кіевскимъ дворянствомъ капитала. (Сборн. матер. Ш. 108—110).

Пять слишкомъ лѣтъ протекло со времени написанія этого письма, когда дѣйствительно приступлено было къ начертанію устава для Кіевской гимназіи *). Въ это время произошла важная перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія: гр. Завадовскій былъ, наконецъ, смѣненъ и его мѣсто занялъ гр. Разумовскій. Самостоятельно русское вліяніе министра начинало сказываться на теченіе дѣлъ въ Виленскомъ округѣ. (Объ этомъ очень характерно свидѣтельствуетъ ректоръ университета Снядецкій въ ниже приводимомъ письмѣ). 13 октября 1811 года появился Высочайше утвержденный уставъ Кіевской гимназіи.

По уставу, въ основаніе фундуша гимназіи положенъ былъ капиталъ въ 450438 р. ассигнаціями, пожертвованный дворянствомъ Кіевской губерніи *въ пользу* учебныхъ заведеній губерніи.

Часть процентовъ съ пожертвованнаго дворянствомъ капитала отчислялась въ пользу училищъ въ Махновкѣ, въ Радомыслѣ, Каневѣ и Умани. Гимназія имѣла право принимать различныя пожертвованія, и всѣ суммы гимназіи могли быть употребляемы только въ ея пользу. Назначеніе директора, учителей, ихъ права и обязанности, распредѣленіе учебныхъ занятій опредѣлялись общими положеніями, подъ наблюденіемъ Виленскаго университета. Въ гимназіи учителя раздѣлялись

---

*) Такую медлительность польскіе ученые приписываютъ нежеланію русскаго правительства открывать въ Кіевѣ гимназію, о чемъ якобы хлопоталъ Чацкій. Но читатель видитъ, отчего произошло замедленіе.., Biesiada Krzemieniecka —1861 r, Paryz. 82).

по предметамъ ими преподаваемымъ. Было семь старшихъ учителей и девять младшихъ.

„Старшіе: 1) Высшей математики и опытной физики; 2) химіи и технологіи; 3) естественной исторіи и сельскаго хозяйства; 4) нравственной философіи, логики и права вообще; 5) законовѣдѣнія и въ особенности права римскаго и россійскихъ законовъ; 6) исторіи, статистики и географіи всеобщихъ и россійскихъ; 7) словесности вообще, а въ особенности латинской и эстетики".

„Дополнительныя науки: 1) начальныя основанія математеки; 2) государственное хозяйство и торговля; 3) словесность, въ особенности россійская".

„Младшіе учители: учители языковъ 1) греческаго; 2) латинскаго; 3) французскаго; 4) нѣмецкаго; 5) польскаго; 6) рисованія и черченія; 7) музыки; 8) танцованія и 9) фехтованія".

„Всѣ науки преподаются на русскомъ языкѣ". Польскій языкъ преподавался наравнѣ съ иностранными.

Въ виду того, что въ Кіевской гимназіи учители получали жалованье большее, чѣмъ въ другихъ гимназіяхъ, а для соразмѣрнаго возвышенія имъ пенсій въ штатахъ не было положено особенной суммы, то въ уставѣ постановлялось „для прибавочной пенсіи ежегодно отдавать на приращеніе изъ процентовъ 1000 р. ассигнаціями изъ суммъ, принадлежащихъ гимназіи". (Сборн. постановленій по мин. нар. просвѣщенія I. 679—684).

30 января 1812 года состоялось открытіе гимназіи. „Чацкій, говоримъ словами Владимірскаго-Буданова, былъ центромъ и предметомъ овацій, истиннымъ героемъ дня. День начался привѣтствіемъ Чацкому отъ директора и учениковъ. Губернаторъ передалъ Чацкому Высочайшую грамоту объ учрежденіи гимназіи. Онъ несъ ее въ Печерскую лавру къ Богослуженію, на богатой подушкѣ, кисти которой поддерживали два маршала и два члена фундушевой коммиссіи. Послѣ Богослуженія, въ домѣ гимназіи онъ встрѣчалъ и провожалъ

митрополита и прочее православное духовенство и получилъ отъ митрополита образъ свв. Антонія и Феодосія Печерскихъ. Онъ давалъ высокопоставленнымъ гостямъ обѣдъ, на которомъ говорилъ и рѣчь, „которая дышетъ братскою любовію и чувствомъ человѣчности“ (по словамъ историка гимназіи).

Сказавши о древности Кіева и его замѣчательностяхъ въ археологическомъ отношеніи, Чацкій переходитъ въ своей рѣчи къ указанію важныхъ заслугъ Кіева для просвѣщенія. Воскресаютъ имена св. Владиміра, Нестора—лѣтописца, нѣкоторыхъ польскихъ королей и литовскихъ князей, Анны Гулевичовны, Петра Могилы, много сдѣлавшихъ для христіанскаго просвѣщенія среди войнъ, кровавыхъ битвъ, взаимныхъ споровъ между русскими и поляками. Восхваляются заботы Петра Великаго, Екатерины для возвышенія Кіевской академіи; съ благоговѣніемъ произносятся имена Павла и Александра I за сохраненіе польскаго языка. Указываются заслуги польскихъ обывателей въ подъемѣ просвѣщенія въ югозападномъ краѣ, въ созданіи Волынской гимназіи и другихъ школъ. „Едва ли есть хоть одна уѣздная школа, которой не устроила бы старательность обывателей; а *сто семьдесятъ приходскихъ училищъ*, хорошо осмотрѣнныхъ, много свидѣтельствуютъ о нашихъ землякахъ“, восклицаетъ Чацкій. (Все это было бы хорошо, если бы оно было таково въ дѣйствительности. А то *сто семьдесятъ школъ* по Чацкому, превращаются по „Кременецкой Бесѣдѣ“ въ *цѣлыя триста* (Beisiada... 1861 г. 80); а Снядецкій неоднократно заявлялъ Чацкому, какъ мы видѣли и какъ сейчасъ еще увидимъ, что онъ все разорилъ и не создалъ никакихъ школъ...). Похваляются заслуги гр. Завадовскаго, кн. Чарторыйскаго. Принесши благодарность присутствующимъ на торжествѣ открытія митрополиту, губернатору, гр. Потоцкому, Ржевусскому, предводителямъ дворянства, обывателямъ и Кіевскому магистрату, Чацкій дѣлаетъ особенное обращеніе къ представителямъ Кіевской академіи и вновь открываемой гимназіи о необходимости прекратить взаимную ненависть разныхъ вѣроисповѣданій и подать руку братской любви для возвышенія науки, ея роста и расширенія; онъ заклиналъ директора и учителей уважать славу и несчастія угасшаго отечества однихъ (поляковъ), почитая отечество другихъ (русскихъ), воздвигать и украшать

алтарь согласія и единодушія". (Рѣчь помѣщена въ Biesiadzie Krzemienieckiey 1861 г. 86—95).

Вся рѣчь пересыпана намеками на угнетеніе Польши, на ея преслѣдованіе, на захваты, страдаетъ сильнымъ самовосхваленіемъ и возбужденіемъ польскаго патріотизма. Снядецкій, какъ сейчасъ увидимъ, находимъ многое въ ней неумѣстнымъ, обиднымъ для русскихъ, несвоевременнымъ и, какъ начальникъ университетскаго округа, ожидалъ отъ министра выговора за дозволеніе произносить ее въ общественномъ собраніи.

„Во всемъ этомъ, говоритъ Владимірскій Будановъ, мы видимъ только глубокую иронію историческихъ судебъ. Еще при жизни своей, Чацкій осужденъ былъ видѣть, какъ средства, собранныя имъ для дѣла польской цивилизаціи, идутъ для цѣли противоположной; на закатѣ дней своихъ, онъ самъ, собственными руками, долженъ былъ передать свое дѣло въ русскія руки, долженъ былъ перенести его черезъ Печерскую лавру и сложить у подножія иконы св. Антонія и Өеодосія. Едва-ли найдется болѣе трагическій моментъ самозакланія въ жизни другого общественнаго дѣятеля. Какія надежды оставались еще въ душѣ его, сказать не умѣемъ", заключаетъ Владимірскій Будановъ. (Исторія университета св. Владиміра I,45). Одна надежда, прибавимъ отъ себя, еще оставалась для Чацкаго: это возстановленіе силами Россіи польскаго королевства, для котораго онъ такъ много поработалъ теперь въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ; тамъ его оцѣнятъ, тамъ ему воздадутъ должное.

Но поляки оставались вѣрны своему характеру. Увлеченные славою Наполеона, они, презирая предложенія русскаго Государя, несли на алтарь Наполеону всѣ свои силы, все свое достояніе.

По всей Польшѣ въ честь Наполеона и Франціи распространены были цѣлыя молитвы, составленныя въ Галиціи. „Отче нашъ, Наполеонъ, французскій императоръ, читалась одна молитва, иже еси въ Парижѣ; да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской такъ и въ нашей Галиційской землѣ; правленіе польское даждь намъ днесь, а ты, Францъ

(императоръ австрійскій), остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ недостойнымъ чиновникамъ твоимъ; не веди насъ отъ скораго искушенія, но избави насъ отъ лукаваго нѣмецкаго, дьявольскаго народа".

„Радуйся, Франція благодатная (вторая молитва), Наполеонъ съ тобою; благословенна ты въ народахъ и благословенъ плодъ чрева твоего—Наполеонъ, спаситель польскаго народа".

„Вѣруемъ въ Наполеона, (Символъ вѣры), французскаго императора, сильнаго избавителя польскаго народа и въ фамилію его, иже зачатъ отъ Духа Свята и рожденъ отъ блаженнѣйшей жены. Былъ бы умерщвленъ интригами англійскаго и другихъ сопротивныхъ народовъ и умеръ бы въ сердцахъ непріязненныхъ и недоброжелательныхъ; но вступивъ въ Пруссію, потомъ въ Варшаву, тамъ побѣдилъ сперва нѣмцевъ, а послѣ пруссаковъ и... (точки въ подлинникѣ) избавилъ поляковъ. Потомъ вошелъ въ Испанію и тамъ сидитъ на престолѣ. Оттуда пріидетъ черезъ Вѣну въ Краковъ судить оставшихся въ живыхъ нѣмцевъ за ихъ беззаконія. Вѣруемъ въ Духа Святого, иже озарилъ Наполеона великимъ умомъ. Соборная церковь да будетъ между всѣми благомыслящими поляками, дабы они никому противляющемуся не прощали. Тако будемъ имѣть на землѣ нашей животъ мирный, безопасный и вѣчный. Аминь". (Русская Старина 1902 г. іюль 28).

Очевидно, какъ сильно поляки увлекались Наполеономъ а онъ продолжалъ манить ихъ громкими обѣщаніями и повелъ на борьбу съ Россіею. Въ 1812 году Наполеонъ палъ и былъ прогнанъ изъ Россіи. А какъ же посмотрятъ теперь русскіе люди на вредъ, причиненный имъ поляками как они отнесутся къ мысли императора о созданіи польскаго королевства?... „Хочу говорить съ вами совершенно откровенно, писалъ императоръ Александръ I кн. Чарторыйскому (13 января 1813 года). Для того, чтобы провести въ Польшу мои любимыя идеи (о возстановленіи королевства) мнѣ придется побѣдить нѣкоторыя трудности, несмотря на блескъ моего теперешняго положенія... Способъ, которымъ вела себя у насъ

польская армія, грабежи въ Смоленскѣ, и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили старинную ненависть“.

„Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считают себя до сихъ поръ областями русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествемъ иного Государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ .. Пригласите вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства для того, чтобы изгладить впечатлѣніе этой компаніи и тѣмъ облегчить мою работу...“ (Русскій архивъ 1871 г. I, 848—849).

Возстановленіе польскаго королевства отодвигалось. Даже Волынь и Подолія, гдѣ положено такъ много усилій для полонизаціи края, гдѣ согрѣвалось столько польскихъ надеждъ и мечтаній, гдѣ созданъ былъ польскій Парнассъ—и эти области вдругъ, съ высоты престола, объявляются русскими и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отдѣлены отъ Россіи... Послѣ этого не оставалось болѣе поприща для дѣятельности Чацкаго... Онъ умеръ 8 февраля 1813 года.

XIII.

Что сдѣлалъ Чацкій для учебно-воспитательнаго дѣла въ районѣ своего визитаторства? Министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій.

Выше мы видѣли уже отчасти, какъ болѣзненно-горько отзывалась на Снядецкомъ кипучая, но вредная дѣятельность Чацкаго, какъ онъ скорбѣлъ о его постоянныхъ педагогическихъ и административныхъ промахахъ, о его неисправимомъ упорствѣ и неизбѣжно о томъ вредѣ, какой причинялъ онъ въ краѣ народно-учебному дѣлу. Еще въ 1808 году, какъ указано выше, Снядецкій писалъ, между прочимъ, Чацкому: „для края, который такъ обширенъ (юго-западныя губ.) и такъ мало имѣетъ училищъ, лучше основать школу, не особенно блестящую, чѣмъ не имѣть никакой. Обрати, Милостивый Государь, вниманіе на линію, проведенную отъ Мозыря къ Житомиру, оттуда къ Винницѣ, а отъ Винницы до Днѣстра и на этомъ громадномъ пространствѣ ты найдешь всего три школы; отъ этой линіи къ востоку между Днѣпромъ и Днѣстромъ, отъ Бердичева къ Одессѣ ты встрѣтишь двѣ школы (все это районъ визитаторства Чацкаго). Ужели жъ (по справедливости) не осудятъ насъ за то, что, все бросая на Кременецъ, мы оставляемъ въ невѣжествѣ и безъ всякой помощи такой прекрасный и обширный край?"[1]. А въ воздухѣ уже носилось это осужденіе и, усиливаясь все болѣе и болѣе, разрослось, наконецъ, въ цѣлую систему жалобъ, дошедшихъ до слуха Государева. Онѣ вызвали извѣстную уже намъ слѣдственную коммиссію надъ дѣяніями Чацкаго. И дѣйствительно, было за что осуждать его.

Собранныя для гимназіи (Кременецкой) средства были по тому времени очень большія. Ей, какъ мы видѣли уже, Государь пожертвовалъ цѣлое Кременецкое староство, доходы котораго, по замѣчанію Владимирскаго-Буданова, простирались

тогда свыше 9000 р. Сверхъ того правительство ежегодно отпускало на нее 5700 р. и отдѣльно на школу землемѣровъ 3857 руб. Польское общество пожертвовало единовременно 25000 р. и въ видѣ постоянныхъ взносовъ до 30000 руб. Средства эти собраны были однако не безъ ущерба для образованія прочихъ мѣстностей и цѣлыхъ губерній. Такъ, пожертвованія, подписанныя въ цѣломъ краѣ на основаніе кадетскаго корпуса, переведены Чацкимъ въ Кременецкую гимназію; сборъ, сдѣланный землевладѣльцами Кіевской губерніи на Кіевскую гимназію, онъ перевелъ въ Кременецъ; фундушъ, назначенный для Ковельскаго училища, ушелъ туда же. Чацкій устанавливалъ для гимназіи штатъ на каждый годъ. Въ 1807 году онъ исчисляетъ доходы гимназіи такъ: изъ казначейства—5700 р., фундушъ отъ Ковельской школы—2820 р.; отъ конвикта изъ Подольской губ.—900 р.; ежегодные взносы пожертвованій—13064 руб.; доходъ съ Кременецкаго староства—9000 руб; изъ государственнаго казначейства на училище землемѣровъ—3857 р Сверхъ того онъ надѣялся получить: съ Овручскаго опатства 11000 руб.; отъ суммы на кадетскій корпусъ 5000 руб., изъ фундушей губерніи Кіевской—8000 руб.; на конвиктъ бѣдныхъ—3000 руб., а всего—62341 р.

Но въ представленіи министру народнаго просвѣщенія Чацкій исчислялъ эти доходы нѣсколько иначе. Въ немъ онъ хлопоталъ о дарованіи гимназіи какой то суммы въ 200000 р., якобы обѣщанной ему Государемъ на аудіенціи. Чтобы доказать, что гимназія нуждается въ средствахъ, онъ показалъ доходъ съ Кременецкаго староства не въ 9000 р., а только въ 6000 р.; общій доходъ въ гимназіи выводилъ въ 42071 р.

Эти деньги предположено было израсходовать въ 1808 году слѣдующимъ образомъ: на управленіе—3025 р.; на преподаваніе—11948 р.; на помощниковъ и репетиторовъ—1338 р.; на нужды классовъ и костела—3508 р.; на особыя учрежденія—2300 р.; на разные расходы—680 р.; всего 22799 р. Въ 1811 году расходы гимназіи дошли до 33663 р.; особенно увеличились расходы на профессоровъ. При этомъ распредѣленіе жалованья вовсе не сообразовалось съ положенными штатами.

Для увеличенія средствъ гимназіи Чацкій урывалъ въ ея пользу часть училищныхъ суммъ. Въ 1808 г. Чацкій назначилъ на Житомирское училище 2770 р., Луцкое - 2820 р. Владимирское 200 р.; всего 5790 руб. Государственное казначейство отпускало на эти училища 8460 р.; остатокъ уходилъ на Кременецкую гимназію. Въ Подольской губерніи на училища Каменецкое и Винницкое Чацкій назначилъ 7260 р. изъ суммы 11840 р., которая государственнымъ казначействомъ отпускалась на эти училища; разница снова шла на Кременецкую гимназію... (Владимірскій-Будановъ. Исторія университета св. Владиміра I. 41—42 и примѣч.). На такіе своеобразные распорядки и нападаетъ Снядецкій въ письмахъ къ Чацкому.

Еще въ болѣе безпорядочномъ положеніи находилась въ школахъ учебно-воспитательная часть. Учителя, большею частію, отличались посредственными способностями. Вводимые Чацкимъ планы наукъ и ихъ расположеніе далеко не отвѣчали потребностямъ времени. На указанія и предписанія Снядецкаго нѣкоторыя школы, поддерживаемыя Чацкимъ, прямо отвѣчали непослушаніемъ и неисполнительностью. Школы піарскія въ Межирѣчьѣ перестали, по внушенію Чацкаго, обращать вниманіе на распоряженія Виленскаго университета. Снядецкій по этому поводу писалъ кн. Чарторыйскому: „Школа въ Межирѣчьѣ выказала университету открытое неповиновеніе: она не только не приняла предложеннаго ей учебнаго плана, но даже, по возбужденію со стороны Чацкаго, вступила на путь слишкомъ неудачной реформы. Деликатныя со стороны университета представленія въ Межирѣчьѣ вызвали неприличный отвѣтъ. Я долженъ былъ употребить власть, предоставленную ректору по закону, и поручить піарскому провинціалу пригласить общество ксендзовъ къ порядку и къ предписанному уставами долгу, выставивши въ то же время на видъ Чацкому откровенно, по-пріятельски, что онъ сдѣлалъ шагъ нелегальный, который ведетъ къ анархіи и оскорбляетъ университетъ. Изъ письма вашего сіятельства вижу *), что Чацкій посред-

*) Передъ тѣмъ кн. Чарторыйскій написалъ Снядецкому о своей бытности въ Кременцѣ и Межирѣчьѣ, объ осмотрѣ тамошнихъ школъ. Чацкій зналъ объ этомъ, гордился, что князь хвалилъ Кременецъ и думалъ, что онъ одобрилъ порядки въ Межирѣчьѣ, которые завелъ тамъ Чацкій и противъ

ствомъ различныхъ инсинуацій хотѣлъ втянуть ваше сіятельство въ такія дѣла, которыя съ униженіемъ университета, доставляли бы торжество обществу ксендзовъ въ Межирѣчьѣ. Но если эта несчастная и позорная исторія причинила мнѣ много непріятностей, то тѣмъ большее утѣшеніе нашелъ я въ прозорливой деликатности вашего сіятельства, когда, послѣ всѣхъ представленій Чацкаго, вы требуете отъ меня и предлагаете мнѣ не препятствовать введенію въ школахъ тѣхъ трехъ губерній ариѳметики Чеха и геометріи Эвклида. Университетъ, употребивши много усилій къ изданію названныхъ книгъ и предложивши ихъ для однѣхъ школъ, какъ пособіе, для другихъ, какъ учебники, не станетъ, конечно, противодѣйствовать ихъ употребленію, да въ дѣйствительности никогда и не противодѣйствовалъ, хотя эти книги болѣе полезны для студентовъ университета и нѣсколько трудноваты для дѣтей. Прилагаю при семъ всѣ распоряженія университета и самую „Межирѣчскую исторію", чтобы вы сами были судьею предложеній и намѣреній Чацкаго. Онъ желаетъ полнаго невмѣшательства университета въ управленіе школъ трехъ (юго-западныхъ) губерній, порученныхъ его визитѣ. Далѣе Суражское дѣло (о фундушѣ въ Суражѣ, который Чацкій хотѣлъ забрать въ свои руки) обнаружило его проектъ выдѣленія подъ разными предлогами отдѣльнаго фундуша на эти три губерніи, что причинило бы смертельный ударъ прекраснѣйшему намѣренію вашего сіятельства *объединить подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ школы всѣхъ провинцій, говорящихъ однимъ языкомъ и принадлежавшихъ когда то одному государству.*

По всей вѣроятности Чацкій, увидѣвши вредныя послѣдствія своихъ замысловъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени благожелательный для края, измѣнитъ систему своихъ работъ: необходимо однако крайне остерегаться могущихъ проскользнуть ошибокъ. Въ Кременцѣ университетъ почти ни во что

которыхъ возставалъ Снядецкій. Объ этомъ съ свойственною Чацкому гордостью отзывался онъ въ письмѣ къ Снядецкому и даже упрекалъ его за излишнюю придирчивость и неумѣстное вмѣшательство. Но князь Чарторыйскій въ письмѣ къ Снядецкому, воздавая должное энергіи Чацкаго въ Кременцѣ, умолчалъ о порядкахъ школы въ Межирѣчьѣ. Снядецкій и раскрываетъ передъ попечителемъ незаконность дѣйствій Чацкаго и его самомнѣніе.

не вмѣшивается; но онъ не имѣетъ права и не долженъ оставлять другія школы безъ своего надзора и содѣйствія. *Кременецъ поднялся почти на руинѣ и упадкѣ этихъ школъ*; не хочу описывать печальное ихъ положеніе; вы узнаете объ этомъ отъ ревизующаго ихъ Людовика Плятера; не все, быть можетъ, напишетъ онъ въ рапортѣ; но, думаю, что лично передъ вашимъ сіятельствомъ онъ ничего не скроетъ".

„Пріятно мнѣ, что на публичныхъ испытаніяхъ въ Кременцѣ ваше сіятельство нашли неожиданно большіе успѣхи учениковъ. Эти успѣхи доказываютъ только, что ученики хорошо занимались и что преподаваніе велось учителями старательно; но эти успѣхи не доказываютъ, чтобы весь распорядокъ въ учебныхъ планахъ былъ хорошъ. Такихъ же успѣховъ въ тѣхъ же наукахъ можно достигнуть при другомъ совершенно расположеніи классовъ, при чемъ будутъ устранены несообразности, заключающіяся въ планахъ Чацкаго. Воздавая должное усерднымъ трудамъ Чацкаго, университетъ указалъ въ его планахъ несообразности, которыя почти невозможно привести въ исполненіе. Оставляя для Кременца эти планы, университетъ не могъ согласиться на введеніе ихъ въ другія школы". Указавши главнѣйшіе недостатки плановъ въ учебномъ отношеніи, Снядецкій продолжаетъ: „Указанныя несообразности явились бы гораздо въ большихъ размѣрахъ, если бы планы Чацкаго пришлось ввести въ уѣздныя школы. Это и обнаружилось въ Межирѣчьѣ, гдѣ піаровъ ввели въ ненужные расходы, растянули обученіе на девять лѣтъ, самыя науки расположили неудачно и даже вопреки существу дѣла". Сказавши, что учебные планы въ другихъ школахъ, составленные эдукаціонною комиссіею, носятъ на себѣ слѣды опыта, возможнаго совершенства, что лучше ихъ ничего еще не придумали, что противъ нихъ возстаетъ одно легкомысліе, что и Чацкому слѣдовало бы принять ихъ, и тогда Кременецъ будетъ пользоваться заслуженнымъ почетомъ, тѣмъ болѣе, что Чацкій ничего не можетъ возразить противъ плановъ другихъ школъ, развѣ одно то, что эти планы—не его произведеніе, Снядецкій заключаетъ: „пока въ тѣхъ краяхъ не будутъ основаны и не разцвѣтутъ другія гимназіи, пока Чацкаго не заставятъ бережливо обращаться съ фундушами, его учебный планъ можетъ

держаться въ Кременцѣ; но онъ падетъ, лишь только одно изъ названныхъ условій приведено будетъ въ исполненіе". (Studia historyczhe, Balinski. 70—74).

Чацкій, между прочимъ, писалъ Снядецкому (16 августа 1809 года): „Оставивши въ сторонѣ нашу разницу во мнѣніяхъ, хорошо или плохо занимаются обученіемъ въ школахъ въ Межирѣчьѣ, виноватъ ли въ этомъ я, если только есть вина, или школа, прошу увѣдомить меня, писалъ ли къ вамъ (въ университетъ) князь по этому дѣлу, такъ какъ я изъ любви къ правдѣ и наукѣ никакъ не могу отказаться отъ моего плана. Въ Кременецъ поступаютъ ученики изъ другихъ школъ; слѣдовательно ихъ способъ обученія необходимо приблизить къ нашему. Въ моемъ присутствіи князь говорилъ ректору въ Межирѣчьѣ, чтобы обученіе велъ такъ, какъ будто въ школѣ были профессора. Въ такомъ случаѣ одного желаетъ попечитель, другого хотите вы. Прошу потому увѣдомить меня, писалъ ли князь и какъ писалъ, чтобы я могъ исполнить предложеніе университета, верховную власть котораго я признаю надъ собою, но на судъ котораго мнѣ вольно жаловаться, если въ этомъ я вижу крайнюю и настоятельную потребность. Никогда ничего не нашептывалъ я князю; наши недоразумѣнія должны сохраняться втайнѣ; но я не могу быть хладнокровнымъ тамъ, гдѣ нападаютъ на существенныя стороны Волынской гимназіи. Прошу васъ и заклинаю: вѣрьте моему усердію; вашему я вѣрю Не мѣшаюсь въ дѣла пяти вашихъ губерній (еще бы!); относительно этихъ трехъ губерній довѣрьтесь моему свидѣтельству. Прошу ясно обо всемъ написать мнѣ. Буду въ Вильнѣ, когда будетъ тамъ князь. Пріѣду съ Кропинскимъ. Цѣль моего прибытія въ Вильну—составить общую таблицу расходовъ и приходовъ, составить общіе проекты; имѣя довѣріе отъ Волынской комиссіи, я буду въ состояніи окончательно согласиться съ Виленскою (фундушевою) относительно нѣкоторыхъ предметовъ, особенно о временной или вѣчной арендѣ имѣній (фундушевыхъ), о кагальныхъ суммахъ и разныхъ другихъ ненадежныхъ суммахъ. Когда я бывалъ въ Вильнѣ, исчезали всѣ недоразумѣнія; обнимаясь по-пріятельски, при разности нашихъ мнѣній, мы, быть можетъ, согласимся на улучшеніе уѣздныхъ школъ, конвикта, увеличеніе

числа кандидатовъ (на учительскія должности) и вообще относительно всего, что признаемъ необходимымъ. (ibid. 75, 76).

Снядецкій не замедлилъ отвѣтомъ Чацкому, открыто и прямо нападая на его планы школьнаго обученія „Ты говоришь мнѣ, писалъ Снядецкій (1 сентября 1809 г.) о распоряженіяхъ будто бы князя попечителя, которыя направлены къ униженію университета и которыхъ никакъ не могъ ожидать, зная его деликатность и справедливость. Мои ожиданія меня не обманули. Отдавая должное усерднымъ твоимъ трудамъ и стараніямъ, похваляя испытанія и гимназію Кременецкую, князь ни однимъ словомъ не обмолвился о Межирѣчской школѣ. Не стану повторять жалобъ вашихъ на предложеніе университета ввести по школамъ нѣкоторыя перемѣны, съ упреками намъ въ непониманіи якобы установленной нами даже какой то безпорядочности въ преподаваніи физическихъ наукъ". Упомянувши далѣе объ ариѳметикѣ Чеха и геометріи Эвклида, на допущеніе которыхъ въ школы университетъ не давалъ якобы согласія, хотя эти книги съ большимъ стараніемъ и были имъ изданы для употребленія въ школахъ, обличивши эту неправду и указавши значеніе самыхъ книгъ, Снядецкій продолжаетъ: „въ спорахъ, когда ни я васъ (въ послѣднихъ письмахъ Снядецкій часто изъ дружескаго тона уже переходитъ въ оффиціальный), ни вы меня убѣдить не въ состояніи, лучше всего держаться того, что предписываютъ законы и право, а сомнительныя вещи оставлять до дальнѣйшаго разсужденія. Вы мнѣ пишете о провѣренномъ на какомъ то опытѣ вашемъ планѣ. Успѣхи учениковъ на экзаменахъ доказываютъ только старательность учителей и учениковъ, но нисколько не говорятъ за планъ. Школы, веденныя опытными и усердными преподавателями по планамъ эдукаціонной комиссіи, какъ вездѣ это принято, въ болѣе короткое время и съ меньшими усиліями окажутъ, если не большіе, то, по крайней мѣрѣ, одинаковые успѣхи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, прошу побывать у насъ на экзаменахъ въ Вильнѣ или въ другихъ какихъ нибудь школахъ, которыя хорошо обставлены и имѣютъ шесть учителей. Нисколько не хочу умалять достоинство Волынской гимназіи; говорю только, что экзамены не доказываютъ того, на что вы опираетесь и что желали бы еще болѣе расширить. Предоста-

вимъ дѣло дальнѣйшему опыту на томъ по крайней мѣрѣ основаніи, что сохранившееся въ теченіе тридцати лѣтъ (планъ эдукаціонной комиссіи) не сказалось злыми послѣдствіями, а всѣ перемѣны въ такой важной части мѣстнаго управленія должны быть предпринимаемы съ великою осторожностью. Легкомысленныя нововведенія губили и будутъ губить самыя прекрасныя человѣческія институціи. Вы хотите отъ университета того, справедливость чего не призналъ бы даже судъ вашей собственной деликатности и благоразумія. На университетѣ лежитъ строгая отвѣтственность за неисполненіе указовъ и за надлежащій порядокъ порученныхъ ему дѣлъ. Какимъ же образомъ при своей отвѣтственности онъ можетъ отказаться отъ наблюденія, заботъ и управленія школами тѣхъ трехъ губерній? Безъ воли монарха онъ этого и самъ не можетъ сдѣлать, не можетъ приказать и другому сдѣлать тоже." Ibid. 76—78).

Когда Чацкій, несмотря на произнесенное имъ же проклятіе на того (видѣли выше), кто будетъ стремиться къ отдѣленію отъ Вильны, продолжалъ постоянно требовать подтвержденія новыхъ и новыхъ проектовъ для Волыни съ цѣлію дѣйствовать тамъ самостоятельно и выдѣлиться въ особый округъ, Снядецкій раскрылъ ему его худо скрываемыя затѣи въ рѣзкихъ выраженіяхъ. „Никому болѣе меня не можетъ быть непріятною невозможность взаимнаго нашего соглашенія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Обязанностями моего долга я не привыкъ жертвовать ни для какихъ взглядовъ, и въ этомъ главная причина, почему во время оно я рѣшился было не принимать никакихъ должностей. Если это мое рѣшеніе разбилось о сильныя настаиванія милыхъ мнѣ лицъ и друзей, то совѣсть не упрекнетъ меня, что въ такой перемѣнѣ жизни я руководствовался какими нибудь особенными корыстными видами. Свои мысли я привыкъ подтверждать доводами, уясняющими мои убѣжденія, и этимъ я хотѣлъ бы показать всѣмъ, что не руководствуюсь капризомъ, упорствомъ или фантазіей. Знаю, что могу заблуждаться и ошибаться и потому дѣлаемыя мнѣ возраженія стараюсь разбирать съ большимъ вниманіемъ и желаніемъ просвѣтить себя. Общее благо всегда было моимъ божествомъ, и когда вижу угрожающія

ему обстоятельства, хотя бы по своимъ послѣдствіямъ это было очень далеко, я предпочту скорѣе оставить службу, нежели оскорбить собственное чувство долга. Не можете упрекать меня въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ я не раскрылъ передъ вами всей моей души, чтобы заблаговременно не предостерегалъ отъ того, въ чемъ долженъ вамъ противодѣйствовать. Въ одномъ меня не слушали; въ другомъ—худо поняли, хотя всегда я старался говорить ясно и откровенно. Ваши отвѣты были далеки отъ того, что писалъ я и думалъ. Въ этомъ краѣ я являюсь на короткое время невольнымъ пришельцемъ; нельзя осуждать меня за пристрастіе къ провинціи. Считая этотъ недостатокъ вреднымъ для хорошаго администратора и противнымъ благородному обывательскому духу, я во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, мысляхъ и проектахъ исключительно хотѣлъ имѣть въ виду общее благо всего округа и моихъ соотечественниковъ въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ. Быть можетъ я ошибался на пути исполненія моихъ намѣреній; я радъ бы въ этомъ убѣдиться и исправиться; но всѣ жалобы и сердечныя сожалѣнія—это не убѣждающія меня причины; правда онѣ возбуждаютъ во мнѣ болѣзненное чувство, что я кого то оскорбилъ, но онѣ не указываютъ ошибокъ и и не обязываютъ къ исправленію...“ (Ibid. 80, 81).

Когда Снядецкій своими распоряженіями продолжалъ останавливать неумѣстные шаги дѣятельности Чацкаго; когда его проектъ конвикта въ Кременцѣ на пятьдесятъ человѣкъ Снядецкій уменьшилъ до тридцати пяти, оставивши пятнадцать вакансій для Винницкой гимназіи, Чацкій въ порывѣ гнѣва написалъ Снядецкому, что тотъ дружбу хочетъ замѣнить ненавистью. Снядецкій отвѣчалъ между прочимъ (27 марта 1810 г.): „Не знаю, на какомъ основаніи ты предполагаешь во мнѣ какую то къ тебѣ ненависть, которой, по моему характеру, я не въ состояніи уберечь даже для величайшихъ моихъ недруговъ. Ничего худого въ жизни ты мнѣ не сдѣлалъ; напротивъ, я обязанъ даже тебѣ благодарностію за постоянные и всегда милые доводы благороднаго твоего ко мнѣ расположенія. Мы не сходимся во взглядахъ на нѣкоторые предметы и интересы. Дѣйствуя всегда откровенно, я говорилъ то, что подсказывали мнѣ совѣсть и убѣжденія, безъ претен-

зіи, чтобы мой способъ мышленія былъ для кого нибудь правиломъ. Уважаю и почитаю твои намѣренія; но при этомъ я всегда указывалъ причины, почему мнѣ кажутся ошибочными тѣ пути, которые ты для себя намѣтилъ. Время покажетъ, хорошо или дурно судилъ я. Быть можетъ, потомъ убѣдишься что перемѣна во мнѣніи не сдѣлала перемѣны въ сердцѣ..· (ibid. 81--82).

Назначенная надъ дѣяніями Чацкаго слѣдственная комиссія во многомъ оправдала предсказанія Снядецкаго.

Чацкій, однако, и послѣ слѣдствія надъ нимъ продолжалъ упорствовать въ своихъ затѣяхъ и сильно противодѣйствовалъ Снядецкому во всѣхъ почти случаяхъ, когда этотъ требовалъ исполненія своихъ плановъ и предписаній. Такая многолѣтняя борьба домашняя, келейная, на которую съ болью въ сердцѣ жалуется и Снядецкій, причиняла ему много лишнихъ хлопотъ и ставила нерѣдко въ затруднительное положеніе и отвѣтственность передъ новымъ министромъ (послѣ гр. Завадовскаго) гр. Разумовскимъ. Особенно ясно выразилось это въ послѣднемъ довольно рѣзкомъ письмѣ Снядецкаго къ Чацкому отъ 13 марта 1812 года. „Уже нѣсколькими письмами я просилъ тебя, Милостивый Государь, о присылкѣ мнѣ отказа Лернета (учитель Волынской гимназіи; по смерти Чеха, Чацкій представилъ его кандидатомъ въ директоры гимназіи; противъ этого былъ Снядецкій и требовалъ отъ Чацкаго, чтобы онъ лучше посовѣтовалъ Лернету отказаться отъ своей кандидатуры, которая являлась слишкомъ сомнительною; Чацкій почемуто медлилъ; объ этомъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ), съ обѣщаніемъ согласно вашимъ желаніямъ представить кандидатомъ для выбора (на его мѣсто) Сциборскаго (кандидатовъ въ директоры гимназій избиралъ университетъ и ректоръ дѣлалъ министру представленіе объ избранномъ для утвержденія...) Мнѣ было обѣщано (т. е. Чацкимъ), что требуемый отказъ я получу перваго февраля. Однако до сихъ поръ я не только не получилъ ничего подобнаго, но въ послѣднемъ письмѣ ты еще спрашиваешь меня, присылать ли требуемое или нѣтъ. Съ каждою почтою я съ опасеніемъ ожидаю выговоровъ министра, отъ вниманія котораго не ускользаетъ ни малѣйшее уклоненіе (отъ правилъ). Убѣдился

въ этомъ изъ того объявленія, которое онъ приказалъ распубликовать и послать всѣмъ школамъ какъ предостереженіе относительно присваивающихъ себѣ титулъ *профессора* *). По всей вѣроятности, до свѣдѣнія министра дошло расписаніе уроковъ Волынской гимназіи (а въ немъ то противъ того или другого предмета и выставлялось: читаетъ *профессоръ* такой то...), хотя я и принялъ было мѣры потушить это дѣло здѣсь на мѣстѣ, ожидая непріятныхъ послѣдствій, если оно распространится **). Гораздо худшаго ожидаю вслѣдствіе твоей рѣчи, при открытіи Кіевской гимназіи; говоря между нами, по дружески, я не совѣтую тебѣ переводить ее на русскій языкъ. (Рѣчь однако была переведена Анастасевичемъ и помѣщена въ современномъ русскомъ періодическомъ изданіи: *Ул-й* 1812 г., № XVII, стр. 394 - 400). Не слѣдовало напоминать людямъ о томъ, что можетъ быть для нихъ непріятно; но и подобныя напоминанія могутъ быть менѣе оскорбительны, если дѣлаются просто, на основаніи исторіи, безъ заднихъ мыслей, страстныхъ увлеченій. Есть въ этой рѣчи мѣста, которыхъ я не понимаю; есть другія, которыя изложены далеко не по-польски ***). Но, быть можетъ, я плохо вижу и сужу; потому я предложилъ бы тебѣ посовѣтоваться съ людьми искренними и понимающими дѣло. Я даже не высказалъ бы тебѣ этого ошибочнаго (иронія!)

---

*) Насколько помнитъ читатель, Коллонтай съ Чацкимъ особенно напирали на то, чтобы въ Волынской гимназіи всѣ назывались *профессорами*; этимъ думали привлечь къ гимназіи преимущественное вниманіе. Исключеніе допускалось только для преподавателя русскаго языка, которому, какъ въ особенную заслугу, вмѣнялось то, что онъ имѣлъ чинъ коллежскаго регистратора: такой чинъ, разсуждали не безъ ироніи Коллонтай и Чацкій, долженъ будетъ убѣдить русское правительство въ *благонадежности* обладающаго имъ...).

**) Нѣкоторые изъ профессоровъ университета очень не любили высокомѣрія Кременца и каждый разъ, при случаѣ, старались вредить ему. Такъ поступили они и въ данномъ случаѣ, доведши до свѣдѣнія министра о незаконно присвоеныхъ Кременцомъ ученыхъ названіяхъ.

***) Какая разница съ отзывами объ этой же рѣчи кн. Адама Чарторыйскаго—отца и кс. Осинскаго, которые видятъ въ ней явленіе необыкновенное, захватывающее душу своими прелестями (Osinski. O życiu i pismach Th. Czackiego. 67, 168).

моего мнѣнія, если бы не вызывали меня на это твои важныя замѣчанія о іезуитской академіи, о которой указъ здѣсь давно уже циркулируетъ, но о немъ до сихъ поръ не имѣемъ офиціальнаго извѣщенія. Знаю, что даже въ Петербургѣ онъ не былъ объявленъ правительственною властію. Можно догадываться о многихъ тому причинахъ; но достовѣрнаго ничего не извѣстно. Мнѣ представляется прежде всего самымъ главнымъ въ нашей жизни правиломъ не давать на себя бича въ руки суровыхъ, но справедливыхъ критиковъ, и потому изъ печати должно выходить только то, что хорошо обслѣдовано и строго обдумано; только этимъ путемъ можетъ распространиться въ краѣ истинное просвѣщеніе. Умилительна твоя заботливость о подъемѣ въ Кременецкой гимназіи до высокой степени основательнаго и упорядоченнаго обученія, но достигнуть этого не сумѣешь какъ съ тѣмъ научнымъ планомъ, который безъ всякой нужды отстаиваешь такъ упорно, такъ и съ помощію тѣхъ людей, которыхъ я знаю. А въ этомъ дѣлѣ все вѣдь зависитъ отъ плана и отъ людей, особенно отъ этихъ послѣднихъ, которые и ошибочный планъ въ наукѣ сумѣютъ исправить. Планъ наукъ, который введенъ по всему округу, всегда составитъ славу давней эдукаціонной комиссіи, и теперь онъ принятъ самыми просвѣщенными въ Европѣ народами. Планъ Кременецкій (т. е. Чацкаго)—это устарѣвшій планъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ и домашняго обученія. Онъ требуетъ прежде всего обученія дѣтей многимъ языкамъ а потомъ наукамъ. Такой планъ направленъ на погибель отечественнаго (польскаго) языка, такъ какъ изученіе многихъ языковъ служитъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ изученію собственнаго языка и пріобрѣтенія навыка хорошо писать на немъ. Не хорошо, что въ Виленскомъ учебномъ округѣ зарождается раздвоеніе, схизма въ учебныхъ планахъ. Когда въ Петербургѣ, по отъѣздѣ князя (попечителя), хотѣли отмѣнить у насъ (въ Виленскомъ учебномъ округѣ) учебные планы и предписать намъ нѣчто подобное планамъ обученія въ іезуитскихъ школахъ, то указывали прямо на планы Кременецкіе, какъ близкіе къ Полоцкимъ (т. е. іезуитской академіи), гдѣ также въ теченіе шести лѣтъ обучали дѣтей однимъ языкамъ, и потомъ уже предлагали имъ такъ называемые философскіе курсы. Указывали далѣе и на то, что если универси-

тетъ разрѣшилъ ввести въ Кременцѣ особаго рода учебные планы, то почему же не соглашается онъ на тѣ, которыми споконъ вѣка руководствовались іезуиты. Бывшіе отъ университета делегаты въ Кременцѣ убѣдились, что если тамъ не будетъ учреждена по крайней мѣрѣ хорошая уѣздная школа, которая основательно подготовляла бы юношество для курсовъ физико-математическихъ наукъ, то Кременецкая гимназія никогда не будетъ порядочнымъ заведеніемъ. Прошу простить мнѣ эти уклоненія. Не имѣя охоты тратить время на пустыя писанія, я не упомянулъ бы даже о всемъ сказанномъ. Но разъ мы желаемъ избѣгнуть ударовъ непріятеля и даже осилить ихъ, намъ прежде всего необходимо единеніе. А если хотимъ дѣйствительной пользы для соотечественниковъ и края, мы непремѣнно должны отказаться отъ суетности. Вильна, Минскъ, Бѣлостокъ и т. под. меня интересуютъ не менѣе Кременца: все это земля моихъ соотечественниковъ. Сорокъ лѣтъ проведши въ педагогическихъ занятіяхъ, я кромѣ того хорошо присмотрѣлся къ наукамъ и общественному просвѣщенію у первѣйшихъ народовъ Европы. Думалъ и продолжаю задумываться надъ тѣмъ, чему учился, что видѣлъ и испыталъ. Такое знаніе дѣла даетъ мнѣ право, а официальное положеніе обязываетъ даже совѣтовать и предлагать. Не столько заботясь о томъ, что обо мнѣ скажутъ (все это косвенные намеки Чацкому на его суетное направленіе), сколько о томъ чтобы быть чистымъ предъ своею совѣстію, не преслѣдуя никакихъ особенныхъ видовъ или заднихъ мыслей, я могу и долженъ говорить откровенно. Я не обладаю способностію льстить, да не вижу въ этомъ и надобности. Я очень хорошо знаю несчастіе моей отчизны, равно какъ и тѣ источники, изъ которыхъ они произошли; въ числѣ послѣднихъ можно считать и то, что мы всегда сами себя хвалили, сами себя удивлялись". (Pamiętniki o Sniadeckim, Balinski. II, 457—459).

Для характеристики воспитательныхъ пріемовъ, введенныхъ Чацкимъ въ школахъ, можно указать слѣдующее. Просимъ читателя припомнить, что установленными въ 1804 году университетомъ правилами для устройства училищъ (правила приведены выше) разрѣшалось въ учебныхъ заведеніяхъ имѣть свой самосудъ. Судьями избирались ученики извѣстнымъ порядкомъ и въ извѣстномъ количествѣ. Во Владимір-

скомъ училищѣ это постановленіе осуществлено такъ: „По указу Его Императорскаго Величества Виленскаго университета, Владимірское уѣздное училище, избравши судей и цензоровъ, постановляетъ для соблюденія порядка въ судахъ слѣдующія правила: 1., Во время открытія суда должна быть соблюдаема тишина по уваженію къ портрету Его Императорскаго Величества и зерцалу. 2., Чтобы суды не препятствовали ученію, они должны быть отправляемы въ праздничные и высокоторжественные дни, отъ 2—4 час. пополудни. 3., Адвокаты сторонъ не должны требовать въ рѣчахъ одинъ другого; они должны говорить только прямо относящееся къ дѣлу, выраженному въ повѣсткѣ. 4., каждый адвокатъ до начала засѣданія долженъ предъявить довѣренность на бумагѣ за училищною печатью. 5., Вызовы къ суду будутъ принимаемы для записи въ актовую книгу только по вторникамъ и четвергамъ; но подавать позывы можно каждый день... 7., обязанность регента (секретаря), которому въ помощь дается архиваріусъ состоитъ въ слѣдующемъ: содержать въ порядкѣ книги и бумаги суда, выдавать экстракты и получать пошлины за печать по нижеопредѣленной таксѣ... 10., Низшихъ должностныхъ лицъ, какъ то: писаря, регента, архиваріуса, инстигатора, вознаго и т. д. избираютъ судьи въ полномъ собраніи посредствомъ закрытой баллотировки. 11., Канцелярскія пошлины установляются слѣдующія: суцепта 3 гр.; оплата довѣренности—5 гр.; индукта—2 гр.; экстрактъ рѣшенія—3 гр.; экстрактъ довѣренности 2 гр.; пошлина отъ вызова—6 гр.; первый заочный приговоръ—6 гр.; второй заочный приговоръ 1 зл.; листъ гербовой бумаги—3 гр.; печатное—3 гр.; возному—3 гр... 13., Касса суда подъ училищной печатью находится подъ охраненіемъ регента; ежемѣсячная ревизія ея производится въ присутствіи префекта. 14., Если кто изъ должностныхъ лицъ окажется нерадивымъ въ исполненіи должности, или пристрастнымъ, то, послѣ двукратнаго вызова къ своему суду и повторенія неисправности, о немъ представляется визитатору“, (Владимірскій-Будановъ. Исторія универс. св. Владиміра—I, 33).

Самое избраніе судей общимъ собраніемъ Владимірскаго училища было произведено такъ: 28 января было объявлено ученикамъ о времени выборовъ, которое назначалось на 2 фе-

враля. Въ этотъ день ректоръ школы (ксендзъ) произнесъ приличную рѣчь, а затѣмъ прочиталъ списокъ кандидатовъ, намѣченныхъ „профессорами"-надзирателями. Въ назначенное время засѣданіе открыто; выборы произведены. Затѣмъ потребовалъ голоса ученикъ 5-го класса Рачинскій, одинъ изъ нововыбранныхъ судей. Въ рѣчи своей онъ доказывалъ, что избраніе произведено противозаконно; ибо законъ запрещаетъ двумъ братьямъ засѣдать въ одной коллегіи (какъ это именно случилось тогда). Послѣ долгихъ преній, предложенъ былъ вопросъ для голосованія: „отмѣнить ли избраніе, или ждать визитатора? „За отмѣну оказалось 86 голосовъ, за удержаніе 16. Въ силу этого состоялось дополнительное избраніе. Затѣмъ попросилъ слова ученикъ 5-го же класса Сарнѣвичъ. Отъ имени юношества онъ выразилъ благодарность правительству за дарованную свободу въ образованіи, подъ покровительствомъ благополучно царствующаго Государя. Въ заключеніе всѣ отправились въ костелъ, гдѣ принесено было благодареніе Богу, при звонѣ во всѣ колокола и пѣніи Te Deum...

Нечего разъяснять всю не педагогичность подобныхъ воспитательныхъ пріемовъ, говоритъ Владимірскій-Будановъ; но слѣдуетъ помнить, что подобныя собранія, выборы и рѣчи входили въ воспитательные планы и польской эдукаціонной комиссіи. Теперь все это получало только новый смыслъ: въ школахъ пріучать молодежь къ прежнимъ порядкамъ польской государственной жизни, исчезнувшимъ изъ практики... (Исторія универс. св. Владиміра. I, 34).

Воспитательному строю въ заведеніяхъ очень много вредило и странное распредѣленіе учащихся въ одномъ и томъ же классѣ различныхъ возрастовъ. Во Владимірской школѣ, напр., въ первомъ классѣ рядомъ сидѣли двое семилѣтнихъ, нѣсколько восьмилѣтнихъ и двое восемнадцатилѣтнихъ. Въ 5-мъ классѣ многіе были за двадцать лѣтъ и одинъ—28. Въ Барскомъ училищѣ было 23 ученика отъ 20—25 лѣтъ и 16 отъ 25—30 лѣтъ. Въ Винницкомъ числилось 27 учениковъ свыше двадцати лѣтъ. Между тѣмъ въ этихъ же училищахъ было: въ Барскомъ 149 учениковъ отъ 6—10 и въ Винницкомъ того же возраста 126 учениковъ. Такое сотоварищество

вредило и воспитанію и образованію. (Владимірскій-Будановъ, ibid. 31. Сборн. матеріаловъ... I, 689).

За то Чацкій увѣренный, что онъ долженъ жить и дѣйствовать только для Польши, всегда носился съ мыслію о развитіи въ молодежи польскаго политическаго самосознанія и думалъ воспитать ее такъ, чтобы она служила полною надеждою и опорою будущаго польскаго королевства. „Постоянно имѣя въ виду высокое намѣреніе возсозданія Польши посредствомъ просвѣщенія, говоритъ Кременецая Бесѣда, онъ въ этомъ отношеніи, для достиженія цѣли, не упускалъ самомалѣйшей вещи". (Biesiada Krzemieniecka 1859 г. Paryz. 83). И вотъ, прежде всего въ своей учебной дѣятельности онъ задался мыслію, если не совершенно изгнать, то возможно принизить въ училищахъ положеніе русскаго языка и его преподавателей. Этому какъ бы содѣйствовали даже наши училищныя законоположенія, поставляя русскій языкъ въ числѣ предметовъ второстепенныхъ, наравнѣ съ иностранными языками.

Въ училищѣ Владимірскомъ съ 1800 года состоялъ учителемъ нѣкто Грибовскій, назначенный еще приказомъ общественнаго призрѣнія. Въ 1807 году ксендзъ-начальникъ этого училища доносилъ Чацкому, что Грибовскій въ этомъ году ревностно исполнялъ свои обязанности, но ученики неохотно посѣщаютъ его лекціи; причина того вамъ (т. е. Чацкому) хорошо извѣстна". Для насъ же, замѣчаетъ Владимірскій-Будановъ, составляетъ загадку, если „учитель хорошо исполняетъ свои обязанности" *). Въ 1809 году Грибовскій принужденъ былъ подать въ отставку. Начальство школы обрадовалось этому случаю и дѣло устроило такимъ образомъ: поручило преподаваніе русскаго языка одному изъ надзирателей-учениковъ и изъ казеннаго жалованья 200 р. назначило ему только 50 р., такъ какъ учитель изъ учениковъ-надзира-

---

*) Она не уясняется, а затѣмняется прошеніемъ учениковъ высшихъ классовъ, поданнымъ Чацкому. Въ немъ ученики обвиняютъ русскаго учителя въ томъ, что онъ не знаетъ польскаго языка и отъ того будто бы они не могутъ у него научиться русскому, и просятъ замѣнить другимъ учителемъ.

телей могъ довольствоваться и этими деньгами, имѣя готовый столъ отъ родителей порученныхъ его надзору учениковъ; остальные 150 р. обращались на усиленіе преподаванія французскаго языка. Въ Луцкой школѣ учитель Зеновичъ далъ въ 1804 году такую подписку (сверхъ прямыхъ обязанностей): „принимаю на себѣ обязательство учить безплатно въ продолженіе одного года россійскому языку съ такимъ же стараніемъ и пунктуальностію, какъ если бы я получалъ жалованье. Жалованье же за эти уроки (200 р.) жертвую на пополненіе библіотеки Луцкой школы“.

Но нельзя было вѣчно распоряжаться подобнымъ образомъ казенными, штатными суммами и доставлять бѣдныхъ учителей, кромѣ труда, жертвовать еще и своими матеріальными средствами. Да и кто пойдетъ работать при подобныхъ условіяхъ? Въ слѣдующемъ (1805 г.) году пришлось назначить особаго учителя русскаго языка. Но за то, какого учителя, замѣчаетъ Владимірскій-Будановъ! То былъ нѣкто Винтертовичъ, именовавшій себя польскимъ шляхтичемъ, служившимъ прежде въ Нейшлотской таможенной заставѣ унтеръ-цоллнеромъ. По-польски, вѣроятно, онъ не разумѣлъ, потому что многочисленныя жалобы Чацкому писалъ на нѣмецкомъ языкѣ и лишь одну на русскомъ. Въ этой послѣдней онъ показалъ, что и русскій языкъ, который онъ призванъ преподавать, знакомъ ему не болѣе польскаго. Въ своей жалобѣ (приводимой Владимірскимъ-Будановымъ) онъ, между прочимъ, пишетъ такъ: „я уже нѣсколько лѣтъ продолжительно отъ жестокости злой судьбины до самой крайности угнетенъ, и тѣмъ конечно удержалъ былъ себя въ высшихъ частяхъ изящныхъ наукъ усовершенствовать“ и т. п. Очевидно, это былъ нѣмецъ, солдатъ, крайне бѣдный, совершенно невѣжественный, и при этомъ грубіянъ и драчунъ. Въ самомъ уже началѣ своего преподаванія, „онъ дергалъ учениковъ за волосы, въ лицо и голову ударялъ“; затѣмъ, поставивъ наказуемаго на колѣни на порогѣ, и ударяя его по головѣ, спрашивалъ поочередно прочихъ учениковъ, довольно ли они. Болѣе смѣлыхъ, которые отзывались, что они недовольны, учитель билъ въ грудь и голову. „Такого педагога“ нашли нужнымъ перевести въ Немировъ, и смотритель донесъ Чац-

кому, что переведенному онъ далъ на дорогу искреннее благословеніе и просилъ впредь избавить школу отъ подобныхъ людей... (Исторія университа св. Владиміра. I, 29—30).

Такою уродливою постановкою обученія въ школахъ русскому языку Чацкій достигалъ нѣскольскихъ цѣлей. Школьники, при всемъ своемъ желаніи знать русскій языкъ, совершенно ему не научались и могли получать даже къ нему отвращеніе. Съ другой стороны русскіе люди Россіи должны были рисоваться въ представленіи учащихся чѣмъ то страшно дикимъ, если о нихъ дѣти судили по наличности преподавателей, представителей якобы русской народности; тѣмъ выше представлялась шляхетская культура, польская народность. Но, при этомъ нельзя не замѣтить, какая великая безтактность и непедагогичность царила въ головѣ Чацкаго, если такими безнравственными путями онъ старался достигнуть желаемаго!

И въ тоже время, какъ мы видѣли, въ школахъ онъ далъ широкое распространеніе ученическому самосуду, устроялъ клубы и литературно-общественные кружки. Чацкій старался, чтобы школьники въ публичныхъ засѣданіяхъ выступали съ рѣчами политическаго характера, чтобы они устрояли примѣрныя сраженія, какъ бить москалей. Душа его радовалась подобному направленію учащагося юношества, и въ 1809 году онъ приглашалъ даже стараго князя Чарторыйскаго полюбоваться на эту „надежу-молодежь". (Ср. Погодинъ. Виленскій учебный округъ, XIX).

Враждебныя Россіи старанія Чацкаго не замедлили обнаружиться на дѣлѣ. Въ 1809 году въ № 60 „Литовскаго Курьера" было напечатано извѣстіе (изъ Варшавы), что польское войско предположено увеличить до 100000 человѣкъ и что князь Понятовскій будетъ вице-королемъ Польши. По полученіи этого номера газеты, „въ Житомірѣ замѣтно было необыкновенное движеніе на улицахъ, и шинки наполнены были гораздо болѣе обыкновеннаго: тамъ пили и провозглашали тосты за „круля Понятовскаго". Этихъ извѣстій, по свидѣтельству современниковъ, было уже достаточно, чтобы „поврежденные умы совершенно совратить". Директоръ Кременецкой гимназіи отправился за границу, всѣ воспитанники гимназіи, которые по возрасту могли носить оружіе, уходили

туда же партіями человѣкъ по двадцати и поступали въ польское войско. „Воображеніе ихъ было воспламенено до такой степени, что они въ классахъ ходили въ усахъ, а тѣ, которые имѣть еще не могли, рисовали себѣ усы углемъ. Коль скоро виды возмущенія открылись въ Галиціи, Чацкій въ нѣсколько дней построилъ манежъ, крытый соломою, и всѣ ученики извѣстнаго возраста выходили изъ него, лишь для того, чтобы оттуда итти прямо на поле славы (въ ряды войскъ Наполеона противъ Австріи)". Всѣ поляки, продолжаетъ тоже донесеніе (Столыпина кн. Куракину), считаютъ Кременецъ ядромъ патріотовъ, и тамъ учениковъ до 600 человѣкъ... „Изъ частныхъ лицъ особенною дѣятельностію отличались Ө. Чацкій и Ходкевичъ, употреблявшіе всѣ средства для воспламененія умовъ на Волыни и вербовавшіе шляхту для пополненія Галиційскихъ войскъ. Всякому, желающему поступить въ войска для дѣйствій противъ Австріи, обѣщано полное обмундированіе и по 10 червонцевъ наруки. Чацкій хитростію ума своего и по ввѣренной управленію его гимназіи (Кременецкой) существенно опаснѣе всѣхъ: онъ не только временное зло Россіи дѣлаетъ, но каждый день, такъ сказать, образуетъ новыхъ ей враговъ. (Русская Старина 1902 г. іюль. 13, 14, 15).

Эти свѣдѣнія внесены были въ комитетъ министровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ всѣ учебныя заведенія въ западномъ краѣ предлагалъ ввѣрить надзору гражданскихъ губернаторовъ или опредѣлить кураторовъ изъ русскихъ, которые имѣли бы тамъ постоянное свое пребываніе. При обсужденіи этого доклада въ комитетѣ, нѣкоторые изъ его членовъ находили необходимымъ Чацкаго, какъ человѣка, навлекшаго на себя подозрѣніе, и прежде сего замѣченнаго уже въ неблаговидныхъ поступкахъ, отозвать для присутствія въ главномъ училищъ правленіи на то время, пока не перемѣнятся обстоятельства. „Такая мѣра, сказано въ журналѣ комитета министровъ 18-го августа 1809 года, не можетъ быть для него обидна, хотя бы открылось, что подозрѣніе на него было несправедливо, ибо въ такомъ случаѣ послужитъ она къ собственному его обезпеченію, и равнымъ образомъ вызвать сюда подъ какимъ либо предлогомъ какъ гр. Ходкевича, такъ и генерала Княжевича". Министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что

„поелику подозрѣніе на сихъ людей основывается на одной только молвѣ, по которой въ заключеніяхъ утверждаться не можно, то нѣтъ никакой надобности въ сей мѣрѣ, особливо же противъ Чацкаго, какъ человѣка полезнаго (для кого и для чего только!..) и что онъ почитаетъ мѣры кротости и ласки въ настоящемъ положеніи гораздо пристойнѣйшими и дѣйствительнѣйшими“.

... Въ засѣданіи комитета 29 сентября статсъ секретарь Молчановъ объявилъ, что „Его Императорское Величество, признавая согласно съ мнѣніемъ комитета помѣщиковъ Волынской губерніи Чацкаго, гр. Ходкевича и генерала Княжевича подозрительными, не изволитъ однако находить по настоящимъ обстоятельствамъ за нужное употребить предполагаемую комитетомъ въ разсужденіи ихъ мѣру“. (Русская Старина 1902 г. Іюль. 15, 16). Чацкому оставлялось право и дальше дѣйствовать также преступно и совершенно безнаказанно.

Слѣдственная комиссія 1810 года (о ней уже сказано) надъ его дѣяніями также сочла нужнымъ оставить Чацкаго въ покоѣ, а князь Чарторыйскій осмѣлился даже по этому поводу просить Государя „упрочить превосходное учрежденіе (Кременецкую гимназію), которое составитъ эпоху въ области, въ коей оно возникло, и вознаградить человѣка (Чацкаго) добродѣтельнаго, напрасно оклеветаннаго и заслуживающаго со стороны Вашего Величества покровительства и поощренія“. Какъ *актъ справедливой и публичной благодарности, какъ средство исправить причиненное ему зло*, кн. Чарторыйскій указывалъ Государю въ высшей степени благовременную, по его мнѣнію, но очень ужъ странную мѣру назначить Чацкаго попечителемъ округа и заплатить за него казенными русскими деньгами различные долги и понесенные имъ убытки. (Русскій архивъ 1871 г. Мартъ и апрѣль. 787, 790, 791).

Чацкій не оставался въ долгу передъ кн. Чарторыйскимъ. Въ 1809 г. онъ писалъ ему: „наша отчизна всегда громко заявляла о дѣяніяхъ, за которые обязана роду вашего сіятельства. Дѣды твои старались водворить лучшее управленіе въ краѣ, обезображенномъ анархіей. Отецъ вашего сіятельства въ рыцарской школѣ завелъ обывательскую добродѣтель и науку.

Въ эдукаціонной комиссіи онъ былъ дѣятельнымъ членомъ, а вся жизнь его—общественная и частная—является собраніемъ примѣровъ для соотечественниковъ. Вашему сіятельству предназначено было—когда въ вашей рукѣ вы держали судьбы Европы—выработать основанія общественнаго просвѣщенія, сдѣлать нашъ округъ самымъ доблестнымъ въ Россіи и передать позднѣйшимъ поколѣніямъ плоды трудовъ любителей края и наукъ. Я счастливъ, что будучи призванъ къ работѣ въ этомъ округѣ, могу высказать какъ по собственному убѣжденію, такъ и по убѣжденію этихъ (письмо изъ Кременца) провинцій: „князь! ты благодѣтель нашихъ дѣтей и нашихъ внуковъ".

Въ другомъ письмѣ (въ 1810 г.) къ князю Чацкій высказывается откровеннѣе. „Съ истиннымъ утѣшеніемъ я получилъ письмо отъ Бернацкаго изъ Линкэнинга (Бернацкій въ Швеціи собиралъ для Чарторыйскаго различные манускрипты и объ одной изъ такихъ находокъ извѣстилъ Чацкаго). Поздравляю родину, что въ Пулавахъ будутъ собраны такія сокровища. Онъ много сдѣлалъ открытій; для края оказалъ важную услугу. Настало время объединить матеріалы, чтобы дать возможность писать исторію. Думаю, что я имѣю право отгадать мысль вашего сіятельства и ожидать дальнѣйшихъ вашихъ приказаній".

„Съ 3 марта начинаетъ свою дѣятельность Кременецкая типографія *). Въ этомъ году постановилъ свою бумажную фабрику. Эта типографія должна имѣть особенныя задачи: *печатаніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи Польши*; Мостовскаго типографія работала изъ за прибыли и печатала при томъ извѣстныя уже сочиненія. Пулавы и Порицкъ имѣютъ почти всѣ (книжныя) богатства; необходимо только соединить ихъ такъ, чтобы копіи и извлеченія (изъ документовъ)

---

*) Чацкій постоянно жаловался на типографію Виленскаго университета и другія типографіи, что печатныя книги-учебники онѣ выпускаютъ съ неимовѣрными ошибками, что, въ крайности, онъ всѣ книги долженъ выписывать изъ Кракова и потому для успѣха учебнаго дѣла ему необходима собственная типографія. Послѣдняя была разрѣшена, но цѣли у Чацкаго оказались иныя...

Пулавскихъ сокровищъ были у меня, а копіи и извлеченія изъ Порицка были въ Пулавахъ. А тогда по порядку будемъ печатать извлеченія съ указаніемъ мѣстонахожденія оригинала. Кое-что есть и у Оссолинскаго; но, вѣроятно, онъ не удѣлитъ намъ ни копій, ни извлеченій, а равно не воспользуется и тѣмъ, что перешлемъ ему мы. Будемъ довольствоваться нашими собраніями. Быть можетъ и Францъ Сапѣга согласится на пересмотръ его архива. Кременецкая типографія не будетъ гоняться за доходностію, но она выполнитъ наши задачи..." Пересылая въ Пулавы мечъ, остатокъ послѣ сраженія при Грюнвальдѣ (въ 1414 году, когда славяне и литовцы нанесли рѣшительное пораженіе нѣмцамъ), Чацкій писалъ: „истекаетъ четыреста лѣтъ, какъ предки вашего сіятельства стояли на равнинахъ подъ Грюнвальдомъ и совершенно поразили владѣльцевъ земли прусской. Гордый магистръ (тевтонскаго ордена) передъ битвою прислалъ (*въ нашъ лагерь*) мечи, желая надругаться надъ врагами. Добрый Ягайло и мужественный Витовтъ (спокойно) приняли это орудіе, знакъ скорѣе суетности, нежели смерти. Они (мечи) пережили судьбы нашего народа. Я имѣлъ ихъ, съ дозволенія Императора Франциска. Одинъ изъ нихъ передаю въ руки вашего сіятельства. Погибло отечество... и никто *еще* не имѣетъ права на эту собственность. Пускай охраняетъ ее достойный потомокъ. Благоволите, князь, этотъ дорогой памятникъ помѣстить въ Пулавской святынѣ; вѣдь это костелъ доблестей, а за тѣмъ и надеждъ..." (Biesiada Krzemieniecka 1861 r. Paryż. 83, 84).

Таковы были старанія Чацкаго до конца его жизни, таковы его помышленія и надежды. Для Россіи онъ не сдѣлалъ ничего; ничего не сдѣлалъ и для того края, въ которомъ былъ визитаторомъ. Онъ разорилъ, убилъ старые порядки, старыя училища, не создавши новыхъ. Онъ постоянно думалъ о новой землѣ, о новомъ отечествѣ и для этой иллюзіи жертвовалъ всѣмъ—собою, своимъ состояніемъ, чужими средствами, всею учащею и учащеюся молодежью... Однѣ затѣи смѣнялись другими; одни проекты, не успѣвъ осуществиться, уже должны были уступать мѣсто другимъ. Въ этомъ вѣчно вращающемся калейдоскопѣ Кременецъ замѣтнѣе какъ будто начиналъ обрисовываться среди увеличивающихся кругомъ развалинъ; но

словамъ Снядецкаго, онъ поднимался на руинѣ и упадкѣ всѣхъ школъ юго-западнаго края; но и Кременецъ представлялъ собою еще очень много хаотическаго, неопредѣленнаго. Направленіе въ гимназіи было далеко не учебнаго характера; успѣхи учащихся слабы; учебные планы Чацкаго sui generis не отвѣчали научнымъ требованіямъ и снисходительно были терпимы...

Получивши извѣстіе о кончинѣ Чацкаго, Снядецкій писалъ: „Ко многимъ страданіямъ и напастямъ нашимъ присоединился новый роковой ударъ для науки и мѣстнаго юношества. Теперь князю попечителю вдвойнѣ придется посвятить свои силы для блага соотечественниковъ. Въ немъ одномъ вся надежда на спасеніе университета и Кременецкой гимназіи, а также школъ юго-западныхъ губерній. Потеря Чацкаго, будучи особенно тяжелою лично для меня, есть въ тоже время общественное бѣдствіе...“ Оправившись отъ первыхъ впечатлѣній, по случаю смерти Чацкаго, и нѣсколько успокоившись, Снядецкій въ слѣдующемъ 1814 году писалъ, между прочимъ, директору Винницкой гимназіи: „Прекрасно и похвально, что помѣщики дѣлаютъ пожертвованія (на школы). Прошу ихъ увѣрить въ искреннихъ стремленіяхъ университета поднять школы и просвѣщеніе въ Подольской губерніи. *Изъ-за школъ этой губерніи я шесть лѣтъ упорно боролся съ Чацкимъ и уже думалъ исключить ихъ изъ предѣловъ его визитаторства.* Но теперь, когда этотъ достойный человѣкъ (de mortuis aut bene, aut nihil) умеръ, необходимо съ почтеніемъ относиться къ его памяти и праху. Было бы неблагороднымъ со стороны дворянства теперь, послѣ смерти Чацкаго, валить на него горы и презирать его память, тогда какъ, пока жилъ Чацкій, это же дворянство закрывало глаза на все и дозволяло дѣлать, что только было угодно. Прежде всего онъ хотѣлъ устроить Кременецъ, а потомъ уже заняться Винницею. Случилось иначе, такъ какъ дѣла онъ велъ черезъ силу и не по-хозяйски. Прошу васъ *отклонить замыслы обывателей отъ возбужденій вопросовъ о прошломъ* (по поводу дѣяній Чацкаго) и направить ихъ мысли къ хорошему устройству Винницы и Каменца теперь и въ будущемъ. Пускай имѣютъ терпѣніе и довѣріе къ университету, а все постепенно будетъ исправлено и разрастется на прежнихъ основаніяхъ“. (Pamiętniki o Śniadeckim. I, 723—724).

Таковъ посмертный приговоръ надъ дѣятельностію Чацкаго одного изъ самыхъ серьезныхъ и искреннихъ его друзей. Всплывали наружу всѣ недочеты, громадныя упущенія; они настоятельно теперь требовали пополненія, немедленнаго исправленія. Въ этой вредной для Россіи дѣятельности Чацкаго немалую долю отвѣтственности долженъ нести министръ народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій.

И Чацкій и кн. Чарторыйскій, какъ поляки, до фанатизма преданные своей угасшей отчизнѣ и ненавидѣвшіе Россію, рѣшительно не имѣли основанія что нибудь дѣлать въ нашу пользу, а тѣмъ болѣе готовить намъ достойныхъ и вѣрныхъ сограждапъ. Призракъ Польши носился за ними повсюду, и они употребляли всѣ мѣры, чтобы облечь его костьми и плотію. И требовать отъ нихъ другого было невозможно. Но для насъ рѣшительно непонятно, какъ могъ *благоговѣть* передъ такою работою русскій министръ народнаго просвѣщенія въ русскомъ государствѣ, какъ могъ онъ называть черное бѣлымъ и вредное—полезнымъ.

Существуетъ довольно противорѣчивая и разнообразная, оцѣнка дѣятельности гр. П. В. Завадовскаго. „Время управленія министерствомъ Завадовскаго, говоритъ Сухомлиновъ, останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“. (Матеріалы. I, 17.) „При Завадовскомъ, по словамъ Богдановича, благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части болѣе въ восемъ лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе“. (Богдановичъ—I, 140.). „Это нѣсколько преувеличено, замѣчаетъ Пыпинъ по поводу мнѣнія Богдановича, но со временъ Петра дѣйствительно не было сдѣлано столько для образованія, сколько въ эти годы. Съ Завадовскимъ работали, продолжаетъ Пыпинъ, искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія изъ высшей аристократіи и немногочисленнаго тогда ученаго сословія, люди, какъ Муравьевъ, Новосильцевъ, Строгановъ, Северинъ, Потоцкій, Румовскій, Озерецковскій, Фуссъ; здѣсь же много трудился извѣстный энтузіастъ Каразинъ, и работа была тѣмъ спорѣе, что атмосфера этого времени была исполнена великодушнымъ стремленіемъ къ общему благу, что эти люди могли свободно

высказывать свои мысли и искать практическаго ихъ осуществленія, не опасаясь воплей невѣжества и мракобѣсія. Любовь къ просвѣщенію, которая лежала въ основѣ начинаній этого почтеннаго кружка людей и благосклонность правительства къ этимъ планамъ, благосклонность, которая, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи русскаго образованія, принесла свои результаты...“ (Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Пыпинъ. 105, 106).

Но въ свое время раздавались голоса далеко не въ пользу дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и особенно главы его графа П. В. Завадовскаго. Строгановъ отъ 28 октября 1804 года писалъ Новосильцеву: „Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавая міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой; а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ въ шесть дней и, несмотря на это, отдыхаетъ въ седьмой. Цѣлый мѣсяцъ не было у насъ засѣданія въ правленіи училищъ. Онъ (гр. Завадовскій) положительно дѣлаетъ препятствія, потому что мнѣ стоило величайшаго труда получить деньги, чтобы устроить коллегію мануфактуръ для публичныхъ собраній. Онъ дѣлаетъ мнѣ затрудненіе и въ томъ, чтобы дать вознагражденіе академіи наукъ, но я, наконецъ, надѣюсь добиться всего этого. (Вѣстникъ Европы 1870 г...). Въ 1803 году Императоръ Александръ I писалъ Лагарпу (отъ 7 іюня): „Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма уменьшились бы, если бы вамъ извѣстна была организація его министерства. Онъ не имѣетъ никакого значенія (il est nul.). Всѣмъ управляетъ совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцева и др.; нѣтъ бумаги, которая не была бы обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими. Частыя сношенія мои, въ особенности съ двумя послѣдними, мѣшаютъ министру ставить какія либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его уступчивымъ до нельзя: это настоящая овца. Словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ. (Сборникъ историческаго общества. V, 39).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ оцѣнкѣ дѣятельности гр. Завадовскаго въ министерствѣ просвѣщенія для великорусскихъ губерній, не можемъ не сказать, что относительно Виленскаго округа участіе гр. Завадовскаго въ распространеніи здѣсь просвѣщенія было далеко не ничтожно; можемъ только пожалѣть, что оно постоянно шло въ видахъ кн. Чарторыйскаго и особенно согласно желаніямъ Чацкаго.

По словамъ кн. Чарторыйскаго, гр. Завадовскій былъ человѣкъ „хорошихъ качествъ, немного неуклюжій въ обращеніи, но справедливый и доброжелательный. Его умъ такъ же, какъ и его фигура, были не поворотливы. Онъ съ трудомъ постигалъ мысль и не могъ уловить всѣхъ ея тонкостей; но онъ старался показать, что онъ умѣетъ понимать и цѣнить всѣ новыя идеи и хотѣлъ, чтобы его не смѣшивали съ тѣми отсталыми людьми, которые ничего новаго не хотятъ знать и ничего не забываютъ. Это впрочемъ не мѣшало тому, что онъ сохранялъ чрезвычайно строго самыя характерныя черты русскаго администратора: *слѣпое послушаніе и глубокое подобострастіе ко всему, что исходило изъ высшихъ сферъ*. Онъ любилъ восторгаться классическими писателями и говорить затверженные на память отрывки. По странному случаю, онъ воспитывался въ польскихъ іезуитскихъ школахъ (въ Кіевской академіи) и научился тамъ латинскому языку. Онъ не забылъ польскаго языка, щеголялъ имъ и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, котораго многіе стихи зналъ наизусть. Все это особенно располагало его къ Польшѣ и полякамъ; даже за его обѣдами угощали гостей непремѣнно польскими кушаньями. Между тѣмъ, какъ другіе попечители часто встрѣчали затрудненіе со стороны министра, не всегда соглашавшагося съ ихъ представленіями о новыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, я никогда не имѣлъ повода на него жаловаться, и онъ постоянно оказывалъ мнѣ совершенное довѣріе. Мнѣ стоило только обратиться къ нему съ какимъ нибудь предложеніемъ и онъ всегда съ величайшею готовностію и доброжелательствомъ меня поддерживалъ“. (Memoires... I. 329, 330). Чацкій въ своей перепискѣ съ друзьями неоднократно заявляетъ, какъ мы видѣли, что министръ (гр. Завадовскій) чрезвычайно къ нему расположенъ

и дѣлаетъ все по его желанію. Вотъ это „доброжелательство“ и „расположенность“ и были главною причиною активнаго участія гр. Завадовскаго въ полонизаторской дѣятельности въ Виленскомъ округѣ.

Такой дѣятельности содѣйствовало еще и то обстоятельство, что въ русскомъ обществѣ тогдашняго времени царили смутныя идеи гуманизма, общечеловѣчности и приходилось искать съ огнемъ среди бѣла дня сознательно-русскаго человѣка, дорожащаго своею національностію, своимъ языкомъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву (въ 1793 г.) Карамзинъ, между прочимъ, говоритъ: „Ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю мою душу... Назови меня Донъ-Кихотомъ, но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, *какъ я люблю человѣчество...*“ Сожалѣнія о русской народной старинѣ Карамзину представляются „жалкими іеремiадами или шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышленіи“. „Мы не таковы, продолжаетъ онъ, какъ брадатые предки наши—тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи. Для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. *Все народное—ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо *я человѣкъ*“. (Общественное движеніе... Пыпина. 199, 200).

Обстоятельства измѣнили у Карамзина эту точку зрѣнія. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ (до 1812 г.), она была очень сильна въ литературѣ и въ высшихъ сферахъ русскаго общества. И когда у насъ на всѣ лады стремились къ чему то общечеловѣческому, Чацкій, Чарторыйскій, Коллонтай и другіе преслѣдовали исключительно свои національные интересы, принося въ жертву имъ все человѣческое, и особенно русское. Надъ Чарторыйскимъ на Вѣнскомъ конгрессѣ даже подсмѣивались европейскіе дипломаты, замѣчая, что для него весь міръ заключенъ только въ Польшѣ. Но и эти дѣятели свои планы маскировали постоянными возгласами о благѣ всего человѣчества, о благѣ народномъ.

Графу Завадовскому, какъ *русскому* министру, повидимому, нельзя было не понять тактики нашихъ враговъ и пѣть съ ними въ унисонъ, помогая имъ готовить намъ враговъ и недруговъ. И тѣмъ не менѣе гр. Завадовскій въ какомъ то ослѣпленіи считалъ своею обязанностію постоянно защищать Чацкаго, благоговѣть передъ его фразерствомъ, находить его дѣятельность полезною, подозрѣнія ничѣмъ недоказанными и своими письмами воодушевлять къ большимъ и большимъ беззаконіямъ. Результаты оказались для насъ очень плачевны. .

Чацкій сдѣлалъ свое дѣло. Онъ возбудилъ польское самосознаніе и далъ сильный толчекъ польскому движенію противъ Россіи. На съѣздѣ въ Луцкѣ, говоритъ Кременецкая Бесѣда (въ 1803 г.), на этомъ торжественномъ соборѣ духовенства (р.-католическаго; съѣздъ собралъ Чацкій для возбужденія духовенства къ пожертвованіямъ на школы: такова была офиціальная сторона дѣла), Чацкій громко и смѣло оповѣстилъ программу (нашего) спасенія (польскаго) и при томъ такъ громко и такъ смѣло, какъ никто до него и послѣ него не умѣлъ и не смѣлъ бы этого сдѣлать въ угнетенной Польшѣ, въ виду подозрительнаго правительства".

Чувствуете опасное положеніе, напоминалъ Чацкій собравшемуся въ Луцкѣ духовенству! Вамъ извѣстно, какія бури разразились даже надъ св. столицей!—Сами готовьте средства спасенія! Костелъ болѣе всего поднимался во времена гоненій. Не одна молитва составляетъ вашу обязанность; объединяйтесь съ народомъ посредствомъ благодѣтельности просвѣщенія. Войдите въ его нужды, недостатки, желанія; ваша обязанность утверждать въ немъ святость религіи (эти слова будутъ совершенно понятны, если читатель припомнитъ то мѣсто „отчета" Чацкаго, гдѣ онъ говоритъ о возсоединеніяхъ съ православною церковію). Въ помощь вѣрѣ призовите всѣ науки. Учитесь, чтобы учить. Воспитаніе начинается и оканчивается въ нѣдрахъ семьи; а духъ семьи въ рукахъ вашихъ. Однообразіе воспитанія сохранитъ однообразіе духовнаго настроенія, и это сдѣлается достояніемъ поколѣній. Никакія потомъ преграды не остановятъ того, что разъ разовьется. Поспѣшайте потому добровольно, для собственнаго блага, пользоваться настроеніемъ Александра, чтобы не пришлось потомъ работать по прину-

жденію, а можетъ и со вредомъ. Просите не опеки, а свободы. Пускай (религіозные) ордена оставятъ свое благочестивое ничегонедѣланіе. Пусть не боятся житейскихъ интересовъ, которые связывали бы ихъ съ народомъ. Пусть они будутъ для него образцомъ, наукою, поддержкою, утѣшеніемъ. По евангелію, милосердіе выше всякой жертвы. А милосердіе просвѣщенія—самое важное. Размножайте школы; въ нихъ пусть дѣти научаются любви къ Богу, домашнимъ добродѣтелямъ и преданіямъ отцовъ. Такъ поступая, вы не будете бояться никакого прозелитизма". Эти слова, по замѣчанію Кремецкой Бесѣды, въ сущности были очень смѣлы...

„Не заговоръ, не бунтъ возбуждали его (Чацкаго) гражданское мужество; здѣсь говорила не печаль сердца, а надежда ума. Противъ заговоровъ и бунтовъ Россія имѣла армію и полицію... Нѣтъ! цѣлью пропаганды Чацкаго было то, чего не могутъ коснуться, одолѣть и уничтожить ни штыки, ни полчища баталіоновъ и никакіе (политическіе) союзы: это самобытность народнаго духа, непобѣдимая, непорочная, вѣчная. Esto perpetua! и Польша не сгинела!" (Biesiada Krzemieniecka 1858 г. 22, 23).

Чацкій создалъ цѣлую школу, которая подъ знаменемъ Кременца, продолжала думать объ одбудованіи отчизны. Въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Парижѣ образовалось особое общество изъ воспитанниковъ Кременецкой гимназіи и лицея, которые, въ память Чацкаго, издавали даже ежегодники Biesiada Krzemieniecka—и посвящали ему свои засѣданія. На этихъ засѣданіяхъ вспоминалось многое изъ прошлаго Кременца, говорились зажигательныя рѣчи и составлялись разные памфлеты по адресу Россіи. Бесѣда нерѣдко пробавлялась даже чистыми побасенками, въ родѣ того, что въ Харьковскомъ университетѣ (временъ попечительства Северина Потоцкаго) профессорами были отставные офицеры, которые еле умѣли читать. На такой же степени просвѣщенія стояла и Кіевская духовная академія и т. под... (Biesiada Krzemieniecka. Paryz. 1861 г. 79).

Изъ всего этого сказанія видно только, что противъ Россіи и Чацкій, и его школа сѣяли одну вражду и ненависть.

XIV.

Состояніе Виленскаго учебнаго округа при вступленіи Снядецкаго въ должность ректора.

При вступленіи Снядецкаго въ должность ректора университета, Виленскій учебный округъ требовалъ отъ своего новаго начальника большого вниманія и заботливости. Виленскій университетъ, послѣ новаго его преобразованія въ 1803 году, значительно поднялся какъ по составу своихъ преподавательскихъ силъ, такъ и по матеріальной обстановкѣ. Университетская библіотека въ одномъ 1806 году пріобрѣла книгъ болѣе, нежели на 400 рублей. „Не меньше того сдѣлано ей приращеніе присылкою въ подарокъ разныхъ сочиненій какъ отъ частныхъ людей, такъ и отъ ученыхъ обществъ". Между послѣдними почетное мѣсто занимала Петербургская академія наукъ. Физическій кабинетъ приведенъ въ лучшее прежняго состояніе. Онъ занялъ исправное теперь помѣщеніе; при комнатахъ, въ которыхъ установлены инструменты и разныя пособія, находился залъ—аудиторія для чтенія лекцій по физикѣ. Въ ботаническомъ университетскомъ саду устроены оранжереи, квартира для садовника и прислуги. Здѣсь же помѣщенъ кабинетъ естественно-историческій; значительно увеличены коллекціи минералогическія и ботаническія. Клиническія занятія студентовъ расширены практикою ихъ въ госпиталѣ св. Іакова. Хирургическіе инструменты умножены новою покупкою ихъ за границею на 1000 руб. (Сборн. матеріаловъ. III, 654—668).

При всемъ томъ состояніе университета было далеко не вполнѣ удовлетворительно. Въ университетѣ многія кафедры (девять) оставались незанятыми, и въ данную пору не видѣлось возможности замѣстить ихъ. Не была устроена собственная клиника. Анатомическій театръ, за недостаткомъ выгоднаго помѣщенія, былъ крайне стѣсненъ. Ученыя и учебныя пособія и библіотека, несмотря на значительныя недавнія пріобрѣтенія, требовали еще многихъ и многихъ затратъ для достиженія надлежащей полноты. Нельзя при этомъ незамѣтить, что

среди самаго академическаго корпуса замѣтно становилось дѣленіе на партіи, взаимныя пререканія и мелкія интриги; все это должно было невыгодно отражаться на ученой дѣятельности университета, и новому ректору приходилось считаться со всѣми подобными явленіями.

Еще большаго вниманія требовали къ себѣ гимназіи и уѣздныя училища округа какъ свѣтскія, такъ и состоявшія подъ управленіемъ римско-католическаго духовенства.

Визитаторы училищъ своими распоряженіями на мѣстѣ и обстоятельными донесеніями университету много помогали улучшенію училищъ во всѣхъ отношеніяхъ; но предстояло сдѣлать гораздо больше. Прежде всего чувствовался большой недостатокъ въ учителяхъ. Изъ учительской семинаріи при университетѣ выпускъ ожидался еще черезъ два года; а наличный составъ часто не отвѣчалъ своему высокому назначенію ни по умственнымъ, ни по нравственнымъ качествамъ *).

Недостойныхъ, конечно, удаляли, но освободившіяся вакансіи замѣщались случайными кандидатами. Нѣкоторые изъ учителей оставляли свои должности вслѣдствіе болѣзни или преклоннаго возраста. Ряды ихъ рѣдѣли, но замѣстителей не видѣлось. Особенно замѣчался недостатокъ, по „Отчету“ попечителя, въ хорошихъ учителяхъ россійскаго языка для всѣхъ училищъ округа. Были и такія училища (въ Бердичевѣ напр.), которыя округъ находилъ необходимымъ временно закрыть, „по неспособности учителей“. (ibid. 676).

По Виленской, Гродненской и Минской губерніямъ, визитаторъ, похваляя нѣкоторыхъ учителей Бобруйскихъ школъ, находилъ вообще необходимымъ снабженіе училищъ „по крайней мѣрѣ нужнѣйшими геометрическими орудіями и глобусами“, замѣтилъ въ духовныхъ училищахъ (т. е. содержимыхъ орденами) неискусство въ преподаваніи древнихъ языковъ и высказалъ мысль, что для исправленія сего недостатка слѣдуетъ нанимать изъ фундуша эдукаціоннаго природныхъ ино-

---

*) Подробныя указанія на недостатки учителей съ поименованіемъ многихъ находится въ отчетѣ попечителя за 1806 годъ. (См. сбор. матер. III. 672—675).

странцевъ (для обученія соотвѣтствующему языку), также снабдить оныя училища способными учителями рисованія. Въ Евангелическомъ Слуцкомъ училищѣ призналъ нужнымъ имѣть католическаго священника для изъясненія правилъ вѣры ученикамъ того исповѣданія. Вообще же предписалъ училищамъ держаться новаго устава (Высочайше утвержденнаго „Предначертанія устроенія училищъ... 1804 года. Помѣщено выше) и не сбивать памяти учениковъ изученіемъ разныхъ грамматикъ" (Сборн. матер. Ш. 672). Въ самомъ городѣ Вильнѣ училища найдены визитаторомъ въ удовлетворительномъ состояніи. „Устроеніе училищныхъ домовъ, по „Отчету" попечителя, составляло въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской немаловажный предметъ заботъ университетскаго правленія, коему препоручено было стараться, чтобы по сношенію съ мѣстными епископами употреблять въ пособіе для сего матеріалъ изъ обветшавшихъ и пришедшихъ въ запустѣніе церквей. Такимъ изворотомъ построено жилье для учителей и залы для лекцій въ Мозырѣ; въ Бобруйскѣ предполагалось устроить подъ училище каменный домъ изъ развалинъ костела" (Сборн. матер. III. 676, 677).

Къ 1807 году Гродненская губернія обогатилась своею гимназіею. Въ 1904 году визитатору поручено было изслѣдовать на мѣстѣ, въ какомъ пунктѣ Гродненской губерніи было бы выгоднѣе для нея открыть гимназію: въ Гроднѣ, Новогрудкѣ, Брестѣ или Слонимѣ. Ему же съ этою цѣлію поручено было осмотрѣть и мѣстечко Свислочь (Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда), родовое имѣніе гр. Тышкевича. По донесенію визитатора, мѣстечко Свислочь оказывалось самымъ пригоднымъ пунктомъ для основанія гимназіи, по слѣд. соображеніямъ: изъ восьми уѣздныхъ городовъ Гродненской губерніи, только Новогрудокъ, Слонимъ и Брестъ могли называться этимъ именемъ; всѣ остальные уѣздные города носили только ихъ названіе, а въ дѣйствительности не заключали въ себѣ ни порядочныхъ помѣщеній, ни достаточнаго количества жителей, за исключеніемъ, главнымъ образомъ, еврейства. Изъ городовъ, предназначавшихся къ помѣщенію въ нихъ гимназіи, Гродна лежитъ на краю губерніи, въ отдаленіи отъ лѣсовъ, очень дорога по жизненнымъ продуктамъ, и потому, для не-

богатыхъ учениковъ почти не возможна для проживанія въ ней, почему и численность ихъ въ Гроднѣ всегда была очень не высока (меньше ста человѣкъ). Новогрудокъ, на гористой возвышенности, безъ живой воды, долженъ считаться не особенно здоровымъ пунктомъ, гдѣ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ донесенія визитаторовъ, всегда почти самое большее количество заболѣвающихъ учениковъ. Учрежденіе гимназіи въ Слонимѣ потребовало бы большихъ матеріальныхъ затратъ на возведеніе различныхъ необходимыхъ школьныхъ домовъ и служебныхъ пристроекъ. Притомъ въ семи верстахъ находилась Жировицкая школа (на правахъ гимназіи), очень хорошо содержимая базиліанами; при такомъ сосѣдствѣ, гимназія въ Слонимѣ оказывалась излишнею, или, по меньшей мѣрѣ, неумѣстною. Брестъ, наконецъ, находящійся на границѣ, представлялся еще менѣе пригоднымъ пунктомъ для гимназіи. Свислочь, такимъ образомъ, являлась истинною находкою для учрежденія въ ней гимназіи. Центральное положеніе Свислочи среди уѣздовъ Брестскаго, Кобринскаго, Пружанскаго, Волковыскаго, Слонимскаго и Гродненскаго, значительно облегчало доступъ къ образованію для юношества названныхъ уѣздовъ. Сосѣдство большихъ лѣсовъ, дешевизна жизненныхъ продуктовъ давали возможность и бѣдной шляхтѣ содержать своихъ дѣтей въ Свислочи. Кромѣ того Свислочь, какъ владѣльческое имѣніе, свободна была отъ сосредоточенія здѣсь войска, отъ земской юрисдикціи и другихъ, тому подобныхъ обстоятельствъ, большею частію вредно отзывающихся на занятіяхъ учениковъ. Владѣлецъ имѣнія, гр. Тышкевичъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ мысли университета открыть въ Свислочи гимназію. Онъ немедленно заявилъ готовность пожертвовать въ выгодномъ мѣстѣ всѣ необходимыя для гимназіи постройки, на свой счетъ вѣчно содержать ихъ въ исправности и пожертвовать тысячу червонныхъ золотыхъ на необходимыя приспособленія школьныхъ построекъ. Одно условіе ставилъ гр. Тышкевичъ: это полное освобожденіе Свислочи отъ военныхъ постоевъ и, въ случаѣ закрытія гимназіи, обратный возвратъ всѣхъ бывшихъ гимназическихъ зданій въ собственность владѣльца. Всѣ названныя условія были приняты и начались приготовительныя работы къ открытію гимназіи. (Сборн. матер. II. 828, 1015—1019).

Отчетъ попечителя округа за 1806 годъ свидѣтельствуетъ, „что домъ Гродненской гимназіи въ Свислочи совсѣмъ отдѣланъ иждивеніемъ гр. Тышкевича и гимназія выгодно въ немъ помѣщена...“ Онъ же подарилъ для гимназіи значительное собраніе книгъ. (Сборн. матер. III. 677).

Помѣщеніе Минской гимназіи значительно расширилось къ этому времени вслѣдствіе уступки со стороны Минскаго православнаго архіепископа Іова (Потемкина) въ пользу гимназіи строеній бывшаго базиліанскаго женскаго монастыря. (Сбор. матер. II. 946, 957).

Но были обстоятельства, которыя не только неблагопріятно вліяли на развитіе учебнаго дѣла, но и совершенно его останавливали. Въ Ковнѣ часть школьныхъ зданій занята была подъ помѣщеніе таможни. Въ Слуцкѣ пожаръ совершенно истребилъ училищныя помѣщенія. Былъ уже составленъ проектъ о перенесеніи и помѣщеніи Слуцкаго училища въ Несвижъ, но и тамъ случившійся пожаръ, истребившій училищныя зданія, не далъ возможности привести задуманный планъ въ исполненіе. Сгорѣлъ домъ въ Барѣ, гдѣ училище было одно изъ многочисленнѣйшихъ въ округѣ. Въ Кіевѣ требовалось помѣщеніе для гимназіи и двухъ уѣздныхъ училищъ.

Не менѣе пожаровъ производила разстройство въ учебномъ дѣлѣ надвигавшаяся съ запада страшная военная туча Въ Вилкомирѣ было закрыто училище съ 1805 года, вслѣдствіе занятія его помѣщеній подъ военные склады и квартиры. Постоянные переходы войскъ и помѣщеніе воинскихъ лазаретовъ заставили совершенно закрыть училища въ Лидѣ, Любешовѣ, Кременцѣ (часть) и другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе тѣхъ же замѣшательствъ не могъ быть доставленъ университету отчетъ за 1806 годъ о приходскихъ школахъ, пансіонахъ и конвиктахъ по Гродненской губерніи (Сборн. матер. III. 651, 675, 677),

Особенно въ печальномъ положеніи находились училища въ юго-западномъ краѣ и въ Бѣлоруссіи (Могил. и Витеб. губ.) Состояніе школъ юго-западнаго края достаточно обрисовано въ предыдущихъ главахъ. О Бѣлорусскихъ училищахъ

будетъ сказано въ особомъ отдѣлѣ настоящаго историческаго очерка.

Но если свѣтскія школы находились въ полной зависимости отъ университета, то орденскія двоились какъ бы въ этой зависимости, получая распоряженія и отъ университета, и отъ своего епископа или провинціала ордена. Епископъ или провинціалъ всегда могли парализовать распоряженія университета въ школахъ при монастыряхъ. Мы видѣли уже, какъ базиліане всѣ свои школы и даже самый орденъ хотѣли подчинить полной власти университета, чтобы только избавиться отъ ненавистнаго для нихъ вліянія митрополита. Но заявленіе послѣдняго имѣло рѣшающее значеніе, и базиліане должны были оставаться statu quo, въ зависимости отъ него. Орденскія латинскія школы въ этомъ отношеніи раздѣлились: однѣ готовы были итти по указаніямъ университета, другія вступили съ нимъ въ борьбу за право независимости. Къ послѣднимъ принадлежали главнымъ образомъ школы іезуитскаго ордена.

Чтобы успѣшнее достигнуть своихъ цѣлей, чтобы, по выраженію біографа Снядецкаго, Балинскаго, вездѣ обученіе приготовляло истинныхъ „соотечественниковъ" т. е. поляковъ-rodakow (Pamiętniki. I. 525), Снядецкій письменно обратился къ епископамъ, прося ихъ повліять на монастыри своимъ пастырскимъ внушеніемъ, убѣдить ихъ, что содержаніе ими школъ въ высшей степени для нихъ спасительно, цѣлесообразнымъ расходованіемъ ими богатыхъ фундушей они принесутъ пользу краю и упрочатъ будущее положеніе школъ. Не слѣдуетъ потому легкомысленно относиться къ принятымъ ими на себя обязанностямъ, обманывать начальство, родителей и общество только видимыми блестками и разрушать надежды, которыя возлагаетъ на нихъ край *). Тогда же начальствующимъ монастырей, гдѣ были школы, онъ

---

*) Минскому епископу Дедеркѣ Снядецкій писалъ 23 января 1808 года: первѣйшею обязанностію моей и намѣреніемъ будетъ поднять просвѣщеніе по провинціямъ и привести его въ состояніе цвѣтущее и дѣйствительно полезное для края, чтобы воспользоваться ко благу милостями Монарха и чтобы наши соотечественники не были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Въ школахъ академическихъ (свѣтскихъ) я легко могу осуществить

предписалъ условія, которыя для нихъ становились обязательными и на основаніи которыхъ слѣдовало немедленно устранить слабыхъ и нерадивыхъ преподавателей, замѣстить ихъ другими, болѣе свободными отъ занятій монастырскими службами и непремѣнно снабдить всѣ школы необходимыми книгами, учебными пособіями, различными приборами, и инструментами; въ дальнѣйшемъ въ школахъ долженъ былъ строго соблюдаться предписанный порядокъ. Черезъ училищныхъ визитаторовъ Снядецкій объявилъ орденскимъ начальствамъ, что, въ случаѣ замѣченнаго упорства въ неисправности монастырскихъ школъ и въ уклоненіи ихъ отъ сдѣланныхъ предписаній, онъ найдется вынужденнымъ закрывать подобныя училища, переводитъ ихъ въ другія мѣста, а это очень вредно можно отозваться для орденовъ во мнѣніи правительства и общества, выставляя ихъ, какъ учрежденія совершенно безполезныя для края (Pamiętniki .. ibid.).

Особенно много заботъ и непріятностей доставили Снядецкому іезуиты, не хотѣвшіе признать свою зависимость отъ университета. Подробности этой интересной борьбы Снядецкаго съ іезуитами будутъ изложены въ особомъ отдѣлѣ настоящаго историческаго очерка.

свое намѣреніе, очищая съ одной стороны учебныя корпораціи отъ людей неспособныхъ и плохо ведущихъ свое дѣло, съ другой—вводя строгую дисциплину и назначая испытанныхъ и отборныхъ учителей. Но въ школахъ орденскихъ я не могъ бы этого достигнуть безъ содѣйствія орденскаго начальства. Прекрасно и похвально занятіе монастырскихъ обществъ общественною услугою въ обученіи мѣстнаго юношества; но такая жертва до той поры не будетъ имѣть истинной заслуги и для края не принесетъ надлежащей пользы, пока въ монастыряхъ общественное просвѣщеніе не будетъ поставлено на той высотѣ, какая предназначена для него управленіемъ края и эдукаціонною властію. Прежній способъ просвѣщенія не соотвѣтствуетъ теперь потребностямъ края, а новѣйшее воспитаніе требуетъ и людей, спеціально къ тому подготовленныхъ; этого, именно и недостаетъ орденамъ. Присылаемые ими въ университетъ кандидаты остаются въ забытьи, безъ надлежащаго осмотра относительно того, что необходимо для жизненныхъ выгодъ и занятій науками, почему, сравнительно съ другими студентами университета, они и не могутъ достигнуть одинаковыхъ съ ними пользъ. Если на будущее время оставить дѣло въ такомъ положеніи, то просвѣщеніе по школамъ (монастырскимъ), вмѣсто подъема, должно падать и умаляться съ невознаградимымъ вредомъ для цѣлаго края...“ Pamiętniki. I. 526—527.

XV.

Присоединеніе къ округу Виленскаго университета училищъ Бѣлостокской области и ихъ устройство. Уставъ для приходскихъ училищъ. Главная духовная семинарія. Училищный комитетъ при университетѣ. Назначеніе почетныхъ смотрителей при уѣздныхъ училищахъ; данная имъ инструкція.

Если съ переходомъ школъ, содержимыхъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ іезуитами, изъ подъ вѣдѣнія Виленскаго университета въ подчиненіе и распоряженіе Полоцкой академіи, вліяніе университета съ этой стороны сокращалось, то эта видимая потеря вознаграждалась новымъ пріобрѣтеніемъ. По Тильзитскому договору къ Россіи была присоединена въ 1807 г. Бѣлостокская область, и устройство училищъ въ этой области возложено было на Виленскій университетъ и вызвало его большую заботливость. Уже 27 сентября 1807 года кн. Чарторыйскій указывалъ министру народнаго просвѣщенія на печальную будущность Бѣлостокскаго училища, если ему не будутъ отпущены на содержаніе тѣ же средства, какими оно пользовалось отъ прусскаго правительства; безъ этого „сіе училище могло бы лишиться своего существованія...“ Хотя, прибавлялъ кн. Чарторыйскій, „со стороны правительства и не сдѣлано еще объ оной области распоряженія, но слѣдуетъ заключить, что сіе училище (а равно и другія училища области) должно принадлежать къ Виленскому округу...“ 19 февраля 1808 года Чарторыйскій снова писалъ министру, что училище остается безъ всякаго содержанія и чрезъ то можетъ совершенно разрушиться. „Пока сдѣлано будетъ, продолжаетъ князь, распоряженіе о помянутой (Бѣлостокской) области, дабы подать сему училищу какое либо пособіе, я поставилъ долгомъ просить ваше сіятельство отнестись къ посланному туда сенатору Тейльсу не оставить безъ вниманія своего сіе полезное учебное заведеніе и употребить посредство свое, дабы оно получило принадлежащій ему фундушъ или училищную сумму

при прусскомъ правительствѣ на содержаніе онаго учрежденную, что, конечно, подкрѣпитъ сіе училище, особливо, при чрезвычайной нынѣ тамъ дороговизнѣ, въ содержаніи себя весьма терпящее нужду". (Матеріалы... III. 919, 920).

Въ тоже время и къ ректору Виленскаго университета стали поступать разныя заявленія отъ училищъ Бѣлостокской области. Прямо отъ себя писалъ Снядецкій министру народнаго просвѣщенія (27 октября 1808 г.), что „Бѣлостокская гимназія и училище тамошней области донынѣ состоятъ безъ надлежащаго надзора и призрѣнія. Неоднократно получалъ я отъ нихъ представленія и просьбы, чтобы заняться ихъ состояніемъ и дать пособіе въ ихъ надобностяхъ. Отвѣтомъ моимъ было то только, что я войти въ то не могу, доколѣ не удостоюсь явственнаго на то вашего повелѣнія. При всемъ томъ, трогаясь чувствительнѣйшими ихъ жалобами, что, уже пять мѣсяцевъ не получая жалованья, тамошніе учители лишаются всѣхъ средствъ къ содержанію себя и снабженію необходимыми въ жизни надобностями, пріемлю смѣлость донести вашему сіятельству о таковомъ горестномъ Бѣлостокскихъ учителей состояніи, зная, что вашему сіятельству довольно только узнать о скорби и недостаткахъ трудящихся на поприщѣ народнаго образованія, чтобы подать имъ руку помощи и осѣнить своимъ покровительствомъ..."

Но несмотря на эти рѣчи, изъ Петербурга упорно давали одинъ отвѣтъ: „обождать, доколѣ сенаторъ Тейльсъ не представитъ о сей странѣ донесеній". (Сборн. матер. III. 919. 921, 922, 925).

Въ концѣ декабря 1808 года явилось наконецъ давно ожидаемое въ министерствѣ донесеніе сенатора Тейльса, очень обстоятельное, подробное, касающееся всѣхъ сторонъ учебнаго дѣла въ Бѣлостокской области. Первое мѣсто въ ряду училищъ должно принадлежать, по донесенію сенатора Тейльса Бѣлостокской гимназіи. Основанная въ 1777 году б. польскою эдукаціонною комиссіею въ составѣ трехъ классовъ, она съ 1796 года, съ переходомъ подъ власть Пруссіи, преобразуется въ полную гимназію, въ шестиклассномъ составѣ, такъ что учащіеся, если выходили изъ трехъ низшихъ классовъ, то могли

поступать „во всякое состояніе“, если же „посвящали себя званію ученыхъ“, то продолжали обученіе въ трехъ высшихъ классахъ, откуда уже имъ открывались двери въ университеты или академіи *).

Въ м. Дрогичинѣ былъ лицей или институтъ. Это училище было основано еще іезуитами въ XVI в. и, съ закрытіемъ іезуитскаго ордена, передано эдукаціонною комиссіею піарамъ. Дрогичинскій лицей - это было обыкновенное трехклассное училище, (Къ языкамъ въ Дрогичинскомъ лицеѣ прибавлялся греческій, а изъ числа другихъ предметовъ исключалось рисованіе (Сборн. матер. III. 937). По донесенію Тейльса, учениковъ въ Дрогичинскомъ лицеѣ бывало до 600 человѣкъ по той причинѣ, что жители всѣхъ прилегающихъ окрестностей отдавали туда своихъ дѣтей. Помѣщенія училища были весьма обширны и хороши. Были еще училища въ Яновѣ, Кнышинѣ, Соколкѣ, Заблудовѣ, Суховоли, Гоніондзѣ, Брянскѣ и Бѣльскѣ. „Учители при сихъ школахъ бывшіе разошлись, замѣчаетъ Тейльсъ, да и по нынѣшнему (въ 1808 г.) должны быть другіе, кои бы по-польски и по-русски могли обучать“. (Сборн. матер. III. 399, 940).

Всѣ эти училища 25 ноября 1810 г. Высочайше повелѣно было причислить къ округу Виленскаго университета (Сборн. постан. по мин. нар. прос. I. 598). Этимъ самымъ уже на Виленскій университетъ налагалась обязанность привести ихъ въ надлежащій порядокъ.

Сенаторъ Тейльсъ въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія дѣлаетъ описаніе гимназіи и другихъ

---

*) Въ верхнихъ классахъ обучались: 1, латинскому, греческому, нѣмецкому, польскому и французскому языкамъ; 2) общей словесности, штилю и краснорѣчію; 3) общей древней и новѣйшей географіи, съ познаніемъ о народахъ; 4) общей древней и новѣйшей исторіи; 5) высшей математикѣ 6) естественной исторіи; 7) физикѣ; 8) философіи моральной; 9) логикѣ; 10) закону Божію. Въ нижнихъ классахъ обучали: 1) латинскому, нѣмецкому и польскому языкамъ; 2) исторіи отечественной; 3) географіи отечественной; 4) ариѳметикѣ; 5) геометріи; 6) исторіи натуральной; 7) технологіи 8) чистописанію; 9) рисованію; 10) закону Божію, и 11) морали. (Сборн. Матер. III. 937, 933).

училищъ. „Быть можетъ, говоритъ онъ, ваше сiятельство изволите найти въ немъ что либо полезное для употребленiя при образованiи здѣсь верхнихъ и нижнихъ училищъ". Относительно Бѣлостокской гимназiи, Тейльсъ съ большою похвалою отзывается о ея директорѣ Мацiевскомъ и вообще о личномъ педагогическомъ составѣ; благодаря его старанiямъ, умѣнiю вести дѣло, гимназiя стояла на высотѣ своего призванiя. Съ назначенiемъ учителей русскаго и французскаго языка, которыхъ въ гимназiи не было, восполнились бы существующiе въ настоящее время пробѣлы, а самая полнота преподаванiя еще болѣе подняла бы значенiе гимназiи. Дрогичинскiй лицей, по мнѣнiю Тейльса, требовалъ совсѣмъ новаго устройства и присылки новыхъ учителей: „ибо пiары, занимавшiеся нынѣ обученiемъ въ семъ мѣстѣ, не подаютъ надежды къ возвышенiю лицея, по причинѣ ихъ старости и дряхлости". Кромѣ того, отъ занятiй въ лицеѣ ихъ совершенно отвлекали многочисленныя исправленiя духовныхъ требъ. Низшiя училища требовали вновь полнаго устройства (Сборн. матер. III. 928, 931, 932).

Принимая къ свѣдѣнiю замѣчанiя Тейльса, Виленскiй университетъ, предварительно какихъ нибудь распоряженiй по учебной части въ Бѣлостокской области, послалъ въ Бѣлостокъ своего визитатора для ознакомленiя съ дѣломъ на мѣстѣ и доставленiя университету необходимыхъ свѣдѣнiй. Въ результатѣ всѣхъ этихъ работъ явился, вслѣдствiе представленiя университета, Высочайше утвержденный докладъ 25 августа 1811 года „объ устройствѣ училищныхъ заведенiй въ Бѣлостокской области".

„Докладъ" заявляетъ, что въ Бѣлостокской области, равно какъ и во всѣхъ провинцiяхъ, отъ Польши присоединенныхъ находятся эдукацiонные фундуши, опредѣленные на предметъ воспитанiя юношества. Когда Бѣлостокская область присоединена была къ Пруссiи, то прусское правительство не только оставило за эдукацiоннымъ фундушемъ его специальное назначенiе, но старалось еще его увеличить присоединенiемъ къ нему фундушей духовенства, коего церкви остались внѣ прусскихъ границъ, а также присоединенiемъ фундушей тѣхъ монастырей, которые были уничтожены самимъ прус-

скимъ правительствомъ. Распоряженіе этими фундушами было выдѣлено отъ королевской казны и поручено особой, такъ называвшейся, училищной депутаціи, которая завѣдывала всѣми училищами какъ по хозяйственной, такъ и учебной части; сама училищная депутація подчинялась государственному министру. Обязательства, документы и всякія бумаги па эдукаціонную собственность Бѣлостокскаго округа и изъ разныхъ мѣстъ въ Бѣлостокъ собранные, состоя въ вѣдѣніи училищной депутаціи, составляли училищный архивъ Бѣлостокскаго округа. По присоединеніи Бѣлостокской области къ Россіи, училищная депутація упразднилась, а эдукаціонные доходы стали поступать въ вѣдомство Бѣлостокской казенной палаты, которая вела имъ особенный счетъ. Архивъ училищной депутаціи оставался въ Бѣлостокѣ, подъ завѣдываніемъ особаго члена. Что касается учебныхъ заведеній въ области, то теперь (въ 1811 г.), по словамъ „Доклада", находится только въ Бѣлостокѣ гимназія, но и въ оной недостаетъ многихъ учителей. Дрогичинскій лицей совершенно упалъ, имѣя только одного престарѣлаго учителя, преподающаго предметы приходскаго училища; а такъ называвшіяся военно-народныя училища, равнявшіяся приходскимъ училищамъ, давно уже не существуютъ. Изъ донесеній университетскаго визитатора по обозрѣнію училищъ Бѣлостокской области, усмотрѣно, что въ области на первый случай можно и должно устроить гимназію наравнѣ со всѣми губернскими гимназіями Виленскаго округа, а въ послѣдствіи два уѣздныхъ училища.

На этомъ основаніи, для приведенія училищной части Бѣлостокской области въ надлежащее устройство и въ тотъ порядокъ, въ какомъ часть сія находилась вообще въ Виленскомъ учебномъ округѣ, министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія:

1) „Чтобы Бѣлостокскую гимназію учредить на томъ же положеніи, на какомъ состоятъ прочія губернскія гимназіи Виленскаго округа, опредѣливъ съ 1 сентября сего (1811) года на содержаніе оной по пяти тысячъ семисотъ рублей серебромъ въ годъ изъ эдукаціоннаго фундуша".

2) „Училищный фундушъ Бѣлостокской области въ томъ количествѣ, въ какомъ достался Россіи со всѣмъ тѣмъ, что во

время Прусскаго правительства изъ духовныхъ имѣній и прочихъ источниковъ къ нему прибавлено, присовокупить къ общей массѣ эдукаціоннаго фундуша по Виленскому учебному округу“.

3) „Виленской объ училищныхъ фундушахъ комиссіи препоручить привести въ ясность училищные фундуши и по Бѣлостокской области на тѣхъ же правилахъ, какими руководствуется она нынѣ въ разсужденіи прочихъ губерній“, и

4) „Архивъ бывшей училищной депутаціи перевесть изъ Бѣлостока въ Вильну и присоединить къ общему архиву эдукаціоннаго фундуша, находящемуся въ вѣдомствѣ Виленскаго университета“.

Высочайшее повелѣніе послѣдовало 16 сентября 1811 года (Сборн. постан. по мин. нар. пр. I. 666—672. Ср. сборн. матер. III. 1121—1139). Съ этихъ поръ Бѣлостокскія учебныя заведенія стали принимать надлежащее устройство и развиваться на общихъ основаніяхъ для училищъ всего округа. Ректору университета Снядецкому пришлось обратить особенное вниманіе на новую учебную область, чтобы учебное дѣло поставить тамъ на надлежащей высотѣ.

Почти одновременно со вступленіемъ Снядецкаго въ должность ректора Виленскаго университета, послѣдовало утвержденіе „устава для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской“ (31 августа 1807 года). Хотя по указанному заглавію „Уставъ“ назначался якобы для юго-западныхъ только губерній, но въ § 3 первой главы его выражается прямое желаніе, чтобы „по сему начертанію (уставу) заведены были такія же училища въ имѣніяхъ и городахъ казенныхъ, по сношенію о томъ министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Равнымъ образомъ желательно, чтобы сему же начертанію послѣдовали и въ другихъ губерніяхъ округа Виленскаго университета“. Такимъ образомъ, настоящій уставъ полагался какъ бы въ основаніе всего будущаго строя приходскихъ училищъ на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, и составители устава возлагали на него большія надежды. Они открыто заявляли, что „помѣ-

щики признаютъ важность сего намѣренія, увидятъ собственныя выгоды, сопряженныя съ общею пользою и присовокупятъ личное усердіе къ попеченію правительства, дабы грядущій родъ могъ усовершить и распространить сіе великое начинаніе" (§ 4, гл. I).

Вопросъ о приходскихъ училищахъ былъ однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ учебномъ дѣлѣ Виленскаго округа. Собирались по поводу устройства училищъ съѣзды (въ г. Луцкѣ) писались проекты, признавалась громадная важность приходскихъ училищъ, но дѣло отъ этого не двигалось. Напрасно Чацкій заявлялъ, что р.-католическое духовенство опредѣлило (на съѣздѣ въ Луцкѣ 20 октября 1803 г.) при всякой приходской церкви и во всякомъ монастырѣ завести по одному приходскому училищу, гдѣ таковыхъ не имѣется, что нѣкоторые изъ духовныхъ назначили на сей предметъ десятую долю дохода приходскихъ священниковъ. На бумагѣ все это выходило очень хорошо, гладко, трогательно; но на дѣлѣ слышались отъ того же духовенства жалобы на притѣсненія со стороны Чацкаго, жертвователей въ дѣйствительности не оказывалось, и вопросъ объ училищахъ попрежнему оставался открытымъ и даже забывался. Такая жалкая судьба его, съ нѣкоторыми колебаніями, замѣчается во все время попечительства кн. Чарторыйскаго. Кой-гдѣ по временамъ открывались училища, въ другихъ пунктахъ закрывались. Особенно пугало ревнителей приходскихъ училищъ въ духѣ Чацкаго уніатское и православное духовенство. Въ томъ и другомъ случаѣ, обученіе, направляемое мѣстнымъ духовенствомъ, не будетъ отвѣчать намѣреніямъ основателей. Коллонтай, какъ мы указали выше, откровенно замѣчалъ, что помѣщики не будутъ основывать приходскихъ училищъ, если только сохранятъ свою силу пункты общихъ постановленій и уставовъ (24 января 1803 г.) о подчиненіи этихъ училищъ при церквахъ православнымъ священникамъ. Кто въ самомъ дѣлѣ, явился бы настолько неблагоразумнымъ (слова Коллонтая), чтобы на свою бѣду давать противъ себя оружіе въ руки простого народа и невѣжественныхъ поповъ (основывая приходскія школы, подчиненныя церквамъ). (Listy Kołłątaja. III, 48—49).

Но до вступленія Снядецкаго въ должность ректора, Виленскій университетъ не соглашался допустить такія правила о приходскихъ училищахъ, которыя нарушали бы указанныя выше постановленія. При существованіи этихъ послѣднихъ, онъ даже считалъ излишнею и вредною для дѣла всякую новую регламентацію (См. Сборн. матер... II. 992, 993). Потому и проектъ разсматриваемаго „устава", составленный Чацкимъ еще въ 1804 году, оставался безъ движенія до 1807 года,

Теперь, заступая въ Петербургѣ мѣсто попечителя, онъ снова выдвинулъ вопросъ о приходскихъ училищахъ, и, не спрашивая мнѣнія университета, исходатайствовалъ черезъ министра гр. Завадовскаго утвержденіе „устава".

Уставъ обнималъ собою слѣдующія положенія:

1) „Какъ приходскія училища имѣютъ быть устроены и кому въ оныхъ обучаться?" 2) „Что должно наблюдать предъ открытіемъ училища?" 3) „О дѣтяхъ, отдаваемыхъ въ приходскія училища и о должностяхъ ихъ родителей". 4) „О наукахъ которыя имѣютъ быть преподаваемы въ приходскихъ училищахъ мужескаго пола въ теченіе учебнаго года". 5) „О обученіи крестьянскихъ дѣтей". 6) „О приходскихъ училищахъ для дворянскихъ и ремесленническихъ дочерей". 7) „О сельскихъ дѣвицахъ". 8) „О приходскихъ учителяхъ". 9) Объ учительницахъ приходскихъ, уѣздныхъ и объ училищѣ приходскихъ учительницъ". 10) „О наградахъ". 11) „О должностяхъ училищнаго начальства". 12) „О должностяхъ мѣстнаго духовнаго начальства". 13) „О должностяхъ и правахъ свѣтскаго мѣстнаго начальства въ разсужденіи учителей и приходскихъ училищъ" 14) „О должностяхъ уѣзднаго дворянскаго предводителя". 15) „О содержаніи приходского училища и хозяйственномъ распоряженіи". (Сборн. постан. I 430-450).

Уставъ обнимаетъ всѣ стороны жизни приходскихъ училищъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Но эти училища назначались, главнымъ образомъ, для дворянскихъ и ремесленническихъ дѣтей. Родители послѣднихъ даже платили штрафъ, если, живя въ мѣстности, гдѣ есть приходское училище, не отдавали въ него своего здороваго сына по достиженіи имъ 6—8 лѣтняго возраста. Для нихъ написанъ уставъ, и они имѣлись въ виду, при указаніи

предметовъ обученія въ училищѣ, ихъ распредѣленіи по классамъ и установленіи вообще всего школьнаго строя. Что касается крестьянскихъ дѣтей, то „въ свободное отъ работъ время они должны были обучаться (только!) пересажденію и прививанію деревъ, дѣланію хорошихъ земледѣльческихъ орудій, а дочери пріучаются къ домашнему хозяйству. Въ сіе же время дѣти обоего пола (крестьянскія) затверживаютъ наизусть духовныя пѣсни о домашнихъ добродѣтеляхъ и отвращеніи отъ пороковъ“. „Сверхъ сего *не возбраняется* крестьянскимъ сыновьямъ въ зимнее время учиться наукамъ, преподаваемымъ въ приходскихъ училищахъ“ (Уставъ. Гл. II, §§ 7 и 8).

Гораздо яснѣе эти желанія формулированы въ главахъ VI и VII разсматриваемаго устава. „Во всякій праздничный день говорится тамъ, дѣти (крестьянскіе мальчики), имѣющіе 10 лѣтъ отъ роду, собираются по утру и обучаются духовнымъ пѣснямъ, какія будутъ назначены, касающимся къ вѣрѣ, наставляющимъ въ домашнихъ добродѣтеляхъ и поселяющимъ отвращеніе къ порокамъ. Въ тѣ самые праздники, въ теченіе шести недѣль послѣ Рождества Христова, четыре раза въ недѣлю показываются имъ земледѣльческія орудія, съ изъясненіемъ составленія и употребленія оныхъ. Весною, осенью и въ іюлѣ мѣсяцѣ показывается имъ способъ пересадки и прививанія деревъ. Послѣ всякаго такого урока преподается имъ правоученіе по особенной для сего учебной книжкѣ“. (Сборн. постан. I. 436). Это для крестьянскихъ мальчиковъ. Для крестьянскихъ дѣвицъ предписывались подобныя же правила. „Какъ для крестьянскихъ дѣтей мужескаго пола, говорится въ разсматриваемомъ „Уставѣ“, желательно только образованіе въ нихъ здраваго разсудка въ хозяйственныхъ предметахъ, равнымъ образомъ сія же цѣль предполагается и въ разсужденіи крестьянскихъ дочерей. Въ праздничные и свободные отъ хозяйства дни, какіе назначитъ мѣстное начальство, онѣ обучаются прясть на прялкахъ на обѣ руки, собирать молочное и обращаться съ хозяйственными принадлежностями, также пѣснямъ духовнымъ и въ домашнихъ добродѣтеляхъ наставляющимъ“. (Сбор. постановл. I. 437).

Дворянскія дѣвицы „обучались чтенію, письму, счисленію, правоученію и катехизису. Кромѣ того ихъ учили прясть на

прялкахъ на обѣ руки, обучали женскимъ работамъ: шитью, мытью бѣлья, приготовленію кушанья, содержанію огородовъ для поваренной зелени, собиранію молочнаго и обхожденію съ домашними птицами и другими животными, для чего требовалось сочинить особенную руководственную книгу". (ibid 436).

Изъ указаннаго видно, что, при существованіи крѣпостного права, очень трудно было установить правила для обученія крестьянъ, что въ „уставѣ для приходскихъ училищъ" Чацкаго царятъ тѣ же взгляды эдукаціонной комиссіи на назначеніе крестьянъ, та же педагогика Пирамовича, тѣ же основанія „права натуры", которыя господствовали въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. и о которыхъ мы говорили выше. За то въ этомъ уставѣ нѣтъ уже помину о православномъ священникѣ (римско-католическій ксендзъ есть и неоднократно упоминается), о православномъ вѣроученіи и самомалѣйшей зависимости приходского училища, даже въ православныхъ приходахъ, отъ мѣстнаго духовнаго начальства, хотя воля правительства по этому предмету ясно выражена какъ въ предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія 24 января 1803 г., такъ и въ „Уставѣ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ", 5 ноября 1804 г. (См. сборн. постан. I. 14, 330, 333).

Заправителями всего дѣла въ уставѣ Чацкаго являются предводитель дворянства, мѣстный помѣщикъ и отчасти смотритель уѣзднаго училища, „какъ первая инстанція въ дѣлахъ съ учителями" (приходскими). (См. сборн. постан. I. 442—445).

Но и этотъ уставъ, подобно всѣмъ другимъ не имѣлъ особеннаго значенія въ дѣлѣ возникновенія и распространенія приходскихъ училищъ. Въ лучшую пору своего существованія при кн. Чарторыйскомъ въ 1818 году, цифра ихъ въ Виленскомъ округѣ достигала 375, среднимъ числомъ около 40 школъ на губернію, если считать восемь губерній, составившихъ въ началѣ учебный округъ и присоединенную потомъ Бѣлостокскую область. Конечно по нынѣшнему времени это не много, но сто лѣтъ тому назадъ открытіе и указаннаго количества школъ приходскихъ можетъ считаться дѣломъ великимъ и составляетъ заслугу Виленскаго университета.

Въ 1808 году при университетѣ открыта была главная семинарія для приготовленія священниковъ р.к. вѣроисповѣданія въ Могилевской, Виленской Луцкой, Самогитской, Каменецъ-Подольской и Минской епархіяхъ, а также священниковъ римско-уніатскаго исповѣданія Полоцкой, Брестъ-Литовской и Луцкой епархій. Основныя положенія объ устройствѣ главной семинаріи утверждены 18 іюля 1803 года Духовная римско-католическая коллегія, по надлежащемъ изслѣдованіи, сколько въ какой епархіи требовалось клириковъ, примѣнительно къ существовавшему количеству приходскихъ церквей, опредѣляла, сколько каждая епархія должна присылать ихъ главную семинарію для приготовленія къ духовному званію. На содержаніе семинаріи опредѣлялось ежегодно 15 тысячъ рублей серебромъ, каковыя деньги собирались съ извѣстныхъ римско-католическихъ монастырей обоего пола которые не занимались дѣлами просвѣщенія или благотворительности. Римско-католическая коллегія, сообразно доходамъ монастырей, распредѣляла между ними сумму, назначенную на содержаніе семинаріи и составляла обстоятельныя и ясныя правила о собираніи и безотлагательномъ доставленіи въ опредѣленные сроки той части суммы, какая каждому монастырю будетъ назначена для ежегоднаго взноса въ казну главной семинаріи. Семинарія должна была имѣть въ Вильнѣ для своего помѣщенія „пристойный" домъ. Епархіальныя семинаріи оставались попрежнему самостоятельными учрежденіями и только „способъ ученія и воспитанія въ нихъ долженъ былъ сообразоваться съ планомъ главной семинаріи". Очень важное преимущество для воспитанниковъ главной семинаріи заключалось въ томъ, что, по истеченіи десяти лѣтъ отъ ея учрежденія, никто изъ римско-католическаго духовенства не могъ быть епископомъ, прелатомъ, каноникомъ, асессоромъ римско-католической коллегіи, офиціаломъ, судьею, проповѣдникомъ при соборахъ и другихъ городскихъ приходахъ, кто не обучался въ главной Виленской семинаріи, исключая тѣхъ, которые получали степень доктора богословія или правъ отъ Виленскаго университета или представили бы на сіи степени патенты, заслуживающіе уваженія. Равнымъ образомъ „во всѣхъ монашескихъ орденахъ (кромѣ ордена братьевъ Милосердія или бонифрат-

ровъ) никто изъ монаховъ, по истеченіи десяти лѣтъ отъ сего времени (т. е. отъ учрежденія главной семинаріи), не могъ быть ни проповѣдникомъ, ни священникомъ въ приходѣ, ни преподавать богословское ученіе или другія науки въ обществѣ своего ордена, или въ общемъ училищѣ, равно не могъ быть вновь избранъ въ начальники ордена или монастыря, не окончивъ прежде ученія своего въ Виленскомъ университетѣ (въ главной семинаріи), или по крайней мѣрѣ, не бывъ испытанъ въ немъ и снабженъ свидѣтельствомъ о достаточномъ его знаніи". (Сборн. постановл. по мин. нар. пр. I. 69—72)

На основаніи 5 п. акта учрежденія главной семинаріи 18 іюля 1803 г. особый комитетъ долженъ былъ составить „уставъ главной семинаріи, въ отношеніи внутренняго ея устройства и плана ученія". Объ окончаніи такой работы, его слѣдовало представить на Высочайшее утвержденіе. (Сбор. постан I. 70.).

Только черезъ три слишкомъ года (6 сентября 1806 г.) явился наконецъ требуемый уставъ. Онъ состоитъ изъ семи главъ и заключаетъ положенія: а) о совѣтѣ главной семинаріи, надзираніи за нею и объ отношеніяхъ ея къ Виленскому университету; б) о клирикахъ и принятіи ихъ въ семинарію; в) о наукахъ, коимъ семинаристы должны обучаться въ университетѣ; г) о внутреннемъ порядкѣ и благочиніи; д) о проступкахъ и наказаніяхъ; е) о выгодахъ, какія назначаются клирикамъ въ главной семинаріи; ж) объ убывающихъ изъ семинаріи.

На основаніи этого устава, главная семинарія находилась подъ управленіемъ особаго совѣта, состоявшаго, подъ предсѣдательствомъ ректора Виленскаго университета, изъ шести лицъ: трехъ профессоровъ богословія университета, двухъ членовъ Виленскаго каѳедральнаго капитула и одного уніатскаго прелата. Въ члены совѣта университетское собраніе избирало трехъ лицъ изъ числа дѣйствительныхъ и заслуженныхъ профессоровъ богословскихъ наукъ, и оно же избирало уніатскаго прелата изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ по одному отъ каждаго епископа уніатскаго исповѣданія; двухъ членовъ отъ Виленскаго капитула избиралъ самъ капитулъ въ

особомъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ своего епископа Ближайшее наблюденіе, подъ руководствомъ совѣта, за внутреннимъ устройствомъ семинаріи возлагалось на „Правящаго" или регента. Въ регенты избирался только священникъ, извѣстный своими научными познаніями, испытанный въ хорошемъ поведеніи и не занятый никакою постороннею должностію. Регента избиралъ совѣтъ черезъ каждые три года и такое избраніе утверждала римско-католическая коллегія. Въ помощь регенту опредѣлялись три священника, т. е. духовникъ (капелланъ) и два старшихъ (префекта): одинъ для клириковъ римско-католическаго исповѣданія, другой для клириковъ греко-уніатскаго исповѣданія. Ихъ выборъ, перемѣна или отрѣшеніе зависѣли отъ совѣта. Одинъ изъ префектовъ, въ случаѣ надобности, заступалъ мѣсто регента. На капеллана, по распряженію совѣта, возлагалась обязанность исправлять обряды вѣры и церковныя требы для семинаристовъ; префекты имѣли прилежное и непрерывное смотрѣніе за учащимися въ семинаріи. Казна семинаріи хранилась въ особомъ сундукѣ за тремя замками, ключи отъ которыхъ находились: одинъ у регента, другой у члена совѣта и третій у одного изъ префектовъ. Регентъ, съ вѣдома совѣта, опредѣлялъ и отрѣшалъ эконома, расходчика (шафаръ), рабочихъ и служителей при семинаріи. О состояніи семинаріи и различныхъ обстоятельствахъ въ ея жизни регентъ ежегодно доносилъ совѣту. Ректоръ университета, въ свою очередь, именемъ совѣта долженъ былъ доносить попечителю округа о существенныхъ нуждахъ семинаріи, о важнѣйшихъ случаяхъ въ ея жизни, о пособіяхъ или препятствіяхъ къ просвѣщенію духовенства. Попечитель черезъ министра народнаго просвѣщенія сносился съ римско-католическою коллегіею и полученное отъ министра распоряженіе предписывалъ совѣту семинаріи исполнить. Особенно важные вопросы относительно воспитанія и обученія клириковъ въ семинаріи ректоръ предлагалъ на обсужденіе общаго университетскаго собранія и о его заключеніи доносилъ попечителю. Обыкновенныя засѣданія совѣта должны были происходить, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю; чрезвычайныя бывали по мѣрѣ надобности, по предварительному объ нихъ извѣщенію отъ ректора членовъ совѣта. По крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца совѣтъ командировалъ для ревизіи въ семинарію одного изъ

своихъ членовъ; обо всемъ, что найдетъ при осмотрѣ, ревизоръ письменно долженъ былъ донести совѣту. Ректоръ осматривалъ семинарію или по своему усмотрѣнію, или по предписанію отъ попечителя. Попечитель, обозрѣвая университетъ, вникалъ и въ состояніе главной семинаріи. Римско-католическая коллегія, съ своей стороны, ежегодно поручала довѣренному отъ себя лицу произвести осмотръ семинаріи съ тою цѣлію, чтобы въ воспитаніи молодыхъ клириковъ не могло вкрадываться что либо несогласное съ правилами вѣры и съ званіемъ духовнаго. Совѣтъ семинаріи ежегодно представлялъ обстоятельный отчетъ о ея состояніи университету, который включалъ его въ общій годовой отчетъ по округу.

Обыкновенное число клириковъ для воспитанія въ семинаріи полагалось пятьдесятъ, исключая непредвидимые случаи и чрезмѣрную дороговизну самонужнѣйшихъ предметовъ; тогда число клириковъ, желающихъ поступить въ семинарію, могло быть уменьшено. Поступающій въ семинарію долженъ былъ представить свидѣтельство: 1) о своемъ крещеніи; 2) о мирономазаніи и посвященіи, ежели какое либо уже совершено надъ нимъ; 3) объ окончаніи наукъ въ училищѣ и епархіальной семинаріи; 4) о способностяхъ къ наукамъ, доброправіи и о неподлежаніи никакимъ препятствіямъ по церковнымъ правиламъ къ духовному званію. Всѣ эти свидѣтельства, по разсмотрѣніи ихъ въ совѣтѣ, хранились въ архивѣ семинаріи. Съ выходомъ изъ семинаріи клирика, ему возвращались въ цѣлости всѣ его документы. „Совѣтъ дѣлалъ расписаніе тѣхъ духовныхъ наукъ и обрядовъ вѣры какіе клирики исполнять должны и коимъ должны обучаться. Для приготовленія себя къ дѣйствительному отправленію будущихъ своихъ обязанностей, клирики должны сами услуживать больнымъ сотоварищамъ въ семинаріи, челядь оной обучать катихизису, имѣть надзираніе въ церковной ризницѣ и быть послушными всѣмъ приказаніямъ регента“.

Науки, преподаваемыя клирикамъ, дѣлились на два разряда: однѣ были для всѣхъ обязательны, занятія другими предоставлялись волѣ и способностямъ каждаго. Къ обязательнымъ предметамъ относились: св. писаніе, богословіе, исторія и право церковное, словесность латинская и польская, есте-

ственная исторія, физика, земледѣліе, гигіена, логика и греческій языкъ. Что же касается еврейскаго языка, права природнаго и народнаго, политической экономіи, механики, химіи, математическихъ наукъ, архитектуры, рисованія и проч., совѣтъ назначалъ клиряковъ обучаться имъ сообразно охотѣ и способностямъ каждаго; наблюдалось также, чтобы клирики усовершенствовали себя въ россійскомъ языкѣ и старались бы знать французскій или нѣмецкій. Попечитель утверждалъ расписаніе по днямъ и часамъ научныхъ занятій семинаристовъ, которое составлялъ совѣтъ семинаріи. Всѣ клирики подвергались безъ исключенія всѣмъ испытаніямъ, назначеннымъ въ университетѣ по тѣмъ предметамъ, коимъ обучались. Каждый клирикъ, обучающійся богословію, долженъ въ общемъ собраніи сказать въ теченіе года по крайней мѣрѣ одну проповѣдь или поученіе, которыя предварительно разсматривались и исправлялись регентомъ и профессоромъ краснорѣчія; первымъ относительно содержанія, вторымъ въ отношеніи изящества слога и оборотовъ рѣчи. Въ семинаріи, въ завѣдываніи клириковъ имѣлась библіотека, изъ которой, между прочимъ, семинаристы получали всѣ необходимыя для нихъ учебныя книги и руководства.

Въ заведеніи клирики обязаны были исполнять всѣ установленныя правила и распоряженія регента или заступающаго его мѣсто. Они не имѣли права никуда отлучаться изъ заведенія самовольно, или по одиночкѣ, безъ надзирателя. Безъ вѣдома регента, никто изъ постороннихъ лицъ не допускался въ помѣщеніе клириковъ. Отлучка изъ заведенія разрѣшалась клирику регентомъ въ крайней надобности, въ сопровожденіи приставника; ночевать внѣ заведенія не разрѣшалось ни подъ какимъ предлогомъ. Во время, свободное отъ занятій, совѣтъ могъ разъ въ годъ разрѣшить клирикамъ отпускъ на мѣсяцъ Регентъ велъ записи по двумъ книгамъ: въ одной записывались успѣхи въ наукахъ, поведеніе и замѣчанія регента объ особыхъ качествахъ того или другого воспитанника; другая служила какъ бы дневною запискою всѣхъ случающихся въ семинаріи обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ происшествій.

Небольшіе проступки клириковъ наказывались по усмотрѣнію регента; но о важнѣйшихъ провинностяхъ онъ доно-

силъ совѣту. Въ случаѣ несправедливаго отношенія регента къ какому либо клирику, послѣдній могъ принести на него жалобу совѣту. Крайнее наказаніе для клирика состояло въ преждевременномъ его удаленіи изъ семинаріи; но налагать его могъ только совѣтъ, и то въ трехъ только случаяхъ: 1) если клирикъ не исправляется въ своемъ поведеніи послѣ неоднократнаго напоминанія и взысканія за проступокъ; 2) если окажется крайне лѣнивымъ и неспособнымъ къ наукамъ, и 3) если впадетъ въ неизлѣчимую болѣзнь, или сдѣлается увѣчнымъ. Чтобы клирики имѣли свѣдѣнія о своихъ должностяхъ и обязанностяхъ, уставъ прочитывался имъ трижды въ годъ.

Въ семинаріи клирики получали на ея счетъ все содержаніе; только при вступленіи своемъ они вносили „умѣренное количество бѣлья и постель“. У клириковъ былъ общій столъ съ регентомъ и префектами. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ вовсе запрещалось; исключеніе допускалось въ видахъ гигіеническихъ, по предписанію врача. Для больныхъ, по предписанію врача, дѣлалось все необходимое.

На прохожденіе курса въ семинаріи обычнымъ порядкомъ полагалось четыре года; но если кто, при своей охотѣ и прилежаніи, пожелалъ бы лучше усовершенствоваться въ какой либо наукѣ, такому совѣтъ могъ позволить остаться съ указанною цѣлію и сверхъ предписаннаго срока. Если клирика хотѣли рукоположить во священники, то можно было это сдѣлать только съ вѣдома его епископа и за точнымъ позволеніемъ совѣта. Предварительно рукоположенія такой клирикъ долженъ выдержать, кромѣ духовныхъ наукъ, особенное испытаніе, въ присутствіи того, кого назначитъ совѣтъ. Отъ подобнаго испытанія освобождались имѣющіе степень доктора богословія или обоихъ правъ (utriusque juris—церковнаго и гражданскаго). Клирикъ, рукоположенный во священника, пока оставался въ семинаріи, не пользовался никакими преимуществами сравнительно съ остальными семинаристами. Кончившіе курсъ семинаріи немедленно должны были оставлять Вильну и отправляться въ свою епархію. Изъ кончившихъ курсъ могли оставаться въ Вильнѣ только тѣ клирики, которые получили на это отпускъ отъ своего епархіальнаго архіерея. Каждому изъ такихъ се-

минаристовъ, по рукоположеніи его во священника и до отъѣзда изъ Вильны, регентъ могъ позволить совершать священнодѣйствія въ какой либо приходской церкви и исправлять духовныя требы. Никто изъ клириковъ главной семинаріи не могъ оставить духовнаго состоянія, развѣ представить на то весьма важныя и справедливыя причины; тогда совѣтъ сносился по этому поводу съ епархіальнымъ архіереемъ и доносилъ попечителю.

На основаніи постановленій этого устава (п. п. 28, 47, 54) совѣтъ долженъ былъ выработать еще болѣе частный регламентъ для внутренней жизни семинаріи и по нему уже дѣлать надлежащія исполненія (Сборн. постан. I, 399—407.).

Почти черезъ два года были составлены и эти послѣднія правила (2 іюля 1808 г.). Они обнимали собою нѣкоторыя частныя обязанности регента, капелана, префектовъ, клириковъ и ежедневное распредѣленіе занятій по часамъ въ дни обыкновенные и праздничные.

Будучи по уставу ближайшимъ начальникомъ всѣхъ клириковъ главной семинаріи, разныхъ должностныхъ лицъ и прислуги и наблюдателемъ за точнымъ соблюденіемъ порядковъ семинарской жизни, регентъ по правиламъ отвѣчаетъ какъ за всѣхъ ему подчиненныхъ, такъ равно за цѣлость имущества заведенія и заботится о его пользахъ. Собственнымъ примѣромъ и ласковыми напоминаніями всѣхъ руководитъ по пути добра и старается упредить всякія уклоненія ко злу. Онъ старается въ семинаристахъ возбудить такое къ себѣ довѣріе, чтобы между нимъ и клириками не оставалось никакой недозволенной тайны, и чтобы самые боязливые и недовѣрчивые спѣшили къ нему за совѣтомъ во всякомъ недоумѣнномъ случаѣ. Регентъ наблюдаетъ, чтобы ничто не нарушало спокойствія учащихъ и учащихся и немедленно устраняетъ всякія къ тому причины. Слѣдитъ за выдающимися способностями того или другого клирика къ какой нибудь наукѣ. Съ этою цѣлію бываютъ ежемѣсячныя совѣщанія регента съ капеланомъ и префектами, какъ относительно успѣховъ семинаристовъ, такъ и ихъ поведенія; относительно послѣдняго вопроса капеланъ не подаетъ своего мнѣнія. Назначеніе времени для таковыхъ

совѣщаній зависитъ отъ воли регента. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ увеличить число ихъ, по мѣрѣ надобности. Еженедѣльно регентъ „легкимъ и убѣдительнымъ способомъ“ предлагаетъ клирикамъ родъ собесѣдованія о различныхъ предметахъ, касающихся духовнаго званія и его обязанностей; содержаніе для такихъ собесѣдованій онъ вырабатываетъ заблаговременно на засѣданіи съ своими помощниками. Всѣ вмѣстѣ они стараются убѣдиться въ степени развитія поступающихъ въ семинарію клириковъ и особенно въ ихъ знаніи христіанскаго ученія, на сколько проникло оно въ ихъ жизнь и дѣятельность. Регентъ старается присутствовать на всѣхъ испытаніяхъ клириковъ; наблюдаетъ, чтобы въ семинаріи былъ хотя одинъ священникъ; часто посѣщаетъ помѣщеніе клириковъ, наблюдаетъ за порядкомъ и чистотою въ комнатахъ; во взаимномъ между собою обращеніи, забавахъ и сношеніяхъ требуетъ приличія и братской услужливости. Доставляя возможныя удобства, регентъ въ тоже время не долженъ дозволять никому изъ клириковъ никакого излишества; дальше десяти часовъ вечера, особенно въ зимнее время, никому не дозволяется засиживаться; вставать рано для занятій науками не запрещается. Регентъ хранитъ у себя хозяйственный инвентарь съ реестромъ прихода и расхода, слѣдитъ за чистотою всей посуды, дѣлаетъ расписаніе обѣдовъ и ужиновъ и вмѣстѣ съ другими присутствуетъ на нихъ. Экономъ записываетъ въ особой книгѣ, что дается на обѣдъ и ужинъ. Вмѣстѣ съ экономомъ и расходчикомъ регентъ сводитъ счеты ежедневныхъ расходовъ; принимаетъ, договариваетъ и расчитываетъ прислугу. Безъ разрѣшенія совѣта, регентъ можетъ оставить семинарію только на одинъ день. Регентъ, съ вѣдома совѣта, можетъ принимать въ семинарію и большее сверхъ положеннаго число клириковъ, если только позволяетъ мѣсто. Эти сверхштатные кандидаты вносятъ за себя въ семинарію положенную плату и пользуются всѣми правами и преимуществами другихъ клириковъ. Регентъ наблюдаетъ очередь, по которой клирики должны пріобщаться св. Таинъ. Въ случаѣ слабости, нездоровья, регентъ передаетъ исправленіе своихъ обязанностей одному изъ префектовъ.

Въ духовныхъ отношеніяхъ капеланъ является для семинаристовъ первымъ лицомъ послѣ регента. На обязанности

капелана лежитъ преподаваніе семинаристамъ нѣкоторыхъ духовныхъ предметовъ (указано ниже), поддержаніе и развитіе въ нихъ истиннаго благочестія и христіанской нравственности. Онъ разъясняетъ имъ значеніе христіанства, обучаетъ ихъ катехизаціи и знакомитъ съ большимъ и меньшимъ тридентскимъ катехизисомъ. Подъ его руководствомъ, они занимаются практически обученіемъ другихъ начаткамъ вѣры и если эта очередь обойдетъ всѣхъ два или три раза, тогда онъ разрѣшаетъ имъ катехизировать сначала передъ челядью въ семинаріи, а потомъ и въ костелѣ, дѣлая необходимыя указанія и исправленія. Въ третьемъ и четвертомъ году ученія клириковъ капеланъ преподаетъ имъ два раза въ мѣсяцъ resolutiones casuum conscientiae (рѣшеніе недоумѣнныхъ случаевъ совѣсти). Начиная съ вечера вербной недѣли и до великаго четверга, капеланъ устанавливаетъ для семинаристовъ покаянные часы, порядокъ которыхъ утверждаетъ регентъ. Послѣ вакаціоннаго времени, чтобы дать возможность клирикамъ снова войти въ духъ христіанина, капеланъ въ теченіе трехъ дней совершаетъ съ ними чинъ покаянія. Передъ посвященіемъ кого нибудь изъ клириковъ въ Вильнѣ въ субдіакона или священника, посвящаемый предварительно, подъ руководствомъ капелана, совершаетъ таинства покаянія и причащенія.

Префекты должны въ извѣстной степени знать тѣ науки, которымъ обучаются клирики. При постоянномъ за ними надзорѣ, префекты занимаются съ ними повтореніемъ лекцій, которыя они слушаютъ, еженедѣльно и ежемѣсячно провѣряютъ ихъ успѣхи въ наукахъ, которыя они слушаютъ въ университетѣ или же въ семинаріи. Префекты слѣдятъ за всѣмъ строемъ внутренней, духовной жизни довѣренныхъ имъ семинаристовъ и о выдающихся въ хорошую или дурную сторону свойствахъ воспитанниковъ, по возможности чаще, вѣрно и безпристрастно доносятъ регенту. Префекты должны присутствовать на общемъ утреннемъ и вечернемъ богослуженіи для клириковъ. Вмѣстѣ съ капеланомъ они совершаютъ для нихъ обѣдню; еженедѣльно устрояютъ съ ними собесѣдованія, находятся съ ними въ часы, свободные отъ занятій, и во время отдыховъ. Во время общихъ прогулокъ за городъ префекты находятся вмѣстѣ съ клириками. Имъ же сопутствуютъ префекты, если нужно отправляться на

богослуженіе въ университетскій костелъ, или на актъ въ университетѣ. Одинъ изъ префектовъ принадлежитъ къ обряду римско-латинскому, другой—уніатскому. Въ семинаріи, въ назначенные на то часы, они обучаютъ семинаристовъ церковнымъ обрядамъ, каждый по принадлежности своего исповѣданія. Въ дни, предшествующіе какому нибудь церковному торжеству съ особенными обрядами, послѣдніе объясняются префектами. По просьбѣ клириковъ, они обязаны принимать отъ нихъ исповѣдь; но разъ въ каждые три мѣсяца могутъ приглашаться для этого и посторонніе священники. Если префектъ будетъ исполнять обязанности регента, ему всѣ обязаны полнымъ послушаніемъ, какъ самому регенту. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ префектамъ бываетъ невозможно имѣть повсюду личный надзоръ, тогда въ помощь имъ, съ вѣдома регента, назначается испытанный уже клирикъ.

Клирики, по прибытіи въ семинарію, кромѣ представленія свидѣтельствъ, о которыхъ говорилось выше, должны отвѣтить еще письменно на слѣдующіе два вопроса: 1) „желающій поступить въ семинарію имѣетъ ли намѣреніе и твердое постановленіе принять священство“; 2) „обязывается ли онъ, по окончаніи курса семинаріи, воротиться въ свою епархію и подчиниться распоряженіямъ епархіальнаго архіерея“? Клирики всѣ вмѣстѣ одновременно уходятъ на уроки, богослуженіе и прогулки; вмѣстѣ и возвращаются; всѣ должны присутствовать въ залѣ на общихъ забавахъ. Никогда ни для какой купли не должны находиться среди торговыхъ лавокъ; каждой потребѣ ихъ долженъ удовлетворять регентъ, при посредствѣ эконома или расходчика. Самыя письма клирики могли писать и получать только съ вѣдома регента. Они не должны были посѣщать никакихъ зрѣлищъ. Они сами убираютъ свои помѣщенія; по очереди прислуживаютъ больнымъ и въ столовой; за трапезой читаютъ указанное начальствомъ. Каждый ежемѣсячно, передъ семинарскимъ собраніемъ, долженъ произнести наизусть то, что ему будетъ указано для поученія. Со второго года обученія, каждый клирикъ долженъ составить для произнесенія самостоятельное поученіе; такую работу онъ долженъ повторять столько разъ,

сколько признаетъ то необходимымъ начальство. Входить съ проповѣдью на амвонъ дозволяется только опытнымъ уже студентамъ. Каждый клирикъ обязывается имѣть свою особую комжу (бѣлая рубашка, которую клирики надѣваютъ при богослуженіи, поверхъ платья), свой молитвенникъ, особый съ замкомъ ящикъ, отдѣльный столикъ, чернильницу и проч., а также тетрадь съ карандашомъ, на случай записи какихъ нибудь замѣчаній на лекціяхъ. Въ случаѣ сомнѣній въ какихъ нибудь научныхъ положеніяхъ, особенно относительно духовныхъ предметовъ, клирикъ, съ вѣдома регента, обращается частнымъ образомъ къ соотвѣтственному профессору за разрѣшеніемъ недоумѣній. Для взаимнаго прислуживанія по очереди клирики назначаются регентомъ. Никто изъ нихъ не можетъ оставаться дома, когда всѣ остальные уходятъ на уроки, богослуженіе, прогулки; для этого нужно имѣть отъ регента особое разрѣшеніе. Клирики не хранятъ у себя никакихъ денегъ; послѣднія отдаются регенту, который таковымъ суммамъ ведетъ особую запись. Уніатскіе клирики сохраняютъ посты и дни праздничные по римско-католическому календарю. Въ дни воскресные и праздничные римско-католическіе клирики ходятъ въ костелъ св. Іоанна къ обѣднѣ и вечернѣ и прислуживаютъ тамъ въ комжахъ или далматикахъ; уніатскіе клирики ходятъ въ (нынѣшній св. Троицкій) базиліанскій монастырь для надлежащаго изученія и усвоенія обрядовъ и церемоній своего исповѣданія. Для участія въ богослуженіи страстной недѣли, при рукоположеніяхъ во священники и въ болѣе значительныя церковныя торжества, всѣ свободные отъ занятій клирики посылаются въ каѳедральный костелъ. Въ году клирики праздновали въ своемъ костелѣ два церковныя торжества—римско-католическій праздникъ въ честь св. Іоанна Кантаго и греко-уніатскій—день св. Духа (второй день пятидесятницы). Въ эти празднества клирики съ приглашенными священниками сами должны были совершать всѣ церковныя церемоніи и прислуживать. Въ порядкѣ сидѣнія за столомъ, стоянія въ костелѣ наблюдалась давность поступленія въ семинарію, при чемъ преимущество отдавалось тѣмъ клирикамъ, которые получили какое нибудь церковное посвященіе.

Обыкновенное распредѣленіе времени клириковъ было слѣдующее. Въ дни праздничные и воскресные.

5½—6 утра вставаніе.

6—6½ утреннія молитвы и благочестивыя размышленія.

6½—7½ чтеніе капеланомъ соотвѣтственнаго евангелія.

7½—8 обѣдня въ семинарскомъ костелѣ.

8—8½ завтракъ и отдыхъ.

8½—9½ духовное собесѣдованіе (въ праздники его не было).

9½—11 клирики латинскіе обыкновенно слушали обѣдню и проповѣдь въ костелѣ университета, а уніатскіе—въ базиліанскомъ монастырѣ (св. Тройцы).

11—11½ возвращеніе съ богослуженія; отдыхъ.

11½—12½ урокъ катехизиса.

12½—1 обѣдъ.

1—1½ отдыхъ.

1½—2½ урокъ пѣнія въ одномъ залѣ для клириковъ латинскихъ, въ другомъ—для уніатскихъ.

2½—7 отдыхъ; приготовленіе уроковъ. Въ дни праздничные клирики ходили къ вечернѣ.

7—7½ ужинъ.

7½—8¼ общія забавы въ рекреаціонной.

8¼—8½ вечернія молитвы.

8½—9 приготовленіе уроковъ.

Въ девять часовъ вечера всѣ клирики отправлялись ко сну.

Въ дни обыкновенные

5—5½ утра вставаніе.

5½—6 утреннія молитвы и размышленія.

6—6½ обѣдня.

6½—7 завтракъ и отдыхъ.

7—7½ приготовленіе уроковъ.

Отъ 7½ часовъ утра начинались уроки и занятія по особому расписанію примѣнительно къ расписанію лекцій въ университетѣ. Обѣдъ, ужинъ, отходъ ко сну—какъ въ дни воскресные. Послѣ обѣда общія занятія въ залѣ до времени выхода на лекціи. Въ нѣкоторые дни, въ часы, свободные отъ уроковъ въ университетѣ, клирики выходили на общую прогулку, или же занимались изученіемъ пѣнія (Bielinski. Uniwersytet Wilenski. I. 90, 96).

Въ этомъ же 1808 году была открыта наконецъ, по настоянію Снядецкаго, и сама главная семинарія. Онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, которыя до сихъ поръ встрѣчались въ этомъ дѣлѣ, особенно со стороны отысканія соотвѣтствующаго для семинаріи помѣщенія. Сначала для этого предназначался домъ Алюмнатскій (сосѣдній съ нынѣшнимъ домомъ канцеляріи генералъ-губернатора); по справкамъ онъ оказался искусно проданнымъ частному лицу (см. Сборн. матер. по исторіи просвѣщенія въ Россіи. II. 1075, 1079). Пока шло по возбужденному вопросу разслѣдованіе (ни къ чему не приведшее), нашли возможнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на передачу подъ помѣщеніе семинаріи дома уніатскаго митрополита (нынѣшнее помѣщеніе причта Пречистенскаго собора). Но это не правилось Чацкому, и онъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о предоставленіи семинаріи августіанскаго монастыря съ церковью (нынѣ зданіе духовнаго мужскаго училища—на Андреевской улицѣ). (Сборн. матер. III. 51, 52, 793. Ср. II. 1075, 1081. Bielinski. Uniwersytet Wilenski I. 101).

Несмотря на Высочайшее соизволеніе объ отдачѣ августіанскаго монастыря подъ помѣщеніе семинаріи, монахи-августіаны оказывали сильное этому сопротивленіе. Они обращались съ жалобами и въ Петербургъ, и къ Виленскому генералъ-губернатору, и требовали несоразмѣрно высокаго вознагражденія для себя въ случаѣ уступки. Благоразуміе и распорядительность ректора Снядецкаго сломили таки упорство

августіановъ, и въ мартѣ 1808 г. состоялся взаимный договоръ между университетомъ и августіанами съ подписаніемъ условій, на какихъ могла состояться уступка университету августіанскаго монастыря (Bielinski. I. 101, 105). Условія были Высочайше утверждены и въ маѣ 1808 г. послѣдовало объявленіе объ открытіи семинаріи.

Былъ выбранъ регентъ, капеланъ, префекты и послано епархіальнымъ архіереямъ объявленіе объ открытіи семинаріи. Но первый контингентъ пожелавшихъ поступить въ семинарію оказался далеко неподготовленнымъ къ слушанію университетскаго курса; къ концу учебнаго года добрая половина клириковъ должна была оставить семинарію (Bielinski. I. 105—106).

Останавливаясь надъ уясненіемъ причинъ подобнаго печальнаго явленія, авторъ исторіи Виленскаго университета находитъ ихъ прежде всего въ нерасположеніи къ главной семинаріи высшаго латинскаго духовенства. Оно считало это учрежденіе акатолическимъ, такъ какъ епархіальному Виленскому епископу не предоставлялось никакого вліянія на юношество, готовящееся къ духовному сану. Это нерасположеніе усиливали еще тѣ монашескіе ордена, которые должны были вносить извѣстную часть доходовъ своихъ монастырей на содержаніе главной семинаріи. У себя они охотно занимались обученіемъ юношества на свой счетъ, и это великая ихъ заслуга; но отдавать деньги съ этою цѣлію другимъ и не участвовать въ дѣлѣ своимъ нравственнымъ вліяніемъ для монашескихъ орденовъ казалось неудобнымъ, немыслимымъ. Потому мы неоднократно встрѣчаемся съ жалобами на іезуитовъ, базиліанъ, піаровъ и другихъ что они не хотятъ дѣлать положенный на нихъ денежный взносъ въ пользу того или другого учебнаго заведенія. Второй регентъ семинаріи Юрій Клонгевичъ съ 1810 по 1816 г., бывшій потомъ Виленскимъ епископомъ, принадлежалъ къ тѣмъ, которые косо смотрѣли на порядки главной семинаріи, особенно на совмѣстное тѣсное жительство клириковъ латинскихъ и уніатскихъ. Когда потомъ (въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія) заявляли, что главная семинарія болѣе всего повліяла на уничтоженіе уніи, Клонгевичъ замѣчалъ: „а вѣдь меня не слушали, когда я

возражалъ противъ этого объединенія (въ семинаріи клириковъ латинскихъ и уніатскихъ); пускай несутъ теперь за это наказаніе“. Были и такіе епископы, которымъ не нравилось, что духовное юношество, кромѣ богословскихъ предметовъ, слушаетъ еще другія науки вмѣстѣ съ свѣтскимъ юношествомъ. Нѣкоторые профессора университета также возбуждали въ нихъ недовѣріе къ себѣ своимъ направленіемъ. (Бѣлинскій. I. 106.). Во всякомъ случаѣ открытая семинарія прекрасно вела свое дѣло и только 1812 годъ пріостановилъ ея занятія на четыре года; закрытая въ этомъ году, вслѣдствіе нашествія французовъ, она, по Бѣлинскому, вновь была открыта только въ 1816 году *).

При Виленскомъ университетѣ были еще и другія вспомогательныя учебныя учрежденія. Въ 1806 году была открыта особая семинарія для студентовъ медицинскаго факультета. Профессоръ Гродекъ занимался частнымъ образомъ со студентами филологами, что дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ видѣть въ такихъ занятіяхъ какъ бы зародышъ особой филологической семинаріи. Правда, объ этомъ хлопоталъ главнымъ образомъ отецъ попечителя, кн. Чарторыйскаго; но эти хлопоты не увѣнчались никакимъ успѣхомъ (Бѣлинскій. I. 117—121).

Вслѣдствіе сильно усложнившихся занятій, Спядецкій пришелъ къ мысли о необходимости для большей пользы и развитія учебнаго дѣла и для лучшаго надсмотра за училищами округа установить при университетѣ особый училищный комитетъ.

---

*) Главная семинарія сослужила великую службу для западно-русскихъ окраинъ. Она дала намъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ назвать имена Іосифа Сѣмашко, впослѣдствіи Литовскаго православнаго митрополита, Антонія Зубко, Михаила Голубовича, Василія Лужинскаго, Бобровскаго, Янковскаго, Сосновскаго, Тарковича, Венцеслава Жилинскаго, Головинскаго (митрополитовъ римско-католическихъ), Бовкевича, Гербурта и мн. др. Все это были люди высокообразованные, истинные христіане, много поработавшіе для науки... Не служитъ ли главная семинарія указаніемъ, какъ слѣдуетъ поставить воспитаніе римско-католическаго духовенства, чтобы въ общей государственной жизни избѣжать его крайняго фанатизма и столь часто повторяющихся въ послѣднее время нежелательныхъ жалобъ и пререканій...?

Въ 1807 году министръ народнаго просвѣщенія писалъ, что по представленію попечителя округа „во уваженіе, что правленіе Виленскаго университета, имѣя множество дѣлъ, требующихъ его вниманія, не можетъ съ такою удобностію имѣть надъ училищами своего округа надзиранія, съ какою могли бы наблюдать за ними лица, по особенному порученію занявшіяся таковымъ попеченіемъ“, имъ утвержденъ при Виленскомъ университетѣ особый комитетъ, подъ названіемъ училищнаго, съ назначеніемъ въ оный на одинъ годъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, профессоровъ Мицкевича и Юндзила, съ тѣмъ однако же, чтобы о важнѣйшихъ дѣлахъ, до училищъ относящихся, отъ комитета всегда представляемо было въ университетскій совѣтъ. (Сборн. матер. III. 1145).

Въ 1823 году кн. Чарторыйскій заявилъ, что въ 1818 году имъ установленъ въ нѣдрахъ университета особый спеціальный комитетъ, на обязанности котораго лежало наблюденіе какъ за положеніемъ училищъ, такъ и за издаваемыми элементарными книгами (Memoires II. 190). Слѣдуетъ думать, что это былъ тотъ самый комитетъ, который получилъ свое начало еще въ 1807 году.

Установленіе этого комитета кн. Чарторыйскій ставилъ себѣ въ особую заслугу. Но эта институція является какою то странною, неопредѣленною, а по словамъ Твардовскаго, ректора университета и ставленника кн. Чарторыйскаго, не только безполезною, но даже вредною. Она рѣдко функціонировала, и часто случалось, что въ данную минуту, когда чувствовалась въ ней особенная потребность, на лицо не оказывалось *ни одного* изъ членовъ комитета. (Archiwum do dziejow oswiaty i literatury w Polsce. Krakow. VI. 215). Такое положеніе дѣла заставило Твардовскаго въ 1823 г. сдѣлать особое представленіе о преобразованіи школьнаго комитета.

„Этотъ комитетъ, говоритъ Твардовскій, будучи неоднократно учреждаемъ при Виленскомъ университетѣ, въ своемъ настоящемъ положеніи вѣдалъ только тѣ дѣла, которыя поручались ему правленіемъ университета. Отсюда выходили не уменьшеніе или сокращеніе работы, а напротивъ ея увеличеніе. Вѣдь если само университетское правленіе разрѣшаетъ какое нибудь дѣло, то послѣднее бываетъ на разсмотрѣніи

только разъ въ засѣданіи совѣта; когда же прибѣгаютъ къ посредству училищнаго комитета, то такая функція продѣлывается три раза, т. е. дѣло сначала поступаетъ на разсмотрѣніе въ университетскій совѣтъ, потомъ въ комитетъ (по постановленіи совѣта) и наконецъ снова возвращается въ совѣтъ съ опредѣленіемъ комитета. Все это вмѣсто облегченія давало въ результатѣ канцелярскую волокиту и разныя затрудненія".

„Потому, продолжаетъ Твардовскій, всѣ эти комитеты, неоднократно возобновляемые, всегда являлись бездѣятельными, и члены ихъ сами собою не собирались въ засѣданія, не ожидая отъ нихъ никакихъ благотворныхъ послѣдствій".

Сославшись на школьную комиссію въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) округѣ, которая, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, состоитъ изъ профессоровъ и непосредственно завѣдуетъ всѣми училищными дѣлами, ведетъ отъ себя офиціальную переписку не только съ училищнымъ начальствомъ, но и губернскими присутственными мѣстами, и отсюда получается значительная польза и сокращеніе переписки, Твардовскій желалъ бы учредить нѣчто подобное и въ Виленскомъ учебномъ округѣ. „Такой школьный комитетъ при Виленскомъ университетѣ, который непосредственно завѣдывалъ бы школами и ихъ интересами, преслѣдуя одну опредѣленную цѣль, выполнялъ бы свое назначеніе лучше, нежели правленіе университета, занятое различными предметами. Въ такомъ раздѣленіи, говоритъ Твардовскій, чувствуется особенная нужда въ настоящее (1823 г.) время, когда, согласно новому устройству инспекціи и школьной полиціи, деканы больше прежняго будутъ заняты этимъ дѣломъ; освобожденіе ихъ отъ присутствованія въ засѣданіяхъ по школьнымъ вопросамъ дало бы имъ болѣе свободнаго времени и возможно было бы посвятить себя требуемому досмотру".

Въ виду этого, для завѣдыванія училищами, Твардовскій проектировалъ установить особый, *самостоятельный школьный отдѣлъ правленія университета*, состоящій, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ четырехъ профессоровъ, по выбору правленія, и, для большей ихъ компетенціи, утверждаемыхъ

министромъ народнаго просвѣщенія. Этотъ комитетъ отъ своего имени сносился бы съ училищами и получалъ бы отъ нихъ представленія. Его постановленія для училищъ должны быть обязательны и приводиться въ исполненіе. Министръ утвердилъ представленія Виленскаго университета о школьномъ комитетѣ въ новомъ его видѣ, и онъ оставался въ силѣ до времени закрытія университета. (Reforma uniwersytetu Wilenskiego. Dr. Szeliga. Krakow. 131, 132).

Въ 1811 году (26 августа) состоялось Высочайшее повелѣніе относительно назначенія при уѣздныхъ училищахъ почетныхъ смотрителей. Отъ нихъ ожидали особаго содѣйствія образованію народному. Кн. Чарторыйскій издалъ особую инструкцію, которою почетные смотрители должны были руководствоваться въ своей дѣятельности. 1) На основаніи этой инструкціи почетнымъ смотрителямъ подчинялись всѣ уѣздныя училища, пансіоны, конвикты и особенно всѣ находящіяся въ уѣздѣ приходскія школы. 2) Въ своей дѣятельности почетные смотрители должны были сообразоваться и съ соотвѣтственными утвержденными положеніями каждаго учебнаго заведенія. 3) Въ своемъ районѣ они наблюдали за дѣятельностію учебной корпораціи, за выполненіемъ ею различныхъ предписаній начальства; въ особенныхъ случаяхъ почетные смотрители обязаны были являться въ заведеніе съ совѣтомъ и помощью, поддерживать его матеріально и охранять своимъ вліяніемъ и значеніемъ; послѣднія задачи главнымъ образомъ имѣлись въ виду, при установленіи института почетныхъ смотрителей. 4) По дѣламъ, касающимся училищъ, почетные смотрители сносились съ директоромъ училищъ соотвѣтственной губерніи и съ Виленскимъ университетомъ. 5) Во время посѣщенія училищъ почетные смотрители, если они находили это нужнымъ и если того требовали обстоятельства, могли созывать засѣданія учебной корпораціи, чтобы общими силами обсудить назрѣвшія нужды и средства къ ихъ удовлетворенію. Почетные смотрители ни въ чемъ не могли нарушать утвержденнаго школьнаго порядка. 6) Смотритель уѣзднаго училища посылалъ почетному смотрителю такія донесенія о дѣлахъ училищъ, какія представлялъ и директору училищъ въ губерніи. 7) Если бы почетный смотритель замѣтилъ въ какомъ

либо училищѣ значительныя упущенія или не исполненіе предписаній начальства, то имѣлъ право письменно напомнить объ этомъ начальству заведенія и пригласить его къ порядку; въ случаѣ замѣченной неисполнительности, онъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія директора училищъ, или же доносилъ университету. 8) Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній и споровъ между членами училищной корпораціи, почетный смотритель, по порученію университета, старался на мѣстѣ все привести къ миру и спокойствію. 9) Такъ какъ главная цѣль установленія почетныхъ смотрителей состояла въ томъ, чтобы возможно тѣснѣе сблизить помѣщиковъ со школьною іерархіей для развитія общественнаго воспитанія, то всѣ свои старанія они должны были направлять къ тому, чтобы въ помѣщикахъ возбудить полное довѣріе къ учебнымъ учрежденіямъ и непремѣнную рѣшимость помогать въ этомъ отношеніи спасительнымъ намѣреніямъ правительства. Почетный смотритель являлся то въ роли заботливаго замѣстителя родителей, чтобы школы отвѣчали возлагаемымъ на нихъ ожиданіямъ, то въ роли посредника между школою и родителями, которые отдаютъ въ нее своихъ дѣтей. 10) Если обыватели сдѣлаютъ какія нибудь пожертвованія въ пользу просвѣщенія, то собственноручно вписавши ихъ въ училищную книгу, почетный смотритель долженъ былъ донести объ этомъ университету и попечителю, называя при этомъ имя жертвователя, стоимость пожертвованія и его назначеніе. 11) Есть постановленіе, говорится въ инструкціи, чтобы занимающіеся обученіемъ въ частныхъ домахъ, имѣли на это свидѣтельство о выдержаніи соотвѣтственныхъ экзаменовъ въ уѣздномъ училищѣ, гимназіи или университетѣ. Это распоряженіе правительства, которое свидѣтельствуетъ только о его широкой заботливости о благѣ обывателей, не всегда бываетъ выполняемо въ точности. У насъ еще очень часто дѣти помѣщиковъ воспитываются подъ надзоромъ иностранцевъ, занятыхъ исключительно своекорыстіемъ и съ презрѣніемъ относящихся ко всему нашему родному, неиностранному; такіе воспитатели часто не обладаютъ ни научными, ни нравственными хорошими качествами. Не получивши сами приличнаго воспитанія, вынужденные часто оставить собственное отечество вслѣдствіе дурныхъ обычаевъ или совершенныхъ преступленій, не зная

нашего языка (польскаго) и питая къ нему отвращеніе, безъ всякой привязанности къ краю, для нихъ чуждому, они и въ умахъ дѣтей нашихъ зарождаютъ фальшивыя понятія и представленія, а въ сердцѣ поселяютъ если не злыя наклонности, то отвращеніе отъ всего, что родное наше, краевое, и такимъ образомъ среди насъ, изъ нашихъ же дѣтей, создаютъ иностранцевъ. Почетные попечители употребятъ все свое вліяніе на своихъ же сотоварищей-помѣщиковъ, чтобы они, при наймѣ учителей, давали преимущество передъ иностранцами своимъ соотечественникамъ, которые получили соотвѣтственную подготовку въ гимназіи или университетѣ. Всегда при этомъ почетные смотрители будутъ наблюдать, чтобы помѣщики ни въ какомъ случаѣ не брали къ себѣ въ учителя лицъ безъ установленныхъ свидѣтельствъ, а если бы такія личности оказались, то они обязаны получить требуемыя свидѣтельства. 12) Почетные смотрители, заботясь о благѣ просвѣщенія, всегда могутъ оказать своимъ совѣтомъ, знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ помощь и содѣйствіе судебно-эдукаціоннымъ комиссіямъ, если только будутъ приглашены въ ихъ засѣданіе по дѣламъ, касающимся эдукаціоннаго фундуша. 13) По уѣзднымъ училищамъ сдѣлано распоряженіе относительно производства научныхъ наблюденій (выше указано), имѣющихъ особенною цѣлію составить описаніе края, на основаніи инструкціи мин. нар. просвѣщенія, которую въ нѣсколькихъ экземплярахъ университетъ немедленно разошлетъ почетнымъ смотрителямъ. Почетные смотрители, въ видахъ блага наукъ и развитія сельскаго хозяйства, или лично сами, или посредствомъ другихъ помѣщиковъ, постараются, по возможности, облегчить учителямъ способы выполненія столь важнаго порученія. 14) Такъ какъ инструкція (мин. нар. просвѣщенія) прежде всего касается школъ начальныхъ, т. е. приходскихъ и сельскихъ, и такъ какъ край нашъ, соразмѣрно своему населенію, далеко еще не заключаетъ достаточнаго количества этихъ заведеній и духовенство съ помѣщиками болѣе всего могутъ содѣйствовать увеличенію количества этихъ школъ и прочнаго ихъ утвержденія, то попечитель приглашаетъ почетныхъ смотрителей употребить всѣ усилія, чтобы посредствомъ связей и знакомствъ въ уѣздѣ, возбудить въ помѣщикахъ и духовенствѣ рвеніе къ открытію этихъ начальныхъ заведеній.

При этомъ рекомендуется каждому почетному смотрителю руководствоваться слѣдующими положеніями: a) Каждый почетный смотритель прежде всего соберетъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ количествѣ въ уѣздѣ школъ приходскихъ и сельскихъ, въ какихъ пунктахъ онѣ существуютъ, какія имѣютъ средства для своего существованія; укажетъ количество учениковъ и качество учителя. b) Соберетъ свѣдѣнія, какія мѣста особенно нуждаются въ названныхъ школахъ, приходскіе ли костелы или орденскія общества, и гдѣ онѣ находятся въ мѣстечкахъ ли, или въ значительнѣйшихъ селеніяхъ. c) Собравши такія свѣдѣнія, почетный смотритель обратитъ вниманіе на то, можно ли немедленно въ извѣстной мѣстности открыть школу, или нужно еще для этого сдѣлать нѣкоторыя подготовительныя работы, какъ то: обдумать способы возведенія нѣкоторыхъ построекъ, пріисканія учителя, обдумать средства содержанія, будутъ ли онѣ состоять во взносахъ родителей за обученіе дѣтей, или въ даваемыхъ пособіяхъ, или же владѣльцы примутъ содержаніе училищъ на свой счетъ. д) Во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ почетные смотрители должны входить въ соглашеніе съ обывателями и склонять ихъ къ открытію того или другого типа школъ. e) Если помѣщики, руководимые благомъ ближняго и собственнымъ хорошо понятымъ интересомъ, захотятъ открывать приходскія училища, тогда почетный смотритель войдетъ съ ними въ соглашеніе относительно нуждъ этихъ заведеній, сообразно съ имѣющимися на то постановленіями, которыя доставитъ ему университетъ; получивъ письменное заявленіе отъ желающихъ открыть приходскую школу, почетный смотритель постарается, по возможности, облегчать безпрепятственное приведеніе дѣла къ доброму концу черезъ устраненіе излишнихъ формальностей въ канцеляріяхъ учебнаго вѣдомства. f) О заявленіяхъ обывателей смотритель донесетъ университету, и если будетъ настоять нужда въ назначеніи учителя или въ высылкѣ элементарныхъ книгъ, то университетъ сдѣлаетъ зависящія отъ него распоряженія. g) Почетные смотрители должны будутъ собрать свѣдѣнія, не находятся ли гдѣ нибудь при приходскихъ костелахъ или монастыряхъ, а также селеніяхъ забытые фундуши на школы, и, въ случаѣ открытія таковыхъ, для возвращенія ихъ къ первоначальному назначенію, употребятъ

или мѣры полюбовнаго соглашенія, или же при неуспѣхѣ, представятъ обо всемъ университету. h) Въ видахъ большаго успѣха, университетъ препроводитъ почетнымъ смотрителямъ таблицу находящихся въ уѣздѣ приходовъ, съ указаніемъ ихъ населенія. Примѣнительно къ этому смотрители на мѣстѣ сообразятъ, въ какомъ мѣстѣ лучше всего и съ большею пользою можетъ быть открыта приходская школа, о содержаніи ихъ при каждомъ приходскомъ костелѣ войдутъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ и о результатахъ своихъ сношеній донесутъ университету. i) Такъ какъ единственно постоянный и неусыпный надзоръ за названными школами можетъ обезпечить ихъ твердую постановку и дальнѣйшее усовершенствованіе, то почетные смотрители никогда не должны спускать съ глазъ названныхъ школъ; при посредствѣ уѣздныхъ предводителей дворянства, они будутъ имѣть съ ними непрерывныя сношенія и, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ должны осмотрѣть ихъ. k) При таковыхъ осмотрахъ, они постараются отличить лучшихъ и болѣе старательныхъ учениковъ. Почетному смотрителю разрѣшается, по его усмотрѣнію, употреблять и другія средства для привлеченія дѣтей въ школу. При этомъ онъ будетъ убѣждать владѣльцевъ и родителей безпрепятственно отправлять дѣтей въ приходскую школу. l) По выполненіи визиты школъ своего уѣзда, смотритель, при посредствѣ губернскаго директора, донесетъ университету обо всемъ видѣнномъ съ собственными при этомъ замѣчаніями.

14) Ежегодно, въ мѣсяцѣ декабрѣ, каждый смотритель, по данному образцу, представитъ отъ себя попечителю вѣдомость о подвѣдомыхъ ему школахъ. 15) Въ случаѣ обширности уѣзда, или особенныхъ какихъ либо обстоятельствъ, когда почетный смотритель не имѣлъ бы возможности лично осмотрѣть всѣ приходскія школы, онъ можетъ избрать себѣ замѣстителя, первоначально сдѣлавши о немъ представленіе университету для утвержденія. 16) Такъ какъ вся отвѣтственность въ губерніи по школьному дѣлу лежитъ на губернскомъ директорѣ училищъ, то почетные смотрители съ нимъ будутъ сноситься и посвящать его въ свои намѣренія и предпріятія.

При общихъ стараніяхъ и единствѣ направленія всѣхъ работъ будутъ значительно обезпечены для края хорошіе и добрые успѣхи... (Bielinski. I. 224—228).

Почетные смотрители избирались изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и имѣющихъ личныя достоинства, необходимыя для сего званія. Имъ подчинялись штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, которые не только директору губернскихъ училищъ, но и почетнымъ смотрителямъ должны были посылать донесенія по дѣламъ училищнымъ. Почетные смотрители въ своемъ званіи утверждались министромъ народнаго просвѣщенія. Служба почетныхъ смотрителей считалась государственною и давала имъ право на чины и другія награды. Жалованье имъ не назначалось, такъ какъ предполагалось, что почетные смотрители, какъ богатые помѣщики, по избытку своихъ доходовъ, ни въ какомъ жалованьѣ не нуждались (Сборн. постан. 1. 666, 667).

Видимъ, какую большую силу пріобрѣтала учебная власть въ лицѣ почетныхъ смотрителей. Богатые помѣщики, заинтересованные исключительно развитіемъ и усовершенствованіемъ школьнаго дѣла, знающіе мѣстные нужды и запросы, съ большимъ вліяніемъ и связями, эти агенты министерства народнаго просвѣщенія, при доброй волѣ и надлежащемъ руководствѣ, могли бы сдѣлать очень много полезнаго и хорошаго для учебнаго дѣла въ своемъ уѣздѣ.

Данная попечителемъ инструкція приглашаетъ почетныхъ смотрителей обратить особенное вниманіе на развитіе въ уѣздѣ приходскихъ и сельскихъ школъ, позаботиться о домашнемъ воспитаніи въ дворянскихъ семьяхъ, удалять оттуда по возможности неподходящихъ иностранныхъ педагоговъ и замѣщать ихъ достойными польскими учителями; приходскія и сельскія школы подчинять вліянію римско-католическаго духовенства. Но, нужно сознаться, что и этотъ институтъ не имѣлъ выдающагося значенія въ дѣлѣ открытія и развитія школъ. Хотя законодатель расчитывалъ, что „новое сіе поприще (т. е. учрежденіе должности почетныхъ смотрителей),

открываемое для службы дворянства, возбудитъ въ немъ рвеніе отличиться наономъ содѣйствіемъ своимъ къ образованію народному“, но этого рвенія не замѣчалось, и приходскія, а тѣмъ болѣе сельскія школы, были очень немногочисленны и еще долго продолжали влачить свое жалкое существованіе.

XVI.

Вопросъ о польскомъ языкѣ; его вакантная каѳедра при университетѣ: по конкурсу ее занимаетъ Евсевій Словацкій. Заботы Снядецкаго о чистотѣ польскаго языка въ офиціальныхъ бумагахъ, въ ученыхъ трудахъ и въ элементарныхъ книгахъ. Линде и его словарь. Мысль о замѣщеніи въ университетѣ каѳедры польской исторіи. Стараніе Снядецкаго собрать въ библіотекѣ университета возможно большее количество рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ для составленія польской исторіи. Проектъ исторіографіи университета и его округа.

Одинъ изъ вопросовъ, которымъ много занимался Снядецкій во все время ректорства въ университетѣ,—это былъ вопросъ о польскомъ языкѣ. Его господство онъ думалъ утвердить на всемъ пространствѣ Виленскаго университетскаго округа и при томъ не только съ теоретической стороны, но и практической, т. е., чтобы всѣ умѣли хорошо и правильно говорить и писать (Pamiętniki... I. 592, 648, 658). Въ одномъ изъ писемъ къ кн. Чарторыйскому-отцу (отъ 5 октября 1809 г.) Снядецкій возстаетъ противъ тѣхъ многоразличныхъ нововведеній, которыя нѣкоторыми любителями допускались въ польскій языкъ, вопреки его характеру и существу. „Обойдутся поляки и, безъ этихъ реформъ (нѣкоторые писатели предлагали ввести въ польскій алфавитъ нѣсколько буквъ съ точками), и, какъ мудро изволите замѣчать вы, подобная реформа, не обогативши польской литературы плодами ума и фантазіи, по всей вѣроятности, не заохотитъ иностранцевъ къ изученію польскаго языка только потому, что часть его алфавита будетъ съ поставленными на ней точками. Прежде всего будемъ стараться усовершенствовать его (т. е. языкъ) для самихъ себя; это поведетъ насъ къ точному, упорядоченному и ясному мышленію, къ болѣе легкому распространенію въ краѣ наукъ;

съ ихъ помощью будутъ открываться, формироваться и усовершенствоваться таланты, а ихъ творенія и труды создадутъ для языка честь и заманчивость среди иностранцевъ. Вы жалуетесь на бѣдность и пустоту нашей литературы; нужно скорбѣть, что все какъ будто сговорилось на ея уничтоженіе и упадокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ языкъ пересталъ быть офиціальнымъ, онъ потерялъ истиннаго для себя опекуна: думали не о его развитіи, а объ истребленіи. Важнѣйшія каѳедры въ университетѣ заняли иностранцы, которые не только не могли содѣйствовать росту языка, но были не въ состояніи охранить его существованіе. Всѣ красоты классической литературы иностранцемъ не могутъ быть основательно переданы полякамъ; переведенныя (чужемцемъ) на нашъ языкъ, онѣ становятся пустою, нерѣдко педантическою эрудиціей, а не тою питательною пищею и плодомъ истиннаго (народнаго) таланта, который создаетъ ясность, пріятность и волшебную мощь человѣческой рѣчи. Мало еще имѣется у насъ читателей польскихъ твореній, а чрезъ это значительно ослабляется охота писать у желающихъ и способныхъ. Обращая вниманіе на подобныя препятствія, не будемъ удивляться, что мы не богаты твореніями, для которыхъ наука доставляетъ только матеріалъ, а все создаетъ и устрояетъ истинное прирожденное дарованіе. Можемъ думать, что, сравнительно съ другими народами, мы еще даже въ выигрышѣ, будучи поставлены въ столь суровыя и постоянно враждебныя намъ обстоятельства. Александръ I и домъ вашего сіятельства всегда будутъ памятны въ дѣяніяхъ польскихъ наукъ: при личныхъ благодѣяніяхъ, они сохранили для края и наукъ польскій языкъ". (Pamiętniki... I. 611—613).

Нужно было начинать дѣло съ университита. Изъ переписки между Снядецкимъ и Чацкимъ въ 1803—1804 г. мы уже знаемъ, какъ недружелюбно относились они оба къ вызову иностранцевъ въ Виленскій университетъ. Отчасти ихъ упроченію въ Вильнѣ Снядецкій приписывалъ и паденіе польскаго языка и литературы. До 1811 года въ университетѣ не было даже преподавателя польскаго языка. Всѣ усилія Снядецкаго замѣстить вакантную каѳедру извѣстными тогда польскими писателями Дмоховскимъ или Вороничемъ не привели

ни къ чему: тотъ и другой положительно отказались отъ предлагаемаго мѣста. Свою скорбь по этому поводу изливаетъ Снядецкій въ письмѣ къ кн. Чарторыйскому-отцу отъ 14 марта 1808 года. „Знаю, что вы постоянно заняты думами относительно двухъ предметовъ въ здѣшнемъ университетѣ: о судьбѣ періодическаго изданія, такъ счастливо начатаго и прерваннаго, подъ именемъ „Дневника“ (Dziennik), и о положеніи (въ университетѣ) литературы латинской и польской. Въ теченіе всего прошлаго года мы были лишены сношеній съ иностранными краями (по случаю военнаго времени); не получая оттуда ни газетъ, ни журналовъ, мы не знали, что творится тамъ въ научныхъ областяхъ. Пока не установятся правильныя и надежныя литературныя сношенія съ заграницею, пока не высмотрю человѣка, способнаго редактировать „Дневникъ“ и исключительно ему преданнаго, пока не устрою всего такъ, чтобы сотрудники „Дневника“ и вообще работающіе для него имѣли хорошее обезпеченіе, до тѣхъ поръ не могу начать этого дѣла... На каѳедру польской литературы, при содѣйствіи канцлера Хрептовича, я приглашалъ кс. Воронича; но онъ имѣетъ какіе-то другіе виды и моего предложенія не принялъ. Хрептовичъ совѣтуетъ мнѣ объявить на три или четыре года конкурсъ на вакантную каѳедру; между тѣмъ въ теченіе названныхъ лѣтъ откладывать содержаніе профессора литературы, и кто потомъ явится изъ среды поляковъ достойнымъ (по конкурсу), тому вмѣстѣ съ каѳедрою предоставлена будетъ и собранная сумма. Правда, что это пріемъ не особенно шляхетенъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ имѣть добрыя послѣдствія для открытія оригинальнаго таланта...“ (Pamiętniki. I. 502, 503).

Князь Чарторыйскій-отецъ не замедлилъ отвѣтомъ по интересующему его вопросу (попечитель былъ за границею и занятъ былъ другими дѣлами, а не округомъ). „Каѳедра польской литературы, писалъ онъ, рѣшительно необходима, если только хотимъ достигнуть того, чтобы не исчезъ совершенно родъ людей, которые умѣли бы писать на своемъ родномъ языкѣ. Измѣнивши правительственную форму, мы съ тѣмъ вмѣстѣ потеряли много всякихъ средствъ, которыя содѣйствовали охраненію и усовершенствованію языка; необходимо для

этого открыть другіе пути. Между ними я признаю однимъ изъ самыхъ дѣйствительнѣйшихъ—это учрежденіе особой профессуры по польской литературѣ. Подъ этимъ названіемъ я не понимаю только исторію литературы, т. е. авторовъ и ихъ произведенія, но подразумѣваю, что желающій занять названную каѳедру долженъ обладать основательнымъ знаніемъ литературы вообще, in abstracto, знаніемъ классической литературы, которая навсегда будетъ образцовою; далѣе—искомый кандитатъ долженъ изучить заграничную литературу, чтобы, прочитывая съ учащимися польскія произведенія и излагая ихъ въ прозѣ или стихахъ, могъ указать слушателямъ, въ чемъ заблуждались изучаемые писатели, въ чемъ согрѣшили противъ вкуса или особенностей въ стилѣ по роду содержанія, чтобы въ цѣломъ могъ указать основанія изящества даннаго произведенія. Понимаю всю трудность этого, и едва ли въ настоящее время можно будетъ найти личность, столь знающую и способную занять каѳедру польской литературы. Самымъ надежнымъ кандидатомъ вначалѣ явится тотъ, который, при сравнительныхъ знаніяхъ, окажется старательнымъ, трудолюбивымъ, способнымъ къ усовершенствованію себя и готовымъ учиться при обученіи другихъ. По моему мнѣнію, заключаетъ кн. Чарторыйскій-отецъ, проектъ канцлера Хрептовича (о конкурсахъ для поляковъ) является въ высшей степени благоразумнымъ и подходящимъ...“ (Pamiętniki. I. 507, 508). Соглашаясь съ мнѣніемъ кн. Чарторыйскаго, Снядецкій предложилъ совѣту университета объявить конкурсъ для желающихъ изъ поляковъ занять вакантную каѳедру и даже самъ написалъ условія конкурса. Главнымъ намѣреніемъ Снядецкаго было найти на первыхъ порахъ для профессуры такого соотечественника, который, основательно зная польскій языкъ, зналъ бы во всей обширности и его литературу и могъ бы хорошо писать. Въ концѣ декабря 1810 года представлено было на конкурсъ сочиненіе, которое по разсмотрѣніи оказалось принадлежащимъ Евсевію Словацкому, учителю Кременецкой гимназіи. Для Снядецкаго это было большою находкою. Словацкій, при знаніи польскаго языка, былъ надеженъ уже тѣмъ, что являлся въ университетъ для занятія каѳедры изъ школы Чацкаго, напитанный его духомъ и направленіемъ. Хотя факультетъ свободныхъ наукъ при университетѣ, во главѣ съ

деканомъ Гродекомъ, призналъ конкурсное сочиненіе Словацкаго неудовлетворительнымъ и требовалъ даже продлить время для новаго конкурса, но, по настоянію Снядецкаго, совѣтъ университета принялъ мнѣніе ректора и призналъ Словацкаго достойнымъ искомой каѳедры, и послѣдній занялъ ее съ начала 1811 года. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года Чацкій написалъ Снядецкому ѣдкое письмо, упрекая его, что отнялъ у него способнѣйшаго изъ учителей, а учащееся юношество въ Волынской гимназіи лишилъ уроковъ отечественной литературы. Мѣсто Словацкаго въ Кременцѣ заняли менѣе даровитые преподаватели: сначала кс. Осинскій, а потомъ Фелинскій (Pamiętniki. I. 592—599).

Замѣстивши съ успѣхомъ и большими надеждами въ будущемъ вакантную каѳедру польскаго языка въ Виленскомъ университетѣ, Снядецкій чутко и зорко слѣдилъ за развитіемъ и успѣхами польскаго языка въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ (ibid. 648). „Въ великихъ событіяхъ міръ цѣнитъ всегда волю неба, а нерѣдко и удачу счастія. Нашъ языкъ состоитъ подъ опекою права и охраною цѣлыхъ поколѣній. Кто легкомысленно относится къ своему языку, тотъ иностранецъ на собственной землѣ; онъ не унаслѣдовалъ духа предковъ и языкъ народа отдѣляетъ отъ языка науки. Совершенствуйтесь въ этомъ языкѣ (польскомъ); доставьте утѣшеніе духамъ вашихъ предковъ, которые, почивая въ пространствѣ вѣковъ, продолжаютъ однако съ небесныхъ высотъ глядѣть и на настоящія отдаленныя поколѣнія“. Эти слова Чацкаго изъ его рѣчи 1812 года къ учащимся въ Кременцѣ произносились далеко не въ одной Кременецкой гимназіи и пропагандировались повсюду. (O Życiu i pismach T. Czackiego. Osiński. 52). Даже въ частной перепискѣ Снядецкій преслѣдовалъ неправильности въ языкѣ и указывалъ на нихъ авторамъ. „Пиша въ Литвѣ, вы необходимо должны остерегаться провинціализмовъ или литвинизмовъ, которые такъ позорно заражаютъ нашъ языкъ и часто дѣлаютъ его непонятнымъ для другихъ провинцій, отзывался Снядецкій на письмо къ нему одного учителя. Вы обязательно должны имѣть списокъ подобныхъ примѣровъ, чтобы избѣгать ихъ“. (Pamiętniki I. 728). Тѣмъ болѣе не допускалъ Снядецкій какихъ бы то ни было

ошибокъ въ языкѣ въ тѣхъ официальныхъ бумагахъ, или распоряженіяхъ, которыя выходили изъ учебныхъ заведеній, были ли это простыя извѣщенія или классныя расписанія уроковъ—все равно. Отвѣтственность въ подобныхъ случаяхъ Снядецкій возлагалъ на начальника заведенія и, еще болѣе, на учителя польскаго языка. 12 ноября 1811 года Снядецкій писалъ Осинскому, замѣстившему въ Кременецкой гимназіи Евсевія Словацкаго: „Зная вашу заботливость о чистотѣ народнаго (польскаго) языка, вижу, что префектъ гимназіи не далъ вамъ пересмотрѣть распубликованное распредѣленіе (на учебный годъ) наукъ въ Кременецкой гимназіи, чтобы исправить тамъ и уничтожить ошибки въ языкѣ. Вѣдь не хорошо, что гимназія, изучая столько заграничныхъ языковъ, имѣетъ такъ мало заботы о своемъ собственномъ. Въ польскомъ языкѣ въ именительномъ и винительномъ надежѣ множественнаго числа не говорится dnie, но dni; употребляется нарѣчіе wednie, т. е. во время бѣлаго дня; говорятъ также tygodnie, но не говорятъ dnie. Подобныхъ примѣровъ не встрѣчалъ я ни у одного хорошаго польскаго писателя стараго или новѣйшаго. Быть можетъ это капризъ языка, или отступленіе отъ общаго правила; но кто хочетъ хорошо писать на своемъ и вообще на какомъ бы то ни было языкѣ, обязанъ изучить даже его капризы, которые, въ свою очередь, становятся правиломъ, коль скоро утверждаются обычаемъ и употребленіемъ уважаемыхъ писателей. Какъ будто на злость и на перекоръ судьбѣ, въ Кременецкомъ оповѣщеніи четыре раза употреблено: przez wszystkie dnie, что составляетъ солецизмъ и барбаризмъ. Въ томъ смыслѣ, какой придается здѣсь указаннымъ выраженіямъ, не говорится по-польски przez wszystkie dnie, но говорятъ: co dzień, (ежедневно), или: każdego dnia. Если въ школьныхъ запискахъ, по которымъ дѣти должны будутъ изучать правила языка, появится такая его порча и искаженіе, то общественное обученіе не столько поможетъ, сколько повредитъ просвѣщенію, самоглавнѣйшимъ орудіемъ котораго и результатомъ долженъ быть отечественный языкъ, такъ немилосердно обезображенный и искалѣченный разными писаками, которые какъ будто подъ присягою сговорились на его погибель. Къ крайнему сожалѣнію, и общественные учители не краснѣютъ продѣлывать такіе же промахи и проступки и

легкомысленно относятся къ тому правилу, что хорошее обученіе слагается какъ изъ мыслей, обстоятельно усвоенныхъ, такъ и изъ выраженій, вполнѣ отвѣчающихъ понятію и свойственныхъ языку. Плохо (неправильно) выражаться о предметѣ все равно, что плохо (не ясно) понимать его" Pamiętniki II. 377, 378).

Подобные упреки дѣлалъ Снядецкій и І. Лелевелю, начинавшему только еще литературное поприще. „Замѣтивши по нѣкоторымъ мѣстамъ (вашихъ сочиненій), писалъ къ нему Снядецкій (отъ 12 ноября 1814 г.), что вы можете писать хорошо и чистымъ языкомъ, и встрѣчая въ тоже время слогъ шероховатый, противный, а во многихъ мѣстахъ неясный, заключаю, что дѣло не изучено (какъ слѣдуетъ) и напечатано поспѣшно. Во многихъ мѣстахъ видно желаніе блеснуть грубою и не всегда для поляка понятною славянщиной; припоминаю употребленное вами выраженіе „на счетъ", которое деретъ уши и неудобно для пониманія. Необходимо писать такъ, чтобы насъ понимали всѣ, по крайней мѣрѣ, знающіе дѣло, и избѣгать выраженій съ твердымъ произношеніемъ особенно если безъ этого можно обойтись. Совѣтую остерегаться въ самомалѣйшихъ вещахъ стремленій къ рефоматорству. Нашъ народъ не настолько глупъ и варварскій, чтобы *вновь* начинать обученіе его письму и выговору, какъ допущено это въ Варшавѣ (съ этимъ мы сейчасъ ознакомимся). Это шагъ самонадѣянный и легкомысленный. Мнѣ прискорбно было видѣть и читать допущенныя вами измѣненія въ ороографіи, совершенно не нужныя и поставленныя на слабыхъ основаніяхъ. Такъ по образцу грековъ, или по какому нибудь другому древнему образцу вы измѣнили окончанія словъ и даже цѣлыя названія, тогда какъ наоборотъ на основаніи правилъ измѣненія или окончанія словъ, древнее слово, принятое въ нашъ языкъ, сообразуется съ нашими правилами, а не мы жертвуемъ для него своими. Греческія, напр., слова должны подчиняться (въ написаніи) нашему языку, а не нашъ языкъ долженъ передѣлываться на манеръ греческаго, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго. Кто же бы то съ вами писалъ и говорилъ: Egiptian, Europców, Aristotela и т. д., когда извѣстные давніе и современные нами писатели, и вообще повсемѣстно

принятый обычай приказывають иначе. Я совѣтовалъ бы вамъ остерегаться нѣмецкихъ педантовъ, у которыхъ наука чаще всего никакъ не можетъ ужиться со вкусомъ и разсудкомъ. Скромному и мыслящему писателю необходимо остерегаться во всемъ даже кажущейся обособленности. Нѣтъ нужды составлять новыя выраженія для предметовъ обыкновенныхъ и давно извѣстныхъ; а что касается техническихъ выраженій, то тутъ требуется крайняя осторожность. Такія выраженія, какъ „Oznaczoność krajobraz" и т. д. и неудачны, и совершенно излишни. Много предметовъ въ вашей книгѣ изложено съ такою темнотою, что даже для меня они не понятны, хотя и долженъ бы понять ихъ, такъ какъ касаются моей спеціальности... (ibid. 408).

Видимъ, такимъ образомъ, съ какимъ вниманіемъ и настойчивостію преслѣдовалъ Снядецкій чистоту польскаго языка и его усовершенствованіе. Съ другой стороны совершенно ясно и то, что только подъ русскимъ правительствомъ и при его опекѣ выработывалась польщизна, и чего не могли сдѣлать Краковъ и Варшава, то сдѣлали Вильна и Кременецъ съ Снядецкимъ и Чацкимъ, при усердной помощи не русскому дѣлу нѣкоторыхъ изъ русскихъ министровъ.

Снядецкій въ этомъ отношеніи слѣдилъ за учеными обществами даже Варшавы и Кракова и рѣзко указывалъ имъ на ихъ филологическія ошибки, если онѣ попадались въ ихъ изданіяхъ. „Со времени прибытія моего въ Вильну, писалъ онъ въ Варшаву члену тамошняго ученаго общества—Нѣмцевичу, я стремлюсь къ тому, чтобы повсюду ввести и распространить обычай говорить и писать чистою польщизною. Наше юношество, предполагая, что Варшава должна быть столицею и образцомъ хорошаго слога, быстро схватываетъ появляющіяся тамъ ошибки въ языкѣ и старается ихъ унаслѣдовать. Потому, не съ цѣлію кого нибудь обидѣть или уципнуть, а единственно въ видахъ предосторожности и пользы академическаго юношества, мы не пропустимъ (за что просимъ прощенія) ни одной ошибки, допущенной въ рѣчахъ публичныхъ. Вы вольны подобнымъ образомъ наблюдать за нами и насъ наказывать. Прилагаю при семъ замѣчанія на рѣчь предсѣдателя общества, напечатанную въ газетахъ. Если они, т. е.

замѣчанія ошибочны, прошу просвѣтить меня указаніями и я приму ихъ съ благодарностію. У насъ появляются брошюры и книги, плохо написанныя, особенно о такихъ предметахъ, относительно которыхъ наше юношество не имѣетъ падлежащихъ образцовъ хорошаго слога. Подобныя явленія станутъ уменьшаться, если будетъ учрежденъ для сужденій о языкѣ своего рода критическій трибуналъ; о немъ я давно думаю и всего приличнѣе образоваться ему при обществѣ (ученомъ) Варшавскомъ". (Pamiętniki. II, 375).

Въ письмѣ къ Линде (отъ 1 января 1814 г.) Снядецкій говоритъ: „чистая польщизна и правильность (языка) составляетъ достоинство каждаго писателя. Варшавѣ въ этомъ отношеніи слѣдовало бы явиться примѣромъ для всего края. Къ несчастію, она часто соблазняетъ насъ большою небрежностію относительно языка или же совершенно ненужнымъ его перевертываніемъ. Красицкій, который составляетъ великую славу поляковъ и долженъ служить для нихъ примѣромъ, сказалъ (т. 7, стр. 374): „прекрасно и весьма похвально заимствовать у чужестранцевъ то, чего намъ недостаетъ, но не прилично въ свою очередь брать у нихъ то, безъ чего можно обойтись". Потому великій грѣхъ не послушать мудраго совѣта этого писателя, и если въ иностранномъ языкѣ мы встрѣчаемъ оборотъ удачный, то не слѣдуетъ намъ сейчасъ же задаваться мыслію создать вновь что то подобное, а прежде всего внимательно поискать, нѣтъ ли въ нашемъ языкѣ выраженія или фразы, означающей тоже самое и съ такою же силою Если обратимъ вниманіе на мысль, а не на на отдѣльныя слова, то легко убѣдимся, что намъ не нужны многія вновь созданныя и при томъ некрасивыя выраженія. Для этого, правда, потребуется болѣе труда, нежели для придумыванія новыхъ словъ; за то такимъ путемъ скоро усовершенствуется языкъ и мышленіе. Тотъ крѣпко обманывается и ошибается, кто предполагаетъ, что придумываніе новыхъ словъ совершенствуетъ языкъ. Опытъ и продолжительное размышленіе убѣдили меня, что полякамъ давняго времени неизвѣстны были (да и то въ маломъ количествѣ) техническія научныя выраженія; въ какихъ нибудь выраженіяхъ другого рода мы не нуждаемся для хорошаго писательства. Ясно дока-

залъ намъ это своимъ примѣромъ Красицкій, который не перестанетъ быть для насъ законодателемъ и образцомъ польскаго языка, пока послѣдній будетъ существовать. Таковъ мой образъ мыслей... (Pamiętniki. II. 384, 385).

Дѣлая въ другомъ мѣстѣ замѣчанія на „Исторію польской литературы Бентковскаго", Снядецкій заявляетъ: „указавши писателей, которыхъ авторъ считаетъ образцовыми въ нашемъ языкѣ, онъ не отмѣтилъ ихъ недостатковъ (относительно языка), какъ будто таковыхъ у нихъ и не было. Можно извинить еще автору его чрезмѣрныя похвалы и деликатность въ отношеніи живущихъ, но не можетъ быть никакого оправданія по отношенію къ умершимъ. Возьмемъ для примѣра Нарушевича (епископъ—извѣстный польскій писатель и историкъ). Каждый, знакомый съ словесностію, вмѣстѣ съ авторомъ (Бентковскимъ) похвалитъ стиль Нарушевича въ историческихъ его сочиненіяхъ; его переводъ Тацита превосходенъ. И однакожъ, сколько грамматическихъ ошибокъ въ языкѣ, сколько несносныхъ для поляка литвинизмовъ разсѣяно въ твореніяхъ этого почтеннаго писателя! Указывать ихъ необходимо, чтобы охранить отъ подобной заразы и учащихся и читающихъ. И какъ въ подобномъ случаѣ можетъ усовершенствоваться нашъ языкъ, какъ можетъ принять онъ сообразное съ своею природою теченіе ровное, однообразное, пріятное и для всѣхъ вразумительное, если въ немъ, что ни шагъ, будутъ торчать провинціализмы и грамматическія ошибки, если учащемуся юношеству мы будемъ указывать для подражанія образцы въ писателяхъ, страдающихъ подобными недостатками, не указывая этихъ недостатковъ! Съ уваженіемъ будемъ относиться къ таланту Скарги, его увлеченію и чистотѣ языка въ его твореніяхъ; но сколько еще остается въ немъ такого, что заслуживаетъ порицанія и чему негодится подражать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Нельзя требовать отъ каждаго, чтобы онъ писалъ хорошо; это зависитъ отъ таланта; но каждый обязанъ писать исправно, безъ грамматическихъ ошибокъ, и появляющееся въ печати сочиненіе должно отличаться чистотою языка и вразумительностію для поляковъ; въ немъ не должны быть допущены говоры другихъ провинцій, которыя въ данномъ случаѣ могутъ быть не-

понятны и оскорблять ухо. Каждый изъ пишущихъ имѣетъ свой особый стиль; но всѣ обязаны имѣть одинъ языкъ (ibid. 395, 396).

Желая возможно широкаго распространенія польскаго языка, Снядецкій требовалъ, чтобы и въ математическихъ и другихъ наукахъ употреблялась терминологія польская и на публичныхъ засѣданіяхъ университетскаго совѣта читалъ разсужденіе „о народномъ (польскомъ) языкѣ въ математикѣ“. (Pamiętniki. I. 746).

Думалъ Снядецкій, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе, объ изданіи для юношества элементарныхъ книгъ для чтенія, написанныхъ чистою польщизною. Только что получилъ я письмо отъ Корна (издатель-книгопродавецъ), писалъ Снядецкому князь Чарторыйскій-отецъ (отъ 8 мая 1808 г.), который, будучи напуганъ кѣмъ то, якобы изданныя имъ прежде элементарныя книжки для дѣтей могутъ быть перепечатаны, пишетъ мнѣ, что готовъ вторично издать эти книжки, со всѣми исправленіями и перемѣнами, которыя будутъ ему присланы и доставлены и объ этомъ даже усиленно проситъ меня. Потому, милѣйшій Снядецкій, яви Божескую милость! Ты, который при многихъ другихъ достоинствахъ (равно и братъ твой), такъ отлично владѣешь роднымъ языкомъ, смилостивись надъ грозящимъ ему паденіемъ и не допусти, чтобы будущія поколѣнія съ дѣтства привыкали говорить испорченнымъ языкомъ. Сгони на эту работу (исправленіе дѣтскихъ книжекъ) людей опытныхъ, такихъ, которые имѣютъ достаточно благоразумія, чтобы понять важность предмета; пускай теребятъ, пускай очищаютъ поле отъ провинціализмовъ и германизмовъ въ названіяхъ, въ оборотахъ рѣчи; пусть не идетъ эта работа обычною, избитою колеею. Я слишкомъ проникнутъ сознаніемъ важности этого дѣла и думаю, что никто не явится на столько пустымъ, чтобы считать ее ниже себя“. (Pamiętniki. I. 507).

Снядецкій не менѣе Чарторыйскаго считалъ очень важнымъ дѣломъ изданіе хорошихъ элементарныхъ польскихъ книгъ и много лично работалъ надъ этимъ дѣломъ. Онъ между прочимъ писалъ князю, отцу попечителя: „Я помню о дан-

номъ мнѣ вами порученіи относительно исправленія польщизны въ элементарныхъ дѣтскихъ книгахъ, печатанныхъ Корномъ; это дѣло я передалъ для надлежащаго исполненія. Теперь дѣло за Корномъ, чтобы только онъ согласился принять въ новомъ изданіи сдѣланныя исправленія нѣкоторыхъ частей изъ его книгъ, находящихся теперь въ обращеніи" (Pamiętniki. I. 502).

На такое заявленіе Снядецкій отъ 8 сентября 1808 г. получилъ слѣдующій похвальный листъ отъ того же князя Чарторыйскаго. „Есть за что благодарить и прославлять тебя; признавая важность вкорененія правилъ хорошо говорить на родномъ языкѣ посредствомъ распространенія элементарныхъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, ты благоволилъ снизойти съ небесъ (т. е. оставить пока занятія астрономіей), гдѣ занимаешь такое почетное мѣсто, и приложить свой трудъ къ искорененію въ нашемъ испорченномъ языкѣ заразы, въ будущемъ очень вредной и неизлѣчимой, (если ее оставить не тронутою), привнесенной давнею привычкою (употреблять иностранныя слова и реформировать родныя). Это истинное доказательство свѣтлаго ума и обывательской заботливости посылаю книгопродавцу Корну, который, нѣтъ сомнѣнія, ухватится за это обстоятельство, чтобы вновь издать свои элементарные труды, которые на первый разъ хотя и были неудачны, однако по своему началу имѣли цѣли для насъ благонамѣренныя, нѣсколько даже къ стыду нашихъ соотечественниковъ (Корнъ не былъ полякомъ). Дай Богъ, чтобы твой примѣръ вразумилъ тѣхъ, которые думаютъ, что талантъ ихъ былъ бы униженъ, если бы они занялись школьнымъ исправленіемъ дѣтскихъ книгъ; пускай, повторяю, внушилъ бы имъ, что подобная работа должна быть очень почтенна и важна, если за нее принялся человѣкъ, который имѣетъ очень много серьезныхъ основаній для высокаго о себѣ мнѣнія" (Pamiętniki... I. 510, 511) *).

*) Читатель опять можетъ видѣть, что не Польша, а Литва, Вильна главнымъ образомъ работала надъ созданіемъ польщизны новѣйшей формаціи. И Чарторыйскій не считалъ даже себя полякомъ, а литовцемъ. „Я родился и не перестану быть самымъ усерднымъ литовцемъ", (ibid. 505), и при всемъ томъ посредствомъ Виленскаго университета онъ, литовецъ, принималъ самыя энергичныя мѣры къ подъему славы и процвѣтанія „своихъ соотечественниковъ", т. е поляковъ... Оригинальная логика!

Сильно польщенный отзывомъ князя, Снядецкій поспѣшилъ доставить ему новые свои труды того же рода. „Я получилъ, писалъ ему Снядецкій 15 сентября 1808 г., очень пріятное, милостивое, интересное ваше письмо. Если ваше сіятельство такъ благодушно благоволили принять исправленія польцизны въ азбукахъ Корна, въ такомъ случаѣ я посылаю еще пять книгъ того же Корна, исправленныхъ относительно польцизны и предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія. Надѣюсь, что Корнъ, при новомъ изданіи, воспользуется готовыми поправками, сдѣлаетъ свои книги болѣе прежняго доступными и полезными для польскаго юношества, для котораго оказалъ уже столько услугъ, заохоченный къ тому вашимъ сіятельствомъ...“ (ibid. 514)

Кн. Чарторыйскій, написавшій подъ именемъ Дантышка брошюру о польскихъ сочиненіяхъ по различнымъ предметамъ, просилъ также Снядецкаго пересмотрѣть ее и исправить относительно языка. Похваляя Дантышка за хорошее сравнительно знаніе языка, которому очевидно учился не въ Литвѣ, хотя князь открыто признавалъ себя литовцемъ, Снядецкій во всякомъ случаѣ дѣлаетъ много исправленій и даетъ разныя лингвистическія указанія. Въ доказательство своей правоты, Снядецкій ссылается на Кохановскаго, Гурницкаго, Скаргу, Андрея Фредро и даже современнаго ему профессора кс. Юндзилла, который, по мнѣнію Снядецкаго, хотя до мозга костей является истиннымъ литовцемъ, можетъ однако послужить для корончиковъ (собственно поляковъ, обитателей Короны — Привислинья) образцомъ хорошаго слога. Упрекаетъ Дантышка за употребленіе вновь изобрѣтенной орѳографіи съ знаками надъ нѣкоторыми буквами и совѣтуетъ избѣгать употребленія неточныхъ, неправильно составленныхъ словъ. Во всякомъ случаѣ брошюру Дантышка Снядецкій совѣтуетъ Варшавскому ученому обществу внимательно прочитывать для назиданія и обученія (ibid. 619—621).

Въ школахъ съ учащимися преимущественно изъ русскаго населенія, или же изъ инородческихъ элементовъ (нѣмцы, евреи), Снядецкій настаивалъ на усиленномъ изученіи польскаго языка, и въ такомъ духѣ дѣлались распоряженія визитаторамъ. Это необходимо, говорилъ Снядецкій, чтобы уча-

щіеся перестали быть чужеземцами въ собственномъ отечествѣ и чтобы посредствомъ изученія польскаго языка (вмѣсто русскаго) становились истинными сынами отечества (Pamiętniki. I, 525, 647, 648).

Въ развитіи польской письменности и литературы нѣкоторые шовинисты уже предвидѣли господство полонизма надъ всей славянщиною. По напечатаніи этого собранія (т. е. матеріаловъ для словаря польскаго языка), писалъ Линде Снядецкому (отъ 6 іюля 1813 г.), я думаю приступить къ обстоятельному разбору языка, обоснованному на его отношеніяхъ какъ къ родственнымъ языкамъ, такъ и чуждымъ—древнимъ и новымъ. Для этого я буду нуждаться въ помощи усердныхъ и умѣлыхъ друзей. Программу моихъ дальнѣйшихъ занятій я раскрылъ во вступленіи къ первому тому (словарь польскаго языка). Благоволи потому, милостивый государь, всѣ сдѣланныя тобою замѣчанія, поправки, дополненія время отъ времени удѣлять мнѣ. Я сильно желалъ бы, чтобы ты улучилъ время, съ карандашомъ въ рукѣ, пройтись отъ начала до конца по моему труду, какъ школьному упражненію, исправляя его, выглаживая и подводя основанія, постоянно имѣя въ виду, что дѣло касается не столько второго изданія словаря въ исправленномъ видѣ, а скорѣе совершенно новаго труда, который для своего основанія имѣлъ бы самое обстоятельное собраніе необходимаго матеріала. Было бы также желательно, чтобы для подобной цѣли не отказали въ своемъ милостивомъ содѣйствіи и другіе наши тамошніе почтенные пріятели, какъ уважаемый, напр., родной братъ твой, или кс. Юндзиллъ и другіе, каждый, конечно, сообразно своей специальности и обстоятельствамъ". Сказавши далѣе, что въ своемъ проектируемомъ трудѣ онъ хочетъ обнять всѣ отрасли славянскихъ нарѣчій, что необходимо изобрѣсти какой нибудь общеславянскій алфавитъ, что по этому вопросу онъ вступилъ въ сношенія съ вендами, чехами, русскими и другими, Линде заключаетъ: „быть можетъ, при усердной нашей общей работѣ, *польщизна возьметъ верхъ и будетъ царить надъ всею славянщиной.* Sapienti sat..." (ibid. 729, 731).

Вообще Снядецкаго сильно занимали работы Линде по составленію словаря польскаго языка. По словамъ Балинскаго,

„это было предпріятіе по тому времени гигантское. Но авторъ, помимо щедрыхъ субсидій и поддержки со стороны ученаго Оссолинскаго, кн. Чарторыйскаго и другихъ меценатовъ (о громадной помощи изъ Россіи на изданіе польскаго словаря Балинскій даже не упоминаетъ; но она, какъ сейчасъ увидимъ, служила для Линде, по его признанію, главнымъ основаніемъ и подспорьемъ въ его дѣятельности и трудахъ), не скоро окончилъ бы печатаніе своего замѣчательнаго труда, если бы на помощь ему не пришелъ Снядецкій, съ рѣдкимъ усердіемъ собиравшій для него въ Литвѣ подписчиковъ. Не проходило года, чтобы онъ не выслалъ Линде нѣсколькихъ сотъ червонцевъ на этотъ предметъ (ibid. 584).

„Прежде всего, приношу вамъ, милостивый государь, писалъ Линде Снядецкому (10 января 1809 года) самое искреннее поздравленіе съ новымъ годомъ, какъ истинному пріятелю моего дома... Къ концу прошлаго года мнѣ удалось таки снова издать томъ моего словаря“ и, назначивши по одному экземпляру его для Снядецкаго, для Виленскаго университета, для Северина Потоцкаго (попечителя Харьковскаго учебнаго округа) и Петербургской академіи наукъ, Линде проситъ Снядецкаго отправить ихъ по принадлежности. Сказавши, что онъ давно уже не получалъ никакихъ свѣдѣній ни отъ академіи наукъ въ Петербургѣ, ни отъ министра гр. Завадовскаго; извинившись за безконечныя по своимъ дѣламъ хлопоты, причиняемыя имъ Снядецкому и обѣщая съ полною готовностію отслужить за такую милую дружбу, Линде продолжаетъ: „а что касается того, что творится у насъ (т. е. въ Варшавѣ), то рѣшительно нельзя надѣяться на многое (относительно развитія польскаго языка, литературы...) и наше общество (ученое—любителей наукъ), хотя теперь оно почтено и наименованіемъ королевскаго, однако болѣе чѣмъ когда нибудь находится въ колебательномъ состояніи, совершенно не зная, чего держаться въ воспитаніи. Я маршуюсь, дѣлаю что могу, и при всемъ томъ никакъ не могу достигнуть того душевнаго спокойствія, къ которому привыкъ издавна; однимъ словомъ, боюсь будущности. Въ этомъ главная причина, почему я употребляю всевозможныя средства къ скорѣйшему окончанію и изданію моего труда (словарь польскаго языка). Заманчивыхъ побужденій—не имѣется никакихъ; капиталъ (для изданія) не доста-

точенъ; по самому точному расчету... мнѣ нужно еще тысяча червонцевъ или сто подписчиковъ. И это для того только, чтобы ничего не имѣть т. е., чтобы можно было окончить печатаніе (безъ долга); о заработкѣ, о вознагражденіи за трудъ нечего и думать. *Вся моя надежда на тѣ страны* (т. е. на Литву и западно-русскія области) *и на Россію*; здѣсь (въ Варшавѣ) я могу расчитывать на совершенную малость или просто на нуль. Будьте любезны—воспользуйтесь своимъ вліяніемъ на гр. Завадовскаго, Северина (Потоцкаго) и Петербургскую академію наукъ; все это можетъ доставить значительную помощь. (Pamiętniki... II. 346, 347) *).

Въ новомъ письмѣ отъ 15 марта 1809 г. Линде продолжаетъ скорбѣть о полномъ, безнадежномъ упадкѣ польщизны среди поляковъ. „Не знаю, пишетъ онъ Снядецкому, удержусь ли я на своемъ мѣстѣ; (въ Варшавѣ, въ лицеѣ) здѣсь начинаетъ брать верхъ самый грубый фанатизмъ. Противъ барбаризмовъ Сташица (а это былъ предсѣдатель Варшавскаго общества любителей наукъ) рѣшительно нѣтъ никакого лѣкарства, и въ этомъ величайшее несчастіе, грозящее погибелью нашей падающей литературѣ. Почтенный Осинскій (ксендзъ; преподаватель польской литературы въ Кременцѣ съ 1811 года) началъ издавать „Варшавскій Памятникъ"; пока вышли два номера; они заключаютъ въ себѣ различныя любопытныя литературныя новости; но во всемъ видно убожество. (А вѣдь это были еще лучшія польскія силы!). Господи Боже, заключаетъ Линде, умилосердись надъ нашею бѣдностію во всѣхъ отношеніяхъ; очевидно, наступаетъ время, что мы всѣ вмѣстѣ ничего не придумаемъ для своего спасенія". (ibid. 348, 349).

Въ письмѣ отъ 20 августа 1809 г. Линде заявляетъ Снядецкому, что получилъ утѣшительныя письма отъ гр. Завадовскаго и отъ Петербургской академіи наукъ, которымъ былъ посланъ вновь вышедшій томъ словаря, и что ученый секретарь послѣдней академикъ Фуссъ жалуется на неполученіе

*) Читатель опять можетъ видѣть, откуда набрала польщизна силу и жизненность; Варшава и крулевство ничего не давали на это дѣло; а работали для него Россія и русскіе люди... Во главѣ стояли Вильна, Кременецъ, Петербургъ и Харьковъ.

предыдущаго тома. „Если бы я зналъ, говоритъ въ заключеніи письма Линде, что Петербургская академія не относится *равнодушно* къ этому труду, то я не пожалѣлъ бы во второй разъ послать ей первую часть (затерявшуюся), и при томъ вмѣстѣ съ другимъ томомъ, который въ этомъ еще году появится въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вамъ, какъ моему пріятелю, я долженъ искренно признаться, что завидую извѣстному Шлецеру въ Геттингенѣ, который въ рецензіи на мой словарь позорилъ и языкъ нашъ, и самый народъ, и при всемъ томъ за очень посредственное изданіе Нестора былъ удостоенъ ордена св. Владиміра. По мнѣ, что это за филологъ, который доказываетъ, что польскій языкъ не стоитъ того труда, который я на него кладу, и совѣтуетъ мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ лучше взять за основаніе языкъ россійскій. Льщу себя тѣмъ, что, какъ полякъ, я очень достаточно сдѣлалъ, издавши трудъ, изъ котораго и русскіе могутъ извлекать для себя пользу. (Pamiętniki. II. 350).

Въ письмѣ, отъ 20 декабря 1809 г., Линде по обычаю жалуется на невознаграждаемыя потери времени и труда, при изданіи своего словаря, на общее среди поляковъ къ нему равнодушіе и совѣтуется съ Снядецкимъ о планахъ по изданію дальнѣйшихъ томовъ. „Если-бы, пишетъ онъ, каждый изъ моихъ пріятелей выказывалъ мнѣ такое дѣятельное содѣйствіе, какое постоянно встрѣчаю съ вашей стороны, дѣло пошло бы не худо. Но милостивый Боже! гдѣ я какъ будто имѣю право расчитывать на дѣятельную поддержку, тамъ часто не получаю даже того, что слѣдуетъ мнѣ по всѣмъ законамъ справедливости. А къ тому надвигаются еще роковыя обстоятельства времени. Изданный томъ я посвятилъ Станиславу Потоцкому (министръ народнаго просвѣщенія въ Коронѣ), какъ моему начальнику. Отъ него я ничего не ожидаю, кромѣ постояннаго покровительства, чтобы такимъ образомъ я по крайней мѣрѣ спокойно могъ продолжать начатое. Слѣдующій томъ я думалъ бы посвятить гр. Завадовскому, если получу на то его разрѣшеніе (каждое посвященіе расчитывалось на денежную субсидію). Первоначально я хотѣлъ посвятить его Северину Потоцкому, и объ этомъ въ прошломъ году писалъ ему; но до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Если гр. Завадов-

скій благоволитъ принять мое посвященіе, то слѣдующій пятый томъ я могъ бы оставить для Северина (Потоцкаго). Благоволите открыть мнѣ ваши мысли по этому предмету и дать дружескій совѣтъ. Пока не получу отъ васъ указаній, не буду писать къ названнымъ лицамъ...“ (ibid. 351).

Но Снядецкому не пришлось утруждать себя отвѣтомъ по этимъ вопросамъ: сами обстоятельства разрѣшили ихъ. Гр. Завадовскій скоро оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, а въ такомъ случаѣ и самое посвященіе ему тома оказалось излишнимъ. Этотъ томъ былъ посвященъ Виленскому попечителю, кн. Чарторыйскому. Снядецкій потрудился для Линде по изданію его шестого и послѣдняго тома. При концѣ изданія, на половинѣ печатанія шестого тома, оборвались у Линде всѣ доходы и денежныя пособія. Авторъ находился въ отчаяніи. Тогда Снядецкій обратился письменно къ Тышкевичу и объяснилъ ему, что всѣ громкія польскія фамиліи: Чарторыйскихъ (хотя самъ Чарторыйскій неизмѣнно называлъ себя литовцемъ), Оссолинскихъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, по привязанности своей къ польскимъ наукамъ и народному языку, дѣятельно помогали автору словаря польскаго языка въ его многостоющемъ и мозольномъ предпріятіи, что авторъ, въ благодарность за ихъ патріотическую щедродательность, напечаталъ объ этомъ, съ посвященіемъ ихъ имени первыхъ пяти томовъ, что будетъ очень странно, если въ названномъ спискѣ великихъ и щедрыхъ патріотовъ и пособниковъ такого важнаго труда для края, какъ изданіе польскаго словаря, будетъ отсутствовать имя Тышкевичей. Конечно такія сладкія и льстивыя рѣчи *) склонили Тышкевича принять участіе въ патріотическомъ дѣлѣ. и онъ обѣщалъ дать автору просимые Снядецкимъ на окончаніе изданія словаря шестьсотъ дукатовъ (ibid).

---

*) И Снядецкій, гдѣ требовалось, являлся съ лестію на устахъ. Когда одинъ изъ учителей обратился къ нему съ просьбою дозволить *посвятить ему* свой трудъ о Гольдшмитѣ, Снядецкій рѣзко написалъ ему, что это новѣйшее изобрѣтеніе *о посвященіи* кому нибудь своихъ сочиненій становится теперь основаніемъ для прошеній о подаяніи, или для лести, что одинаково не соотвѣтствуетъ ни пишущимъ, ни истинѣ“. А между тѣмъ въ письмѣ къ Тышкевичу самъ заявилъ, что для славы его имени шестой томъ словаря будетъ посвященъ ему... (Pamiętniki. I, 727, 736).

Въ 1814 году словарь былъ оконченъ изданіемъ. Прославлены имена Чарторыйскихъ, Оссолинскихъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Тышкевичей, Снядецкихъ. Забыто одно, что своимъ появленіемъ словарь первоначально исключительно обязанъ Россіи, гдѣ его раскупали, и русскому государю Александру I, который далъ первыя для его появленія необходимыя средства; безъ послѣднихъ словарь не былъ бы изданъ, хотя для ихъ полученія Государю сдѣланъ былъ невѣрный докладъ. Какъ видно изъ письма кн. Чарторыйскаго къ Линде, Государю представили, что Линде проектируетъ издавать словарь *общеславянскаго* языка, а *не польскаго* *). Но, какъ мы только что видѣли, Линде съ ужасомъ отзывался о предложеніи ему Шлецера взять въ основаніе своихъ филологическихъ изслѣдованій языкъ русскій, по тому времени очень близкій къ славянскому. Народная гордость не позволила ему принять этотъ совѣтъ и явился словарь *польскаго* языка **).

---

*) Встрѣтившись въ 1804 году въ Вѣнѣ съ гр. Северииомъ Ржевускимъ, Линде услышалъ отъ него такой приговоръ о будущности его словаря: я предвижу, сказалъ ему графъ, что въ Варшавѣ словарь придется положить въ долгій ящикъ, а, быть можетъ, онъ не возымѣетъ никакихъ послѣдствій и не увидитъ свѣта. Такой приговоръ для Линде былъ ужаснымъ. Но тотъ же 1804 годъ, по словамъ Линде, явился для него и спасительнымъ въ отношеніи денежномъ, когда, подивимому, не откуда было ждать какой нибудь помощи. Северинъ Потоцкій, отправляясь въ Петербургъ, захватилъ съ собою первоначальный проектъ словаря, который при посредствѣ кн. Чарторыйскаго и гр. Завадовскаго представленъ былъ Государю. Вотъ что писалъ кн. Чарторыйскій Линде: „Après avoir reçu le prospectus *du nouveau Dictionnaire Sclavon*, que vous vous proposez de faire imprimer, je l'ai communiqué à Mr. le Comte Zawadowski Ministre de l'Instruction Publique. Son Excellence le porta à la connaissance de sa Majesté, et l'Empereur en égard au bien, qui pourait resulter pour les dialectes sclavons de cet ouvrage, considèrant d'ailleurs les peines et les travaux qu'exigeait une pareille entrepise, a daigné Vous envoyer cinq cents ducats pour Votre encouragement, que S. E M. le Comte Zawadowski m'a remis. Il serait à désirer que ce Dictionnaire fut aussi complet pour tous les dialectes Sclavons, qu'il est pour un seul, et qu'à l'exemple de celui de l'Académie Française, il réunisse à la valeur étymologique, une définition exacte et raisonnée de chaque terme...

Таковая была первоначальная задача словаря Линде (Słownik języka polskiego. Linde. Warszawa. 1814 VI, XII—XIII)

**) Мы потому остановились на изданіи Линде, что поляки, какъ отчасти показано уже выше, приписывали громадное, даже политическое зна-

Установленіе въ университетѣ каѳедры польской исторіи такъ же поглощало не мало заботъ Снядецкаго, хотя лично, какъ математикъ, онъ и не придавалъ важнаго значенія университетскому преподаванію исторіи. Уступая мнѣнію Чацкаго, Чарторыйскихъ, Альбертранди, Снядецкій однако не только задумывался о самостоятельной профессурѣ польской исторіи въ университетѣ, но находилъ крайне необходимымъ имѣть предварительно изданіе по возможности большаго числа источниковъ, которые послужили бы основаніемъ для составленія польской исторіи. Въ этомъ отношеніи взоры всѣхъ первоначально обращены были на Чацкаго и въ немъ послѣ Нарушевича думали увидѣть надлежащаго исторіографа Польши. Но кипучая, тенденціозная дѣятельность увлекла его въ непроходимыя дебри, изъ которыхъ онъ такъ и не могъ выбраться до конца своей жизни, у однихъ оставивши о себѣ только сожалѣніе, а у другихъ возбудивши къ себѣ даже презрѣніе и насмѣшки.

„Давно хотѣлъ донести вашему сіятельству, писалъ Снядецкій кн. Чарторыйскому-отцу, о нѣкоторыхъ манускриптахъ, касающихся польской исторіи. Таковымъ въ данную пору является хронологическій сборникъ польскихъ дѣяній, составленный кс. епископомъ Альбертранди. Къ сборнику прило-

---

ченіе появленію „словаря“ (ср. Listy Kołłątaja. I. 281). Вотъ что писалъ Линде Коллонтай (10 октября 1806 г.), безспорно умнѣйшій между современными поляками, по поводу полученія имъ несброшюрованныхъ листовъ перваго тома словаря: „и съ вами, М. Г., и съ благоразумнымъ общественнымъ мнѣніемъ я раздѣляю то истинное утѣшеніе, что, наконецъ, послѣ долгихъ и печальныхъ ожиданій, мы увидимъ то твореніе, изданіе котораго вы постарались сдѣлать столь прекрасно. Непремѣнно слѣдовало поступить такъ, потому что словарь этотъ займетъ мѣсто въ библіотекахъ и отечественныхъ и чужихъ. Но даже если бы его изданіе было и плохо, то и въ такомъ случаѣ самое дѣло говорило бы за себя и увѣковѣчило бы славу автора. Съ настоящей минуты мы не будемъ завидовать нѣмцамъ, что имѣютъ Аделунга; быть можетъ словарь Линде больше того прославитъ насъ по всей справедливости. Не жалуйтесь, М. Г., на труды по изданію словаря; вѣдь это ведетъ васъ къ безсмертію. Потомство гораздо дольше будетъ помнить васъ, какъ автора этого творенія, нежели какъ директора лицея... Listy Kołłątaja. IV. 237—238). Съ другой стороны Виленскій учебный округъ, въ лицѣ кн. Чарторыйскаго и Снядецкаго, является главнымъ его распространителемъ въ Литвѣ и западно-русскихъ областяхъ; его обязательно тогда выписывали всѣ учебныя заведенія округа.

ложенъ каталогъ сочиненій и книгъ, изданныхъ поляками въ разные вѣка и о разныхъ предметахъ. Одно ваше слово захотило бы кс. Альбертранди напечатать столь важный и трудолюбиво составленный манускриптъ, который я видѣлъ оконченнымъ, проѣзжая черезъ Варшаву въ Вильну (Альбертранди былъ предсѣдателемъ общества любителей наукъ въ Варшавѣ). Я недавно писалъ ему, прося не откладывать печатанія столь полезнаго дѣла. Нарушевичъ своей исторіи не окончилъ; Чацкій, увлекаемый различными важными проектами, не имѣетъ времени посвятить себя столь полезному предпріятію. Пускай, по крайней мѣрѣ, были бы напечатаны съ большимъ трудомъ собранные для того матеріалы, а потомъ уже найдется счастливое перо и способная голова, которая на ихъ основаніи составитъ упорядоченный трудъ о польскихъ дѣяніяхъ". (Pamiętniki. I. 500).

Кн. Чарторыйскій немедленно отвѣчалъ Снядецкому по интересующему его вопросу. Сказавши, что изданіе сборника кс. Альбертранди было бы несомнѣнно очень полезнымъ дѣломъ, князь продолжаетъ: „къ сожалѣнію, на наше несчастье, суетность въ нашихъ умахъ имѣетъ больше цѣны и преимущества, нежели дѣйствительно полезное, и мы предпочитаемъ лучше сверкать по временамъ, нежели постоянно свѣтить. По этой же причинѣ и кс. Альбертранди скорѣе торопится изданіемъ разсужденія о музахъ, предпочитаетъ (для своей извѣстности) напечатать что нибудь, касающееся латинской или греческой археологіи, нежели поспѣшить печатаніемъ болѣе важнаго (для насъ) дѣла. Нами управляетъ... какое то литературное фанфаронство. Сколько разъ по этому поводу я обращался съ просьбами къ епископу Зенаполитанскому (Альбертранди), и однакожъ до сихъ поръ не достигъ ничего опредѣленнаго; удовлетворяя твоимъ желаніямъ, попытаюсь еще. Никто болѣе меня не любитъ Чацкаго, никто болѣе меня не цѣнитъ по справедливости его душевныхъ качествъ, его знанія, никто столько, какъ я, не прославляетъ его неутомимой энергіи, но я былъ бы очень радъ, если бы явилась возможность принудить его къ объединенію этой необычайной, кипучей дѣятельности, которая, размѣнявшись на мелочи, поглощаетъ у него все время; желалъ бы я между прочимъ, чтобы

онъ наконецъ оставилъ свое соперничество со Спасителемъ (въ сужденіи живыхъ и мертвыхъ), и отказался бы отъ тѣхъ вѣчныхъ компромиссовъ, которые отнимаютъ у него столько времени. Обладая цѣлою массою богатѣйшихъ матеріаловъ для написанія исторіи, онъ ничего лучшаго не могъ бы сдѣлать, какъ огласить въ печати ихъ каталогъ; а тогда, согласно твоему предложенію, можно было бы найти и архитектора для возведенія зданія. Чацкій, въ свою очередь, имѣя по должности много занятій, не уносясь такъ высоко за эпохою, какъ стоялъ Нарушевичъ, пускай бы взялъ для своего труда время болѣе къ намъ близкое и болѣе интересное, то, въ которое *Польша сдѣлалась постоялымъ дворомъ*, тогда какъ государства, ее уничтожившія, стали возрастать и систематически готовить ей пагубу. Самою подходящею точкою отправленія, думается мнѣ, было бы время Владислава IV до кончины Августа III, еслибы не пожелалъ онъ коснуться времени Станислава Августа. И сколько жъ разъ я билъ ему челомъ объ этомъ! Онъ разсуждалъ, обѣщалъ и ничего не сдѣлалъ...“ (Pamiętniki. I. 506).

„Молодого Лелевеля, писалъ въ томъ же (1808 году) Снядецкій Чарторыйскому-отцу, *) уговариваю совершенно отдаться изученію польской исторіи. Приглашенный на Волынь Чацкимъ, который думаетъ заняться его подготовкою (въ учителя исторіи), онъ найдетъ тамъ важные для науки исторіи матеріалы въ массѣ рукописей, собранныхъ Чацкимъ. Время уже подумать о томъ, чтобы Чацкій лучше передалъ кому

---

*) Кн. Чарторыйскій интересовался судьбою Лелевеля и 30 мая 1808 года писалъ Снядецкому: „имѣю просьбу къ тебѣ, миленькій Снядецкій; у васъ въ семинаріи (учительской при университетѣ) обучается теперь Лелевель—юноша способный, подающій прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ надежды; онъ предназначается въ учительскіе кандидаты для школъ и гимназій; согласно принятому въ университетѣ порядку, его предполагаютъ послать учителемъ—не помню въ какое мѣсто. Этотъ молодой человѣкъ происходитъ изъ фамиліи, которую составляли люди почтенные, всегда намъ преданные, и меня очень интересуетъ положеніе этого молодого человѣка. Потому, прошу тебя, пусть этотъ юноша останется въ Вильнѣ еще года на два при (профессорѣ) Гродкѣ для окончательнаго усовершенствованія (въ наукахъ). Такою услугою премного меня обяжешь“. (Pamiętniki... I, 508, 509.) Письмо Снядецкаго отъ 15 сентября 1808 г. служитъ какъ бы отвѣтомъ на приведенное письмо кн. Чарторыйскаго.

нибудь свои знанія польскихъ дѣяній, чѣмъ думалъ бы еще самъ заняться ихъ описаніемъ. Въ настоящую минуту онъ слишкомъ занятъ и разорванъ, чтобы еще можно было расчитывать на успѣхъ въ подобномъ дѣлѣ. Живущихъ здѣсь наслѣдниковъ кс. Альбертранди (онъ въ это время умеръ) я просилъ о передачѣ въ университетъ сочиненій покойнаго, касающихся польской исторіи; надѣюсь заполучить ихъ, если только по духовному завѣщанію умершаго, они не подлежатъ передачѣ Варшавскому обществу" (любителей наукъ). (ibid. 515).

Изъ только что приведеннаго письма Снядецкаго узнаемъ, что и Чацкій обратилъ свое вниманіе на Лелевеля. Въ поискахъ за учителемъ исторіи для Кременца, Чацкій остановился на Лелевелѣ, который успѣлъ въ это время напечатать два разсужденія, касающіяся литовско-польской исторіи. (Rzut oka na dawnosc litewskich narodow i związki ich z Herutami. Къ этому присоединилъ: Opis polnocney Ewropy w księdze XII. 8. Amminna Marcelina, wykład przeciw Naruszewiczowi przez I. Lelewela w Wilnie. 1808 г.). 27 іюля 1808 г. онъ написалъ Снядецкому. „Приношу тебѣ мои просьбы объ уступкѣ мнѣ Лелевеля, съ намѣреніемъ готовить его въ учителя исторіи. Во многихъ отношеніяхъ вы (т. е. университетъ) имѣете преимущество (предъ Кременцомъ); но я думаю, что по части исторіи онъ у насъ можетъ научиться большему". (ibid. 521).

Снядецкій не замедлилъ отвѣтомъ Чацкому и 16 августа писалъ ему: „Лелевель не встрѣтитъ затрудненій для перехода на Волынь..., но кандидатская стипендія не можетъ быть сохранена за нимъ, такъ какъ кандидатская касса слишкомъ отягощена... Мы немедленно лишаемъ кандидатскихъ стипендій всѣхъ, кто пробылъ (въ семинаріи) четыре года; мѣста должны очищаться для другихъ. До полученія твоего заявленія объ увольненіи Лелевеля, изъ Пулавъ мнѣ писалъ князь генералъ, чтобы подольше задержать его (Лелевеля) въ Вильнѣ. Я сдѣлалъ бы это, но предложилъ бы ему другую стипендію и другія занятія. По всей вѣроятности, ты имѣешь изданное имъ сочиненьице (pisemko) о началѣ литовцевъ (выше указано), въ которомъ больше высокомѣрія и неприличнаго тона, чѣмъ знаній и разсудка. Я сдѣлалъ ему замѣчаніе за эту

неумѣстную и страстную смѣлость писать противъ Парушевича, или, что еще хуже, ставить въ заглавіи то, чего нѣтъ въ самомъ сочиненіи, я указалъ ему промахи и въ написаніи, и въ сужденіяхъ; но что самое важное—это недостатокъ въ молодомъ человѣкѣ скромности. Не онъ впрочемъ виноватъ въ этомъ; въ такой несчастный нѣмецкій тонъ онъ былъ вовлеченъ своимъ руководителемъ. Если ты, м. г., намѣренъ заняться образованіемъ этого молодого человѣка, помни о томъ, что болѣе всего губитъ у насъ юношество, отдающееся наукѣ,—это высокомѣріе; молодые люди считаютъ себя совершенно знающими въ то время, когда еще не составили надлежащаго представленія о наукѣ и ея трудностяхъ. И потому много развелось у насъ фанфароновъ, и мало основательно ученыхъ. Богатку (кандидатъ въ учителя) погубилъ Кременецъ, который смотрѣлъ уже на него, какъ на профессора. Въ Кременцѣ онъ совершенно опустился, а воротившись сюда, избѣгалъ всякаго труда и экзаменовъ, въ настоящее время изъ него вышелъ полнѣйшій бездѣльникъ, почти ничего незнающій; теперь нѣсколько мѣсяцевъ уже лежитъ въ болѣзни. Пишу объ этомъ потому, что съ удивленіемъ вижу, какъ мало ты требуешь отъ людей въ научномъ отношеніи; кажется, будто ты не хочешь даже видѣть ихъ совершенными, или будто ты предполагаешь, что усовершенствованія можно достигнуть мимо постояннаго и упорнаго труда“. (ibid. 517, 518).

Чацкій отвѣчалъ Снядецкому, что и онъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія Лелевелю по поводу его историческихъ разсужденій. „Это молодой человѣкъ, прибавлялъ Чацкій; онъ интересуетъ меня по его родственнымъ связямъ съ нашимъ епископомъ (Цецишевскимъ въ Луцкѣ). Пусть онъ у васъ побудетъ еще годъ, если не можете долѣе давать ему кандидатскую стипендію. Собравши для него фундушъ, я буду просить его у васъ; подъ моимъ руководствомъ, подготовится быть профессоромъ“. (ibid. 521).

Но было уже поздно. Согласно первому письму Чацкаго, Снядецкій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Лелевель изъ дому родителей въ Варшавѣ, гдѣ онъ проводилъ лѣтнія каникулы, прямо отправился въ Кременецъ къ Чацкому, въ его распоряженіе. Объ этомъ Снядецкій поспѣшилъ увѣдомить Чацкаго

на его послѣднее письмо и донесъ въ тоже время попечителю, который тоже заботился о замѣщеніи въ университетѣ вакантной каѳедры исторіи способнымъ кандидатомъ. Снядецкій въ письмѣ къ попечителю повторялъ почти тоже, что прежде писалъ его отцу, т. е., что онъ не сопротивлялся отправленію Лелевеля на Волынь, гдѣ онъ найдетъ массу важныхъ рукописей, относящихся къ исторіи, которыя собраны стараніями Чацкаго, что время подумать о томъ, чтобы Чацкій, разорванный разнообразными занятіями, лучше передалъ кому нибудь свои знанія польской исторіи, вмѣсто того, чтобы самому заниматься ея составленіемъ, что все это можетъ послужить ко благу и наукѣ, и Лелевелю. (ibid. 522, 523).

Чацкій поспѣшилъ успокоить Снядецкаго, и въ сентябрѣ того же года (1808) писалъ ему, что Лелевель ожидаетъ, что фундушъ для него найдется и *полякъ*, такимъ образомъ, подготовится къ дѣятельности. (ibid. 565).

Но Снядецкій не думалъ окончательно уступить Лелевеля Кременецкой гимназіи; онъ не спускалъ съ него глазъ и слѣдилъ за его дѣятельностію. Продолжая собирать манускрипты для польской исторіи и обогащать ими Виленскій университетъ, Снядецкій думалъ втянуть въ это дѣло и Лелевеля, чтобы изученіе по возможности безпристрастныхъ историческихъ документовъ выработало изъ него основательнаго ученаго, а не мечтателя. 23 февраля 1810 г. Снядецкій писалъ кн. Чарторыйскому-отцу: „Общество (любителей наукъ, въ Варшавѣ) издало программу не для составленія исторіи (польской), а для написанія исторической диссертаціи. Предварительно необходимо подумать и потихоньку позаботиться о собраніи извѣстныхъ источниковъ, сочиненій и памятниковъ, которые послужили бы матеріаломъ для исторіи края. Безъ переговоровъ по этому дѣлу съ Чацкимъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всѣ оригиналы и наиважнѣйшіе сборники, оно не можетъ быть предпринято, а тѣмъ болѣе выполнено. Не понимаю, зачѣмъ общество хочетъ составленія всей исторіи, тогда какъ слѣдовало бы подумать объ окончаніи сдѣланнаго Нарушевичемъ. Мнѣ думается, что этотъ авторъ заслуживаетъ вѣчной благодарности со стороны всѣхъ поляковъ. Событія представлены просто, въ порядкѣ, и свидѣтельствуютъ

о большомъ трудолюбіи автора; его критическія замѣчанія полны ума, очень мѣтки, вполнѣ умѣстны, безъ далекихъ натяжекъ и не умѣстнаго резонерства, не проникнуты духомъ какой нибудь системы или партіи; слогъ отличается достоинствомъ, хотя нѣсколько шероховатый, языкъ вполнѣ польскій, хотя по мѣстамъ и страдаетъ литвинизмами. Очевидно, этотъ почтенный писатель въ своихъ твореніяхъ хотѣлъ оставить слѣды своей родной рѣчи, имѣя, при всемъ томъ, полную возможность избѣгнуть всѣхъ ея недостатковъ, подолгу оставаясь въ столицѣ и постоянно находясь при дворѣ. Благодаря сильному содѣйствію кн. попечителя, я пріобрѣлъ уже для университета рукописи епископа Альбертранди, и по его же внушенію, мнѣ позволено переписать необходимые манускрипты библіотеки Залускихъ *). Я занятъ теперь мыслію о посылкѣ въ Петербургъ способнаго къ тому человѣка. Для этого лучше всего пригодился бы молодой Лелевель, безъ всякой надобности проживающій въ Кременцѣ (такъ неблагопріятно смотрѣлъ Снядецкій на занятія Лелевеля въ Кременецкой гимназіи), но сомнѣваюсь, чтобы подобный трудъ могло осилить его слабое здоровье. Безъ особенной лести вашему сіятельству я долженъ признаться, что литовцы сильно конфузятъ насъ—корончиковъ, извѣстною заслугою (въ исторіо-

---

*) Библіотека Залускихъ изъ Варшавы была перевезена въ Петербургъ благодаря гр. Строганову, и составила часть публичной Императорской библіотеки. Нѣсколько ранѣе настоящаго письма, именно 3 января 1810 г., Снядецкій между прочимъ писалъ князю Чарторыйскому—отцу: „Недавно Оленинъ на русскомъ и французскомъ языкахъ издалъ краткую исторію библіотеки Залускихъ и планъ ея установки. Если бы старикъ гр. Строгановъ не воспрепятствовалъ намѣреніямъ князя попечителя, мы имѣли бы въ Вильнѣ эту библіотеку. Я просилъ разрѣшить мнѣ, по крайней мѣрѣ, списать каталогъ библіотечныхъ манускриптовъ; не думаю, чтобы отвѣтъ былъ благопріятенъ. Она (библіотека Залускихъ) обогащена собраніемъ рукописей королей французскихъ; во время революціи ихъ накопилъ одинъ россіянинъ, скупая ихъ гдѣ представлялась возможность; а отъ него пріобрѣлъ Государь Императоръ“. На это отвѣчалъ между прочимъ кн. Чарторыйскій—отецъ: „Съ истиннымъ сожалѣніемъ узналъ я о тѣхъ препятствіяхъ, которыя поставилъ гр. Строгановъ перенесенію въ Вильну библіотеки Залускихъ. Собственно тамъ настоящее ея мѣсто. Но что же въ данную пору творится въ мірѣ *по правиламъ*“?.. (ibib. 623, 625, 626).

Считалось *неправильнымъ*, что русскій человѣкъ гр. Строгановъ думалъ болѣе о благѣ Россіи, чѣмъ Польши.

графіи) и изданіемъ самыхъ важныхъ трудовъ (о Нарушевичѣ говорилось). Догель составилъ Codicem diplomaticum, и безъ него нельзя приступить къ написанію отечественной исторіи. Въ Вильнѣ напечаталъ три тома; остальные ему запрещено печатать. Два рукописныхъ тома послалъ въ Варшаву, и о нихъ до сихъ поръ не могу получить свѣдѣній, находятся ли они въ собраніи Чацкаго. Ожидаю пріѣзда въ Вильну піарскаго провинціала (Догель состоялъ въ орденѣ піаровъ), чтобы отъ этого ордена пріобрѣсти остальные манускрипты Догеля, которые находятся здѣсь въ піарскомъ монастырѣ... Безъ суетности, этого общаго нашего порока, особенно не идущаго намъ къ лицу въ настоящее время, безъ фразъ и громкихъ обѣщаній, о которыхъ кричимъ и трубимъ безъ всякой нужды, мы можемъ собрать и накопить важные матеріалы и сочиненія для окончанія дѣльной отечественной исторіи, нисколько не гоняясь за тѣмъ, чего въ дѣйствительности не было. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы никогда не были порядочнымъ, предусмотрительнымъ народомъ. У насъ были великіе короли, великіе вожди и дѣятели, прекраснѣйшія постановленія, событія и предпріятія; но однимъ изъ нашихъ великихъ королей не доставало предусмотрительной политики въ отношеніи иностранныхъ государствъ, другимъ мы сами связывали руки, чтобы они не сдѣлали, или не окончили чего нибудь путнаго. Такова мораль Нарушевича и Альбертранди, извлеченная изъ фактовъ и отечественныхъ хроникъ...“ (ibid. 628—630.)

Снядецкій, какъ видимъ, придавалъ большое значеніе накопленію и собиранію возможно большаго количества историческихъ документовъ. Тогда только можно было приняться за составленіе исторіи отдѣльныхъ эпохъ польскаго государства, тогда только могъ явиться профессоръ, который основательно-научно излагалъ бы слушателямъ университета событія изъ польской исторіи. Въ виду этого, онъ не торопился съ замѣщеніемъ въ университетѣ вакантной каѳедры исторіи, предоставляя Лелевелю рыться въ собраніи Чацкаго историческихъ манускриптовъ въ Кременцѣ. Самъ онъ продолжалъ оглядываться во всѣ стороны—и въ Швецію, и въ Финляндію, и въ Петербургъ, и въ Варшаву, нѣтъ ли гдѣ какихъ подходящихъ рукописей, которыя списываніемъ или покупкою можно было

бы пріобрѣсти для Вильны. За то, если гдѣ требовалась какая нибудь помощь въ научно-историческомъ отношеніи, Снядецкій немедленно предлагалъ свои услуги. Узнавши, что кн. Чарторыйскому-отцу Варшавскимъ обществомъ любителей наукъ поручено заняться составленіемъ жизнеописанія Сигизмунда-Августа *) Снядецкій писалъ князю: „то по крайней мѣрѣ хорошо придумало Варшавское общество, что къ вашему сіятельству обратилось съ просьбою выяснить намъ наиважнѣйшую эпоху польскихъ дѣяній. Написаніе цѣлаго сочиненія потребуетъ слишкомъ большаго труда; между тѣмъ и здоровье ваше для всѣхъ насъ очень необходимо и пріятно; его нельзя подвергать опасности и ослаблять чрезмѣрнымъ трудомъ. Для отечества и то было бы уже большою услугою, если бы вы оповѣстили свои наблюденія надъ дѣяніями на-

*) Князь Чарторыйскій 27 марта 1810 года писалъ Снядецкому:... „Дѣйствительно, программа составленія исторіи, объявленная Варшавскимъ обществомъ (о ней выше говорилъ Снядецкій), представляется чѣмъ то особеннымъ; отсюда можетъ произойти не важнаго сорта мозаика, и, дай Богъ, чтобы не вышелъ какой нибудь арлекинскій костюмъ. На меня снисходительно возложили обязанность написанія біографіи Сигизмунда-Августа; но я вполнѣ придерживаясь твоихъ принциповъ, не думаю приниматься за перо. Если бы когда нибудь я и взялся за него, забывши изрѣченіе, что для меня и ars longa и vita brevis, то предварительно, со всѣхъ сторонъ я долженъ буду собрать обильный матеріалъ, который отчасти можетъ доставить мнѣ Несвижъ и Порицкъ; остальное придется собирать въ неупорядоченныхъ дѣлахъ отечественныхъ писателей, въ сочиненіяхъ писателей прусскихъ и инфляятскихъ. По моему мнѣнію, за все время существованія польскаго королевства, нѣтъ эпохи болѣе важной, какъ эпоха Сигизмунда-Августа, которая, потому, преимущественно предъ всѣми другими должна быть изучена съ глубокимъ размышленіемъ, съ широкими сопоставленіями, съ чрезвычайною проницательностію. Если Польша вычеркнута изъ числа народовъ, (пускай, кому угодно, говоритъ иначе, а я (слова князя) всегда буду оставаться при такомъ мнѣніи), то причину всѣхъ нашихъ несчастій и самаго паденія нужно искать въ слабости короля Сигизмунда-Августа, въ его легкомысліи, въ колебаніи относительно важныхъ дѣлъ и упорномъ отстаиваніи маловажнаго; hinc illae lacrimae! (отсюда слезы). Никогда достаточно не надивлюсь тому, что до сихъ поръ никто не указывалъ на эти причины, и при томъ находятся еще личности, которыя его защищаютъ и извиняютъ.

Другую эпоху, которую тоже считаю очень важною, хотя по инымъ причинамъ, составляетъ время Яна Казиміра. Оно замѣчательно обиліемъ очень серьезныхъ происшествій, какимъ то упорнымъ ненавистнымъ противодѣйствіемъ судьбы дѣльнымъ качествамъ короля и народа (которыхъ вза-

родовъ А въ жизни бываютъ вѣдь такія свободныя минуты, когда разсудокъ безъ особеннаго труда схватываетъ самыя счастливыя понятія; записывая ихъ, немного, быть можетъ, стоило бы усилій отдѣлать и вполнѣ окончить главныя основанія всего труда. Что только буду въ состояніи собрать здѣсь о Сигизмундѣ-Августѣ, перешлю вашему сіятельству. Альбертранди, ничего не сказавши о Сигизмундѣ I въ своихъ рукописяхъ, извлекъ изъ итальянскихъ корреспонденцій описаніе характера и домашней жизни Сигизмунда-Августа; оно у меня цѣликомъ переписано и я честь имѣю переслать его вамъ. Для университета я пріобрѣлъ сундукъ съ оставленными Догелемъ бумагами, которыя перемѣшаны и разбросаны. Я прикажу привести ихъ въ хронологическій порядокъ, и въ такомъ

нимыя несогласія трудно, однако, оправдывать), вліяніемъ европейской политики, которая кодексъ своихъ поступковъ начинаетъ вырабатывать и рафинировать сообразно правиламъ коварнаго и жаднаго грабительства. И сколько же это потребуется собрать матеріаловъ, сколько нужно прочитать того времени писателей, сколько придется порыться по частнымъ архивамъ въ краѣ тому, кто захотѣлъ бы не только изложить дѣянія, но раскрыть одни изъ другихъ ихъ причины, и представить надлежащую картину въ полномъ согласіи частей съ цѣлымъ. За этотъ *легкій* трудъ (иронія!) взялся кс. Чарнецкій, піаръ, тотъ самый, который кн. Яблоновскому посвятилъ свой трудъ, предварительно выхолостивши и обтесавши для него превосходное сочиненіе Нимейера (по педагогикѣ), ректора университета въ Гале. Этотъ самъ оскопитель (человѣческой мысли) накаталъ, говорятъ, уже пятьдесятъ листовъ исторіи Яна-Казиміра, прочитавши, быть можетъ, только Коховскаго (Climactery...) и письма Залускаго, которыя въ такомъ прекрасномъ порядкѣ (иронія!) изданы іезуитами... Желая обстоятельно написать жизнеописаніе Сигизмунда-Августа, рѣшительно необходимо основательно и въ обширныхъ размѣрахъ изучить дѣянія Сигизмунда I, и особенно интриги, мошенничества и ихъ причины, не которыя въ дѣлѣ политики имѣли вліяніе на королеву Бону, относительно связей и сношеній съ иностранными государствами, а намъ болѣе всего этого и не достаетъ. Оссолинскій началъ было писать біографію Сигизмунда I. Но чего можно ожидать отъ человѣка, который разбрасывается, который прерываетъ свой трудъ тамъ, гдѣ онъ требуетъ особенно полнаго сосредоточенія вниманія, порядка въ изслѣдованіяхъ и размышленія надъ предпринятою задачей. Отложивши начатое до поры болѣе благопріятной, допустивши большой перерывъ во времени, онъ бросается писать то исторію Сезостриса, то диссертацію о янтарѣ. Искренно поздравляю Виленскую библіотеку съ пріобрѣтеніемъ литературныхъ сокровищъ изъ библіотеки Залускихъ и ожидаемыхъ изъ Финляндіи. (Pamiętniki. I. 631—634

видѣ онѣ будутъ укладываться и описываться; если только въ нихъ найдется что-нибудь подходящее къ вашему предпріятію, то или полностію, или въ части будетъ переписано и переслано въ Пулавы. Вся династія Ягайловъ, кроткая и почтенная, портила стойкость правительственной машины излишнею устойчивостію назойливымъ претензіямъ шляхты и честолюбію сильныхъ; но первоисточники всего зла необходимо искать въ раздѣленіи монархіи Болеславомъ Кривоустымъ. Отсюда зародилась домашняя война между князьями, начавшими составлять себѣ партіи среди рыцарства, которому слишкомъ полюбилось низвергать однихъ князей и избирать другихъ. И въ давнее время и теперь военные таланты государей едва ли не болѣе всего управляютъ судьбами народовъ, и это однѣ націи возноситъ на верхъ славы и благоденствія, другія—приводитъ къ паденію...“ (ibid. 634—635).

Въ другомъ письмѣ къ тому же кн. Чарторыйскому Снядецкій прибавляетъ: „пріобрѣтенные послѣ Догеля манускрипты заключаютъ въ себѣ очень много драгоцѣнныхъ и важныхъ матеріаловъ относительно польской дипломатіи. Нѣкоторыя вещи погибли; о нихъ я допытываюсь и вездѣ шныряю, чтобы пополнить настоящее собраніе. Послѣ Альбертранди осталось еще много сочиненій о древностяхъ. Онъ намѣревался написать исторію польской литературы, какъ это явствуетъ изъ многихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ съ этою цѣлію.

Невознаградимая потеря въ томъ, что, во время заключенія Коллонтая, пропало нѣсколько собранныхъ имъ толстыхъ томовъ свѣдѣній для исторіи Краковской академіи. Объ этомъ онъ пишетъ мнѣ изъ Кракова, сожалѣя болѣе объ этой потерѣ, нежели о растраченномъ своемъ состояніи (ibid. 639).

Послѣ смерти Чацкаго, Снядецкій сильно желалъ пріобрѣсти для Вильны книжныя и рукописныя богатства его библіотеки. Въ этихъ видахъ онъ писалъ попечителю округа кн. Чарторыйскому. „Покойный Чацкій, изъявивши при жизни желаніе заняться окончаніемъ отечественной исторіи Нарушевича, получилъ въ свое распоряженіе всѣ манускрипты Станислава-Августа, которые собралъ онъ съ большими за-

тратами и которые относились къ польской исторіи. Это общественное достояніе поляковъ; оно, позволю себѣ такъ выразиться, дано было Чацкому только какъ бы въ долгъ для написанія исторіи; его всегда могутъ потребовать обратно. Но, съ другой стороны, занятія Чацкаго эдукаціоннымъ дѣломъ заставили его забыть о личныхъ имущественныхъ интересахъ, отъ чего они пришли въ большое разстройство и жертвою этого являются теперь его жена и семейство. Никакой награды за это не получилъ онъ; напротивъ перенесъ много страданій и непріятностей. Было бы дѣломъ Монаршей справедливости, хотя отчасти, вознаградить фамилію Чацкаго за такія огромныя потери *). Вѣдь существовалъ когда то проектъ гр. Завадовскаго **) и вашего сіятельства выхлопотать для Чацкаго Винницкое староство. Нельзя ли было бы теперь возобновить этотъ проектъ, обязавъ г-жу Чацкую передать (въ Вильну) всѣ манускрипты и книги; въ случаѣ если этотъ даръ не состоится, заключить съ г-жею Чацкою особыя условія

*) Сколько въ словахъ Снядецкаго сознательно несправедливой оцѣнки отношеній къ Чацкому русской власти! Онъ самъ до конца жизни осуждалъ Чацкаго за его неразумный, не основательный взглядъ на воспитаніе, за его эгоизмъ, исканіе популярности, за преслѣдованіе имъ политики въ школьномъ дѣлѣ, за полную безрезультатность его плановъ. Но передъ Россіею Чацкій являлся уже государственнымъ преступникомъ, который старался все дѣлать во вредъ ей, изгонялъ православную вѣру, русскій языкъ, русскихъ учителей, проводилъ извращенные взгляды на западно-русскія окраины въ ихъ исторію, въ предѣлахъ нашего отечества готовилъ намъ вооруженныхъ недруговъ (побѣги учениковъ изъ Волынскихъ школъ въ ряды непріятелей), на что указалъ кн. Чарторыйскому даже Императоръ Александръ I. Ужели за всѣ такіе подвиги требовалось еще награждать особеннымъ образомъ, хотя Чацкій и безъ того, по какому то странному недоразумѣнію, пользовался у насъ большимъ содержаніемъ, получалъ высокіе чины и награды и даже рескрипты Его Величества. Чацкій растратилъ свое имущество не вслѣдствіе занятій учебнымъ дѣломъ, а вслѣдствіе постоянныхъ увлеченій политикою, вслѣдствіе кормленія политиканствующей партіи, которая постоянно проживала въ его домѣ въ числѣ не рѣдко за разъ до двухсотъ человѣкъ. Все это говоритъ намъ самъ Снядецкій, и самъ же въ необходимыхъ случаяхъ пускаетъ въ ходъ ложь, какъ ultima ratio...

**) Къ сожалѣнію, подобные министры много повинны въ польскихъ заблужденіяхъ, поддерживаемые ими поляки въ самомъ дѣлѣ думаютъ, будто своими антирусскими дѣйствіями они службу служатъ Россіи и... требуютъ за это награды.

для пріобрѣтенія названнаго богатства въ Виленскую библіотеку. Наилучшимъ посредникомъ и проводникомъ такого дѣла былъ бы генералъ Кропинскій, если только онъ живетъ еще въ Варшавѣ. Я знаю многое изъ того, что содержится въ этихъ рукописяхъ, и притомъ въ очень цѣнныхъ и важныхъ оригиналахъ. Могу ручаться вамъ, что если бы посторонніе знали объ ихъ содержаніи, то не остановились бы ни передъ какими средствами вырвать ихъ у поляковъ и уничтожить. Боюсь, чтобы объ этомъ не узналъ канц. (леръ) Р. (умянцевъ), который, конечно, далъ бы за нихъ дорого. Съ полною откровенностію пишу вашему сіятельству, чтобы вы знали, какъ необходимо осторожно и скоро вести переговоры. Г-жа Чацкая, какъ истая полька, согласится, конечно, для блага края, принять предложеніе. Я долженъ сказать вамъ, что у Чацкаго находятся манускрипты, взятые, по порученію Станислава-Августа, для кс. Парушевича, изъ библіотеки Краковской, за поручительствомъ кс. Коллонтая: это нѣсколько толстыхъ томовъ infolio переписки и корреспонденцій Томицкаго. (Pamiętniki. I. 776, 777.).

Представленіе Снядецкаго о громадной важности богатства библіотеки Чацкаго было до того соблазнительно, что попечитель кн. Чарторыйскій немедленно вступилъ въ переговоры съ г-жею Чацкою о пріобрѣтеніи этой библіотеки. Продажа скоро состоялась, но только Порицкая библіотека полностію перекочевала не въ Вильну, а ...въ Пулавы, къ кн. Чарторыйскому.

Такъ зло подсмѣялась судьба надъ Снядецкимъ, который, скупая для Вильны, при жизни Чацкаго, различныя книжныя и рукописныя собранія, старался дѣлать это тайкомъ, въ секретѣ отъ Чацкаго, опасаясь, чтобы тотъ, изъ литературной зависти, не перебилъ ему намѣченнаго торга. Снядецкій и въ этомъ отношеніи не любилъ Чацкаго за то, что этотъ, накопивши громадныя безцѣнныя литературныя сокровища, держалъ ихъ подъ ключемъ, не пользовался самъ, и другимъ не предоставлялъ возможности ими пользоваться. (ibid. I. 582). Такой же взглядъ на Чацкаго по этому вопросу составился и въ Варшавскомъ обществѣ любителей наукъ. Въ 1809 г. (12 апрѣля) Урсынъ-Нѣмцевичъ, которому Варшав-

скимъ обществомъ поручено было написаніе нѣкоторыхъ отдѣловъ польской исторіи, и который для этого занимался собираніемъ подходящихъ историческихъ матеріаловъ, писалъ Снядецкому: „Напрасно обращался я къ тому, который болѣе всѣхъ насъ владѣетъ подходящими матеріалами, я разумѣю Чацкаго; но онъ, собравши, выманивши, а болѣе всего накравши безчисленныя въ этомъ родѣ сокровища, сидитъ на нихъ, подобно скупцу, ни самъ не пользуясь ими, ни другимъ не дозволяя этого...“ (Pamiętniki. II. 335).

Собирая при университетѣ книжныя сокровища и манускрипты, Снядецкій думалъ въ то же время положить прочное начало исторіографіи университета. Въ виду этого онъ писалъ кн. Чарторыйскому, что исторія ученыхъ обществъ, которыя заправляютъ общественнымъ просвѣщеніемъ, составляетъ важную часть отечественной исторіи; она служитъ показателемъ роста или упадка просвѣщенія и его вліянія на развитіе цивилизаціи, а также и внутренней администраціи края. Выдающіяся обстоятельства въ дѣяніяхъ просвѣщенія, связываясь между собою, выясняютъ многія явленія въ общемъ государственномъ управленіи, въ его судьбѣ, нерѣдко въ его удачахъ или несчастіи. Если несомнѣнно вліяніе общественнаго просвѣщенія на мнѣнія, обычаи и различныя слѣдствія этихъ двухъ главныхъ пружинъ государственнаго быта, то слѣдствія эти очень рельефно и вѣрно представляются въ описаніи дѣяній самой институціи (завѣдующей общественнымъ образованіемъ). Радзиминскій въ манускриптахъ Краковской академической библіотеки оставилъ отрывки исторіи самой академіи, и эти отрывки проливаютъ чрезвычайно яркій свѣтъ на исторію цѣлаго края. Руководствуясь подобными взглядами, продолжаетъ Снядецкій, я на послѣднемъ засѣданіи университетскаго совѣта сдѣлалъ заявленіе, чтобы ежегодно, въ хронологическомъ порядкѣ, составлялась его исторія; въ ней слѣдовало бы помѣщать: списокъ лицъ административныхъ и учащихъ; списокъ дѣлъ, которыя выходятъ изъ печати, и изслѣдованій, которыя читались публично; списокъ просвѣтительныхъ учрежденій при университетѣ и школахъ его округа; численность учащихся въ школахъ и расписаніе лекцій; права, распоряженія и происшедшія перемѣны относитель-

по наукъ и общественнаго воспитанія и многія другія обстоятельства, имѣющія связь съ науками. Все это должно быть описано языкомъ (польскимъ) чистымъ, простымъ и яснымъ, безъ особенныхъ похвалъ и искаженій въ ту или другую сторону (Bielinski. Uniwersytet Wilenski. I. 2, 3). Исторію предполагалось начать съ акта утвержденія Виленскаго университета (съ 1803 г.), хотя Снядецкому желательно было, чтобы въ будущемъ кто нибудь предпослалъ ей время уничтоженія іезуитовъ и установленія эдукаціонной комиссіи. Былъ назначенъ и самый исторіографъ университета и его округа—адъюнктъ-профессоръ Контрымъ, какъ человѣкъ, „извѣстный своимъ трудолюбіемъ, старательностію, близкимъ знакомствомъ съ отечественною исторіею, отлично изучившій планы публичнаго просвѣщенія, разсудительный и хорошо пишущій по-польски". Князь Чарторыйскій совершенно одобрилъ проектъ Снядецкаго и утвердилъ его.

Но прекрасный проектъ Снядецкаго такъ и остался проектомъ. Контрымъ, занятый различными другими дѣлами, не начиналъ даже порученнаго ему дѣла, и Снядецкій не могъ принудить его къ этому (Bielinski. I. 3). А тутъ на Виленскій учебный округъ надвигалась страшная военная буря 1812 года. Всѣ почти учебныя заведенія были закрыты. Ученіе прекращено. Многія школьныя зданія были заняты подъ военныя надобности. Учащіе и учащіеся разъѣхались по различнымъ мѣстамъ...

Отъ редакціи. Въ виду смерти Ю. Ѳ. Крачковскаго окончаніе настоящаго очерка поручено другому лицу.

Приложеніе къ главѣ I. (Стр. 31).

Для поляковъ эдукаціонная комиссія имѣла то важное значеніе, что многіе изъ нихъ увлечены были научными работами, изслѣдованіями и продолжали это дѣло послѣ окончательнаго паденія Польши; въ немъ они продолжали видѣть единственный якорь спасенія для погибшей отчизны. *)

---

*) Powiedziawszy, слова Заленскаго о Мицкевичѣ ze tu, „gdzie wszystko, zależało od dobrej woli i nieustannych poświęceń każdego, surowosć obyczajow, wytężenie ducha, były istotnemi zasadami`publicznego życia; że wszelkiej potęgi żródłem był tu zapał powszechny, sam ieden zapał, nic więcej,—Mieckewicz zapytuje sam siebie: „ależ jak wysnuć stały organizm krolewstwa z tego pierwiastku? jak ułożyć systematycznie artykuły konstytucij, opartey na tem, co iest tak przelotne, niezależne od woli, nie wyrachowane? Możnaż obudzić zapał, kiedy chcąc i wiele chcąc? Były w prawdzie ogromne wypadki, tchnące samym entuzyazmem: wyprawy krzyżowe, woyna trzydziestoletnia, niektore kompan e rewolucij francuzkiej. Ale możeż bydź państwo, ktore by trwało, żyło, działało mocą tylko entuzyazmu? Do tąd nie mamy takiego przykładu;—będzież on kiedyś? Gorące serce nakazało odpowiedz: tego nie godzi się przesądzać, ale zimny rozum dał by podobno przeczącą odpowiedz... (Literat. Sław... Kurs II. 34, 19,35. Czy Iezuici zgubili Polskę? Ks. Załęski. 144...). Бобржинскій, Мицкевичъ, гр. Юрій Мошинскій, Рогальскій съ горечью въ сердцѣ отзываются объ эдукаціонной комиссіи. „Подъ эгидою такихъ людей (перечисленныхъ выше масоновъ), во время 4-хъ лѣтняго сейма начато было дѣло реформы управленія края и дѣло общественнаго воспитанія будущихъ нашихъ поколѣній“, говоритъ гр. Юрій Мошинскій. „Если минута раздирающей боли вслѣдствіе раздѣловъ края дала возможность этимъ людямъ пробить на мгновеніе грязную скорлупу антихристіанскихъ вѣяній и выдвинуть зданіе здравыхъ основаній конституціи 3-го мая, то, увы, это для того только, чтобы послѣ окончательнаго акта политической смерти нашего отечества, набросить на наши глаза еще болѣе густой покровъ, пользуясь которымъ мы каждый разъ тѣмъ съ большею самонадѣянностію рвали всѣ нити, связывающія человѣка съ Богомъ, которыя только и позволяютъ нашему уму и сердцу подняться на тѣ вершины, съ которыхъ открываются широкіе горизонты общественной жизни и видны разстилающіеся пути будущности народовъ. Въ наслѣдство намъ эта эпоха оставила надутую фразу вмѣсто слова правды. На подобіе стаи попугаевъ, напр., поколѣніе за поколѣніемъ повторяетъ громкія фразы о громадныхъ заслугахъ эдукаціонной комиссіи, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, какую въ дѣйствительности высшую идею, какой политическій здравый смыслъ, какую

II

Послѣдніе раздѣлы Польши произвели ошеломляющее дѣйствіе на многихъ поляковъ. Ударъ былъ сильный. „Уже Польша вычеркнута изъ среды народовъ, писалъ въ свое время Чацкій; во дворцахъ королей и въ мѣстахъ прежней правительственной власти паукъ вьетъ свои сѣти, а филинъ, гнѣздящійся на башняхъ величественныхъ зданій, поетъ свою вѣщую пѣсню (Dzieła Tadeusza Czackiego—Poznań—1844 r. t. I. Do Czytelnikow...). Теперь поляки напрасно искали своего отечества; среди Польши, по ихъ словамъ, они не находили Польши; передъ ними все было закрыто; кругомъ царствовала страшная темная ночь. (Roczniki towarz. Warsz., II. str. 23). Въ такомъ положеніи Польша представлялась соотечественникамъ въ видѣ тѣхъ истощенныхъ, безжизненныхъ тѣлъ, изъ которыхъ, если вѣрить народнымъ повѣрьямъ, всю кровь высосали ночные вампиры, прикрывшіеся образами умершихъ (Roczniki towarz. Warsz. XIV. 103). Нѣкоторые ученые мужи, задумавши еще

пользу, нравственную силу, связь фактовъ принесла намъ эта комиссія въ своихъ послѣдствіяхъ?

Въ отвѣтъ на это историки и патріоты цѣлымъ хоромъ возглашаютъ, что она первая освободила науку отъ схоластической рутины іезуитовъ, она первая вооружила молодые умы очень важнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ практичнымъ аппаратомъ знанія, возбудила ихъ къ самодѣятельности, ввела естественныя науки и т. под. Не сомнѣваюсь, что эдукаціонная комиссія расширила объемъ научныхъ программъ, приноровила ихъ къ современнымъ запросамъ и потребностямъ; но это рѣшительно не составляетъ ея особыхъ заслугъ, а является простымъ результатомъ неотложныхъ требованій соціальнаго развитія нашей эпохи, подчиниться которымъ должна была бы каждая училищная власть, не смотря на то, были бы ея заправители одѣты въ іезуитскіе габиты (верхняя одежда), въ ксендзовскія сутаны или же въ чиновничьи мундиры. Вѣдь не комиссія первая признала эту необходимость; уже раньше ея на западѣ явилось такое сознаніе, а комиссія (эдукаціонная), подъ видомъ культурнаго развитія, работала только надъ тѣмъ, надъ чѣмъ работала французская революція, надъ чѣмъ трудились Іосифъ II въ Австріи и Фридрихъ II въ Пруссіи".

„Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ школы эдукаціонной комиссіи выше іезуитскихъ коллегій въ Полоцкѣ, Петербургѣ и Москвѣ, которыя, во исполненіе желанія Императора Павла, тоже ввели у себя естественныя науки? Отвѣчаютъ на это патріоты, что іезуиты убивали всякую иниціативу публичной дѣятельности, что комиссія возбудила ее, возжигая истинный патріотизмъ". Посмотримъ же, въ чемъ состояло это возбужденіе истиннаго патріотизма. „Поставили себѣ цѣлью (дѣятели эдукаціонной комиссіи), говоритъ авторъ дѣла: Закрытіе въ Польшѣ ордена іезуитовъ", воспитать въ юношествѣ понятіе монархизма, зародить въ немъ чувства долга послушанія требованіямъ

до послѣдняго раздѣла Польши, составить полезныя для польскаго народа книги, спѣшили теперь (въ 1801 году) сложить неоконченные труды свои на могилу погибшей отчизны въ лицѣ Варшавскаго общества друзей науки; по ихъ признанію, они не находили болѣе того народа, въ пользу котораго до сихъ поръ трудились (Roczniki towarz. Warsz. II. 76). Воспоминанія и гробницы предковъ оставались въ ихъ сознаніи единственнымъ для нихъ отечествомъ.

Тѣмъ сильнѣе почувствовали поляки привязанность къ родной землѣ; такъ добрыя дѣти болѣе привязываются къ матери, преслѣдуемой несчастіями. (Roczniki towarz. Warsz. XIV. 114, 115.). Въ отчаяніи за потерянное отечество нѣкоторые думали гдѣ нибудь въ глубокомъ уединеніи провести послѣдніе дни свои; другіе ни въ чемъ не находили для себя утѣшенія и не знали конца своимъ рыданіямъ и плачу: смерть

вполнѣ устроеннаго государства, и въ то же время этой же молодежи дала въ руки школьныя руководства, которыя являлись переводомъ или передѣлкою книгъ французскихъ революціонеровъ. Стоитъ послушать объ этомъ Мицкевича, который, обучаясь въ Вильнѣ, гдѣ система эдукаціонной комиссіи сохранялась даже до 1825 года, можетъ быть въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ судьею. „Эдукаціонная комиссія, по его словамъ, издала уставы, которые утверждались на очень либеральныхъ основаніяхъ. Для всѣхъ сословій народа по всему краю открыты академіи, гимназіи—вообще школы; учащемуся юношеству дарованы большія привилегіи; всѣми мѣрами старались его заохотить (къ наукѣ). Но все это многоэтажное зданіе просвѣщенія или общественнаго образованія неимѣло въ своемъ основаніи ни одной нравственной истины, ни одного общаго догмата. Изъ-за границы повыписывали сочиненія, которыя должны были служить въ роли элементарныхъ. Эти книги, написанныя философами, энциклопедистами, находились въ удивительномъ противорѣчіи съ религіознымъ воспитаніемъ, которое продолжало оставатся въ рукахъ духовенства. Логика, точныя знанія и все, чему обучали въ школахъ, излагалось согласно положеніямъ матеріализма. Находящіеся подъ руками сборники исторіи, извлеченные изъ дѣлъ иностранныхъ республиканцевъ, внѣдряли правила, пропитанныя страшною ненавистью противъ монархіи,—а рядомъ съ этимъ ученикамъ старались выставить королевскую власть, какъ единственный якорь спасенія республики (польской). И такими способами (слова Мицкевича) двадцать лѣтъ просвѣщали молодежь, которая, имѣя въ головѣ какой то сумбуръ перемѣшанныхъ понятій, по выходѣ изъ школы, должна была взятъ въ свои руки управленіе краемъ и реорганизовать Польшу. Эта то молодежь въ большинствѣ и составила потомъ такъ называемый большой сеймъ“

„Во всей этой дѣятельности эдукаціонной комиссіи (слова Мошинскаго, гнѣздился еще во сто разъ худшій принципъ, который цѣлыя поколѣнія обре-

отечества они считали собственною смертію (Pisma rozmaitych współczesnych. Edycija Mostowskiego. Warszawa 1803 r. I. 13—14. Roczniki towarz. Warsz. II. 23. 74 Kołłątay. Listy. III. 385). Знакомый уже намъ Снядецкій, при извѣстіи о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда Краковъ долженъ былъ перейти подъ власть Австріи, въ одну ночь совершенно посѣдѣлъ (Pamiętniki o Sniadeckim — M. Balinski—Wilno. 1865 r. 260). Подобное случилось и съ другимъ профессоромъ того же университета Шейдтомъ. Понятно, какою сильною скорбію, замѣчаетъ его жизнеописатель, долженъ былъ страдать этотъ добрый сынъ, сердечно любящій свою несчастную и погибающую мать! (Roczniki towarz. Warsz. IX. 467). Коллонтай заявлялъ, что для него, послѣ паденія отечества, впереди виднѣется только могила, и въ письмахъ къ Чацкому напоминалъ, что бы онъ не воскрешалъ болѣе памяти о его трудахъ, которые вмѣстѣ съ погибшею отчизною неумолимымъ рокомъ погребены подъ общими развалинами (Kołłątay Listy—III. 385). При нашемъ настоя-

---

калъ на кровавую игру безполезныхъ и вредныхъ жертвъ вслѣдствіе обоготворенія отчизны и постановки на второмъ уже планѣ любви къ Богу и подчиненія его святымъ законамъ."

Вспомнивши о польскомъ масонствѣ, которое во главѣ съ королемъ Станиславомъ-Августомъ не терпѣло іезуитовъ, Мошинскій продолжаетъ: „Закрытіе ордена іезуитовъ вызвало побужденіе захватить ихъ имущество и создать эдукаціонную комиссію; съ ничтожными исключеніями, а быть можетъ и безъ всякихъ исключеній, можно полагать, что масонство мѣстомъ для своихъ сходбищъ назначало эдукаціонную комиссію".

Грабежъ фундушей начался тогда на широкую ногу... (слова Рогальскаго). Принято было за правило отдавать землевладѣльцамъ въ аренду поіезуитскія имѣнія не посредствомъ публичныхъ торговъ, а по постановленію большинства членовъ раздавательныхъ комиссій... Эти комиссіи, подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа князя Игнатія Массальскаго, святотатсвенными руками принялись за неимовѣрный грабежъ и воровство. Они за безцѣнокъ подѣлили имѣнія поіезуитскія или между собою, или между членами своихъ родственниковъ, а поіезуитскіе капиталы отдавали подъ залогъ или такихъ имѣній, на которыхъ были уже значительные долги, или такихъ стоимость которыхъ была гораздо ниже обезпеченныхъ на нихъ капиталовъ. И вотъ, подобнымъ способомъ князь Антоній Сулковскій, воевода гнѣзненскій членъ названныхъ комиссій, взялъ на задолжонное свое имѣніе Лешно 584658 злотыхъ поіезуитскаго капитала, который, конечно, пропалъ... Вслѣдствіе продажности епископа Игнатія Массальскаго, Адама Понинскаго, епископа Млодзѣевскаго и многихъ другихъ огромные фундуши исчезли безъ слѣда; иные были растрачены или употреблены на различное устройство

щемъ положеніи, говорилъ въ 1802 году Вороничъ въ Варшавѣ, въ засѣданіи общества любителей наукъ, для насъ всего приличнѣе воспѣвать вмѣстѣ съ разсѣянными потомками Израиля: „на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ"... Самою подходящею для насъ молитвою должны быть теперь слова Давида: „Боже, пріидоша языцы въ достояніе Твое, осквернища храмъ святый Твой"... (Псаломъ 78). Въ пѣсняхъ Давида нѣкоторые находили единственное успокоеніе для своей души, вполнѣ безутѣшной послѣ потери отечества. (Roczniki towarz. Warsz. II. 388—389).

Но вотъ среди этого общаго якобы унынія поляковъ раздается мужественный отрезвляющій голосъ Станислава Потоцкаго, приглашающій своихъ соотечественниковъ къ высшей работѣ духа, чтобы имъ выйти побѣдителями изъ трудныхъ современныхъ обстоятельствъ. „Прочь отъ васъ, ученые мужи, говорилъ въ 1802 г. Потоцкій, въ обществѣ любителей наукъ,

негодныхъ родныхъ членовъ раздавательныхъ комиссій. Видя, къ чему клонится дѣло, эдукаціонная комиссія предостерегала сеймъ (въ 1776 году) о той необезпеченности, которая угрожала эдукаціонному народному фундушу. Вслѣдствіе этого сеймъ закрылъ комиссіи и всѣ фундуши, предназначенные на народное образованіе, передалъ въ распоряженіе эдукаціонной комиссіи Комиссія выслала въ Вильну Іосифа Выбицкаго... въ качествѣ визитатора школъ, поручивши ему отыскивать потери, причиненныя фундушу. Школы литовскія имѣли годоваго дохода около 600000 злотыхъ, и при всемъ томъ управлялись самымъ плохимъ способомъ, такъ какъ епископъ Массальскій въ рукахъ котораго онѣ находились, школьныя суммы обращалъ на свои нужды, а учителямъ, особенно заслуженнымъ (эмеритамъ) экс-іезуитамъ, почтеннымъ старостію, совершенно не выплачивалъ слѣдуемаго имъ жалованья. Школы оказались въ горькомъ сиротствѣ: науки были забыты"?! (Leon Rogalski. Encyzlopedia Powszechna—XV. 220—231. Ierzy Moszynski Myśl Polityczna. I. 209—415). Со всѣмъ этимъ согласенъ и кс. Заленскій — авторъ сочиненія: Czy iezuici zgubili Polskę? Онъ отвергаетъ даже то установившееся мнѣніе: будто Польша *первая* учрежденіемъ эдукаціонной комиссіи, изъ рукъ частныхъ, передала все воспитаніе молодежи, столь важное для края, въ вѣдѣніе государства. „Уже въ 1763 г., говоритъ кс. Заленскій, послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Франціи, Парижскій парламентъ сдѣлалъ отзывъ къ другимъ парламентамъ и провинціальнымъ университетамъ, о необходимости издать *уставъ общаго для всего края воспитанія.* Оно было названо народнымъ, но въ сущности, это воспитаніе, замѣчаетъ кс. Заленскій, являлось пропагандою невѣрія и нравственной порчи, которыя распространялись Вольтеромъ и другими философами.... Czy iezuici zgubili Polskę?—89, примѣч. 1 и 2.

прочь отъ вашего общества убійственный духъ равнодушія, духъ боязливаго безсилія! Нѣтъ спору, что въ настоящее время намъ труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было охранить въ Польшѣ славу языка и наукъ; но трудность исчезнетъ, и за вами останется благородная, смѣлая, славная заслуга, если только разъединенныя передъ тѣмъ старанія ваши вы объедините теперь въ одной цѣли. Передъ громадностію предпріятія останавливается слабый и малодушный; и кто ищетъ только легкаго, тотъ никогда не совершитъ ничего великаго"... „Прежде полякъ учился своему языку на основаніи обычая и потребности; и если бы даже не существовали болѣе этотъ обычай и потребность, онъ по обязанности долженъ былъ бы изучать его, побуждаемый тѣмъ благоговѣніемъ, которое сама природа вливаетъ въ души добрыхъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, особенно если они находятся въ несчастіи. Передъ тѣмъ занимался полякъ и науками, въ которыхъ видѣлъ для себя одно изъ украшеній; тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ долженъ отдаться имъ теперь, чтобы въ нихъ себя прославить и обезсмертить ими свое имя: это единственный оставшійся для него путь славы"! (Roczniki towarz. Warsz. II. 2, 3). „Великій Боже! говорилъ тотъ же Потоцкій въ другой разъ. Ты лишилъ насъ своего покровительства, которымъ пользовались болѣе тысячи лѣтъ, и мы сейчасъ были вычеркнуты изъ среды народовъ. Но Ты, о Боже, отецъ какъ всего человѣчества, такъ въ частности каждаго отдѣльнаго народа, и если допускаешь чтобы господство надъ ними переходило изъ рукъ въ руки, добродѣтель, однако, всегда оставляешь народу въ собственность. И теперь, когда все насъ покидаетъ, все кругомъ исчезаетъ, будемъ помнить, что въ жизни единственно постоянное счастье то, которое въ основаніи имѣетъ добродѣтель, а потому для насъ особенно необходимы въ настоящее время моральныя науки, научающія насъ быть добродѣтельными. Съ прошедшимъ связываетъ нашу жизнь воспоминаніе, съ будущимъ – надежда; изъ этого почти и слагается все наше настоящее счастье; но только одна доблесть представляетъ возможность безъ стыда осматриваться на прошедшее и безъ смущенія ожидать будущаго. (Roczn. towarz. Warsz. II. 44—45.). Со слезами на глазахъ и умиленіемъ въ сердцѣ, по словамъ Коллонтая, внимали поляки подобнымъ призывамъ (Listy Kołłątaja—I. 53). Они благого-

вѣйно слагали ихъ въ своей душѣ, какъ самую дорогую святыню. У многихъ невольно зарождалась мысль—совершенно отказаться отъ какихъ бы то ни было постороннихъ дѣлъ и всѣ силы, всѣ способности души исключительно посвятить на прославленіе своей отчизны, на пользу своихъ соотечественниковъ (rodakow). (Pamiętniki o Sniadeckim—Balinskiego—I 302, 369. Kołłątaj - Listy—I. 102, II. 239). Носители такихъ идей являлись въ глазахъ поляковъ ангелами-хранителями, и на нихъ они чуть не молились. (Pamiętniki o Sniadeckim—I. 231.).

Мысленно сокрушаясь надъ могилою отечества, отказавшись отъ приглашенія нѣкоторыхъ заграничныхъ университетовъ занять мѣсто директора обсерваторіи, Снядецкій рѣшилъ заняться собираніемъ *различныхъ географическихъ свѣдѣній* относительно Польши до раздѣловъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ по математикѣ, физикѣ, астрономіи; плодомъ такихъ занятій явилась его „математическая географія“, какъ завѣтный даръ похороненной отчизны молодому поколѣнію (Balinski-Pamiętn. o Sniadeckim I. 261). „Изъ исторіи нашихъ дѣяній мы не можемъ болѣе пользоваться результатами великихъ примѣровъ (польской) доблести и мужества, писалъ Снядецкій въ 1802 г.; зато плоды ума и фантазіи, возращенные на польской землѣ, должны побуждать насъ охранять наслѣдіе народной славы посредствомъ нашихъ личныхъ невинныхъ трудовъ въ области развитія наукъ и искусствъ. Обреченные на страданія за грѣхи и преступленія нашихъ отцовъ, будемъ искать теперь утѣшенія въ занятіи мирномъ, но болѣе всего достойномъ человѣка: въ открытіи истины, въ изслѣдованіяхъ природы, въ созерцаніи роскошныхъ и пріятныхъ образовъ фантазіи“. (Roczniki towarz. Warsz. II. 142—143. Приведенныя слова служатъ заключительными въ рѣчи Снядецкаго о Коперникѣ, польское происхожденіе котораго такъ усильно доказывалъ теперь Снядецкій во славу и честь павшей Польши). Чацкій, принимаясь за изслѣдованіе о польскихъ и литовскихъ правахъ, видѣлъ въ этомъ дѣло патріотическое, думалъ посредствомъ его поддержать единеніе между раздѣленными политическою границею соотчетственниками, хотѣлъ сохранить въ своемъ изслѣдованіи важные памятники народной славы и, какъ святыню, передать все это потомству. (Haec omnia, заключительныя слова Чацкаго,

quae credidi esse patriae necessaria, quae scribere mihi fas erat, vobis exponere arbitror... Dziela Tadeusza Czackiego. Poznań—1844 r. I. Do czytelnikow IV. V.). Когда Линде занялся составленіемъ „Słownika języka polskiego“ (словаря польскаго языка), всѣ интеллигентные поляки привѣтствовали его пред пріятіе, какъ громадной важности патріотическое дѣло, указывали на него, какъ на достойный мавзолей для павшей отчизны и его появленія ждали съ нетерпѣніемъ. (Pamiętniki o Sniadeckim. Balinskiego I. 342. 427, 584. Pochwały i mowy-Potockiego II. 157, 327—328). Для охраненія и популяризаціи польскаго языка стали издавать въ польскомъ переводѣ греческихъ писателей; была напечатана замѣчательная, по мнѣнію поляковъ, грамматика польскаго языка Копчинскаго; вновь издавались забытые было вѣками давніе ученые труды поляковъ; проектировалось составить сборникъ національныхъ пѣсенъ. (Roczn. towarz. Warsz. II. 369—370); требовалось обратить вниманіе на составленіе въ народномъ духѣ отечественной (польской) исторіи литературы (Kołłątaj-Listy, I. 18); проектируемая географія Польши, замолчавши о послѣднихъ политическихъ ея раздѣлахъ, должна была сохранить всѣ названія мѣстъ и околицъ, какія были у народа, при существованіи польскаго государства (ibid. 21.); думали объ изданіи такой географической карты Польши, которая заключала бы въ себѣ данныя для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ военныхъ, экономическихъ, торговыхъ, политическихъ... (Pamiętniki o Sniadeckim-Balinskiego, I. 205); въ Варшавѣ образовалось въ 1800 году цѣлое общество любителей наукъ, которое своею задачею поставило—сохранить въ чистотѣ польскій языкъ, содѣйствовать его развитію, какъ и вообще развитію наукъ, расцвѣтшихъ на польской землѣ, и сдѣлать свои труды достояніемъ наступающихъ поколѣній. (Kołłątaj-Listy—III. 260—261). Предметомъ нашихъ стараній и заботъ, заявляло это общество, служите всѣ вы, почтенные наши соотечественники, ваши дѣти и потомки, всѣ насельники той земли, которую вмѣстѣ съ нашими отцами вы нѣкогда грудью отстаивали, удобрили ее потомъ, назвали вполнѣ заслуженною собственностію. Возбудить состраданіе и сочувственное вниманіе къ этимъ муравейникамъ людей по краямъ славянскимъ, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, закрѣпить въ ихъ сердцѣ унаслѣдованныя отъ предковъ

нашихъ правила чистой религіи и нравственности; увѣковѣчить въ ихъ устахъ важнѣйшія народныя дѣянія, а черезъ это зародить уваженіе и любовь къ нашему общему гнѣзду (Польшѣ); обезопасить все это на будущее время оплотомъ, который былъ бы тверже мѣди и камня; достигнуть всего сказаннаго путемъ легкимъ, ближайшимъ, говорящимъ сердцу и уму каждаго: таковы первыя намѣренія нашего общества, думающаго распространить благодѣтельные дары поэзіи на всѣ вѣка, во всѣ края и для всѣхъ славянскихъ поколѣній". (Roczniki towarz. Warsz. II. 376).

Оживленіе среди упомянутыхъ дѣтелей еще болѣе усиливалось при мысли о воспитаніи юношества въ польскомъ національномъ духѣ. Помня задачи эдукаціонной комиссіи, поляки и послѣ паденія своего отечества совершенно справедливо продолжали видѣть въ воспитаніи свое безсмертіе. „Смѣло заявляю, говорилъ въ 1815 году въ Варшавскомъ лицеѣ министръ гр. Станиславъ Потоцкій, *) мы погибли отъ недостатка просвѣщенія, которое затмѣвалось у насъ по мѣрѣ возрастанія его у сосѣдей. Потому одно просвѣщеніе въ состояніи поставить насъ на ту высокую степень славы, съ которой низвергло насъ наше невѣжество. Польша всегда имѣла людей съ свѣтлою головою, но такія просвѣщенныя личности можно считать единицами". Дѣло въ томъ по мнѣнію Потоцкаго, чтобы обобщить благодѣтельный свѣтъ просвѣщенія, который во всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ человѣка составляетъ его величайшее благо. (Pochwały i mowy hr. Stan. Potockiego. Warszawa 1816 г. II. 184—186).

„Распространеніе истиннаго просвѣщенія, говорилъ епископъ Альбертранди въ первомъ засѣданіи „Общества любителей наукъ" (8 мая 1801 г.) въ Варшавѣ, есть величайшее средство изъ всѣхъ благотвореній, какія только можно оказать человѣческому роду. Кто побѣждаетъ ложныя мнѣнія, разгоняетъ

---

*) Гр. Станиславъ Потоцкій родной братъ Игнатія Потоцкаго, воспитанникъ того же Пирамовича. Онъ былъ женатъ на дочери кн. Адама Чарторыйскаго, отца виленскаго попечителя. Станиславъ Потоцкій былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта въ Варшавскомъ герцогствѣ, Министромъ Народнаго Просвѣщенія, въ 1812 году былъ избранъ великимъ магистромъ великой Польской Ложи—Востока. O Masonij w Polsce—168.

предразсудки, посрамляетъ заблужденія, тотъ очищаетъ путь къ истинѣ, которая, озаряя умы спасительнымъ свѣтомъ, направляетъ сердца къ добродѣтели, ибо порокъ, хотя иногда раждаютъ его страсти, по большей части бываетъ послѣдствіемъ ложнаго разсужденія о вещахъ. При томъ первая честь всякаго народа основывается на томъ, когда онъ славится науками и знаніями. Усовершенствованіе въ нихъ есть плодъ благороднѣйшей части разума". (Ср. Русск. Стар. 1902 г. I. 6—8).

Въ ушахъ поляковъ слышался еще предсмертный завѣтъ погибшей отчизны—„доблестью обывателей вознаградить уменьшеніе количества согражданъ. Установите и приводите въ исполненіе такой способъ воспитанія, который давалъ бы обществу полезныхъ членовъ, а отечеству—добрыхъ сыновъ, а это содѣйствовало бы общему и частному благоденствію. Въ этомъ предпріятіи идите смѣло; никакія опасенія, никакія трудности не должны удерживать васъ отъ дѣла, подрывать къ нему довѣріе: правое намѣреніе, при просвѣщенномъ содѣйствіи, все сможетъ, все одолѣетъ". (Roczn towarz. Warsz. II. 30—31.).

„Поднимается духъ общественный (польскій , извѣщалъ 20 мая 1803 года Чацкій Коллонтая; могила отечества служитъ алтаремъ, который благодарная рука поляка усыпаетъ цвѣтами. Засѣданіе Варшавскаго общества любителей наукъ (5 мая 1803 г.) было очень многочисленно и торжественно, а рѣчь ксендза Воронича (замѣчательная по своему направленію, помѣщена во 2 т. Roczn. towarz. Warsz. 369—402) была прерываема рыданіями присутствующихъ. Газеты сообщаютъ только краткій очеркъ того, что было читано". (Kołłątaj Listy—I. 53—54).

А читанное дѣйствительно было замѣчательно. Сказавши между прочимъ о необходимости составленія такого сборника пѣсенъ польскаго народа, въ которомъ требовалось сосредоточить все то, что только могло интересовать христіанина, человѣка и поляка и такое сокровище польскаго языка сдѣлать достояніемъ всѣхъ людей и поколѣній, ораторъ-ксендзъ Вороничъ продолжаетъ: „Но это дѣло, которое составитъ славу нашу и утѣшеніе для наступающихъ поколѣній, врядъ ли можетъ быть исполнено однимъ или нѣсколькими тружениками. Потому да

позволено будетъ намъ взывать о помощи ко всѣмъ вамъ, потомки исчезнувшихъ поляковъ, просить васъ и заклинать святостію праха отцовъ вашихъ, чтобы вы при нашихъ стремленіяхъ и усиліяхъ удержать, расширить и увѣковѣчить ихъ память и славу, оставленныя вамъ, какъ самое дорогое наслѣдство, пособляли намъ тѣмъ по крайности способомъ, который остался въ нашихъ рукахъ. Съ такою цѣлію соединяйте воедино всѣ таланты, все, что свидѣтельствуетъ о завѣтныхъ памятникахъ и предпріятіяхъ вашихъ отцовъ. Даже вы (обращеніе къ артистамъ), которые при другихъ условіяхъ своимъ вкусомъ и знаніями доставляете музыкальному искусству такой почетъ, обратите его прелести и упоительную сладость въ средство для умиленія надъ почивающимъ прахомъ нашихъ отцовъ. Пусть эта славянская Эвтерпія, вмѣстѣ съ другими музами, разноситъ духъ и дѣянія поляковъ на всѣхъ лютняхъ, цитрахъ, струнахъ и органахъ". *).

„Вы, юноши, цвѣтущіе лѣторосли тѣхъ домовъ, которые умиляютъ насъ, при одномъ воспоминаніи объ ихъ славѣ! Ваше время, таланты, издержки вашихъ родителей не могутъ быть употреблены съ большею пользою, какъ на изученіе, усвоеніе доблести духа и обычаевъ вашихъ отцовъ. Но, увы! вы еще плакали въ колыбели, когда наша общая мать въ наслѣдство оставляла вамъ горькое сиротство. И какъ вы о ней узнаете? Гдѣ насладитесь ея лицезрѣніемъ? Прочитывайте ежедневно первое открытіе нашего общества, когда нашъ почтенный предсѣдатель и товарищъ, научно и основательно, дѣяніями всего міра, доказалъ вамъ, что перемѣна правленія и политическаго строя еще не уничтожаетъ народовъ"...

„Но что пользы во всѣхъ нашихъ стремленіяхъ и усиліяхъ, если ты, другая половина человѣческаго рода, вы почтенныя матери и подростающія дѣвицы, если вы хотя на минуту забудете о томъ, что вы польки? Въ вашихъ рукахъ

---

*) Въ 1814 году великій магистръ Станиславъ Потоцкій разослалъ по всѣмъ подвластнымъ ему масонскимъ ложамъ, пригласительный циркуляръ производить ежегодный денежный сборъ на пріобрѣтеніе органа для одного изъ костеловъ въ Варшавѣ. При этомъ костелѣ предполагалось учредить „музыкальное общество", которое пропагандировало бы въ краѣ такую прекрасную, эстетическую забаву, какъ игра на органѣ. O **Masonij w Polsce** –57.

судьба этихъ поколѣній, въ которыя мы силимся перелить духъ народный. Какимъ предварительно заговорите съ ними языкомъ, какимъ вдохновите ихъ чувствомъ, какую назначите для нихъ границу славы, такими и явятся они обывателями... (Roczn. towarz. Warsz. II. 400—402.)

„Какое утѣшеніе для сердца, удрученнаго скорбію о потерѣ отечества, говорить отечественнымъ языкомъ и слышать его звуки, говорилъ въ другомъ засѣданіи того же общества ксендзъ Копчинскій (составитель славной у поляковъ грамматики польскаго языка)! Когда чувство, убитое горемъ, не находя болѣе ни границъ, ни управленія, ни имени даже давней Польши, заставляетъ насъ плакать подобно дѣтямъ надъ гробомъ умершей матери, мужественный въ несчастіяхъ разсудокъ въ отечественномъ говорѣ указываетъ еще намъ признакъ жизни отчизны. Если бы этотъ утѣшитель и ошибался въ своихъ указаніяхъ, во всякомъ случаѣ онъ заслуживаетъ вниманія и особенно въ такихъ обстоятельствахъ, когда, никому не вредя, онъ доставляетъ облегченіе страждущему человѣчеству. Но кто самый глубокій мудрецъ, знакомый съ дѣяніями міра, опровергнетъ то положеніе нашего общества (любителей наукъ), что, пока существуетъ польскій языкъ, до тѣхъ поръ будетъ жить и польское имя? Отъ огромныхъ политическихъ тѣлъ грековъ и римлянъ не осталось даже праха (говорилось въ 1804 году); но духъ языковъ ихъ не только самъ живетъ, но еще оживляетъ собою изученіе другихъ языковъ и охраняетъ ихъ цѣлостность. А ты, польскій языкъ, единственный остатокъ нашей бытности, ужели-жъ не имѣешь безспорнаго права на безсмертіе? Ты ли будешь не въ силахъ передать наступающимъ вѣкамъ ту славу поляковъ, для которой они трудились около тысячи лѣтъ? Если бы завистливый рокъ и изгналъ тебя впослѣдствіи изъ устнаго употребленія, какъ сдѣлалъ это съ языкомъ греческимъ и римскимъ, то ужели-жъ не выищется какой нибудь секретъ для сохраненія тебя при жизни, чтобы въ противномъ случаѣ во второй разъ не пришлось умирать съ тобою цѣлому народу!... О, несчастные мои соотечественники, достойные лучшей участи, какъ вы, которые своимъ присутствіемъ украшаете настоящее засѣданіе, такъ и вы, которые, будучи связаны съ нами братствомъ языка и сердца, остаетесь однако отрѣзанными отъ сожитія съ нами: всѣми вами

одинаково овладѣваетъ нетерпѣливое ожиданіе: что предприметъ посмертное общество наше для увѣковѣченія польскаго имени въ оставшемся языкѣ? Послушайте-жъ меня и какъ братья, и какъ судьи, и какъ сотрудники: народное дѣло требуетъ мнѣнія и опоры отъ цѣлаго народа.

„Задумываясь надъ различными средствами, при помощи которыхъ тотъ или другой народъ передалъ потомству о своемъ имени, мы признали самымъ дѣйствительнымъ способомъ тотъ, который предлагаетъ Иванъ Кохановскій (польскій писатель): „ и мавзолеи, и египетскіе города (слова Кохановскаго) не могутъ противостоять разрушительному времени: ихъ истребятъ или стремительныя воды, или огонь, или завистливое время; одна слава науки стоитъ вѣчно; она не знаетъ насилій, не боится времени“. Если польскій языкъ имѣетъ значеніе для науки, его право на безсмертіе безспорно “

„Самымъ громкимъ провозвѣстникомъ такого значенія языка служитъ народная литература. Польскія перья, столько вѣковъ и особенно въ послѣднія три столѣтія счастливо трудившіяся во всѣхъ родахъ наукъ, возростили слишкомъ значительные плоды народнаго ума. Настоящія минуты, когда мы свободны отъ военныхъ и административныхъ занятій, совершенно должны быть посвящены наукамъ. Пользуясь такими благопріятными обстоятельствами, наше общество собираетъ, пишетъ, печатаетъ польскія книги, чтобы изъ нихъ составить польскую памятную святыню. Такъ живутъ греки и римляне послѣ своей смерти; такъ должны жить и поляки. Рокъ вычеркнулъ ихъ изъ книги народовъ; наука впишетъ польское имя въ книгу ученыхъ“. (Roczn. towarz. Warsz. IV. 190—192.).

Довольно! кажется, совершенно очевидно, какія задачи и цѣли ставили для своей дѣятельности лучшіе и умнѣйшіе польскіе патріоты, послѣ окончательнаго паденія Польши. Воздухъ былъ переполненъ экзальтированными воплями о потерянной отчизнѣ, о необходимости украсить на вѣки ея могилу неувядаемыми лаврами, возростивши на ней польскій языкъ, польскую науку, литературу, насадивши національное воспитаніе юношества! Но пока для подобной дѣятельности приходилось выжидать подходящаго момента; современная школа далеко не отвѣчала такимъ вождѣленіямъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 5

Учрежденіе Виленскаго Учебнаго Округа 13

Глава I. Раздѣлы Польши вызываютъ среди поляковъ сожалѣніе объ утраченномъ отечествѣ. Они задумываются надъ возстановленіемъ отчизны и единственное средство къ этому видятъ въ сохраненіи языка и развитіи національнаго просвѣщенія. Польское масонство. Эдукаціонная комиссія 15

Глава II. Количество и качество школъ въ сѣверо и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Несправедливыя обвиненія Россіи въ упадкѣ школъ, перешедшихъ отъ Польши подъ власть русскаго правительства. Причины плохого состоянія школъ, бывшихъ въ вѣдѣніи эдукаціонной комиссіи. Заботы русской администраціи объ ихъ улучшеніи. Торжество мѣстнаго населенія по поводу открытія школъ 32

Глава III. Устройство учебнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ. Актъ утвержденія для Императорскаго университета въ Вильнѣ (4 апрѣля 1803 года). Уставъ или общія постановленія Императорскаго Виленскаго университета и училищъ его округа (18 мая 1803 года). Эти распоряженія вызываютъ сильное возбужденіе между поляками къ прославленію имени Императора Александра I 71

II.

стр.

Глава IV. Попечитель Виленскаго учебнаго округа кн. А. Чарторыйскій и его первые ближайшіе сотрудники: Ѳ. Чацкій, Г. Коллонтай и И. Снядецкій; ихъ переписка между собою и съ другими лицами; ихъ планы и проекты относительно устройства народнаго просвѣщенія въ Виленскомъ округѣ 84

Глава V. Первый осмотръ Чацкимъ нѣкоторыхъ школъ юго-западнаго края; его визитаторскій отчетъ; переписка съ Коллонтаемъ по поводу отчета; предварительная работа по составленію проекта объ устройствѣ учебной части въ Волынской губерніи 137

Глава VI. Собираніе фундуша на устройство въ Волынской губерніи проектируемыхъ учебныхъ учрежденій. Вербовка педагогическаго персонала. Переписка по поводу „Отчета" и „Проекта" Чацкаго. Недоразумѣнія съ Виленскимъ университетомъ 190

Глава VII. Виленскій университетъ по законоположеніямъ 1803 г., его торжественное открытіе. Ректоръ Іеронимъ Стройновскій. Первыя мѣропріятія университета по учебному округу: избраніе визитаторовъ; конкурсы. Нѣкоторыя пожертвованія по Виленскому округу. Избраніе Стройновскаго ректоромъ на новое трехлѣтіе 234

Глава VIII. Устройство учебной части университета по новымъ законоположеніямъ. Новыя каѳедры; новые профессора; обзаведеніе университета новыми учебными пособіями; типографія и цензура при университетѣ. Мѣропріятія и проекты для подъема учебнаго дѣла по округу. Предначертаніе устроенія училищъ въ округѣ Импер. Виленск. университета. Отзывъ Снядецкаго и Коллонтая о дѣятельности университета . . . 249

III.

СТР

Глава IX. Торжественное открытіе Волынской гимназіи; ея Высочайше утвержденный уставъ. Вмѣшательство Коллонтая во внутреннія дѣла гимназіи вызываетъ неудовольствіе Чацкаго противъ Коллонтая. Неуспѣшность экзаменовъ въ гимназіи и новые проекты Чацкаго. Разрывъ между Чацкимъ и Коллонтаемъ 301

Глава X. Приглашеніе Снядецкаго въ Вильну—сначала на должность астронома-наблюдателя, а потомъ и ректора университета. Продолжительная по этому поводу переписка различныхъ лицъ со Снядецкимъ. Причины, заставлявшія Снядецкаго отказываться отъ перехода на службу въ Вильну. Поѣздка Снядецкаго въ Вильну, въ Порицкъ. Снядецкій соглашается перейти на службу въ Вильну, о чемъ увѣдомляетъ кн. Чарторыйскаго и нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей 340

Глава XI. Избраніе Снядецкаго въ ректоры университета застаетъ его въ Порицкѣ—у Чацкаго. Распоряженія Снядецкаго изъ Порицка. Арестъ Чацкаго и его оправданіе. Дѣятельность Чацкаго въ должности замѣстителя попечителя округа. Снядецкій въ Вильнѣ. Вопросъ объ эдукаціонномъ фундушѣ. Проектъ о базиліанахъ, какъ учащемъ сословіи. Протестъ митрополита Лисовскаго противъ этого проекта. 368

Глава XII. Неисполнительность Чацкаго вызываетъ неудовольствіе Снядецкаго, какъ его ближайшаго начальника. Снядецкій приглашаетъ Чацкаго къ порядку и настоятельно требуетъ отъ него открытія училищъ и законнаго расходованія суммъ. Споры по этимъ вопросамъ вызываютъ продолжительную переписку между Чацкимъ и Снядецкимъ съ разными взаимными упреками и указаніемъ недостатковъ по веденію учеб-

стр.

наго дѣла. Слѣдственная коммиссія надъ дѣяніями Чацкаго и новое его оправданіе. Разныя непріятныя обстоятельства и особенно нежеланное открытіе Кіевской гимназіи надрываютъ силы Чацкаго; его неожиданная кончина. 407

Глава XIII. Что сдѣлалъ Чацкій для учебно-воспитательнаго дѣла въ раіонѣ своего визитаторства? Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій 462

Глава XIV. Состояніе Виленскаго учебнаго округа при вступленіи Снядецкаго въ должность ректора . 491

Глава XV. Присоединеніе къ округу Виленскаго университета училищъ Бѣлостокской области и ихъ устройство. Уставъ для приходскихъ училищъ. Главная духовная семинарія. Училищный комитетъ при университетѣ. Назначеніе почетныхъ смотрителей при уѣздныхъ училищахъ; данная имъ инструкція 498

Глава XVI. Вопросъ о польскомъ языкѣ; его вакантная каѳедра при университетѣ; по конкурсу ее занимаетъ Евсевій Словацкій. Заботы Снядецкаго о чистотѣ польскаго языка въ офиціальныхъ бумагахъ, въ ученыхъ трудахъ и въ элементарныхъ книгахъ. Линде и его словарь. Мысль о замѣщеніи въ университетѣ каѳедры польской исторіи. Стараніе Снядецкаго собрать въ библіотекѣ университета возможно большее количество рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ для составленія польской исторіи. Проектъ исторіографіи университета и его округа. 532

Отъ редакціи 565

Приложеніе къ главѣ I . . . . I—XIII

